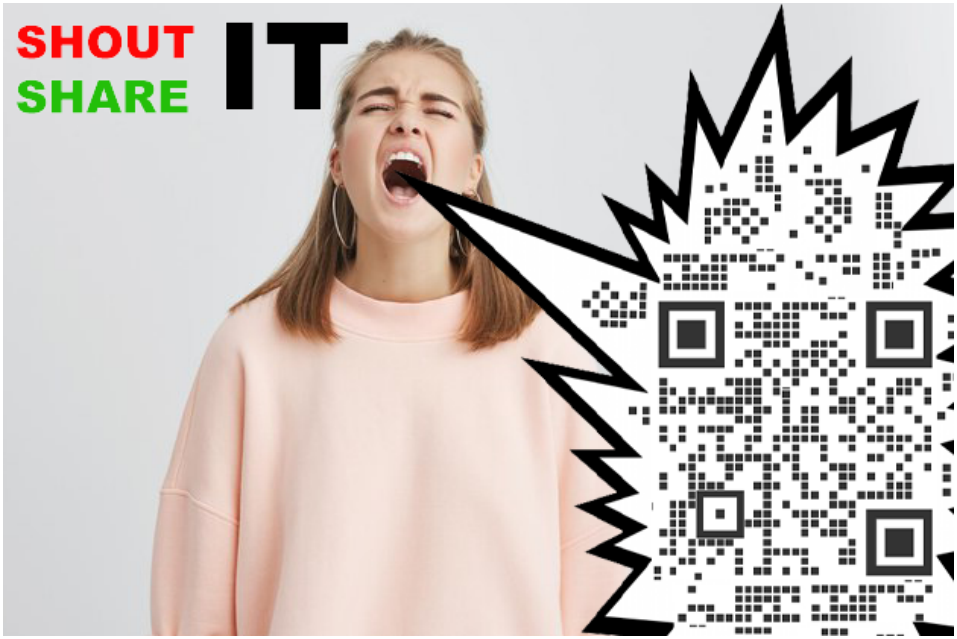
ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТА

Джордж Р. Р.

МАРТИН

Башня из пепла

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТА


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор «Диких карт» и «Песни Льда и Огня», культовых произведений современной фантастики, Джордж Р. Р. Мартин в книге «Башня из пепла» представляет свое творчество в хронологической пестроте и разнообразии — от ранних рассказов, публиковавшихся в 60-е годы в фэнзинах-однодневках, до подлинных вершин творчества, таких, как «Короли-пустынники» и «Путь креста и дракона».

Большинство произведений, представленных в сборнике, переведены на русский язык и впервые.

- Джордж Р. Р. Мартин
  - Гарднер Дозуа
  - Часть первая
    - Четырехцветный мальчик-фанат
    - Только дети боятся темноты
    - Крепость
    - И смерть его наследие
  - Часть вторая
    - Грязный профессионал
    - Герой
    - Дорога в Сан-Брета
    - Второй вид одиночества
    - Мистфаль приходит утром
  - Часть третья
    - Свет далеких звезд
    - Песнь о Лии
    - Башня из пепла
    - «…И берегись двуногого кровь пролить»
    - Каменный город
    - Злоцветы
    - Путь креста и дракона
  - Часть четвертая
    - Наследники Черепашьего замка
    - Одинокие песни Ларена Дорра
    - Ледяной дракон
    - В Потерянных землях
  - Часть пятая
    - Гибриды и ужасы
    - Человек с мясной фабрики
      - I
      - 1. КОГДА МНЕ БЫЛО ОДИН И ДВАДЦАТЬ

        - II
        - 2. ПИЛИГРИМ. ВВЕРХ И ВНИЗ
        - III
        - 3. СОН ДУВАЛЛЕРА
        - IV
    - Вспоминая Мелоди
    - Короли-пустынники
    - Летящие сквозь ночь
    - Лечение мартышками
    - Человек-в-форме-груши
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27

Джордж Р. Р. Мартин
Башня из пепла

Гарднер Дозуа
Вступление
© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

Джордж Мартин, вне всякого сомнения, наконец добился самого главного успеха в своей жизни. Речь не о том, что на протяжении более тридцати лет им написано много произведений самых разных жанров, и даже не о наградах «Хьюго», «Небьюла» и «Уорлд фэнтези». Самым верным и несомненным признаком является тот факт, что недавно книга другого писателя рекламировалась как написанная «в традиции Джорджа Мартина». Когда вы достаточно успешны, когда ваши книги продаются настолько хорошо, что издатели пытаются убедить покупателя приобрести произведение другого автора, утверждая, что оно похоже на ваше, — вот это действительно победа! Вы можете с полным правом считать себя Великим Писателем, и никто не посмеет вам возразить.

Если вы сомневаетесь в истинности моих слов, вспомните других писателей, чьи книги пользуются огромной популярностью, а имена часто предваряются фразой «в традиции»: Дж. Р. Р. Толкин, Р. Говард, Г. Ф. Лавкрафт, С. Кинг, Дж. К. Роулинг. Это славная, очень знаменитая компания, однако нет никаких сомнений в том, что Джордж, который благодаря своему эпосу «Песнь льда и огня» стал одним из самых продаваемых авторов, а также получил высокие оценки критиков, полноправно принадлежит к ней. Хотя, если бы вы сказали молодому Джорджу, с энтузиазмом рвавшемуся в бой, что его имя будет упоминаться рядом с такими августейшими особами, я уверен, он ни за что вам бы не поверил… не позволил бы себе верить, поскольку о таком можно только мечтать.

Еще одному обстоятельству юный Джордж никогда не поверил бы — этого, вероятно, не знают легионы поклонников нынешнего Мартина, а данный сборник призван продемонстрировать, — что он сумеет прославиться сразу в нескольких литературных жанрах. Джордж Мартин сделал себе имя как фантаст, автор романов ужасов и фэнтези, телевизионный продюсер и сценарист, а также как издатель-составитель-автор идеи долгосрочного проекта «Дикие карты», в рамках которого выходили рассказы и романы, созданные разными писателями. В настоящий момент свет увидел

шестнадцатый том, готовится выпуск семнадцатого. То, чего Джорджу удалось достичь в каждой из этих областей, вполне удовлетворило бы многих других профессионалов, которые сочли бы, что добились жизненного успеха и заслужили право собой гордиться.

Тем не менее жадина Джордж решил, что должен прославиться в каждой из вышеуказанных областей!

Джордж Р. Р. Мартин родился в Байонне, штат Нью-Джерси, и как писатель стал известен с 1971 года. Он основательно утвердился в журнале «Аналог» Бена Бовы своими яркими, чувственными и эмоциональными рассказами, такими как «Мистфаль приходит утром», «…И берегись двуногого кровь пролить», «Второй вид одиночества», «Шторм в гавани ветров» (вместе с Лизой Таттл; позже они написали на основе этого рассказа роман под названием «Гавань ветров») и другими. Один из рассказов — поразительная история под названием «Песнь о Лии» — принес ему в 1974 году первую премию «Хьюго». Кроме того, он публиковался в «Эмейзинг», «Фэнтестик», «Гэлэкси», «Орбите» и в других издательствах.

К концу 70-х годов Мартин добился громкой известности как писатель-фантаст и опубликовал свои лучшие произведения в этом литературном жанре: «Короли-пустынники», возможно, самый известный рассказ, получивший одновременно премию «Хьюго» и «Небьюла» в 1980 году; «Путь креста и дракона», завоевавший премию «Хьюго» в том же году (кстати, Джордж Мартин стал первым писателем, чьи произведения были отмечены двумя премиями «Хьюго» за один год); «Злоцветы», «Каменный город», «Звездная леди» и другие.

Перечисленные рассказы вошли в один из лучших сборников того времени — «Короли-пустынники».

Отметим следующее обстоятельство: писатель практически перестал сотрудничать с «Аналогом», несмотря на то что рассказы о межзвездных приключениях фигляра по имени Хэвиланд Таф (позже собранных в «Путешествия Тафа») на протяжении 80-х появлялись в журнале наряду с несколькими очень сильными произведениями, такими как новелла «Летящие сквозь ночь». Однако большая часть его произведений конца 70-х и начала 80-х увидела свет в «Омни» — издательстве, которое в то время больше остальных платило за научную фантастику и занимало главную позицию среди заведений, кормивших потребителя короткими литературными произведениями. Конец 70-х также отмечен публикацией яркого научно-фантастического романа «Умирающий свет».

Однако в середине 80-х годов Мартин вышел на новую

дорогу, и она увела его далеко от того пути, который, казалось, был столь успешен в 70-х. Литература ужасов стала превращаться в отдельную издательскую категорию, и в ней писатель прославился двумя самыми оригинальными и заметными произведениями периода Великого Бума Ужасов. Речь идет о «Грезах Февра» (1982) — очень умном, держащем читателя в постоянном напряжении романе, действие которого происходит на историческом фоне; до сих пор это произведение является лучшим из тех, что написаны о вампирах. И амбициозном апокалипсисе в стиле «рок-н-ролл» «Шум Армагеддона» (1983). Хотя многие до сих пор считают это произведение культовым, оно стало коммерческим провалом и положило конец карьере Джорджа как автора литературы ужасов, несмотря на то что он еще некоторое время оставался верен этой теме и даже позже получил «Премию Брэма Стокера» за свой рассказ «Человек-в-форме-груши», а также премию «Уорлд фэнтези» за новеллу про оборотней «Шесть серебряных пуль». В этот период он также написал несколько интересных вещей, которые являлись гибридом научной фантастики и литературы ужасов, например упомянутые выше «Короли-пустынники» и «Летящие сквозь ночь» — лучшие рассказы в этом жанре, которые можно одновременно отнести к научной фантастике и к ужасам.

Тот факт, что спрос на подобные произведения стал постепенно снижаться и издатели свернули их выпуск, возможно, помог Джорджу принять решение покончить с «ужасной» темой. Впрочем, он вообще потерял интерес к печатной продукции и отдал практически все свое внимание телевидению, став редактором нового сериала «Сумеречная зона», увидевшего свет в середине 80-х, а позже продюсировал невероятно популярный сериал в жанре фэнтези «Красавица и чудовище».

Добившись исключительного успеха как писатель-редактор-продюсер в мире телевидения, Мартин в середине 80-х и первой половине 90-х практически исчез из мира книг (хотя и получил в 1985 году премию «Нсбьюла» за рассказ «Портреты его детей»), если не считать того, что являлся редактором в долгосрочном проекте «Дикие карты». С выходом в свет в конце 90-х годов пятнадцатого тома серия практически прекратила свое существование, ожив в новом веке после семилетнего перерыва, так что сейчас, когда я пишу эти строки, «Дикие карты» снова с нами. К тому времени, разочаровавшись в телевидении, где отказались ставить его мертворожденный сериал «Двери», Мартин вернулся в мир литературы, опубликовав в 1996 году ставший бестселлером роман «Игра престолов».

Романы и рассказы из серии «Песнь льда и огня» оставались

популярными в течение всех 90-х и в первые годы нового века — более того, их популярность постоянно растет. Все три тома получили премию журнала «Локус» в номинации «Лучший роман в жанре научной фантастики» и номинировались на премию «Небьюла». «Игра престолов» также вышла в финал премии «Уорлд фэнтези», а «Буря мечей» — премии «Хьюго». Стоящая особняком новелла из «Игры престолов» под названием «Кровь дракона», опубликованная в «Научной фантастике Азимова» (1997), принесла Мартину еще одну премию «Хьюго».

Что же помогает Джорджу Мартину так уверенно и легко захватывать внимание читателя вне зависимости от литературного жанра? Какими качествами обладают его истории?

Прежде всего, Джордж всегда был исключительно романтическим писателем, обладающим врожденным талантом рассказчика. Ни в одной из его книг вы не найдете ни сухого минимализма, ни холодных ироничных игр постмодернизма, столь любимых многими современными писателями и критиками. Вместо этого — история с великолепным сюжетом, где действием управляет могучий эмоциональный конфликт, захватывающая вас с первой страницы и не отпускающая до самого конца. Вам предстоит столкнуться с приключениями, интригой, разнообразными конфликтами, яркими, настоящими, живыми чувствами и эмоциями: глубокой, безнадежной любовью, холодной, не знающей предела ненавистью, неистребимым желанием, служением долгу даже перед лицом смерти, неожиданными вспышками юмора. А еще вас ждет то, что теперь так редко встречается в фантастике и фэнтези и прочих произведениях современных писателей, — любовь к приключениям ради самих приключений, восторг перед диковинными, яркими, причудливыми растениями и животными, экзотическими местами, необычными землями и обычаями, странными людьми.

Мартин, вне всякого сомнения, является прямым последователем старой традиции «Планетарных историй», возможно, на него оказали влияние произведения Джека Вэнса и Ли Брэкетт, хотя в его книгах можно найти заметный след Пола Андерсона и Роджера Желязны. Несмотря на то что он мною печатается в «Аналоге», наука и технологический прогресс в его произведениях играют незначительную роль, главное внимание уделяется цвету, приключениям, экзотике и романтическим чувствам — и это все во вселенной, густо заселенной чужаками и людьми, которые постепенно и неуклонно оказываются в изоляции, а причиной драмы, как правило, является неспособность одного народа понять психологию, ценности и

мотивацию другого.

«Цвета» — вот то слово, которое лучше всего описывает миры Джорджа, и если вы позволите ему увести вас за собой, он покажет вам самые великолепные места, созданные его фантазией: бесконечные, овеваемые ветрами травяные долины, известные под именем Дотракийское море, холодный древний лабиринт Каменного города, смертоносные океаны Намора, сумерки, царящие над озерами в Кабарайджиане…

Однако главная причина, по которой у Джорджа Мартина так много поклонников, — его герои. Писатель создал целую галерею ярких персонажей: иногда трогательных, порой гротескных, а временами и трогательных, и гротескных. Своей многогранностью они напоминают героев Диккенса: это и Дамиэн Хар Верис, противоречивый, вечно терзающийся сомнениями инквизитор ордена воинствующих рыцарей Иисуса Христа в «Пути креста и дракона»; и огромный житель водного царства, четырехрукий главный инквизитор Торгатон Найн-Клариис Тун из того же произведения; Шон из «Злоцветов», в отчаянии спасающийся бегством от ледяных волков и вампиров по безжизненным землям, где царит вечная зима, и в конце концов узнающий, что ему грозит гораздо более причудливая и не столь заметная опасность; Тирион Ланнистер, маккиавелиевский карлик, который вершит судьбы целых народов в «Битве королей»; и помешанный на игре беспринципный игрок Саймон Кресс в «Королях-пустынниках». Печальное привидение в «Вспоминая Мелоди»; гротескный, пугающий и незабываемый человек-в-форме-груши в рассказе под таким же названием; Лия и Роб, несчастные влюбленные телепаты в «Песни о Лии»; Хэвиланд Таф — инженер-эколог, обладающий возможностями Господа Бога, в рассказах, собранных в «Путешествиях Тафа»; Дейенерис Бурерожденная, дочь королей; и покорная халиси халасара из дотракийских властителей лошадей, которой предначертано судьбой стать Матерью Драконов… и десятки других.

Мартин нежно любит своих героев, даже копьеносцев, даже злодеев, — и заставляет вас их полюбить. Как только этот волшебный трюк освоен, вам уже больше ничего не нужно. Именно благодаря ему Джордж занял свое место среди корифеев, чьи имена звучат после слов «в традиции». И по этой причине, в каком бы жанре он ни писал, люди будут читать его произведения.

Часть первая
Четырехцветный мальчик-фанат

Четырехцветный мальчик-фанат
© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

Сначала я рассказывал свои истории только самому себе.

Разумеется, они существовали лишь у меня в голове, но как только я научился читать и писать, то стал иногда записывать небольшие отрывки на бумаге. Самый старый из сохранившихся образцов моих произведений — похоже, сочиненный в детском саду или в первом классе — энциклопедия космоса. Обычная школьная тетрадка, где на каждой странице имелось изображение планеты, а ниже — несколько строчек печатными буквами про климат и ее обитателей. Настоящие планеты вроде Марса и Луны счастливо сосуществовали с теми, которые я увидел во «Флэше Гордоне» и «Рокки Джонсе», а также с теми, что придумал сам.

Она просто великолепна, моя энциклопедия, в блестящей черно-белой обложке… Вот только я ее не закончил. Признаться честно, у меня гораздо лучше получалось начинать разные истории, но довести их до конца удавалось далеко не всегда. Но и сочинялись они исключительно ради собственного удовольствия — я очень рано научился развлекать себя самостоятельно.

Я родился 20 сентября 1948 года в Байонне, штат Нью-Джерси, и был первым ребенком Реймонда Коллинза Мартина и Маргарет Брейди Мартин. Пока через два года после меня не родилась моя сестра Дарлин, я оставался в доме единственным ребенком. Мои родители жили в доме моей прабабушки с ее сестрой, моей бабушкой и ее братом. Бабушка Джонс отличалась завидным упрямством и категорически отказывалась продать свой дом даже тогда, когда остальной Бродвей стал коммерческой зоной. Так что наш дом оставался единственным жилым домом на целых двадцать кварталов.

Когда мне исполнилось четыре, Дарлин два, а до рождения Джанет оставалось еще три года, мои родители наконец перебрались в собственную квартиру в новом доме на Первой стрит, построенном в рамках федеральною проекта. Слово «проект» сразу вызывает образы мрачных домов, торчащих среди асфальтовой пустыни, однако «Ла Туретт Гардене» ничем не походил на Кабрини Грин[1]. В трехэтажных домах было по шесть квартир на каждом этаже. У нас имелись детские и баскетбольные площадки, на противоположной стороне улицы располагался парк, разбитый на берегу Килл-Ван-Калла. Совсем неплохое место… и в отличие от дома бабушки Джонс там было полно детей.

Мы качались на качелях и съезжали с горок, летом купались, а зимой обстреливали друг друга снежками, лазали по деревьям, катались на роликах и играли в мяч. Когда другие дети были заняты, я читал комиксы, смотрел телевизор или играл в свои игрушки: зеленые пластмассовые солдатики, ковбои в шляпах, жилетах и с пистолетами в руках, рыцари, динозавры и космонавты. Как и всякий американский ребенок, я знал все научные названия динозавров (а сейчас вряд ли бы смог отличить одного от другого), что касается имен рыцарей и космонавтов, то я их придумывал сам.

В школе Мэри Джейн Донахью на Пятой улице я научился читать вместе с Диком, Джейн и Сэлли и их псом по имени Спот: «Беги, Спот, беги. Смотри, Спот бежит». Вы никогда не задавали себе вопрос, почему Спот так много бегает? Просто он убегает от Дика, Джейн и Сэлли, самой скучной семьи в мире. Мне тоже ужасно хотелось сбежать от них к моим комиксам, или «смешным книжкам», так мы их называли. Впервые я познакомился с произведениями западной классической литературы, листая комиксы. Я также читал «Арчи»[2], «Дядюшку Скруджа» и «Космо, веселого марсианина». Однако больше всего на свете я любил истории про Супермена и Бэтмена, особенно те, что появлялись каждый месяц в «Уорлдс файнест комикс».

Первые рассказы, которые я все-таки довел до конца, были про охотника за чудовищами. Я продавал их ребятам из своего дома по пенни за страницу. Бесплатное чтение входило в условия сделки; я считался лучшим чтецом в наших домах, особенно моим друзьям нравилось, как я изображаю вой оборотня. Если первая история занимала всего страницу, то последняя растянулась аж на пять страниц, и я получил за нее гонорар, на который смог купить себе «Милки Вэй», мое любимое лакомство.

Жизнь была прекрасна… до тех пор, пока моему самому выгодному клиенту не начали сниться кошмары и он не рассказал матери про мои истории о чудовищах. Она пришла к моей матери, та поговорила с отцом — и я переключился с чудовищ на космонавтов (Джарн с Марса и его шайка, но об этом чуть позже), а также перестал показывать свои творения другим людям.

Сочинительство не мешало мне заниматься другим любимым делом — читать комиксы. Я хранил их в книжном шкафу, сделанном из ящика из-под апельсинов. Со временем моя коллекция так разрослась, что заполнила обе полки. В десять лет я прочитал первый в своей жизни научно-фантастический роман и начал покупать книжки в мягких обложках, что серьезно подорвало мое материальное положение. Столкнувшись с финансовыми проблемами в одиннадцать лет, я принял

историческое решение — комиксы отлично годятся для малышей, но не для подростка. Поэтому я очистил свой книжный шкаф, и мама отнесла комиксы в больницу, чтобы их могли читать лежащие там больные дети. (Мерзкие больные дети, отдайте мои любимые комиксы!)

Период под названием «я-слишком-стар-для-комиксов» продолжался около года. Каждый раз, когда я заходил в кондитерский магазин на Келли-Паркуэй, чтобы купить конфеты, мой взгляд натыкался на обложки новых комиксов, и некоторые из них казались мне ужасно интересными — новые истории, новые герои, новые приключения…

Первый выпуск «Американской лиги справедливости» положил конец моему почти годичному пребыванию в рядах взрослых. Я всегда любил «Уорлдс файнест комикс», где Супермен и Бэтмен выступают в одной команде, но «Американская лига» объединила всех главных героев комиксов! На обложке первого выпуска был изображен Флэш, который играл в шахматы с трехглазым инопланетянином. Все они являлись членами «Лиги», и как только одного захватывали в плен, на сцене появлялся другой.

Как-то незаметно ящик из-под апельсинов снова оказался забитым до самого верха. И это прекрасно, потому что иначе я бы не подошел к стойке с комиксами в 1962 году и не обнаружил четвертого выпуска довольно странного вида книги, которая имела наглость называться «Лучший в мире сборник величайших комиксов». Ее выпустило в свет мало кому знакомое третьесортное издательство, известное тем, что печатало совсем не страшные комиксы про чудовищ. Однако мне сразу стало ясно, что на ее страницах действует команда супергероев — такие штуки приводили меня в восторг. Я купил книгу (несмотря на то, что она стоила двенадцать центов, в то время как комиксы обычно продавались не дороже десяти), и это изменило мою жизнь.

Это и в самом деле оказался сборник лучших в мире комиксов! Стэн Ли и Джек Кирби решили изменить мир смешных книжек, «Фантастическая четверка» нарушала все правила. Один из них был чудовищем (и он мгновенно стал моим любимцем) во времена, когда герой просто обязан был быть красавцем. Они являлись членами одной семьи, а не лиги, сообщества или отряда и, как и в настоящей семье, постоянно друг с другом ругались. И они были личностями! Героев из «Лиги справедливости» можно было отличить друг от друга только по костюмам и цвету волос (Атом не вышел ростом, Марсианский Охотник за головами был зеленого цвета, а у Красотки имелась грудь, но в остальном они,

как две капли воды, походили друг на друга). В комиксах появились герои с характерами, и в 1961-м это стало открытием и настоящей революцией.

Первые мои опубликованные слова («Дорогие Стэн и Джек…») появились в двадцатом номере «Фантастической четверки» (был август 1963 года) в колонке для писем. Главная мысль моего глубокого, умного, аналитического послания заключалась в том, что пришла пора Шекспиру подвинуться и дать место Стэну Ли. Зачем-то в конце моего восторженного отзыва Стэн и Джек напечатали мое имя и адрес.

Чуть позже я обнаружил в нашем почтовом ящике письмо.

Письмо для меня? Потрясающе! Все, кого я знал, жили либо в Байонне, либо в Нью-Джерси, и никто никогда не присылал мне писем. Внутри лежал список имен и говорилось, что если я отправлю на имя, значащееся первым в списке, четверть доллара, затем вычеркну его и напишу свое в самом конце, а потом отошлю четыре копии, то через несколько недель получу 64 доллара. Этого хватило бы, чтобы в течение нескольких лет спокойно покупать «смешные книжки» и «Милки Вэй». Вот почему я прикрепил скотчем четверть доллара к списку, положил его в конверт, отправил по адресу, который значился первым, и стал ждать, когда на меня свалится огромное богатство.

Я не получит ни одной монеты, впрочем, вместо денег пришло кое-что получше. Так случилось, что парень, чье имя стояло в списке первым, выпускал фэнзин с комиксами, который стоил двадцать пять центов. Очевидно, он решил, что я оплатил заказ, и прислал мне фэнзин, напечатанный на выцветшей фиолетовой бумаге, с отвратительно написанной историей, иллюстрированной жалкими картинками, — но мне было все равно. Я обнаружил в журнале статьи, письма, критику и даже самодеятельные комиксы, в которых действовали неизвестные мне герои. Кроме того, там имелись обзоры других фэнзинов, еще покруче этого. Я отправил по почте очередную порцию четвертаков, и вскоре по самые уши увяз в детских комиксах.

Сегодня комиксы — это целая индустрия. «Сан-Диего Комикон» превратился в громадное торговое шоу с толпами поклонников, в десять раз превышающими те, что собираются на ежегодный конвент фантастов, а туда съезжаются писатели и фанаты фантастики со всего света. Некоторые мелкие независимые издания продолжают выходить и по сей день, но настоящих комиксовых фэнзинов, какие были прежде, увы, больше нет. Торгующие давным-давно захватили храм в свои руки. Акт осквернения кажется еще более циничным потому, что комиксы Золотого века продаются запаянными в пластик —

затем, чтобы не дай бог они не потеряли свою коллекционную ценность (лично я считаю, что того, кто это придумал, следует самого запаять в пластик). И больше никто не называет их «смешными книжками».

Сорок лет назад все было иначе. Комиксы еще только обретали своих поклонников, а Комиконы находились в самом зародыше (первый состоялся в 1964 году и проходил в маленькой комнатке на Манхэттене, его организовал любитель жанра по имени Лен Вейн). Что касается фэнзинов с комиксами, то их выходили сотни. Некоторых из них, вроде «Альгер эго», выпускали вполне взрослые и серьезные люди, имевшие нормальную работу и семьи. Самые лучшие печатались профессионально, на фотоофсете или полиграфических печатных машинах, но таких было мало, в основном использовали гектографы или ксероксы. («Взлет», который со временем стал одним из крупнейших изданий, сначала размножали при помощи копирки.)

Практически в каждом таком фэнзине имелась одна или две страницы объявлений, где читатели могли предложить на продажу старые номера и заказать новые. В одном из таких объявлений я прочитал, что какой-то парень из Арлингтона, штат Техас, продает двадцать восьмой номер «Смелых и отважных», — именно в нем впервые появилась «Американская лига справедливости». Я отправил ему четвертак в конверте, и он прислал мне фэнзин с комиксами и очень неплохой рисунок на куске картона, изображавший воина-варвара. Так началась моя дружба с Говардом Уолдропом, которая продолжается вот уже много лет. Как же давно это было? Ну, почти сразу после того, как я получил письмо, Джон Кеннеди прилетел в Даллас.

Мое существование в этом диковинном и полном чудес мире не ограничивалось только чтением фэнзинов. После того как меня напечатали в «Фантастической четверке», появляться на страницах других фэнзинов стало совсем не трудно. Стэн и Джек предложили на суд читателей еще несколько моих хвалебных писем, и вот я уже покатился по наклонной плоскости — от писем к коротким статьям, а через некоторое время получил собственную колонку в фэнзине «Комик уорлд ньюс», где вносил предложения на тему, как «спасти» те из комиксов, которые мне нисколько не нравились. Несмотря на полное отсутствие способностей к рисованию, я даже сделал несколько иллюстраций. Одну из них поместили на обложке: Человек-Факел пишет название журнала огненными буквами. Поскольку фигуру окружало пламя, рисовать ее было легче, чем персонажа с носом, губами, пальцами, мышцами и всем остальным.

Во время первого года обучения в Маристе я продолжал мечтать о том, чтобы стать астронавтом, и не просто каким-нибудь, а первым, кто высадится на Луну. До сих пор помню тот день, когда кто-то из старших спрашивал каждого из нас, кем мы хотим быть, и весь класс разразился гомерическим хохотом, услышав мой ответ. За год до окончания мы получили задание написать эссе о будущей профессии, и я выбрал художественную литературу (мне удалось выяснить, что средний писатель зарабатывает своими рассказами 1200 долларов в год, и это открытие произвело на меня такое же жуткое впечатление, как тот ужасный смех). В промежутке между этими годами произошло очень важное событие, которое заставило меня навсегда отказаться от своей первоначальной мечты: я активно начал писать для фэнзинов.

У меня была древняя пишущая машинка, найденная на чердаке тетушки Глэдис. Черная половина красно-черной ленты так износилась, что буквы получались едва различимыми, но я восполнял этот недостаток тем, что с силой колотил по клавишам и буквы впечатывались в бумагу. Внутренняя часть «е» и «о» нередко вываливалась, оставляя на бумаге дырки. Красная половина ленты была относительно свежей; я использовал красный цвет, чтобы выделять отдельные слова, поскольку ничего не знал про курсив, как, впрочем, и про поля, двойной пробел и копирку.

В моих первых рассказах главным героем был супергерой, который, подобно Супермену, прилетел на Землю из космоса. Однако в отличие от него мой парень не обладал сверхсилой — он вообще не обладал никакой физической силой, поскольку у него отсутствовало тело, только мозг, находящийся в аквариуме. Ничего сверхоригинального: мозги в банках нередко появлялись в комиксах и научно-фантастических произведениях, хотя, как правило, были злодеями. Мне же представлялось, что, сделав мозг в банке положительным героем, я осуществил настоящий прорыв в жанре.

Конечно, у моего героя имелись в запасе пара-тройка робототел, в которые он забирался, чтобы сражаться с преступниками. Одно из них я снабдил двигателями, чтобы он мог летать, другое — танковыми гусеницами, чтобы катиться, третье — суставчатыми ногами, позволявшими ему ходить. Кроме того, я придумал ему руки с пальцами и руки со щупальцами, а также с отвратительного вида металлическими клешами, не обошлось и без лучевых пистолетов. Таким образом, если его побеждал какой-то злодей, он всегда мог взять себе запасное тело, поскольку в его корабле хранился приличный запас.

Я назвал его Гаризан, Механический Воин.

Я написал про этого парня три рассказа, очень коротких, но законченных. И даже сделал иллюстрации. Мозг в банке для рыбок нарисовать так же просто, как человека, сотворенного из огня.

Свои произведения я отправил в один из мелких фэнзинов, посчитав, что там их скорее напечатают, — и не ошибся. Полагаю, главный редактор ухватился за них с радостными воплями. Большинству ранних фэнзинов отчаянно не хватало материалов, и они принимали все, что им присылали, даже истории про мозг в аквариуме, — чтобы хоть как-то заполнить страницы. Я с нетерпением ждал, когда мои рассказы появятся в печати.

Увы! Фэнзин и, естественно, его редактор неожиданно исчезли, не успев опубликовать ни один из моих опусов. Рукописи я назад не получил, а поскольку не освоил работу с копиркой, копий у меня не осталось.

Только не подумайте, что такая неприятность отбила у меня охоту продолжать! Признание моих рассказов сотворило чудеса с моей уверенностью в себе, и я почти не заметил их потери. Я вернулся к своей машинке и придумал нового героя. Манта Рэй, надев маску, выходил в ночь, чтобы самыми жесткими способами пресекать преступления. В первый раз я заставил его выступить против злодея по имени Палач, у которого был особый маленький пистолет, стрелявший крошечными гильотинными лезвиями вместо пуль.

«Знакомство с Палачом», по моему мнению, оказалось значительно лучше любого из рассказов о Гаризане, поэтому, закончив его, я набрался храбрости и отправил свое произведение в фэнзин покруче. «Имир», который издавал Джонни Чемберс, был одним из нескольких научно-фантастических журналов, выходивших в Сан-Франциско и пользовавшихся относительной популярностью.

Чемберс взял рассказ… и, что еще важнее, его *напечатал!* Мой опус появился во втором номере «Имира» за декабрь 1965 года: девять страниц супергероических приключений на потрясающей лиловой бумаге. Дон Фаулер, один из ведущих художников того времени (на самом деле его звали Бадди Сондерс), сделал восхитительную иллюстрацию, где изобразил палача, который стреляет крошечными гильотинами в Манту Рэя. Фаулер рисовал настолько лучше меня, что я навсегда отказался от своих жалких попыток и решил заняться сочинением рассказов в прозе. В те далекие дни ранних комиксов их называли «тексты», чтобы отличать от комиксов, состоящих только из картинок (которые пользовались среди моих товарищей гораздо большей

популярностью).

Манта Рэй вернулся во второй истории, которая оказалась такой длинной (около двадцати страниц), что Чемберс решил превратить ее в сериал. Первая патовина, «Острова смерти», появилась в пятом номере «Имира» и закончилась словами: «Продолжение следует». Только из этого ничего не вышло. «Имир» прекратил свое существование, и вторая половина второго приключения Манты Рэя отправилась вслед за исчезнувшими рассказами про Гаризана.

А я… тем временем я осмелел еще больше. Самым престижным фэнзином во всем фэндоме тогда считался «Альтер эго», но в нем главным образом появлялись разные статьи, в том числе критические, и интервью. Для текстов и картинок непрофессионалов больше всего подходил «Стар-стаддед комикс», который издавали три любителя из Техаса. Их имена — Ларри Херндон, Бадди Сондерс и Говард Келтнер, — но они называли себя «Техасская тройка». Когда фэнзин начал выходить (в 1963 году), у него была яркая, напечатанная в типографии обложка. Смотреть на нее было одно удовольствие — в отличие от многих других фэнзинов того времени. Но внутри первого издания оказалась та же блеклая лиловая бумага. Впрочем, уже в четвертом номере «Тройка» перешла на фотоофсет и для внутренних страниц, и их фэнзин мгновенно стал самым красивым. У журнала имелись свои любимые супергерои: Силач, Защитник, Доктор Рок, Человек-Кот, Астрал и еще многие другие. Дон Фаулер, Грасс Грин, Бильо Уайт, Ронн Фосс и другие известные художники делали для них иллюстрации, а Говард Уолдроп писал тексты (Говард был чем-то вроде четвертого члена «Техасской тройки», ну, как пятый для ансамбля «Битлз»). Так что в 1964 году «Стар-стадцед комикс» был очень серьезным изданием.

Я тоже хотел в нем работать, к тому же у меня появилась потрясающе оригинальная идея. Мозги в банке, Гаризан и прячущий под маской лицо Манта Рэй уже устарели. А вот про супергероя на лыжах еще не написал никто (между прочим, я ни разу в жизни не вставал на лыжи). Одна лыжная палка моего героя одновременно являлась огнеметом, а другая выступала в роли пулемета. Вместо того чтобы сражаться с каким-нибудь дурацким суперзлодеем, я выставил его против «коммуняк», для большего сходства с реальной жизнью. Однако лучше всего у меня получился финал, в котором Белого Рейдера ждала страшная, трагическая смерть. Я не сомневался, что это заставит «Техасскую тройку» обратить внимание на мое творение.

Я назвал свой рассказ «Диковинная сага о Белом Рейдере» и

отправил его Ларри Херндону, Кроме того что он входил в августейшую «Тройку», Ларри был первым, с кем у меня завязалась переписка. Я не сомневался, что ему рассказ понравится.

Он понравился… но не подошел для их издания. Ларри объяснил мне, что состав команды героев, действующих на его страницах, полностью укомплектован. Вместо того чтобы принимать туда новых, «Тройка» намерена повествовать о тех, кто уже известен читателю. Однако мое творчество им понравилось. Они хотели бы, чтобы я начал писать для них… но только про уже имеющихся героев.

Вот так получилось, что «Диковинная сага о Белом Рейдере» увидела свет в «Бэтвинг», собственном фэнзине Ларри Херндона, а в «Стар-стадцед комикс» напечатали мои тексты про двух персонажей, придуманных Говардом Келтнером. Первой появилась история про Силача. Рассказ «Силач и голубой барьер!» увидел свет в седьмом номере за август 1965 года и был благосклонно встречен читателем. «Только дети боятся темноты», напечатанный в десятом номере, сделал меня знаменитым.

Доктор Рок был таинственным мстителем, который сражался с призраками, оборотнями и другими сверхъестественными злодеями. Несмотря на некоторую схожесть имен, он почти не имел ничего общего с героем «Комиксов Марвела» Доктором Стрэйнджем. Келтнер списал его с героя Золотого века, которого звали мистер Справедливость. Доктор Рок легко победил моего Белого Рейдера, расставшись с жизнью в середине истории, а не в самом конце. Будучи путешественником из будущего, он вышел из своей машины времени, оказался в самом центре ограбления, и его тут же застрелили. Умерев до своего рождения, он нарушил равновесие космических сил и был вынужден остаться на Земле и сражаться со злом до тех пор, пока не придет время его появления на свет.

Вскоре я обнаружил, что симпатизирую Доктору Року. Келтнеру понравился мой рассказ, и он захотел, чтобы я сочинил о нем еще несколько историй. Я написал «Меч и паук», новый, неизвестный художник нарисовал прекрасные иллюстрации, а Джим Старлин сделал из «Только дети боятся темноты» комикс, но история в виде текста появилась раньше.

К тому времени в нашей области имелись собственные премии. Премия «Элли» получила свое имя в честь Элли Упа, «самого старого героя комиксов» (Желтый рыцарь мог бы с этим поспорить). Как и премия «Хьюго», «Элли» имела разные категории. Золотые «Элли» давали профессионалам, серебряные — любителям. «Только дети боятся темноты» был номинирован

на «серебро» как лучшая текстовая история… И, к своему удивлению и радости, я ее *получил!* (Совершенно незаслуженно, поскольку моими конкурентами были Говард Уолдроп и Пол Мослендер.) Некоторое время я рисовал себе красочные картины того, как мне вручают мой серебряный трофей… Организация, спонсировавшая премию, вскоре пала, и «Элли» перестала существовать, однако признание сотворило чудеса с моей уверенностью в себе и помогло продолжить писать.

К тому времени, когда рассказы о Докторе Роке появились в печати, в моей жизни произошли серьезные перемены. В июне 1966-го я закончил Марис, а в сентябре впервые в жизни покинул родной дом и отправился в Школу журналистики Медилла[3] при Северо-Западном университете.

Теперь меня окружал удивительный и совершенно незнакомый мир, он восхищал и одновременно пугал. Я жил в общежитии для первокурсников, которое называлось Бобб Холл (моя мать считала, что Боб мой сосед по комнате), на Среднем Западе, где новости начинаются слишком рано и никто не умеет делать приличную пиццу. Учеба требовала определенных усилий, я заводил новых друзей, сражался с разного рода уродами, приобретал новые пороки… а еще в моей группе были *девушки!* Я продолжал покупать комиксы, когда они попадались мне на глаза, но вскоре стал пропускать номера, и моя писательская активность начала стремительно затухать. Когда приходится справляться с таким количеством нового, трудно найти время для сочинительства. На первом курсе я закончил всего один рассказ — настоящий, научно-фантастический, под названием «Экипаж и компьютер», который был напечатан в первом (и последнем) номере маленького фэнзина «Индепс».

Я специализировался на журналистике, а также взял еще курс истории. На следующий год я записался на курс истории Скандинавии, решив, что не помешает побольше узнать про викингов. Профессор Франклин Д. Скотт был энтузиастом своего дела и приглашал студентов к себе домой, где угощал национальной скандинавской едой и подогретым вином с изюмом и орехами. Мы читали северные саги, эдды Исландии и стихи финского поэта-патриота Йохана Людвига Рунеберга[4].

Мне нравились саги и эдды, которые напоминали мне Толкина и Говарда, а стихотворение Рунеберга «Свеаборг» — печальная песнь о финской крепости — произвело сильное впечатление. «Северный Гибралтар», так называли крепость, самым необъяснимым образом пал во время русско-шведской войны 1808 года. Когда пришло время писать курсовую работу, я выбрал в качестве темы историю Свеаборга. А затем мне пришла

в голову неожиданная идея, и я попросил профессора Скотта позволить мне вместо обычной работы сочинить рассказ о крепости. К моей радости, он согласился.

За «Крепость» я получил высший балл, более того, профессору так понравился мой рассказ, что он отправил его в «Американ-скандинэйвиан ревью», чтобы его там напечатали.

Первое письмо с отказом опубликовать мое творение я получил не от Деймона Найта, не от Фредерика Пола, не от Джона Вуда Кэмпбелла-младшего, а от Эрика Дж. Фрииса, главного редактора «Американ-скандинейвиан ревью», который с «огромным сожалением» сообщил, что вынужден вернуть мне «Крепость». «Это очень хорошая история, — написал он в письме от 14 июня 1968 года, — но, к сожалению, слишком длинная для нашего журнала».

Редко писатель испытывает такой восторг, получив отказ. Настоящий главный редактор прочитал мой рассказ, который ему так понравился, что он прислал мне письмо вместо стандартного отказа. У меня было ощущение, что передо мной открылась дверь в новый мир. Следующей осенью, вернувшись в университет, я записался на курс писательского мастерства — и вскоре оказался среди будущих современных поэтов. Я любил поэзию, но не такую, и не имел ни малейшего представления, что говорить про произведения моих сокурсников, а они не знали, как оценить мои рассказы. В то время как я мечтал продавать свои творения в «Аналог», «Гэлэкси» или, может быть, в «Плейбой», мои товарищи надеялись, что их стихи напечатает «Три Квотерли», самое престижное литературное издание Северо-Западного университета.

Несколько других писателей время от времени сочиняли короткие рассказы — по большей части лишенные сюжета рассуждения о характерах, часто в настоящем времени, некоторые от второго лица. (Справедливости ради следует сказать, что были и исключения. Я запомнил один довольно страшный рассказ, в котором действие происходит в универмаге, он даже чем-то напоминал Лавкрафта. Мне рассказ понравился; разумеется, все остальные раскритиковали его в пух и прах.)

Тем не менее мне удалось написать четыре коротких рассказа (и ни одного стихотворения). «Дополнительный фактор безопасности» и «Герой» были научно-фантастическими. «И смерть его наследие», а также «Защитник» имели политическую направленность (шел 1968 год, и в воздухе пахло революцией). «И смерть его наследие» родился из идеи, возникшей у меня еще в Мариете, после того как я увлекся Джеймсом Бондом (Урсула Андресс[5] тут совершенно ни при чем, как и постельные сцены в

книгах, — нет, нет и нет). Максимиллиан де Лорье должен был стать «элегантным наемным убийцей», который путешествует по миру, убивая злодеев-диктаторов на фоне экзотических пейзажей. Главным его оружием являлась трубка, превращавшаяся в духовое ружье.

К тому времени, когда я решил записать его историю, от героя осталось только имя. Мои политические взгляды изменились, а после 1968 года заказное убийство перестало казаться столь возбуждающим. Рассказ не удалось продать, но вы можете прочитать его здесь, через тридцать пять лет после того, как он был написан.

Мои опусы, посвященные современным проблемам, понравились сокурсникам больше, чем научно-фантастические, но все равно были приняты без особого восторга. Наш преподаватель, хиппующий молодой человек, который ездил на традиционном «порше» и носил вельветовые пиджаки с кожаными заплатами на локтях, тоже отнесся к моей работе без энтузиазма, но он считал, что оценки — это дерьмо собачье, поэтому мне удалось закончить семестр с хорошими результатами и четырьмя готовыми рассказами.

Если моей группе рассказы не понравились, возможно, они произведут благоприятное впечатление на главного редактора какого-нибудь журнала? Я решил отослать свои творения в разные издательства и посмотреть, что из этого получится.

Итак, следует найти адреса в «Писательском рынке», вставить новенькую ленту в пишущую машинку, аккуратно перепечатать рукопись, не забыть про двойные пробелы и отправить ее с коротким сопроводительным письмом, конвертом с маркой и обратным адресом. А дальше ждать. На это я был способен.

По мере того как подходил к концу мой второй год учебы в университете, я занялся устройством судьбы своих четырех рассказов. Как только приходил отказ из одного издательства, я в тот же день отправлял их в другое. Начал я с тех, что платили лучше всего, и постепенно спускался вниз, следуя совету «Писательского рынка». А еще я дал себе торжественное обещание — не сдаваться.

Вышло просто здорово. «Дополнительный фактор безопасности» получил тридцать семь отказов, а потом кончились места, куда его можно было послать. Девять лет спустя, когда я Жил в Айове, где работал преподавателем, мой коллега Джордж Гатридж прочитал рассказ и сказал, как его нужно поправить. Я дал ему свое благословение, и Гатридж переписал «Дополнительный фактор безопасности» в «Боевой корабль» и отослал его как наше совместное творчество. «Боевой корабль»

получил еще пять отказов, но в конце концов нашел пристанище в «Фэнтези энд сайенс фикшн». Эти сорок два отказа остаются моим личным рекордом, который я не очень-то тороплюсь побить.

Остальные рассказы тоже не получили признания, хотя в меньшей степени. Вскоре я обнаружил, что другие журналы не разделяют энтузиазма «Американ-скандинэйвиан ревью» по поводу войны России со Швецией 1808 года, и спрятал «Крепость» в ящик стола. «Защитник» был переписан и переименован в «Защитники», но это не помогло. А «Герой» вернулся ко мне из «Плейбоя» и «Аналога», отправился в «Гэлэкси»… и исчез. Я расскажу вам о его судьбе в своем втором комментарии. А пока — взгляните на мои первые пробы пера, если не боитесь.

Только дети боятся темноты
© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

Сквозь безмолвные зыбучие тени
Проплывают диковинные очертания;
Призрачные существа охотятся в ночи;
Огромные крылатые забияки резвятся в небе.
В мерзкой, мутной, серой мгле
Поселились чудовища, лишенные души.
Они хорошо знают эту страну зла —
Корлос, так зовется мир, в котором они живут.
Найдено в пещере в Центральной Европе, где
когда-то находился храм секты, поклонявшейся
темным силам; автор неизвестен.

Темнота — она была повсюду. Мрачная, пугающая, вездесущая тьма висела над долиной, словно громадная душная

мантия. Сквозь мрак не пробивалось даже узкой полоски лунного света, не светили звезды, — только ночь, зловещая и вечная, а еще водовороты удушливого серого тумана, который извивался, меняя с каждым движением свои очертания. Кто-то визгливо вскрикнул вдалеке, но разглядеть его было невозможно. Туман и тени накрыли все вокруг.

Впрочем, нет, один предмет все-таки был виден. В самом центре долины, словно бросая вызов суровым черным горам, высившимся вдалеке, упираясь в небо, стояла тонкая, точно игла, башня. Она тянулась ввысь на многие мили туда, где без устали резвились пурпурные молнии, и их сияние отражалось от гладкой поверхности черного камня. В единственном окне башни горел тусклый малиновый свет.

В туманных завихрениях внизу кто-то шевелился, шорохи и странный шум нарушали тишину ночи. Нечестивые жители Корлоса были напуганы, потому что когда в башне загорался свет, это означало, что Хозяин вернулся домой. Демонам тоже знаком страх.

Он стоял у единственного окна и, глядя на раскинувшийся внизу мрак долины, осыпал их ругательствами. Затем отвернулся от туманных вихрей вечной ночи. Теперь его занимало то, что происходило в ярко освещенных покоях башни. К мраморной стене был прикован цепями уродливый демон, который беспомощно извивался, пытаясь освободиться. Господин поднял руку и направил поток черной энергии в сторону пленника, натянувшего оковы.

Душераздирающий вопль боли разорвал ночь, оковы, раскачиваясь, повисли вдоль стены. Демон исчез, и снова ни единый звук не нарушал одиночества башни и ее зловещего владельца.

Хозяин опустился на огромный, похожий на летучую мышь трон, вырезанный из блестящего черного камня, и устремил свой взгляд в окно, за которым среди туч метались едва различимые тени. Он закричал, и его крик понесся вниз, отражаясь многократным эхом от стен. Его услышали даже в черной яме подземелья, и демоны, находящиеся в заточении, сжались от ужаса, не в силах унять дрожь, понимая, что их ждут страшные, невыразимые мучения, потому что вопль этот был самим воплощением ярости.

— Разве это настоящее развлечение?

Струя черного огня вырвалась из поднятого кулака и унеслась в ночь. Кто-то завыл в темноте, и едва различимая тень, извиваясь в конвульсиях, рухнула с небес на землю.

— Вот в землях людей, где я когда-то правил, можно

получить настоящее удовольствие! Я обязательно туда вернусь и снова выйду на охоту за человеческими душами! Когда же будет принесена жертва, которая освободит меня от вечной ссылки?

В темноте раздались раскаты грома, и пурпурные молнии раскрасили черную поверхность скал, а жители Корлоса замерли, не в силах пошевелиться от страха. Саагаэль, Принц демонов, Властелин Корлоса, Царь Преисподней снова одержим гневом!

Огромный храм прятался среди песков и джунглей, заброшенный и опустевший. Пыль столетий покрывала полы, вековая тишина поселилась в мрачных, окутанных тенями нишах. Когда-то этот храм был посвящен злу, вот почему местные жители не переступали его порога.

И вот после бесконечных лет забвения громадные деревянные двери, украшенные уродливыми и давно забытыми резными символами, снова со скрипом распахнулись. Шаги потревожили пыль, лежавшую на полу вот уже три тысячи лет, и этот звук выгнал тишину из ее укрытия. Медленно и осторожно, напряженно вглядываясь в темноту, в древний храм вошли два человека — грязные, в лохмотьях, с многодневной щетиной на лицах, искаженных жадностью и жестокостью. У каждого было по длинному острому ножу, которые висели на поясе рядом со ставшими бесполезными револьверами. За ними шла охота, и они явились в храм с кровью на руках и со страхом в сердце.

Тот из двоих, что был повыше, худощавый тип по имени Джаспер, окинул темный, пустой храм холодным, циничным взглядом. Даже по его меркам это место не отличалось гостеприимством. Повсюду царил мрак, несмотря на то что за стенами храма сияло яркое солнце джунглей. Стены украшали мрачные росписи, а в сыром застоявшемся воздухе пахло смертью. Все внутреннее убранство, кроме огромного черного алтаря в дальнем конце, давно рассыпалось в прах. Когда-то на верхний уровень вела лестница, но она давно сгнила.

Джаспер сбросил со спины рюкзак и повернулся к своему невысокому толстенькому спутнику.

— Думаю, мы на месте, Вилли, — сказал он грубым гортанным голосом. — Здесь и проведем ночь.

Вилли нервно оглядывался, то и дело облизывая губы.

— Мне тут не нравится, — проворчал он. — Темно и страшно, глянь-ка на стены, видишь, какие тут штуки намалеваны. — И он указал на один из самых отвратительных рисунков.

Джаспер расхохотался, и его смех был похож на злобное рычание.

— Нам же нужно где-то переночевать, а дикари убьют нас,

если поймают в джунглях. Им известно, что их священные рубины у нас. Ладно тебе, Вилли, нормальная нора, да и дикари сюда не сунутся. Здесь немного темновато, ну и что с того? Только дети боятся темноты.

— Ну… наверное, ты прав, — с сомнением проговорил Вилли.

Он скинул рюкзак и начал доставать провизию. Джаспер вышел наружу и через несколько минут вернулся с охапкой дров. Они развели небольшой костер и, устроившись около него, быстро перекусили, затем принялись шепотом обсуждать, что станут делать с богатством, которое так неожиданно на них свалилось.

Время шло медленно, но неумолимо, вот уже солнце скрылось за горами на западе и в джунгли пришла ночь.

Ночью внутри храма стало еще более неуютно и страшно чем днем. Темнота, казалось, соскользнула со стен и начал сжимать душное кольцо вокруг двух беглецов, она словно заглушала все звуки, мешала им разговаривать.

Зевая, Джаспер разложил свой спальный мешок на пыльном полу, забрался внутрь и попытался устроиться поудобнее.

— Я собираюсь спать, — сказал он, — А ты как?

— Угу, — кивнув, ответил Вилли. — Наверное, и я тоже. — Он поколебался несколько мгновений, а потом добавил: Только не на полу. Пыль эта… тут могут быть жуки… или даже пауки. Те, что ночью охотятся. Не хочу, чтобы меня покусали, когда я буду спать.

Джаспер нахмурился.

— И где ты собираешься лечь? Тут что-то не видно кровати.

Вилли пристально всматривался в темноту в поисках подходящего для ночлега места.

— Вот! — вскричал он. — Эта штука подойдет. Думаю, я на ней помещусь. И жуки не доберутся.

— Валяй. — Пожав плечами, Джаспер повернулся на бок и почти сразу уснул.

Вилли подошел к огромному камню, украшенному резьбой, разложил на нем спальный мешок и суетливо забрался внутрь. Устроившись, он закрыл глаза, но все же успел заметить роспись на потолке, от которой ему стало не по себе. Однако через несколько минут он уже ровно дышал и даже похрапывал во сне.

В углу темного помещения зашевелился Джаспер, затем сел. Ему не давали спать лихорадочные мысли: их преследуют дикари, один человек передвигается быстрее, чем два, в особенности если второй — медлительный толстяк вроде Вилли… Да еще рубины — сверкающее богатство, о таком он и мечтать не смел. Камни

могут принадлежать только ему, все до единого.

Джаспер осторожно встал и, точно волк, вышедший на охоту, подкрался сквозь мрак к своему спутнику. Затем вытащил из-за пояса тонкий блестящий нож и замер на мгновение. Вилли спал беспокойно, тяжело вздыхал, метался во сне. Мысль о сверкающих алых рубинах в его рюкзаке снова промчалась в голове Джаспера. Он взмахнул ножом и быстро опустил его.

Толстяк вскрикнул один раз, и кровь окропила древний жертвенный камень.

Снаружи, за стенами храма, ослепительная молния озарила абсолютно чистое небо, и над горами угрожающе прогремел гром. Тишина внутри храма стала еще более глубокой, но уже в следующее мгновение его наполнил низкий воющий звук. Наверное, ветер, подумал убийца, доставая рубины из рюкзака своей жертвы. Однако ветер шептал одно слово, тихо и призывно: «Саагаэль», словно звал кого-то.

— Сааааагаэль…

Потом шум начал нарастать, и шепот постепенно превратился в крик, а потом в рев, пока не заполнил собой весь храм. Джаспер раздраженно огляделся по сторонам. Он не мог понять, что происходит. Неожиданно над алтарем появилась большая трещина, внутри которой клубился туман и двигались какие-то тени. Из трещины в храм пролился мрак, чернее, гуще и холоднее, чем что-либо, виденное Джаспером до сих пор. Он метался и постоянно менял очертания и в конце концов сгустился в одном из углов, а затем начал увеличиваться в размерах, приобретая очертания человеческой фигуры.

Но уже в следующее мгновение мрак исчез, а на его месте оказалось существо, отдаленно напоминающее человека: это был огромный могучий великан, одетый в серый плащ с поясом, сделанным из шкуры какого-то животного. Большая застежка в форме летучей мыши, вырезанная из черного блестящего камня, украшала плащ. Капюшон скрывал голову, однако внутри него виднелась только мгла, непроглядная и зловещая.

— К-к-кто ты такой? — едва слышно прошептал Джаспер.

Тихий, глухой, пугающий смех наполнил все уголки древнего храма и унесся наружу, в ночь.

— Я? Я — Война, Чума и Кровь. Я — Смерть, Мрак и Страх, — Он снова рассмеялся, — Саагаэль, Принц демонов, Властелин Корлоса, могущественный Царь Преисподней. Я тот, кого твои предки называли Пожирателем Душ. И ты меня призвал.

Глаза Джаспера чуть не вылезли из орбит от страха, и рубины остались лежать забытыми в пыли. Призрак поднял руку, и вокруг него сгустилась тьма. Воздух наполнился злом. А затем для

Джаспера наступил мрак, вечный и окончательный.

На другом конце света призрачная фигура в зелено-золотом одеянии неожиданно замерла прямо посреди сражения, тело напряглось, пронизанное тревогой. Доктору Року было знакомо это ощущение: где-то на Земле появилось сверхъестественное зло.

Со скоростью мысли призрак помчался на восток, уверенно направляясь к источнику зла; горы, долины, реки, леса проносились под ним с головокружительной скоростью. Большие города возникали на горизонте, высотные дома, казалось, тянулись к самому небу, но уже в следующее мгновение они оставались у него за спиной. И вот он уже миновал континент и пересек океан, чьи сердитые волны перекатывались под ним. И неожиданно наступила ночь.

Внизу появились джунгли, которые казались особенно пугающими в непроглядной темноте. Их сменила небольшая заплата пустыни, могучая ревущая река, и снова пески. В течение секунды возникали и исчезали поселения, И ночь расступалась перед устремившимся к своей цели Доктором Роком.

Неожиданно внизу появился громадный древний зловещий храм, окруженный ореолом разрушительного зла, а облепивший стены мрак был чернее самой ночи, спустившейся в джунгли. Медленно, осторожно призрак спустился вниз, подошел к высокой черной стене, затем легко, без усилий проник в черную утробу храма.

Доктору Року не потребовалось много времени, чтобы понять, где он оказался. Темные, уродливые настенные росписи, мрачный алтарь — все это могло находиться только в святилище давно исчезнувшей секты, которая поклонялась какому-нибудь мрачному божеству.

Что это? На жертвенном алтаре свежая кровь! Неужели культ возродился и обитатели мира теней вновь стали предметом поклонения?

Из ниши около алтаря послышался какой-то шум, кто-то едва заметно шевелился в темноте, и Доктор Рок почти мгновенно оказался рядом.

Это был мужчина — высокий, худой и мускулистый. Он лежал на полу и смотрел в пустоту невидящими глазами. Лишенный воли и инстинктов человек, никому не нужная, пустая оболочка, существо без сознания — или без души.

Гнев и ужас сдавили грудь Высшего Мстителя, и он резко развернулся, пытаясь отыскать злобное существо, чье присутствие остро ощущалось в мрачном храме. До сих пор ему не доводилось сталкиваться с такой всепоглощающей аурой неприкрытого зла.

— Ну хорошо! — крикнул он, — Я знаю, что ты где-то здесь. Я чувствую твое присутствие. Покажись… если не боишься!

Глухой пугающий смех — казалось, его исторгли сами черные стены — гулким эхом прокатился по храму.

— А ты кто такой?

Доктор Рок не сдвинулся с места, внимательно оглядывая помещение храма в поисках источника жуткого смеха.

И вот он снова зазвучал, гулкий, утробный, исполненный угрозы.

— Впрочем, это не важно. Безрассудный смертный, ты осмелился бросить вызов силам, суть которых тебе не дано понять! Однако я исполню твою просьбу — открою, кто я такой. — Голос стал громче. — Скоро ты пожалеешь о своих глупых словах!

Сверху, оттуда, где отполированные черные ступени спиралью уходили в окутанное тенями нутро башни, полилась вонючая жидкая живая субстанция. Словно огромное облако абсолютного мрака, возникшего в кошмаре безумца, она опускалась вниз, потом замерла на полпути и обрела очертания. Существо, стоявшее на ступенях, отдаленно напоминало человека, однако сходство делало его еще более отвратительным. Жуткий хохот снова наполнил храм.

— Разве мой облик тебе не нравится, смертный? Почему ты молчишь? Неужели ты познал страх?

Ответ раздался мгновенно, громко, уверенно и с вызовом:

— Ты называешь меня смертным и рассчитываешь, что я испугаюсь, взглянув на тебя. Но ты ошибаешься, поскольку я так же бессмертен, как и ты. Я сражался с оборотнями, вампирами, колдунами и не побоюсь выступить против демона вроде тебя.

С этими словами Доктор Рок метнулся к диковинному призраку на лестнице.

Под темным капюшоном вспыхнули и тут же погасли два алых огня, снова зазвучал смех, еще более пронзительный, чем прежде.

— Значит, ты готов сразиться с демоном? Очень хорошо! Посмотрим, кто из нас победит! — Темная тень нетерпеливо взмахнула рукой.

Доктор Рок успел пройти полпути до лестницы, когда прямо перед ним возникло огромное чудовище. Его пасть была усеяна несколькими рядами острых клыков, глаза горели злобным огнем, точно два раскаленных угля. От мерзкой твари исходил затхлый запах смерти. Золотой Призрак атаковал противника, и его кулак погрузился в холодную липкую плоть. В то же мгновение когти демона вцепились в плечо Доктора Рока. Острая

боль означала только одно: перед ним оказался не обычный человек, для которого он был неуязвим: чудовище явилось из преисподней и может уничтожить его — впрочем, он сам также в состоянии расправиться с ним.

В следующий момент огромная рука нанесла ему такой сильный удар в грудь, что Золотой Призрак не удержался на ногах и отлетел назад, затем споткнулся обо что-то, потерял равновесие и рухнул навзничь на холодный каменный пол. Демон повалился прямо на него. Сверкающие желтые клыки потянулись к горлу.

Доктор Рок сумел отчаянным рывком высвободить левую руку и ударил чудовище прямо в морду. Затем призрачные мышцы напряглись, и правый кулак с огромной силой нанес другой удар. Тварь взвыла от боли, откатилась на бок, а затем быстро вскочила на ноги. Впрочем, этого короткого мгновения передышки хватило Золотому Призраку, чтобы подняться.

Бросая на Доктора Рока голодные, злобные взгляды, демон, расставив пошире руки в надежде его схватить, снова бросился в атаку. Но Золотой Призрак сделал шаг в сторону, а затем поднырнул под расставленные руки и подпрыгнул вверх, в то время как демон не успел среагировать и промчался мимо. Однако уже в следующую минуту он развернулся, чтобы снова пойти в наступление, и парящий в воздухе Призрак нанес ему мощный удар ногами. Голова чудовища развалилась на куски, словно арбуз от удара палки, тело рухнуло на пол.

Дьявольский хохот прокатился по храму.

— Отлично, дух! Ты меня развлек! — Под капюшоном существа, стоявшего на лестнице, сверкнули две алые вспышки. — Но я не простой демон. Я Саагаэль, Принц демонов, Царь преисподней! Мой слуга, которого ты победил с таким трудом, жалкое насекомое по сравнению со мной! — Саагаэль поднял руку и махнул в сторону распростертого на полудемона. — Ты показал, на что способен, теперь моя очередь продемонстрировать свое могущество. Оболочка, которую ты обнаружил, — моих рук дело, ведь меня называют Пожирателем Душ. Этот смертный не узнает загробной жизни, ни прощения, ни проклятия, ни бессмертия. Я уничтожил его душу, а это гораздо хуже смерти.

Золотой Призрак недоверчиво посмотрел на него.

— Ты хочешь сказать…

В голосе Принца демонов звучало торжество.

— Да! Думаю, ты понимаешь, что я хотел сказать. Трепещи! Ты всего лишь дух, у тебя нет тела. Я бессилен против физической оболочки смертного, но тебя, духа, я могу легко

уничтожить. Однако я получу гораздо больше удовольствия, глядя на то, как ты будешь в ужасе наблюдать, как я подчиняю себе твой мир. Тебе будет дано увидеть, какая судьба ждет планету, которой я когда-то правил, еще до начала ее истории. Она снова станет моей!

Лорд Мрака широко развел руки в стороны, и перед глазами охваченного ужасом Доктора Рока появились страшные картины.

Он увидел, как люди идут войной друг на друга, движимые ненавистью и яростью. Ухмыляющаяся смерть была повсюду. Мир погрузился в хаос и разрушение. А потом на землю обрушились потоки вода, огонь, и чума, и голод. Страх и суеверия достигли небывалых высот. Церкви рушились, и на фоне ночного неба полыхали кресты. Вместо них появлялись наводящие ужас уродливые статуи, прославляющие Принца демонов. Люди по всему миру склонялись перед темными алтарями и отдавали своих дочерей служителям Саагаэля. Ночные хищники снова обрели силу, лилась кровь невинных жертв. Закрытые двери не защищали людей от слуг Саагаэля, в то время как их господин охотился за душами. Ворота Корлоса открылись, и огромная черная тень окутала мир.

Так же неожиданно, как возникли, страшные картины исчезли, и в храме снова воцарился мрак, а мерзкий смех звучал еще более жестоко, чем прежде. Казалось, он летит из всех углов, из всех ниш, эхом разносится по огромному каменному строению.

— Уходи, дух, пока ты меня не утомил. Мне нужно отлучиться, чтобы кое-что подготовить, и я не хочу, вернувшись, снова встретиться с тобой. Кстати, обрати внимание вот на что — сейчас утро, но снаружи по-прежнему темно. С этой минуты на земле воцарится вечная ночь!

Мрак рассеялся, и Доктор Рок увидел, что Саагаэль исчез, прихватив с собой останки поверженного демона. Только он сам и существо, которое когда-то было человеком по имени Джаспер, остались здесь, окруженные тишиной, темнотой и пылью.

Они наступали со всех сторон: из жарких джунглей и обжигающей пустыни, расположенной за ними, из больших европейских городов и холодных северных районов Азии. Они были жестокими, безжалостными, словно животные, — те, кто ждал Принца демонов и приветствовал его приход. Они изучали оккультные науки, черную магию и древние манускрипты, которым не верит ни один разумный человек, им были известны тайны, о каких люди говорят только шепотом. Они знали о существовании Саагаэля, поскольку их легенды повествовали о сумрачном, давно забытом остальными людьми времени, когда

Повелитель мрака правил Землей.

Теперь же они собирались из самых дальних уголков земли к его храму, чтобы поклониться его статуе. Даже темному богу нужны священнослужители, и они с радостью шли к нему в надежде получить взамен запретное знание. Когда долгая ночь опустилась на землю и Принц демонов вышел на охоту, чтобы утолить свой голод, они поняли, что пришел их час. Нечестивые и порочные заполнили огромный храм, там они распевали гимны и читали книги в ожидании своего господина, потому что Саагаэль все еще не вернулся с охоты. Он давно не забирал души людей, поэтому никак не мог утолить голод.

Постепенно его слуг начало охватывать нетерпение, и они решили призвать его. Факелы озарили черные своды и стеньг храма, и сотни людей затянули хвалебный гимн. Они читали громко из нечестивых книг, чего не осмеливались делать многие годы, и произносили его имя.

— Саагаэль! — унесся ввысь призыв и эхом промчался по громадному храму.

— Саагаэль! — звучало все громче и громче, пока рев не стал оглушительным.

— Саагаэль! — Дикий гул заполнил ночь, землю, воздух.

Юную девушку привязали к жертвенному алтарю, она извивалась, натягивая путы, пыталась вырваться, в огромных глазах застыл ужас. Главный священник, звероподобный верзила с алой щелью вместо рта и темными поросячьими глазками, приблизился к ней. В руке у него был зажат длинный сверкающий нож из серебра, от лезвия которого отражался свет факелов.

Он остановился и поднял взгляд к громадному, нависающему над алтарем изображению Принца демонов.

— Саагаэль, — произнес он так, что от его нечеловеческого хриплого шепота стыла в жилах кровь. — Принц демонов. Повелитель Мрака, Царь преисподней, мы призываем тебя. Пожиратель душ, мы, твои последователи, ждем тебя. Услышь нас и приди. Прими наш дар — душу и дух юной девушки!

Он опустил глаза. Нож медленно начал подниматься, а потом поплыл вниз. В храме повисла напряженная тишина. Девушка закричала.

Вдруг перед алтарем возникла сияющая призрачная фигура, и ночь разорвал зелено-золотой свет. Белая рука выхватила нож из корявой лапы священника. Не говоря ни слова, призрак поднял тонкий клинок и вонзил его в грудь верзилы. Потекла кровь, тело со стуком упало на пол, и по храму пронесся дружный вздох.

Когда Призрак спокойно повернулся и разрезал путы потерявшей сознание девушки, среди собравшихся зазвучали

возмущенные вопли, исполненные ярости и страха:

— Саагаэль, защити, защити нас!

В храме воцарился кромешный мрак — погасли один за другим все факелы. Черная тень пронеслась по воздуху, начала мерцать и в следующее мгновение обрела очертания человеческой фигуры. Присутствующие испустили дружный вздох облегчения и возликовали от радости.

Черные тени под капюшоном разрывали огненные сполохи.

— Ты зашел слишком далеко, дух, — прогремел голос Принца демонов. — Ты напал на смертных, которые продемонстрировали мудрость, решив служить мне, и за это ты заплатишь своей душой!

Черное облако, окружавшее Властителя Корлоса, обрело плотность и начало поглощать свет, который струился от зелено-золотой фигуры.

— Неужели? — воскликнул Доктор Рок. — Я так не думаю! Ты стал свидетелем демонстрации лишь малой толики моего могущества — тебе про меня известно далеко не все. Ты рожден из мрака, смерти и крови, Саагаэль. Ты являешься воплощением зла и мерзкой мертвой плоти. Меня же создали силы, по сравнению с которыми ты жалкий карлик, они могут уничтожить тебя движением мысли. Я бросаю вызов тебе и тем ничтожествам, которые тебе служат!

Свет, окружавший Золотого Призрака, снова вспыхнул и наполнил храм, точно сияние маленького солнца, прогнав чернильный мрак, который теперь окутывал лишь фигуру своего господина. Похоже, у Властителя Корлоса впервые возникли сомнения в собственной неуязвимости. Однако он справился с собой и молча поднял руку, чтобы вобрать в нее могущество мрака, смерти и страха. Затем шар, наполненный мощной пульсирующей энергией злобы и нечестивости, помчался вперед, к своей цели.

Золотой Призрак стоял не двигаясь. Огненный шар ударил в него, и на мгновение в смертельной схватке сошлись свет и мрак. Затем свет погас, и Доктор Рок безмолвно рухнул на пол.

Ужасный смех наполнил помещение. Саагаэль повернулся к своим подданным.

— Так умирают те, кто бросает вызов моей темной силе, те, кто выступает против воли… — Он замолчал, потому что на лицах его учеников, которые смотрели ему за спину, появилось выражение глубокого, непреодолимого ужаса.

Принц демонов резко развернулся.

Золотой Призрак поднимался на ноги. Вспыхнул свет, и страх охватил Властелина Корлоса. Но ему опять удалось справиться со

своими сомнениями, и вновь страшный шар пронесся по воздуху и ударил в надвигающегося на него Доктора Рока. И снова Астральный Мститель упал, но уже в следующее мгновение Саагаэль с нарастающим ужасом увидел, что его противник поднялся на ноги. Молча, не произнося ни единого звука, Призрак наступал, приближаясь к Саагаэлю.

После третьего удара Доктор Рок снова поднялся, и толпа издала дружный вопль ужаса. Золотой Призрак продолжал приближаться к Принцу демонов. Подняв сияющую руку, он заговорил:

— Что ж, Саагаэль, я сумел выстоять против твоих самых могучих ударов. И теперь ты узнаешь, какова моя сила!

— Н-нееееет! — Оглушительный вопль разнесся по всему храму.

Лорд Мрака задрожал, его тело начало превращаться в большое черное облако. Над алтарем открылась щель, в ее глубине клубился туман, а в вечном мраке двигались тени. Черное облако потекло к щели и исчезло. В следующее мгновение стена над алтарем сомкнулась.

Доктор Рок повернулся к смертным, которые заполнили храм. Перед ним стояли потрясенные, испуганные, сломленные слуги Саагаэля. В следующее мгновение, воя от ужаса, они бросились к выходу из храма. Затем Призрак шагнул к алтарю, вздрогнул и упал.

Спустя несколько секунд из темной ниши вышел второй Астральный Мститель, приблизился к алтарю и склонился над первым. Призрачная рука стерла грим с его лица, и тихий голос нарушил тишину.

— Он назвал тебя оболочкой — пустой оболочкой — и был прав. Я надел тебя, как костюм. Он не мог причинить вреда твоему телу, поэтому я покинул тебя перед тем, как он начал наносить свои удары. Даже такую тварь можно обмануть и напугать.

Доктор Рок выпрямился. Могучие руки ухватились за постамент памятника Саагаэлю, мышцы напряглись. Статуя упала, превратившись в мелкие осколки, которые теперь валялись рядом с пустой оболочкой, оставшейся от одетого в зелено-золотой костюм существа, которое когда-то звалось Джаспером.

Золотой Призрак огляделся по сторонам, и на его бледном лице промелькнула ироничная улыбка.

— Даже несмотря на то, что он уничтожил твою душу и сознание, ты, человек, стал причиной падения Лорда Мрака.

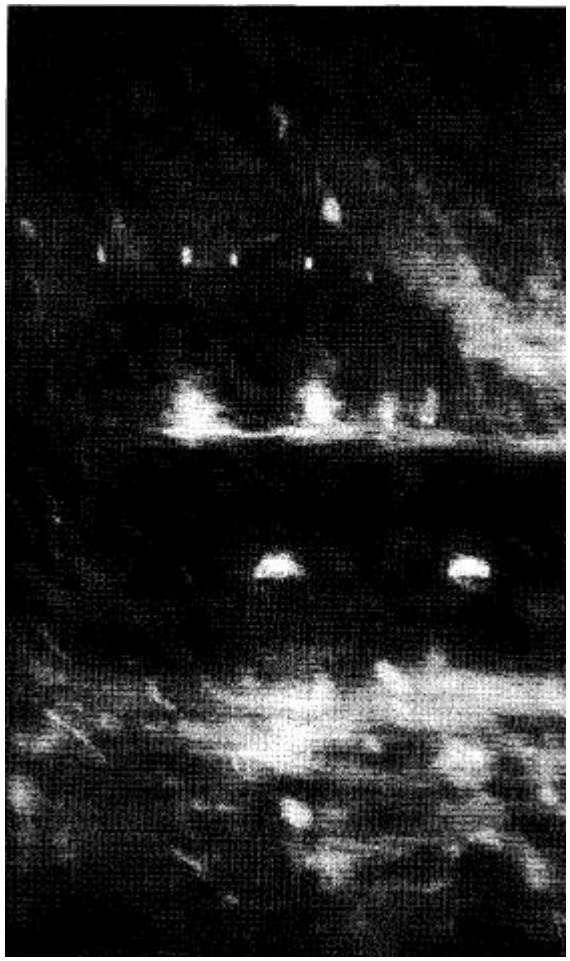
Он поднял глаза и посмотрел на девушку на алтаре, которая уже очнулась от обморока.

— Не бойся. Я отведу тебя домой.
Вечная ночь закончилась.

Крепость
© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

Ты видел, как серые стены встают
Над морем, над пеной седой,
И камни опасную песню поют,
Расправой грозя и бедой:
«Достаточно взгляда на грозную твердь,
Чтоб ты, нечестивец, нашел свою смерть.

Тишком ли идешь меж прибрежных коряг,
По полю ли волком бежишь,
Владычица моря услышит твой шаг,
Наполнится грохотом тишь,
Когда расплюются свинцовым плевком
Сто пушечных жерл с ненавистным врагом…»
Й. Л. Рунеберг. Сказания прапорщика Сталя[6]



Безмолвный и одинокий в ночи, среди моря льда, Свеаборг ждал.

Шесть островных крепостей отбрасывали тени в лунном свете — они ждали. Неровные гранитные стены высились над островами, ощетинившись рядами молчаливых пушек, — они ждали. А за стенами около пушек днем и ночью сидели мрачные, полные решимости мужчины — они ждали.

Прилетевший с северо-запада ветер донес до Свеаборга звуки и запахи далекого города. Полковник Бенгт Антонен дрожал от холода, вглядываясь в ночь. Форма свисала с его худого мускулистого тела, в серых глазах застыло беспокойство.

— Полковник? — раздался голос за его спиной.

Антонен чуть обернулся и хмыкнул. Капитан Карл Баннерсон четко отдал ему честь и встал рядом.

— Надеюсь, я не побеспокоил вас, — сказал он.

— Ничуть, Карл. Я просто задумался.

Они немного помолчали.

— Русские сегодня особенно разошлись. Был жуткий обстрел, — начал Баннерсон. — Несколько человек ранены на льду, нам пришлось погасить два костра.

Полковник продолжал разглядывать глыбы льда за стенами.

— Людям не следовало находиться там, — рассеянно проговорил он.

Баннерсон, поколебавшись несколько мгновений, все-таки решился спросить:

— Что вы имеете в виду?

Старший офицер продолжал молча смотреть в ночь. Так прошло несколько минут, затем Антонен повернулся к капитану. На его лице застыло напряженное беспокойство.

— Что-то не так, Карл. Что-то очень не так.

В голубых глазах капитана промелькнула озадаченность.

— В каком смысле?

— Адмирал Кронштет, — ответил полковник. — Мне совсем не нравится то, что он делает в последнее время. Он меня беспокоит.

— Что вы имеете в виду?

Антонен покачал головой.

— Его приказы. И то, как он разговаривает. — Высокий, худой финн показал на город, расположенный вдалеке. — Помнишь, когда в начале марта русские осадили город? Они притащили на санях батарею и установили ее на скале около гавани Хельсинки. Когда мы начали отвечать на их обстрелы, каждый наш выстрел сказывался на городе.

— Совершенно верно. И что?

— Тогда русские попросили о перемирии и вступили с нами в переговоры. Адмирал Кронштет дал свое согласие на то, чтобы сделать Хельсинки нейтральной зоной с условием, что ни одна из сторон не будет строить там укрепления. — Антонен достал из кармана листок бумаги и помахал им перед носом Баннерсона, — Генерал Сухтелен позволяет офицерским женам, живущим в городе, время от времени нас навещать, и через них я получил вот этот доклад. Складывается впечатление, что русские действительно убрали оттуда пушки, но зато перевели в Хельсинки свои бараки, госпитали и лавки. И мы ничего не можем сделать!

Баннерсон нахмурился.

— Теперь я понял. Адмирал читал доклад?

— Разумеется, — нетерпеливо ответил Антонен. — Но он не желает ничего предпринимать. Ягерхорн и его шайка убедили адмирала в том, что докладу не стоит доверять. И теперь русские

сидят в городе в полной безопасности.

Он сердито смял листок и засунул его в карман.

Баннерсон промолчал, и полковник снова, бормоча под нос ругательства, отвернулся к стенам крепости.

Несколько минут царило напряженное молчание. Капитан смущенно потоптался на месте, а потом, откашлявшись, спросил:

— Вы считаете, что нам угрожает серьезная опасность?

Антонен рассеянно взглянул на него.

— Опасность? — переспросил он. — Нет, конечно. Крепость очень сильна, а русские — слабы. Им потребуется гораздо больше артиллерии и людей, чтобы решиться на штурм. А у нас достаточно продовольствия, чтобы выдержать любую блокаду. Как только снег растает, Швеция пришлет нам подкрепление с моря. — Он помолчал немного, а затем продолжил: — Однако я обеспокоен. Семья Кронштета осталась здесь вместе с другими беженцами, и он сильно за них волнуется. Адмирал видит слабые места повсюду. Солдаты верны своей клятве и готовы умереть, защищая Свеаборг, но офицеры… — Антонен вздохнул и покачал головой.

Повисло молчание, затем полковник произнес:

— Здесь ужасно холодно. Пойдем-ка лучше внутрь. Баннерсон улыбнулся.

— Вы правы. Может быть, Сухтелен пойдет завтра в атаку и решит все наши проблемы.

Полковник рассмеялся и хлопнул его по спине. Тогда они поспешно покинули бастион.

— Если адмирал позволит — я не согласен. Не вижу причин вступать сейчас в переговоры. Свеаборгу не страшен штурм, а припасов у нас больше чем достаточно. Генерал Сухтелен не может нам ничего предложить.

На лице полковника Антонена застыла маска сдержанного спокойствия, однако костяшки пальцев, сжимавших рукоять сабли, побелели, когда он произнес эти слова.

— Чушь! — Аристократическое лицо полковника Ягсрхорна скривилось в презрительной усмешке. — Мы оказались в очень серьезном и даже опасном положении. Адмиралу прекрасно известно, что у нас слабая оборона, кроме того, мы стали еще более уязвимы из-за льда, благодаря которому враг может подобраться к нам отовсюду. Запасы пороха подходят к концу. Русские обстреливают нас из своих пушек, и их количество увеличивается с каждым днем.

Сидевший за столом коменданта вице-адмирал Карл Олоф Кронштет мрачно кивал.

— Полковник Ягерхорн совершенно прав, Бенгт. У нас имеется множество причин для того, чтобы встретиться с генералом Сухтеленом. Свеаборг в опасности.

— Но, адмирал… — Антонен взмахнул бумагами, которые держал в руке. — В докладах, которые я получил, ни о чем подобном не сообщается. У русских всего около сорока пушек, и мы продолжаем превосходить их числом. Они не могут пойти в наступление.

— Если так говорится в ваших докладах, полковник, — с усмешкой заявил Ягерхорн, — значит, они ошибаются. Лейтенант Клик находится в Хельсинки, он сообщает мне, что враг значительно превосходит нас числом. И у них гораздо больше сорока пушек!

Антонен повернулся к своему коллеге и раздраженно выкрикнул:

— Клик! Вы слушаете Клика! Клик идиот и аньяльский предатель; если он находится в Хельсинки, так это потому, что он работает на русских[7].

— Кое-кто из моих родственников являлся членом Аньяльского союза, они не предатели, как, впрочем, и Клик. Они финны, которые любят свою родину, — холодно и высокомерно заметил Ягерхорн.

Бенгт Антонен прорычал что-то невразумительное и снова повернулся к Кронштету.

— Адмирал, я могу поклясться, что мои доклады абсолютно точны. Нам нечего бояться, если мы продержимся до того момента, когда начнет таять лед. А мы сделаем это без проблем. Как только откроется навигация, Швеция пришлет нам подкрепление.

Кронштет медленно поднялся со стула, и Антонен впервые заметил, какое у него измученное лицо.

— Нет, мы не можем отказаться от переговоров. — Он покачал головой и улыбнулся. — Ты слишком яростно рвешься в бой. Мы не имеем права действовать необдуманно.

— Если в этом есть необходимость, вступайте в переговоры. Но ничего не отдавайте врагу. Судьба Швеции и Финляндии зависит от нас. Весной генерал Клингспор и шведский флот начнут контрнаступление с целью изгнать русских из Финляндии, но для этого мы должны удержать Свеаборг. Моральный дух армии будет сильно подорван, если крепость падет. Несколько месяцев, господин адмирал… Нам нужно продержаться всего несколько месяцев, а потом Швеция выиграет войну.

На лице Кронштета появилось отчаяние.

— Полковник, похоже, вы не в курсе последних новостей.

Швеция подвергается повсеместным атакам; ее армия терпит поражение на всех фронтах. Мы не можем рассчитывать на победу.

— Эти новости напечатаны в газетах, которые вам присылает генерал Сухтелен; по большей части в русских газетах.

Неужели вы не понимаете, господин адмирал, что они лживы? Мы не можем на них полагаться.

Ягерхорн цинично захохотал.

— Какая разница, правдивы новости или нет? Антонен, ты и в самом деле думаешь, будто Швеция может одержать победу? Ты полагаешь, будто маленькое бедное северное государство в состоянии противостоять России, чья территория тянется от Балтийского моря до Тихого океана, от Черного моря до Северного Ледовитого океана? России, союзнице Наполеона, которая легко раздавила коронованные головы Европы? — Он снова холодно рассмеялся. — Мы разбиты, Бенгт, разбиты. Нам остается только позаботиться о наиболее выгодных условиях мира.

Антонен несколько мгновений молча смотрел на Ягерхор-на, а когда заговорил, его голос звучал напряженно и резко.

— Ты пораженец, трус и предатель. Ты позоришь форму, которую носишь.

Глаза аристократа полыхнули яростью, и рука непроизвольно потянулась к рукояти сабли. Он даже сделал угрожающий шаг вперед.

— Господа, господа. — Кронштет быстро встал между офицерами. — Мы находимся в осаде, наша родина в огне, наши армии терпят поражение. Сейчас не время ссориться. Его лицо стало суровым и жестким. — Полковник Ягерхорн, немедленно возвращайтесь в расположение своего полка.

— Слушаюсь, господин адмирал. — Ягерхорн отдал честь, развернулся и покинул комнату.

Кронштет печально покачал головой.

— Бенгт, Бенгт, ну почему ты не понимаешь? Ягерхорн прав, и остальные офицеры с ним согласны. Если сейчас мы вступим в переговоры, то, возможно, сумеем спасти флот и жизни наших солдат.

Полковник Антонен стоял навытяжку и смотрел мимо адмирала, словно того не было в комнате.

— Адмирал, — сказал он холодно, — а если бы вы думали так же перед Руотсинсалми? Что сталось бы тогда с вашей победой? Пораженчество не помогает выигрывать сражения…

Сердитый голос Кронштета прервал его:

— Достаточно, полковник. Я не намерен терпеть

неповиновение. Обстоятельства вынуждают меня вступить в переговоры о сдаче Свеаборга. Встреча между мной и Сухтеленом назначена на шестое апреля, и я на нее отправлюсь. А вы больше не будете подвергать сомнению мое решение. Это приказ!

Антонен молчал.

Адмирал Кронштет несколько минут глядел на него, и в его глазах продолжал полыхать гнев. Затем он нетерпеливо показал на дверь.

— Вы свободны, полковник. Немедленно возвращайтесь в расположение своей части.

Капитан Баннерсон с трудом скрывал потрясение и удивление.

— Этого не может быть! Мы сдадимся? Но почему адмирал принял такое решение? Солдаты, по крайней мере, готовы сражаться…

Антонен невесело улыбнулся. В его глазах застыло невыразимое отчаяние, а рука то и дело сжимала рукоять клинка. Он прислонился к украшенному изысканной резьбой надгробию — оно располагалось в тени деревьев внутри одного из центральных двориков крепости Варгон. Баннерсон застыл на ступенях лестницы, ведущей к мемориалу.

— Все мужчины хотят сражаться. — Полковник пожал плечами. — В отличие от офицеров. — Он снова рассмеялся. — Адмирал Кронштет — герой победоносного сражения при Руотсинсалми — превратился в неуверенного, охваченного страхом старика. Генерал Сухтелен его переиграл: газеты, которые он присылает ему из Франции и России, слухи из Хельсинки, доставляемые офицерскими женами, — все это поселило в его душе зерно пораженчества. А полковник Ягерхорн помог этому зерну прорасти.

Баннерсон по-прежнему не мог понять, что происходит.

— Но чего… чего боится адмирал?

— Всего. Он видит слабые места в нашей обороне там, где их нет. Он боится за судьбу своей семьи, за флот, который когда-то привел к победе. Адмирал утверждает, будто Свеаборг беспомощен перед наступившей зимой. Он слаб и напуган, и всякий раз, когда его охватывают сомнения, Ягерхорн и его шайка убеждают его в том, что он совершенно прав.

Лицо Антонена исказила гримаса ярости. Он уже больше не мог сдерживаться, и его голос сорвался на крик.

— Трусы! Предатели! Адмирал Кронштет дрожит от страха и не уверен в себе, но если бы они проявили твердость, он тоже смог бы собрать остатки своей храбрости и здравого смысла.

— Полковник, прошу вас, не так громко, — остановил его

Баннерсон. — Если то, что вы говорите, правда, что мы можем сделать?

— Переговоры назначены на завтра. Кронштет может не принять условий, но если он на них согласится, мы должны быть готовы. Соберите всех верных людей и скажите, чтобы оставались в полной боевой готовности. Можете называть это мятежом, если хотите, но Свеаборг не сдастся без боя, пока в стенах крепости остается хотя бы один честный солдат, который сможет заряжать пушки. — Финский офицер выпрямился и убрал в ножны клинок. — А я тем временем поговорю с полковником Ягерхорном. Может быть, удастся остановить это безумие.

Смертельно побледневший Баннерсон медленно кивнул и повернулся, собираясь уйти. Антонен направился к лестнице, но в следующее мгновение остановился.

— Карл? — позвал он, и швед обернулся. — Надеюсь, вы понимаете, что моя жизнь и, возможно, будущее Финляндии в ваших руках?

— Вы можете нам доверять, — ответил Баннерсон.

Оставшись в одиночестве, Антонен посмотрел на могилу.

— Ты построил отличную крепость, Эренсвард. — Его тихий голос едва слышно прозвучал в ночи. — Будем надеяться, что люди, которые ее охраняют, сравнятся с ней в надежности.

Ягерхорн нахмурился, увидев, кто стоит на пороге.

— Ты? После всего, что произошло сегодня? А ты, оказывается, смельчак. Чего ты хочешь?

Антонен проследовал за ним в комнату и прикрыл за собой дверь.

— Мне нужно поговорить с тобой. Я хочу, чтобы ты изменил свое отношение к происходящему. Кронштет прислушивается к тебе; если ты будешь против, он не станет капитулировать. И Свеаборг не падет.

Ухмыльнувшись, Ягерхорн сел в кресло и откинулся на высокую спинку.

— Возможно. Я ведь его родственник. Адмирал уважает мое мнение. Речь не о том: Швеция не в состоянии выиграть войну, и чем дольше мы тянем, тем больше финнов гибнет в сражениях. — Он спокойно посмотрел на своего нежданного гостя и продолжил: — Швеция проиграла. Но Финляндии нет никакой необходимости терпеть поражение. Царь Александр заверил нас, что Финляндия будет автономным государством под его защитой. Мы получим гораздо больше свободы, чем имели раньше, под шведами.

— Но мы же шведы! — возразил Антонен. — Наш долг защищать нашего короля и родину. — Его голос дрожал от

возмущения.

Легкая улыбка появилась на губах его собеседника.

— Шведы? Мы финны. Что сделала для нас Швеция? Получала налоги, забирала наших юношей и оставляла их умирать в грязи в Польше, Германии и Дании. Она превратила нашу родину в поле боя, где ведет свои войны. И ради всего этого мы должны хранить верность Швеции?

— Швеция поможет нам, когда растает лед. Нам нужно продержаться только до весны и дождаться шведского флота.

Ягерхорн вскочил на ноги.

— Полковник, на вашем месте я бы не стал рассчитывать на помощь Швеции! Вам следует освежить в памяти историю этой страны. Где был Карл XII, когда он был так нам нужен? Разъезжал по всей Европе, а для бедной страдающей Финляндии у него не нашлось свободной армии. Где сейчас маршал Клингспор, когда русские разоряют наши земли и сжигают города? Разве он сражается за Финляндию? Нет! Он отступил — чтобы оградить Швецию от нападения врага! — В его словах прозвучали горечь и насмешка одновременно.

— Значит, ты готов променять Швецию, которая не бросилась нам на помощь сразу, на Россию? На тех, кто является нашим историческим врагом? На тех, кто в эту минуту убивает наших сограждан? Мне представляется, что сделка получается не слишком выгодная.

— Нет. Сейчас русские относятся к нам как к врагам, но, когда мы встанем на их сторону, все изменится. Нам больше не придется каждые двадцать лет сражаться в войне, чтобы доставить удовольствие шведскому королю. Нам больше не придется платить жизнями финнов за амбиции Карла XII или Густава III. Как только Финляндией будет править русский царь, мы получим мир и свободу.

В взволнованном голосе Ягерхорна тем не менее звучала уверенность. Антонен печально, почти с сожалением, посмотрел на Ягерхорна и вздохнул.

— Я ошибся, думая, что ты предатель. Ты идеалист и мечтатель.

— Мечтатель? — Ягерхорн удивленно приподнял брови, — Нет, Бенгт, это ты мечтатель. Ты обманываешь себя надеждами на победу шведов. Я же вижу мир таким, какой он есть, и выполняю его условия.

Антонен покачал головой.

— Мы много лет сражались с Россией и были врагами на протяжении веков. И ты думаешь, что мы сможем мирно сосуществовать? Ничего не выйдет, полковник. Финляндия

слишком хорошо знает Россию. И она не забывает. Это не последняя наша война с Россией.

Он медленно повернулся и открыл дверь, собираясь уйти. Затем, словно ему неожиданно пришла в голову новая мысль, остановился и оглянулся на своего собеседника.

— Ты всего лишь запутавшийся мечтатель, а Кронштет — слабый старик. — Потом он тихонько рассмеялся. — Ненавидеть больше некого, Ягерхорн. Некого ненавидеть.

Дверь неслышно закрылась, и полковник Бенгт Антонен остался один в темном тихом коридоре. Устало прислонившись к холодной каменной стене, он всхлипнул, закрыв лицо руками. Его хриплого прерывающегося шепота никто не услышал:

— Бог мой, мечты дурака и сомнения старика. А вместе они погубят Северный Гибралтар.

Затем он выпрямился и вышел в ночь.

— «…будет позволено отправить двух курьеров к королю, одного по северной, а другого по южной дороге. Они получат паспорта и охрану, а также все необходимое для успешного завершения миссии. Составлено на острове Лонан шестого апреля тысяча восемьсот восьмого года».

Монотонный голос офицера, который читал соглашение, неожиданно смолк, и в большом зале повисла тишина. Из дальнего конца послышалось недовольное бормотание, кто-то из офицеров шведов шумно пошевелился, тем не менее присутствующие на совете хранили молчание.

Адмирал Кронштет медленно поднялся из-за стола коменданта Свеаборга. Он казался старше своих лет, лицо осунулось, усталые глаза покраснели. Те, кто сидел ближе остальных, видели, как дрожат его руки с шишковатыми пальцами.

— Таково соглашение, которое мы заключили, — начал он. — Учитывая положение, в котором оказался Свеаборг, это даже лучше, чем мы могли надеяться. Мы уже использовали треть наших возможностей. Из-за льда мы открыты для нападения со всех сторон. Враг превосходит нас числом, кроме того, мы вынуждены заботиться о большом количестве беженцев, запасы провианта расходуются с головокружительной скоростью. В данных условиях генерал Сухтелен вполне мог потребовать полной капитуляции.

Кронштет замолчал и провел рукой по волосам, вглядываясь в лица шведских и финских офицеров, сидевших перед ним.

— Но не потребовал. Вместо этого он позволил нам оставить себе три из шести островов Свеаборга, и мы вернем себе еще два,

если пять шведских кораблей прибудут к нам на помощь до третьего мая. Если же нет, придется капитулировать. Но в любом случае после войны Швеция получит назад свой флот, а договор о перемирии, заключенный сейчас, позволит нам сохранить жизни наших людей.

Адмирал замолчал и опустил голову. Полковник Ягерхорн, сидевший рядом с ним, мгновенно вскочил на ноги.

— Я участвовал в переговорах вместе с адмиралом. Это хороший договор, очень хороший. Генерал Сухтелен предоставил нам исключительно великодушные условия. Однако если помощь Швеции не подоспеет вовремя, нам придется подготовиться к сдаче гарнизона. Такова цель нашего совещания. Мы…

— Нет!

Громкий крик пронесся по залу заседаний и эхом отразился от стен, прервав Ягерхорна на полуслове. Все дружно повернулись к полковнику Бенгту Антонену, который стремительно поднялся с места. Он был бледен как полотно и судорожно сжимал кулаки.

— Великодушные условия? Ха! О каких великодушных условиях вы говорите? — В его голосе звучала неприкрытая насмешка. — Немедленная сдача Вестер-Сварто, Остер-Лилла-Сварто и Лангорна; остальные острова Свеаборга пойдут следом. Это великодушные условия? Нет! Никогда! Это чуть больше, чем сдача, отложенная на месяц. Хотя нет никакой необходимости капитулировать. Враг не превосходит нас числом. Мы не слабы. Свеаборгу не нужно продовольствие — ему требуется лишь немного храбрости и веры.

Неожиданно в комнате словно повеяло ледяным ветром, это адмирал Кронштет посмотрел на бунтовщика с отвращением на лице. Когда он заговорил, в его голосе появился намек на прежнюю властность.

— Полковник, я должен напомнить вам о приказе, который я отдал вам вчера. Я устал от того, что вы подвергаете сомнениям все мои действия. Да, я пошел на уступки, но дал нам шанс сохранить все, что принадлежит Швеции. Это наш *единственный* шанс! А теперь сядьте, полковник.

Его слова приветствовал согласный ропот остальных офицеров. Антонен окинул их негодующим взглядом и снова повернулся к адмиралу.

— Слушаюсь, — сказал он. — Но этот шанс, который, по вашим словам, вы нам дали, вовсе таковым не является. Шведские корабли…

Кронштет прервал его.

— Я отдал вам приказ, полковник, — непререкаемым тоном произнес он. — Сядьте!

Антонен холодно на него посмотрел, его кулаки сжимались и разжимались, на мгновение в зале повисла напряженная тишина. Потом он сел.

Полковник Ягерхорн откашлялся и пошелестел бумагами, которые держал в руке.

— Давайте продолжим. Сначала мы должны отправить посланника в Стокгольм. Здесь важна скорость. Русские обеспечат нас необходимыми документами.

Он обвел взглядом собравшихся.

— Если адмирал не против, я предлагаю кандидатуру лейтенанта Эриксона и…

Он помолчал несколько секунд, и на лице у него появилась улыбка.

— …и капитана Баннерсона.

Кронштет кивнул.

Утренний воздух был прозрачным и холодным, на востоке вставало солнце. Но никто не смотрел на него, глаза всех обитателей Свеаборга были прикованы к темному, затянутому тучами горизонту на западе. В течение многих часов шведы и финны — офицеры и солдаты, моряки и артиллеристы — с надеждой вглядывались в пустынное море. Они смотрели в сторону Швеции и молились о парусах, которые — они знали это наверняка — никогда не появятся у их берега.

Среди тех, кто посылал богам молитву, был и полковник Бенгт Антонен. Стоя на бастионе Варгона, он, как и многие другие в Свеаборге, рассматривал море в маленькую подзорную трубу. И, как и многие другие, ничего не видел.

Сложив трубу, Антонен с хмурым видом отвернулся от укреплений и сказал молоденькому лейтенанту, стоявшему неподалеку:

— Все бесполезно, теряется драгоценное время.

Лейтенант был напуган и страшно нервничал.

— Шанс всегда есть, господин полковник. Срок, объявленный Сухтеленом, истекает в полдень. Времени осталось мало, но никто не может отнять у нас надежду, ведь так?

— Хотелось бы мне верить в лучший исход, — с мрачным видом проговорил Антонен, — но мы обманываем себя. В соответствии с договоренностью суда не только должны показаться к полудню, но и войти в гавань Свеаборга.

На лице юного лейтенанта появилось озадаченное выражение.

— И что? — спросил он.

Бенгт Антонен показал на остров, едва различимый вдалеке.

— Посмотри сюда, — сказал он, и затем его рука сдвинулась, указывая на второй остров. — И туда. Русские укрепления. Они воспользовались перемирием, чтобы взять под контроль подходы с моря. Корабль, который попытается подойти к Свеаборгу, подвергнется серьезному обстрелу. — Полковник вздохнул. — Кроме того, в море полно льда. Еще несколько недель до нас не сможет добраться ни один корабль. Зима и русские объединили свои усилия, чтобы отнять у нас надежду.

Юный лейтенант и полковник с мрачными лицами направились внутрь крепости. В коридорах было холодно и очень тихо. Наконец Антонен заговорил:

— Мы слишком долго ждали, лейтенант. Хватит пустых надежд. Пора нанести удар. — Он посмотрел в глаза своему спутнику. — Собери людей. Время пришло. Встретимся через два часа около моей комнаты.

Лейтенант колебался.

— Господин полковник, — решился он наконец, — вы думаете, у нас есть шанс победить? Нас ведь так мало. Горстка людей против целой крепости.

В тусклом свете коридора лицо Антонена казалось особенно измученным и обеспокоенным.

— Я не знаю, — ответил он. — Ничего не знаю. У капитана Баннерсона были необходимые связи; если бы он остался, у нас набралось бы больше сторонников. Но я не знаю солдат так, как знал их Карл. Мне неизвестно, кому мы можем доверять. — Полковник замолчал и твердой рукой схватил лейтенанта за плечо. Спустя мгновение он продолжил: — Но мы все равно должны попытаться. Всю зиму финская армия голодает и мерзнет и смотрит, как враг сжигает наши дома. Единственное, что дает им силы, это надежда вернуть все назад. Без Свеаборга их мечте не дано осуществиться. — Антонен печально покачал головой. — Мы не можем этого допустить. Потому что вместе с мечтой умрет и Финляндия.

Лейтенант кивнул.

— Можете на нас рассчитывать. Мы еще заставим проснуться адмирала Кронштета. — Он ухмыльнулся и поспешил прочь.

Оставшись в одиночестве в пустынном коридоре, Бенгт Антонен вытащил саблю и повернул ее так, что от клинка отразился тусклый свет, горевший в коридоре. Он с грустью посмотрел на блестящий металл и спросил себя, скольких финнов ему придется убить, чтобы спасти Финляндию.

Оба часовых смущенно переступали с ноги на ногу.

— Я не знаю, полковник, — сказал один из них. — Мы

получили приказ никого не пускать в арсенал без специальной санкции.

— Мне представляется, что мой чин является достаточной санкцией! — рявкнул Антонен. — Я приказываю вам пропустить нас.

Солдат с сомнением посмотрел на своего товарища.

— Ну, — пробормотал он, — наверное, в таком случае…

— Нет, — перебил его другой часовой. — Полковник Ягерхорн приказал нам никого не впускать без специального разрешения адмирала Кронштета, это касается и вас.

Антонен окинул его холодным взглядом.

— Видимо, нам придется поговорить с адмиралом Кронштетом, — заявил он. — Думаю, он будет рад услышать о том, что вы не подчинились прямому приказу.

Солдаты топтались на месте и не сводили глаз с разъяренного полковника. Бенгт Антонен нахмурился и приказал:

— Давайте. Быстрее!

Пистолетные выстрелы, прозвучавшие из ближнего коридора после этих слов, застали часовых врасплох. Один из них вскрикнул от боли и прижал ладонь к окровавленной руке, его пистолет с грохотом упал на пол. Второй резко развернулся на шум, но Антонен тут же метнулся к нему и железной хваткой сжал дуло мушкета. Прежде чем солдат успел понять, что происходит, полковник вырвал у него из рук оружие. Из расположенного справа коридора вышла группа людей, вооруженных в основном мушкетами, у некоторых в руках дымились пистолеты.

— Что будем делать с этими двумя? — спросил мрачного вида капрал, возглавлявший отряд, и демонстративно приставил штык к груди часового, который еще оставался на ногах.

Другой, прижимая к себе простреленную руку, упал на колени.

Передав мушкет часового одному из солдат, стоявших рядом с ним, Бенгт Антонен приказал:

— Свяжите их. И не спускайте с них глаз. Мы не хотим ненужного кровопролития.

Капрал кивнул и штыком показал часовым, чтобы они сдвинулись в сторону. Антонен, повозившись немного с ключами, распахнул тяжелую дверь в арсенал крепости.

Вслед за ним внутрь вбежало несколько человек. Они готовились к этому моменту и потому действовали быстро и слаженно. Тяжелые деревянные ящики протестующе скрипели, когда их начали открывать, послышался звон металла, солдаты, не теряя ни минуты, передавали оружие своим товарищам.

Стоя на пороге, полковник с волнением наблюдал за происходящим.

— Поторопитесь! — приказал он. — И не забудьте прихватить побольше пороха и патронов. Нам придется оставить здесь людей, чтобы они охраняли арсенал от попыток захватить его и…

Услышав выстрелы в дальнем коридоре, а также топот бегущих ног, Бенгт Антонен резко обернулся, шагнул в коридор. И замер на месте.

Солдаты, которых он оставил в коридоре, лежали бесформенной кучей у дальней стены, их оружие валялось неподалеку. Полковник оказался лицом к лицу с отрядом, значительно превосходившим его собственный, а возглавлял его полковник Ягерхорн, который сжимал в руке пистолет.

— Все кончено, Бенгт, — заявил он. — Мы знали, что ты придумаешь что-нибудь в этом роде, и наблюдали за каждым твоим шагом с тех пор, как подписано перемирие. Твой заговор провалился.

— Я бы не был на твоем месте так в этом уверен. — Антонен, несмотря на потрясение, не растерял решимости. — К настоящему моменту мои люди захватили кабинет адмирала Кронштета и, используя его в качестве пленника, отправились к главным батареям.

Ягерхорн откинул голову назад и расхохотался.

— Не будь дураком! Наши люди захватили твоего лейтенанта и его отряд еще прежде, чем они успели подойти к адмиралу. У тебя не было ни одного шанса на победу.

Антонен смертельно побледнел. Ужас и отчаяние промелькнули в его глазах, но их тут же сменил холодный гнев.

— Нет! — выкрикнул он. — Нет!

Выхватив из ножен саблю, которая вспыхнула серебряным светом, он метнулся к Ягерхорну и успел сделать три шага, когда ему в плечо ударила первая пуля. Пальцы разжались, выпуская клинок. Вторая и третья попали ему в живот, и он, скорчившись, опустился на пол.

Ягерхорн бросил на него равнодушный взгляд.

— Эй вы, в арсенале! — крикнул он, и его голос звонким эхом пронесся по коридору. — Сложите оружие и медленно выходите наружу. Нас больше, и вы окружены. Восстание закончено. Не заставляйте нас проливать кровь.

Ответа не было. Ветеран-капрал, которого держали на мушке люди Ягерхорна, крикнул:

— Делайте, как он говорит. У него слишком много людей, нам с ними не справиться. — Он посмотрел на своего командира. — Полковник, прикажите им сложить оружие. У нас

нет ни единого шанса. Скажите им!

Ответа не последовало. Полковник Бенгт Антонен умер.

Спустя всего несколько минут после начала бунт был подавлен. Вскоре над бастионами Варгона взмыл русский флаг.

А потом — и над всей Финляндией.

Эпилог

Старик с трудом приподнялся на кровати и с любопытством уставился на посетителя, который замер в дверях. Это был высокий, могучего телосложения мужчина с холодными голубыми глазами и грязными светлыми волосами, в форме майора шведской армии. Он держался уверенно, как опытный воин.

Затем гость шагнул вперед и остановился у изножья кровати.

— Значит, не узнаете меня, адмирал Кронштет? — проговорил он. — Я знаю почему. Думаю, вы постарались забыть Свеаборг и все, что с ним связано.

Старик отчаянно закашлялся.

— Свеаборг? — едва слышно повторил он, пытаясь вспомнить незнакомца, стоявшего перед ним, — Вы были в Свеаборге?

Его гость рассмеялся.

— Да, адмирал. По крайней мере, некоторое время. Меня зовут Баннерсон, Карл Баннерсон. Тогда я был капитаном.

Кронштет заморгал.

— Да, да, Баннерсон. Я вас вспомнил, хотя вы сильно изменились с тех пор.

— Изменился. Вы отослали меня в Стокгольм, а потом я сражался с Карлом Иоанном против Наполеона. Я видел множество сражений и не одну осаду, сэр. Но я не забыл Свеаборга. И никогда не забуду.

Адмирал скорчился в приступе страшного кашля.

— Что вам нужно? — наконец с трудом проговорил он. — Я не хочу показаться вам грубым, но я болен и мне очень трудно говорить. — Он снова закашлялся. — Надеюсь, вы меня простите.

Баннерсон обвел глазами маленькую грязную спальню, потом выпрямился и достал из нагрудного кармана толстый запечатанный конверт.

— Адмирал, — сказал он и тихонько стукнул конвертом по ладони. — Адмирал, вам известно, какой сегодня день?

Кронштет нахмурился.

— Шестое апреля, — ответил он.

— Да, шестое апреля тысяча восемьсот двадцатого года.

Прошло ровно двенадцать лет с тех пор, как вы встретились с генералом Сухтеленом на Лонане и отдали Свеаборг России.

Старик медленно покачал головой.

— Прошу вас, майор. Вы всколыхнули воспоминания, которые я давным-давно запрятал в самые дальние уголки памяти. Я не хочу говорить про Свеаборг.

Глаза Баннерсона метали молнии.

— Не хотите? Плохо. Вы бы предпочли вспомнить про Руогсинсалми, верно? Но мы не станем обсуждать ваши победы, а поговорим про Свеаборг, желаете вы этого или нет.

В его голосе прозвучала такая ярость, что Кронштет вздрогнул.

— Хорошо, майор. Мне пришлось сдаться. Окруженный со всех сторон льдом, Свеаборг был уязвим. Наш флот оказался в опасности. Порох кончался.

Шведский офицер окинул его презрительным взглядом.

— У меня имеются документы, — сказал он, показывая на конверт, — которые доказывают, как сильно вы ошибались. Факты, адмирал!

Резким движением он разорвал конверт и швырнул бумаги на кровать Кронштета.

— Двенадцать лет назад вы сказали, что враг превосходит нас числом, — начал он, и его голос зазвучал сурово и холодно. — Это было неправдой. Русским едва хватало людей, чтобы взять крепость, когда мы ее сдали. У нас было семь тысяч триста восемьдесят шесть солдат и двести восемь офицеров. Гораздо больше, чем у русских.

Двенадцать лет назад вы заявили, что Свеаборг невозможно удержать зимой из-за льда. Чушь! У меня имеются письма от лучших военных стратегов Швеции, Финляндии и России, которые утверждают, что Свеаборг был очень силен, вне зависимости от времени года.

Двенадцать лет назад вы говорили о страшных обстрелах могучей русской артиллерии. Ее не существовало. У Сухтелена имелось не более сорока шести пушек, в том числе шестнадцать мортир. У нас же было в десять раз больше.

Двенадцать лет назад вы утверждали, что у нас заканчивается провиант, а запас пороха катастрофически истощился. И опять вранье! У нас было девять тысяч пятьсот тридцать пять пушечных снарядов, десять тысяч патронных сумок, два фрегата и более ста тридцати маленьких кораблей, достаточно шкиперского имущества и продовольствия столько, что нам хватило бы на несколько месяцев, а также три тысячи бочонков пороха. Мы вполне могли дождаться помощи от Швеции.

— Прекратите! — выкрикнул адмирал и зажал руками уши. — Прекратите! Я не желаю вас слушать. За что вы меня мучаете? Неужели вы не можете оставить старика в покое?

Баннерсон наградил его презрительным взглядом.

— Я не буду продолжать, — сказал он. — Но я оставлю вам документы. Можете сами их прочитать.

Кронштет задыхался, хватал ртом воздух.

— Это возможность… — с трудом выдавил из себя он, — Возможность сохранить все для Швеции.

Баннерсон рассмеялся, и его горький смех прозвучал жестко и безжалостно.

— Возможность? Я был одним из ваших курьеров, адмирал. Я знаю, какую возможность предоставили вам русские. Они задержали нас на несколько недель. Так когда я добрался до Стокгольма? Когда доставил ваше сообщение?

Старик медленно поднял голову и посмотрел Баннерсону в глаза. Он смертельно побледнел, у него заметно дрожали руки.

— Третьего мая тысяча восемьсот восьмого года, — сказал Баннерсон, и Кронштет вздрогнул, словно его ударили.

Швед повернулся и направился к двери. Затем, остановившись на пороге, снова посмотрел на адмирала.

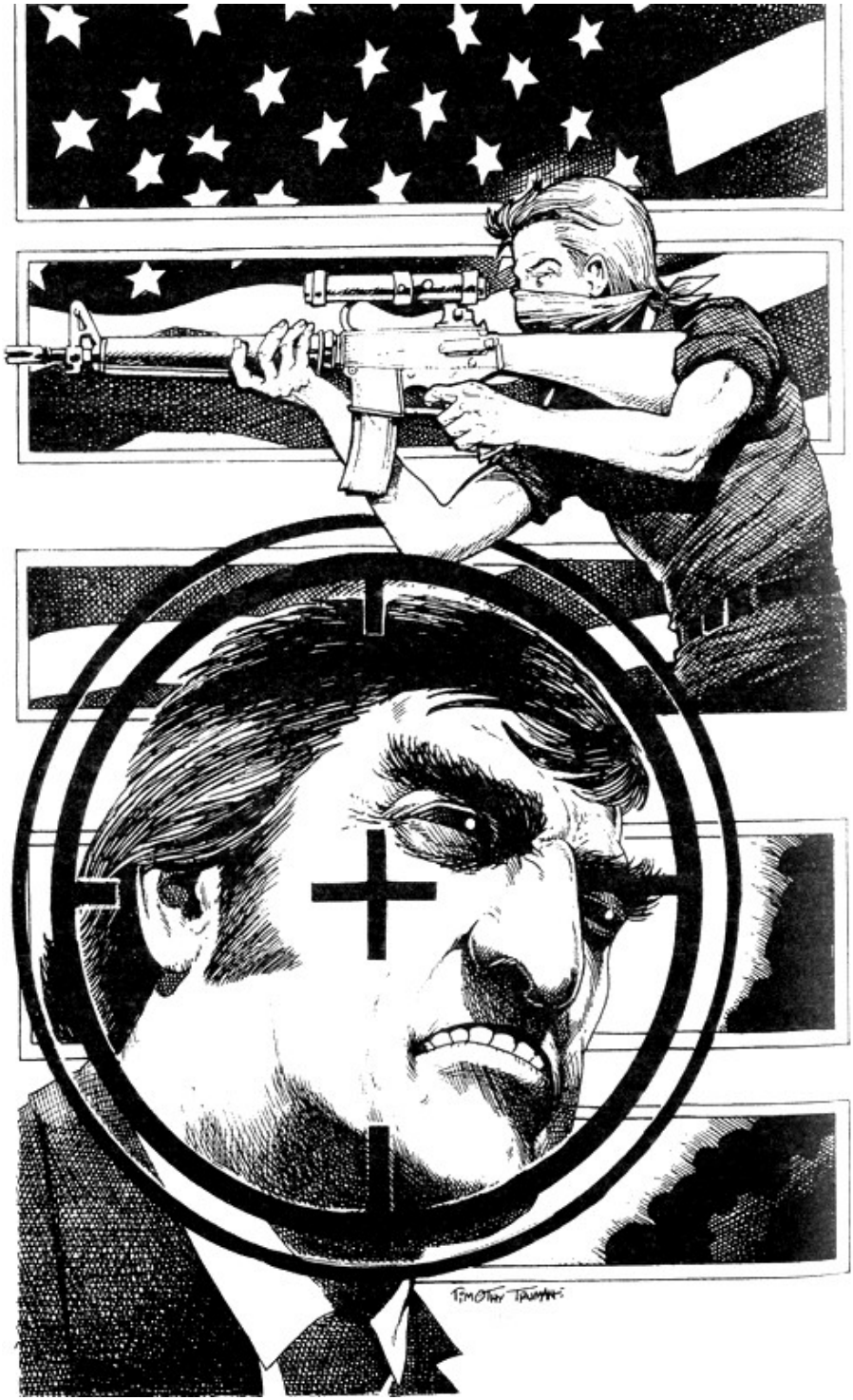
— Знаете, — проговорил он, — история забудет Бенгта и то, что он попытался сделать, и будет помнить полковника Ягерхорна лишь как первого финского националиста. Но насчет вас у меня нет уверенности. Вы живете в русской Финляндии на свои жалкие тридцать сребреников. — Он покачал головой. — Что, адмирал? Что скажет о вас история?

Он не услышал ответа. Граф Карл Олоф Кронштет, вице адмирал флота, герой Руотсинсалми, плакал, зарывшись ли цом в подушку.

Через день он умер.
Надеждой, растаявшей в мареве крыш,
Несчастьем, обманом, бичом —
Любым из имен назовите, но лишь
Не тем, что он был наречен.
Его соименникам быть каково
С клеймом его имени, ядом его?
Мерзейшую мерзость всех стран и времен
Сгребите, смешайте в одно,
И смесь назовите таким из имен,
Чтоб слух разъедало оно,—
Свеаборг предавшего имя черней
Любой черноты, всех чудовищ страшней.

Й. Л. Рунеберг. Сказания прапорщика Столя[8]

И смерть его наследие
© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой



Пророк пришел с юга, держа флаг в правой руке и топорище — в левой, чтобы проповедовать идеи американизма. Он говорил

с бедными и злыми, с запутавшимися и напуганными — и пробудил в них решимость. Его слова были подобны огню, озарившему землю, и, где бы он ни выступал со своим обращением, тысячи людей готовы были последовать за ним.

Его звали Норвел Арлингтон Борегард, и прежде, чем стать пророком, он занимал пост губернатора. Это был крупный коренастый мужчина с круглыми черными глазами под кустистыми бровями и с квадратным лицом, которое становилось багровым, когда находился повод для волнения. Пухлые губы, как правило, насмешливо улыбались.

Однако его ученикам было все равно, как он выглядит, потому что Норвел Арлингтон Борегард являлся пророком, то есть непререкаемым авторитетом. Он не творил чудес, но вокруг него все равно собирались уверовавшие в него — на севере и на юге, бедные и богатые, сталевары и фабриканты. И вскоре их число равнялось численности целой армии.

— Максимиллиан де Лорье умер, — громко сообщил себе Максимиллиан де Лорье, расположившийся в темном кабинете с множеством книжных полок.

В темноте вспыхнул огонек, пламя качнулось, когда он поднес спичку к трубке, и погасло. Максим де Лорье откинулся на спинку кресла и не спеша раскурил трубку.

Нет, подумал он. Не получается — слова звучат как-то неправильно, фальшиво. Я Максим де Лорье, и я жив.

Да, ответила другая часть его существа, но это ненадолго. Перестань обманывать самого себя. Все говорят одно и то же. Рак. Максимум год, может быть, даже меньше.

Значит, я умер. Смешно. Но я не чувствую себя мертвецом. И даже представить не могу, как это будет. Нет, только не я!

Он предпринял новую попытку.

— Максимиллиан де Лорье умер, — твердым голосом объявил он темноте.

И покачал головой — нет, ничего не получается.

У меня есть все, ради чего стоит жить. Деньги. Положение. Влияние. И еще много-много всего!

Ответ прозвучал у него в голове холодно и безжалостно. Это не имеет никакого значения. Больше ничто не имеет значения, только рак. Ты умер. Ты живой труп.

У него неожиданно задрожала рука, из нее выпала трубка, и на дорогой ковер просыпался пепел.

Максимиллиан де Лорье медленно встал с кресла и прошел по комнате, по дороге прикоснувшись к выключателю. Остановился около большого зеркала у двери и принялся

разглядывать высокого седовласого мужчину с бледным лицом и дрожащими руками.

— А моя жизнь? — спросил он у отражения. — Что я сотворил со своей жизнью? Прочитал несколько книг. Ездил на спортивных машинах. Сколотил приличное состояние. Провал, сплошной провал.

Он снова тихонько рассмеялся, но его отражение по-прежнему выглядело мрачным и потрясенным.

— И чего я добился в жизни? Останется ли через год какое-нибудь подтверждение того, что Максим де Лорье жил на этом свете?

Он сердито отвернулся от зеркала, умирающий человек с глазами, подернутыми пеплом. Вот что останется после него: дорогая тяжелая мебель, блестящие деревянные стеллажи с тяжелыми, переплетенными в кожу книгами, остывший, весь в саже камин и охотничьи ружья над каминной полкой.

Неожиданно прежний огонь вновь вспыхнул в глазах Максимиллиана де Лорье. Он быстро пересек комнату, снял одно из ружей и принялся гладить приклад дрожащей рукой.

— Проклятье, я еще не умер. — Его голос звучал жестко, холодно и решительно.

Затем он рассмеялся диким, пронзительным смехом и принялся чистить ружье.

Пророк, словно ураган, пронесся на своем личном самолете по Дальнему Западу, неся миру свое Слово. И всюду, чтобы поприветствовать его, собирались огромные толпы, и суровые отцы семейств сажали себе на плечи детей, чтобы те услышали, что он говорит. Длинноволосых пустословов, которые осмеливались высмеивать его, заставляли замолчать, а иногда устраивали им хорошую головомойку.

— Я — за обычного человека, — говорил он в Сан-Диего, — за патриотов-американцев, о которых сегодня все забыли. Америка — свободная страна, и я не сомневаюсь, что кто-то думает иначе, но я не позволю коммунякам и анархистам захватить власть. Пусть они знают, что им не удастся развернуть коммунистический флаг над нашей родиной, пока здесь остается хотя бы один истинный американец. И если, чтобы проучить их, нам придется разбить парочку голов, что ж, так тому и быть!

И они стекались к нему — патриоты, суперпатриоты, ветераны Второй мировой, рассерженные и напуганные. Они размахивали флагами и приклеивали на бамперы своих машин наклейки с именем «Борегард».

— Каждый человек имеет право на инакомыслие! — кричал

пророк, стоя на возвышении в Лос-Анджелесе. — Но когда длинноволосые анархисты выступают за прекращение войны, это уже не инакомыслие, а государственная измена! А когда предатели пытаются остановить поезда, которые доставляют все, что необходимо нашим парням, воюющим за морем, я считаю, что мы должны выдать полицейским крепкие дубинки, развязать им руки и позволить пролить немного коммунистической крови. Это научит уважать закон!

И все, кто его слушал, радостно приветствовали эти слова, подняв такой шум, что он заглушил топот кованых сапог, раздававшийся вдалеке.

Высокий седой мужчина сидел в шезлонге, уставившись на номер «Нью-Йорк таймс», который лежал у него на коленях. Непримечательный тип в поношенной спортивной куртке, купленной в магазине готовой одежды, и дешевых солнечных очках — в толпе мало кто обратил бы на него внимание. И еще меньше, вглядевшись, узнали бы в нем Максимиллиана де Лорье.

Кривая улыбка скользила по его губам, когда он читал одну из статей на первой странице. Заголовок гласил: «Состояние де Лорье ликвидировано». Дальше более мелким шрифтом сообщалось: «Английский миллионер исчез; друзья считают, что он перевел свои деньги в швейцарские банки».

Все правильно, подумал он. Человек исчезает, а деньги остаются — в том числе и в заголовках газет. Интересно, что напишут газеты через год? Что-нибудь вроде: «Наследники ждут чтения завещания».

Он просмотрел страницу, и его глаза остановились на передовой статье. Он молча изучал заголовок и хмурился. Затем медленно и внимательно прочитал остальной текст.

Закончив, де Лорье встал, аккуратно сложил газету и бросил ее за борт в струю мутной зеленой воды, которая мчалась вслед за лайнером. Потом он засунул руки в карманы куртки и медленно зашагал в свою каюту в экономическом классе. Газета несколько раз перевернулась в пенящихся волнах, пока не намокла и не скрылась из виду. Она нашла свой последний приют на грязном, усеянном камнями дне, где царили вечный мрак и тишина. Вскоре крабы уже деловито сновали взад и вперед по фотографии приземистого мужчины с квадратным лицом, кустистыми бровями и кривой ухмылкой.

Пророк направился на восток с целью отомстить: там была родина ложных провидцев, которые увели его народ с пути истинного, там же находилась цитадель тех, кто выступал против

него. Норвел Арлингтон Борегард решил атаковать врага в его собственном логове. Однако толпы его последователей оказались даже многочисленнее, чем где-либо, а сыновья и внуки эмигрантов, все до единого человека, встали на его сторону.

— Я защищаю маленького человека, — сказал он в Нью-Йорке. — Я поддерживаю право каждого американца сдавать внаем свой дом или продавать свои товары тому, кому он пожелает, без вмешательства бюрократов с большими портфелями или яйцеголовых профессоров, сидящих в своих башнях из слоновой кости и решающих, как мы с вами должны жить.

И люди, собравшиеся его послушать, восторженно вопили, соглашаясь с ним, и размахивали флагами, и приносили ему клятву верности, и скандировали: «Борегард! Борегард! Борегард!» Пророк ухмылялся и радостно махал им рукой, и журналисты с востока, писавшие о нем, недоверчиво качали головами и бормотали зловещие слова, вроде «харизма» и «ирония».

— Я выступаю за права рабочего человека, — сообщил Пророк съезду лейбористов в Филадельфии. — И я говорю, что анархисты и демонстранты должны прекратить свою дурацкую болтовню и начать работать, как все остальные! Почему наше правительство защищает бездельников? Почему вы, честные труженики, должны платить налоги, чтобы кучка ленивых невежественных уродов могла проводить свои дни, ничего не делая?

Толпа взревела, демонстрируя согласие, и Пророк сжал кулак и торжествующе потряс им над головой. Ибо его Слово тронуло сердца тех, кто проливает пот и выбивается из последних сил, чтобы не умереть с голоду. Он завоевал их души. Они больше не будут поклоняться фальшивым богам.

И они стояли, плечом к плечу, и вместе пели «Звездное знамя».

В Нью-Йорке Максим де Лорье сел в автобус у таможни и направился в самое сердце Манхэттена. В руках у него был всего один чемодан с вещами, и он не стал останавливаться в отеле. Вместо этого он зашел в самый большой банк города.

— Я хочу обналичить чек, — сказал он кассиру. — Банк в Швейцарии.

Неровным почерком он заполнил страничку в чековой книжке, вырвал ее и протянул служащему.

Брови клерка полезли вверх, когда он увидел цифру.

— Хм-м-м, — пробормотал он. — Мне придется это

проверить, сэр. Надеюсь, вы не против. Надеюсь, у вас есть документы, мистер… — Он снова посмотрел на чек. — Мистер Лоуренс.

Де Лорье добродушно улыбнулся.

— Разумеется. Я бы не стал пытаться получить такую сумму, не имея документов.

Через двадцать минут он покинул банк и уверенно зашагал по улице.

Он купил кое-какую одежду, газеты, огромное количество карт, побитую старую машину и целый арсенал: винтовки с оптическим прицелом, пистолеты, боеприпасы. И в конце концов снял номер в отеле, чтобы было где переночевать.

Максимиллиан де Лорье бодрствовал почти всю ночь. Сначала он изучал газеты, которые купил, несколько раз звонил в их информационные службы и тщательно записывал то, что ему отвечали.

Затем он разложил карты и принялся внимательно их изучать — почти до утра. Выбрав те, что ему были нужны, он провел на них толстую черную линию, постоянно сверяясь со своими записями, и красным карандашом обвел название не слишком большого города в Огайо.

А потом сел и принялся приводить в порядок оружие.

Пророк вернулся на Средний Запад, охваченный возбуждением, потому что здесь, более чем где бы то ни было, исключая его родину, он нашел свой народ. Верховные священнослужители, которые преклонялись перед ним, прислали ему доклады, где речь шла об одном и том же: в Иллинойсе все будет прекрасно, в Индиане — еще лучше, там его ждет настоящий успех, в Огайо — просто здорово.

И потому Пророк ездил по Среднему Западу и нес свое Слово тем, кто был готов его услышать, проповедуя американские идеалы в самом сердце Америки.

— Чикаго — мой город, — повторял он, путешествуя по Иллинойсу. — Вы, ребята из Чикаго, умеете обращаться с анархистами и коммунистами. В Чикаго полно разумных, прекрасных, патриотически настроенных парней. Вы не допустите, чтобы террористы отняли город у его законопослушных жителей.

Люди рукоплескали ему, и Борегард повел их строем к полицейскому управлению. Какой-то длинноволосый критикан выкрикнул: «Нацист!», но его одинокий голос утонул в восторженных выкриках. Впрочем, замыкавшие колонну два громилы-охранника начали быстро и умело пробираться к нему

сквозь толпу.

— Я не расист, — говорил Пророк, перебравшись через границу в северную Индиану. — Я выступаю за права всех добропорядочных американцев, вне зависимости от их расы, вероисповедания и цвета кожи. А еще я уверен, что каждый человек должен работать, как вы и я, вместо того чтобы жить в грязи, невежестве и безнравственности на подачки правительства. И я говорю, в анархистов и бандитов нужно стрелять, как в бешеных псов.

И люди рукоплескали и приветствовали его, а потом понесли его Слово своим друзьям, родным и соседям. Так количество сторонников Пророка росло с головокружительной скоростью.

Пророк направился на восток, в Огайо, а мертвец двинулся на запад, ему навстречу.

— Вам подходит эта квартира, мистер Лорел? — спросила худая немолодая женщина, приоткрыв перед ним дверь.

Максимиллиан де Лорье прошел мимо нее и положил чемодан на продавленную двуспальную кровать, стоявшую у стены. Дружелюбно улыбнувшись, он направился к окну, отодвинул штору и выглянул наружу.

— О боже, — пробормотала хозяйка, нервно перебирая ключи, — надеюсь, вы не против того, что тут рядом стадион. В следующую субботу состоится игра, и мальчишки страшно шумят.

И она громко топнула ногой, раздавив таракана, который выбежал из-под ковра.

Де Лорье небрежно махнул рукой.

— Комната меня вполне устраивает, — сказал он. — По правде говоря, я люблю футбол, а отсюда мне все будет прекрасно видно.

— Хорошо, — кивнула женщина и протянула ему ключ. — Плата за неделю вперед, если не возражаете.

Когда она ушла, де Лорье аккуратно закрыл дверь и подтащил стул к окну.

Прекрасный вид, подумал он, просто идеальный. Разумеется, трибуны находятся на другой стороне, так что платформу, скорее всего, поставят лицом к ним. Но это не проблема. Борегард — крупный мужчина, вероятно, его будет отлично видно со спины. А дополнительное освещение окажется очень кстати.

Удовлетворенно кивнув, он вернул стул на место. Затем устроился поудобнее, чтобы привести в порядок оружие.

На улице стояла холодная погода, но стадион был забит до отказа. Трибуны не смогли вместить всех желающих, и потому

людям разрешили сесть на траву поля вплоть до самого подножия платформы, задрапированной красной, белой и голубой материей.

Американские флаги, поднятые на шесты по обеим сторонам платформы, трепетали на ветру, а между ними находилась трибуна оратора. Два ослепительно белых прожектора проливали свое сияние на трибуну, добавляя мощи огням, освещавшим стадион; микрофоны были не один раз проверены. Хорошо, что они прекрасно работали, потому что оглушительный рев, который приветствовал Пророка, когда тот вышел на трибуну, смолк, только когда он заговорил. Наступила полная тишина, и первый же призыв оратора прозвучал как взрыв.

Время не приглушило огня, который полыхал в душе Пророка, и его слова, пронизанные верой и гневом, были обжигающе горячи. Они слетали с платформы, громкие, исполненные вызова, эхом отражались от трибун и далеко разносились в ясном, холодном воздухе спустившейся на город ночи.

Они добрались и до жалкой квартирки, где из удобств имелась лишь холодная вода и где Максимиллиан де Лорье сидел в темноте в полном одиночестве, глядя в окно. Он удобно устроился на стуле, держа в руках тщательно вычищенную крупнокалиберную винтовку с оптическим прицелом.

Пророк, стоящий на возвышении, обращался к патриотам и тем, в чьих сердцах поселился страх. Он говорил об американских идеалах, и его слова, словно кнут, хлестали коммунистов, анархистов и длинноволосых террористов, которые заполнили города страны.

— …Да, добропорядочные жители Огайо! Когда я обрету власть, по улицам наших городов можно будет ходить без опаски. Я развяжу руки нашим полицейским и позабочусь о том, чтобы они следовали букве закона и преподали террористам и преступникам парочку серьезных уроков.

«Парочку уроков, — подумал де Лорье. — Да, да, все сходится. Полиция и армия будут учить граждан, как им следует жить. А это очень умелые учителя. Ведь в качестве средств обучения они применяют дубинки и пистолеты. О, мистер Борегард, как же здорово все укладывается в схему!»

— …И я говорю, что, когда наши юноши, наша прекрасная молодежь из Миссисипи, и Огайо, и из других штатов сражается и умирает за океаном за наш флаг, здесь, дома, мы должны оказывать им самую мощную поддержку, на какую только способны. Включая необходимость разбить головы жалким предателям, которые оскорбляют наш флаг и призывают к победе

врага, а также выступают против войны. Я говорю, пришла пора показать им, что делают патриотично настроенные истинные американцы с государственными преступниками.

«Государственная измена… Да, тот, другой, много лет назад тоже говорил о государственной измене. Он сказал, что избавится от предателей, засевших в правительстве, предателей, ставших причиной поражения и унижения нации».

Максимиллан де Лорье медленно отодвинул стул, опустился на одно колено и прижал винтовку к плечу.

— …Я не расист, но я говорю, что эти люди должны…

Лицо де Лорье покрылось смертельной бледностью, руки, державшие винтовку, слегка дрожали.

— Он болен. — Хриплое бормотание нарушило тишину. — Как же опасно он болен! Но имею ли я право? Если он то, что им нужно, могу ли я пойти против них ради победы здравого смысла?

Его начало отчаянно трясти, все тело покрылось холодным потом, несмотря на ветерок, который дул с улицы.

Слова Пророка окружали его со всех сторон, но он больше не слышал их. Его мысли вернулись в прошлое, и де Лорье увидел другого Пророка и землю обетованную, в которую он повел свой народ. Он вспомнил эхо шагов огромной армии на марше, вой ракет и бомбардировщиков, разрывающий ночь. Он вспомнил запах гари, повисший над полем боя, и ужас, который испытал, услышав стук в дверь.

А еще он вспомнил газовые камеры, приготовленные для представителей низшей расы. И руки у него больше не дрожали.

— Если бы он умер раньше, — сказал Максимиллиан де Лорье самому себе в кромешной темноте, — как бы они узнали, чего им удалось избежать?

Он навел перекрестье прицела на затылок Пророка, его палец на курке напрягся.

И винтовка выплюнула смерть.

Норвел Арлингтон Борегард, который вознес над головой кулак, вдруг резко дернулся и повалился с платформы вперед, прямо в толпу, собравшуюся внизу. В следующую секунду ночь разорвали пронзительные вопли, а люди из секретной службы, отчаянно ругаясь, бросились к поверженному Пророку.

К тому моменту, когда они до него добрались, Максимиллиан де Лорье уже поворачивал ключ в замке зажигания, чтобы направить свою машину в сторону платного шоссе.

Новость о смерти Пророка потрясла страну, и со всех сторон понеслись горестные стоны.

— Они его убили, — рыдали люди, — проклятые коммунисты поняли, что он сможет их уничтожить, и они его убили.

А иногда говорили:

— Это ниггеры, проклятые ниггеры. Они знали, что Борегард намерен поставить их на место, и потому отняли у него жизнь.

Порой раздавались следующие утверждения:

— Это демонстранты! Проклятые предатели! Борегард вывел их на чистую воду, он произнес вслух их имя — кучка анархистов и террористов. Вот за что они его убили, грязные ублюдки.

Той ночью по всей стране горели кресты, и пики уставились остриями в небо. Пророк стал Мучеником.

А три недели спустя помощник Борегарда объявил по национальному телевидению, что он намерен стать его преемником.

— Наше дело не умерло! Я обещаю вам сражаться за идеалы Бо. И мы одержим победу!

Люди рукоплескали и радостно вопили, услышав его слова.

Максимиллиан де Лорье сидел в номере отеля, и его лицо казалось белой маской ужаса.

— Нет, — задыхаясь, прошептал он. — Только не это. Так не должно было случиться. Это неправильно, неправильно…

Он спрятал лицо в ладони и зарыдал.

— Боже мой, что я наделал?

Рыдания и всхлипы сменились долгим молчанием. Когда он наконец поднялся, его лицо было по-прежнему бледным, но в глазах вспыхнул новый огонь.

— Может быть, — проговорил он, — может быть, я еще смогу…

И он принялся чистить винтовку.

Часть вторая
Грязный профессионал

Грязный профессионал
© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

Забыть первый раз, когда ты сделал это за деньги, невозможно.

Я стал грязным профи в 1970 году, летом, за год до окончания Северо-Западного университета.

Рассказ назывался «Герой», я написал его еще в самом начале обучения (это было домашнее задание по творческому письму) и с тех пор упорно пытался продать. «Плейбой» увидел его первым и вернул с официальным уведомлением об отказе. «Аналог» отослал рассказ назад, сопроводив лаконичным письмом, подписанным Джоном У. Кэмпбеллом-младшим, — первый, последний и единственный раз, когда я удостоился личного ответа от легендарного издателя. После этого «Герой» отправился к Фреду Полу в «Гэлэкси»… и исчез.

Прошел целый год, прежде чем до меня дошло, что Пол больше не работает редактором в «Гэлэкси», а сам журнал поменял как адрес, так и издателя. Когда я это понял, то перепечатал рассказ со второго экземпляра — ура, начал пользоваться копиркой! — и отправил его новому главному редактору «Гэлэкси» Эйлеру Якобсону на новый адрес журнала. И он снова испарился!

Тем временем я отпраздновал окончание университета, хотя впереди меня ждал целый год магистратуры. Школа Медилла предлагала пятилетний курс журналистики — после четырех лет вы получали степень бакалавра, но вам предстоял еще один год, во время которого один семестр студенты писали политические репортажи в Вашингтоне. В конце пятого года вам присуждали степень магистра.

После окончания я вернулся в Байонну и к своей летней работе в качестве спортивного журналиста и специалиста по связям с общественностью в Департаменте парков и отдыха. Город спонсировал несколько летних бейсбольных лиг, и в мои обязанности входило описывать их игры в местных газетах — «Байонна таймс» и «Джерси джорнал». Лиг было около полудюжины для разных возрастных групп, и каждый день проходило сразу несколько игр на разных полях в разных районах города, поэтому хорошо выполнять свою работу я не мог просто физически. Поэтому я не покидал офиса, а после каждой игры ко мне приходили судьи, сообщали счет и кое-какие подробности, я их использовал в качестве основы для своих репортажей. Вот так

я четыре лета рассказывал о бейсбольных играх, ни разу не побывав ни на одной из них.

В августе исполнился год, как «Герой» исчез в недрах «Гэлэкси». Я решил — не стоит обращаться к ним письменно, а лучше позвонить в офис журнала в Нью-Йорке и просто спросить про свой пропавший рассказ. Женщина, снявшая трубку, сначала вела себя довольно резко и недружелюбно. Когда я пролепетал что-то насчет пропавшей рукописи, которую отослал им давным-давно, она заявила, что «Гэлэкси» не в состоянии отслеживать судьбу всех рассказов, не принятых в печать. Я почти сдался, но мне удалось выдавить из себя название рассказа. Она тут же замолчала, а потом — наверное, прошла целая вечность — сказала: «Подождите-ка». И добавила: «Мы купили этот рассказ». (Много лет спустя я узнал, что женщину, с которой я разговаривал, звали Джуди-Линн Бенджамин, позже она стала Джуди-Линн дель Рей, именно она придумала знак «Дель Рей» для издательства «Бэллантайн»).

Оказывается, рассказ купили несколько месяцев назад, но каким-то образом рукопись и чек завалились за шкаф, их нашли едва ли не вчера. (В другой, параллельной вселенной никто не стал заглядывать за шкаф, и я по сей день остаюсь журналистом.)

Я повесил трубку, чувствуя, как мое лицо сияет от счастья, а потом помчался на работу. Наверное, мои ноги не касались тротуара, когда я спешил в офис.

Позже, когда ни договор, ни деньги так и не пришли, я решил, что женщина, ответившая мне по телефону, что-то перепутала, — возможно, существовал другой рассказ с таким же названием. Меня охватил параноидальный страх, что «Гэлэкси» сойдет со сцены, так и не успев напечатать мое творение, этот страх разгорелся с новой силой, когда лето подошло к концу и я вернулся в Чикаго без своего чека.

Позже выяснилось, что «Гэлэкси» отправил чек и договор на адрес отеля «Северный берег», из которого я выехал, закончив в июне университет. К тому времени, когда бумаги наконец переслали по моему летнему адресу, я вернулся к занятиям и поселился совсем в другом месте.

Итак, в конце концов я получил свой чек. Мне заплатили 94 доллара, довольно приличные деньги для 1970 года. «Герой» увидел свет в феврале 1971-го, в мой последний год в Школе Медилла. Поскольку машины у меня не было, я обратился с просьбой к одному из своих друзей — мы объехали северное побережье, и я скупил все номера журнала, какие только смог найти.

Тем временем мое обучение в колледже подходило к концу. Я

брал интервью, рассылал свои резюме и с нетерпением ждал того момента, когда буду выбирать из предложений работы то, которое больше остальных придется мне по душе. В конце концов, я ведь закончил самое лучшее учебное заведение для журналистов в стране, вскоре должен был получить степень магистра. За этот год я сильно похудел, и мне пришлось сменить весь гардероб. Так что я прибыл в Вашингтон на практику этаким журналистом-хиппи: отрастил волосы до плеч, носил круглые очки, расклешенные штаны и горчичного цвета полосатый пиджак спортивного покроя.

Практика оказалась сложной, но доставляла мне массу удовольствия. Весной 1971 года народ Америки пребывал в возбужденном состоянии, и я оказался в самом центре событий, брал интервью у конгрессменов и сенаторов, расхаживал по коридорам власти, сидел в Сенате на местах, отведенных для прессы, рядом с настоящими журналистами. Служба новостей Медилла имела газеты по всей стране, и потому часть моих репортажей увидела свет. Возглавлял программу Нил Макнейл, крепкий политический обозреватель, который сидел в своей каморке, читал наши статьи и диким голосом выкрикивал имена авторов, если ему что-нибудь не нравилось. Мое, признаюсь, звучало очень часто. «Слишком красиво», — писал Макнейл на моих черновиках, и мне приходилось все переделывать, оставляя лишь голые факты, прежде чем он позволял напечатать статью. Меня это страшно возмущало, но я многому у него научился.

Именно в Вашингтоне я принял участие в первом конвенте писателей-фантастов. Когда я вошел в отель «Шератон-парк» в бордовых расклешенных штанах и двубортном полосатом пиджаке горчичного цвета, меня приветствовал сидевший за столом, где регистрировали участников, тощий писатель-хиппи с жидкой бородкой и длинными рыжими волосами. Он знал мое имя и сообщил мне, что читает рукописи, которые приходят в «Гэлэкси». Оказалось, что именно он выловил из кучи дерьма моего «Героя», а затем отправил его Эйлеру Якобсону. Так что, полагаю, я обязан Гарднеру Дозуа тем, что стал профессионалом и любителем фантастики. (Хотя спустя некоторое время я начал сомневаться в том, что он на самом деле регистрировал участников съезда, скорее всего, увидел пустой стол и сообразил, что если сядет за него, то сможет собрать некую дань за регистрацию — «Гэлэкси» платила гроши за чтение рукописей.)

К тому времени уже был напечатан мой второй рассказ. За несколько недель до этого новый редактор «Эмейзинг энд фэнтестик» сообщил мне, что они покупают «Дорогу в Сан-Брета», рассказ в стиле футуристической фэнтези, который я написал во

время весенних каникул в колледже. (Да, к сожалению, в то время как все мои друзья отправились во Флориду пить пиво со своими сокурсницами в бикини и валяться на пляжах Форт-Лодердейла, я вернулся в Байонну.) Мой второй рассказ, увидевший свет, до жути напоминал первый. В очередной раз положившись на список печатных изданий в «Писательском рынке», я отправил свое произведение Гарри Гаррисону по адресу, указанному в «Фэнтестик», и больше никогда его не видел. Лишь позже мне стало известно, что редактор и адрес стали другими. Короче говоря, пришлось перепечатать рукопись — и я уже начал думать, что, прежде чем рукопись увидит свет, она должна сначала потеряться.

«Гэлэкси» заплатил мне 94 доллара, приняв моего «Героя», а «Фэнтестик» обещал выплатить гонорар после публикации рассказа «Дорога в Сан-Брета» только в октябре. Когда пришел чек, оказалось, что они оценили мой труд всего в 50 долларов. Но коммерция есть коммерция, и вторая публикация волнует не меньше, чем в первый раз (все как в сексе). Стало быть, здесь нет никакой случайности, а тот факт, что два разных редактора взяли мои рассказы, означает только одно: у меня есть талант.

Действие «Дороги в Сан-Брета» происходит на юго-западе, где я сейчас живу, но когда я писал рассказ, то еще не бывал к западу от Чикаго. История от начала до конца посвящена автомобилям, хотя когда я ее сочинил, даже еще и прав не имел. (У нашей семьи никогда не было машины.) Несмотря на футуристические декорации, «Дорога» написана в стиле фэнтези, и именно по этой причине рассказ появился в «Фэнтестик», а не в «Эмейзинг», а я даже не стал тратить время и силы и посылать его в «Аналог» или «Гэлэкси». Вдохновившись примером «Духа копоти» Фрица Лейбера, я захотел забрать призрака из старого, покрытого плесенью викторианского особняка и поместить его туда, где по праву должен находиться призрак из двадцатого века, — в машину. Хотя самое страшное, что может случиться, это автомобильная авария — следовательно, «Дорогу» можно отнести к литературе ужасов. Если так, то первые рассказы, увидевшие свет, определили всю мою будущую карьеру, включив все три жанра, в которых я затем стал работать.

Гарднер Дозуа был не единственным писателем на том конвенте. Я познакомился с Джо Холдеманом и его братом Джеком, а также с Джорджем Алеком Эффинджером (которого тогда все еще называли Поросенком), Тедом Уайтом и Бобом Туми. Все они рассуждали о рассказах, которые или сочиняют, или уже написали, или только собираются писать. Терри Карр — замечательный писатель, редактор «Эйс спешиалз» и

оригинальной антологии «Юниверс» — был почетным гостем. Он изо всех сил старался держаться дружелюбно и пытался помочь молодым авторам, тучами кружившим около него — включая и меня самого.

После завершения работы конвента я принял твердое решение и в дальнейшем принимать участие в подобных мероприятиях… и продавать свои рассказы. Естественно, чтобы выполнить обещание, данное самому себе, мне требовалось написать новые рассказы. Разговаривая с Гарднером и Поросенком, а также с Холдеманами, я понял, как мало написал — по сравнению с ними.

Этим летом должна была начаться моя настоящая жизнь: я куда-нибудь перееду, получу свою первую настоящую работу, буду жить в собственной квартире. Много месяцев подряд я мечтал о чеках, машинах и роскошных подружках, спрашивая себя, куда же занесет меня судьба. Будет ли у меня оставаться время, чтобы писать? Я не знал ответа на этот вопрос.

Однако судьба вернула меня назад, в мою старую комнату в Байонне. Несмотря на интервью, письма, резюме, а также степень магистра и практику на Капитолийском холме, мне не удалось найти работу.

Я рассчитывал получить предложение от газеты в Бока-Ратон, в штате Флорида, или от женского журнала, но в конце концов ничего из этого не вышло. Не знаю, может быть, мне следовало надеть на интервью мой любимый горчичный пиджак в полоску. Меня отвергли даже «Марвел комикс», на которых не произвели никакого впечатления ни моя степень магистра, ни премия «Элли».

Впрочем, я получил что-то вроде предложения от газеты «Байонна таймс», но стоило мне спросить про зарплату и бонусы, продолжения не последовало. «Новичок должен получить работу и опыт, — отругал меня редактор, — Об этом тебе следует думать в первую очередь». (Однако я был отомщен. «Байонна таймс» прекратила свое существование тем же летом, и редактор, а также тип, которого взяли вместо меня, оказались не у дел. Если бы я стал на них работать, то набирался бы опыта не больше пары недель.)

Вместо того чтобы начать новую жизнь в каком-нибудь экзотическом городе с зарплатой и собственной квартирой, я снова писал репортажи о летних бейсбольных играх для Департамента парков и отдыха Байонны, который еще подсыпал соли на мои бедные раны. Из-за сокращения бюджета они смогли нанять меня только на полставки. Впрочем, игр было не меньше, чем прошлым летом, и в мои обязанности входило писать о них

за половину платы и за половину времени.

Тем летом я нередко погружался в черную тоску, размышляя о том, что зря потратил пять лет своей жизни и что мне навсегда суждено осесть в Байонне и писать статьи про бейсбол. Кроме того, впереди маячил Вьетнам. Мой номер выпал в лотерее призывников, и, сильно похудев за прошедший год, я лишился своего статуса 4-Ф[9]. Я был против войны и подал прошение в местный пункт призывников на получение статуса лица, отказывающегося от несения военной службы по религиозным или другим соображениям, но все в один голос твердили мне, что шансы получить его ничтожно малы. Пара месяцев гражданской жизни, и я окажусь в армии.

Но хоть сколько-то времени у меня оставалось! Я решил использовать его для того, чтобы писать рассказы — каждый день — и посмотреть, сколько я успею, прежде чем меня призовет Дядюшка Сэм. На департамент я трудился по вечерам, так что утро принадлежало мне. После завтрака я доставал свою портативную пишущую машинку, ставил на кухонный стол, включал, дожидался, когда она начнет тихонько гудеть, и принимался за дело. Я не позволял себе откладывать в сторону незаконченный рассказ, поскольку мне требовались завершенные произведения, чтобы попытаться их продать.

Тем летом я в среднем писал по рассказу каждые две недели. «Ночная смена», «Туннели были темными-темными», «Последний суперкубок», «Побочное дело» и «Никто не покидает Нью-Питсбург». А еще я написал «Мистфаль приходит утром» и «Второй вид одиночества». Итак, всего семь рассказов. Возможно, меня толкал вперед призрак Вьетнама, а может быть, чувство разочарования: у меня не было ни работы, ни подружки, ни той жизни, о которой я мечтал. («Никто не покидает Нью-Питсбург», хотя и самый слабый рассказ, написанный мной тем летом, очень хорошо отражает мои тогдашние настроения: Нью-Питсбург — это Байонна, а труп — я.)

Как бы там ни было, слова лились из меня рекой, как никогда. Все семь рассказов, которые я тогда написал, увидели свет, хотя некоторым из них потребовалось для этого несколько лет. Два из них оказались решающими для моей карьеры, и их я включил в данный сборник.

Правда, они были самыми лучшими! Я знал это, когда писал их, и сообщил свое мнение в письмах, отправленных Говарду Уолдропу тем летом. «Мистфаль приходит утром» стал самым совершенным рассказом из всех написанных мной, пока через несколько недель после него не появился «Второй вид одиночества». «Мистфаль» казался мне более гладким —

грустный рассказ, где почти нет действия в привычном смысле этого слова, но, как мне казалось, пробуждающий чувства и хорошо написанный. С другой стороны, «Одиночество» представляло собой открытую рану, мне было больно его писать. Оно явилось настоящим прорывом в моем творчестве. Ранние рассказы рождались исключительно в голове, а этот был выстрадан сердцем — первый рассказ, заставивший меня почувствовать, что я уязвим, первый рассказ, который поставил передо мной вопрос: «Действительно ли я хочу, чтобы люди это читали?»

Я знал, что «Мистфаль приходит утром» и «Второй вид одиночества» могли разрушить или сотворить мою карьеру.

Следующие полгода у меня ничего не получалось. Ни один из рассказов не продался с первого раза. И даже со второго. И с третьего. Другие «летние» рассказы тоже не пользовались у издателей успехом, но именно отказ напечатать «Мистфаль» и «Одиночество» причинял мне невыносимую боль. Я не сомневался, что это сильные рассказы, лучшее, на что я был способен. Если издатели не хотят их брать… может быть, я просто не понимаю, что нужно, чтобы придумать хороший рассказ, и моя лучшая работа на самом деле ничего не стоит. Когда, с трудом передвигая ноги, рассказы возвращались домой, этот день я отмечал черным камнем. Черный день, за которым следовала черная ночь, наполненная сомнениями.

Нов конце концов моя вера была вознаграждена. Оба рассказа приняли в «Аналог», журнал, который гордился своими огромными тиражами и высоким рейтингом среди изданий подобного рода. Джон У. Кэмпбелл-младший умер той весной, и после неразберихи, царившей несколько месяцев, Бен Бова занял его место в качестве главного редактора самого уважаемого журнала, печатавшего научную фантастику. Я уверен, что Кэмпбелл ни за что не принял бы ни один из этих рассказов, но Бова намеревался вывести «Аналог» на новую дорогу.

«Второй вид одиночества» увидел свет первым, в декабрьском номере 1972 года, а замечательная иллюстрация к нему была напечатана на обложке, ее нарисовал Фрэнк Келли Фрис. Главный герой парил над завихрениями пространственной воронки. Это была моя первая обложка, и мне ужасно захотелось иметь оригинал. Фрис предложил мне его за двести долларов — но за рассказ я получил всего двести пятьдесят, так что не мог позволить себе такой роскоши. Зато я приобрел внутренний разворот на две страницы и эскиз обложки. Они замечательные, но я до сих пор жалею, что не купил картинку. Последний раз, когда я выяснял ее судьбу, оказалось, что нынешний владелец

хотел продать ее за двадцать тысяч долларов.

«Мистфаль приходит утром» последовал за «Одиночеством» в мае 1973 года. Два рассказа, вышедшие друг за другом с таким коротким промежутком в лучшем журнале страны, привлекли внимание, и «Мистфаль» был номинирован на премии «Хьюго» и «Небьюла» — первая моя работа, удостоившаяся такой чести. «Хьюго» получила Джеймс Типтри за «Любовь — это программа, программа — это смерть», а «Небьюлу» — Урсула Ле Гуин за «Тех, кто уходит из Омеласа», но зато меня наградили красивым свидетельством, которое можно было вставить в рамку, а Гарднер Дозуа официально предложил мне стать членом Клуба номинантов, не получивших премию «Хьюго» и «Небьюла», повторив несколько раз: «Один из нас, один из нас, один из нас». Так что жаловаться было не на что.

Лето 1971 года оказалось поворотным в моей жизни. Если бы я смог найти работу для начинающего журналиста, то, скорее всего, выбрал бы обычную дорогу, которая дает зарплату и медицинскую страховку. Думаю, я продолжал бы время от времени писать рассказы, но, имея работу, которая занимала бы все мое время, не сочинил бы их слишком много. Сегодня я мог бы быть корреспондентом «Нью-Йорк таймс» в какой-нибудь другой стране, репортером, пишущим развлекательные статьи для «Вэрайити», обозревателем, появляющимся ежедневно в трех сотнях газет страны… или, что более вероятно, мрачным, потерявшим иллюзии литобработчиком газетных статей для «Джерси джорнал».

Но обстоятельства заставляли меня делать то, что я люблю больше всего на свете.

То лето закончилось счастливо и в остальном. К великому изумлению всех, кто меня окружал, я получил именно тот статус, о котором шла речь в прошении. (Возможно, этому поспособствовал «Герой»: я отправил рассказ вместе со своим заявлением.) Однако в конце лета меня все равно призвали на службу… но вместо Вьетнама я направлялся в Чикаго для прохождения двухгодичной альтернативной службы в организации «Добровольцы на службе Америки».

В течение следующих десяти лет я организовывал шахматные турниры и преподавал в колледже — только чтобы платить за квартиру. После 1971 года, когда меня спрашивали о моей профессии, я всегда отвечал: «Писатель».

Герой
© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

Город умер, и пламя пожаров окрасило в алые тона серо-зеленое небо над ним.

Он умирал долго. Сопротивление продолжалось почти неделю, и время от времени на улицах шли жестокие сражения. Но в конце концов завоеватели одержали верх — как и над многими другими защитниками самых разных городов в прошлом. Они воевали и побеждали под лазурными небесами, и под золотистыми, и под чернильно-черными.

Первыми нанесли удар парни из Метеослужбы, в то время как главные силы находились в сотнях миль к востоку. Бури и грозы, сменяя друг друга, день и ночь метались по улицам города, мешая горожанам строить оборонительные сооружения и ввергая в уныние.

Подойдя к городу, захватчики спустили на него ревунов. Несмолкаемый пронзительный вой заполнил улицы, и деморализованное население попряталось по домам. А потом в дело вступили основные силы, и на город обрушились бомбы, начиненные вирусом чумы.

Но даже и тогда оставшиеся в живых горожане пытались оказать сопротивление. Прячась за поспешно выстроенными укреплениями, они обстреляли врага из ядерного оружия, и им даже удалось уничтожить целый полк, чьи защитные экраны не выдержали перегрузки во время неожиданной атаки. Впрочем, это был всего лишь жалкий жест отчаяния. Снаряды дождем посыпались на город, и огромные тучи кислотного газа нависли над долиной. Под прикрытием этих туч в наступление пошла армия Земного экспедиционного корпуса и смяла последние защитные рубежи.

Каген хмуро разглядывал помятый пластоидный шлем, валявшийся у его ног, и проклинал свое невезение. Простая зачистка, обычная, рутинная операция — а его обстрелял тщательно замаскированный автоматический ядерный перехватчик. Проклятье!

Ударная волна отнесла его в богом забытое ущелье, расположенное к востоку от города. Он чудом не пострадал — легкий боевой шлем принял на себя основной удар.

Каген присел на корточки и взял в руки помятый шлем. Коммуникатор, работавший на длинных волнах, и все сенсорное оборудование вышли из строя. Итак, он стал глухим, немым и полуслепым — в общем, настоящий инвалид. К тому же его портативные ракеты оказались повреждены. Каген снова выругался.

Неожиданно его внимание привлекло мимолетное движение

на ближайшей к нему скале, а в следующее мгновение он увидел пятерых аборигенов, вооруженных автоматами. Растянувшись в линию и контролируя Кагена справа и слева, они держали его под прицелом. Один из них начал говорить — но не закончил свою речь. Еще секунду назад акустический пистолет Кагена лежал у его ног, но уже в следующее мгновение оказался в руке.

Пять человек склонны поддаться сомнениям, один — нет. Пальцы солдат не успели нажать на спусковые крючки, а Каген не колебался, Каген не терял времени попусту, Каген не думал.

Каген убивал.

Его пистолет пронзительно завыл, и командир вражеского отряда вздрогнул, когда невидимый луч концентрированного звука, передаваемого на высоких частотах, вонзился в его тело. А в следующее мгновение его плоть начала превращаться в жидкость. К этому моменту оружие Кагена успело поразить еще двоих неприятелей.

Автомат одного из двух оставшихся в живых солдат наконец начал стрелять, и на Кагена обрушился дождь из пуль. Он резко отскочил вправо, чувствуя, как пули ударяют в скафандр. Затем навел пистолет на следующую цель, но случайный выстрел выбил его из руки Кагена.

Не колеблясь, он рванул вверх по каменным уступам и оказался рядом с одним из солдат. Тот на секунду замер на месте, но потом сумел справиться с собой и поднял автомат. Этого короткого мгновения Кагену хватило, чтобы, воспользовавшись инерцией, вдавить правой рукой приклад автомата в лицо врага, а левой, наделенной силой в полторы тысячи фунтов, нанести удар в солнечное сплетение. Затем, схватив труп, он швырнул его в последнего оставшегося в живых неприятеля, который прекратил стрелять в тот момент, когда между ним и Кагеном оказалось тело его товарища. Солдат быстро отступил назад, снова поднял автомат и открыл огонь.

И тогда Каген его настиг. Он почувствовал мимолетную вспышку боли, когда пуля ударила ему в висок, и, не обращая на это внимания, нанес врагу удар ребром ладони по горлу. Тот упал и остался лежать на земле.

Каген быстро развернулся в поисках следующего врага. Никого.

Тогда он наклонился и, морщась от отвращения, вытер окровавленную руку о форму одного из поверженных врагов. Далековато придется топать до лагеря, подумал он.

Да, сегодня явно не его день.

Каген мрачно фыркнул, затем снова спустился в ущелье, чтобы забрать свой пистолет и шлем.

На горизонте горел город.

Веселый голос Рагелли довольно громко звучал из коротковолнового коммуникатора.

— Так это ты, Каген! Ты вовремя подал сигнал. Мои сенсоры начали улавливать постороннее присутствие, еще немного, и я расстрелял бы тебя из акустика.

— Мой шлем вышел из строя, а с ним и сенсоры, — ответил Каген. — Довольно трудно оценить расстояние. Длинноволновый коммуникатор тоже не работает, и…

— Начальство интересовалось, что с тобой случилось, — перебил его Рагелли. — Они даже слегка струхнули. Но я знал, что ты рано или поздно объявишься.

— Естественно. Они повредили мои ракеты, так что на дорогу назад ушло некоторое время. Но я уже рядом.

Каген выбрался из кратера и встал так, чтобы его смог разглядеть часовой, двигавшийся очень медленно и осторожно. Появившийся Рагелли, чья фигура четко выделялась на фоне заграждения, так же медленно поднял серебристо-серую руку в приветствии. Он был полностью экипирован в дюраллоевый боевой скафандр, рядом с которым снаряжение Кагена казалось сделанным из папиросной бумаги, к тому же его окружало облако излучения защитных экранов.

Каген помахал ему в ответ и длинными, уверенными шагами начал сокращать расстояние между ними. Его остановил барьер у подножия батареи Рагелли.

— Вид у тебя довольно потрепанный, — заявил Рагелли, разглядывая его из-за пластоидного визора, в который были вмонтированы дополнительные сенсорные устройства. — Это легкое обмундирование ни капельки не защищает. Тебя пристрелит любой паренек с детской пугалкой в руках.

— Зато мне легко передвигаться. В своем обезьяньем костюмчике ты легко отразишь любое нападение штурмового отряда, но хотел бы я на тебя посмотреть, если бы пришлось пойти в наступление, приятель. А оборона не выигрывает войн.

— Твоя правда.

Рагелли нажал на кнопку на панели управления, часть барьера отключилась, и Каген быстро прошел внутрь. В следующее мгновение барьер снова был на месте.

Каген направился к бараку, где размещалось его отделение. Дверь автоматически скользнула в сторону, и он поспешно переступил порог. Как хорошо снова вернуться домой и почувствовать нормальный вес! В бараках искусственным образом поддерживалась нормальная гравитация Веллингтона, в два раза

превосходившая земную. Стоило это дорого, но военное начальство постоянно твердило, что удобства солдат превыше всего.

Каген снял обмундирование в помещении для дежурных экипажей и бросил в контейнер для обработки. Затем направился в свою крошечную комнату, где с наслаждением растянулся на койке. Спустя несколько минут он перевернулся на живот и достал из металлического ящичка в изголовье зеленоватую капсулу. Он быстро ее проглотил и, дожидаясь, когда она начнет действовать, уткнулся лицом в подушку. Правила запрещали синтестимы между приемами пищи, но никто особенно не следил за их соблюдением. Как и большинство десантников, Каген практически постоянно глотал их, чтобы сохранять скорость реакций и выносливость.

Его глубокий сон прервал коммуникатор, установленный на стене над койкой.

— Каген.

Он сразу проснулся и резко сел.

— Слушаю.

— Немедленно явитесь к майору Грейди.

Что ж, начальство быстро отреагировало на его просьбу. Он быстро надел свободный рабочий комбинезон и едва ли не бегом устремился по коридору.

Штаб находился в самом центре базы: ярко освещенное трехэтажное здание, закрытое сверху защитным полем и окруженное часовыми в боевом снаряжении. Один из них узнал Кагена, и его без промедления пропустили внутрь.

Сразу за дверью он остановился, чтобы сканеры смогли проверить наличие у него оружия. Десантникам, разумеется, не разрешалось являться вооруженными к высшим офицерам. Если бы у него имелся акустический пистолет, во всем здании тут же сработала бы сигнализация, а фиксирующие лучи из проекторов, скрытых в стенах и на потолке, мгновенно захватили бы его в надежные тиски.

Каген благополучно прошел проверку и зашагал дальше по длинному коридору в сторону кабинета майора. Он проделал примерно треть пути, когда его запястье жестко обхватила первая пара лучей. Оставалось только тихо выругаться и побороть импульсивное желание высвободиться. Он терпеть не мог беспомощности, на которую обрекали фиксирующие лучи, но таковы были правила, если ты хотел поговорить с кем-нибудь из высших офицеров.

Дверь кабинета открылась, Каген вошел внутрь, и сразу несколько лучей полностью лишили его способности двигаться.

Он замер по стойке «смирно», хотя все его мышцы отчаянно протестовали.

Майор Карл Грейди сидел и что-то писал за заваленным бумагами столом, который стоял недалеко от двери. Около его локтя высилась огромная стопка бумаг, придавленных старым лазерным пистолетом, который выполнял роль пресс-папье.

Каген узнал лазер. Пистолет был своего рода наследством, которое передавалось из поколения в поколение в семье Грейди. Поговаривали, что какой-то предок майора сражался с этим пистолетом на Земле еще во времена Огненных войн, в самом начале двадцать первого века.

Прошло несколько минут, прежде чем Грейди положил ручку и посмотрел на Кагена. Он был необычно молод для офицера высшего ранга, но из-за вьющихся седых волос казался старше. Как и все офицеры командного состава, он родился на Земле, поэтому был довольно хрупким на вид и не мог похвастаться быстротой реакции, в особенности по сравнению с десантниками, обитателями густонаселенных военных миров с низкой гравитацией — Веллингтона и Роммеля.

— Доложите о своем прибытии, — отрывисто приказал Грейди, и на его лице, как и всегда, застыло скучающее выражение.

— Старший офицер Джон Каген, штурмовой отряд, Земной экспедиционный корпус.

Грейди кивнул, он явно не слушал. Затем он открыл один из ящиков стола и достал листок бумаги.

— Думаю, вам известно, почему вас вызвали. — Он ткнул пальцем в листок. — Что это означает?

— Там все написано, майор.

Каген попытался перенести вес на другую ногу, но лучи крепко удерживали его на месте. Майор заметил это и нетерпеливо махнул рукой.

— Вольно, — приказал он, и большинство лучей отключилось, предоставив Ка гену возможность двигаться, хотя и в два раза медленнее, чем обычно. Он облегченно пошевелил руками и ухмыльнулся.

— Срок моего контракта истекает через две недели, майор. Я не намерен заключать новый. Поэтому попросил отправить меня на Землю. Вот и все.

Брови Грейди на мгновение приподнялись, однако лицо по-прежнему оставалось скучающим.

— Так вот в чем дело! — протянул он. — Вы прослужили почти двадцать лет, Каген. С чего это вдруг вы решили подать в отставку?

— Может быть, устал от походной жизни, — пожав плечами, ответил Каген. — Мне стало скучно завоевывать одну кучу дерьма за другой. Хочется чего-то другого — волнующего.

Грейди кивнул.

— Понятно. Но я с вами не согласен, Каген. — Его голос звучал мягко и спокойно. — Мне представляется, что вы недооцениваете Экспедиционный корпус. Впереди нас ждут очень волнующие события. — Он откинулся на спинку стула и принялся играть с карандашом, который взял со стола. — Вам известно, что вот уже три десятилетия мы находимся в состоянии войны с Империей Хранган. До нынешнего момента прямые столкновения между нами случались нечасто. Знаете, почему?

— Естественно.

Майор проигнорировал его реплику.

— Я скажу вам, почему, — продолжал он. — До сих пор мы и они пытались укрепить свои позиции путем захвата маленьких миров, находящихся в пограничных регионах. Однако эти «кучи дерьма», как вы их назвали, имеют огромное значение. Они нужны нам для баз — у них есть сырье, полезные ископаемые, промышленный потенциал и рабочая сила. Вот почему мы стараемся минимизировать урон во время наших кампаний. И вот почему мы прибегаем к психологическим методам ведения войны, используя, например, ревунов, чтобы перед атакой напугать как можно больше дикарей и…

— Мне это известно, — перебил его Каген с присущей ему резкостью веллингтонца. — Я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать лекции.

Грейди оторвал глаза от карандаша.

— Не для того, чтобы выслушивать лекции, — эхом отозвался он. — Но вот что я вам скажу, Каген. Предварительные игры закончены, пришло время решительных действий. Осталось всего несколько ничейных миров. Уже очень скоро мы вступим в прямую конфронтацию с армией Хрангана. Примерно через год мы атакуем их аванпосты.

Майор выжидательно посмотрел на Кагена. Когда ответа не последовало, на его лице промелькнуло удивление, и он снова наклонился вперед.

— Вы что, не понимаете, Каген? Каких еще волнующих удовольствий вы хотите? Вам больше не придется сражаться с жалкими гражданскими, напялившими на себя форму и взявшими в руки примитивные реактивные ружья или еще какой-нибудь раритет. Хрангане — вот истинный враг. На протяжении нескольких столетий они создавали профессиональную армию. Это солдаты, по рождению и воспитанию, прекрасные вояки.

Кроме того, у них есть защитные экраны и современное оружие. Иными словами, враг, сразиться с которым — настоящее испытание.

— Может быть, — с сомнением произнес Каген. — Но я имел в виду другие удовольствия. Я старею. Я заметил, что в последнее время мои реакции стали не такими, как раньше. Даже синтастим не компенсирует моей скорости.

Грейди покачал головой.

— У вас самый лучший послужной список во всем Экспедиционном корпусе. Вы дважды получили Звездный Крест и три раза Орден Мирового Конгресса. Каждая станция на Земле передавала отчет о том, как вы спасли разведывательный отрад на Торего. Почему вы вдруг усомнились в собственной эффективности? Люди вроде вас будут нам очень нужны в войне с хранганами. Оставайтесь в армии.

— Нет, — решительно ответил Каген. — В уставе говорится, что после двадцати лет службы каждый из нас имеет право на пенсию, а мои награды принесли мне хорошие премиальные. Пришла пора получить от них удовольствие. — Он расплылся в улыбке. — Вы правы, меня на Земле наверняка знают. Думаю, с моей репутацией я сумею неплохо повеселиться.

Майор нахмурился и принялся барабанить пальцами по столу.

— Я знаю, что гласит устав. Но в действительности никто никогда не уходит в отставку — и вам должно быть это известно. Многие солдаты предпочитают оставаться в армии. Такова их работа. Ведь именно для этого и существуют военные миры.

— По правде говоря, мне на это плевать, майор. — Каген опять улыбнулся. — Я знаю правила и то, что имею право уйти в отставку и получить полную пенсию. И вы не можете мне помешать.

В кабинете воцарилась тишина.

— Хорошо, — наконец прервал затянувшуюся паузу Грейди. — Давайте вести себя как разумные люди. Вы уйдете в отставку на полную пенсию и с сохранением всех премиальных. Мы поселим вас на Веллингтоне в собственном доме. Или на Роммеле, если захотите. Мы сделаем вас командиром юношеских отрядов — вы сможете сами выбирать возрастную группу. Или директором тренировочного лагеря. С вашими заслугами вы получите отличную должность.

— Нет, — твердо проговорил Каген, — Ни Веллингтон, ни Роммель. Только Земля.

— Но почему? Вы родились и выросли на Веллингтоне — если я не ошибаюсь, в одном из горных районов. Вы же никогда

не видели Земли!

— Совершенно верно. Но я видел ее в телепередачах и в кино. Мне понравилось. В последнее время я много читал про Землю. И теперь решил собственными глазами на нее посмотреть. — Он помолчал, а потом добавил с кривой усмешкой: — Скажем так — я хочу увидеть то, ради чего я сражался.

Грейди недовольно нахмурился.

— Я с Земли, Каген. Вам она не понравится. Гравитация слишком низкая. Употребление синтастима строго запрещено законом. Однако тем, кто родился на военных мирах, он необходим, так что вам придется платить бешеные деньги, чтобы его добыть. И вообще, земляне — другие. Возвращайтесь на Веллингтон. Там вы будете среди своих.

— Возможно, это одна из причин, по которой я хочу отправиться на Землю, — упрямо заявил Каген. — На Веллингтоне я буду одним из сотен ветеранов. А на Земле — самым быстрым и самым сильным парнем в целом мире. Это дорогого стоит.

— А как насчет гравитации? И синтастима?

— Через некоторое время привыкну, это не проблема. А безумная скорость и выносливость мне больше будут не нужны. Думаю, я смогу отказаться от синтастима.

Грейди провел рукой по растрепанным волосам и с сомнением покачал головой. Наступило долгое напряженное молчание. Затем он наклонился над своим столом, и его рука неожиданно метнулась к пистолету.

Каген среагировал мгновенно, хотя его движение и замедлили те лучи, что продолжали его удерживать. Его пальцы с силой сжались на запястье старшего по званию. В следующую секунду он замер на месте — лучи охватили его со всех сторон, а потом грубо швырнули на пол.

Грейди, чья рука остановилась на полпути к оружию, откинулся на спинку стула. На его бледном лице застыло потрясение. Затем он поднял руку, и лучи немного ослабили хватку. Каген медленно поднялся на ноги.

— Вот видите, Каген, эта маленькая проверка доказывает, что вы в прекрасной форме. Вы бы без проблем добрались до меня, если бы ваши движения не замедлили фиксирующие лучи. Повторяю, нам необходимы люди с вашей подготовкой и опытом. Вы нужны нам в войне с хранганами. Оставайтесь в армии!

В холодных голубых глазах Кагена полыхала ярость.

— Пусть хрангане катятся ко всем чертям! Я не останусь в армии, и никакие ваши дурацкие штучки не заставят меня передумать. Я лечу на Землю. Вы не можете мне помешать.

Грейди спрятал лицо в руках и вздохнул.

— Хорошо, Каген, — сказал он наконец. — Я передам вашу просьбу по инстанциям.

Потом он поднял глаза, и в них было… смущение.

— Вы были великим солдатом, Каген. Нам будет не хватать вас. Вы наверняка пожалеете о своем решении. Уверены, что не хотите изменить его?

— Абсолютно! — рявкнул Каген.

Странное выражение так же неожиданно исчезло из глаз Грейди, и лицо снова превратилось в равнодушную маску.

— Прекрасно, — холодно проговорил он. — Можете быть свободны.

Лучи продолжали удерживать Кагена, когда он повернулся к двери, и довели его до самого выхода из здания.

— Ты готов, Каген?

Рагелли стоял, прислонившись к дверному косяку.

Каген, взяв небольшую дорожную сумку, напоследок обвел взглядом свою комнатушку, проверяя, не забыл ли он чего-нибудь.

— Думаю, да, — ответил он и шагнул за порог.

Рагелли надел пластоидный шлем, который держал под мышкой, и поспешил вдогонку за приятелем, который быстро шел по коридору.

— Ты в порядке? — спросил он, догнав Кагена.

— Еще как! Через неделю я буду наслаждаться жизнью на Земле, а ты — лелеять мозоли на заднице, которые получишь, сидя в своем дюраллоевом костюмчике.

Его товарищ рассмеялся.

— Может быть. Но я все равно считаю, что ты спятил, решив отправиться на Землю, когда мог бы командовать тренировочным лагерем на Веллингтоне. А принимая во внимание тот факт, что ты решил уйти на пенсию, что само по себе безумие…

Дверь скользнула в сторону, и они вышли наружу, причем Рагелли продолжал рассуждать. Второй часовой встал по другую сторону от Кагена. Как и Рагелли, он был в легком боевом обмундировании.

Сам Каген надел парадную белую форму с золотой отделкой. Церемониальный лазер, дезактивированный, висел у него на боку в черной кожаной кобуре. Дополняли наряд черные кожаные сапоги и блестящий стальной шлем. Ослепительно голубые нашивки на погонах указывали на чин старшего офицера. Медали тихонько позвякивали на ходу.

Весь третий штурмовой отряд Кагена стоял по стойке

«смирно» на взлетном поле, расположенном за бараком, чтобы торжественно проводить его в отставку. Рядом с трапом, ведущим на шаттл, замерли офицеры высшего командного состава, окруженные защитными экранами.

В сопровождении двух часовых Каген, ухмыляясь, медленно пошел по асфальтовой дорожке. Над полем плыла тихая музыка — боевой гимн Экспедиционного корпуса и Веллингтона.

У трапа он остановился и оглянулся. Его отряд по команде одного из высших офицеров одновременно отдал ему честь и стоял не шевелясь, пока он не ответил на приветствие. Затем один из офицеров выступил вперед и протянул ему документы, подтверждающие отставку.

Засунув их в кобуру, Каген помахал рукой Рагелли и поспешил вверх по трапу, который медленно поднялся у него за спиной.

Внутри корабля его приветствовал один из членов команды.

— Для вас приготовлена специальная каюта, — сказал он. — Следуйте за мной. Наше путешествие займет всего пятнадцать минут — до межпланетного корабля, который доставит вас на Землю.

Каген кивнул и последовал за членом команды в свою каюту, где всю стену занимал огромный экран. Напротив него стояла койка с ускорителем.

Оказавшись в одиночестве, Каген растянулся на койке, надев свой шлем на держатель, расположенный сбоку. Фиксирующие лучи мягко прижали его к койке, чтобы не возникло никаких неприятностей при старте.

Через несколько минут откуда-то из недр корабля послышалось глухое рычание, и, когда корабль поднялся в воздух, Каген почувствовал, что гравитация увеличилась — по сравнению с фиксирующими лучами ее давление было гораздо ощутимее. Экран ожил, и на нем появилось изображение постепенно уменьшавшейся планеты.

Как только шаттл вышел на орбиту, экран погас. Каген попытался сесть, но обнаружил, что не может пошевелиться. Фиксирующие лучи словно приковали его к койке.

Он нахмурился. Если корабль находится на орбите, незачем лежать на койке. Надо же, какой-то идиот забыл отключить лучи!

— Эй! — крикнул он, решив, что где-то в комнате обязательнодолжен быть коммуникатор. — Лучи продолжают меня удерживать. Ослабьте их, а то я не могу двинуться с места.

Ответа не последовало.

Каген попытался высвободиться, и давление усилилось.

— Лучи придавили меня еще сильнее! Что случилось?

Лучи сжимали его крепче и крепче, словно невидимые щупальца. Ему стало больно.

— Идиоты! — заорал он. — Кретины! Выключите лучи, придурки!

Окончательно рассвирепев и отчаянно ругаясь, он попытался высвободиться, но натренированные мускулы были не в состоянии справиться с нараставшим давлением. Кагена намертво прижало к койке.

Один из лучей, направленный на его нагрудный карман, вдавил Звездный Крест в тело. Острый конец медали располосовал форму, и красное пятно начало медленно расползаться по белому кителю. Между тем тело сдавливали все новые и новые невидимые оковы.

— Прекратите! — прохрипел Каген. — Ублюдки, я разорву вас на части, когда выберусь отсюда! Вы же меня убиваете, будьте вы все прокляты!

Неожиданно он услышал резкий хруст — сломалась какая-то кость, не выдержав давления, и руку пронзила резкая боль. Через минуту снова раздался хруст.

— Прекратите! — пронзительно выкрикнул он. — Вы меня убиваете! Проклятье, вы убиваете меня!

Грейди хмуро посмотрел на своего адъютанта, который вошел в его кабинет.

— Ну? Что случилось?

Адъютант, молодой землянин, который проходил подготовку для получения звания высшего офицера, деловито отдал честь.

— Мы только что получили доклад с шаттла, сэр. Все кончено. Они спрашивают, что делать с телом.

— Какая разница? Ну, пусть выбросят в открытый космос. — Майор покачал головой. — Каген был отличным боевым офицером, но, видимо, его психологическая подготовка дала сбой. Нам следует объявить суровый выговор тем, кто занимался его обучением. Хотя странно, что до сих пор мы ничего необычного в его поведении не замечали…

Он снова покачал головой.

— Земля! Ха! На мгновение он даже заставил меня предположить, что такое возможно. Но когда я проверил его при помощи лазера, то все понял. Исключено, совершенно исключено. Как будто мы добровольно согласимся пустить представителя военного мира на Землю, где он сможет свободно делать, что ему захочется. Ступай! — приказал Грейди адъютанту.

Когда тот повернулся, собираясь уйти, майор крикнул ему вслед:

— Да, не забудьте сообщить на Землю, что наш герой погиб в

сражении с хранганами! И опишите все покрасивее, чтобы за его историю ухватились все средства массовой информации. А также отправьте медали на Веллингтон, в музей.

Адъютант кивнул, и Грейди вернулся к своим бумагам. Вид у него был по-прежнему скучающий.

Дорога в Сан-Брета
© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

До этого вечера путешествие было самым обычным, пока мое

внимание не привлекло шоссе. У меня начались каникулы, и я, наслаждаясь свободой, ехал в Лос-Анджелес через юго-запад — ничего необычного, я уже много раз так делал.

Водить машину — мое хобби. Ведь теперь совсем немногие ездят на автомобилях, большинству людей они кажутся слишком медленными.

Машины мгновенно превратились в устаревший вид транспорта после того, как в 1993 году началось массовое производство дешевых вертолетов. А с появлением персональных грав-паков интерес к ним окончательно пропал.

Но когда я был ребенком, дело обстояло иначе. В те времена автомобили имелись у всех, и человек считался социально неполноценным, если по достижении соответствующего возраста не получал водительские права. Что касается меня, то я заинтересовался машинами, когда мне было почти двадцать, и не перестал любить их до сих пор.

Короче говоря, когда начались каникулы, я решил, что наступило подходящее время проверить одну из моих последних находок. Отличная машина, английская спортивная модель конца семидесятых — «Ягуар-XKL». Конечно, не классический образец, но все равно великолепный автомобиль, послушный и удобный в управлении.

Как правило, я ехал ночью — в этом есть нечто особенное. Старые пустынные шоссе при свете звезд выглядят так прекрасно, их окутывает такая чудесная атмосфера, что порой кажется, будто ты видишь, какими они были когда-то — наполненными жизнью, шумными и многоголосыми, забитыми машинами, сколько хватало глаз.

Сегодня ничего подобного нет. Остались только сами дороги, да и то многие из них заросли травой и потрескались. Власти больше не заботятся о них, соглашаясь с протестами против бессмысленной траты денег налогоплательщиков. Однако сносить их стоит немалых средств, и шоссе постепенно разрушаются. Впрочем, по большинству из них вполне можно ездить, в прежние времена люди строили прекрасные дороги.

На них даже можно наблюдать кое-какое движение. Естественно, это сумасшедшие вроде меня, помешанные на машинах, а также грузовики на воздушной подушке. Они могут передвигаться где угодно, но быстрее — по гладким поверхностям, поэтому частенько выбирают старые шоссейные дороги.

Всякий раз, когда такой грузовик ночью проносится мимо, возникает довольно неприятное ощущение. Они развивают скорость до двухсот миль в час или около того, и не успеваешь ты

увидеть его в зеркало заднего вида, как грузовик уже догнал тебя. Впрочем, все происходит мгновенно: длинная серебристая вспышка, пронзительный сигнал — и он исчез. А ты снова остался в одиночестве.

Итак, я был в самом сердце Аризоны, неподалеку от Сан-Брета, когда впервые обратил внимание на шоссе, но ничего особенного не подумал. Обычное шоссе, восьмиполосное, с хорошим покрытием, оно тянулось до самого горизонта, ночью напоминая черную блестящую ленту.

Нет, не само шоссе показалось мне необычным, а его состояние. Сначала я не придал этому значения, слишком наслаждаясь процессом. Стояла ясная холодная ночь, все небо было усыпано звездами, а мой «ягуар» вел себя просто прекрасно.

Он даже слишком легко мчался вперед. Вот тут до меня впервые дошло, что на шоссе нет ни бугров, ни выбоин, ни трещин. Покрытие находилось в великолепном состоянии, словно его только вчера положили. Разумеется, порой мне везло на хорошие дороги, например, часть шоссе около Балтимора просто великолепна, да и кое-какие участки в районе Лос-Анджелеса оставляют неплохое впечатление.

Но подобного великолепия я еще ни разу не видел. Трудно поверить, что дорога может быть в таком идеальном состоянии, ведь ее столько лет не ремонтировали!

И фонари! Они горели, яркие, словно только что вымытые, все в целости и сохранности, ни один не разбит, не моргает.

После этого я начал замечать и другие вещи — в частности, дорожные знаки. В большинстве мест их уже давным-давно нет, они попали в руки охотников за сувенирами или любителей антиквариата в память о старой, более медленной Америке. Никто не позаботился поставить взамен другие. Зачем? Правда, время от времени удается наткнуться на какой-нибудь чудом уцелевший знак, но это всегда проржавевший кусок металла необычной формы.

Однако на этом шоссе имелись все необходимые знаки. Настоящие дорожные знаки, то есть такие, которые можно прочитать! Например, ограничивающие скорость, в то время как уже много лет никто не обращает ни малейшего внимания на ограничение скорости. Знаки, обозначающие главную дорогу, когда нет второстепенной. Поворот, выезд с шоссе, предупреждение об опасности — все возможные знаки, причем абсолютно новые!

И все-таки больше всего меня поразила разметка. Краска тускнеет быстро, и я сомневаюсь, что вы найдете в Америке шоссе, где можно разглядеть белые линии. А с этими все было в

полном порядке — резкие, яркие, свежая краска, восемь четко размеченных полос.

В общем, отличное шоссе, как в прежние времена. Однако я ничего не понимал: ни одна дорога не может оставаться в таком прекрасном состоянии на протяжении стольких лет. Значит, кто-то привел ее в порядок и с тех пор следит за ней. Но кто? Это же наверняка стоит огромных денег и не приносит никакой прибыли.

Я все еще пытался отыскать ответы на свои вопросы, когда увидел другую машину.

Я как раз проехал мимо большого красного знака «Дорога 76» — дорога в Сан-Брета, — когда заметил белую кляксу на горизонте. Итак, мне суждено познакомиться с таким же, как я, любителем машин.

Подобные встречи крайне редки. Да, конечно, время от времени проводятся слеты вроде «Фестиваля на колесах» во Фресно или ежегодной автомобильной ассоциации «Америка в пробках». Но, по моему мнению, они слишком искусственные. А вот встретиться с автолюбителем на дороге… в этом есть нечто особенное.

Я прибавил газу и помчался вперед. Спидометр показывал около ста двадцати миль. «Ягуар» способен и на большее, но в отличие от кое-кого из моих приятелей я не помешан на скорости. Судя по тому, как я нагонял машину впереди, она ехала со скоростью миль семьдесят в час.

Когда я оказался совсем близко, то просигналил, чтобы привлечь внимание водителя. Но он, похоже, меня не слышал. Точнее, никак не показал, что услышал. Я снова посигналил.

И тут неожиданно узнал марку автомобиля.

«Эдсел»![10]

Глазам не верилось! Это же настоящая классика, наравне со «стэнли стимером» и «фордом Т». Те немногие, что еще остались, продаются за баснословные суммы. Что касается этого редчайшего экземпляра, то в мире таких сохранилось штуки три или четыре, и они не продавались ни за какие деньги. Настоящая автомобильная легенда — и вот он прямо передо мной на шоссе, такой же классически уродливый, как в тот день, когда сошел с конвейера завода Форда.

Я подъехал к нему и сбросил скорость, чтобы двигаться рядом. Не могу сказать, что мне понравилось состояние, в котором он находился, — краска облупилась, грязные пятна, ржавчина на нижней части дверей… Но это был самый настоящий «эдсел», и его совсем нетрудно восстановить. Я снова посигналил, чтобы привлечь внимание водителя, но он продолжал меня игнорировать. В машине было пять человек: наверное, семья

отправилась на прогулку. На заднем сиденье приземистая женщина пыталась успокоить двоих маленьких детей, которые, как мне показалось, дрались. Ее муж крепко спал на переднем сиденье, а за рулем сидел юноша, наверное старший сын.

Подумать только! Какой-то мальчишка сидит за рулем настоящего сокровища! Мне смертельно хотелось оказаться на его месте.

В книгах, посвященных машинам, часто попадались статьи про этот автомобиль. Еще бы, самый значительный провал в области автомобилестроения. Его имя расцвечивали многочисленные мифы и легенды. В разбросанных по всей стране старых гаражах и на заправочных станциях, где собираются любители автомобилей, чтобы подлатать своих любимцев и поболтать с единомышленниками, до сих пор рассказывают сказки про «эдсел». Говорят, что машина оказалась слишком большой и не помещалась ни в одном стандартном гараже. Также утверждают, что у него были проблемы с тормозами. Часто шутили по поводу его имени. А как вам знаменитая легенда о том, что, когда он набирал скорость, ветер, обгонявший его, начинал забавно посвистывать?

Романтика, тайна и трагедия старого автомобиля — вот что такое «эдсел». Истории о нем постоянно пересказываются автолюбителями, в то время как его сверкающие современники давно превратились в металлолом и гниют на свалках.

Я ехал рядом с этим чудом, а в голове у меня то и дело возникали старые легенды — и в конце концов я погрузился в собственные ностальгические воспоминания, тем более что водитель упорно меня игнорировал. Оставалось только сдаться. Кроме того, я старательно прислушивался, пытаясь уловить тот необычный свист ветра.

Мне следовало сообразить, что происходит нечто странное — дорога, «эдсел» и то, как упрямо они не обращали на меня внимания. Но я был взволнован и не мог нормально соображать. Если честно, даже и на дорогу не очень смотрел.

Мне, естественно, не терпелось поговорить с владельцами машины. Поскольку они вели себя не слишком дружелюбно и не собирались тормозить, я решил ехать за ними, пока они не остановятся, чтобы заправиться или перекусить. Мне хотелось оставаться как можно ближе к ним, поэтому я сбросил скорость, выбрал левую полосу и поехал рядом.

Помню, я тогда еще восхитился владельцем автомобиля, ведь он позаботился о том, чтобы воспроизвести старую машину в том виде, в каком она была во времена своего расцвета. Он даже нашел где-то старые номера, которые стали настоящей

редкостью.

Я раздумывал над его эксцентричностью, когда мы миновали знак, указывающий на выезд на 77-е шоссе.

Неожиданно паренек, сидевший за рулем «эдсела», заволновался, развернулся на сиденье и оглянулся через плечо, словно пытался еще раз взглянуть на знак, оставшийся позади. А потом, без всякого предупреждения, автомобиль выехал на мою полосу. Я ударил по тормозам, но, естественно, это было бесполезно. Все произошло мгновенно. Раздался громкий скрежет, и я успел заметить перекошенное от ужаса лицо паренька перед тем, как две машины столкнулись.

«Ягуар» на скорости семьдесят миль в час влетел в «эдсел» со стороны водителя, затем съехал на обочину и остановился. «Эдсел» перевернулся и заскользил по центральной части шоссе на крыше. Не помню, как расстегнул ремень безопасности и как вылез наружу… Я был потрясен, но почти не пострадал.

Мне следовало сразу броситься на крики о помощи, которые доносились из «эдсела», но я этого не сделал. Я был в шоке и не слишком понимал, что произошло. Не знаю, сколько времени я пролежал на шоссе, прежде чем «эдсел» взорвался и начал гореть. Крики о помощи превратились в дикие вопли. А потом все стихло.

Когда я наконец поднялся на ноги, пламя уже погасло и предпринимать что-нибудь было поздно. В голове у меня по-прежнему царила полнейшая неразбериха. Вдалеке, на шоссе, которое вело от боковой дороги, я видел огни и пошел на них.

Мне казалось, что я иду вечно. Я постоянно спотыкался, поскольку дорога была плохо освещена, и я не видел, куда ставлю ноги.

Свет падал из окон небольшого грязного кафе, чудом сохранившегося на давно заброшенном участке шоссе. Я ввалился внутрь и увидел троих посетителей, причем один из них оказался местным полицейским.

— Произошла авария, — сказал я, стоя на пороге, — кто-то должен туда поехать.

Полицейский одним глотком допил кофе и встал со стула.

— Столкнулись вертолеты? Где?

Я покачал головой.

— Н-нет. Нет. Машины. Столкнулись на шоссе. На старой магистрали. — Я махнул рукой в ту сторону, откуда пришел.

Полицейский, который уже находился на полпути к двери, вдруг остановился и нахмурился. Остальные весело расхохотались.

— Слушай, придурок, вот уже двадцать лет никто не ездит по

той дороге, — крикнул толстяк, сидевший в углу. — На ней столько ям, что мы используем ее для игры в гольф, — добавил он и громко рассмеялся над собственной шуткой.

Полицейский с сомнением посмотрел на меня.

— Идите домой и проспитесь, — заявил он. — Мне не хочется запирать вас в участке. — И направился назад, к своему столу.

Я шагнул внутрь.

— Черт вас подери, я говорю правду! И я не пьян. На шоссе произошло столкновение, там люди пострадали… — Я не договорил, сообразив, что им уже ничто не поможет.

Полицейский по-прежнему смотрел на меня с сомнением.

— Может, тебе стоит посмотреть, — предложила официантка, стоявшая у стойки бара. — А вдруг он говорит правду. Где-то в Огайо в прошлом году произошла автомобильная авария.

— Да, наверное, — проворчал коп. — Пошли, приятель. Надеюсь, ты не врешь, иначе у тебя будут проблемы.

Он молча прошел через парковочную площадку и забрался в четырехместный полицейский вертолет. Когда лопасти завертелись, он посмотрел на меня и сказал:

— Знаешь, если ты не врешь, вы с тем парнем установили рекорд.

Я удивленно уставился на него.

— За десять лет никто, кроме вас, не пользовался той дорогой. И вы умудрились столкнуться. Потрясающе, верно? — Он печально покачал головой. — Мало кто в состоянии сотворить такое. Ты точно заслужил медаль.

Дорога, на которой я столкнулся с «эдселом», оказалась гораздо ближе, чем мне казалось, когда я шел пешком. По воздуху мы преодолели это расстояние меньше чем за пять минут. Но что-то тут было не так. Сверху шоссе выглядело иначе. И я неожиданно сообразил почему.

Большинство фонарей не горело, а те, что работали, светили как-то тускло и постоянно мигали.

Я все еще не мог справиться с потрясением, когда вертолет с грохотом опустился в самый центр лужицы грязновато-желтого света, который отбрасывал один из мерцающих фонарей. Ничего не понимая, я выбрался наружу и сразу же споткнулся, попав в одну из многочисленных выбоин. Повсюду из щелей, прорезавших асфальт, выглядывали самые разнообразные растения, чувствовавшие себя здесь как дома.

У меня начала отчаянно болеть голова. Безумие! Чушь! Я не понимал, что происходит.

Полицейский обошел вертолет и двинулся ко мне, на плече у него висела портативная аптечка.

— Ну, — проговорил он. — Где произошла авария?

— Думаю, дальше по дороге, — промямлил я, уже ни в чем не уверенный, так как не видел своей машины и уже было решил, что мы перепутали шоссе, хотя не очень понимал, как такое возможно.

Однако оказалось, что дорога была выбрана правильно. Через несколько минут обнаружился и мой автомобиль, он стоял на обочине в полной темноте. И нигде даже намека на «эдсел».

Я помнил, в каком состоянии оставил свой «ягуар»: лобовое стекло разбито, капот и радиатор помяты, правое крыло искорежено в том месте, где машина налетела на ограждение. И вот автомобиль передо мной, новенький, словно только что с завода.

Коп, хмурясь, навел на меня медсенсор.

— Ну, ты точно не пил сегодня, — наконец заявил он. — Так что я не стану тебя арестовывать, хотя и следовало бы. Вот что ты сделаешь, парень, — заберешься в свое старье и отвалишь отсюда на полной скорости. Потому что если я еще раз тебя здесь увижу, можешь не сомневаться, неприятности тебе гарантированы. Понял?

Я собрался возмутиться, но не сумел подобрать нужных слов. Да и что я мог ему сказать? И тогда я просто кивнул. Полицейский отвернулся, бормоча что-то про розыгрыши, и направился к вертолету.

Когда он улетел, я подошел к «ягуару» и, чувствуя себя полнейшим идиотом, принялся ощупывать капот. Он оказался в полном порядке. Я забрался внутрь, повернул ключ зажигания, мотор ровно заурчал, и свет фар разорвал темноту. У меня не было ни желания, ни сил даже пошевелиться, но потом я все-таки выехал на середину дороги и развернулся.

Путь до Сан-Брета оказался длинным и тяжелым из-за многочисленных ям и трещин, а плохое освещение вынуждало придерживаться минимальной скорости. Дорога была в отвратительном состоянии. Как правило, я стараюсь по таким не ездить, слишком велики шансы проколоть шину.

Мне удалось добраться до Сан-Брета без происшествий в два часа ночи. Подъездная дорога, как и само шоссе, оказалась вся в ухабах и трещинах, да и фонари практически не работали. И еще: я так и не нашел знака с ее названием.

Я не раз путешествовал в этих местах и помнил, что в Сан-Брета есть большой гараж с заправкой, где собираются автолюбители, туда я и направился и оставил свою машину на скучающего молодого человека, который дежурил ночью. Затем я поспешил в ближайший мотель, решив основательно выспаться:

тогда, возможно, все встанет на свои места.

Однако, проснувшись утром, я по-прежнему ничего не понимал. Нечто, живущее в дальних закоулках моего сознания, твердило о галлюцинациях и прочем. Я прогнал столь соблазнительную мысль и попытался разобраться в том, что же все-таки со мной произошло.

Я ни до чего разумного не додумался, пока принимал душ, завтракал и шел в гараж. Либо мое сознание сыграло со мной алую шутку, либо что-то очень необычное произошло со мной вчера ночью. Очень не хотелось верить в первое, а посему я решил исследовать вторую возможность.

Меня встретил владелец гаража и заправки, подвижный старикан лет восьмидесяти. Он был в старомодном комбинезоне, в каком в прежние времена ходили механики, — очередная диковинка. Увидев меня, он добродушно кивнул и спросил:

— Рад тебя видеть. Куда теперь направляешься?

— В Лос-Анджелес. На сей раз по магистрали между штатами.

Услышав мой ответ, он удивленно приподнял брови.

— По магистрали между штатами? — переспросил он. — Я считал, что ты умнее. Дорога в ужасающем состоянии. Разве можно столь прекрасную машину, как твой «ягуар», подвергать таким испытаниям?

Мне не хватило смелости попытаться объяснить ему, в чем дело, и я лишь слабо улыбнулся в ответ, а он пошел за моей машиной. Мой «ягуар» был вымыт и заправлен — в общем, в полном порядке.

Я окинул его быстрым взглядом, пытаясь отыскать вмятины, но их не было.

— Сколько у вас тут постоянных клиентов? — спросил я старика, расплачиваясь. — Я имею в виду местных коллекционеров, а не тех, кто проезжает мимо.

Старик пожал плечами.

— В штате наберется человек сто. Они все едут к нам. У нас самый лучший бензин и обслуживание в этих краях.

— А есть какие-нибудь интересные экземпляры?

— Не слишком много. Один парень приезжает на «пирс-эрроу», другой специализируется на сороковых годах. У него отличная коллекция. И все в отличном состоянии.

— А у кого-нибудь есть «эдсел»? — с замиранием в груди поинтересовался я.

— Вряд ли, — ответил он. — Ни у кого из наших клиентов нет таких денег. А почему ты спрашиваешь?

Я решил отбросить все предосторожности.

— Вчера на дороге я видел «эдсел». Правда, мне не удалось поговорить с владельцем. Я решил, что, может быть, это кто-то из местных.

На лице старика ничего не отразилось.

— Нет, это не местные, — сказал он, когда я уже закрыл дверцу машины. — Наверное, кто-то просто проезжал мимо. Странно, что ты его встретил на такой дороге. Не часто…

В тот момент, когда я поворачивал ключ в зажигании, меня остановил его крик:

— Подожди минутку! Ты сказал, что ехал по старому шоссе между штатами. Ты там видел «эдсел»?

Я снова выключил двигатель.

— Точно.

— Боже праведный! — выдохнул он. — Я уже почти о нем забыл, так много прошло времени. Это был белый «эдсел»? Внутри пять человек?

Я открыл дверцу и выбрался наружу.

— Да. Вы что-то про него знаете?

Старик схватил меня за плечи обеими руками, и в его глазах появилось странное выражение.

— Ты его просто видел и все? — Он резко встряхнул меня. — Ты уверен, что больше ничего не произошло?

Я колебался несколько мгновений, чувствуя себя полным идиотом.

— Мы столкнулись. Точнее, я решил, что столкнулся с ним. А потом… — Я неохотно махнул рукой в сторону «ягуара».

Старик убрал руки с моих плеч и рассмеялся.

— Снова, — пробормотал он. — После стольких лет.

— Что вам про это известно? — потребовал я ответа. — Что, черт подери, произошло прошлой ночью?

Он вздохнул.

— Идем, я тебе расскажу.

— Это произошло больше сорока лет назад, — начал он за чашкой кофе в кафе напротив гаража. — Семья отправилась в отпуск. Один из сыновей и отец по очереди вели машину. Они зарезервировали номер в отеле в Сан-Брета. Парень сидел за рулем, была глубокая ночь, и он случайно пропустил знак, указывающий на поворот в Сан-Брета. Он его даже не заметил — пока не увидел знак «Дорога 77». Видимо, парень очень испугался. Судя по тому, что рассказывали люди, знавшие эту семью, папаша был настоящим ублюдком. Из тех, что могут за подобное устроить настоящую головомойку. Паренек получил права всего пару недель назад. И принял решение сделать

разворот и вернуться назад, в сторону Сан-Брета.

Другая машина ударила его в бок. Ее водитель был не пристегнут, вылетел через ветровое стекло, ударился об асфальт и умер мгновенно. Пассажирам «эдсела» повезло меньше. Автомобиль перевернулся и взорвался, все пятеро не смогли выбраться наружу и сгорели заживо.

Я вздрогнул, вспомнив крики, которые неслись из горящей машины.

— Но вы сказали, что это случилось сорок лет назад, что же тогда произошло сегодня ночью?

— Слушай дальше, — проговорил старик, взял булочку, намочил ее в кофе и принялся задумчиво жевать. — Прошло два года, — продолжил он наконец. — Какой-то водитель сообщил в полицию, что произошло столкновение. С «эдселом». Поздно ночью. На том самом шоссе. То, что он рассказал, полностью повторяло ту аварию. Только, когда он и полицейский приехали на место происшествия, его машина оказалась целехонькой. И никаких признаков «эдсела».

Ну, тот парень был местным, и все решили, что он хотел таким способом привлечь к себе внимание. А потом, год спустя, в участок пришел еще один водитель с такой же точно историей. Он был с востока и не мог слышать про ту аварию.

Шли годы, авария то и дело повторялась. И всякий раз в рассказах совпадали детали. Все происходило поздно ночью, водитель в другой машине был один. Вокруг больше ни одной машины. И никогда никаких свидетелей. Как в той первой аварии — в настоящей. Все столкновения происходили около 77-го шоссе, где «эдсел» попытался развернуться.

Многие пробовали найти объяснение происходящему: галлюцинации, гипноз… Один тип настаивал на том, что это чья-то дурацкая шутка. Но только одно объяснение звучало разумно — самое простое. «Эдсел» — это призрак. Можешь не сомневаться, газеты разгулялись тут по полной программе. «Шоссе с привидениями» — так они назвали ту автостраду.

Старик замолчал, допил кофе, а потом задумчиво уставился внутрь чашки.

— Короче говоря, столкновения происходили постоянно, точнее, всякий раз, когда складывались подходящие условия. А после тысяча девятьсот девяносто третьего года движение пошло на убыль. Все меньше и меньше водителей пользовались тем шоссе. И все реже и реже стала повторяться авария. — Он посмотрел на меня. — Ты первый почти за двадцать лет. Я почти забыл эту историю, — Затем он снова опустил глаза и замолчал.

Я несколько минут обдумывал его слова, потом покачал

головой.

— Не знаю… Все сходится. Но призрак? Я не верю в привидения. Да и вообще все кажется каким-то… неправильным, что ли.

— Вовсе нет, — возразил старик и посмотрел на меня. — Вспомни истории о призраках, которые ты читал в детстве. Что у них общего?

— Понятия не имею.

— Насильственная смерть, вот что. Призраки появляются в результате кровавого насилия, после убийства или казни. В домах, где водятся привидения, лет за сто до описываемых событий обязательно кто-нибудь умер ужасной смертью. Но в двадцатом веке в Америке людей не убивают с особой жестокостью в замках и особняках. А вот шоссе каждый год отнимали жизни у тысяч людей, причем исключительно безжалостно. Современный призрак вряд ли поселится в замке и станет размахивать топором. Он будет сидеть за рулем машины или обитать где-нибудь поблизости от шоссе. По-моему, очень даже логично.

Звучало и правда весьма разумно. Я кивнул, соглашаясь.

— Но почему именно на этом шоссе? Почему эта машина? Ведь на дорогах умирало огромное количество людей. Чем данный случай отличается от остальных?

Старик пожал плечами.

— Не знаю. Что отличало одно убийство от другого? Почему после каких-то привидения появляются, а после других — нет? Кто знает ответ на этот вопрос? Правда, я слышал несколько теорий. Кое-кто утверждает, будто «эдсел» обречен обитать на этом шоссе, потому что оно — в определенном смысле — является убийцей. Шоссе стало причиной аварии и гибели людей. Это наказание.

— Может быть, — с сомнением произнес я. — Но целая семья? Допустим, виноват во всем паренек, который сидел за рулем. Или его отец, который позволил ему вести машину, когда у него еще не было никакого опыта. Но как насчет остальных членов семьи? За что они несут наказание?

— Знаешь, я и сам не слишком верил в эту теорию. У меня есть собственное объяснение. — И старик посмотрел мне прямо в глаза. — Мне кажется, они заблудились.

— Заблудились? — переспросил я.

— Да, — подтвердил он. — В прежние времена, когда на дорогах было полно машин, ты не мог повернуть, если тебе случалось проскочить выезд на другую дорогу. Приходилось ехать дальше вперед, иногда многие мили, прежде чем удавалось найти

возможность съехать с дороги и вернуться. Некоторые развязки были такими сложными, что снова отыскать нужный поворот иногда не получалось. Думаю, так случилось с «эдселом». Они пропустили поворот и теперь не могут его найти. И вынуждены ехать вперед. Вечно. — Он вздохнул, потом повернулся и заказал еще кофе.

Мы молча выпили кофе и вернулись на заправку. Оттуда я поехал прямо в городскую библиотеку. Я нашел историю, которую рассказал мне старик, в файлах, посвященных старым газетам. Подробности самого несчастного случая, потом то, что произошло через два года после него, дальше описание остальных аварий, случавшихся с разными временными промежутками. Та же история, то же столкновение, снова и снова. Все абсолютно одинаково, вплоть до криков жертв.

Старое шоссе было темным и неосвещенным, когда я ночью снова пустился в путь. Нигде ни знаков, ни белых линий разметки, зато множество трещин и ухабов. Я ехал медленно, погрузившись в размышления.

Отъехав на несколько миль от Сан-Брета, я остановился и вышел из машины. Я сидел под небом, усыпанным звездами, почти до самого рассвета, слушал и смотрел. Но фонари так и не зажглись, и я ничего не увидел.

Однако где-то около полуночи вдалеке раздался необычный свистящий звук, который быстро нарастал, потом налетел на меня, но уже в следующее мгновение пропал.

Это вполне мог быть грузовик на воздушной подушке. Хотя я никогда не слышал, чтобы они издавали такие звуки, но кто знает?

Впрочем, я так не думаю.

Мне кажется, это ветер свистел, играя в догонялки с проржавевшим белым автомобилем-призраком, когда тот мчался по шоссе, которого нельзя найти ни на одной карте. Наверное, я слышал крик маленького заблудившегося «эдсела», вынужденного вечно искать дорогу в Сан-Брета.

Второй вид одиночества
© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

18 июня. Мой сменщик сегодня стартовал с Земли. Разумеется, пройдет не меньше трех месяцев, прежде чем он сюда доберется. Главное — парень уже в пути!

Сегодня он стартовал с мыса — так же, как и я четыре бесконечных года назад. На станции Комарова его ждет лунный катер, затем еще одна пересадка на лунной орбите: там находится станция «Открытый космос». Именно тогда наконец начнется настоящее путешествие, потому что до этого момента можно было говорить лишь о прогулке по двору.

Итак, «Харон» помчит его дальше, как и меня четыре года назад. И лишь когда Луна и Земля скроются из виду, он осознает до конца, что его ждет. Да, конечно, приятель, ты с самого начала знал, на что соглашаешься. Но между «знать» и «чувствовать» — огромная разница. Теперь он ощутит это всем сердцем.

На орбите Марса он сделает остановку, чтобы отправить груз в город Бурге, затем еще несколько остановок на поясе астероидов. А потом «Харон» начнет набирать скорость и будет мчаться очень быстро до самого Юпитера. И еще быстрее, когда пронесется мимо него, использовав гравитацию огромной планеты, чтобы придать себе дополнительное ускорение.

Между прочим, больше остановок «Харон» делать не будет, пока не доберется до меня, в звездное кольцо по имени Цербер, расположенное в шести миллионах миль от Плутона.

У моего сменщика будет достаточно времени, чтобы думать, чем, собственно говоря, я и сейчас, четыре года спустя, продолжаю заниматься. А что здесь еще делать? Корабли редко сюда заглядывают, а от фильмов, пленок и книг через некоторое время начинает тошнить. Остается только одно — придаваться размышлениям о прошлом и мечтать о будущем. И изо всех сил сражаться с одиночеством и скукой, которые норовят свести тебя с ума.

Да, эти четыре года были очень длинными. Но они почти подошли к концу! Как здорово будет вернуться назад, снова пройтись по траве, посмотреть на облака и съесть огромную порцию мороженого с орехами и фруктами.

Но несмотря на все это, я нисколько не жалею, что оказался здесь. Четыре года полного одиночества в темноте космоса принесли мне огромную пользу. Впрочем, не могу сказать, что я оставил на Земле много хорошего. Дни, проведенные там, кажутся теперь такими далекими и словно затянутыми туманом, но, если постараться, я могу вернуться в прошлое и вспомнить свою жизнь на Земле. Не моту утверждать, что воспоминания эти относятся к разряду приятных.

Мне требовалось время, чтобы подумать, а здесь его было

больше чем достаточно. Человек, который отправится назад на «Хароне», заметно отличается от того, прежнего, прибывшего сюда четыре года назад. На Земле я устрою свою жизнь по-новому. Вот увидите, так и будет!

20 июня. Сегодня прилетел корабль.

Разумеется, я не знал о его прибытии. Корабли редко посещают звездное кольцо, а энергия, с которой я имею дело, превращает радиосигналы в бессмысленный треск. К тому времени, когда корабль наконец прорвался сквозь статические помехи, сканеры станции уже увидели его и сообщили мне о его появлении.

Это был, вне всякого сомнения, кольцевой корабль. Значительно больше, чем ржавые посудины из старой системы, вроде «Харона», надежно защищенный от ударов нуль-пространственных вихрей. Когда я направился в диспетчерскую, чтобы его принять, мне в голову пришла неожиданная мысль. Возможно, для меня это последний корабль. А может быть, и нет. Осталось еще три месяца, достаточно времени для дюжины кораблей. Впрочем, сказать заранее ничего нельзя.

Почему-то эта мысль вызвала у меня беспокойство. За четыре года корабли стали частью моей жизни, причем очень важной, они придают смысл моему существованию. А тот, что прилетел сегодня, может оказаться последним, поэтому следовало его как следует запомнить.

Диспетчерская находится в самом сердце моей станции. Ничего особенного: маленькое помещение, и стоит закрыться двери, как ты оказываешься среди белых стен, под белым потолком, да и пол у тебя под ногами белый. Все какое-то безликое.

В комнате имеется лишь консоль в форме подковы и одно-единственное мягкое кресло. Сегодня я уселся на него, возможно, в последний раз.

Я пристегнул ремни, надел наушники и шлем, затем потянулся к консоли и занялся рычагами и кнопками.

И комната исчезла.

Естественно, я знаю, что это голографы. Но когда я сижу в кресле, мне все равно. Я больше не нахожусь на станции, я парю в космосе. Контрольная консоль и кресло остаются на своих местах, зато остальное исчезает, уступая место такой пронзительной темноте, что становится больно глазам. Она повсюду — надо мной, подо мной, вокруг меня. Далекое солнце кажется всего лишь звездой, одной из множества на расстоянии в тысячи миль.

Так было всегда. И сегодня тоже. Я оказался в полном

одиночестве в огромной Вселенной, наедине с холодными звездами и звездным кольцом по имени Цербер. Я видел его как будто изнутри, и в действительности оно огромно, но отсюда не представляет собой ничего особенного. Его поглощает бесконечный космос, превращая в тонкую серебряную нить, парящую во мраке.

Мое жилище занимает лишь крошечную частичку в круге, чей диаметр превышает сто миль. Остальное — это проводники, сканеры, силовые установки, а также ждущие своего часа генераторы нуль-пространства.

Я нажал кнопку на консоли, включая их, и в самом центре кольца родилась новая звезда.

Сначала она была крошечной точкой, затерявшейся среди своих подруг. Сегодня вспыхнула ярко-зеленая. Но так бывает не всегда и продолжается недолго. Нуль-пространство имеет множество цветов.

Проснувшиеся генераторы изливали внутрь кольца невероятное количество энергии, которая разорвет само пространство, образовав в нем большую дыру.

Подобная ей дыра была здесь задолго до появления Цербера, задолго до человека. Люди обнаружили ее случайно, когда добрались до Плутона. Вокруг нее они построили кольцо. Чуть позже нашли еще две и тоже окружили их кольцами.

Эти дыры очень маленькие, но их можно увеличить — ценой огромных затрат энергии, которую загоняют в эти крошечные, невидимые отверстия в ткани Вселенной, пока мирная поверхность нуль-пространства не начинает бурлить и не образуется воронка.

Так и произошло сейчас.

Звезда в центре кольца увеличилась в размерах, а потом стала плоской, превратившись в пульсирующий диск. Она продолжала оставаться самой яркой точкой во Вселенной и росла прямо на глазах. Из вращающегося зеленого диска вырвались огненно-оранжевые копья, потом исчезли, и вместо них появились дымно-голубые щупальца. Внутри зеленого поля вспыхнули красные искры, они стали медленно увеличиваться, и вскоре все цвета перемешались.

Плоская вращающаяся разноцветная звезда стала в два раза больше и продолжала расти. Потом она начала вращаться все быстрее и быстрее, превратившись в настоящий космический водоворот, вихрь пламени и света.

Появилась воронка нуль-пространства. Воющий ураган, который вовсе не является ураганом и не издает ни звука, потому что космос всегда молчит.

И вот к этой воронке и устремился корабль. Сначала он казался движущейся звездой, затем в единую долю секунды, практически неуловимую для человеческого глаза, начал принимать знакомые очертания и форму. Он походил на серебристую пулю, прочертившую черный мрак, пулю, которую послали прямо в вихревую воронку.

Они все здорово рассчитали. Корабль пронесся точно через центр кольца, и его окутали кружащие в водовороте цвета. Я начал быстро нажимать на рычаги и кнопки. Воронка исчезла так же неожиданно, как возникла. Естественно, и корабль вместе с ней. И снова я остался наедине со звездами.

Я прикоснулся к другой кнопке, чтобы возвратиться в безликую белую комнату, и принялся расстегивать ремни. Возможно, в последний раз.

По какой-то неведомой мне причине я надеялся, что это не так. Пора себе признаться: я буду скучать по кораблям и мгновениям вроде того, что пережил сегодня. Надеюсь, мне доведется еще несколько раз испытать удивительное ощущение, когда генераторы нуль-пространства оживают под руками, а сам я плаваю среди звезд и наблюдаю за тем, как бурлит и беснуется вихревая воронка. Ну хотя бы один раз — прежде чем я отсюда улечу.

23 июня. Тот корабль заставил меня задуматься — даже больше, чем прежде.

Забавно, я провел сквозь нуль-прострапственную воронку огромное количество кораблей, но мне ни разу не пришло в голову представить себя пассажиром одного из них. По другую сторону нуль-пространства находится совершенно новый мир — Второй Шанс. Это богатая зеленая планета, расположенная так далеко, что астрономы не уверены, в нашей ли она галактике. В этом и состоит удивительная особенность дыр — ты не узнаешь, куда они ведут, пока сам не отправишься в путь.

В детстве я много читал про путешествия к звездам. Большинство людей считали, что это невозможно. Но те, что верили, всегда говорили, что первой системой, которую мы исследуем и колонизируем, будет альфа Центавра, так как она расположена ближе всего к Земле. Но получилось так, что наши колонии находятся на орбитах солнц, которых мы даже не в состоянии увидеть. Вряд ли мы когда-нибудь доберемся до альфы Центавра…

Почему-то я никогда не думал о колониях применительно к себе. И сейчас не могу. Земля — это то место, где я потерпел поражение. И именно там я должен одержать победу. А колонии

станут всего лишь очередным убежищем, бегством от реальности.

Как, например, Цербер.

26 июня. Еще один корабль. Выходит, предыдущий не был последним. А как насчет этого?

29 июня. Почему человек добровольно соглашается на подобную работу? Почему бежит на звездное кольцо, расположенное в шести миллионах миль от Плутона, чтобы стеречь дыру в пространстве? Почему выбрасывает четыре года своей жизни, оставаясь в одиночестве, в полном мраке?

Почему?

В самом начале я часто задавал себе эти вопросы и тогда не смог найти на них ответов. Думаю, сейчас могу. Тогда я страшно жалел, что поддался порыву и оказался здесь. Теперь мне понятно, что мной двигало.

И, по правде говоря, никакой это был не порыв. Я сбежал на Цербер. Сбежал, чтобы спастись от одиночества.

Звучит не слишком логично? Вы ошибаетесь. Я отлично знаю, что такое одиночество. Оно шагает рядом со мной всю жизнь, столько, сколько я себя помню.

Существует два вида одиночества. Большинство людей не замечают разницы, но только не я — потому что попробовал оба вида.

Люди пишут и говорят про одиночество тех, кто улетает на звездные кольца. Маяки в космическом пространстве и все такое. И они правы.

Здесь, на Церберe, мне порой кажется, будто я — единственное живое существо во Вселенной. А Земля явилась мне в горячечном бреду, люди, которых я знал, — плод моего воображения.

Порой возникают моменты, когда мне так хочется с кем-нибудь поговорить, что я вою от бессилия и колочу кулаками в стены.

Иногда скука набрасывается на меня и грозит свести с ума.

Но бывают и *другие* времена. Когда прилетают корабли. Когда я выхожу наружу, чтобы починить что-нибудь. Или когда просто сижу в кресле и представляю, как плаваю среди звезд, наблюдая за ними.

Я одинок? Да. Но это торжественное, наполненное печальными размышлениями, трагическое одиночество, которое человек так яростно ненавидит — и так сильно любит, что хочет испытать его снова.

Но есть и другой вид одиночества.

Для него не нужен Цербер, потому что его можно отыскать в любом месте на Земле. Я находил — всюду, куда бы ни пошел, во всем, что бы ни делал. Это одиночество людей, угодивших в собственную ловушку. Одиночество людей, которые так часто произносили неверные слова, что теперь им не хватает смелости что-либо сказать вообще.

Одиночество, рожденное не огромными расстояниями, а страхом.

Одиночество людей, которые остаются наедине с самими собой в прекрасно меблированных квартирах, в многолюдных городах, потому что им некуда пойти и не с кем поговорить. Одиночество людей, которые идут в бар, чтобы познакомиться там с кем-нибудь, и вдруг обнаруживают, что не знают, как начать разговор, и им не хватит мужества сделать это, даже если бы они знали как.

В таком одиночестве нет ничего величественного, ни поэзии, ни смысла. Это печальное, жалкое, мерзкое одиночество, и от него просто разит жалостью к самому себе.

Да, иногда одиночество среди звезд причиняет боль.

Но гораздо тяжелее чувствовать себя одиноким в веселящейся компании, поверьте мне.

30 июня. Прочитал вчерашнюю запись. Разговоры про жалость к себе…

1 июля. Прочитал вчерашнюю запись. Даже после четырех лет, проведенных здесь в полном одиночестве, я пытаюсь сражаться с самим собой всякий раз, когда стараюсь быть честным. Плохо. Если я хочу, чтобы теперь все изменилось, мне необходимо понимать себя.

В таком случае почему я пытаюсь высмеивать себя, когда прекрасно понимаю, что одинок и уязвим? Почему я не признаюсь в том, что боюсь жизни? Ведь никто никогда не прочитает моих записей. Я разговариваю о себе с самим собой. Почему же многое не решаюсь сказать?

4 июля. Сегодня не было никаких кораблей. Скверно. Ни один земной фейерверк не сравнится с великолепием красок, танцующих в вихревой воронке, а мне так хочется устроить себе праздник.

Но почему я придерживаюсь земного календаря здесь, где годы превращаются в века, а времена года — всего лишь смутное воспоминание о чем-то далеком? Июль ничем не отличается от декабря — так какая во всем этом польза?

10 июля. Ночью мне приснилась Карен. И теперь я никак не могу прогнать воспоминания о ней, хотя мне казалось, я давно похоронил их. Да и в любом случае это все были мои фантазии. Может быть, даже она меня любила. Нет, конечно, я ей нравился, но не больше чем дюжина других парней. Я не стал для нее особенным, и она так и не узнала, насколько была мне дорога.

И не узнала, как отчаянно мне хотелось быть для нее единственным и самым главным, ну хоть для кого-нибудь. Вот почему я выбрал ее. Но я не должен был испытывать такую боль, потому что не имел на нее никаких прав.

Мне казалось, что я имею. И я страдал. Впрочем, мне некого винить, кроме самого себя. Она тут совершенно ни при чем.

Карен никогда и никому сознательно не причинила вреда. Просто она не понимала моей слабости.

Даже здесь, в самом начале этого четырехлетнего срока, я продолжал видеть ее во сне. Мне снилось, что она изменила свое решение. Что она будет меня ждать…

Но это были мечты. А потом мне удалось договориться с самим собой. Теперь я знаю — она меня не ждет. Я ей не нужен и никогда не был нужен. Всего лишь друг.

Вот почему я не люблю видеть ее во сне. Это плохо. Когда я вернусь, то не должен интересоваться, что произошло с Карен за время моего отсутствия. Я обязан начать все сначала.

Мне придется найти кого-нибудь, кому я буду *действительно* нужен. Но ничего не получится, если я стану постоянно возвращаться в прошлое.

18 июля. Прошел месяц с тех пор, как мой сменщик покинул Землю. «Харон» наверняка уже находится в поясе астероидов. Осталось два месяца.

23 июля. Кошмары. Боже помоги мне!

Мне снова снится Земля. И Карен. И я ничего не могу с этим поделать. Каждую ночь одно и то же.

Забавно, что я называю Карен кошмаром, ведь раньше она была сном, прекрасным сном: длинные мягкие волосы, звонкий смех, сияющая улыбка. И в этих снах Карен нуждалась во мне, желала и любила меня.

Кошмары преподносят мне горькую правду. Они всегда одинаковы: я вижу наш последний вечер.

Он был прекрасным, как и все вечера. Мы ужинали в моем любимом ресторане, а потом отправились на шоу. Мы беззаботно болтали о самых разных вещах и много смеялись.

Только позже, уже у нее дома, когда я попытался сказать ей, как много она для меня значит, я помню, что почувствовал себя глупым и бездарным, когда пытался сформулировать свои мысли, помню, как спотыкался о собственные слова. Все пошло не так.

Я помню, как она тогда на меня посмотрела. С выражением страннее некуда. А потом она попыталась лишить меня надежды и иллюзий. Мягко. Она всегда была очень мягкой и доброй. А я смотрел в ее глаза и слушал голос. Но я не увидел любви, только… только жалость, наверное.

Жалость к косноязычному придурку, мимо которого проходит жизнь, а он даже не может ее ухватить. И не потому, что не хочет. Он боится и не знает, как это сделать. Она любила его по-своему, эта девушка любила всех. Она пыталась ему помочь, подарить хотя бы немного своей уверенности, немного смелости и отваги, с которой относилась к жизни. И до определенной степени ей это удалось.

Однако придурок мечтал о том дне, когда больше не будет одинок. И не понял, что Карен просто попыталась ему помочь, он решил, что она — его мечта, претворившаяся в жизнь. Естественно, придурок с самого начала подозревал, как обстоят дела в действительности, но лгал самому себе. А когда больше не смог себя обманывать, то испытал боль. Он не был из той породы людей, у которых раны быстро заживают. Ему не хватило смелости попытаться начать все снова с кем-нибудь другим. И он сбежал.

Надеюсь, что кошмары прекратятся. Я не могу их больше выносить, ведь они приходят каждую ночь, снова и снова мне приходится переживать тот разговор в квартире Карен.

Я провел здесь четыре года, очень внимательно себя изучил и изменил то, что мне не нравилось, точнее, постарался это сделать. Я изо всех сил пытался набраться уверенности в себе, чтобы справиться с болью от новых отказов, прежде чем признание придет ко мне. Но теперь я знаю себя очень хорошо и понимаю, что мне удалось лишь частично добиться успеха. Некоторые вещи всегда будут причинять боль, и я не смогу с ней справляться так, как мне хотелось бы.

Воспоминания о нашем последнем вечере с Карен всегда будут со мной. Боже, сделай так, чтобы кошмары оставили меня в покое!

26 июля. Снова кошмары. Пожалуйста, Карен, я любил тебя. Оставь меня. Прошу тебя.

29 июля. Благодарение Богу, вчера прилетел корабль. Как же

он мне был нужен! Его появление помогло мне на время забыть о Карен. А сегодня ночью, впервые за целую неделю, она мне не приснилась. Вместо нее я увидел воронку нуль-пространства и бушующий безмолвный ураган.

1 августа. Кошмары вернулись. Это старые воспоминания — менее значительные, но не менее болезненные. Глупости, которые я говорил, девушки, с которыми так и не встретился, вещи, которые не сделал.

Плохо. Очень плохо. Мне постоянно приходится напоминать себе, что я изменился. Теперь я новый человек, которого создал собственными руками здесь, в шести миллионах миль от Плутона. Я сотворен из стали, и звезд, и нуль-пространства жесткий, уверенный в себе. И я не боюсь жизни.

Мое прошлое осталось у меня за спиной. Но оно продолжает причинять боль.

2 августа. Корабль прилетел. Кошмары продолжаются. Проклятье!

13 августа. Несколько ночей назад появился еще один корабль. После — никаких снов. Намечается четкая схема.

Я изо всех сил сражаюсь с воспоминаниями. Стараюсь думать просто о Земле. У меня было много хорошего, и ждет еще больше, когда я вернусь. Я сделаю все, чтобы это было именно так. Я больше не позволю дурацким кошмарам меня преследовать. Ведь с Карен связано столько прекрасного, о чем я готов с удовольствием вспоминать. Почему же я не могу?

18 августа. До прибытия «Харона» остался месяц. Интересно, каков он, мой сменщик? И что загнало его сюда?

Сны о Земле продолжаются. Нет. Их следует назвать снами о Карен. Неужели я уже боюсь даже писать ее имя?

20 августа. Еще один корабль. Когда он скрылся из виду, я остался смотреть на звезды и провел в диспетчерской, наверное, несколько часов. Тогда мне казалось, что время пролетело мгновенно.

Здесь очень красиво. Одиноко? Да. Но какое это одиночество! Ты — один в космосе, звезды россыпью сияют у твоих ног, венчают голову.

И каждая из них — солнце! Однако они все равно кажутся мне холодными. Я начинаю дрожать, чувствуя себя крошечной бездомной пылинкой в огромном пространстве Вселенной,

пытающейся понять, откуда она взялась и что она означает.

Надеюсь, мой сменщик, кем бы он ни был, сумеет по достоинству оценить эту красоту и величие. Ведь на свете так много людей, которые на такое не способны или просто не хотят сделать над собой усилие. Они ведут ночной образ жизни и никогда не смотрят на звездное небо у них над головой. Надеюсь, мой сменщик не из их числа.

24 августа. Когда я вернусь на Землю, я обязательно постараюсь узнать, как живет Карен. Как же иначе я могу делать вид, что все будет по-другому, если не в состоянии набраться храбрости, чтобы с ней встретиться? Все действительно будет по-другому. Вот почему я должен поговорить с Карен — чтобы доказать себе, что я изменился.

25 августа. Какую чушь я написал вчера! Разве я смогу встретиться с Карен? Что я ей скажу? Я снова начну себя обманывать и в конце концов сгорю дотла. Нет, я не должен видеть Карен. Проклятье, я даже сны о ней переношу с трудом.

30 августа. Последнее время я часто отправляюсь в диспетчерскую и «выхожу» наружу. Кораблей нет. Но я обнаружил, что мои прогулки заставляют тускнеть воспоминания о Земле. Я все больше и больше понимаю, что стану скучать по Церберу. Через год на Земле я буду смотреть в звездное небо и вспоминать сияние звездного кольца.

А еще я никогда не забуду, как смешивались и резвились цвета в воронке, образовавшейся в ткани Вселенной.

Жаль, что я никогда не занимался голограммами. На Земле можно сколотить целое состояние, сняв на пленку эту восхитительную картину. Танцующая пустота! Поразительно, что никому в голову не пришла подобная идея.

Может быть, предложить сделать это своему сменщику? Отличное занятие, чтобы скоротать время, — если ему, конечно, будет интересно. Земля станет богаче, если кто-нибудь привезет туда такую запись.

Я бы и сам ее сделал, будь у меня необходимое оборудование, а времени, чтобы кое-что переделать, уже нет.

4 сентября. Я выхожу наружу каждый день вот уже целую неделю. И больше никаких кошмаров. Только сны о бездонном мраке, расцвеченном яркими красками нуль-пространства.

9 сентября. Продолжаю выходить и наслаждаться красотой

Вселенной. Скоро, очень скоро я всего этого лишусь. Навсегда. У меня такое ощущение, что я должен использовать каждую секунду. Мне необходимо запомнить, как здесь все устроено, чтобы сохранить в душе красоту, величие и могущество Цербера и унести их с собой на Землю.

10 сентября. Довольно долго нет кораблей. Неужели все закончилось и я видел последний?

12 сентября. Сегодня корабля не было, но я «вышел» наружу и разбудил генератор, чтобы еще раз послушать рев вихря. Почему я пишу, что он ревет и воет? В космосе нет звуков. Ничего не слышно. Но я смотрю — и он ревет.

Звуки тишины. Но не такие, которые воспевают поэты.

13 сентября. Сегодня я снова наблюдал за воронкой, хотя не было никакого корабля.

Я никогда не делал ничего подобного раньше. Это запрещено, потому что баснословно дорого с точки зрения затрат энергии, а Цербер существует за счет энергии. Так почему?

Я не хочу расставаться с космическим водоворотом. Но мне придется. Скоро.

14 сентября. Идиот, идиот, идиот! Что я делаю? «Харон» прибудет меньше чем через неделю, а я пялюсь на звезды, будто никогда их не видел. Я даже не начал собирать вещи, а я еще должен подчистить все записи для моего сменщика и привести в порядок станцию.

Идиот! Почему я трачу зря время, делая эти записи?

15 сентября. Собираясь, я нашел кое-какие диковинки — вещи, которые пытался спрятать от себя. Например, роман, который написал в первые полгода и считал, что он замечательный. Мне не терпелось поскорее вернуться на Землю, чтобы продать его и стать писателем. Да-да.

Прочитал его через год. Настоящая дрянь.

А еще я нашел фотографию Карен.

16 сентября. Сегодня я взял бутылку виски и стакан с собой в диспетчерскую. Выпил за космический мрак и звезды, и за мою воронку. Я буду по ним скучать.

17 сентября. По моим расчетам, остался один день. Один! А потом я отправлюсь домой, чтобы заново начать жизнь. Если мне

хватит смелости ее прожить.

18 сентября. Почти полночь. Никаких признаков «Харо-на». Что случилось?

Скорее всего, ничего. Расписание движения кораблей никогда не было абсолютно точным. Иногда расхождения составляют целую неделю. Так почему я волнуюсь? Проклятье, я и сам опоздал сюда. Интересно, что думал тот несчастный парень, которого я сменил?

20 сентября. Вчера «Харон» тоже не прилетел. Я устал ждать, взял бутылку виски и снова отправился в диспетчерскую. Чтобы выпить еще раз за звезды. И за воронку. Я разбудил ее, заставил полыхать разноцветным пламенем и снова выпил.

У меня набралось много тостов. И бутылка опустела. А сегодня у меня такое ужасное похмелье, что мне кажется, я ни за что не доберусь до Земли живым.

Я вел себя неразумно. Команда «Харона» могла увидеть сияние воронки. Если они на меня настучат, я получу только очень маленькую часть денег из тех, что ждут меня на Земле.

21 сентября. Где «Харон»? Неужели с ним что-то случилось?

Может быть, он не прилетит?

22 сентября. Я снова «вышел» наружу.

Боже, какая красота! Какое одиночество и безграничное пространство: тревожное — вот слово, которое я наконец нашел. Тревожная и не дающая покоя красота. Иногда мне кажется, что я совершу глупость, если улечу отсюда. Я добровольно отказываюсь от вечности ради куска пиццы, постельных утех и ласковых слов.

Нет! Что, черт подери, я пишу! Нет. Я вернусь, конечно же, я вернусь. Мне нужна Земля, я скучаю по Земле, я хочу туда вернуться. И на этот раз все будет иначе.

Я найду другую Карен, и у нас все получится.

23 сентября. Я болен. Господи, я болен — о чем я думаю! Мне казалось, что я изменился, но теперь у меня есть сомнения по этому поводу. Я вдруг понял, что действительно думаю о том, чтобы остаться еще на четыре года. Я не хочу. Нет. Но, похоже, я по-прежнему боюсь жизни, Земли, всего.

Поторопись, «Харон». Поспеши, пока я не передумал.

24 сентября. Карен или космическая воронка? Земля или вечность?

Проклятье, как я могу даже думать такое? Карен! Земля! Я должен набраться смелости, должен приготовиться к боли, я должен понять, что такое жизнь.

25 сентября. «Харон» не прилетел. Он опаздывает на целую неделю. Иногда такое случается, но не слишком часто. Он скоро будет здесь. Я знаю.

30 сентября. Ничего. Каждый день я наблюдаю и жду. Я слушаю мои сканеры и «выхожу» наружу, чтобы взглянуть. Так еще никто не опаздывал. Что произошло?

3 октября. Сегодня прилетел корабль. Не «Харон». Сначала, когда его появление уловили сканеры, я решил, что это он. И так громко заорал, что мог легко разбудить воронку. Но потом я вгляделся и понял, что корабль мчится вперед, даже не собираясь сбрасывать скорость.

Я «вышел» наружу и пропустил его. А потом еще долго оставался среди звезд.

4 октября. Я хочу домой. Где они? Я не понимаю. Не понимаю.

Они не могут оставить меня здесь. Не могут. Они не оставят меня.

5 октября. Корабль, снова не «Харон». Раньше я с нетерпением ждал их появления. Теперь я их ненавижу, потому что они не «Харон». Но я все равно пропустил его.

7 октября. Я распаковал вещи. Глупо жить на чемоданах, если я даже не знаю, когда прилетит «Харон» и случится ли это вообще.

Но я продолжаю его ждать. Я знаю, что он прилетит. Просто он где-то задержался. Объяснений можно найти множество.

Надо заняться кольцом. Ведь я так и не привел его в порядок для своего сменщика, поскольку наблюдал за звездами вместо того, чтобы делать что-нибудь полезное.

8 октября (или около того). Мрак и отчаяние.

Я знаю, почему не прилетел «Харон». Еще не время. В календарь закралась ошибка. Сейчас январь, а не октябрь. И я много дней жил, считая, что сейчас другой месяц. Даже отпраздновал 4 июля не в тот день.

Я обнаружил это вчера, когда занимался делами. Мне

хотелось убедиться, что все в полном порядке. Для моего сменщика.

Только сменщика не будет.

«Харон» прибыл три месяца назад. А я… его уничтожил.

Как только это произошло, я понял, что натворил. Боже, я выл несколько часов подряд. А затем передвинул назад настенный календарь. И забыл — может быть, сознательно. Наверное, я был не в силах снова пережить те воспоминания. Не знаю. Знаю только, что я забыл.

А вот теперь вспомнил. Я помню все.

Сканеры предупредили меня о том, что появился «Харон». Я ждал, наблюдал. Пытался впитать как можно больше звездного света и окружающего их мрака, чтобы мне хватило до конца жизни.

И вот, разрезая этот мрак, возник «Харон». По сравнению с кольцевыми кораблями казалось, что он двигается ужасно медленно. Он был таким маленьким. Мое спасение, моя смена. Я смотрел на него и думал, какой он хрупкий и дурацкий и ужасно уродливый. Убогий. Он напомнил мне о Земле.

Он направлялся в док, свалившись на кольцо прямо сверху, искал убежище в обитаемом секторе Цербера. Как же медленно он летел! А я наблюдал за его приближением. Неожиданно я спросил себя, а что я скажу команде и своему сменщику. И что они подумают обо мне. И вдруг внутри у меня все сжалось.

Я понял, что не вынесу этого. И возненавидел «Харон».

Вот почему я разбудил космическую воронку.

Красная вспышка, желтые языки пламени, посылающие во все стороны зеленоватые молнии. Одна пронеслась совсем рядом с «Хароном», и он содрогнулся.

Теперь я говорю себе, что не отдавал себе отчета в собственных действиях. Однако я знал, что «Харон» не в состоянии выдержать такого мощного удара энергии. *Я знал.*

«Харон» двигался медленно, а воронка увеличивалась в размерах с головокружительной скоростью. В единую долю секунды ураган налетел на корабль и в следующее мгновение поглотил его.

Он исчез так быстро! Я не знаю, что произошло с кораблем — может быть, он расплавился, или взорвался, или развалился на части. Но мне точно известно, что спастись ему не удалось. Обломки остались по другую сторону нуль-пространства. Если остались.

Кольцо и мрак выглядят так же, как всегда. Ничего не изменилось.

Это помогло мне забыть — я ведь так хотел этого.

А теперь? Что делать теперь? Узнают ли на Земле, что произошло? Прибудет ли сюда новый сменщик? Я так хочу домой.

Карен, я…

18 июня. Мой сменщик сегодня стартовал с Земли.

По крайней мере, я так думаю. Настенный календарь почему-то был неисправен, и я не знаю наверняка, какое сегодня число. Но мне удалось его починить, календарь не работал всего несколько часов, иначе я бы заметил. Так что мой сменщик уже в пути. Разумеется, пройдет не меньше трех месяцев, прежде чем он сюда доберется.

Но он прилетит.

Мистфаль приходит утром
© Перевод А. Корженевского

В то утро первого дня после посадки я вышел к завтраку довольно рано, однако Сандерс уже ждал на балконе, где были накрыты столы.

Он стоял в одиночестве у самого края, вглядываясь в укрывший горы туман.

Я подошел и негромко поздоровался. Он не ответил на приветствие и, не оборачиваясь, произнес:

— Красиво, да?

Красиво было невероятно.

Всего в нескольких футах под балконом перекатывался туман, и его призрачные волны разбивались о замок Сандерса. Плотное белое одеяло протянулось от горизонта до горизонта, полностью скрывая от взгляда поверхность планеты. Лишь к северу виднелся пик Красного Призрака — проткнувший небо шипастый кинжал красного камня. И все. Остальные горы по-прежнему прятались под разлившимся туманом.

Но мы стояли выше уровня тумана. Сандерс построил свой отель на самой высокой скале этого горного кряжа. Мы словно плыли в беспокойном белом океане — одни на летающем острове в окружении облаков.

«Облачный замок». Именно так Сандерс и назвал свой отель. Нетрудно догадаться почему.

— Здесь всегда такая красота? — спросил я Сандерса, вдоволь насмотревшись.

— Каждый мистфаль, — ответил он, поворачиваясь: толстяк с добродушным румяным лицом и мечтательной полуулыбкой на губах, какую нечасто увидишь у людей его склада.

Он махнул рукой на восток, где поднимающееся над туманом солнце Призрачного мира разливалось по утреннему небу алым с полосами оранжевого заревом.

— Солнце, — сказал он. — Когда встает солнце, жар загоняет туман обратно в долины, отбирает у него захваченные ночью горы. Туман садится, и пики один за другим появляются на свет. К полудню весь этот кряж будет виден на многие мили вокруг. Ничего подобного на Земле нет, да и нигде нет. — Он снова улыбнулся и подвел меня к одному из столиков, беспорядочно расставленных по балкону, — А на закате все повторяется, только наоборот. Обязательно посмотрите сегодня мистрайз.

Мы сели, и, когда кресла подали сигнал о присутствии людей, к столику подкатил сверкающий робот-официант.

— Это война, понимаете, — продолжал Сандерс, не обращая на робота внимания, — Вечная война между солнцем и туманом. И туману всегда достается все лучшее. Долины, равнины, побережья. У солнца — лишь горные пики, да и то только днем.

Он повернулся к роботу и заказал для нас кофе, чтобы было чем заняться до прибытия остальных. Разумеется, свежезаваренный, из только что помолотых зерен. Сандерс из принципа не держал у себя в отеле ни синтетических продуктов, ни суррогатов.

— Вы, похоже, любите эти места, — сказал я, пока мы ждали кофе.

— Отчего же их не любить? — засмеялся Сандерс. — В «Облачном замке» есть все. Хорошая пища, развлечения, азартные игры и прочие удовольствия родного мира. Но тут есть еще и эта планета. Таким образом, у меня все лучшее от двух миров.

— Пожалуй. Но большинство людей этого не понимает. Никто не прилетает на Призрачный мир ради азартных игр или хорошей пищи.

Сандерс кивнул.

— Здесь иногда бывают охотники. Гоняются за скальными кошками и луговыми дьяволами. И время от времени кто-нибудь прилетает полазить по руинам.

— Может быть, — сказал я, — Но это все исключения из правила. В основном ваши гости прилетают сюда по одной-единственной причине.

— Верно, — согласился Сандерс, ухмыляясь. — Призраки.

— Призраки, — откликнулся я, словно эхо. — Здесь красиво, хорошая охота, рыбалка, отличные горы для скалолазов. Но совсем не это привлекает людей. Они летят сюда ради призраков.

Робот доставил кофе, две большие чашки, от которых поднимался ароматный пар, и кувшинчик густых сливок. Очень крепкий, очень горячий и очень хороший кофе. После нескольких недель той синтетической бурды, которой нас поили в космолете, я словно впервые проснулся.

Сандерс пил кофе маленькими глотками и изучающе поглядывал на меня над краем чашки. Затем медленно поставил ее на стол.

— И вы тоже прибыли сюда ради призраков?

Я пожал плечами.

— Разумеется. Моих читателей не особенно интересуют красоты природы, пусть даже такие редкостные. Дубовски и его люди прилетели, чтобы поймать призраков, а я должен буду написать об их работе.

Сандерс хотел было что-то сказать, но ему помешали. Совсем рядом прозвучал жесткий, сильный голос:

— Если тут вообще есть призраки.

Мы повернулись к входу. В дверях, щурясь от света, стоял доктор Чарлз Дубовски, руководитель научной экспедиции на

Призрачный мир. Каким-то образом ему удалось на этот раз избавиться от свиты ассистентов, которые обычно сопровождали его повсюду.

Дубовски постоял еще несколько секунд, затем подошел к нашему столику, отодвинул кресло и сел. Из своей ниши тут же выкатился робот.

Сандерс глядел на ученого с нескрываемой неприязнью.

— А почему вы думаете, что их здесь нет? — спросил он.

Дубовски пожал плечами и улыбнулся.

— Просто мне кажется, что доказательств их существования недостаточно. Однако пусть вас это не беспокоит. Я никогда не позволяю чувствам влиять на результаты работы. Как и другим, мне прежде всего нужна истина, и моя экспедиция проведет самое объективное расследование. Если ваши призраки существуют, я их найду.

— Или они сами вас найдут, — сказал Сандерс с мрачным выражением лица. — Что, может быть, окажется не очень приятным сюрпризом.

Дубовски рассмеялся.

— Право же, Сандерс, хоть вы и живете в замке, но зачем столько мелодраматизма?

— Вы напрасно смеетесь, доктор. Вам ведь известно, что они уже убивали людей.

— Доказательств этому нет, — сказал Дубовски. — Совсем нет. Так же как нет доказательств существования самих призраков. Но затем мы сюда и прилетели. Чтобы доказать. Или опровергнуть… Однако я здорово проголодался. — Он повернулся к роботу-официанту, который по-прежнему стоял рядом и нетерпеливо гудел.

Мы с Дубовски заказали бифштексы из скальной кошки и корзиночку горячего, только изготовленного печенья. Сандерс, отдавая должное земным продуктам, что доставил наш корабль предыдущей ночью, заказал на завтрак огромный кусок ветчины и яичницу из полудюжины яиц.

Мясо скальной кошки имеет какой-то особый привкус, которого у земного мяса нет уже многие века. Мне бифштекс очень понравился, но Дубовски оставил свою порцию почти нетронутой: он был слишком занят разговором.

— Не следует воспринимать призраков столь легкомысленно, — сказал Сандерс, когда робот отправился выполнять заказы. — Доказательства есть. Много доказательств. Двадцать две смерти с тех пор, как открыли эту планету. И более десятка показаний очевидцев.

— Верно, — согласился Дубовски. — Но я бы не назвал это

настоящими доказательствами. Гибель людей? Да. Однако в большинстве случаев это просто исчезновения. Кто-то мог сорваться в пропасть, кого-то еще сожрали скальные кошки и так далее. В тумане почти невозможно найти тела. На Земле за один день людей пропадает даже больше, но никто не выдумывает ничего лишнего. Здесь же каждый раз, когда кто-то исчезает, сразу начинаются разговоры, что это, мол, опять виноваты призраки. Нет уж, извините. Для меня это не доказательства.

— Однако тела все же находили, доктор, — спокойно заметил Сандерс. — Разорванными в клочья. Ни роковые ошибки при восхождении, ни скальные кошки в данном случае ни при чем.

Тут я решил, что пришла и моя очередь сказать что-нибудь.

— Насколько я знаю, было найдено только четыре тела.

Готовясь к экспедиции, я довольно тщательно изучил все имеющиеся о призраках сведения.

Сандерс нахмурился.

— Допустим. Но эти-то четыре случая, на мой взгляд, вполне убедительное доказательство.

Робот расставил тарелки с завтраком, но, пока мы ели, Сандерс продолжал гнуть свое:

— Например, самый первый случай. Ему до сих пор нет убедительного объяснения. Экспедиция Грегора…

Я кивнул. Действительно, Грегор был капитаном космолета, что открыл Призрачный мир почти семьдесят пять лет назад. Он проверил туман сенсорами и посадил корабль на прибрежной равнине. Затем отправил несколько групп осмотреть окрестности.

В каждую группу входило по два человека, все хорошо вооружены. Но одна из групп вернулась лишь в половинном составе, причем вернувшийся был на грани истерики. Они с напарником случайно разошлись в тумане, и вдруг он услышал душераздирающий крик, а когда наконец нашел своего товарища, тот был уже мертв. И над телом убитого стояло какое-то существо.

По словам этого участника экспедиции, убийца походил на человека футов восьми ростом, но выглядел как-то зыбко, призрачно. Когда землянин выстрелил, заряд бластера прошел сквозь него, не принеся странному существу никакого вреда, а затем оно задрожало и растаяло в тумане.

Грегор послал на поиски еще несколько групп, но они лишь вернули на корабль тело. Без специальной аппаратуры даже найти в тумане то самое место дважды было нелегко. Не говоря уже об описанном существе.

Короче, этот случай так и не получил подтверждения. Но когда Грегор вернулся на Землю, сообщение о происшедшем

вызвало сенсацию. На планету послали еще одну экспедицию для более тщательной проверки, но и она не дала результатов. Однако один из участников экспедиции бесследно исчез.

Так родилась легенда о живущих в тумане призраках. С годами она лишь обрастала подробностями. Посещали Призрачный мир и другие корабли, прилетали колонисты — совсем немного, причем значительная часть их спустя какое-то время покинула планету. Прилетел Пал Сандерс и воздвиг свой «Облачный замок», чтобы публика, желающая увидеть планету призраков, могла жить в безопасности и комфорте.

Случались и другие смерти и новые исчезновения, и многие уверяли, что им удалось заметить бродящих в тумане призраков. А затем кто-то обнаружил руины: всего лишь нагромождение каменных блоков сейчас, но когда-то давным-давно это были строения. Дома призраков, говорили люди.

Мне казалось, что доказательства все-таки есть. От некоторых из них просто нельзя было отмахнуться. Но Дубовски только качал головой.

— История с Грегором ничего не доказывает, — сказал он, — Вы не хуже меня знаете, что тщательным исследованием планеты никто не занимался. Почти без внимания остались равнинные области, где и садился корабль Грегора. Возможно, участника его экспедиции убил какой-нибудь зверь. Редкий зверь, обитающий в тех местах.

— А как же быть со свидетельством напарника? — спросил Сандерс.

— Истерика в чистом виде.

— А другие очевидны? Их было немало, и далеко не все они впадали в истерику.

— Это ничего не доказывает, — сказал Дубовски, качая головой. — На Земле до сих пор полно людей, которые уверяют, что видели привидения или летающие тарелки. А здесь, с этими проклятыми туманами, ошибиться или представить себе то, чего нет, еще проще.

Он ткнул в сторону Сандерса ножом, которым только что намазывал на печенье масло, и продолжил:

— Все дело в тумане. Без туманов миф о призраках давно бы уже развеялся. Просто до настоящего времени ни у кого не находилось ни оборудования, ни денег, чтобы провести действительно тщательное исследование этого феномена. Но у нас есть и то и другое. Мы непременно разберемся и выясним истину раз и навсегда.

Сандерс скорчил недовольную мину.

— Если останетесь до тех пор живы. Может быть, призракам

не понравится, что их исследуют.

— Я вас не понимаю, Сандерс, — сказал Дубовски. — Если вы так боитесь и так уверены, что они существуют, то как вам удалось прожить здесь столько лет?

— В конструкцию «Облачного замка» заложено множество систем безопасности, — ответил Сандерс, — В брошюре, что мы рассылаем для рекламы, все это описано. Так что здесь никому ничего не угрожает. И самое главное, призраки никогда не выходят из тумана, а мы почти весь день на солнце. Но внизу, в долинах, — там совсем другое дело.

— Чушь! Суеверия! Я подозреваю, что все эти ваши призраки не что иное, как переселенные с Земли привидения. Чьи-то беспочвенные фантазии. Но сейчас я гадать не буду, подожду результатов. Вот тогда посмотрим. Если призраки существуют, им не удастся от нас спрятаться.

Сандерс взглянул на меня.

— А вы как думаете? Вы тоже с ним согласны?

— Я — журналист, — ответил я осторожно, — и прилетел сюда, чтобы рассказать об экспедиции. Многие слышали о здешних призраках, и наших читателей эта тема интересует. Скажем так, у меня нет своего мнения. Во всяком случае, такого, которым я был бы готов поделиться с другими.

Несколько расстроившись, Сандерс замолчал и с удвоенной энергией накинулся на ветчину с яйцами. Теперь говорил один Дубовски — разумеется, о деталях запланированной работы. До самого окончания завтрака мы только и слышали, что про ловушки для призраков, планы поисков, поисковые автоматические зонды и сенсоры. Я внимательно слушал, запоминая подробности для первой статьи.

Сандерс тоже внимательно слушал. Но по выражению его лица можно было заключить, что все это ему очень не нравится.

В тот день ничего особенного больше не случилось. Дубовски почти до самого вечера следил за разгрузкой оборудования на посадочной площадке, построенной чуть ниже замка. Я написал небольшую статью о планах экспедиции и передал ее на Землю. Сандерс занимался другими своими гостями и выполнял всяческие обязанности, из которых, видимо, и состоит день управляющего отелем.

На закате я снова вышел на балкон посмотреть мистрайз.

Да, как сказал Сандерс, это действительно была война. При мистфале я видел, как солнце победило в первой из двух ежедневных битв. Теперь же сражение возобновилось. Когда температура воздуха упала, туман снова пополз вверх. Вьющиеся белые языки тумана бесшумно поднимались из долин и

обволакивали острые горные пики, словно призрачные пальцы. Эти пальцы становились все толще, все сильнее и вскоре уже подтягивали за собой основные силы тумана.

Один за другим иные изъеденные ветром пики скрывались в белизне до следующего утра. Красный Призрак, гигант к северу от отеля, исчез в колышущемся белом океане последним, а затем туман выплеснулся на балкон и накрыл «Облачный замок».

Я пошел внутрь. Сандерс ждал у дверей — видимо, он за мной наблюдал.

— Вы были правы, — сказал я. — Это и в самом деле красиво.

Он кивнул.

— Знаете, я думаю, Дубовски так и не удосужился взглянуть.

— Наверно, занят.

— Слишком занят, — вздохнул Сандерс, — Идемте. Хочу вас угостить.

В баре отеля было тихо и почти темно — такая обстановка располагает к хорошему разговору и серьезным напиткам. Чем больше я знакомился с замком, тем больше мне нравился Сандерс. Наши вкусы здорово совпадали.

Мы выбрали столик в самом темном и уединенном углу комнаты и сделали заказы — спиртное было на выбор с целой дюжины планет. Как-то сам собой завязался разговор.

— Похоже, вы не очень рады, что прилетел Дубовски, — сказал я, когда перед нами поставили бокалы. — Почему бы это? Ведь почти весь отель теперь заполнен.

Сандерс оторвал взгляд от своего бокала и улыбнулся.

— Верно. Сейчас не сезон. Но мне не нравятся его планы.

— И вы пытаетесь его напугать?

Улыбка Сандерса исчезла.

— Неужели это было настолько заметно?

Я кивнул.

— В общем-то, я не думал, что у меня получится, — сказал он, вздыхая, потом задумчиво пригубил из бокала. — Но я должен был сделать хоть что-то.

— Почему?

— Потому. Потому что он разрушит этот мир, если ему позволить. Если он и ему подобные доведут свое дело до конца, во Вселенной не останется тайны.

— Но он лишь пытается отгадать загадки этой планеты. Существуют ли призраки? Руины… Кто строил эти здания? Разве вам самому никогда не хотелось это узнать, Сандерс?

Он осушил свой бокал, оглянулся и, поймав взгляд официанта, заказал еще. Здесь уже не было никаких роботов — только люди. Сандерс умел создавать обстановку.

— Разумеется, хотелось, — ответил он, когда официант принес новый бокал. — Это всем интересно. Поэтому-то люди и прилетают на Призрачный мир и попадают сюда, в «Облачный замок». Каждый, кто оказывается на этой планете, в глубине души надеется, что ему повезет, что он увидит призраков и сам отгадает все загадки. Пока это никому не удавалось. Человек цепляет на пояс бластер и бродит по туманным лесам дни, а то и недели напролет, но ничего не находит. Ну и что? Он всегда может вернуться и начать снова. Ведь мечта, романтика, тайна — все остается по-прежнему. И потом, как знать, может быть, в один из таких походов ему посчастливится и он увидит мельком призрака. Или что-то такое, что он сочтет за призрака. Не важно. Он улетит домой счастливым, потому что приобщился к легенде. Он прикоснулся к маленькой доле мироздания, с которой люди, подобные Дубовски, еще не сорвали покров очарования и тайны.

Он надолго замолчал, глядя в свой бокал, потом наконец продолжил:

— Дубовски! Черт бы его побрал! У меня просто кипит все внутри, когда я о нем думаю. Прилетел охотиться на призраков! И тебе корабль, набитый аппаратурой, и целая свита лакеев, и миллионный бюджет на исследования! Ведь он своего добьется — вот что меня пугает. Или докажет, что призраков не существует, или найдет их, и они окажутся какими-нибудь животными, примитивными гуманоидами, или…

Он одним махом допил содержимое бокала.

— После этого все рухнет. Рухнет. Понимаете? При помощи своих электронных ящиков он ответит на все вопросы, и остальным уже ничего не останется. Это просто несправедливо.

Я сидел и молча потягивал свой коктейль. Сандерс заказал еще. У меня невольно зародилось черное подозрение, и в конце концов я не выдержал.

— Если Дубовски ответит на все вопросы, тогда никто больше сюда не полетит. Вы останетесь не у дел, прогорите. Может быть, именно в этом причина вашего беспокойства?

Сандерс впился в меня яростным взглядом, и на мгновение мне показалось, что он вот-вот меня ударит.

— Я думал, вы другой. Вы видели мистфаль, вы поняли. Во всяком случае, мне так показалось. Но, видимо, я ошибся. — Он мотнул головой в сторону выхода и добавил: — Убирайтесь.

Я встал.

— Ладно. Извините, Сандерс. Но задавать неприятные вопросы вроде этого — моя работа.

Сандерс никак не отреагировал, и я направился к выходу. Остановившись в дверях, я обернулся и взглянул на хозяина

«Облачного замка». Он снова сидел, уставившись в свой бокал, и громко разговаривал сам с собой.

— Ответы! — В его устах это прозвучало как ругательство. — Ответы! Вечно им нужны ответы… Они просто не понимают, что сами вопросы куда изящнее… Боже, почему они никак не оставят их в покое?

Я вышел, и он остался один. Наедине со своим бокалом.

И для участников экспедиции, и для меня самого следующие несколько недель были заполнены до предела. Дубовски, надо отдать ему должное, подошел к проблеме очень серьезно. Атаку на Призрачный мир он спланировал предельно тщательно.

Прежде всего, картографирование. Из-за туманов существовавшие до сих пор карты Призрачного мира, мягко говоря, высокой точностью не отличались. Дубовски выслал на разведку целую флотилию небольших автоматических зондов. Они скользили над белым океаном и с помощью мощного сенсорного оборудования выведывали скрытые туманом секреты. Собранная вместе информация с зондов дала детальную топографическую карту региона.

Затем Дубовски и его помощники старательно нанесли на карту все имеющиеся сведения о встречах с призраками, начиная с экспедиции Грегора. Разумеется, значительная часть этих данных была собрана и проанализирована задолго до отлета с Земли. Однако собранная в библиотеке «Облачного замка» информация тоже нашла свое применение. Как участники экспедиции и ожидали, наиболее часто появление призраков отмечалось в долинах, прилегающих к отелю, единственному постоянному поселению людей на планете.

Когда эта работа была закончена, Дубовски расставил в местах с наибольшим числом появлений свои ловушки. Еще несколько штук его люди установили в удаленных районах, включая и прибрежную равнину, где впервые сел корабль Грегора.

На самом деле, конечно, это были никакие не ловушки: невысокие колонны в твердосплавной оболочке, набитые всевозможной сенсорной и записывающей аппаратурой. Тумана для них словно не существовало, и если бы какой-нибудь невезучий призрак оказался в радиусе действия такой ловушки, его появление было бы непременно замечено.

Одновременно с этим автоматические зонды вернули на базу, перепрограммировали и отправили каждый по своему маршруту. Теперь, когда топография местности стала известна до мельчайших подробностей, появилась возможность высылать зонды в полеты на небольшой высоте сквозь туман, не опасаясь,

что они наткнутся на скрытое препятствие. Сенсорная аппаратура зондов была, конечно, проще, чем в ловушках, но зато они имели гораздо больший радиус действия и за день могли обследовать по нескольку тысяч квадратных миль.

И наконец, когда все ловушки уже стояли на местах, когда все зонды вылетели по заданным маршрутам, Дубовски и его люди отправились в туманные долины сами. Каждый нес тяжелый рюкзак с сенсорным оборудованием: такие группы обладали большей мобильностью по сравнению с ловушками, а приборы у них были даже лучше, чем те, что имелись на зондах. День за днем они старательно прочесывали все новые и новые участки.

Я несколько раз отправлялся в эти пешие походы — тоже с грузом аппаратуры. И хотя мы ничего не нашли, материал получился чрезвычайно интересный. Кроме того, за время походов я буквально влюбился в туманные леса.

В рекламных буклетах для туристов их часто описывают как «жуткие туманные леса таинственного Призрачного мира», но ничего жуткого в них нет, ей-богу. Есть странная, удивительная красота — для тех, кто в состоянии ее оценить.

Тонкие и очень высокие деревья с белой корой и бледносерыми листьями. Но не подумайте, что там совсем нет цвета. В этих лесах очень распространены паразитические растения, что-то вроде висячих мхов, которые спускаются с верхних ветвей каскадами зеленого и алого цветов. А еще камни, лианы и низкорослые кусты, буквально увешанные фиолетовыми плодами самых причудливых форм.

Но солнца, конечно, нет. Туман прячет все вокруг. Языки тумана вьются и скользят вокруг, путаются под ногами, ласкают вас невидимыми руками.

Время от времени он словно играет с вами. По большей части вы идете в плотной пелене и видите окружающее лишь в пределах нескольких футов — даже сапоги тают порой в стелющейся у земли белизне. Но иногда туман вдруг сгущается, будто набрасываясь на вас со всех сторон сразу, и вы не видите вообще ничего. Со мной это случалось неоднократно, и я каждый раз обязательно врезался на полном ходу в дерево.

А иногда туман без всякой видимой причины откатывается назад и оставляет вас одного в прозрачном пузыре внутри облака. Вот в такие мгновения лес виден во всей его удивительной красе. Краткие захватывающие мгновения сказки. Случается такое редко и очень ненадолго, но в памяти остается навсегда.

Да, остается.

В те первые недели у меня было не так много времени для прогулок — разве что когда я ходил с группами по выработанным

маршрутам, чтобы ощутить на себе, каково это. В основном я писал. Подготовил серию очерков по истории планеты, немного приукрасив ее рассказами о наиболее известных встречах с призраками. Затем серия очерков об участниках экспедиции из числа тех, кто достоин особого внимания. Очерк о Сандерсе и проблемах, с которыми ему пришлось столкнуться, когда он строил свой «Облачный замок». Научные очерки о плохо пока изученной экологии планеты. Художественные серии о лесах и горах. Очерки-догадки о руинах. Очерки об охоте на скальных кошек, о перспективах местного альпинизма, об огромных и опасных болотных ящерицах, что водились на островах неподалеку…

И разумеется, я написал о Дубовски и его поисках. Много написал. Однако в конце концов поиски приобрели рутинный характер, и я почти исчерпал запас тем, которые мог предложить Призрачный мир. Работы стало меньше, и у меня появилось свободное время.

Вот тогда только я и начал наслаждаться Призрачным миром по-настоящему. Пристрастившись к ежедневным прогулкам по лесам, я с каждым днем заходил все дальше и дальше. Побывал среди руин и даже слетал за пол-континента, чтобы самому увидеть болотных ящериц, которых до того видел лишь на голографиях. Подружился с группой охотников, чей маршрут пролегал неподалеку от отеля, и умудрился подстрелить скальную кошку. Затем, уже с другими охотниками, побывал на западном побережье, где меня самого чуть не прикончил луговой дьявол.

И мы снова начали разговаривать с Сандерсом.

Все это время он практически игнорировал меня, Дубовски и всех остальных, кто был связан с поисками призраков. Если и разговаривал с кем-то, то ворчливым, недовольным тоном, здоровался коротко, очень сдержанно и по большей части проводил время с другими гостями замка.

После нашего разговора в баре в тот вечер, когда он высказал свое отношение к Дубовски, я, признаться, поначалу беспокоился, что он наделает каких-нибудь глупостей. Мне легко представлялось, как он убивает кого-нибудь в тумане, чтобы потом свалить это на призраков. Или, может быть, просто уничтожает ловушки. Я не сомневался, что он придумает что-нибудь, чтобы испугать Дубовски или как-то еще помешать экспедиции.

Видимо, я насмотрелся дрянных передач по головидению. Сандерс ничего такого не делал. Он лишь дулся, стрелял в нас сердитыми взглядами, встречая в коридорах отеля, и затруднял

жизнь по мелочам, отказывая в советах и вообще в какой-нибудь помощи.

Однако спустя некоторое время он все же потеплел. Правда, не к Дубовски и его людям, а только ко мне.

Скорее всего, из-за моих прогулок по лесам. Дубовски забредал туда, лишь когда этого требовала работа. Да и то с большим нежеланием и очень ненадолго. Остальные участники экспедиции следовали его примеру. Я оказался вроде как белой вороной. Впрочем, я с самого начала был из другой стаи.

Сандерс это, конечно, заметил — из происходящего в замке вообще мало что ускользало от его внимания — и снова стал со мной разговаривать. Поначалу вежливо, на нейтральные темы, но в конце концов он даже пригласил меня в бар.

Экспедиция работала уже около двух месяцев. На Призрачном мире наступала зима, воздух вокруг «Облачного замка» стал колким и холодным. Мы с Дубовски сидели на балконе, неторопливо потягивали кофе после очередного замечательного ужина. Сандерс и какие-то туристы расположились за столиком неподалеку.

Я уже не помню, о чем мы тогда говорили с Дубовски, но он вдруг перебил меня, передернув плечами, и заявил недовольным тоном:

— Здесь становится холодно. Почему бы нам не перейти внутрь?

Ему, я думаю, и раньше не нравилось сидеть на балконе.

— Ну не так уж и холодно, — возразил я. — И кроме того, скоро закат, чуть ли не самое красивое время.

Дубовски снова передернул плечами и встал.

— Как хотите. Но я пойду внутрь. Мне совсем не хочется простудиться из-за того, что вы решили посмотреть еще один мистфаль.

Он двинулся к дверям, но не сделал и трех шагов, когда Сандерс вскочил на ноги, взвыв, словно раненая скальная кошка.

— Мистфаль! Нет, вы только подумайте! Мистфаль! — закричал он и выпалил в адрес Дубовски длинную бессвязную очередь ругательств. Я еще ни разу не видел, чтобы Сандерс так злился, даже когда он выгнал меня самого из бара в тот первый вечер. Лицо его налилось краской, и он буквально дрожал от ярости, сжимая и разжимая кулаки. Я торопливо поднялся и встал между ними. Растерянный и немного напуганный, Дубовски повернулся ко мне.

— В чем… — начал было он.

— Идите к себе, — перебил его я. — В свою комнату. Или на веранду. Куда угодно. Только уходите отсюда, пока он вас не

убил.

— Но… но в чем дело? Что случилось? Я не понимаю.

— Мистфаль бывает по утрам, — объяснил я. — Вечером, на закате, это называется мистрайз. А теперь идите!

— И это все? Из-за чего он так…

— Идите!

Дубовски покачал головой, будто хотел дать понять, что все равно не понимает происходящего, но ушел.

Я повернулся к Сандерсу.

— Успокойтесь. Остыньте.

Он перестал дрожать, но его взгляд по-прежнему жег спину Дубовски бластерными импульсами.

— Мистфаль… — пробормотал Сандерс. — Этот ублюдок здесь уже два месяца и до сих пор не понял, чем мистфаль отличается от мистрайза.

— Он просто не удосужился посмотреть ни то ни другое, — сказал я, — Его подобные вещи не интересуют. Впрочем, ему же хуже. Не стоит из-за этого волноваться.

Сандерс уставился на меня хмурым взглядом, затем кивнул.

— Да. Может, вы и правы. — Он вздохнул. — Но мистфаль! Черт бы его побрал! — Короткая пауза. — Мне нужно выпить. Присоединитесь?

Я просто кивнул.

Мы устроились в том же темном углу бара, что и в первый вечер, — видимо, это был любимый столик Сандерса. Прежде чем я справился с одним коктейлем, Сандерс одолел три. Три больших бокала. В «Облачном замке» все было большое.

На этот раз мы ни о чем не спорили, просто говорили о мистфале, о лесах и руинах. Вспомнили и призраков: Сандерс с большой любовью пересказывал мне истории о знаменитых встречах. Я, конечно, все их уже знал, но Сандерс рассказывал гораздо интересней.

По ходу разговора я упомянул, что родился в Брэдбери, когда мои родители проводили свой отпуск на Марсе. Глаза у Сандерса загорелись, и еще около часа он травил анекдоты про землян. Их я тоже уже все слышал, но к тому времени мы здорово набрались и анекдоты казались очень смешными.

После этого я стал проводить с Сандерсом больше времени, чем с кем-либо еще из живущих в отеле. Мне казалось, что я уже знаю Призрачный мир достаточно хорошо. Оказалось, что я заблуждаюсь, и Сандерс легко это доказал. Он показал мне несколько укрытых от посторонних глаз лесных уголков, и я до сих пор не могу их забыть. Затем взял меня с собой на болота, где растут совсем другие деревья, — они жутко раскачиваются при

полном безветрии. Мы летали с ним далеко на север, где я увидел еще один горный кряж с очень высокими заледеневшими горными пиками, и на юг, где в одном месте туман непрерывно льется с обрыва, словно призрачная имитация водопада.

Я, конечно, продолжал писать статьи о Дубовски и его поисках. Однако новостей было мало, и почти все время я проводил с Сандерсом. То, что материалов стало меньше, не очень меня беспокоило: моя серия очерков о Призрачном мире была встречена очень хорошо как на Земле, так и на большинстве планет. И я не сомневался, что все в порядке.

Оказалось, это не так.

Когда я пробыл на Призрачном мире чуть больше трех месяцев, руководство моего синдиката прислало мне новое задание. На планете Нью-Рефьюдж, что расположена за несколько звездных систем от Призрачного мира, разразилась гражданская война, и мои боссы хотели, чтобы я занялся этой темой. Все равно, напомнили они, информации с Призрачного мира пока что не будет: экспедиции Дубовски работать еще больше года.

Призрачный мир, конечно, очаровал меня, но я был рад такой возможности. Очерки мои потеряли привлекательность новизны, идеи тоже иссякли, а события на Нью-Рефьюдже сулили большие новости.

Я попрощался с Сандерсом, Дубовски и «Облачным замком», прогулялся в последний раз по туманному лесу и заказал место на ближайшем пролетающем мимо корабле.

Гражданская война на Нью-Рефьюдже затухла, едва начавшись. Я провел на планете меньше месяца и все это время помирал от тоски. Планета была колонизирована религиозными фанатиками, но у них произошел раскол, и обе стороны принялись обвинять друг друга в ереси. Тоска зеленая! А в самой планете было столько же очарования, сколько в марсианских трущобах.

Я улетел оттуда при первой же возможности и, прыгая с планеты на планету, от одной истории к другой, спустя шесть месяцев оказался на Земле. Приближались выборы, и мне поручили политическую проблематику, что меня вполне устраивало: кампания проходила бурно, и достойных пристального внимания новостей было множество.

Однако все это время я не забывал следить за редкими сообщениями, поступавшими с Призрачного мира. В конце концов, как я и ожидал, Дубовски объявил о пресс-конференции. Как самый главный специалист по призракам, я, конечно, добился назначения и вылетел на Призрачный мир самым быстрым

кораблем, который только мог найти.

Прибыл я за неделю до пресс-конференции, раньше всех остальных. Еще до отлета я успел послать Сандерсу сообщение, и он встретил меня прямо в космопорте. Мы уединились на балконе, куда робот-официант принес наши бокалы.

— Ну как? — спросил я, когда мы обменялись любезностями, — Вы уже знаете, что собирается объявить Дубовски?

— Догадываюсь, — ответил Сандерс с мрачным видом. — Он еще месяц назад вернул на базу все свои ловушки и зонды с аппаратурой и с тех пор перепроверял на компьютерах их данные. После того как вы улетели, у нас тут было двое очевидцев, которые утверждали, что повстречались с призраками. В обоих случаях Дубовски оказывался на месте буквально через несколько часов и ползал там чуть ли не с микроскопом, но безрезультатно. Я думаю, именно об этом он и собирается объявить. Призраков, мол, не существует.

Я кивнул.

— Но, может быть, не все так плохо. Грегор тоже ничего не нашел.

— Это разные вещи, сказал Сандерс, — Грегор не искал так тщательно. Люди поверят Дубовски, что бы он ни сообщил.

У меня такой уверенности не было, и я только хотел об этом сказать, когда появился сам Дубовски. Должно быть, кто-то передал ему, что я уже прилетел. Он быстрым шагом, улыбаясь, вышел на балкон, высмотрел меня, подошел к столику и сел.

Сандерс кольнул его горящим взглядом и снова уставился в свой бокал. Не обращая на хозяина «Облачного замка» внимания, Дубовски заговорил со мной. Похоже было, что он очень собой доволен. Расспрашивал, чем я занимался все это время, я отвечал, и он то и дело говорил: «Да. Хорошо. Замечательно».

Наконец я решил спросить его о результатах поисков.

— Пока ничего сообщить не могу, — ответил он. — Результаты будут объявлены на пресс-конференции.

— Да полно вам, — сказал я, — Ведь я писал о вашей экспедиции, еще когда все остальные ее попросту игнорировали. Надо полагать, я заслужил фору. Каковы результаты?

— М-м-м… ладно, — после некоторых колебаний ответил он. — Но только не передавайте ничего прямо сейчас. Вы сможете сделать это за несколько часов до пресс-конференции и все равно опередите своих коллег.

Я согласился.

— И каковы же результаты?

— Призраки… С ними все ясно. Их просто нет. У меня

достаточно данных, чтобы доказать это, не оставив даже тени сомнения, — сказал Дубовски и заулыбался.

— Только лишь тем, что вы ничего не нашли? — спросил я. — Может быть, они избегали вас. Если призраки разумны, у них, возможно, хватило ума спрятаться. Или их просто невозможно обнаружить с помощью вашей аппаратуры.

— Право же, — сказал Дубовски, — вы и сами в это не верите. Мы установили в ловушках все существующие виды сенсорных приборов. И если бы призраки здесь были, хотя бы один прибор их зарегистрировал. Но их просто нет. Мы установили ловушки и в тех двух новых местах, где, по словам Сандерса, якобы видели призраков. Ноль. Никаких результатов. Без всяких сомнений доказано, что этим «очевидцам» призраки лишь померещились. Именно померещились.

— Но ведь люди тут и погибали, и бесследно исчезали, — настаивал я. — Как насчет экспедиции Грегора и других классических случаев?

Улыбка Дубовски стала еще шире.

— Я, конечно, не могу опровергнуть все подобные предположения, но наши зонды и поисковые группы нашли четыре скелета. — Он принялся загибать пальцы, — Двое погибли при обвалах, у третьего на костях обнаружены следы когтей скальной кошки.

— А четвертый?

— Убийство, — ответил Дубовски. — Тело было захоронено в неглубокой могиле, и это явно дело рук человека. Могилу размыло, когда ручей неподалеку вышел из берегов. Погибший числился среди исчезнувших. Я не сомневаюсь, что и все остальные тела можно найти, если искать достаточно долго, но окажется, что ничего сверхъестественного в смерти этих людей нет.

Сандерс оторвал взгляд от бокала.

— Грегор, — упрямо напомнил он. — Грегор и другие классические случаи.

Улыбка Дубовски превратилась в презрительную ухмылку.

— А, да. Мы обследовали тот район довольно тщательно и — как и предполагали — обнаружили неподалеку поселение обезьяноподобных существ. Здоровые твари. Похожи на огромных бабуинов с грязным белым мехом. Не очень, впрочем, успешная ветвь эволюции. Мы нашли лишь одну стаю, но и они постепенно вымирают. Совершенно очевидно, что человек Грегора видел именно их. И преувеличил увиденное сверх всякой меры.

Наступило тяжелое молчание, и нарушил его Сандерс. Тихим, убитым голосом он произнес:

— Один только вопрос. Ради чего все это?

Улыбка на губах Дубовски растаяла.

— Вы так ничего и не поняли, Сандерс? Ради истины. Ради того, чтобы освободить планету от невежества и суеверия.

— Освободить Призрачный мир? — переспросил Сандерс. — А разве он был порабощен?

— Безусловно, — ответил Дубовски, — Порабощен дурацкими мифами. Страхом. Но теперь эта планета свободна и открыта для людей. В конце концов мы откроем и тайну руин тоже — теперь нам не будут мешать невнятные легенды, заслоняющие факты. Мы откроем Призрачный мир для колонизации. Люди уже не будут бояться прилетать сюда, жить здесь и работать. Мы победили страх.

— Колония? Здесь? — Сандерс даже удивился, — Вы собираетесь разгонять туман вентиляторами или как? Сюда уже прилетали колонисты. С тем же и улетели. Почва не та. Да и горы кругом — не очень-то развернешься тут с фермами. По крайней мерс на серьезной коммерческой основе. Фермерствовать на Призрачном мире просто невыгодно, тем более что сотням других колоний позарез нужны рабочие руки. Ну зачем вам еще одна планета? Зачем превращать Призрачный мир в еще одну копию Земли?

Сандерс печально покачал головой, осушил свой бокал и продолжил:

— Это вы ничего не поняли, доктор Дубовски. Не надо обманывать себя. Вы не освободили Призрачный мир. Вы его уничтожили. Украли призраков и оставили пустую планету.

Дубовски встрепенулся.

— Я думаю, вы не правы. Люди найдут, как выгодно эксплуатировать эту планету. Но даже если бы не прав был я, это не имеет значения. Знания — вот что нужно человеку. Люди вроде вас пытались затормозить прогресс с незапамятных времен. Им это не удавалось так же, как не удалось вам. Человеку необходимы знания.

— Может быть, — сказал Сандерс. — Но разве человеку нужны только знания? Сомневаюсь. Я думаю, человеку нужны и тайны, и поэзия, и романтика. Ему нужны неразгаданные загадки — чтобы размышлять и удивляться.

Дубовски резко встал, нахмурился.

— Этот разговор лишен смысла. Так же как и ваша философия, Сандерс. В моей вселенной нет места неразгаданным загадкам.

— Тогда вы живете в очень скучной вселенной, доктор.

— А вы, Сандерс, погрязли в нечистотах собственного

невежества. Если вам так хочется, найдите себе другое суеверие. Но не пытайтесь убедить меня в чем-то сказками и легендами. У меня нет времени гоняться за призраками. — Он взглянул на меня. — Увидимся на пресс-конференции.

Дубовски повернулся и быстрым шагом ушел с балкона. Сандерс молча смотрел ему в спину, затем повернулся в кресле к горам и сказал:

— Туман поднимается.

Как выяснилось позже, Сандерс был не прав насчет колонии. Колония на Призрачном мире появилась, хотя и не бог весть какая: виноградники, перерабатывающие заводы, мастерские — от силы на несколько тысяч человек, причем это хозяйство принадлежало всего двум большим компаниям.

Коммерческое земледелие действительно не могло принести тут выгоды. Исключением оказался лишь местный виноград — круглые серые плоды размером с лимон. Поэтому Призрачный мир экспортирует один-единственный продукт — дымчатое белое вино с мягким устойчивым привкусом.

Разумеется, его называют миствайн, и за последние годы я как-то к нему пристрастился. Вкус напоминает мне о мистфалях и навевает мечтательное настроение. Но может быть, дело не в вине, а во мне самом. Особой популярностью оно не пользуется.

Однако какую-то минимальную прибыль это вино приносит. Поэтому на Призрачном мире до сих пор регулярно останавливаются космолеты. Во всяком случае, грузовые.

А вот туристов на Призрачном мире теперь практически не бывает. Здесь Сандерс оказался прав. Удивительные пейзажи можно найти поближе к дому, да оно и дешевле. Люди прилетали сюда из-за призраков.

Самого Сандерса тоже уже нет. Он был слишком упрям и непрактичен, чтобы войти в долю на производство вина, когда это дело только зарождалось. Сандерс предпочел держаться до последнего, укрывшись в своем «Облачном замке». Я до сих пор не знаю, что с ним стало, когда отель в конце концов прогорел.

Замок по-прежнему стоит на месте. Я видел его несколько лет назад, когда останавливался на Призрачном мире по пути на Нью-Рефьюдж, куда снова забросила меня журналистская судьба. Однако он уже рушится. Поддерживать замок в приличном виде обходится слишком дорого. Еще несколько лет, и его невозможно будет отличить от тех, старых руин.

А в остальном планета не сильно изменилась. Туман по-прежнему поднимается на закате и садится по утрам. И голый пик Красного Призрака по-прежнему красив в лучах утреннего

солнца. Леса все еще стоят, и в них все так же бродят скальные кошки.

Только призраков уже нет.

Только призраков.

Часть третья
Свет далеких звезд

Свет далеких звезд
© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

Я родился и вырос в Байонне, штат Нью-Джерси, и никогда его не покидал… по крайней мере, пока не поступил в колледж.

Байонна — это полуостров, часть территории Нью-Йорка, но когда я там рос, он представлял собой совершенно самостоятельный мир. Промышленный район с нефтеперерабатывающими заводами и военно-морской базой, всего три мили в длину и одна в ширину. На севере Байонна примыкает к Джерси, на западе расположена бухта Ньюарк, на востоке — Нью-Йоркская бухта, и узкий глубокий канал, соединяющий их, Килл-Ван-Калл, — на юге. Большие океанские лайнеры днем и ночью бороздят Килл, от Элизабет и порта Ньюарк.

Когда мне было четыре года, наша семья перебралась в один из новых домов на Первой улице, на берег темного грязного Килла. На другом берегу канала сияли яркие огни Стейтен-айленда, далекие и волшебные. Если не считать посещения зоопарка на Стейтене, раз в три-четыре года, мы никогда не пересекали Килл.

На Стейтен-айленд можно без проблем добраться по Байоннскому мосту, но у нас не было машины, и мои родители так и не получили прав. Кроме того, имелся паром. Пристань находилась всего в нескольких кварталах от нашего дома, рядом с «парком Дядюшки Милти». Я обнаружил там убежище, куда можно было попасть, пройдя пешком по скользким от нефти камням во время отлива, а потом, миновав ограду, на заросший травой маленький уступ, невидимый ни с улицы, ни с парома. Я иногда туда пробирался и сидел над водой с шоколадкой или книгой, читал и наблюдал за паромами, курсировавшими между Байонной и Стейтен-айлендом.

Движение было напряженным, один паром причаливал, а другой в этот момент отправлялся в путь. Нередко они встречались на середине канала. Паромов было три — «Денеб», «Альтаир» и «Вега». Мне они казались не менее романтичными, чем какой-нибудь клипер. То, что все они носили имена звезд, тоже добавляло им волшебного очарования. Хотя они были совершенно одинаковыми, больше всего мне нравился «Альтаир». Может быть, дело в «Запретной планете».

Иногда после ужина наша квартира начинала казаться мне слишком шумной и тесной, даже если там были всего лишь мои

родители и две сестры. Если к родителям приходили друзья, кухня наполнялась сизым сигаретным дымом и громкими голосами. Порой я оставался в гостиной и смотрел телевизор с сестрами. А иногда уходил.

На противоположной стороне улицы находились док Брейди и длинный узкий парк, шедший вдоль берега канала. Я садился на скамейку и наблюдал за большими кораблями или лежал на траве и любовался звездами, чье сияние казалось мне таким далеким — намного дальше огней Стейтен-айленда. Даже в самое жаркое, душное лето я приходил в восторг от усыпанного звездами ночного неба. Первым я научился узнавать созвездие Ориона. Я смотрел на две большие звезды — Ригель и Бетельгейзе — и представлял себе, что кто-то на них точно так же сидит и думает обо мне.

Фантасты нередко пишут об «ощущении чуда» и горячо спорят о том, какое ему дать определение. Для меня ощущение чуда — это то, что я переживал, лежа на траве на берегу Килл-Ван-Калла и любуясь далекими звездами. Они всегда заставляли меня чувствовать себя одновременно и большим и очень маленьким. Грустное чувство, но удивительное и очень приятное.

Научная фантастика дарит мне точно такие же ощущения.

Впервые я познакомился с научной фантастикой благодаря телевидению. Мое поколение стало первым, кого оно, так сказать, «вскормило». Тогда еще не было «Улицы Сезам», зато мы с удовольствием смотрели «Школу Дин-Донг» по будням, утром в субботу — «Хауди-Дуди» и, конечно, мультфильмы — каждый день. Ковбои стали страстью моего отца, а не моей, я предпочитал рыцарей: «Робин Гуд», «Айвенго», «Сэр Ланселот». Но ничто не могло сравниться с космическими темами.

Наверное, я видел «Капитана Видео» по каналу Дюмон, поскольку смутно помню о мстителе по имени Тобор (имя-то какое: робот, написанный наоборот). Однако я не помню «Космического кадета». Мои воспоминания о Томе Корбетте относятся к книгам Кэри Рокуэлла, которые я прочел позже. Я успел захватить «Флэша Гордона» — телевизионное шоу, а не сериал. В одном эпизоде Флэш попадает на планету, жители которой являются прекрасными и добрыми днем и мерзкими злодеями ночью, — эта идея мне так понравилась, что я использовал ее в некоторых своих ранних попытках сочинительства.

Впрочем, все это бледнело по сравнению с «Рокки Джонсом», «Космическим рейнджером» — сливками научно-фантастических программ начала пятидесятых. У Рокки был самый красивый космический корабль на телевидении, изящный серебристый

«Орбитальный летун». Я впал в отчаяние, когда в одной серии он был уничтожен, правда, вскоре его сменил другой, «Серебряная луна», который выглядел точно так же. В его команду входили обычные персонажи: комичный второй пилот, жеманная подружка, помпезный профессор и надоедливый ребенок, но еще там был Пинто Вортандо. (Тот, кто считает, что Джин Роденберри внес нечто новое, должен посмотреть «Рокки Джонса» — там все есть, если не считать Спока, который обязан больше Д. С. Фонтана, чем Роденберри. Харви Мадд — это Пинто Вортандо, только с другим акцентом.)

Когда я не смотрел телевизионные серии про космонавтов и инопланетян, я играл в них у себя дома. Кроме обычных ковбоев, рыцарей и солдатиков, у меня были космические игрушки: лучевые ружья, ракеты, пластмассовые космонавты в прозрачных шлемах, которые я постоянно терял. Больше всего я любил разноцветных пластмассовых инопланетян, я покупал их за пять центов штука, они кучами лежали в корзинах в «Вулворте» и «Кресге». У одних были огромные головы, у других по четыре руки, какие-то напоминали пауков со змеиными мордами, руками и головами. Но я обожал парня с крошечной головкой, прикрепленной к громадному волосатому туловищу. Все они входили в банду космических пиратов, главарем которых был злобный марсианин с огромной головой, я назвал его Джарн. Разумеется, он не шел ни в какое сравнение с Пинто Вортандо. Конечно же, я придумывал для них бесконечные приключения и даже пару раз попытался их записать.

Были еще и научно-фантастические фильмы. Я видел «Они», «Войну миров», «День, когда Земля остановилась», «Этот остров Земля» и «Место назначения — Луна». И конечно же, «Запретную планету», которая заткнула их всех за пояс. Я даже не подозревал, что впервые познакомился с Шекспиром в кинотеатре «Девитт» благодаря доктору Морбиусу и роботу Робби.

Моими любимыми книгами стали научно-фантастические. Супермен прибыл с другой планеты, разве не так? Марсианин Охотник за головами родился на красной планете, Зеленый Фонарь получил свое кольцо от инопланетянина, потерпевшего кораблекрушение, а Флэш и Атом обрели могущество в лаборатории. Комиксы дарили мне и настоящую космическую оперу. Космический Рейнджер (мой любимый), Адам Стрейндж (которого обожали все остальные), Томми Туморроу (его не любил никто) и парень, который разъезжал в космическом экипаже по космическим дорогам…

Существовали еще и Атомные Рыцари — герои, пережившие ядерную катастрофу и патрулировавшие радиоактивную пустыню

в специальных скафандрах, защищенных свинцовыми пластинами, они сражались с гигантскими мутантами далматинцами… А чудесная «Иллюстрированная классика»: адаптированные «Война миров» и «Машина времени» — благодаря им я познакомился с творчеством Герберта Уэллса.

Однако это все прелюдия. Когда мне исполнилось десять лет, подруга детства моей матери, Люси Антонсон, подарила мне на Рождество настоящую книгу в твердой обложке — «Имею скафандр — готов путешествовать» Роберта Хайнлайна.

Сначала я отнесся к ней с сомнением, но мне нравился Паладин, которого я видел по телевизору, а судя по названию, речь в книге могла идти о каком-нибудь космическом Паладине, поэтому я забрал книгу домой и начал читать про парня по имени Кип, который жил в маленьком городке и никуда оттуда не уезжал — совсем как я. Некоторые критики считают что «Гражданин галактики» — лучшее произведение Хайнлайна для юношества. «Гражданин галактики» — хорошая книга, а также «Туннель в небе», «Астронавт Джонс», «Время для звезд» и многие другие тоже… Но «Имею скафандр — готов путешествовать» лучше всех. Кип и Крошка, старый, потрепанный космический скафандр (мне казалось, я ощущаю его запах), Материя, путешествие по Луне, суд в Малом Магеллановом Облаке, где решалась судьба человечества… Что с этим может сравниться? Ничего. Для десятилетнего мальчишки в 1958 году «Имею скафандр — готов путешествовать», да еще в обложке Эда Эмшвиллера… Я понял, что хочу еще.

Но позволить себе покупать книги в твердых обложках я не мог. «Имею скафандр — готов путешествовать» стоила два доллара девяносто пять центов, если судить по ценнику, приклеенному на суперобложке. А книги в мягких обложках на вращающемся стеллаже в кондитерской лавке на Келли-паркуэй шли по тридцать пять центов. Если не покупать столько комиксов и время от времени отказываться от любимых шоколадок, можно было накопить достаточную сумму для приобретения такой книжки. Я решил экономить: перестал читать комиксы (которые мне не слишком нравились с самого начала), стал реже подходить к игровым автоматам… В общем, отказывая себе в разнообразных удовольствиях, я смог покупать книги в мягких обложках.

И передо мной распахнулись миры и вселенные! Я купил все книги Хайнлайна, которые сумел отыскать; в том числе «взрослые» произведения, вроде «Человека, который продал Луну» и «Восстание в 2100», поскольку другие книги для юношества найти не смог. На обложках его книг совершенно

правильно сообщалось, что Роберт Хайнлайн — «старейшина научной фантастики», то есть самый лучший. На протяжении многих последующих лет он оставался моим самым любимым писателем, «Имею скафандр — готов путешествовать» — самой любимой книгой… пока я не прочитал «Кукловодов».

Я читал и других писателей и обнаружил, что некоторые из них нравятся мне не меньше Хайнлайна. Например, Эндрю Норт, который оказался Андрэ Нортон. «Чумной корабль» Эндрю и «Звездный патруль» Андрэ привели меня в восторг. Книги Ван Вогта были наполнены могучей энергией, в особенности «Слэн», хотя мне так и не удалось понять, кто кому что сделал и почему. Мне ужасно понравился «Один против Геркулеса» Джерри Сола, благодаря которому я попал в мир, где ты должен сообщить о своем преступлении в полицию, прежде чем его совершить. Эрик Фрэнк Рассел взлетел на первую строчку моего списка любимых писателей, когда я наткнулся на «Мурашки из космоса» — самое смешное произведение из когда-либо прочитанных мной.

Хотя я приобретал книги «Сигнет», «Гоулц медал» и остальных издательств, чаще всего я покупал «Эйс даблз». Уилсон Такер, Алан Нурс, Джон Браннер, Роберт Сильверберг, Пол Андерсон («Война крылатых людей» оказалась такой интересной, что грозила победить «Имею скафандр — готов путешествовать»), Деймон Найт, Филип К. Дик, Эдмонд Гамильтон и великолепный Джек Вэнс… Я познакомился с ними на страницах толстых книг в мягких обложках с сине-красными корешками. Томми Туморроу и Рокки Джонс не шли с ними ни в какое сравнение. Это было настоящее, и я глотал одну книгу за другой.

(В конце концов я пришел к Роберту Э. Говарду, Г. Ф. Лавкрафту и Дж. Р. Р. Толкину, но об этом — в следующем комментарии.)

Вместе с разными авторами я знакомился с разными видами научной фантастики: инопланетяне среди нас, «если так будет продолжаться и дальше», путешествия во времени, альтернативная история, рассказы о том, что будет после ядерной катастрофы, утопии и дистопии. Позже, став писателем, я вернулся к некоторым из этих жанров, но один тип рассказов я любил больше всего как читатель, а потом и как сочинитель. Я родился и вырос в Байонне, *никогда никуда* оттуда не уезжал, вот почему самыми любимыми стали истории о путешествиях за горы, в дальние дали, в неведомые земли, где я мог бродить под звездами чужих небес.

Шесть рассказов, которые я выбрал для данного раздела, принадлежат именно к этой категории. В 70-х и 80-х я писал много научной фантастики, но эти рассказы относятся к числу

моих любимых. Действие в них происходит в одной и той же вселенной; все шесть рассказывают о «будущей истории», являющейся фоном для большинства моих произведений.

(На самом деле не все. «Рывок к звездному свету» и «Побочное дело» — это другая реальность, два рассказа о звездных кольцах — третья, истории про трупы — еще одна. «Быстрый друг» стоит особняком, как и несколько других рассказов. У меня нет ни малейшего намерения задним числом засовывать этих сирот в данный раздел.)

То, что я считал своей главной будущей историей, началось с «Героя» и получило развитие в первом романе «Умирающий свет». Мне так и не удалось придумать для него название, которое пристало бы навечно. В «Каменном городе» я ввел словосочетание «мир людей» и некоторое время пытался использовать его в качестве специального термина, обозначающего историю, по аналогии с «известным космосом» Ларри Нивена. Позже возникла «тысяча миров», мне понравилось, как это звучит, а кроме того, у меня появлялась возможность по мере необходимости придумывать новые планеты… не говоря уже о том, что это на девятьсот девяносто два мира больше, чем в «Восьми мирах» Джона Варли. Но к тому времени фантазия увела меня в другом направлении, и название стало спорным.

«Песнь о Лии» — первый из шести рассказов в этом разделе. Он был написан в 1973 году, когда я служил в рядах «Добровольцев на службе Америке» и жил на Маргейт-террас на окраине Чикаго. Я делил квартиру в трехэтажном доме без лифта со своими шахматными партнерами и работал в Ассоциации юридической помощи штата. Мой первый серьезный роман был в самом разгаре; я влюбился не в первый раз, но зато определенно в первый раз мои чувства были взаимны. Именно эти отношения и наделили «Лию» эмоциональным подтекстом. Без них я был бы слепцом, описывающим красоту заката. «Песнь о Лии» стала моим первым длинным произведением — настоящей новеллой. Когда я ее закончил, я понял, что мне наконец удалось написать нечто лучшее, чем «Мистфаль приходит утром» и «Второй вид одиночества», которые появились два года назад.

«Аналог» стал основным журналом, куда я посылал свои творения, и я отправил новый рассказ Бену Бове, который сразу его купил. Терри Карр и Дональд А. Уоллхайм оба выбрали «Лию» для своих соперничающих антологий «Лучшие произведения года», и она была номинирована на премии «Хьюго» и «Небьюла». В тот год Роберт Сильверберг выпустил прекрасную повесть «Рожденный с мертвыми», и мы поделили награды. Сильверберг завоевал премию «Небьюла», но на международном конвенте

фантастов 1975 года в Мельбурне Бен Бова получил премию «Хьюго» за «Песнь о Лии». Я в это время крепко спал в Чикаго. В те времена лететь в Австралию мне было не по карману. Кроме того, Сильверберг уже выиграл «Небью-лу» и премию «Локуса», и я не сомневался, что третья награда тоже достанется ему.

Прошло несколько месяцев, прежде чем я сумел подержать ракету в руках. Бова, возвращаясь домой, проехал через Миннеаполис и передал ее Гордону Р. Диксону, а тот, в свою очередь, — Джо Холдеману, который увез награду в Айову и только через некоторое время, приехав на конференцию в Чикаго, вручил мне ее. После этого при первой же встрече Гарднер Дозуа вышвырнул меня из Клуба неудачников. Роберт Сильверберг торжественно объявил, что прекращает писать научную фантастику, и я испытал чувство вины, поскольку в то время был его яростным поклонником… но не настолько, чтобы отправить ему свою премию «Хьюго», когда мне наконец удалось отобрать ее у Джо Холдемана.

К тому времени, когда появилась «Башня из пепла» (1974), моя жизнь заметно изменилась по сравнению с тем, что было полтора года назад, когда я написал «Лию». Моя служба в «Добровольцах» подошла к концу, и я занимался организацией шахматных турниров, которые проводились по выходным, в качестве прибавки к тому, что я получал за свои рассказы. Я начал писать роман под названием «Умирающий свет», но отложил его; пройдет два года, прежде чем я решу, что готов продолжать. Моя любовная история закончилась печально — моя подружка ушла к одному из моих лучших друзей. Разбитое сердце отчаянно болело, но это не помешало мне тут же снова влюбиться, на сей раз в женщину, с которой у нас было столько общего, что мне казалось, будто я знаком с ней всю жизнь. Однако наши отношения закончились в самом расцвете, когда она совершенно неожиданно и страстно влюбилась в другого.

«Башня из пепла» и возникла благодаря моим любовным неудачам. Бен Бова купил ее для «Аналога», но в результате напечатал в сборнике «Аналог энньюал» — антологии, которую издавало издательство «Пирамида». Лично я считаю, что лучше бы мой рассказ вышел в самом «Аналоге». В самом начале я выучил урок, в правильности которого не сомневаюсь до сих пор: *лучше, когда рассказ печатается в журнале.* Вряд ли кто-то, кроме Бена Бовы, прочитал «Башню из пепла» в сборнике.

«…И берегись двуногого кровь пролить» был написан в 1974 году и опубликован в 1975-м. (За один год иллюстрация для моего рассказа появилась на обложке во второй раз; великолепный рисунок Джека Гогана украсил номер, в котором

напечатали «Шторм в гавани ветров», написанный мной в соавторстве с Лизой Таттл. На сей раз автором иллюстрации был Джон Шонер, и я жалею, что не купил ее.) Железные Ангелы стали моим ответом Горди Диксону, хотя я воспользовался песней Криса Кристофферсона. Их бог, бледное дитя с мечом в руках, имел более древнее и сомнительное происхождение: он являлся одним из семи темных богов из мифов, сочиненных мной для Доктора Рока из «Только дети боятся темноты». Заголовок взят из «Книги джунглей» Киплинга и принес мне почти столько же хвалебных отзывов, сколько сам рассказ. Позже кое-кто из писателей, все до одного поклонники Киплинга, дружно возмущались, что им самим не пришло это в голову.

«…И берегись двуногого кровь пролить» был номинирован на премию «Хьюго» в разделе «Лучший рассказ 1974 года», «Шторм в гавани ветров» тоже. На «Биг Маке», международном конвенте 1976 года в Канзасе, обе новеллы почти одновременно проиграли (первая — Ларри Нивену, который тут же уронил и разбил свою награду, а вторая — Роджеру Желязны). На следующий день, при помощи и поддержке Гарднера Дозуа, вооружившись кувшином дешевого белого вина, оставшегося после вчерашнего празднования, я устроил свою первую вечеринку для тех, кто не получил премию «Хьюго», в своем номере в отеле. Она оказалась самой веселой на конвенте и в последующие годы стала традицией, хотя совсем недавно какой-то насмешник заявил, что ее следует переименовать в «Вечеринку номинантов премии “Хьюго”».

«Каменный город» впервые был опубликован в «Новых голосах в научной фантастике», антологии в твердой обложке, которую я редактировал для Макмиллана в 1977 году, но его корни уходят в международный конвент 1973 года в Торонто. Джон У. Кэмпбелл-младший, который на протяжении многих лет был главным редактором «Аналога» и «Эстаундинга», умер в 1971-м, и издатель «Аналога», Конде Наст, учредил в его честь новую награду, которую должен был получить лучший молодой писатель, ставший популярным за последние два года. В первый раз, когда присуждалась награда, я стал одним из финалистов вместе с Лизой Таттл, Джорджем Алеком Эффинджером, Рут Берман и Джерни Пурнелем. Премия присуждалась путем подсчета голосов читателей и вручалась на конвенте в Торонто вместе с премией «Хьюго», как следующая за ней по значимости.

Моя номинация меня сильно удивила и одновременно привела в восторг, хотя я и знал, что у меня нет ни одного шанса получить награду. И был прав. Первую премию Кэмпбелла увез домой Пурнель, хотя Эффинджер получил почти столько же

голосов и ему выдали свидетельство о втором месте — единственный раз в истории. Не имею ни малейшего понятия, какое место занял я, но тогда было важно, что меня назвали среди претендентов на премию.

Позже, на вечеринках, я говорил паре издателей по имени Дейв, что необходимо создать антологию, посвященную новой премии, ведь существуют же антологии «Хьюго» и «Небьюла». Разумеется, меня интересовала возможность продать свои произведения; в 1973 году я еще не выбирал издателей. И я получил больше, чем мечтал. Оба издателя по имени Дейв согласились, что это отличная идея, и предложили мне такую антологию составить. Я возразил: «Я никогда не составлял антологий». На что они ответили: «Вот пусть эта и станет первой».

Так и произошло. Мне потребовался целый год, чтобы продать «Новые голоса» (издателю по имени Эллен), и еще два, прежде чем все мои авторы предоставили обещанные рассказы. Вот почему антология, в которой представлены произведения номинантов на премию Кэмпбелла 1973 года, появилась только в 1977-м. Впрочем, с одним из авторов у меня не возникло никаких проблем. Поскольку я являлся одним из номинантов, то продал свой рассказ самому себе.

Знание того, что издатель не отвергнет твое творение, что бы ты ни написал, дает некоторую свободу. С другой стороны, это накладывает определенные обязательства. Ведь ты же не хочешь, чтобы читатели подумали, будто ты навязываешь им какую-то дрянь. «Каменный город» возник именно из такой свободы и обязательств. И хотя рассказ является одним из главных в моей будущей истории, он немного отличается от остальных. Мне хотелось приправить его идеями Лавкрафта и Кафки, а также показать читателям, что, когда мы оказываемся достаточно далеко от дома, здравый смысл, причинные связи и физические законы Вселенной начинают действовать иначе. И тем не менее «Каменный город» лучше всего отражает мечты того мальчишки, что лежал на траве на берегу Килл-Ван-Калла и смотрел на Орион. Не знаю, удалось ли мне в каком-нибудь из моих произведений изобразить огромность космического пространства или неуловимое «ощущение чуда» лучше, чем здесь.

В 1977 году появился новый журнал фантастики «Космос», главным редактором которого стал Дэвид Дж. Хартвелл. Дэвид попросил меня написать рассказ, и я с удовольствием согласился. Если «Злоцветы» кажутся немного холодными, возможно, это потому, что рассказ стал моим первым произведением, которое я написал, перебравшись в Дубьюк, штат Айова, где зимы гораздо более суровые, чем те, что мне довелось пережить в Чикаго. В

следующие годы я написал несколько рассказов, на которые меня вдохновили песни. «Злоцветы» из их числа. (Тот, кто назовет мне песню, которая стала поводом для написания, получит… ничего он не получит.) Хартвеллу рассказ понравился настолько, что иллюстрация к нему появилась на обложке четвертого номера «Космоса». К несчастью, он же стал и последним. (Не по моей вине.)

Я отправился в Дубьюк весной 1976 года, чтобы преподавать журналистику в небольшом католическом женском колледже. Хотя моя писательская карьера развивалась удачно, я все еще зарабатывал недостаточно, чтобы полностью себя содержать, а шахматные турниры постепенно прекратились. Кроме того, в 1975 году я женился, и моя жена еще училась в колледже. Место в колледже Кларк казалось мне идеальным решением всех проблем. Я полагал, что у меня будет два-три часа в день, ну, четыре. И останется вторая половина дня на мое творчество. Ведь так?

Тот, кто когда-либо работал преподавателем, сейчас, наверное, громко хохочет. В действительности преподаватели заняты гораздо больше, чем это кажется на первый взгляд. Да, вы находитесь в классе всего несколько часов в день… но нужно готовиться к занятиям, писать лекции, проверять работы, в том числе контрольные, присутствовать на заседаниях комитетов, изучать учебники, встречаться после занятий со студентами. Поскольку я преподавал журналистику, предполагалось, что я должен заниматься еще и школьной газетой, которая называлась «Курьер». Это оказалось интересно, но у меня постоянно возникали проблемы с монахинями, поскольку я отказывался выступать в роли цензора.

Вскоре обнаружилось, что у меня нет ни сил, ни времени, которое я мог бы посвятить писательскому труду, и, если я хочу что-нибудь написать, следует воспользоваться длинными летними каникулами и более короткими — на Рождество и Пасху.

Рождественские праздники 1978–1979 года оказались самым продуктивным периодом из тех лет, что я провел в колледже Кларк. За несколько коротких недель я написал три совершенно разных рассказа. «Путь креста и дракона» — научная фантастика; «Ледяной дракон» — сказка и фэнтези; «Короли-пустынники» — ужасы в научно-фантастических декорациях. Все три рассказа включены в этот сборник. Я коснусь «Королей-пустынников» и «Ледяного дракона», когда мы до них доберемся. Что же до «Пути креста и дракона», это, вне всякого сомнения, мой самый католический рассказ. Несмотря на то что меня воспитали в канонах римско-католической церкви и я ходил в католическую

начальную школу, я отошел от религии, когда поступил в Северо-Западный университет. Однако, оказавшись в окружении монахинь и юных католичек, я вдруг задумался над тем, какой могла бы стать католическая церковь там, среди звезд.

Бен Бова ушел из «Аналога», чтобы стать художественным редактором роскошного нового журнала под названием «Омни», который печатал как серьезные научные статьи, так и научную фантастику. «Путь креста и дракона» стал моим первым рассказом, появившимся в новом журнале. Рассказ был номинирован на премии «Хьюго» и «Небьюла», проиграл вторую рассказу Эдварда Брайанта и получил первую как «Лучший короткий рассказ 1979 года» в тот же день, когда «Короли-пустынники» были названы лучшей новеллой на Норисконе в Бостоне.

Это были вторая и третья премии «Хьюго», которые я получил — и, поскольку Бостон значительно ближе к Австралии, присутствовал на вручении. Вечером того же дня я явился на вечеринку для тех, кто не получил премию «Хьюго», сжимая в обеих руках по ракете и улыбаясь от уха до уха. Увидев меня, Гарднер Дозуа тут же выстрелил мне в голову взбитыми сливками. Я веселился вместе со своими друзьями полночи, а потом отправился в свой номер с роскошной женщиной. (К тому времени я уже счастливо развелся.) Мы занимались любовью, а в окно светили звезды, которые заливали нас своим светом.

Лучше ночей не бывает.

Песнь о Лии
© Перевод Н. Магнат

У шкинов древние города, гораздо древнее, чем у людей, а их

громадная ржаво-красная столица, стоящая на священных холмах, древнее всех. Столица не имеет названия. Она в нем не нуждается. Хотя шкины понастроили городов, больших и малых, без числа, у города на холмах нет соперников. Он крупнейший по размерам и количеству жителей, он один стоит на священных холмах. Это их Рим, их Мекка, их Иерусалим, все вместе. Это тот город, куда в последние дни перед Единением приходят все шкины.

Этот город был стар еще до падения Рима, он был огромен и разрастался во все стороны, когда Вавилон существовал лишь в мечтах. Но старины в нем не ощущается. Везде, куда хватает глаз, видны низкие купола из красного кирпича — небольшие холмики, которые, словно сыпью, покрывают отлогие холмы. Внутри домов темно и душно. Маленькие комнаты, грубая мебель.

Однако город не мрачный. День за днем он расползался по этим поросшим кустарником холмам и обжигался жарким солнцем, висящим в небе, как унылая оранжевая дыня, но в нем кипит жизнь, он полон запахов пищи и звуков: смеются, болтают и бегают дети, суетятся потные каменщики, звенят на улицах колокольчики Посвященных. Шкины — здоровый и жизнерадостный народ, они непосредственны, как дети. И ничто в них не говорит о почтенном возрасте и древней мудрости. По всем признакам это молодая нация, культура в пору младенчества.

Но такое младенчество длится уже более четырнадцати тысяч лет.

Город людей — вот настоящий младенец, менее десяти земных лет от роду. Его построили у подножия холмов, между столицей шкинов и пыльной бурой равниной, на которой вырос космопорт. По человеческим понятиям это прекрасный город: открытый и полный воздуха, с изящными арками, искрящимися фонтанами и широкими тенистыми бульварами. Здания сделаны из металла, цветных пластмасс и местных пород дерева, большинство домов низкие — в знак уважения к архитектуре шкинов. Большинство… за единственным исключением: это Башня Управления, которая сверкающей голубой иглой рассекает прозрачное небо.

Ее видно отовсюду на много миль вокруг. Лианна заметила Башню еще до того, как корабль пошел на посадку, и мы любовались ею с воздуха. Небоскребы Старой Земли и Бальдура выше, а фантастические, словно отделанные тонким кружевом, города Арахны гораздо красивее, но стройная голубая Башня, одиноко царящая над священными холмами, все же производит

сильное впечатление.

Космопорт находится в тени Башни, до нее легко дойти пешком. Но нас все-таки встретили. Как только пассажиры стали выходить из корабля, мы заметили у трапа урчащий ярко-красный аэромобиль, на переднем сиденье которого, развалившись, сидел водитель. Дино Валкаренья прислонился к дверце и беседовал с помощником.

Валкаренья, администратор планеты, считался вундеркиндом. Молод, как я и думал. Небольшого роста красивый малый, смуглый, южного типа, с буйно вьющейся черной шевелюрой и добродушной улыбкой.

Когда мы сошли с трапа, он одарил нас этой ослепительной улыбкой и пожал нам руки.

— Привет, — сказал он. — Рад вас видеть.

Такой ерундой, как официальное представление, он пренебрег. Он знал, кто мы, мы знали, кто он, а Валкаренья не тот человек, который придает значение формальностям.

Лианна легко взяла его за руку и впилась в него взглядом вампира, широко раскрыв свои огромные темные глаза, при этом уголки ее тонких губ всегда приподнимались в едва уловимой, смутной улыбке. Она была маленького роста, с короткими каштановыми волосами и мальчишеской фигурой — ребенок да и только. Она могла казаться очень хрупкой, очень беззащитной. Когда хотела. Но этот ее взгляд будоражил людей. Если бы они знали, что Лия телепат, они бы решили, что она выуживает их сокровенные тайны. На самом деле она просто играла. Когда Лия и впрямь читала мысли, все тело ее напрягалось как струна и едва заметно дрожало. А громадные, высасывающие душу глаза становились узкими, холодными и непроницаемыми.

Однако об этом знали немногие, и потому людям просто делалось не по себе от этого взгляда, и они отводили глаза и спешили выпустить ее руку. Но не Валкаренья. Он только улыбнулся и ответил ей таким же долгим взглядом, а потом повернулся ко мне.

Я сжал его руку и действительно стал читать: для меня это обычный метод работы. А также дурная привычка, погубившая в зародыше не одну многообещающую дружбу. По степени одаренности мне до Лии далеко. Но и запросы у меня скромнее. Я читаю эмоции. Добродушие Валкареньи оказалось искренним и непритворным. За ним ничто не стояло, по крайней мере на поверхности, и больше ничего я уловить не мог.

Мы обменялись рукопожатиями и с помощником Валкареньи, светловолосым длинноногим мужчиной средних лет по имени Нельсон Гурли. Потом Валкаренья посадил всех в аэромобиль, и

мы поехали.

— Вы, наверное, устали, — сказал Валкаренья, как только мы оторвались от земли, — поэтому экскурсию по городу мы отменили и полетим прямо в Башню. Нельс покажет вам ваш номер, а потом вы можете с нами выпить, и мы обсудим проблему. Вы читали материалы, которые я вам послал?

— Да, — ответил я. Лия кивнула. — Интересные данные, но я так и не понял, зачем мы понадобились.

— Скоро мы об этом побеседуем, — пообещал Валкаренья. — А сейчас любуйтесь пейзажем. — Он махнул рукой в сторону окна, улыбнулся и замолчал.

Итак, мы с Лией любовались пейзажем (насколько это возможно за пять минут полета от космопорта до Башни). Над главной улицей аэромобиль нырнул вниз и полетел вровень с верхушками деревьев, поднимая ветер, который гнул тонкие ветки. В машине было темно и прохладно, а снаружи высоко в небе плыло солнце шкинов. Приближался полдень, и было видно, как от мостовой поднимаются волны тепла. Население, вероятно, попряталось по домам и сидит вокруг кондиционеров, на улице почти не было транспорта.

Мы вышли перед главным входом в Башню и пересекли огромный сверкающий чистотой вестибюль. Валкаренья покинул нас, чтобы поговорить с кем-то из подчиненных. Гурли провел нас в скоростной лифт, и мы пролетели пятьдесят этажей. Потом протащились мимо секретарши в другой, служебный, лифт и поднялись еще выше.

Комнаты нам выделили прекрасные — стены обшиты деревом, на полу приятные для глаз зеленые ковры. Большая библиотека, составленная в основном из классики Земли в переплетах из синтекожи и нескольких романов с Бальдура, нашей родной планеты. Кто-то изучил наши вкусы. В спальне одна стена была сделана из цветного стекла, за ней открывалась панорама лежащего далеко внизу города. Нажав на кнопку, можно было затемнить стекло перед сном.

Покорно исполняя свои обязанности, Гурли нам все это показал; мне он напомнил старого коридорного. Я наскоро прочитал его чувства и не нашел возмущения. Он слегка волновался, только и всего. К кому-то он питал неподдельную привязанность. К нам? К Валкаренье?

Лия села на одну из двух одинаковых кроватей.

— Кто-нибудь принесет наш багаж? — спросила она.

— О вас здесь позаботятся, — сказал он. — Если что-нибудь понадобится — просите.

— Не беспокойтесь, мы не постесняемся, — сказал я,

плюхнулся на вторую кровать и указал Гурли на стул. — Давно вы здесь?

— Шесть лет, — с благодарностью пододвинув стул и развалившись на нем, ответил он. — Я из ветеранов. Работал при четырех администраторах: Дино, перед ним Стюарт, до Стюарта — Густаффсон и даже несколько месяцев работал с Рок-вудом.

Лия вскинула голову, скрестила ноги и подалась вперед.

— Больше Роквуд не выдержал, да?

— Да, — ответил Гурли, — Ему не понравилась планета, и он с понижением в должности перевелся куда-то в другое место. По правде говоря, я не очень-то жалел об этом. Нервный субъект, все время раздавал приказания, чтобы показать, кто здесь главный.

— А Валкаренья? — спросил я.

Гурли улыбнулся.

— Дино? Дино молодец, лучше всех. Он хороший администратор и знает это. Он здесь всего два месяца, но уже очень много сделал и завел кучу друзей. Он со всеми на «ты». Люди это любят.

Я читал его чувства и прочел искренность. Значит, Гурли с большой теплотой относится к Валкаренье. Помощник верил в то, что говорил.

У меня были еще вопросы, но я не успел их задать. Гурли вдруг встал.

— Мне не следует задерживаться, — сказал он. — Вы ведь хотите отдохнуть? Приходите наверх часа через два, и мы все обсудим. Вы знаете, где лифт?

Мы кивнули, и Гурли ушел. Я повернулся к Лианне.

— Что ты думаешь?

Откинувшись на подушку, она изучала потолок.

— Не знаю, — ответила она. — Я не прощупывала его. Интересно, почему у них было так много администраторов? И зачем им понадобились мы?

— Мы Одаренные, — улыбаясь, сказал я. Да, с большой буквы. Мы с Лианной прошли проверку и зарегистрированы как Одаренные в области психологии, в подтверждение нам выданы патенты.

— Ага, — согласилась Лия, повернулась на бок и улыбнулась в ответ. На этот раз не как вампир, а как сексуальная кошечка.

— Валкаренья хочет, чтобы мы немного отдохнули, — сказал я, — Возможно, неплохая идея.

Лия вскочила с кровати.

— Прекрасно, — сказала она, — но кровати надо переставить.

— Мы можем их сдвинуть.

Она опять улыбнулась. Мы сдвинули кровати.

И немного поспали. Под конец.

Когда мы проснулись, багаж стоял за дверью. Мы переоделись, но, памятуя о нелюбви Валкареньи к помпезности, выбрали костюмы попроще. Лифт поднял нас на самый верхний этаж Башни.

Кабинет администратора планеты мало походил на кабинет. В нем не было письменного стола, не было и других атрибутов подобных помещений. Только бар, ворсистые голубые ковры, в которых нога утопала по щиколотку, да шесть или семь стоящих в разных местах стульев. Плюс залитый солнцем простор и окружающая нас со всех сторон планета Шки. Здесь все четыре стены были из цветного стекла.

Валкаренья и Гурли ждали нас, и Валкаренья сам исполнял обязанности бармена. Незнакомый напиток оказался прохладным, пряным, ароматным и хорошо освежал. Я с удовольствием потягивал его. Почему-то мне нужно было взбодриться.

— Шкинское вино, — с улыбкой сказал Валкаренья, отвечая на невысказанный вопрос. — У него есть название, просто я еще не могу его выговорить. Но дайте срок. Я здесь всего два месяца, а язык трудный.

— Вы учите шкинский? — удивленно спросила Лия.

Я знал, почему она так удивлена. Шкинский очень труден для людей, а туземцы с поразительной легкостью усваивают язык Земли. Большинство людей радостно мирятся с этим и избавляют себя от трудности изучения иноплеменного языка.

— Это поможет мне постичь их образ мыслей, — сказал Валкаренья. — По крайней мере, так считается. — Он улыбнулся.

Я снова прочитал его чувства, хотя и с большим трудом. При физическом контакте все проявляется ярче. Я снова уловил на поверхности несложную эмоцию — на этот раз гордость. Смешанную с удовольствием. Последнее, видимо, от вина. В глубине ничего.

— Как бы этот напиток ни назывался, он мне нравится, — сказал я.

— Шкины производят разнообразные напитки и продукты питания, — вставил Гурли. — Мы уже экспортируем многие товары и отбираем еще. У них будет хороший рынок.

— Сегодня вечером вам представится возможность попробовать и другие местные продукты, — сказал Валкаренья. — Я устрою вам экскурсию с остановкой в городе шкинов. Для поселения такого размера, как наше, здесь довольно интересная ночная жизнь. Я сам буду вашим экскурсоводом.

— Заманчиво, — одобрил я.

Лия тоже улыбалась. Экскурсия говорила о необычном

проявлении внимания к нам. Большинство Обыкновенных чувствовали себя неловко в компании Одаренных и спешили получить от нас то, что им надо, а потом столь же поспешно от нас отделаться. Они определенно не хотели с нами общаться.

— Теперь о деле, — опуская бокал и подаваясь вперед, сказал Валкаренья. — Вы читали о культе Единения?

— Какая-то шкинская религия, — ответила Лия.

— Единственная религия шкинов, — поправил ее Валкаренья. — Здесь все верующие. И ни одного еретика.

— Мы читали об этом в материалах, которые вы нам прислали, — сказала Лия. — В числе прочих сведений.

— Что вы об этом думаете?

Я пожал плечами.

— Жестоко. Примитивно. Но не хуже других культов, о которых я читал. В конце концов, шкины не так уж развиты. На Старой Земле тоже были культы с человеческими жертвоприношениями.

Валкаренья покачал головой и посмотрел на Гурли.

— Нет, вы не понимаете, — ставя бокал на ковер, начал Гурли. — Я изучаю их религию шесть лет. История не знала ничего подобного. Здесь ничто не напоминает культы Старой Земли, нет, сударь. Или известные нам культы других планет.

И неверно сравнивать Единение с человеческими жертвоприношениями, просто неверно. Согласно религиям Старой Земли, чтобы умилостивить богов, надо принести им в дар одну-две упирающиеся жертвы. Убить горстку во имя благополучия миллионов. И эта горстка, как правило, возражала. У шкинов не так. Сосун забирает всех. И все идут охотно. Как завороженные, шкины уходят в пещеры, чтобы быть съеденными этими кровопийцами. В сорок лет каждый шкин становится Посвященным и до пятидесяти приходит к Конечному Единению.

Я был в замешательстве.

— Хорошо, — согласился я. — Полагаю, разница налицо. Ну и что? В чем трудность? Да, Единение — жестокая штука по отношению к шкинам, но это их дело. Их религия ничем не хуже ритуального каннибализма хранганцев, разве не так?

Валкаренья допил вино, встал и направился к бару. Вновь наполняя бокал, он небрежно сказал:

— Насколько мне известно, хранганский каннибализм имеет приверженцев среди людей.

Лию эти слова потрясли. Меня тоже. Я выпрямился и вытаращил глаза.

— Что?

Валкаренья с бокалом в руке вернулся на свое место.

— Новообращенные люди принимают религию Единения. Несколько десятков уже прошли инициацию и стали Посвященными. Никто из них пока не достиг Конечного Единения, но это вопрос времени.

Валкаренья сел и посмотрел на Гурли. Мы тоже.

Долговязый белобрысый помощник продолжил рассказ:

— Первое обращение произошло около семи лет назад. Почти за год до моего появления здесь и через два с половиной года после того, как была открыта планета и построено поселение. Парень по фамилии Мэгли. Психоаналитик, работал в тесном контакте со шкинами. Два года он был единственным. Потом их стало несколько, в следующем году прибавилось еще. И с тех пор количество все время растет. Один был большой шишкой. Фил Густаффсон.

Лия посмотрела на Гурли.

— Администратор планеты?

— Он самый, — ответил Гурли. — У нас сменилось много администраторов. Густаффсон приехал после Роквуда, когда тот не выдержал. Высокий, широкоплечий, немного ворчливый — этакий старый служака. Все его любили. Незадолго до этого он потерял жену и детей, но, глядя на него, вы бы никогда не догадались. Он всегда был такой энергичный, веселый. Ну вот, он заинтересовался шкинской религией, начал с ними разговаривать. Беседовал с Мэгли и некоторыми другими новообращенными. Даже ездил смотреть на сосуна. На время это совершенно выбило его из колеи. Но в конце концов он справился с потрясением и вернулся к своим исследованиям. Я работал вместе с ним, но даже не догадывался что у него на уме. Немногим более года назад он принял веру шкинов. Теперь он Посвященный. Никто не добивался этого так быстро. Я слышал в городе шкинов, что его даже могут в спешном порядке допустить к Конечному Единению. Ну, Фил пробыл здесь администратором дольше всех. Люди любили его, и когда он перешел в шкинскую веру, многие друзья последовали за ним. Число новообращенных увеличивается.

— Приближается к одному проценту населения и возрастает, — сказал Валкаренья — Цифра как будто ничтожная, но вспомните, что за этим стоит. Один процент людей в нашем поселении выбирает религию, предусматривающую очень неприятный способ самоубийства.

Лия перевела взгляд с Валкареньи на Гурли и обратно.

— Почему об этом никто не доложил?

— Следовало бы, — сказал Валкаренья. — Но сменивший Густаффсона Стюарт до смерти боялся скандала. Закон не

запрещает людям принимать инопланетные религии, и Стюарт посчитал, что проблем нет. Он сообщал по общей форме о проценте новообращенных, и никто наверху даже не побеспокоился соотнести эти цифры с общим количеством населения и припомнить, в какую веру обращаются эти люди.

Я допил бокал и поставил его на пол.

— Продолжайте, — попросил я Валкаренью.

— Я определяю создавшееся положение как сложное, — сказал он. — Мне все равно, насколько незначительно количество этих людей, меня тревожит сама мысль о том, что человеческое существо может позволить сосуну сожрать себя. С тех пор как я вступил в должность, у меня работает группа психологов, но они ни к чему не пришли. Мне нужны Одаренные. Я хочу, чтобы выяснили, почему люди принимают такую веру. Тогда я смогу овладеть ситуацией.

Странная задача, но сформулирована довольно четко. Для верности я прочитал чувства Валкареньи. В этот раз его эмоции были сложнее, но не намного. Преобладала уверенность: он был убежден, что мы сможем разгадать загадку. Ощущалась настоящая заинтересованность, не было ни страха, ни малейшего намека на обман. И снова я не смог ничего выловить из глубины. Если в душе Валкаренья и испытывал смятение, то очень хорошо это скрывал.

Я взглянул на Лианну. Она неуклюже притулилась на стуле, зажав в руке бокал с вином. Читает мысли. Потом расслабилась, посмотрела на меня и кивнула.

— Хорошо, — согласился я. — Думаю, мы справимся.

Валкаренья улыбнулся.

— Я не сомневался, — сказал он. — Я только не знал, захотите ли вы. Но на сегодня хватит дел. Я обещал вам вечер в городе, а я всегда стараюсь выполнять свои обещания. Через полчаса я встречу вас внизу, в вестибюле.

У себя в номере мы облачились в более нарядную одежду. Я надел темно-синюю куртку, широкие белые брюки и неброский клетчатый шарф. Не последний крик моды, но я надеялся, что последний до планеты Шки еще не дошел. Лия натянула шелковистый белый комбинезон, разрисованный тонкими синими линиями, которые от тепла тела начинали струиться, образуя чувственные узоры. Рисунок делал ее тонкую фигурку воплощением порока. Наряд довершала синяя накидка.

— Валкаренья странный, — завязывая ленты накидки, сказала Лия.

— Да? — Я сражался с «молнией» на куртке, никак не желавшей застегиваться. — Что-нибудь уловила, когда читала его

мысли?

— Нет, — ответила Лия. Она закончила поправлять накидку и теперь любовалась собой в зеркале. Потом быстро повернулась ко мне, и накидка закружилась вместе с ней. — В том-то и дело! Он думал именно то, что говорил. Ну конечно, слова немного другие, но ничего особенного. Его ум сосредоточился на том, что мы обсуждали, а дальше — стена. — Она улыбнулась. — Не выдал ни одну страшную заветную тайну.

Я наконец справился с «молнией».

— Так, — сказал я. — Ладно, сегодня вечером тебе представится еще одна возможность.

Лия скорчила рожицу.

— К чертям все возможности. Я не читаю мысли в свободное от работы время. Это нечестно. Кроме того, это большое напряжение. Хотела бы я читать мысли так же легко, как ты чувства.

— Это цена Дара, — заметил я. — У тебя выдающийся Дар, ты платишь более высокую цену. — Я поискал в нашем багаже накидку для себя, ничего подходящего не нашел и решил обойтись без нее. Все равно накидки уже вышли из моды. — Я тоже не многого добился. Все это можно было определить по выражению его лица. У него, должно быть, очень дисциплинированный ум. Но я его прощаю. Он угощает хорошим вином.

Лия кивнула.

— Да! Мне оно помогло. Я проснулась с головной болью, а от вина все прошло.

— Может, ты плохо переносишь высоту? — предположил я. Мы направились к двери.

Вестибюль был пуст, но Валкаренья не заставил долго себя ждать. На сей раз он прикатил на собственном аэромобиле: помятой черной развалине, которая, очевидно, уже почти отслужила свой срок. Гурли не отличался общительностью, но рядом с Валкареньей сидела женщина, восхитительная пепельная блондинка по имени Лори Блэкберн. Она выглядела даже моложе Валкареньи, лет на двадцать пять.

Когда мы взлетели, солнце садилось. Далекий горизонт напоминал пышный гобелен, расцвеченный красным и оранжевым, с равнины дул прохладный ветерок. Валкаренья не стал включать кондиционер, а просто опустил стекло, и мы смотрели, как город погружается в сумерки.

Мы обедали в шикарном ресторане, отделанном в бальдурском стиле. («Это чтобы мы чувствовали себя как дома», — подумал я.) Кухня же была космополитичной в полном

смысле слова. Приправы, зелень и способы приготовления как на Бальдуре. Мясо и овощи — местные. Интересное сочетание. Валкаренья заказал еду на всех, и мы попробовали около десятка разных блюд. Больше всего мне понравилась крошечная шкинская птичка, приготовленная в кисло-соленом соусе. Порция маленькая, но вкус потрясающий. За едой мы распили три бутылки вина: шкинское, которое мы уже пробовали даем, фляжку охлажденного валтаарского с Бальдура и настоящее бургундское со Старой Земли.

Беседа быстро оживилась; Валкаренья был прирожденным рассказчиком и таким же хорошим слушателем. Разумеется, в итоге разговор перешел на Шки и шкинов. Начала Лори. Она провела на планете почти полгода, готовилась к сдаче экзаменов на получение ученой степени по специальности «внеземная антропология». Лори пыталась выяснить, почему развитие шкинской цивилизации затормозилось на много тысячелетий.

— Вы же знаете, они старше нас, — говорила Лори. — Когда люди еще не умели пользоваться топором, у них уже были города. Это шкинские астронавты должны были наткнуться на первобытных людей, а не наоборот.

— Есть какие-нибудь объяснения? — спросил я.

— Да, но ни одного общепринятого, — ответила она. — Например, Каллен указывает на отсутствие тяжелых металлов. Это важно, но можно ли сказать, что в этом все дело? Фон Хэмрин утверждает, что шкинам недоставало конкуренции. На планете нет крупных плотоядных, вот вид и не выработал необходимой агрессивности. Но Хэмрина сразу раскритиковали.

На Шки вовсе не такая уж тишь да гладь, многие шкины никогда бы не достигли теперешнего уровня. Кроме того, кто такой сосун, если не плотоядное животное? Он же их ест.

— А вы сами что думаете? — спросила Лия.

— Я думаю, это как-то связано с религией, но еще не до конца выяснила как. Дино помогает мне разговаривать со шкинами, и они довольно откровенны, но исследования идут нелегко. — Она вдруг запнулась и строго посмотрела на Лию. — По крайней мерс у меня. Наверное, у вас пошло бы легче.

Мы уже это слышали. Обыкновенные часто считают, что Одаренные несправедливо пользуются преимуществом, и такая точка зрения вполне понятна. Мы действительно пользуемся преимуществом. Но Лори не возмущалась. Она говорила грустным, задумчивым тоном, в ее словах не было желания задеть.

Валкаренья наклонился вперед и одной рукой обнял ее.

— Эй! Довольно говорить о работе, — сказал он. — Роб и Лия

до завтрашнего дня не должны думать о шкинах.

Лори посмотрела на него и робко улыбнулась.

— Хорошо, — с готовностью произнесла она. — Я увлеклась. Извините.

— Все в порядке, — сказал я. — Это интересная тема. Пройдет день-другой, и, быть может, мы тоже ею загоримся.

Лия согласно кивнула и добавила, что, если наши изыскания подтвердят теорию Лори, она первая об этом узнает. Я почти не слушал. Я знаю, что невежливо читать чувства Обыкновенных, когда отдыхаешь в их компании, но порой не могу удержаться. Валкаренья обнял Лори и мягко привлек ее к себе. Мне стало интересно.

И я поспешно, испытывая чувство вины, стал читать. Валкаренья был очень весел, возможно, слегка пьян, чувствовал себя уверенно и стремился оказывать покровительство другим. Хозяин положения. Но в душе Лори смешалось множество эмоций: нерешительность, подавленный гнев, уходящий страх. И любовь, непростая, но очень сильная. Вряд ли эта девушка питала такое чувство ко мне или к Лие. Она любила Вал-каренью.

Я пошарил под столом, ища руку Лии, и нашел ее колено. Я нежно сжал его, она взглянула на меня и улыбнулась. Она не читала, это хорошо. Меня почему-то беспокоила любовь Лори к Валкаренье, и я был очень рад, что Лия не заметила моей досады.

Мы быстро допили вино, и Валкаренья оплатил счет. Потом он встал.

— Вперед! — призвал он. — Вечер хорош, и мы должны посетить достопримечательности. Никаких голографических представлений и прочей скуки, хотя театров в городе достаточно.

Следующим номером программы было казино. Не будь на Шки узаконены азартные игры, Валкаренья узаконил бы их своей властью. Он взял фишки, и я ему проиграл, и Лори тоже проиграла. Лии нельзя было играть: у нее слишком могучий Дар. Валкаренья выиграл по-крупному, он замечательный игрок в «мысленный волчок», и в традиционных играх тоже хорош.

Потом мы поехали в бар. Снова напитки плюс местные развлечения, которые оказались лучше, чем я ожидал.

Когда мы вышли, было совсем темно, и я решил, что экскурсия подходит к концу. Валкаренья удивил нас. Мы снова залезли в машину, он пошарил под пультом, вытащил коробку с отрезвляющими таблетками и передал ее нам.

— Ну здрасьте, — возмутился я. — Вы ведете машину. А мне это зачем? Я просто сел и сижу.

— Я собираюсь показать вам, Роб, настоящее шкинское зрелище, — сказал он, — И не хочу, чтобы вы делали грубые

замечания или бросались на туземцев. Возьмите таблетку.

Я взял таблетку, и гул в голове стал затихать. Валкаренья уже поднял аэромобиль в воздух. Я откинулся на спинку сиденья и обнял Лию, она положила голову мне на плечо.

— Куда летим? — спросил я.

— В город шкинов, — не оглядываясь, ответил Валкаренья, — в их Великий Чертог. Сегодня вечером там Собрание, и я подумал, что вам это будет интересно.

— Там будут говорить по-шкински, — вставила Лори, — но Дино переведет. Я тоже немного знаю язык и помогу, если он что-нибудь пропустит.

Лия была взволнована. Разумеется, мы читали о Собраниях, но не ожидали, что увидим это торжественное действо в первый же день. Собрания были религиозным обрядом, своеобразной общей исповедью паломников, желающих вступить в ряды Посвященных. Паломники ежедневно прибывали в город на холмах, но Собрания проводились только три-четыре раза в год, когда набиралось требуемое количество ожидающих инициации.

Аэромобиль почти бесшумно летел над ярко освещенным городом, над огромными, играющими десятками красок фонтанами и красивыми светящимися арками, по которым словно струился жидкий огонь. Нам встретилось еще несколько машин. Время от времени мы пролетали над гуляющими по широким аллеям пешеходами. Но большинство людей были внутри, из окон домов лился свет и доносилась музыка.

Внезапно характер местности изменился. Ровная земля теперь то шла под уклон, то вздымалась, холмы встали перед нами, потом позади, огни погасли. Широкие аллеи сменились покрытыми гравием и пылью темными дорогами, стеклянные и металлические купола, выстроенные в модном псевдо-шкинском стиле, уступили место своим кирпичным предкам.

Город шкинов спокойнее города людей, и в большинстве домов было темно и тихо.

Потом перед нами возник кирпичный пригорок больше других, почти холм, с огромной дверью-аркой и рядом узких стрельчатых окон. Из окон сочился свет, слышался шум, снаружи стояли шкины.

Я вдруг осознал, что, хотя пробыл на планете почти целый день, в первый раз вижу шкинов. С воздуха да еще ночью я не мог их хорошо рассмотреть. Но я их видел. Они меньше людей — самый высокий был ростом около пяти футов, у них большие глаза навыкате и длинные руки. Больше я ничего не мог сказать, глядя сверху.

Валкаренья посадил машину у Великого Чертога, и мы

вылезли наружу. Шкины появлялись с разных сторон и один за другим входили под арку, но большинство было уже в Чертоге. Мы встали в небольшую очередь у входа, и никто даже не обратил на нас внимания, кроме одного типа, который тонким писклявым голосом окликнул Валкаренью, назвав его «Дино». У Валкареньи даже здесь были друзья.

Мы вошли в громадный зал, посреди которого возвышался громоздкий, грубо сколоченный помост, окруженный огромной толпой шкинов. Свет шел от укрепленных вдоль стен и установленных на высоких столбах вокруг помоста факелов.

Кто-то говорил, и все большие глаза навыкате смотрели на говорящего. Кроме нашей четверки, людей в Чертоге не было.

Выступающий, ярко освещенный факелами толстый шкин средних лет, медленно двигал руками в такт словам, как будто пребывал в гипнотическом трансе. Его речь состояла из свиста, храпа и мычания, так что я не особо прислушивался. Он стоял слишком далеко, и я не мог прочитать его чувства. Оставалось только изучать его внешность и внешность шкинов, стоящих рядом. Все они были безволосы, с нежной оранжевой кожей, изборожденной мелкими морщинками. Они носили простые сорочки из грубой разноцветной ткани, и мне было трудно отличить мужчину от женщины.

Валкаренья повернулся ко мне и зашептал, стараясь не повышать голоса:

— Это крестьянин. Он рассказывает, как далеко он продвинулся и какие перенес испытания в жизни.

Я огляделся. Шепот Валкареньи был единственным звуком, нарушавшим тишину в зале. Все остальные молчали и едва дышали, устремив глаза на помост.

— Он говорит, что у него четыре брата, — продолжал Валкаренья. — Двое уже достигли Конечного Единения, один Посвященный. Еще один, младший, теперь владеет их землей — Валкаренья нахмурился. — Этот шкин больше не вернется на свою землю, — сказал он погромче, — но он рад этому.

— А что, плохой урожай? — ехидно спросила Лия.

Она тоже прислушивалась к шепоту Валкареньи. Я сурово посмотрел на нее.

Шкин продолжал говорить. Валкаренья, спотыкаясь, переводил.

— Сейчас он рассказывает о своих прегрешениях, о поступках, которых стыдится, о самых мрачных тайнах своей души. Временами он был невоздержан на язык, он тщеславен, однажды он ударил младшего брата. Теперь он говорит о своей жене и других женщинах, которых он знал. Он много раз изменял

жене и жил с другими женщинами. В юношестве он занимался скотоложством, так как боялся женщин. В последние годы он лишился мужской силы и уступил свою жену брату.

И так далее, и так далее, невероятные подробности, подробности потрясающие и пугающие. Все самое интимное выставлялось напоказ, все тайное становилось явным. Я стоял и слушал шепот Валкареньи, поначалу ошеломленный, но под конец вся эта грязь мне надоела. Я изнывал от нетерпения. Вряд ли я знал о каком-нибудь человеке хотя бы половину того, что мне стало известно об этом крупном, толстом шкине. Потом мне стало интересно, знает ли Лианна благодаря своему Дару о ком-нибудь хотя бы половину того, что мы сейчас услышали. Говорящий как будто хотел, чтобы мы все здесь и сейчас прожили вместе с ним его жизнь.

Казалось, эти излияния длятся уже много часов, но в конце концов он все же стал закругляться.

— Теперь он говорит о Единении, — шептал Валкаренья. — Он станет Посвященным, он счастлив, он столько лет этого желал. Его страдания прекратятся, его одиночество кончится скоро он будет ходить по улицам священного города и ощущать свою радость в колокольном звоне, а затем наступит Конечное Единение. Он встретится со своими братьями в загробной жизни.

— Нет, Дино, — зашептала Лори, — перестань применять к его речи человеческие понятия. Он говорит, что станет своими братьями. Фраза подразумевает, что его братья станут им.

Валкаренья улыбнулся:

— Хорошо, Лори. Если ты так считаешь…

Толстый крестьянин вдруг сошел с помоста. Толпа зашевелилась, и место крестьянина занял другой шкин: гораздо ниже ростом, весь в морщинах, на месте одного глаза у него зияла дыра. Он начал говорить, сначала запинаясь, а потом более уверенно.

— Это каменщик, он построил много куполов, он живет в священном городе. Много лет назад он упал с купола и ему в глаз вонзилась острая щепка, так он потерял глаз. Боль была очень сильна, но через год он вернулся на работу, он не просил о досрочном Единении, он был очень храбрым, он гордится своим мужеством. У него есть жена, но детей у них нет, он сожалеет об этом, ему нелегко разговаривать с женой, они далеки друг от друга, даже когда вместе, и она плачет по ночам, об этом он тоже сожалеет, но он никогда ее не обижал и…

И опять это продолжалось часами. Во мне снова проснулось нетерпение, но я подавил его, потому что происходящее было очень важно. Я постарался сосредоточиться на словах Валкареньи

и истории одноглазого шкина. Скоро я уже принимал ее так же близко к сердцу, как и окружавшие меня инопланетяне. Было жарко и душно, в куполе не хватало воздуха, моя куртка запачкалась и промокла — не только от моего пота, но и от пота тесно прижатых ко мне соседей. Но я не замечал этого.

Второй выступающий закончил свою речь тем же, что и первый: он долго восхвалял радость Посвящения и приближающееся Конечное Единение. Под конец мне уже почти не нужен был перевод Валкареньи, счастье слышалось в голосе шкина, сквозило в его дрожащей фигуре. А может, я безотчетно читал его чувства. Но я не могу читать на таком расстоянии, разве что душевное волнение объекта очень уж велико.

На помост взошел третий, он говорил громче других. Валкаренья не отставал.

— Это женщина. Она родила своему мужу восьмерых детей, у нее четыре сестры и три брата, всю жизнь она трудилась на земле, она…

Внезапно ее речь оборвалась — в конце длинного монолога она несколько раз резко свистнула. И умолкла. Все присутствующие как один засвистели в ответ. Великий Чертог наполнился жутковатым эхом, все шкины вокруг нас стали раскачиваться из стороны в сторону и свистеть. Женщина наблюдала за происходящим, приняв скорбную согбенную позу. Валкаренья начал переводить, но на чем-то споткнулся. Лори подхватила повествование.

— Женщина рассказала им о великой трагедии, — прошептала Лори. — Они свистят, чтобы выразить свое горе, показать, что они разделяют ее боль.

— Да, они выражают сочувствие, — снова заговорил Валкаренья. — Когда она была молода, заболел ее брат, и казалось, состояние его ухудшалось день ото дня. Родители велели ей отвезти брата на священные холмы, но она ехала неосторожно, и колесо телеги сломалось, и ее брат умер на равнине. Он умер, не обретя Единения. Она винит в этом себя.

Женщина снова начала рассказ. Приблизив к нам лицо, Лори переводила еле слышным шепотом.

— Она опять говорит, что ее брат умер. Она подвела его, лишила его Единения, теперь он оторван от всех и одинок, и не ушел… не ушел…

— В загробную жизнь, — сказал Валкаренья, — Не ушел в загробную жизнь.

— Я не уверена, что это правильно, — проговорила Лори. — Это понятие…

Валкаренья прижал палец к губам.

— Слушай! — сказал он. И стал переводить дальше.

Женщина говорила дольше других, и ее история была самой мрачной. Но Валкаренья положил руку мне на плечо, а другой махнул в направлении выхода.

Прохладный ночной воздух словно окатил меня ледяной водой, и я вдруг понял, что до нитки промок от пота. Валкаренья быстро зашагал к аэромобилю. Позади нас продолжалось Собрание — шкины, казалось, не знали усталости.

— Собрания длятся несколько дней, иногда недель, — сказала Лори, когда мы забрались в машину. — Шкины сменяют друг друга (они стараются не пропустить ни слова, но утомление рано или поздно берет свое, и они ненадолго уходят отдохнуть, а потом возвращаются). Большая доблесть простоять все Собрание без сна.

Валкаренья сразил нас наповал.

— Когда-нибудь я это попробую сделать, — сказал он, — Я никогда не выдерживал больше нескольких часов, но, думаю, если накачать себя лекарствами, можно выдержать. Наше участие в обрядах шкинов будет способствовать большему взаимопониманию между ними и людьми.

— Да? Возможно, Густаффсон думал так же, — предположил я.

Валкаренья беспечно засмеялся.

— Ну, я не собираюсь участвовать таким образом.

Мы летели домой в сонном молчании. Я потерял счет времени, но мое уставшее тело говорило, что скоро уже рассвет. Лия прижалась ко мне и свернулась калачиком, вид у нее был измученный и опустошенный, она дремала. Я тоже.

Мы вышли из аэромобиля и поднялись в лифте. Я ничего не соображал. Забытье пришло быстро, очень быстро.

В ту ночь мне снился сон. Кажется, хороший сон, но с наступлением утра он исчез, оставив лишь пустоту и ощущение утраты. Проснувшись, я долго лежал, уставясь в потолок и одной рукой обнимая Лию, и пытался вспомнить свой сон. Но ничего не вспомнил.

Вместо сна я припомнил Собрание и снова перебрал в памяти все подробности. Наконец я высвободил руку и встал с постели. Ночью мы затемнили стекло, и в комнате все еще стоял мрак. Но я легко нашел нужные кнопки и впустил струйку утреннего света.

Лия спросонок стала невнятно возмущаться и повернулась на другой бок, явно не желая вставать. Я оставил ее в спальне и пошел в библиотеку поискать книгу о шкинах, что-нибудь более обстоятельное, чем присланный нам материал. Мне не повезло. Библиотека предназначалась для развлечения, а не для работы.

Я нашел видеоэкран и нажал кнопку кабинета Валкареньи. Ответил Гурли.

— Привет, — сказал он. — Дино так и думал, что вы позвоните. Его сейчас здесь нет. Он выступает третейским судьей в споре о торговом соглашении. Что вы хотите?

— Мне нужны книги, — все еще сонным голосом произнес я. — Что-нибудь о шкинах.

— Ничем не могу помочь, — ответил Гурли. — Их нет. Множество статей, исследований и монографий, но ни одной исчерпывающей книги. Я собираюсь написать такую, но еще не приступал к работе. Вот Дино и решил, что я смогу заменить вам справочник.

— Да?

— Какие у вас вопросы?

Я попытался сформулировать вопрос, но не смог.

— Ничего особенного, — пожимая плечами, сказал я. — Просто я хотел получить общие представления, ну, может, побольше о Собраниях…

— Мы можем поговорить об этом позже, — сказал Гурли. — Дино решил, что вы захотите начать сегодня работу. Если пожелаете, мы пригласим нужных людей в Башню. Или вы сами пойдете к ним?

— Мы пойдем сами, — быстро ответил я.

Когда людей приглашают для беседы, это все портит. Они начинают волноваться, и это волнение перекрывает все интересующие меня эмоции; мысли при этом тоже текут по-другому, создавая трудности для Лианны.

— Прекрасно, — одобрил Гурли. — Дино оставил вам аэромобиль. Спуститесь в вестибюль, и вы увидите его. Вам также дадут ключи, чтобы вы могли пройти прямо сюда, в кабинет, не теряя времени на разговоры с секретарями и прочие формальности.

— Спасибо, — сказал я, — Поговорим позже. — Я выключил видеоэкран и пошел обратно в спальню.

Лия сидела в постели, простыня закрывала ее до пояса. Я сел рядом и поцеловал ее. Она улыбнулась, но не ответила.

— Эй! Что случилось? — спросил я.

— Голова болит, — сказала Лия. — Я думала, отрезвляющие таблетки избавляют и от похмелья.

— Так и должно быть. Моя подействовала очень хорошо. — Я подошел к стенному шкафу, решая, что бы надеть. — У нас здесь должны быть таблетки от головной боли. Не сомневаюсь, что Дино не забыл снабдить нас всем необходимым.

— Гм! Да. Брось мне какую-нибудь одежду.

Я вытащил один из ее комбинезонов и кинул его через всю комнату.

Пока я одевался, Лия кое-как натянула комбинезон и побрела в ванную.

— Вот это уже лучше, — сказала она. — Ты прав, Дино не забыл о лекарствах.

— Он все делает основательно.

Лия улыбнулась.

— Но Лори знает язык лучше. Я читала ее мысли. Дино сделал несколько ошибок в переводе.

Я так и думал. Это ни в коей мере не подрывало авторитет Валкареньи, ведь из их слов следовало, что в распоряжении Лори было лишних четыре месяца. Я кивнул.

— Еще что-нибудь вычитала?

— Нет. Я пыталась прощупать выступающих, но расстояние было слишком велико. — Она подошла и взяла меня за руку. — Куда отправимся сегодня?

— В город шкинов, — ответил я. — Давай поищем кого-нибудь из этих… Посвященных. На Собрании я никого не заметил.

— И я. Эти Собрания для шкинов, которые только хотят стать Посвященными.

— Да, так говорят. Пошли.

Мы вышли. Остановились на четвертом этаже позавтракать в закусочной, потом служащий в вестибюле показал нам наш аэромобиль. Зеленая четырехместная быстроходная машина, самая обыкновенная, самая неприметная.

Можно было сразу полететь в город шкинов, но я подумал, что мы лучше почувствуем общее настроение, если пройдемся пешком. Поэтому я посадил аэромобиль за первой же грядой холмов, и мы пошли.

Город людей казался почти пустым, а город шкинов жил своей жизнью. Шкины спешили по покрытым гравием улицам, деловито сновали туда-сюда с грузом кирпичей, с корзинами, наполненными фруктами и одеждой. И повсюду были дети, бегавшие большей частью голышом; эти неугомонные оранжевые мячики прыгали вокруг нас, свистели, фыркали, ухмылялись и время от времени дергали нас за одежду. Дети выглядели не так, как взрослые. Несколько клочков рыжеватых волос, кожа гладкая, без морщинок. Только дети и обращали на нас внимание. Взрослые шкины торопились по своим делам и одаряли нас случайными дружелюбными улыбками. Было ясно, что люди не такие уж редкие гости на улицах города.

Жители города передвигались в основном пешком, но

встречались также небольшие деревянные повозки. Шкинскос тягловое животное похоже на большую зеленую собаку явно больного вида. Их запрягают парами, они тянут повозку и не переставая жалобно хнычут. Неудивительно, что люди прозвали их нытиками. Вдобавок они постоянно испражняются. Эта вонь, смешанная с запахом продаваемой вразнос из корзин пищи и запахом самих шкинов, придает городскому воздуху резкий «аромат».

Вдобавок на улицах стоял несмолкаемый гам. Дети свистели, взрослые шкины громко беседовали друг с другом, издавая мычание, завывания и писк; нытики скулили; повозки, дребезжа, катились по гравию. Мы с Лией шли молча рука об руку, приглядываясь, прислушиваясь, принюхиваясь и… читая.

Я вошел в город шкинов и раскрылся им навстречу, я пропускал через себя все, не сосредоточиваясь на чем-то одном. Я был в водовороте эмоций: шкины приближались — и их чувства накатывали на меня; проходили мимо — и чувства исчезали вдали. Чувства захлестывали меня со всех сторон вместе с кружившимися детьми. Я плавал в море впечатлений. И они потрясли меня.

Они потрясли меня потому, что все было так знакомо. Я и раньше читал чувства других существ. Иногда с трудом, иногда с легкостью, но всегда это было неприятно. У хранганцев озлобленные души, полные ненависти и горечи, и когда я заканчиваю чтение, то чувствую какое-то отвращение. Чувства финдайи настолько слабы, что я едва могу их прочитать. Да-муши… совсем другие. Они испытывают сильные переживания, но я не знаю названий для их эмоций.

А шкины… я как будто гулял по улице на Бальдуре. Нет, это больше похоже на одну из Затерянных Колоний, человеческое население которых опустилось до варварства и забыло о своем происхождении. Там кипят человеческие страсти, первобытные и неподдельные, но не такие утонченные, как на Старой Земле или на Бальдуре. То же и у шкинов: возможно, они примитивны, но так понятны. Я ощущал их радость и печаль, зависть и гнев, тоску и боль. Ту же опьяняющую смесь, которая вливается в меня везде, где я открываю ей свое сердце.

Лия тоже читала. Я чувствовал, как напряглась ее рука, лежавшая в моей. Потом рука снова расслабилась. Я повернулся к Лие, и она увидела в моих глазах вопрос.

— Они люди, — сказала она. — Они как мы.

Я кивнул.

— Вероятно, параллельная эволюция. Шки — это что-то вроде древнего подобия Земли с некоторыми мелкими различиями. Но

ты права. Они больше похожи на людей, чем все остальные существа, которых мы встречали в космосе. — Я обдумал это соображение. — Это ответ на вопрос Дино? Если они похожи на нас, следовательно, их религия более привлекательна для людей, чем по-настоящему чуждые верования.

— Нет, Роб, — сказала Лия. — Я так не думаю. Наоборот. Если они похожи на нас, неясно, почему они так охотно идут умирать. Понимаешь?

Конечно, она была права. В прочитанных мною эмоциях не было склонности к самоубийству, не было психической неуравновешенности, не было ничего ненормального. Однако каждый шкин приходит к Конечному Единению.

— Надо сосредоточиться на ком-нибудь одном, — предложил я. — Этот поток мыслей и чувств никуда не приведет.

Я огляделся в поисках подходящего объекта, но тут раздался звон колокольчиков.

Они звенели где-то слева от нас, их звук почти растворялся в общем городском шуме. Я потянул Лию за руку, мы побежали по улице и нырнули в первый же просвет между куполами.

Колокольчики были все еще впереди, и, срезав угол, мы пробежали через чей-то двор и перелезли через низкую зеленую изгородь. За ней оказались еще один двор, выгребная яма, еще купола и, наконец, улица. Там мы нашли тех, кто звонил в колокольчики.

Их было четверо, все Посвященные, в длинных одеяниях из ярко-красной ткани, волочившихся по пыльной дороге. В каждой руке эти шкины держали по большому бронзовому колокольчику. Посвященные непрестанно звонили, размахивая длинными руками, и резкие, лязгающие звуки заполняли улицу. Все четверо были пожилые и, как все шкины, безволосые и покрытые множеством мелких морщинок. Они очень широко улыбались, и проходящие мимо шкины помоложе улыбались им в ответ.

На головах у Посвященных сидели сосуны.

Я ожидал увидеть нечто отвратительное. Но нет. Зрелище слегка тревожило меня, но потому только, что я понимал его значение. Паразиты напоминали яркие шарики малинового желе размером от родинки, пульсирующей на затылке одного из шкинов, до огромной липкой шевелящейся подушки, которая покрывала голову и плечи самого маленького, как живой капюшон. Сосун живет, потребляя питательные вещества, содержащиеся в крови шкинов.

И медленно, очень медленно поглощая своего Посвященного.

Мы с Лией остановились в нескольких шагах от них и стали смотреть, как они звонят. У Лии было серьезное лицо, у меня,

наверное, тоже. Все остальные улыбались, и колокольчики вызванивали песнь радости. Я крепко сжал руку Лии.

— Читай, — прошептал я.

Мы начали читать.

Я читал колокольчики. Не звон, нет, а ощущение колоколов, переживание колоколов, светлую, звенящую радость, гулкую, заливисто-серебристую звучность, песнь Посвященных, единство душ, при котором все сливаются в одно. Я переживал то, что чувствуют Посвященные, когда звонят в колокольчики, их счастье и ожидание, восторг, с которым они шумно сообщают всем о своей удовлетворенности. Я ощущал идущие от них огромные горячие волны любви, страстной, плотской любви, одновременно мужской и женской; это была не слабая, разжиженная эмоция человека, любящего своих близких. Это была настоящая жаркая любовь, она пылала и зажигала меня, подступая к самому сердцу. Они любили себя, они любили всех шкинов, они любили сосуна, они любили друг друга, они любили нас. Они любили нас. Они любили меня так же горячо и безоглядно, как Лия. И вместе с любовью я почувствовал их преданность и близость друг другу. Каждый из четверых был личностью, каждый отличался от других, но они думали как одно существо, и были преданы сосуну, и были все вместе и едины, хотя каждый оставался собой и никто из них не мог прочитать чувства других так, как их читал я.

А Лианна? Я отстранился от Посвященных, отключился от них и посмотрел на Лию. Она была бледна, но улыбалась.

— Они прекрасны, — тихим, нежным и удивленным голосом сказала Лия.

Я впитал всю излившуюся на меня любовь, но по-прежнему помнил, что люблю именно ее, что я часть ее, а она часть меня.

— Что… что ты прочла? — перекрикивая колокольный звон, спросил я.

Она помотала головой, будто стараясь прояснить свои мысли.

— Они любят нас, — ответила она. — Ты должен об этом знать, но я ощутила сама, как они любят нас. Это чувство такое глубокое. За этой любовью только любовь, а за ней еще — и так до самого конца. Их мысли тоже глубоки, и они не пытаются их скрыть. Мне кажется, я никогда не могла настолько полно прочитать мысли человека. Все выходит на поверхность сразу же, вся их жизнь, все их мечты, чувства, воспоминания, я только ловила все это, подхватывала при помощи чтения, взгляда. С людьми, с человеческими существами это так трудно. Из них нужно выуживать, с ними нужно бороться, но и тогда я не могу проникнуть очень глубоко. Ты знаешь, Роб, ты же знаешь. Ах, Роб!

Она повернулась и крепко прижалась ко мне, и я задержал ее в своих объятиях. Нахлынувший на меня поток чувств, похоже, захлестнул и ее. Дар Лии крупнее и глубже моего, и сейчас она была потрясена. Когда она прильнула ко мне, я прочитал ее чувства, я ощутил любовь, сильную любовь, и изумление, и счастье, а еще страх, пронизывающие ее страх и ее тревогу.

Звон вокруг нас вдруг прекратился. Колокольчики один за другим перестали раскачиваться, и четверо Посвященных на мгновение застыли в молчании. Один из стоящих неподалеку шкинов подошел к ним с огромной, прикрытой тряпкой корзиной. Маленький Посвященный поднял тряпку, и на улицу хлынул аромат горячих пирожков с мясом. Каждый Посвященный взял из корзины по нескольку пирожков, и скоро все они радостно закусывали, а продавец улыбался им во весь рот. Маленькая голая шкинская девочка подбежала к Посвященным и предложила фляжку с водой, они молча пустили ее по кругу.

— Что происходит? — спросил я Лию.

И прежде чем она ответила, я вспомнил. Это было в справке, которую прислал нам Валкаренья. Посвященные не работали. Сорок земных лет они жили как все и трудились в поте лица, но начиная с Посвящения и до Конечного Единения в их жизни были только радость и музыка, они бродили по улицам, звонили в колокольчики, разговаривали и пели, а другие шкины кормили и поили их. Накормить Посвященного было большой честью, и шкин, который дал им пирожки с мясом, сиял от гордости и удовольствия.

— Лия, а теперь ты можешь прочитать их мысли? — прошептал я.

Она кивнула, уткнувшись подбородком мне в грудь, потом отодвинулась и устремила глаза на Посвященных, взгляд ее стал упорным и сверлящим, но потом снова смягчился. Она обернулась ко мне.

— Сейчас по-другому, — с удивлением сказала она.

— Как?

Она прищурилась в замешательстве.

— Не знаю. Они по-прежнему любят нас и всех. Но теперь их мысли… ну, более земные. Знаешь, в мозгу как будто ступеньки, и спускаться по ним нелегко. Посвященные сейчас что-то прячут, прячут даже от самих себя. Они не так открыты, как раньше. Они думают о еде, какая она вкусная. Это очень ярко выражено. Я словно сама попробовала эти пирожки. Но до сих пор было не так.

Меня вдруг осенило.

— Сколько здесь мыслящих существ?

— Четыре, — ответила Лия. — Они как-то связаны. Но непрочно, — Она смущенно замолчала и покачала головой, — Я хочу сказать, что они неясно чувствуют эмоции друг друга. Но не мысли, не такие тонкости. Я могу читать их мысли, а они не могут читать мысли друг друга. Каждый из них сам по себе. Раньше, когда они звонили в колокольчики, они были более близки, но индивидуальности не теряли.

Я был слегка разочарован.

— Четыре мыслящих существа, не одно?

— Гм… да. Четыре.

— А сосун?

Еще одна гениальная идея. Если сосун мыслит самостоятельно…

— Ничего, — сказала Лия. — Как растение или кусок ткани. Нет даже ощущения «да, я живу».

Это меня встревожило. Даже у низших животных есть смутное осознание собственного бытия, ощущение, которое Одаренные называют «да, я живу», обычно это только слабый проблеск, и чтобы его заметить, нужен большой Дар. Но у Лии как раз большой Дар.

— Давай поговорим с ними, — предложил я.

Она кивнула, и мы подошли к жующим пирожки Посвященным.

— Здравствуйте, — не зная, как к ним обращаться, робко проговорил я. — Вы говорите на языке Земли?

Трое смотрели на нас с непонимающим видом. Но четвертый, маленький, чей сосун напоминал подрагивающий красный капюшон, замотал головой вверх и вниз.

— Да, — тонким писклявым голосом ответил он.

Я вдруг забыл, что хотел спросить, но Лианна пришла мне на помощь.

— Вы знаете Посвященных людей? — спросила она.

Шкин осклабился.

— Все Посвященные едины, — сказал он.

— Ну да, конечно, но, может, вы знаете кого-нибудь, кто похож на нас? — спросил я. — Высокие, на голове волосы, кожа розовая или темная.

Я снова замешкался, теряясь в догадках, насколько этот старый шкин знает язык Земли, и с легким испугом наблюдая за его сосуном.

Он замотал головой.

— Все Посвященные разные, но все едины, все одно целое. Некоторые похожи на вас. Вы хотите стать Посвященным?

— Нет, спасибо, — ответил я. — Где мне найти Посвященного

человека?

Он снова замотал головой.

— Посвященные поют, звонят и гуляют по улицам священного города.

Лия читала его мысли.

— Он не знает, — сказала она. — Посвященные просто бродят и звонят в колокольчики. Они не придерживаются определенного маршрута, у них нет цели. Они идут куда глаза глядят. Одни путешествуют с собратьями, другие в одиночку; если встречаются две компании, образуется новая группа.

— Придется искать, — решил я.

— Ешьте, — предложил шкин.

Он порылся в корзине и вытащил два дымящихся пирожка с мясом. Один он сунул мне в руку, другой протянул Лии.

Я недоверчиво посмотрел на пирожок.

— Спасибо.

Свободной рукой я потянул Лию за рукав, и мы пошли прочь. Посвященные улыбнулись нам на прощание, и, прежде чем мы дошли до середины улицы, снова раздался колокольный звон.

Я все еще держал в руке пирожок, корочка жгла мне пальцы.

— Можно это есть? — спросил я Лию.

Она откусила кусочек от своего.

— А почему нельзя? Мы ведь вчера вечером ели их в ресторане. Я уверена, что если бы местной пищей можно было отравиться, Валкаренья бы предупредил нас.

Логично. Я поднес пирожок ко рту и откусил на ходу. Он был горячий и свежий и совсем не такой, как пирожки с мясом, которые мы ели накануне вечером. В ресторане нам подавали золотистые слойки, в меру приправленные апельсиновым соусом с Бальдура. Шкинский пирожок хрустел на зубах, с мяса, обжигая рот, стекал жир. Но пирожок был вкусный, а я проголодался, и скоро от него ничего не осталось.

— Узнала еще что-нибудь, когда читала мысли этого маленького? — с набитым ртом спросил я.

Она проглотила кусок и кивнула.

— Да. Он счастлив даже больше, чем остальные. Он старше их. Он близок к Конечному Единению, для него это очень волнующее событие.

Она говорила в своей обычной беспечной манере. Чтение мыслей Посвященных, казалось, не оставляло последствий.

— Но почему? — размышлял я вслух. — Он готовится умереть. Почему он так счастлив?

Лия пожала плечами.

— К сожалению, у него не очень аналитический ум.

Я слизнул с пальцев оставшийся на них жир. Мы стояли на перекрестке, вокруг нас во всех напраштениях шныряли шки-ны, и ветер снова донес звон колокольчиков.

— Еще Посвященные, — сказал я. — Хочешь, пойдем к ним?

— А что мы выясним? Мы уже все знаем. Нам нужен Посвященный человек.

— Может, один из этой компании окажется человеком.

Я поймал уничтожающий взгляд Лии.

— Ха. Вероятность почти равна нулю.

— Ну хорошо, — уступил я. Близился вечер. — Наверно, лучше вернуться назад. А завтра рано утром начнем снова. К тому же Дино, видимо, ждет нас к обеду.

На этот раз обед подали в кабинете Валкареньи, куда предварительно внесли кое-какую дополнительную мебель. Квартира Валкареньи была этажом ниже, но он предпочитал развлекать гостей наверху, откуда открывался живописный вид.

Нас было пятеро: мы с Лией, Валкаренья с Лори и Гурли. Лори готовила под руководством шеф-повара Валкареньи. Мы ели бифштексы (на Шки выращивают скот, вывезенный со Старой Земли) и восхитительный вегетарианский салат из земляных орехов с Бальдура, шкинских сладких рожков и грибов со Старой Земли. Дино любил экспериментировать, и это блюдо было одним из его изобретений.

Мы с Лией доложили о своих приключениях; наш рассказ прерывался только острыми, пытливыми вопросами Валкареньи. После обеда мы убрали столы и посуду и продолжили беседу за бутылкой валтаарского. Теперь задавали вопросы мы с Лией, а Гурли удовлетворял наше любопытство. Валкаренья сидел на полу на мягкой подстилке, одной рукой обнимая Лори, а в другой держа бокал с вином. Он сказал, что мы не первые Одаренные, посетившие планету Шки. И не первые утверждаем, что шкины похожи на людей.

— Может, это о чем-нибудь говорит, — сказал он. — Не знаю. Но все-таки они не люди. Нет, господа. Во-первых, они гораздо общительнее. Испокон веков они строили поселения. Они всегда в городах, всегда в окружении себе подобных. Потом, у них больше развит дух коллективизма. Все делают сообща и любят всем делиться и все делить. Торговлю, например, они рассматривают как совместное владение товарами. — Валкаренья рассмеялся. — Именно так. Я провел целый день, пытаясь разработать торговое соглашение с группой крестьян, которые раньше никогда не имели с нами дела. Поверьте мне, это нелегко. Они всегда готовы дать нам столько товаров, сколько мы просим, если эти товары

им не нужны и они уже не пообещали их кому-нибудь другому. Но за это хотят получить в будущем все, что им понадобится. Иного они не ждут. Итак, каждый раз мы встаем перед выбором: либо дать им карт-бланш, либо проводить бесконтрольные переговоры, в результате которых они убедятся, что мы законченные эгоисты.

Лии этого было недостаточно.

— А как насчет секса? — спросила она. — Из того, что вы переводили вчера вечером, у меня сложилось впечатление, что шкины моногамны.

— Отношения полов весьма запутанны, — ответил Гурли. — это очень странно. Понимаете, ведь секс подразумевает общение, а общаться надо со всеми. Но общение должно быть искренним и содержательным. И тут возникают трудности.

Лори внезапно проявила интерес.

— Я изучала эту тему, — быстро проговорила она. — Согласно морали шкинов, любить надо всех. Но они не могут так жить, они слишком похожи на людей, у них слишком развито чувство собственности. Они пришли к моногамии, потому что их культурная традиция по-настоящему глубокое сексуальное общение с одним существом ставит выше миллиона бездумных плотских связей. Идеал шкина — делить любовь со всеми, при этом все связи должны быть одинаково прочны, но этот идеал недостижим.

Я нахмурился.

— Но, кажется, вчера кто-то повинился в том, что изменял своей жене?

Лори энергично кивнула.

— Да, но его вина заключалась в том, что связи с другими женщинами обеднили его общение с женой. Вот это и есть измена. Если бы он продолжал любить только свою жену, но жил с другими женщинами, сексуальные отношения с ними не имели бы смысла. А если бы он одинаково сильно любил всех своих женщин, включая жену, ему была бы честь и хвала. Жена бы гордилась им. Шкин стремится создать гармоничный союз со многими партнерами.

— И один из самых тяжких грехов для шкина — оставить близкого человека в одиночестве, — сказал Гурли, — В эмоциональном одиночестве. Лишить общения.

Я переваривал эти сведения, а Гурли продолжал:

— На планете низкая преступность. Никаких преступлений против личности. Долгая бессобытийная история без убийств, потасовок, без тюрем и войн.

— На целый народ ни одного убийцы, — сказал

Валкаренья. — Это что-нибудь да значит. На Старой Земле были культуры типа шкинской, и высокий процент самоубийств там часто сочетался с низким процентом убийств. А у шкинов самоубийством кончают сто процентов.

— Они убивают животных, — заявил я.

— Животные не подлежал Единению, — ответил Гурли. — Единение охватывает всех мыслящих существ, и их не разрешается убивать. Они не убивают друг друга, не убивают людей, не убивают сосуна.

Лия посмотрела на меня, потом на Гурли.

— Сосуны не разумные существа, — сказала она. — Сегодня утром я пыталась прочитать их мысли, но ничего не получилось, мысли были только у шкинов, на которых эти сосуны паразитировали. У сосунов нет даже осознания собственного бытия.

— Да, мы знаем, и это всегда озадачивало меня, — вставая, сказал Валкаренья. Он прошел к бару, вытащил еще одну бутылку вина и наполнил наши бокалы. — Настоящие безмозглые паразиты, и такой умный народ, как шкины, позволяет им себя поработить. Почему?

Новое вино, вкусное и освежающее, приятно холодило горло. Я пил и кивал головой, вспоминая захлестнувшую нас днем волну восторга.

— Наркотики, — задумчиво произнес я, — Очевидно, сосун выделяет органическое наркотическое вещество, вызывающее эйфорию. Шкины охотно поддаются этому наркотику и умирают счастливыми. Их радость совершенно неподдельна, поверьте мне. Мы чувствовали ее.

На лице Лии было сомнение, Гурли отрицательно замотал головой.

— Нет, Роб. Не так. Мы проводили опыты с сосуном, и…

Видимо, он заметил, как брови у меня поползли вверх.

И замолчал.

— Как к этому отнеслись шкины? — спросил я.

— Мы им не говорили. Им бы это не понравилось, совсем не понравилось, сосун — просто животное, но он их божество. Вы же знаете, нельзя шутить с божеством. Долгое время мы не решались, но когда Густаффсон перешел в их веру, надо было сообщить старине Стюарту. Он отдал приказ. Однако мы ничего не добились. Мы не обнаружили никаких наркотических веществ, вообще никаких выделений. В сущности, шкины — единственные существа на планете, которые так легко подпадают под власть сосуна. Мы поймали нытика, связали и посадили кровопийцу ему на голову. Потом через несколько часов веревки сняли. Чертов

нытик был в бешенстве он визжал, вопил и бил сидящего у него на голове сосуна. Чуть не разорвал когтями в клочья кожу на голове, пока не сбросил его.

— Может, только шкины так восприимчивы? — спросил я. Слабая попытка выпутаться.

— Да нет, — криво улыбаясь, сказал Валкаренья. — Еще мы.

В лифте Лия была необычайно молчалива, почти замкнута. Я решил, что она обдумывает последний разговор. Но как только за нами захлопнулась дверь номера, она повернулась и крепко обняла меня.

Слегка испуганный этим объятием, я поднял руку и стал гладить ее мягкие каштановые волосы.

— Эй, что случилось? — пробормотал я.

И снова передо мной оказалась женщина-вампир, большеглазая и хрупкая.

— Возьми меня, Роб, — с внезапной настойчивостью нежно проговорила она, — Пожалуйста. Возьми прямо сейчас.

Я улыбнулся, но это была недоуменная улыбка, совсем не та похотливая ухмылка, которую я обычно приберегал для спальни. Когда Лия возбуждалась, она становилась озорной и проказливой, но сейчас вид у нее был встревоженный и незащищенный. Я ничего не понимал.

Но времени на вопросы не было, и я не стал их задавать. Я просто молча привлек ее к себе и стал целовать, и мы пошли в спальню.

И мы любили друг друга, любили по-настоящему, так, как не дано беднягам Обыкновенным. Наши тела слились, и я почувствовал, как Лия напряглась и стала читать мои мысли. Она отдавалась мне, а я открывал ей свою душу, и меня заливало идущим от нее потоком любви, беспомощности и страха.

Потом все кончилось. Так же внезапно, как началось. Наслаждение Лии обдало меня мощной горячей волной, и мы вместе вознеслись на гребень этой волны. Лия крепко вцепилась в меня, ее глаза сузились, она, казалось, впитывала любовь.

И вот мы лежали в темноте, и звезды Шки светили нам в окно. Лия свернулась калачиком, припав головой к моей груди, и я ласкал ее.

— Было хорошо, — улыбаясь в звездную ночь, мечтательным, сонным голосом произнес я.

— Да, — ответила Лия. Она говорила робко и тихо, так тихо, что я едва слышал. — Я люблю тебя, Роб, — прошептала она.

— Ага. И я люблю тебя, — сказал я.

Она высвободилась, слегка отстранилась, подложила руку

под голову и, улыбаясь, стала смотреть на меня.

— Да, любишь, — подтвердила она. — Я прочла это. Я знаю. И ты знаешь, как я люблю тебя, правда?

Я тоже улыбнулся и кивнул.

— Конечно.

— Знаешь, нам повезло. У Обыкновенных есть только слова. Бедные они, несчастные. Как можно общаться только при помощи слов? Как можно знать? Они всегда врозь, они пытаются дотянуться друг до друга и не могут. Даже когда они занимаются любовью, даже в высший миг наслаждения они разделены. Они, наверно, ужасно одиноки.

В ее словах слышалась какая-то… тревога. Я смотрел на Лию, в ее ясные, счастливые глаза и думал об этом.

— Возможно, — наконец произнес я. — Но для них это не так уж плохо. Они не знают, что бывает по-другому. И они тоже стараются любить. Иногда им удается преодолеть барьер.

— «Лишь только голос и прикосновенье, и снова — темнота»[11],— грустным, нежным голосом процитировала Лия. — Мы счастливы, ведь так? Мы не обделены.

— Мы счастливы, — подтвердил я.

И попытался прочитать ее чувства. Удовлетворение смешалось в ее душе со следами задумчивости, тоски и одиночества. Но было что-то еще, в глубине, почти исчезнувшее, но все-таки смутно определимое.

Я медленно сел в постели.

— Эй! Ты чем-то обеспокоена, — сказал я. — И перед тем как мы вернулись домой, ты была испугана. Что случилось?

— Не знаю, — ответила она. В ее голосе было недоумение, и она действительно недоумевала, я прочитал, — Я была испугана, но не знаю почему. Наверно, из-за Посвященных. Я все время думаю, как сильно они любили меня. Они даже не знали меня, а любили так сильно и понимали, это почти как у нас с тобой. Это… я не знаю. Это меня встревожило. Я не думала, что кто-то, кроме тебя, будет меня так любить. И они были так близки друг другу и мне, настолько вместе. Мы с тобой держались за руки и разговаривали, и мне стало немного одиноко, я бы хотела, чтобы мы с тобой были так же близки. После того как они делились со мной частью своей души, одиночество показалось мне пустотой. И я испугалась. Понимаешь?

— Да, — легко прикасаясь к ней рукой и сознанием, ответил я. — Понимаю. Мы понимаем друг друга. Мы вместе, почти как они. Обыкновенные не могут об этом и мечтать.

Лия кивнула, улыбнулась и прижалась ко мне. Мы заснули, обнимая друг друга.

Я опять видел сон. И опять на рассвете он исчез. Это вызвало у меня досаду. Сон был приятный и радостный. Я хотел его вернуть, но не мог ничего вспомнить. Наша спальня, залитая резким светом дня, казалась убогой по сравнению с яркими красками моего забытого видения.

Лия проснулась после меня — и снова с головной болью. На этот раз она держала таблетки под рукой, на тумбочке у кровати. Она скорчила рожицу и приняла таблетку.

— Это, должно быть, от шкинского вина, — предположил я. — Что-то в нем нарушает твой обмен веществ.

Она натянула чистый комбинезон и сердито посмотрела на меня.

— Ха. Мы ведь вчера пили валтаарское, помнишь? Отец угостил меня первым стаканом валтаарского, когда мне было девять лет. У меня от него никогда не болела голова.

— От первого стакана, — улыбаясь, проговорил я.

— Не смешно, — сказала Лия. — Голова болит.

Я перестал дурачиться и стал читать ее чувства. Она говорила правду. Голова болела. Лоб просто гудел. Чтобы боль не передалась мне, я быстро прекратил чтение.

— Ладно. Извини, — сказал я, — Таблетки тебе помогут. Однако нас ждет работа.

Лия кивнула. Она никогда не отлынивала от работы.

Второй день был днем охоты на людей. Мы вышли из квартиры гораздо раньше вчерашнего, быстро позавтракали с Гурли и около Башни сели в аэромобиль. На этот раз мы не стали приземляться возле города шкинов. Мы искали Посвященного человека, и, чтобы его найти, пришлось обследовать большое пространство. Я никогда не видел такого огромного города, по крайней мере по площади; тысяча с небольшим новообращенных людей затерялись в нем среди миллионов шкинов. И только половина из этой тысячи были Посвященными.

Итак, мы держались невысоко над городом и, как на «американских горках», то взлетали, то снижались над покрывающими холмы куполами, вызывая переполох на улицах. Конечно, шкинам приходилось и раньше видеть аэромобили, но они все еще были в новинку, особенно для детей, которые бежали за нами всякий раз, когда мы проносились мимо. Мы также напугали нытика, и он перевернул свою повозку с фруктами. Я почувствовал себя виноватым, и после этого мы летали на большой высоте.

Посвященные были везде, они пели, ели, гуляли и звонили в колокольчики, в неизменные бронзовые колокольчики. Но в

первые три часа мы видели только Посвященных шкинов. Мы с Лией по очереди вели машину и наблюдали. После треволнений предыдущего дня поиски показались нам скучными и утомительными.

Наконец мы кое-что нашли: большую — с десяток — группу Посвященных, сгрудившихся у повозки с хлебом за одним из крутых холмов. Двое Посвященных были выше остальных.

Мы посадили аэромобиль на другой стороне холма и двинулись им навстречу, оставив машину, окруженную толпой шкинских ребятишек. Когда мы подошли, Посвященные все еще ели. Восемь из них были шкинами разного роста и оттенка кожи, на их голых черепах плясали сосуны. Двое были людьми.

Они носили такие же длинные красные одеяния, как шкины, и держали в руках такие же колокольчики. Один из них был высоким мужчиной с дряблой, висящей складками кожей казалось, он недавно очень похудел. Седые вьющиеся волосы, широкая улыбка, морщинки вокруг смеющихся глаз. Второй — худой, смуглый, похожий на хорька, с большим крючковатым носом.

У обоих на головах сосуны. Паразит, пристроившийся на затылке Хорька, был величиной с прыщик, а седой мужчина держал на голове роскошный образчик, ниспадавший ему на плечи, как пышный воротник.

И на этот раз зрелище было действительно мерзкое.

Изо всех сил стараясь улыбаться, мы с Лианной направились к ним; мы не читали, по крайней мере сначала. Пока мы шли, они приветливо улыбались. Потом оба взмахнули руками.

— Здравствуйте, — бодро обратился к нам Хорек. — Никогда вас не видел. Вы на Шки недавно?

Я был слегка удивлен. Я ожидал какого-то витиеватого, загадочного приветствия или вообще никакого приветствия. Я думал, новообращенные люди теряют человеческие черты и становятся псевдошкинами. Я ошибся.

— Недавно, — ответил я. И стал читать чувства Хорька. Он был искренне рад нам, и его просто распирало от удовольствия и хорошего настроения. — Нас пригласили побеседовать с такими, как вы.

Я решил быть честным.

Хорек заулыбался во весь рот.

— Я Посвященный и счастлив, — сказал он. — Буду рад с вами поговорить. Меня зовут Лестер Каменц. Что вы хотите узнать, брат?

Лия застыла. Пусть читает его мысли, а я буду пока задавать вопросы.

— Когда вы стали приверженцем этого культа?

— Этого культа? — переспросил Каменц.

— Единения.

Он кивнул, и меня поразило какое-то карикатурное сходство с тем, как мотал головой вчерашний пожилой шкин.

— Я всегда был приверженцем Единения. Вы тоже приверженец Единения. Все мыслящие существа приверженцы Единения.

— Но мы этого не знаем, — возразил я. — А вы? Когда вы поняли, что вы приверженец Единения?

— Земной год назад. Меня приняли в ряды Посвященных всего несколько недель назад. Первое время после Посвящения — время радости. Я радуюсь. Теперь до самого Конечного Единения я буду бродить по улицам и звонить в колокольчики.

— Чем вы занимались раньше?

— Раньше? — Быстрый рассеянный взгляд, — Когда-то я работал с машинами. Я работал с компьютерами в Башне. Но моя жизнь была пуста, брат. Я не знал, что есть Единение, и был одинок. Я общался только с машинами, с бездушными машинами. Ныне я Посвященный. Ныне я, — он поискал слово, — не один.

Я дотянулся до его души и опять обнаружил там счастье и любовь. Но теперь появилась боль, смутная память о прошлой боли, отвращение к непрошеным воспоминаниям. Интересно, это пройдет? Может, сосун дарит своим жертвам забвение, сладостное, бездумное отдохновение и окончание борьбы? Может быть.

Я решил провести эксперимент.

— Эта штуковина у вас на голове, — резко заговорил я, — паразит. Он пьет вашу кровь, он питается ею. Он будет расти и отбирать у вас все больше и больше необходимых вам для жизни веществ. И наконец он начнет пожирать вашу плоть. Вы понимаете? Он вас сожрет. Я не знаю, больно это или нет, но, что бы вы при этом ни испытывали, в итоге вы умрете. Если только не вернетесь в Башню и не попросите хирургов снять эту штуку. Возможно, вам удастся снять ее самому. Почему вы не пытаетесь это сделать? Поднимите руку и сорвите с головы этого кровопийцу. Ну давайте!

Чего я ждал? Гнева? Ужаса? Возмущения? Ничего этого не последовало. Каменц откусил кусок хлеба, улыбнулся мне, и я ощутил только любовь, ликование и легкое сожаление.

— Сосун не убивает, — сказал он наконец, — Сосун дарит радость и счастливое Единение. Умирают те, у кого нет сосуна. Они… одиноки. Одиноки навеки. — Какая-то струна его души вдруг дрогнула, задетая страхом, но страх быстро прошел.

Я взглянул на Лию. Она оцепенела и напряженно смотрела на Каменца, все еще читая. Я снова повернулся к нему, чтобы задать следующий вопрос. Но вдруг Посвященные стали звонить. Начал один из шкинов, он поднимал и опускал правую руку, и колокольчик раскачивался, издавая одинокий резкий звук. Потом шкин взмахнул левой рукой, потом снова правой, потом опять левой, потом вступил другой Посвященный, потом еще, и вот все они раскачивали колокольчики и трезвонили, и этот гулкий звон наполнял меня, а радость, любовь и ощущение колоколов вновь подступали к сердцу.

Я медленно смаковал их чувства. От их любви перехватывало дыхание, она была такой сильной, такой жгучей, что почти пугала, они щедро делились со всеми своим весельем, изумлением, ровной, спокойной радостью, целой палитрой добрых чувств. Что-то происходило с Посвященными, когда они звонили в колокола, что-то снисходило на них, приподнимало над повседневностью и озаряло светом, что-то странное и чудесное; ни один Обыкновенный не расслышал бы этого в резком, дребезжащем звоне. Но я не Обыкновенный. Я расслышал.

Медленно и неохотно я отстранился от них. Каменц и второй мужчина увлеченно звонили, широкие улыбки и сияющие, лучистые глаза одухотворили их лица. Лианна продолжала напряженно читать. Она слегка приоткрыла рот, было видно, как она дрожит.

Я обнял ее и терпеливо ждал, слушая музыку колоколов. Лия продолжала читать. Наконец я мягко встряхнул ее. Она повернулась ко мне и посмотрела холодными, далекими глазами. Потом моргнула. Глаза широко раскрылись, она замотала головой, нахмурилась и пришла в себя.

Озадаченный, я заглянул в ее душу. Странно, очень странно. Меня захлестнул вихрь эмоций, одно чувство сменялось Другим, прежде чем я успевал дать ему название. Стоило мне очутиться в этом смерче, и он потянул меня за собой. Мне стало не по себе. Вот-вот он швырнет меня вниз, в бездну. По крайней мере, я так чувствовал.

— Лия, — позвал я. — Что случилось?

Она снова посмотрела на Посвященных, в ее взгляде застыли тоска и страх. Я повторил вопрос.

— Я… Я не знаю, — ответила она. — Роб, давай помолчим. Давай уйдем. Мне надо подумать.

— Хорошо, — сказал я.

Что с ней? Я взял ее за руку, и мы медленно пошли к тому склону, где оставили аэромобиль. Шкинские детишки облепили его со всех сторон. Смеясь, я стал разгонять их. Лия стояла и

смотрела на меня отсутствующим взглядом. Я хотел было еще раз прочитать ее чувства, но не посмел вторгаться в ее сокровенные переживания.

Мы поднялись в воздух и пустились в обратный путь к Башне, только теперь мы летели выше и быстрее. Я вел машину, а Лия, уставившись в пустоту, сидела рядом.

— Узнала что-нибудь полезное? — пытаясь переключить ее внимание на работу, спросил я.

— Да. Возможно. — Голос был безучастным, как будто говорил автомат, — Я прочитала всю их жизнь, две жизни. Каменц, как он сказал, работал программистом. Но не очень-то преуспевал. Гнусный человечек с гнусным характером, ни друзей, ни любовницы, никого. Жил один, избегал шкинов и не любил их. Он и людей-то не любил по-настоящему. Но Густаффсон как-то достучался до его души. Густаффсон не обращал внимания на холодность Каменца, на его злобные насмешки, на его жестокие шуточки. Густаффсон не отвечал ему тем же, понимаешь? И скоро Каменц стал хорошо относиться к Густаффсону, начал восхищаться им. Они никогда не были друзьями, но все-таки Каменц считал Густаффсона самым близким человеком.

Лия вдруг осеклась.

— И он пошел вместе с Густаффсоном? — бросив на нее быстрый взгляд, подсказал я.

Глаза Лии по-прежнему где-то блуждали.

— Нет, не сразу. Он еще боялся, еще не доверял шкинам и был в ужасе от сосуна. Но позже, когда Густаффсон ушел, Каменц начал понимать, насколько пуста его жизнь. Весь день он работал с людьми, которые презирали его, с машинами, лишенными всяких эмоций, ночами сидел один и читал или смотрел топографические представления.

Это не жизнь. Он никому не был нужен. Наконец он разыскал Густаффсона и принял культ Единения. Теперь…

— Теперь?..

Лия ответила не сразу.

— Он счастлив, Роб, — наконец проговорила она, — По-настоящему счастлив. Счастлив впервые в жизни. Раньше он не знал, что такое любовь. Теперь любовь переполняет его.

— Ты многое узнала, — сказал я.

— Да. — Все тот же безучастный голос, тот же отсутствующий взгляд. — Он совсем раскрылся. Там оказались ступеньки, но мне совсем не трудно было спускаться в глубину. Преграды словно зашатались, почти упали…

— А второй?

Лия поглаживала пульт управления и не отрываясь смотрела

на свою руку.

— Второй? Второй был Густаффсон…

И эта фраза вдруг пробудила ее, воскресила ту Лию, которую я знал и любил. Она покачала головой, посмотрела на меня, голос ожил, и на меня обрушился стремительный поток слов.

— Послушай, Роб, это был Густаффсон. Он Посвященный уже почти год, и через неделю Конечное Единение. Сосун примет его к себе, и он желает этого, понимаешь? Он искренне желает этого, и… и, о Роб, он умирает!

— Да, через неделю, ты только что сказала.

— Нет. То есть да, но я не то хочу сказать. Конечное Единение для него не смерть. Он верит в Конечное Единение, верит во все догмы этой религии. Сосун его Бог, и он хочет соединиться со своим Богом. Но он умирал и прежде. У него медленная чума, Роб. Конечная стадия. Болезнь грызет его изнутри уже пятнадцать лет. Он заразился в болотах на Кошмаре, там, где погибла его семья. Эта планета не годится для людей, но он там жил, руководил работой научной базы, это была краткосрочная командировка. Семья оставалась на Торе, они поехали к нему в гости, но корабль потерпел аварию. Густаффсон прямо-таки обезумел: он попытался добраться до корабля и спасти их, но ему достался бракованный защитный костюм, и сквозь дыры проникли споры. Когда он дотащился до корабля, все уже умерли. Он очень страдал от боли, Роб. От медленной чумы и еще больше от своей утраты. Он по-настоящему любил семью, он так и не оправился. На Шки его послали как бы в награду, чтобы он отвлекся, но он ни на минуту не переставал думать об аварии. Эта картина стояла у меня перед глазами, Роб. Она была такой яркой. Он не мог ее забыть. Малыши остались внутри, в безопасности за обшивкой корабля, но система жизнеобеспечения отказала, и они задохнулись. А его жена… ах, Роб, она взяла защитный костюм и пошла за помощью, но снаружи эти штуки, эти огромные гусеницы, которые водятся на Кошмаре…

Я с трудом сглотнул, меня тошнило.

— Черви-хищники, — невесело уточнил я.

Я читал о них и видел голограммы. Я представлял себе картину, которую Лия разглядела в памяти Густаффсона: зрелище не из приятных. К счастью, я не обладаю ее Даром.

— Когда Густаффсон подошел, черви все еще… все еще… Ты понимаешь. Он перебил их всех из станнера.

Я покачал головой.

— Я не знал, что такое бывает на самом деле.

— Да, — сказала Лия. — И Густаффсон не знал. Они с женой были так… так счастливы, и тут… и тут этот случай на Кошмаре.

Он любил ее, они были очень близки, он блестяще продвигался по службе. Знаешь, ему необязательно было ехать на Кошмар. Он поехал, чтобы испытать себя, потому что никто не мог там справиться. Это его тоже мучает. И он все время вспоминает. Он… она… — Ее голос задрожал. — Они думали, что им повезло, — договорила Лия и притихла.

Сказать было нечего. Я молча вел аэромобиль, размышляя и испытывая отдаленное, бледное подобие той боли, которую чувствовал Густаффсон. Потом Лия заговорила снова:

— Он ничего не забыл, Роб. — Она говорила тихо, медленно и задумчиво. — Но он обрел покой. Он помнит все, помнит, как ему было больно, но не терзается так сильно, как прежде. Он только жалеет, что они умерли без Конечного Единения. Почти как шкинская женщина, помнишь? На Собрании? Она говорила о своем брате.

— Помню, — отозвался я.

— Так же как она. И он тоже был открыт. Больше, чем Каменц, гораздо больше. Когда он звонил в колокольчик, ступеньки исчезали и все оказывалось на поверхности: и любовь, и боль — все. Вся его жизнь, Роб. За мгновение я прожила с ним его жизнь. Я мыслила, как он… Он видел пещеры Единения… Он спустился туда однажды, прежде чем принять эту веру. Я…

Над нами нависло молчание. Мы приближались к окраине города шкинов. Впереди, сияя на солнце, рассекала небо Башня. И виднелись купола и арки сверкающего города людей.

— Роб, давай сядем здесь, — попросила Лия. — Мне надо чуточку подумать, понимаешь? Ты возвращайся. Я хочу немного погулять среди шкинов.

Я хмуро посмотрел на нее.

— Погулять? До Башни очень далеко, Лия.

— Все будет хорошо. Пожалуйста. Дай мне немножко подумать.

Я прочитал ее чувства. Снова вихрь эмоций — еще более бурный, чем прежде. То и дело порывами ветра налетал страх.

— Ты уверена, что хочешь пройтись? — спросил я. — Лианна, ты испугана. Почему? Что случилось? Черви-хищники затридевять земель отсюда.

Лия только бросила на меня тревожный взгляд.

— Пожалуйста, Роб, — повторила она.

Я не знал, что делать, и посадил аэромобиль.

Всю дорогу до Башни я тоже думал. О том, что сказала Лианна, о Каменце и Густаффсоне. Я сосредоточился на задаче, которую нас пригласили решать. Я пытался выбросить из головы мысли о Лии и о том, что ее беспокоит. Все уладится, считал я.

Вернувшись в Башню, я не стал терять время. Я пошел прямо в кабинет Валкареньи. Он сидел один и записывал какие-то свои соображения на диктофон. Как только я вошел, он отключил прибор.

— Привет, Роб, — сказал он. — А где Лия?

— Гуляет по улицам. Ей надо подумать. Я тоже думал. Кажется, я нашел ответ.

Валкаренья выжидающе приподнял брови. Я сел.

— Сегодня днем мы нашли Густаффсона, и Лия прочитала его мысли. Теперь ясно, почему он принял веру шкинов. Как он ни улыбался, внутренне он был совершенно сломлен. Сосун утолил его боль. С ним ходит еще один новообращенный, некий Лестер Каменц. Он тоже был несчастным, жалким, одиноким человеком, ничто его не держало. В такой ситуации почему бы и не перейти в иную веру? Наведи справки о других новообращенных, и ты увидишь, что так со всеми. Отверженные, незащищенные, одинокие неудачники — вот кто приходит к Единению.

Валкаренья кивнул.

— Допустим, — сказал он, — Но наши психиатры поняли это уже давно, Роб. Только это не ответ, не настоящий ответ. Конечно, в целом новообращенные — команда неудачников, я не спорю. Но почему именно культ Единения? На это психиатры ответить не могут. Возьмем, к примеру, Густаффсона. Он сильный человек, поверь мне. Я не знаком с ним лично, но мне известно, какой путь он прошел. Он брался за самые трудные задания, в основном чтобы испытать себя, и всегда выходил победителем. Он мог бы подыскать себе тепленькое местечко, но ему это было неинтересно. Я слышал о происшествии на Кошмаре. О нем много говорили. Но Фила Густаффсона нельзя раздавить даже этим. Нельс сказал, что Густаффсон оправился очень быстро. Он приехал на Шки и буквально привел планету в порядок, расчистил завалы, которые оставил тут Роквуд. Он заключил первое настоящее торговое соглашение и втолковал шкинам, что оно означает, а это нелегко.

Вот он какой, Густаффсон, — знающий, талантливый человек, который сделал карьеру благодаря умению работать с людьми и решать самые тяжелые задачи. Он пережил истинный кошмар, личную трагедию, но не сдался. Он несгибаем, как всегда. И вдруг он обращается к культу Единения, записывается добровольцем в ряды самоубийц. Чтобы утолить боль, говоришь ты. Интересная мысль, но существует много способов утолить боль. От случая на Кошмаре до сосуна прошли годы. Все эти годы Густаффсон не глушил боль. Он не запил, не пристрастился к наркотикам,

отказался от других обычных способов. Он не вернулся на Старую Землю, чтобы психоаналитики вычеркнули из его памяти ужасные воспоминания, и поверь мне, если бы он захотел, ему бы сделали это бесплатно. После происшествия на Кошмаре министерство колоний готово было исполнить любую его просьбу. Он продолжал жить, он превозмог боль и пришел в себя. И вдруг принял веру шкинов.

Несомненно, горе сделало его более ранимым. Но дело не в этом: Единение предлагает что-то такое, чего не могут дать ни вино, ни психоаналитики. То же самое можно сказать и о Каменце, и обо всех остальных. У них были другие варианты Другие возможности сказать жизни «нет». Они их отвергли.' И выбрали Единение. Ты понимаешь, к чему я клоню?

Конечно, я понимал. Я сознавал, что моя разгадка вовсе не разгадка. Но Валкаренья тоже был не во всем прав.

— Да, — ответил я, — Полагаю, нам надо еще раз заняться чтением мыслей и чувств. — Я устало улыбнулся, — Только одно уточнение. Густаффсон так и не смог справиться с болью. Лия сказала это вполне определенно. Он просто загнал боль внутрь, но она постоянно мучила его. Он просто никогда не подавал виду.

— Но разве это не победа? — спросил Валкаренья. — Спрятать свое горе так глубоко, чтобы никто не догадался о его существовании?

— Не знаю. Не думаю. Но… так или иначе, есть кое-что еще. У Густаффсона медленная чума. Он умирает. Он умирает уже давно.

Глаза Валкареньи на миг вспыхнули и погасли.

— Я не знал, но это только подтверждает мою точку зрения. Я читал, что около восьмидесяти процентов жертв медленной чумы предпочитают эвтаназию, если на планете, где они находятся, эвтаназия узаконена. Густаффсон был администратором. Он мог принять любой закон. Если все эти годы он не помышлял о самоубийстве, то почему — сейчас?

Я не знал. Лианна мне не сказала, а может, тоже не знала. Я сомневался, что мы сумеем найти объяснение, если только…

— Пещеры, — вдруг произнес я. — Пещеры Единения. Мы должны увидеть Конечное Единение. Здесь должно быть что-то, какая-то отгадка. Дай нам возможность выяснить, в чем там дело.

Валкаренья улыбнулся.

— Ладно, — сказал он, — Я устрою. Я так и думал, что вы с Лией к этому придете. Хотя предупреждаю, зрелище не из приятных. Я сам туда спускался, так что знаю, о чем говорю.

— Хорошо, — согласился я. — Если ты думаешь, что читать

мысли Густаффсона большое удовольствие, тебе надо было посмотреть на Лию, когда она закончила чтение. Сейчас она гуляет по городу, чтобы справиться с потрясением. Вряд ли Конечное Единение ужаснее воспоминаний о Кошмаре.

— Ну тогда все в порядке. Назначим поход на завтра. Разумеется, я пойду с вами. Прослежу, чтобы с вами ничего не случилось, — не хочу рисковать.

Я кивнул. Валкаренья встал.

— Достаточно, — сказал он. — Не мешало бы подумать о вещах более интересных. Где вы собираетесь обедать?

В конце концов мы выбрали ресторан в шкинском стиле, в котором, однако, работали люди; Гурли с Лори Блэкберн составили нам компанию. Говорили мы на самые нейтральные темы — о спорте, о политике, об искусстве, рассказывали анекдоты. Самая обычная светская беседа. За весь вечер мы ни разу не упомянули ни шкинов, ни сосуна.

Лианна ждала меня в номере. Лежа в постели, она читала томик из нашей библиотеки — поэзию Старой Земли. Когда я вошел, она подняла голову.

— Эй! Как погуляла? — спросил я.

— Я гуляла долго. — Улыбка прочертила морщинки на ее маленьком бледном личике и исчезла. — Было время подумать. О сегодняшнем дне и о вчерашнем. И о Посвященных. И о нас.

— О нас?

— Скажи, Роб, ты любишь меня?

Она спросила это довольно сухо, но в голосе звучало сомнение. Как будто она и правда не знала.

Я сел на кровать, взял ее за руку и заставил себя улыбнуться.

— Я знала. Я знаю. Ты любишь меня, Роб, любишь по-настоящему. Так сильно, как может любить человек. Но… — Она запнулась. Покачала головой, закрыла книгу и вздохнула. — Но мы далеки друг от друга. Все еще далеки.

— О чем ты говоришь?

— Это случилось сегодня. Я так смутилась, так испугалась. Я не знала почему и решила подумать об этом. Когда я читала мысли, Роб, я будто была вместе с Посвященными. Я жила их жизнью, их любовь была моей любовью. И я не хотела покидать их, Роб. Когда я отстранилась от них, я ощутила такое одиночество, такую оставленность…

— Сама виновата, — сказал я. — Я же пытался поговорить с тобой. А ты была слишком занята своими мыслями.

— Поговорить? Что толку от разговоров? Я знаю, это общение, но разве это настоящее общение? Пока меня не научили

пользоваться моим Даром, я считала, что — настоящее. Потом настоящим общением мне стало казаться чтение мыслей. Ну, словно это истинный путь к душе другого, такого, как ты. А теперь я не знаю. Ничего не знаю. Когда Посвященные звонят в колокола, они настолько едины, Роб. Все — одно. Почти как мы, когда любим друг друга. И они тоже любят друг друга. И нас они любят, очень любят. Я чувствовала… не знаю. Только Густаффсон любит меня так же сильно, как и ты. Нет. Сильнее.

Наконец-то она это сказала. Теперь ее лицо стало бледным, а в широко распахнутых глазах появились заброшенность и одиночество. А я… меня вцруг зазнобило, будто в душу повеяло холодом. Я ничего не ответил. Только посмотрел на нее и облизнул губы. Мне казалось, что я истекаю кровью.

Наверное, она увидела обиду в моих глазах. Или прочитала мои мысли. Она потянулась ко мне и стала поглаживать мою руку.

— Ах, Роб. Пожалуйста. Я не хотела тебя обидеть. Я не о тебе. Я обо всех нас. По сравнению с ними что есть у нас?

— Не понимаю, о чем ты, Лия.

Внезапно мне захотелось плакать. И кричать. Я подавил оба желания и постарался говорить спокойно. Но в душе у меня не было покоя.

— Скажи, Роб, ты любишь меня?

Опять. Сомневается.

— Да!

Зло. С вызовом.

— А что такое любовь? — спросила она.

— Ты же знаешь, что это такое, — сказал я, — Черт возьми, Лия, подумай! Вспомни все, что у нас было, все, что мы делили пополам. Это и есть любовь, Лия. Вот любовь. Нам повезло, помнишь, ты сама это сказала. У Обыкновенных — «лишь только голос и прикосновенье, и снова — темнота». Они не способны пробиться друг к другу. Они одиноки. Всегда. Пробираются на ощупь. Вновь и вновь пытаются выйти из своей скорлупы и вновь и вновь натыкаются на стены. Но у нас-то все по-другому, мы нашли путь, мы знаем друг друга так, как только могут знать два человеческих существа. Я не скрою от тебя ничего, я поделюсь с тобой всем. Я уже говорил это, и ты знаешь, что это правда, ты можешь прочитать мои мысли. Это и есть любовь, черт возьми. Разве не так?

— Не знаю, — прошептала она, и в голосе ее послышались грусть и недоумение. Беззвучно, даже не всхлипнув, она заплакала. Слезы сбегали по щекам двумя дорожками, а она говорила: — Может быть, это любовь. Если у нас любовь, то что я

тогда чувствовала сегодня, к чему прикоснулась, в чем участвовала? Ах, Роб, я тебя тоже люблю. Ты знаешь. Я хочу делить с тобой то, что я прочла в чужих мыслях, и то, что я ощущала при этом. Но я не могу. Между нами стена. Я не могу заставить тебя понять. Я здесь — ты там, мы можем прикоснуться друг к другу, любить друг друга, говорить друг с другом, но мы врозь. Понимаешь? Понимаешь?! Я одна. А сегодня днем я была не одна.

— Ты не одна, черт возьми, — сказал я. — Я с тобой. — Я крепко сжал ее руку. — Чувствуешь? Слышишь? Ты не одна.

Она покачала головой, и слезы хлынули потоком.

— Вот видишь, ты не понимаешь! И я никак не могу заставить тебя понять. Ты сказал, что мы знаем друг друга так, как только могут знать два человеческих существа. Ты прав. Но насколько человеческие существа могут познать друг друга? Если они все разделены? Каждый сам по себе в огромной темной пустой Вселенной. Думая, что мы не одиноки, мы лишь обманываем себя, а когда приходит конец — мрачный, сиротский конец, каждый встречает его один, сам, в темноте. Ты здесь, Роб? Откуда мне знать? Ты умрешь со мной, Роб? И мы всегда будем вместе? Ты говоришь, мы счастливее Обыкновенных. Я тоже так говорила. У них «лишь только голос и прикосновенье», да? Сколько раз я это цитировала? А у нас что? Два голоса и прикосновенье? Но этого мало. Мне страшно. Мне вдруг стало страшно.

Она всхлипнула. Я безотчетно потянулся к ней, обнял, начал ласкать. Мы легли рядом, и Лия рыдала, прижавшись к моей груди. Я наскоро прочитал ее чувства, я ощутил ее боль, ее внезапное одиночество, ее тоску, подхваченные налетевшим гнетущим страхом. Я гладил ее, ласково проводил рукой по ее телу, снова и снова шептал, что все будет хорошо, что я с ней, что она не одна, но я знал, что этого недостаточно. Между нами вдруг возникла пропасть, черная огромная зияющая бездна. Она все росла и росла, а я не знал, как преодолеть ее. Лия, моя Лия плакала, она нуждалась во мне. А я нуждался в ней, но не мог к ней прорваться.

Потом я понял, что тоже плачу.

Мы обнимали друг друга и молча плакали. Так прошел почти целый час. Наконец слезы иссякли. Лия прижалась ко мне так, что я едва мог дышать, и я крепко-крепко обнял ее.

— Роб, — зашептала она, — Ты сказал… ты сказал, что мы по-настоящему знаем друг друга. Ты все время это говоришь. И еще ты иногда говоришь, что я создана для тебя, что я совершенство.

Я кивнул, я хотел в это верить.

— Да, ты совершенство.

— Нет, — хрипло выдавила она. — Неправда. Я прочитала твои мысли. Я ясно чувствую, как ты перебираешь в уме слова, чтобы составить предложение. Я слышу, как ты ругаешь себя, когда сделаешь глупость. Я вижу воспоминания, некоторые воспоминания, и переживаю их вместе с тобой. Но все это на поверхности, Роб, на самом верху. А за этим большая, большая часть тебя. Полуоформленные мысли, которых я не могу уловить. Чувства, которым я не могу дать названия. Подавленные страсти и воспоминания, забытые и тобой самим. Порой мне удается добраться туда. Порой. Если я сражаюсь по-настоящему, если я сражаюсь до изнеможения. Но когда я оказываюсь там, я вижу… я вижу, что за этим еще слой. И еще, и еще, и дальше, и дальше, и глубже, и глубже. Я не могу туда пробиться, Роб, а это часть тебя. Я тебя не знаю. Я не могу тебя знать. Даже ты себя не знаешь. А я… меня ты знаешь? Нет. Даже меньше, чем себя. Ты знаешь то, что я тебе говорю. Может, я говорю правду, а может — и нет. Ты читаешь мои мимолетные чувства: боль от ушиба, в пышку досады, наслаждение, когда ты со мной в постели. Это значит, что ты меня знаешь? В моей душе тоже есть ступеньки, много ступенек. Есть то, о чем я и сама не знаю. А ты знаешь? Откуда, Роб, откуда?

Она снова покачала головой — так забавно, она всегда так делала, когда была в замешательстве.

— И ты говоришь, что я совершенство и ты любишь меня? Я создана для тебя? Да? Я читаю твои мысли, Роб. Я знаю, когда ты хочешь, чтобы я была сексуальной, — и становлюсь сексуальной. Я чувствую, что тебе нравится, и стараюсь понравиться тебе. Я знаю, когда ты хочешь, чтоб я была серьезной, а когда надо пошутить. Я также знаю, как надо шутить. Никогда не язвить — ты не любишь, чтобы задевали тебя или других. Ты смеешься не над людьми, а вместе с ними, а я смеюсь вместе с тобой и люблю тебя за твою доброту. Я знаю, когда ты хочешь, чтоб я говорила, а когда лучше помолчать. Я знаю, когда ты хочешь, чтоб я была твоей гордой тигрицей, твоим темноволосым телепатом, а когда — маленькой девочкой, ищущей защиты в твоих объятиях. И все это я, Роб, — потому что ты хочешь, чтобы я была такой, потому что я люблю тебя, потому что я чувствую радость в твоей душе всякий раз, как угадываю твое желание. Я никогда не ставила своей целью угождать тебе, но так уж получилось. А я и не противилась, да и сейчас не противлюсь. В основном я даже не сознавала, что подлаживаюсь. Ты делаешь то же самое. Я прочитала это в твоих мыслях. Только ты не можешь читать так, как я, и иногда ошибаешься: ты остришь, когда мне нужно

молчаливое понимание, или изображаешь супермена, а я хочу приласкать тебя, как ребенка. Но иногда ты угадываешь. И ты стараешься, ты всегда стараешься.

Но разве это настоящий ты? Разве это настоящая я? Что, если бы я перестала быть совершенством, а стала собой со всеми присущими мне недостатками, с чертами, которые тебе не нравятся? Любил бы ты меня тогда? Не знаю. А Густаффсон любил бы, и Каменц тоже. Я знаю это, Роб. Я видела. Я знаю их. Все преграды… исчезали. Я знаю их, и если я вернусь к ним, я буду с ними более близка, чем с тобой. И я думаю, что они тоже знают меня настоящую, всю. И любят меня такой, какая я есть. Понимаешь? Ты понимаешь?

Понимал ли я? Не знаю. Я смутился. Любил бы я Лию, если она была «настоящая»? Но какая она «настоящая»? Насколько она отличается от той, которую я знаю? Я думал, что люблю Лию и всегда буду любить, но что, если настоящая Лия не похожа на мою? Кого я люблю? Странное, отвлеченное представление о человеческом существе или тело, душу и голос, которых я называл Лией? Я не знал. Я не знал, какая Лия и какой я и что все это значит. И я испугался. Может, я не сумел почувствовать сегодня того, что почувствовала она. Но я знал, что она тогда чувствовала. Я был одинок, я нуждался в ком-нибудь.

— Лия, — позвал я. — Лия, давай попробуем. Не надо отчаиваться. Мы может достучаться друг до друга. Мы знаем путь, наш путь. Мы уже делали так. Иди сюда, Лия, иди со мной, иди ко мне.

Я говорил и раздевал ее, она подняла руки и стала мне помогать. Когда мы сняли все, я стал медленно поглаживать ее тело, а она мое. Наши мысли и души потянулись друг к другу. Встретились и слились, как никогда. Я чувствовал, как Лия ворошит мои мысли. Проникает все дальше и дальше. Глубже и глубже. Я раскрылся перед ней, я покорился, я отдал ей все, что мог вспомнить, все свои мелкие, пустячные тайны, которые раньше скрывал или пытался скрыть, все свои победы и поражения, все свое ликование, всю свою боль, все обиды, мной нанесенные, и все обиды, нанесенные мне, все мои пролитые слезы и весь мой подспудный страх, все побежденные предрассудки и вовремя преодоленное тщеславие, все мои глупые детские грехи. Все. До конца. Я ничего не спрятал. Ничего не утаил. Я полностью доверился ей, Лии, моей Лии. Пусть она узнает меня.

И она тоже покорилась мне. Ее душа была как лес, а я бродил по этому лесу и ловил летящие чувства: сначала страх, незащищенность и любовь, дальше — смутные переживания, еще

дальше, в самой чаще — неопределенные страсти и причуды. Я не обладаю Даром Лии, я читаю только эмоции, мысли я не умею читать. Но тогда — в первый и единственный раз — я читал мысли. Мысли, которые она подарила мне, потому что прежде я никогда не знал о них. Я не мог разобраться во всем, но немного понял.

И ее тело отдалось мне так же, как душа. Я овладел ею, наши тела соединились, наши души слились, мы были так близки, как только могут быть близки люди. Я чувствовал, как огромной волшебной волной меня захлестывает наслаждение, мое наслаждение, Лиино наслаждение, слившиеся воедино, и на гребне этой волны я готов был плыть в вечность, но вдали уже маячила суша, И волна разбилась об этот берег, мы кончили вместе, и на миг, на краткий, мимолетный миг я не мог отличить ее оргазм от моего.

Но потом все прошло. Мы лежали на кровати, прижавшись друг к другу. В свете звезд. Но это была не кровать. Мы лежали на берегу, на плоском темном берегу, и над нами не было звезд. В голову мне закралась мысль, странная мысль, не моя, Лиина. «Мы лежим на равнине», — думала она, и я знал, что она права. Волны, принесшие нас сюда, отхлынули. И повсюду вокруг нас лишь плоское безбрежное пространство, окутанное тьмой, а на горизонте — смутные зловещие тени. «Мы одни на темной равнине», — думала Лия. И внезапно я понял, что это за тени и какое стихотворение она читала, когда я вошел[12].

Мы заснули.

Я проснулся.

В комнате было темно. Лия лежала, свернувшись калачиком на краю кровати, и спала. Уже поздно, почти рассвет, подумал я. Не очень уверенно подумал. Мной овладело беспокойство.

Я встал и бесшумно оделся. Мне надо было прогуляться, подумать, решить, что делать. Но куда пойти?

У меня в кармане лежал ключ. Я задел его, надевая пиджак, и вспомнил. Ключ от кабинета Валкареньи. В это время суток кабинет заперт, там никого нет. А открывающийся оттуда вид поможет мне думать.

Я вышел, отыскал лифт и полетел вверх, вверх, вверх — под самую крышу, на стальную вершину Башни, которую выстроил человек, чтобы бросить вызов шкинам. В кабинете не горел свет, во мраке вырисовывались темные очертания мебели. Светили только звезды. Шки расположена ближе к центру галактики, чем Старая Земля или Бальдур. Звезды, как огненный купол, горят на ночном небе. Некоторые — совсем близко, они пылают в грозной

тьме подобно красным и сине-белым фонарям. Все стены в кабинете Валкареньи были стеклянными. Я подошел к одной из стен и выглянул. Я не думал. Только чувствовал. Я чувствовал себя одиноким, заброшенным и ничтожным.

Сзади кто-то тихо окликнул меня. Я едва расслышал.

Я отвернулся от окна, сквозь дальние стены мне светили другие звезды. В одном из низких кресел скрытая темнотой сидела Лори Блэкберн.

— Привет, — сказал я. — Я не хотел вам мешать. Я думал, здесь никого нет.

Она улыбнулась. Сияющая улыбка на сияющем лице, но в этой улыбке не хватало веселья. Ее волосы крупными пепельными волнами падали ниже плеч, она была одета во что-то длинное и прозрачное. Сквозь складки платья я видел нежные изгибы ее тела, и она не стремилась их скрыть.

— Я часто прихожу сюда, — сказала Лори. — Обычно ночью. Когда Дино спит. Здесь хорошо думать.

— Да, — улыбаясь, согласился я. — Я тоже так считаю.

— Замечательные звезды, правда?

— Да.

— Да, замечательные. Я… — Она заколебалась. Потом встала и подошла ко мне. — Вы любите Лию?

Обухом по голове. Как раз вовремя. Но я был готов. Я все еще проигрывал в уме наш разговор с Лией.

— Да, — ответил я. — Очень люблю. Почему вы спрашиваете?

Она стояла рядом, смотрела мне в лицо и в то же время куда-то мимо меня, на звезды.

— Не знаю. Иногда мне становится интересно, что такое любовь. Знаете, я люблю Дино. Он тут всего два месяца, так что мы знакомы недавно. Но я его уже люблю. Он не похож на моих прежних друзей. Он добрый, внимательный и все делает хорошо. За что ни возьмется, все получается. И без усилий. Он так легко побеждает. Он очень верит в себя, и это меня привлекает. Он дал мне все, о чем я мечтала, абсолютно все.

Я стал читать ее чувства, ощутил ее любовь и тревогу и догадался.

— Кроме себя, — сказал я.

Лори изумленно посмотрела на меня. Потом улыбнулась.

— Я забыла. Вы же Одаренный. Конечно, вы знаете. Вы правы. Не знаю, что меня тревожит, но я встревожена. Видите ли, Дино — само совершенство. Я ему рассказала… ну все. О себе, о своей жизни. Он меня слушал и все понимал. Он всегда отзывчив; когда он мне нужен, он всегда со мной. Но…

— Это игра в одни ворота, — закончил я. Это было

утверждение, не вопрос. Я знал.

Она кивнула.

— Он не то чтобы скрывает что-то. Нет. Если я спрошу, он ответит на любой вопрос. Но его ответы ничего не значат. Я спрашиваю его, чего он боится; он отвечает: ничего, и заставляет меня поверить. Он очень благоразумный, очень спокойный. Он никогда не сердится, никогда не сердился. Я его спрашивала. Он никогда не испытывал боли, по крайней мере он так говорит. Я имею в виду душевную боль. Но он понимает меня, когда я рассказываю о своей жизни. Однажды он сказал, что самый большой его недостаток — лень. Но я знаю, что он совсем не ленивый. Может, он и вправду само совершенство? Он говорит, что всегда уверен в себе, так как знает, какой он молодец, но при этом улыбается, и я даже не могу обвинить его в самонадеянности. Он говорит, что верит в Бога, но это никак не проявляется. Если завести с ним серьезный разговор, он терпеливо выслушает, или начнет шутить, или переведет разговор на другую тему. Он говорит, что любит меня, но…

Я кивнул. Я знал, что сейчас последует.

Так и было. Она умоляюще посмотрела на меня.

— Вы Одаренный, — сказала она. — Вы ведь читали его чувства. Вы знаете. Скажите мне. Пожалуйста, скажите мне.

Я читал ее чувства. Я видел, как ей хочется знать, как она волнуется и боится, как она любит. Я не мог лгать ей. Но было бы жестоко сказать ей всю правду.

— Я читал его чувства, — проговорил я. Медленно. Осторожно. Взвешивая слова, как ювелир драгоценные камни. — И ваши, ваши тоже. Я понял, что вы его любите, еще в первый вечер, когда мы вместе обедали.

— А Дино?

Слова застряли у меня в горле.

— Лия однажды сказала, что он странный. Я довольно легко читаю его чувства, лежащие на поверхности. А за этим ничего не видно. Он очень замкнут, отгораживается от всех стеной. Он, как видно, чувствует только то, что позволяет себе чувствовать. Я ощущал его уверенность в себе, его удовольствие. И даже беспокойство, но настоящий страх — никогда. Он очень нежно относится к вам, очень покровительственно. Ему нравится покровительствовать.

— И все? — С надеждой. И болью.

— Боюсь, что все. Он отгородился ото всех, Лори. Он ни в ком не нуждается, ни в ком. Если в нем и есть любовь, она за непреодолимой стеной, он прячет ее. Я не могу ее нащупать. Он много думает о вас, Лори. Но любовь… ну, это другое. Она

сильнее и менее рассудительна, и она захлестывает волной. А у Дино не так. По крайней мере, насколько я могу судить.

— Он прячется, — сказала Лори. — Он прячется от меня. Я перед ним раскрылась, открыла ему все. А он — нет. Я всегда боялась. Даже когда он был рядом, я временами чувствовала, что он не со мной…

Она вздохнула. Я ощущал ее отчаяние, ее мучительное одиночество. Я не знал, что делать.

— Если вам хочется плакать, плачьте, — по-дурацки сказал я. — Иногда это помогает. Я знаю. В свое время я много плакал.

Она не заплакала. Она посмотрела на меня и тихо засмеялась.

— Нет, — ответила она. — Я не могу. Дино научил меня никогда не плакать. Он говорит, что слезы ничего не решают.

Грустная философия. Возможно, слезы ничего не решают» но они даны человеку природой. Я хотел ей это сказать, но лишь улыбнулся.

Лори улыбнулась в ответ и гордо вскинула голову.

— Вы плачете, — вдруг со странным восторгом сказала она. — Это чудесно. Дино никогда не проявлял ко мне такого участия. Спасибо, Роб. Спасибо.

Лори встала на цыпочки и выжидающе посмотрела на меня. Я знал, чего она ждет. Я обнял ее и поцеловал, а она приникла ко мне всем телом. И все время я думал о Лии, говоря себе, что она не против, что она будет гордиться мной, что она поймет.

Потом я остался в кабинете один и смотрел, как всходит солнце. Я устал, но обрел какое-то умиротворение. Появившийся на горизонте свет разогнал тьму, и внезапно все страхи, такие зловещие в ночи, показались мне глупыми и пустыми. Мы пробьемся друг к другу, Лия и я. Что бы там ни было, справимся, а сегодня мы так же легко вместе справимся с сосуном.

Когда я вернулся в номер, Лии там не было.

— Мы нашли аэромобиль в центре города шкинов, — говорил Валкаренья. Он был спокоен, деловит и уверен в успехе. Его интонации убеждали меня, что беспокоиться не о чем. — Я отправил людей на поиски. Но город шкинов велик. Ты догадываешься, куда она могла пойти?

— Нет, — уныло ответил я. — Правда нет. Может, она пошла искать еще Посвященных? Они как будто заворожили ее. Я не знаю.

— Ладно, у нас здесь хорошая полиция. Уверен, что мы найдем ее. Но на это может потребоваться время. Вы поссорились?

— Да. Нет. Немного. Но это не настоящая ссора. Это было странно.

— Ясно, — ответил он. Но ему было не ясно. — Лори говорит, что ночью ты поднимался сюда, в кабинет, один.

— Да. Мне надо было подумать.

— Хорошо, — сказал Валкаренья, — Значит, наверно, Лия проснулась и решила, что ей тоже надо подумать. Ты пришел сюда. Она прокатилась на аэромобиле. Может, она просто хочет день отдохнуть и побродить по городу шкинов. Вчера ведь она уже так делала, да?

— И сегодня она сделала то же самое. Нет проблем. Вероятно, она вернется еще до обеда. — Он улыбался.

— Тогда почему она ушла, не сказав мне? Не оставила записку и вообще не предупредила?

— Не знаю. Это не важно.

Не важно? Разве не важно? Я сидел в кресле, хмурый, обхватив голову руками, и беспокоился. Вдруг я очень испугался, сам не знаю чего. Не надо было оставлять ее одну, говорил я себе. Пока я был здесь, наверху, с Лори, Лианна проснулась одна в темной комнате и… и что? И ушла.

— Однако у нас есть дела, — сказал Валкаренья. — Для похода в пещеры все готово.

Я посмотрел на него, не веря собственным ушам.

— В пещеры? Я не могу туда идти. Не могу сейчас. Не могу один.

Он демонстративно вздохнул, выказывая свое раздражение.

— Ну успокойся, Роб. Это не конец света. С Лией ничего не случится. Она производит впечатление весьма разумной девушки, и я уверен, что она может позаботиться о себе. Так?

Я кивнул.

— Тем временем мы обследуем пещеры. Я все же хочу докопаться до сути.

— Бесполезно, — возразил я. — Без Лии бесполезно. У нее большой Дар. Я… я только читаю чувства. Я не могу проникнуть так глубоко, как она. Я не найду разгадки.

Валкаренья пожал плечами.

— Может, и не найдешь. Но поездка запланирована, и мы ничего не потеряем. Когда вернется Лия, мы всегда сможем съездить туда еще раз. Кроме того, это пойдет тебе на пользу, ты немного отвлечешься. Сейчас все равно ничего для Лии не сделаешь. Я направил на ее поиски всех своих людей, и если уж они ее не найдут, то ты — тем более. Так что нет смысла на этом зацикливаться. Возвращайся к работе и займись делом. — Он направился к лифту. — Пошли. Аэромобиль ждет. Нельс поедет с

нами.

Я нехотя встал. Я был не расположен думать о шкинах, но доводы Валкареньи звучали убедительно. Кроме того, он пригласил нас с Лианной для работы и у нас были определенные обязательства. Во всяком случае — попробую.

В машине Валкаренья сидел рядом с водителем — здоровенным сержантом полиции с лицом, словно высеченным из гранита. На этот раз Валкаренья выбрал полицейский аэромобиль, чтобы следить за поисками Лии. Мы с Гурли оказались на заднем сиденье. Гурли разложил на коленях большую карту и стал рассказывать о пещерах Конечного Единения.

— Существует теория, что сосуны происходят из пещер, — начал он. — Вероятно, это не лишено смысла. В пещерах сосуны гораздо крупнее. Сами увидите. Пещеры находятся под холмами в стороне от нашей части города, там, где более дикая местность. Как медовые соты. И в каждой — сосун. Мне так рассказывали. В нескольких я был сам и везде видел сосунов. Поэтому я готов поверить, что в остальных тоже. Город, священный город, вероятно, и был построен потому, что здесь пещеры. Вы же знаете, шкины со всего континента сходятся сюда перед Конечным Единением. Вот район пещер.

Гурли вытащил карандаш и нарисовал в середине карты большой красный круг. Мне это ничего не говорило. Вид карты угнетал меня. Не думал, что город шкинов такой громадный. Как здесь найти кого-то, кто не хочет, чтобы его нашли?

Валкаренья повернулся к нам.

— Мы собираемся посетить одну из больших пещер. Я уже был там. Понимаешь, Конечное Единение не связано с соблюдением особых ритуалов. Шкины просто выбирают пещеру, входят и ложатся на сосуна. Входят там, где им удобно. В некоторых местах вход не шире канализационной трубы, но если пробраться достаточно далеко, по теории, врежешься прямо в сосуна, который сидит и пульсирует в темноте. Самые большие пещеры освещены факелами, как Великий Чертог, но это — необязательное украшение. В обряде Единения оно не играет роли.

— Насколько я понимаю, мы пойдем в одну из таких пещер? — уточнил я.

Валкаренья кивнул.

— Правильно. Я подумал, что ты захочешь увидеть крупного сосуна. Не слишком приятная картина, но расширяет кругозор. Поэтому нам нужен свет.

Гурли возобновил рассказ, но я уже не слушал. Я чувствовал,

что уже узнал достаточно о шкинах и о сосунах, а вот о Лианне я все еще беспокоился. Вскоре Гурли замолчал, и остаток пути прошел в тишине. Мы преодолели большее расстояние, чем раньше. Даже Башня, этот сверкающий стальной ориентир, скрылась за холмами.

Местность стала более неровной, каменистой, густо заросшей зеленью. Холмы вздымались все выше и выглядели совсем первозданными. Но купола лепились и на этой земле, и дальше, и дальше, и дальше, и везде были шкины. Лия могла быть здесь. Затерялась в этом море живых существ. Что она ищет? О чем думает?

Наконец наш аэромобиль опустился в лесистой долине между двумя огромными каменистыми холмами. Шкины жили даже здесь, красные кирпичные купола поднимались до уровня подлеска, окруженные невысокими корявыми деревцами. Я без труда обнаружил пещеру. Вход находился на полпути к вершине одного из холмов: темная дыра в скале, к которой вела пыльная извилистая тропинка.

Мы вышли в долину и стали взбираться вверх. Гурли устремился вперед большими неуклюжими шагами, Валкаренья двигался с легким изяществом и, казалось, не знал усталости, а полицейский невозмутимо всходил на холм медленной, тяжелой походкой. Я тащился сзади. Я еле-еле плелся и к тому времени, как мы добрались до входа в пещеру, уже задыхался.

Я ожидал увидеть наскальные рисунки, или алтарь, или некий храм природы, но жестоко разочаровался. Обыкновенная пещера с мокрыми каменными стенами, низким потолком и холодным влажным воздухом. Здесь было прохладнее, чем на поверхности, и не так пыльно. И все. В глубину вел Длинный петляющий подземный коридор, достаточно широкий для того, чтобы идти вчетвером, но довольно низкий, так что Гурли пришлось пригнуться. Вдоль стен на равном расстоянии друг от друга были укреплены факелы, но горел только каждый четвертый. Факелы чадили, дым от горящего масла поднимался к потолку и вился клубами впереди нас. Интересно, почему дым затягивает в глубину?

После десяти минут ходьбы, в основном вниз, под уклон, коридор привел нас в высокое, ярко освещенное помещение со сводчатым потолком, на котором пятнами копоти осел факельный дым. Здесь жил сосун.

Он был ржаво-красный, цвета засохшей крови, вовсе не такой прозрачно-пунцовый, как маленькие паразиты, которые присасываются к коже Посвященных. На исполинском теле вырисовывались черные крапины — как ожоги или пятна сажи. Я

едва видел дальний конец пещеры: сосун был внушительных размеров, он возвышался почти до потолка. Но на середине зала его тело резко сходило на нет, как громадный студенистый холм, и заканчивалось в добрых двадцати футах от нас. Между нами и этой чудовищной тушей висели сети покачивающихся красных нитей — живая паутина из плоти сосуна, подступающая к самым нашим лицам.

И все это пульсировало. Как единый организм. Даже нити вибрировали согласно, то расширяясь, то вновь сжимаясь, послушные ритму, молча заданному этим великаном.

Меня замутило, но остальные сохраняли спокойствие. Они это уже видели.

— Пошли, — сказал Валкаренья, включив карманный фонарик: тусклого света факелов явно не хватало.

Огонек фонаря плясал на пульсирующей паутине, и паутина теперь казалась таинственным заколдованным лесом. Валкаренья шагнул в этот лес. Легко. Направляя фонарь и отстраняя сосуна.

Гурли последовал за Валкареньей, я в ужасе медлил. Валкаренья, обернувшись ко мне, улыбнулся.

— Не беспокойся, — сказал он. — Чтобы прилипнуть, сосуну нужно несколько часов, и потом, его легко снять. Если ты случайно до него дотронешься, он тебя не схватит.

Я собрался с духом, протянул руку и коснулся одной из живых нитей. Она была мягкая, влажная и немного скользкая. Только и всего. Нить порвалась довольно легко. Я шел сквозь эту чащу, выставив вперед руку, наклоняясь и разрывая паутину. Полицейский молча шагал за мной.

Погом мы встали в дальнем конце пещеры, там, где исполинский сосун был пониже. Валкаренья с минуту созерцал громадную тушу, а потом указал куда-то фонариком.

— Смотри, — сказал он. — Конечное Единение.

Я посмотрел. Луч высветил одно из темных пятен, кляксу на ржаво-бурой поверхности. Я пригляделся. В пятне стояла голова. Как раз посреди черной кляксы; было видно только лицо, хотя и оно покрылось тонкой красноватой пленкой. Но черты я узнал сразу. Пожилой шкин, морщинистый и большеглазый. Глаза его были закрыты. Но он улыбался. Улыбался.

Я подошел ближе. Чуть пониже, справа, из вязкой массы выглядывали кончики пальцев. И больше ничего. Тела уже не было, сосун втянул его в себя и переварил или сейчас переваривал. Старый шкин был мертв, и кровопийца поглощал его труп.

— Каждое темное пятно — след Единения, — водя фонарем, как указкой, говорил Валкаренья. — Конечно, со временем пятна

сходят. Сосун постоянно растет. Лет через сто он заполнит зал и вылезет в коридор.

Сзади послышался шорох. Я оглянулся. Кто-то еще шел через паутину.

Вскоре она поравнялась с нами и улыбнулась. Старая шкинская женщина, нагая, груди свисают ниже талии. Разумеется, Посвященная. Сосун покрывал большую часть ее головы, а На спине болтался еще ниже, чем груди спереди. От пребывания на солнце сосун стал ярким и прозрачным. Было видно, как он пожирает кожу на спине женщины.

— Кандидатка на Конечное Единение, — пояснил Гурли.

— Популярная пещера, — усмехнувшись, добавил Валкаренья.

Женщина не заговорила с нами, мы тоже ничего ей не сказали. Улыбаясь, она прошла мимо. И легла на сосуна.

Маленький сосун, сидящий у нее на голове, казалось, почти растворился, утонул в теле пещерного великана. Шкинка и исполинский сосун слились воедино. И все. Она просто закрыла глаза и спокойно лежала, словно спала.

— Что это? — спросил я.

— Единение, — сказал Валкаренья, — Только через час что-нибудь станет заметно, но сосун уже засасывает ее. Говорят, это реакция на тепло тела. Через день она погрузится совсем. Через два она будет как этот… — Фонарик нашел наполовину залепленное пленкой лицо.

— Вы можете прочитать ее чувства? — спросил Гурли. — Может быть, это нам поможет.

— Хорошо, — согласился я. Любопытство победило отвращение.

Я раскрылся навстречу женщине. И в душу ко мне ворвалась буря.

Впрочем, буря — не совсем то слово. Это было нечто огромное и грозное, сильное и жгучее, оно ослепляло, от него захватывало дух. Но в то же время спокойное и нежное, хотя нежность была горячей иной ненависти. Кто-то тихо звал меня, пел, как сирены, что-то неодолимо манило, влекло меня к себе, омывая все мое существо ярко-красными волнами страсти. Оно одновременно переполняло и опустошало. Откуда-то слышалась громкая бронзовая музыка колоколов, песнь любви, бескорыстия и духовной близости, приобщения к радости единения, возвещающая, что одиночества больше нет.

Да, это была буря, душевная буря. Но она лишь отдаленно напоминала обыкновенную бурю эмоций, как вспышка сверхновой звезды напоминает взрыв, и неистовство этой бури

было неистовством любви. Меня любили, я был нужен, колокола взывали ко мне и пели об этой любви, я протягивал руки и прикасался к своей любимой, я хотел быть с ней, хотел слиться с ней и никогда не разлучаться. Я вновь оказался на гребне громадной волны, волны пламени, навсегда взмывшей к звездам, но теперь я знал, что волна никогда не врежется в берег и я никогда больше не буду лежать один на темной равнине.

И тут я подумал о Лии.

Внезапно я начал бороться, сражаться, воевать с затягивающей меня пучиной любви. Я бежал, бежал, бежал, бежал… и захлопнул дверь в свою душу, и наглухо закрылся на засов, но буря выла и неистовствовала снаружи, а я держал дверь изо всех сил, пытаясь сопротивляться. Но дверь заскрипела и подалась.

Я закричал. Дверь захлопнулась, буря ворвалась внутрь, схватила меня и закружила все быстрей и быстрей. Я полетел к холодным звездам, но они не были холодными, и сам я становился больше и больше, и наконец стал звездой, а звезды стали мной, и я стал Единением, и на одно-единственное чудное мгновение я стал Вселенной.

И провалился во тьму.

Я проснулся в нашей спальне с дикой головной болью. Гурли сидел на стуле и читал одну из наших книг. Услышав мой стон, он поднял голову.

Лиины таблетки по-прежнему лежали на тумбочке. Я поспешно проглотил одну и попытался сесть.

— Как вы? — спросил Гурли.

— Болит, — потирая лоб, ответил я. В висках стучало: казалось, голова сейчас лопнет. Хуже, чем когда я почувствовал Лиину боль, — Что случилось?

Гурли встал.

— Вы перепугали нас до смерти. Как только вы начали читать чувства, вас вдруг затрясло. Потом вы пошли прямо в объятия проклятого сосуна. И закричали. Дино с сержантом пришлось вас оттаскивать. Вы шагнули в этот кисель, и он уже дошел вам до колен. Вы дергались. Странно. Дино ударил вас, и вы потеряли сознание.

Он покачал головой и направился к двери.

— Куда вы? — спросил я.

— Спать. Вы пролежали так почти восемь часов. Дино просил меня побыть с вами, пока вы не придете в себя. Ладно, вы пришли в себя. Теперь отдохните, и я отдохну. Поговорим завтра.

— Я хочу поговорить сейчас.

— Уже поздно, — сказал он и закрыл за собой дверь спальни.

Я прислушался. И четко расслышал, как он закрывает меня на ключ. Кто-то явно боится Одаренных, разгуливающих по ночам. Но я никуда не собирался.

Я встал и пошел что-нибудь выпить. В комнате стояло валтаарское. Я быстро опустошил два бокала и съел легкую закуску. Головная боль немного утихла. Я вернулся в спальню, выключил свет и отрегулировал стекло, чтобы мне светили звезды. И снова лег спать.

Но я не заснул, во всяком случае не заснул сразу. Слишком много всего случилось. Мне надо было подумать. В первую очередь об этой головной боли, о жуткой головной боли, которая терзала мой мозг. Как у Лии. Но Лия не пережила того, что я. Или пережила? У Лии большой Дар, ее чувствительность гораздо выше моей, и диапазон восприятия шире. Могла ли эта буря эмоций настичь ее так далеко, на расстоянии многих миль? Глубокой ночью, когда люди и шкины спят и их мысли теряют ясность? Возможно. И может, мои полузабытые сны — лишь смутное отражение ее ночных ощущений. Но сны мои были приятными. Беспокойство мучило меня после, когда я просыпался и не мог их вспомнить.

И еще, голова начинала болеть во сне? Или после пробуждения?

Что же произошло? Какая сила одолела меня в пещере и потянула к себе? Сосун? Должно быть, он. Я даже не успел сосредоточиться на шкинской женщине. Точно сосун. Но Лианна сказала, что сосун не мыслит, даже не сознает, что он живет…

Все это вертелось у меня в голове, вопросы громоздились на вопросы, а на них еще вопросы, но ответов не было. Потом я стал думать о Лии, где она теперь и почему она от меня ушла. Неужели то, что она пережила, толкнуло ее на этот шаг? Почему я не понимал? Значит, я потерял ее. Я нуждался в ней, а ее не было. Я остался один и остро чувствовал свое одиночество.

Я заснул.

Сплошная тьма длилась долго, а потом я увидел сон и вспомнил. Я снова лежу на равнине, на бескрайней темной равнине, надо мной — беззвездное небо, вдалеке — черные тени. Это равнина, о которой так часто говорила Лия. Строчка из ее любимого стихотворения. Я остался один, навечно один, и знаю это. Такова природа вещей. Я единственное существо во Вселенной, я замерз, я голоден и испуган, и жестокие, неумолимые тени подступают ко мне. И некого позвать, не к кому обратиться, некому услышать мой крик. Никогда никого не было.

Никогда никого не будет.

И тогда пришла Лия.

Юна спустилась с беззвездного неба, бледная, тоненькая и хрупкая, и встала рядом со мной на равнине. Откинула назад волосы и, глядя на меня сияющими, широко распахнутыми глазами, улыбнулась. И я знал, что это не сон. Каким-то образом она оказалась со мной. И заговорила:

«Привет, Роб».

«Лия? Привет, Лия. Где ты? Ты меня бросила».

«Прости. Я не могла иначе. Пойми, Роб. Ты должен понять. Я больше не могла находиться здесь, в этом ужасном месте. Я должна была это сделать, Роб. Люди всегда здесь, не считая кратких мгновений».

«Голос и прикосновенье?»

«Да, Роб. И снова — темнота… и молчание. И темная равнина».

«Ты путаешь два стихотворения, Лия. Хотя это не важно. Ты знаешь стихи лучше меня. Но ты ничего не забыла? Раньше. “Любовь, будем верны…”».

«Ах, Роб!»

«Где ты?»

«Я везде. Но в основном в пещере. Я была готова, Роб. Я была более открыта, чем остальные. Я могла не проходить через Собрание и Посвящение. Мой Дар научил меня сопереживанию. И меня приняло Оно».

«Конечное Единение?»

«Да».

«Ах, Лия!»

«Роб. Пожалуйста. Приходи к нам, приходи ко мне. Понимаешь, это счастье. Навсегда, навеки, это единство душ, это близость, это отсутствие одиночества. Я влюблена, Роб, влюблена в миллиарды и миллиарды людей, и я знаю их всех лучше, чем я когда-либо знала тебя, и они знают меня настоящую, какая я есть, и любят меня. И так будет всегда. Я. Мы. Единение. Я все еще я, но в то же время они, понимаешь? А они — это я. Посвященные раскрыли меня, Единение призывало меня к себе каждую ночь, потому что любило меня. Ах, Роб, приходи к нам, приходи к нам. Я люблю тебя».

«Единение. Ты имеешь в виду сосуна. Я люблю тебя, Лия. Пожалуйста, вернись. Он еще не успел поглотить тебя. Ска-жи мне, где ты. Я приду к тебе».

«Да, приходи ко мне. Приходи, куда хочешь, Роб. Сосун един, все пещеры соединяются под холмами, маленькие сосуны — частицы Единения. Приходи ко мне, присоединяйся ко мне. Люби

меня так, как ты говорил. Присоединяйся ко мне. Ты так далеко. Я едва достаю до тебя, даже с помощью Единения. Приходи ко мне, и мы будем все едины».

«Нет, я не позволю сожрать себя. Пожалуйста, Лия, скажи, где ты».

«Бедный Роб. Не тревожься, любимый. Тело — не главное. Сосуну нужна пища, а нам нужен сосун. Но, Роб, Единение — это не только сосун, понимаешь? Сосун не имеет большого значения, он даже лишен разума, он лишь связующее звено, посредник. Единение — это шкины. Миллион триллионов шкинов, все шкины, жившие в течение четырнадцати тысяч лет. Все Посвященные, все вместе, со своей близостью, вечной и бессмертной. Это прекрасно, Роб, это больше того, что было у нас, гораздо больше, а ведь нам повезло, помнишь? Нам повезло! Но счастье здесь».

«Лия! Моя Лия! Я люблю тебя. Это не для тебя, это не для людей. Вернись ко мне».

«Это не для людей? Нет, для *людей!* Именно это люди всегда искали, именно к этому люди всегда стремились, плача по ночам от одиночества. Это любовь, Роб, настоящая любовь, а людская любовь лишь ее бледная тень. Понимаешь?»

«Нет».

«Приходи, Роб. Присоединяйся. Или ты будешь всегда один, один на равнине, и “лишь только голос и прикосновенье” будут скрашивать твою жизнь. А под конец, когда твоя плоть умрет, ты лишишься и этого. Впереди — только вечная беспросветная тьма. Равнина на веки веков, Роб. И я не смогу пробиться к тебе никогда. Но так не должно быть…»

«Нет, Лия, не уходи. Я люблю тебя, Лия. Не покидай меня».

«Я люблю тебя, Роб. Я любила. Я правда любила…»

И она исчезла. Я вновь был один на равнине. Вдруг откуда-то подул ветер и унес от меня в холодное безбрежное пространство ее затихающие слова.

Хмурым утром входная дверь оказалась незаперта. Я поднялся в лифте и нашел Валкаренью одного в кабинете.

— Ты веришь в Бога? — спросил я.

Он поднял глаза и улыбнулся.

— Разумеется, — беспечно ответил он.

Я прочитал его чувства. Он никогда не думал на эту тему.

— Я не верю в Бога, — сказал я. — Лия тоже не верила. Знаешь, большинство Одаренных — атеисты. Пятьдесят лет назад на Старой Земле проводился опыт. Его проводил человек по фамилии Линнел, очень Одаренный, он был глубоко верующим. Он считал, что, установив при помощи сильно-действующих

лекарств связь между умами самых Одаренных людей мира, можно прийти к тому, что Линнел назвал Всеобщим осознанием бытия. А другие именуют Богом. Эксперимент провалился, но во время него что-то произошло. Линнел сошел с ума, а остальные участники разошлись с ощущением огромной темной враждебной пустоты, вакуума, лишенного смысла, формы и значения.

Много веков назад жил один поэт, его фамилия Арнольд, у него есть стихотворение, где мир сравнивается с темной равниной. Стихотворение написано на одном из древних языков, но его стоит прочитать. Мне кажется, оно о страхе. О заложенном в человеческом естестве страхе одиночества во Вселенной. Возможно, это просто страх смерти, возможно — нечто большее. Не знаю. Но это врожденное чувство. Человек обречен на вечное одиночество, но он не хочет быть один. Он всегда ищет, стремится к общению, тянется к другим через пропасть. Одни никогда не могут ее преодолеть, но некоторым это порой удается. Нам с Лией повезло. Но ничто не вечно. А потом ты снова один на темной равнине. Понимаешь, Дино? Ты понимаешь?

Мои слова позабавили Валкаренью, и он слегка улыбнулся. Не ехидно, это не в его привычках, просто удивленно и недоверчиво.

— Нет, — честно ответил он.

— Тогда послушай еще раз. Человек всегда к чему-то или к кому-то стремится, что-то ищет. Беседа, дар, любовь, секс — все это одно и то же, направления общего поиска. И Бог тоже. Человек выдумывает Бога, потому что боится одиночества, трепещет перед пустой Вселенной, страшится темной равнины. Поэтому твои служащие обращаются к культу шкинов, поэтому люди переходят в другую веру, Дино. Они нашли Бога или то, что можно назвать Богом. Единение — это всеобщий разум, все, слившиеся в одно, всеохватывающая любовь. Черт возьми, шкины не умирают. Неудивительно, что у них нет понятия загробной жизни. Они знают, что Бог существует. Может, он и не создал Вселенную, но Бог есть любовь, чистая любовь. Они ведь говорят, что Бог есть любовь, так? Или, скорее, то, что мы называем любовью, — это частичка Бога. Так или иначе, но это и есть Единение. Для шкинов здесь кончается поиск, для людей тоже. В конце концов, мы похожи, мы до боли похожи.

Валкаренья, как обычно, демонстративно вздохнул.

— Роб, ты переутомился. Ты говоришь как один из Посвященных.

— Наверное, я должен был стать Посвященным. Лия стала. Теперь она часть Цдинения.

Валкаренья взглянул на меня.

— Откуда ты это взял?

— Она пришла ко мне во сне.

— А! Во сне.

— Это правда, черт возьми. Это все правда.

Валкаренья встал и улыбнулся.

— Я тебе верю, — сказал он. — Значит, сосун, чтобы привлечь жертву, использует психологическую, если хочешь, любовную приманку такой гипнотической силы, что люди, даже ты, начинают считать его Богом. Конечно, это опасно. Но прежде чем принимать меры, надо все обдумать. Мы можем охранять пещеры и не пускать туда людей, но пещер слишком много. И если ограничить доступ к сосуну, это осложнит наши отношения со шкинами. Но теперь это моя забота. Вы с Лией свое дело сделали.

Я подождал, пока он умолк.

— Ты ошибаешься, Дино. Это правда, никакого фокуса, никакого обмана чувств. Я это ощущал, и Лия тоже. Сосун даже не сознает, что он живет, не говоря уже о психологической приманке, достаточно сильной, чтобы привлечь шкинов и людей.

— Ты хочешь, чтобы я поверил, что Бог — это существо, которое обитает в пещерах планеты Шки?

— Да.

— Роб, это нелепо, ты сам знаешь. Ты думаешь, что шкины нашли ключ к тайнам мироздания. Но посмотри на них. Древнейшая известная цивилизация на четырнадцать тысяч лет застряла в бронзовом веке. Мы пришли к ним. Где их космические корабли? Где их небоскребы?

— А где наши колокола? — спросил я. — Наша радость? Они счастливы, Дино. А мы? Возможно, они нашли то, что мы все еще ищем. Почему люди так суетятся, черт побери? Почему мы рвемся покорять галактику, Вселенную, еще что-нибудь? Может, в поисках Бога?.. Кто знает? Мы не можем найти его нигде и стремимся вперед, вперед и вперед. Вечный поиск. И вечное возвращение на все ту же темную равнину.

— Сравним наши достижения. Я перечислю успехи человечества.

— А стоит ли?

— Думаю, стоит. — Он отошел от меня и выглянул в окно. — Единственная Башня на их планете — наша, — глядя вниз и улыбаясь, сказал он.

— Единственный Бог во Вселенной — их, — ответил я.

Но он только улыбался.

— Хорошо, Роб, — наконец отвернувшись от окна, проговорил он. — Я все это учту. И мы разыщем твою Лианну.

Мой голос смягчился.

— Лии больше нет, — сказал я. — Теперь я это знаю. И если я промешкаю, то тоже пропаду. Я уезжаю сегодня вечером. Возьму билет на первый же корабль, летящий на Бальдур.

Он кивнул.

— Как хочешь. Деньги будут. — Он усмехнулся, — Мы найдем Лию и отправим ее вслед за тобой. Думаю, она разозлится, но это уже твои трудности.

Я не ответил. Только пожал плечами и пошел к лифту. Я уже собирался войти в лифт, когда Валкаренья остановил меня.

— Подожди меня, — сказал он. — Как насчет обеда сегодня вечером? Вы хорошо поработали. У нас все равно намечается прощальный вечер, у нас с Лори. Она тоже уезжает.

— Я тебе сочувствую, — произнес я.

Теперь он пожал плечами.

— Нет причин для сочувствия. Лори прекрасный человек, и мне будет ее не хватать. Но это не трагедия. Есть другие прекрасные люди. Мне кажется, Шки начала действовать ей на нервы.

От досады и боли я почти позабыл о своем Даре. Теперь я о нем вспомнил. Я прочитал чувства Дино. Печали не было, огорчения тоже, только легкое разочарование. А за ним — стена. Всегдашняя стена отделяла от других людей того, кто со всеми был на «ты», но никому не был близок. И на этой стене как будто висела табличка:

ДО ЭТОГО МЕСТА ВЫ ДОШЛИ,
А ДАЛЬШЕ ХОДА НЕТ!

— Приходи, — сказал он. — Будет весело.

Я согласился.

Когда корабль поднялся в воздух, я спросил себя, почему уезжаю.

Возможно, чтобы вернуться домой. У нас есть дом на Бальдуре, вдали от городов, на одном из незаселенных материков, и вокруг только дикое пространство. Дом стоит на отвесной скале над высоким водопадом, неустанно сбегающим вниз, в затененный, окаймленный зеленью пруд. В солнечные дни мы с Лией часто плавали там, отдыхая после деловой поездки. А потом лежали обнаженные в тени апельсиновых деревьев и любили друг друга на ковре серебряного мха. Возможно, я возвращаюсь к этому. Но без Лии. Без Лии, которую я потерял, ничего уже не будет как прежде…

Я потерял ее, хотя мог сохранить. И мог быть с ней сейчас. Это так просто, так просто. Медленно пройти в темную пещеру и

ненадолго заснуть. И тогда Лия вечно была бы со воюй, во мне, частью меня, мной, а я — ею. Любовь и познание друг друга, познание такое полное, о котором люди могут лишь мечтать. Единение и радость, и избавление от тьмы — навеки. Бог. Если я верил в то, что говорил Валкаренья, почему я сказал Лии «нет»?

Может, потому, что усомнился. Может, я все-таки надеюсь найти что-то более великое и любящее, чем Единение, найти Бога, о котором мне говорили когда-то, давным-давно. Может, я иду на риск, потому что в глубине души все еще верю. Но если я ошибся, тогда темнота и равнина…

А может, причина в другом, в чем-то, что я заметил в Валкаренье, в чем-то, что заставляло меня усомниться в собственных словах. Потому что люди все же не совсем такие, как шкины. Есть люди, подобные Дино и Гурли, а есть такие, как Лия и Густаффсон, — люди, которые боятся любви и Единения, и люди, которые жаждут их. Значит, двойственная природа. У человека два главных побуждения, а у шкина только одно? Но если так, значит, у человека — свой путь к Единению, свой способ преодолеть одиночество и остаться человеком.

Я не завидую Валкаренье. Он кричит за своей стеной, и никто не знает об этом, даже он сам. Никто никогда не узнает, и он будет всегда один, будет всегда улыбаться, превозмогая боль. Нет, я не завидую Дино.

Но, Лия, в чем-то я похож на него, хотя во многом и на тебя. Вот почему я бежал, несмотря на то что любил тебя.

Лори Блэкберн была со мной на корабле. После взлета мы перекусили и весь вечер обсуждали поданное к ужину вино. Невеселый разговор, но вполне человеческий. Мы оба нуждались в участии и потянулись друг к другу.

Потом я отвел ее к себе в каюту и любил ее со всей страстью, на которую был способен. И тогда темнота стала рассеиваться, мы обрели друг друга и болтали всю ночь напролет.

Башня из пепла
© Перевод О. Колесникова

Моя башня построена из маленьких черно-серых кирпичей, связанных раствором из блестящего черного вещества, которое удивительно похоже на обсидиан, хотя, наверное, не может им быть. Она стоит над заливом Долгого Моря, имеет двадцать футов высоты, наклонена, и от края леса ее отделяют лишь несколько шагов.

Я нашел эту башню почти четыре года назад, когда вместе с Белкой покинул Порт-Джемисон в серебристом автолете, лежащем теперь разобранным среди высокой травы возле порога. И до сего дня я почти ничего не знаю об этом архитектурном сооружении, но у меня на этот счет есть несколько

предположений.

Прежде всего, сомневаюсь, что она построена людьми. Башня явно старше Порт-Джемисона, и мне часто кажется, что ее построили до начала космической эры. Черно-серые кирпичики (удивительно маленькие — каждый в четверть обыкновенного) очень стары, имеют неровную поверхность и крошатся под моими ногами. Везде лежит песок, и я хорошо знаю, откуда он, поскольку не раз вынимал расшатавшиеся кирпичи из парапета на крыше башни и лениво давил их в руке, превращая в мелкий темный порошок. Когда дует ветер с востока, над башней поднимается столб пепельной пыли.

Внутри эти черно-серые кирпичи в лучшем состоянии, поскольку ветер и дождь обрабатывают только поверхность, но, несмотря на это, башню кривой не назовешь. Внутри это единое помещение, лишенное окон, полное пыли и эха; свет проникает туда лишь через круглое отверстие в центре крыши. Спиральная лестница, сделанная из таких же древних кирпичей, как и все остальное, является частью стены и поднимается как резьба на винте, пока не достигает крыши. Белка, чьи кошачьи шажки довольно мелки, легко взбегает по ступеням, но для человека они слишком узки и неудобны.

И все же я поднимаюсь по ним. Каждую ночь я возвращаюсь из холодных лесов со стрелами, черными от засохшей крови пауков сновидений, и сумкой, полной их мешочков с ядом. Отставив лук в сторону, я мою руки, а потом выхожу на крышу, чтобы провести там последние часы перед рассветом. По другую сторону узкого морского залива, на острове, горят огни Порт-Джемисона — сверху он совсем не похож на хорошо знакомый мне город. Ночью черные квадратные здания окружает романтическое сияние: серо-оранжевые и бледно-голубые огни города заставляют думать о тайнах, тихих песнях и одиночестве, когда космические корабли взлетают и опускаются на фоне звезд, как неутомимые светлячки времен моего детства на Старой Земле.

— Там кроется множество преданий, — признался я как-то Корбеку, прежде чем научился не делать этого. — За каждым огнем находятся люди, а что ни человек, то своя судьба. Но их жизнь не соприкасается с нашей, поэтому мы никогда не узнаем ее истории. — Полагаю, что при этом я помогал себе жестами — само собой, я был пьян в стельку.

В ответ Корбек широко улыбался, отрицательно покачивая головой. Это был высокий, полный темноволосый мужчина с бородой, торчащей во все стороны, как моток колючей проволоки. Каждый месяц он прилетал из города на своем черном

обшарпанном автолете, чтобы доставить мне продукты и забрать яд добытых мною пауков сновидений, и каждый месяц мы поднимались на крышу башни и напивались. Корбек был всего лишь водителем грузовика, торговцем второсортными сновидениями и бывшими в употреблении радугами, но считал себя философом и исследователем человеческой природы.

— Не обманывайся, ты ничего не теряешь, — сказал он мне тогда с лицом, покрасневшим от вина. — Рассказы о судьбах людей ничего не стоят. Настоящие рассказы обычно имеют какую-то фабулу. Они начинаются, продолжаются какое-то время и действительно заканчиваются. Только автор и пишет цикл. В жизни так не бывает: люди бесцельно блуждают, ведут пустые разговоры — и так без конца. Все идет своим чередом.

— Люди умирают, — вставил я. — По-моему, это и есть конец.

Корбек громко рыгнул.

— Конечно, но слышал ли ты, чтобы кто-то умер в нужную минуту? Нет, так не бывает. Одни уходят, так и не начав жить по-настоящему, другие — в расцвете сил, а третьи продолжают влачить жалкое существование, уже когда все кончилось.

Часто, сидя наверху с Белкой на коленях, я вспоминаю слова Корбека и то, как он их произнес, — удивительно мягким голосом. Корбек не очень-то смышлен, но, думаю, в ту ночь, помимо своей воли, поведал истину. Впрочем, решительное отношение к жизни, которое он тогда высказал, является единственным противоядием против снов, которые плетут пауки. Однако я не Корбек и никогда им не буду, поэтому, хоть и понимаю эту истину, не могу жить с нею в согласии.

Когда они прилетели, я находился возле башни и стрелял по мишени. На мне были только штаны и колчан. Уже наступали сумерки, и я готовился к ночному походу в лес — с самых первых дней изгнания я жил от заката до рассвета, как пауки сновидений. Под ногами я чувствовал мягкую траву, двойной лук из серебристого дерева как никогда хорошо лежал в моей руке. И стрелял я в тот день тоже здорово.

Тогда я и услышал, как они подлетают. Оглянувшись через плечо в сторону пляжа, я увидел в небе быстро растущий темно-синий автолет. Конечно, это был Джерри, я узнал это по звуку мотора — сколько себя помню, его машина всегда громко шумела.

Повернувшись к ним спиной, я вынул из колчана еще одну стрелу и, не дрогнув, впервые за этот день попал в десятку.

Джерри посадил свой автолет в зелени, растущей возле

башни, лишь в нескольких футах от моего. С ним была Криста, стройная и серьезная, а заходящее солнце зажгло красные искры в ее золотых волосах. Они вышли и направились ко мне.

— Не подходите к мишени, — предупредил я, вынимая очередную стрелу и натягивая лук. — Как вы меня нашли? — Жужжание стрелы, вибрирующей в центре мишени, подтвердило слова предостережения.

Они подошли, издалека огибая линию выстрела.

— Когда-то ты говорил, что заметил это место с воздуха, — ответил Джерри. — Мы знали, тебя нет в Порт-Джемисоне, и решили поискать здесь. — Он остановился в нескольких футах от меня, уперев руки в бок. Выглядел он таким, каким я его помнил, — высокий, темноволосый и всегда в отличном настроении. Криста подошла и положила руку ему на плечо.

Я опустил лук и повернулся к ним лицом.

— Ах, вот оно что. Итак, вы нашли меня. А зачем?

— Я беспокоюсь за тебя, Джонни, — тихо сказала Криста, избегая моего взгляда.

Джерри властно обнял ее за талию, и я почувствовал, как во мне нарастает ярость.

— Бегство не решает никаких проблем. — В его голосе звучала та же странная смесь дружеской заботы и дерзости, с которой он обычно обращался ко мне.

— Никто не убегал, — ответил я напряженным голосом. — Черт возьми, вы не должны были сюда прилетать.

Криста взглянула на Джерри. Лицо ее было печально, и я вдруг понял, что она подумала то же, что и я. Джерри только нахмурился. Не думаю, что когда-нибудь он понял, почему я говорил и думал так, а не иначе. Каждый раз, когда мы обсуждали произошедшее, а такое случалось нечасто, Джерри говорил, что сделал бы он, если бы наши роли поменялись. У него в голове не укладывалось, что кто-то может поступить иначе на его месте.

На меня не произвело впечатления недовольное выражение его лица, но все-таки мне удалось вывести его из себя. Целый месяц своего добровольного изгнания в черной башне я пытался понять причины собственных поступков и настроения, а это не так уж и легко. Криста и я были вместе очень давно — почти четыре года, когда прилетели на планету Джемисона в поисках редких серебряных артефактов, которые раньше находили на Бальдуре. Я любил ее все это время и люблю даже сейчас, несмотря на то что ради Джерри она меня бросила. Когда я хорошо себя чувствовал, мне казалось, что это благородный и лишенный эгоизма импульс велел мне покинуть Порт-Джемисон.

Я просто хотел, чтобы Крис была счастлива, а это было невозможно, пока там находился я. Она глубоко меня ранила, и я не смог скрыть терзающих меня чувств, мое присутствие рождало у нее чувство вины и бросало тень на счастье, которое она нашла с Джерри. А поскольку у нее не было сил порвать со мной, я сделал это сам. Для них. Для нее.

Впрочем, возможно, это самовнушение. Бывали и такие минуты, когда это непрочное равновесие нарушалось, уступая место отвращению к себе. Таковы ли были истинные мотивы моих поступков? А может, в приступе гнева я хотел ранить себя и тем самым покарать их — как капризный ребенок, рассуждающий о самоубийстве как о своеобразной мести.

Этого я действительно не знал. Весь месяц размышляя над обеими причинами, пытался понять самого себя и прийти к какому-либо выводу. Я хотел выглядеть героем, готовым поступиться своим чувством ради счастья любимой женщины. Но слова Джерри говорили о том, что он видел мои поступки в совершенно ином свете.

— Зачем тебе все так драматизировать?

С самого начала он решил вести себя очень вежливо и постоянно выглядел раздосадованным на меня, потому что я не мог взять себя в руки и забыть об обидах. Ничто не злило так, как его раздражительность. Я считал, что очень хорошо справляюсь с ситуацией, и чувствовал себя задетым позой Джерри, опровергавшей мою позицию.

Однако Джерри был настроен наставить меня на путь истинный и делал вид, что не замечает моих гневных взглядов.

— Мы останемся здесь и будем обсуждать все до тех пор, покаты не согласишься вернуться с нами в Джемисон, — сказал он в своей убедительной манере не-уступлю-ни-шага.

— Никогда! — выпалил я, отворачиваясь от них и вырывая из колчана стрелу. Накладывая ее на тетиву, прицелился и выстрелил, но слишком быстро. Стрела пролетела в добром футе от мишени и воткнулась в мягкую и темную стену моей башни.

— А вообще-то что это за место? — спросила Крис, глядя на башню, словно видя ее впервые в жизни. Может, именно так оно и было, и только полет моей стрелы, вонзившейся в кирпич, привлек ее внимание к древнему строению. Но, скорее всего, она намеренно сменила тему разговора, чтобы мы с Джерри не поссорились.

Я вновь опустил лук и подошел к мишени с целью вытащить из нее стрелы.

— Точно не знаю, — отозвался я, несколько успокоившись и желая поддержать тему разговора. — По-моему, это — охранная

башня, но построена она не людьми. Планета Джемисона никогда детально не изучалась. Может, когда-то здесь жили разумные существа. — Обойдя мишень, я подошел к башне и вырвал последнюю стрелу из рассыпающегося кирпича. — Может, они до сих пор здесь. Мы очень мало знаем о том, что происходит на континенте.

— А по-моему, ты живешь в дьявольски мрачном месте, — вставил Джерри, разглядывая башню. — Башня выглядит так, словно в любую минуту может рухнуть.

Я глуповато улыбнулся.

— И мне пришла в голову эта мысль. Но когда я явился сюда впервые, мне это было все равно. — Однако, произнося эти слова, я уже пожалел о них: на лице Крис появилась гримаса боли. Такова вся правда о последних неделях моего пребывания в Порт-Джемисоне. Как бы ни ломал я себе голову, путь у меня, похоже, был один: или обмануть ее, или ранить. Ни одна из этих возможностей меня не устраивала, поэтому я и оказался здесь. Но теперь они тоже были здесь, и, значит, вся невыносимая ситуация повторилась.

Джерри уже хотел что-то сказать, но не успел, потому что именно в это мгновение Белка выскочила из гущи зелени прямо на Крис.

Она улыбнулась и присела. Секундой позже кошка оказалась у ног девушки и принялась лизать ей руки и кусать пальцы. Белка явно была в хорошем настроении. Ей нравилась жизнь вокруг башни. В Порт-Джемисоне ее свободу ограничивали, поскольку Криста боялась, что ее могут сожрать ворчуны, поймать собаки или повесить местная детвора. Здесь я позволял ей бегать сколько угодно, и это ей очень нравилось. В зарослях вокруг башни кишели хвостатики — местные грызуны с голыми хвостами, в три раза превышающими длину их тела. На конце находилось жало со слабым ядом, но Белка не отказывалась от охоты, хотя после каждого соприкосновения с этим оружием распухала и становилась злой. Она всегда считала себя великой охотницей, хотя ожидание миски кошачьей похлебки не требовало никаких охотничьих талантов.

Она была со мной еще дольше, чем Криста, и девушка тоже очень привязалась к ней за время нашей совместной жизни. Часто мне казалось, что она ушла бы к Джерри намного раньше, если бы не мысль, что придется покинуть и Белку. Впрочем, это не значило, что животное было каким-то особенно красивым. Это была маленькая худая кошка, производившая впечатление запаршивевшей, с лисьими ушами, коричневым мехом и большим пушистым хвостом, раза в два длиннее, чем полагалось. Друг,

который подарил мне ее на Авалоне, со всей серьезностью заявил, что Белка — это потомок тощего обитателя крыш и генетически сформированной кошки-телепатки. Но даже если кошка и умела читать мысли своего хозяина, это ее саму мало волновало. Когда она хотела, чтобы ее ласкали, то могла забраться на книжку, которую я читал, выбить ее из рук и кусать меня за подбородок, но если она желала одиночества, то осыпать ее ласками было далеко не безопасно.

Присев возле кошки и лаская ее, Криста очень напоминала именно ту женщину, которую я любил, с которой путешествовал, разговаривал бессчетное количество раз и спал каждую ночь. Внезапно я понял, как сильно мне ее не хватает. Кажется, даже улыбнулся, ее вид вызвал болезненную радость. Может, я вел себя глупо и неловко, пытаясь отослать их после того, как они проделали такой путь, чтобы увидеть меня. Крис осталась сама собой, и если она его любила, то, значит, и Джерри был не таким уж плохим.

Молча глядя на нее, я вдруг решил, что позволю им остаться. Посмотрим, чем это кончится.

— Наступает вечер, — услышал я свои слова. — Вы голодны?

Криста, ласкавшая кошку, подняла голову и улыбнулась, а Джерри кивнул.

— Конечно да.

— Хорошо, — сказал я, обошел их, потом остановился в дверях и жестом пригласил внутрь. — Добро пожаловать в мои руины.

Я включил электрические фонари и принялся готовить обед. В те дни моя кладовка была полна, поскольку я еще не начал жить только лесным промыслом. Я разморозил трех больших песчаных драконов, раков с серебристыми щитами, которых постоянно ловили рыбаки на Джеми, и подал их с хлебом, сыром и белым вином. За едой мы вели вежливый и сдержанный разговор. Вспомнили друзей из Порт-Джемисона, а Криста рассказала мне о письме, полученном от пары, с которой мы познакомились на Бальдуре. Джерри рассуждал о политике и усилиях джемисонской полиции по запрещению торговли ядом снов.

— Городской совет финансирует исследования какого-то суперпестицида, который полностью уничтожит пауков сновидений, — сказал он мне. — Думаю, интенсивное опыление прибрежных районов отсекло бы большинство поставок.

— Конечно! — согласился я, уже слегка опьяневший и раздраженный глупостью Джерри. Слушая его, я вновь начал сомневаться во вкусе Кристы. — Невзирая на то, как это может

повлиять на экологию, верно?

Джерри пожал плечами.

— Это же континент, — просто ответил он. Он был джемисонцем до мозга костей, и его ответ следовало понимать так: «А кого это волнует?» Каприз истории привел к тому, что жителей планеты Джемисона отличало беззаботное отношение к единственному большому континенту их мира. Первые колонисты в своем большинстве были родом со Старого Посейдона, где доминировал образ жизни, неразрывно связанный с морем. В новом мире бурлящие жизнью океаны и спокойные архипелаги привлекали больше, чем мрачные леса континента. За исключением горстки, наживающейся на нелегальной торговле сновидениями, их дети унаследовали те же взгляды.

— Не отметай этих проблем, не задумываясь, — с нажимом сказал я.

— Будь реалистом, — ответил он. — Континент не нужен никому, за исключением торговцев сновидениями. Кому же это может повредить?

— Черт побери, Джерри, посмотри на эту башню! Как по-твоему, откуда она здесь взялась? Говорю тебе, в этих лесах могут жить разумные существа. Ведь джемисонцы никогда не пытались это проверить.

Криста согласно кивнула.

— Не исключено, что Джонни прав, — заявила она, взглянув на Джерри, — Вспомни, зачем именно я сюда прилетела: ради артефактов. Торговец на Бальдуре сказал, что они были привезены с Порт-Джемисона. Все следы вели только сюда, и никуда больше. Что касается выделки, то я давно торгую искусством неземлян, Джерри. Я знаю вещи финдии, дамуш, видела и другие артефакты. Но те были совершенно иные.

Джерри только улыбнулся.

— Это ничего не доказывает. Есть и другие расы, миллионы рас, живущих ближе к ядру галактики. Расстояния слишком велики, поэтому мы редко слышим об инопланетянах, да и тогда имеем дело с известиями из вторых рук. Однако это не исключает попадания к нам единичных экземпляров их произведений искусства. — Он покачал головой. — Нет, держу пари, что эту башню возвел один из первых поселенцев. Кто знает, может, до Джемисона здесь был еще один разведчик, который никогда не сообщал о своей находке? Не исключено, что именно он построил это. Меня никто и ничто не убедит в существовании разумной жизни на континенте.

— Что ж, подожди, пока эти чертовы леса будут дезинфицированы и обитатели выйдут, размахивая копьями, —

кисло ответил я.

Джерри расхохотался, а Криста улыбнулась мне. И вдруг меня охватило неудержимое желание выиграть этот спор. Вино придало моим мыслям легкость и ясность, и все казалось таким логичным. Несомненно, я был прав и видел в этом возможность показать Крис, что за деревня этот Джерри.

Я наклонился к нему.

— Если бы вы, джемисонцы, хоть раз хорошо поискали, то могли бы найти разумную расу, — настаивал я. — Хоть я на континенте всего месяц, уже многое обнаружил. Вы и представления не имеете о красоте земли, которую так беззаботно хотите уничтожить. Здесь уникальная экологическая система, отличная от островов, — множество видов, до сих пор еще не открытых. Но что вы об этом знаете? Что знает об этом хоть один из вас?

Джерри кивнул.

— Так покажи все мне, — Он неожиданно встал. — Я готов учиться, Боуэн. Почему бы тебе не взять нас с собой и не показать чудеса континента?

Я думаю, Джерри тоже пытался что-то доказать. Вероятно, ему не приходило в голову, что я приму его предложение, но именно это я и сделал. На дворе было уже темно, и мы разговаривали при свете фонарей. Над нашими головами сквозь отверстия в крыше светили звезды. В это время в лесу, странном и прекрасном, кипела жизнь, и я вдруг захотел пойти туда с луком в руке, чтобы оказаться в мире, где был хозяином и другом, а Джерри — просто неопытным туристом.

— Что скажешь, Криста? — спросил я.

Она, казалось, заинтересовалась.

— Звучит заманчиво, конечно, если это безопасно.

— Будет, — заверил я. — Я возьму лук.

Мы оба встали, и Криста выглядела довольной. Я вспомнил времена, когда мы вдвоем пробирались через бальдурианские пустоши, и вдруг почувствовал себя очень счастливым, обретя уверенность, что все пойдет как по маслу. Джерри был просто частью плохого сна. Невозможно, чтобы она его любила.

Для начала я нашел отрезвляющие таблетки. Они были необходимы, так как я чувствовал себя не настолько хорошо, чтобы идти в лес. Голова кружилась от выпитого вина. Мы с Кристой сразу проглотили по штуке, и секундой позже опьянение стало проходить. Джерри, однако, отказался от таблетки.

— Я выпил не так уж много, — уперся он. — Мне это не нужно.

Я пожал плечами, думая, что все идет хорошо. Если Джерри

начнет шарахаться по лесу, это наверняка отвратит от него Крис.

— Как хочешь, — сказал я.

Ни у кого из них не было подходящей одежды для путешествия однако я надеялся, что это не причинит неприятностей, поскольку не собирался вести в лес слишком далеко. «Это будет короткая экскурсия, — подумал я. — Мы пойдем по моей тропе, я покажу им ту кучу черной пыли и расщелину пауков, возможно, подстрелю для них паука сновидений. Ничего особенного, только туда и обратно».

Надев темный комбинезон и тяжелые полевые ботинки и повесив через плечо колчан, я подал Крис фонарь и взял в руки лук.

— Он действительно тебе нужен? — с сарказмом спросил Джерри.

— Для защиты, — ответил я.

— Это не может быть настолько опасным.

«И не является, если знаешь, что делаешь», — подумал я, но не сказал.

— Почему тогда вы, джемисонцы, остаетесь на своих островах?

Джерри улыбнулся:

— Я бы предпочел положиться на лазер.

— А я развиваю в себе желание совершить самоубийство. Кроме того, лук дает животному некоторый шанс.

Крис, мысленно вернувшись к нашим общим воспоминаниям, улыбнулась мне.

— Джонни охотится только на хищников, — объяснила она Джерри. Я поклонился.

Белка согласилась последить за моей крепостью. Я был спокоен и уверен в своих силах. Повесив на пояс нож, я повел свою бывшую жену и ее любовника в глубь лесов планеты Джемисона.

Мы шли гуськом на небольшом расстоянии: я впереди с луком, за мной Крис, а последним Джерри. Уже в самом начале Крис включила фонарь, освещая им дорогу, когда мы продирались сквозь заросли шипострела, стоявшие стеной над берегом моря.

Деревья эти, высокие и прямые, с серой неровной корой, поднимались на удивительную высоту, прежде чем выпускали ветви. Они росли вплотную друг к другу, затрудняя проход, и не раз казалось, что непроходимая стена загораживает нам дорогу. Однако Крис всегда находила ее.

Примерно через десять минут после входа в лес вид резко изменился. Земля и сам воздух стали более сухими, ветер

холодным, но без привкуса соли, поскольку жадные до воды шипострелы высасывали большую часть влаги из воздуха. Деревья росли теперь реже и не такими высокими, а промежутки между ними стали большими и их легче было найти. Появились и другие виды: карликовые гоблинцы, раскидистые псевдодубы, полные прелести эбеногневки, чьи красные жилы пульсировали в темном лесу, когда их касался луч света из фонаря Крис.

И голубые мхи.

Поначалу их было немного: тут толстая паутина, свисающая с гоблинца, там небольшое пятно на земле, часто коварно вползающее на ствол эбеногневки или одинокого сохнущего шипострела. Потом все больше: толстые ковры под ногами, мягкие навесы, свисающие с ветвей и покачивающиеся на ветру. Криста освещала пространство вокруг нас фонарем, находя все более толстые и красивые гроздья голубых растений, а на границе темноты я начал замечать их свечение.

— Хватит, — сказал я, и Крис погасила фонарь.

Темнота воцарилась только на секунду, пока наши глаза к ней привыкали. Вокруг лес окутался мягким блеском, когда голубые мхи залили все призрачной фосфоресценцией. Мы стояли на краю небольшой поляны, под черной блестящей эбеногневкой, но даже пламя ее красных жил казалось холодным в бледно-голубом сиянии. Мхи захватили весь подлесок, вытеснив травы и превратив кусты в голубые косматые шары. Они поднялись на стволы большинства деревьев, а взглянув на звезды сквозь сплетение ветвей, мы заметили, что другие колонии мхов окружили вершины деревьев светящейся короной.

Я осторожно положил лук к стволу эбеногневки, наклонился и подал Крис горсть света. Когда я поднес руку к ней, она вновь улыбнулась мне, а черты ее лица смягчились в волшебном сиянии. Я был очень счастлив тем, что могу показать ей такую необычайную красоту.

Джерри, однако, только рассмеялся.

— Это и есть то, что опасно, Боуэн? — спросил он. — Лес, полный голубых мхов?

Я выпустил мох.

— Ты не считаешь их красивыми?

— Конечно считаю, — пожал он плечами. — Но ведь это просто грибы-паразиты, имеющие опасную склонность к вытеснению всех прочих форм растительной жизни. Знаешь, когда-то этих голубых мхов было полно на Джолостаре и Барбисанском архипелаге. Мы полностью их вывели, поскольку в течение месяца они могли уничтожить урожай кукурузы, — говорил он, покачивая головой.

А Криста поддакнула:

— Знаешь, Джерри прав.

Я долго смотрел на нее, совершенно трезвый, забыв о выпитом вине, и понял, что помимо своей воли создал себе фантазию. Здесь, в мире, который я считал своим, в мире пауков сновидений и волшебных мхов, я каким-то образом убедил себя, что сумею вернуть давно утраченное — мою смеющуюся подругу. В древнем лесу континента она должна была увидеть нас обоих в новом свете и вновь понять, что любит только меня.

И вот я соткал прекрасную паутину, светящуюся и привлекательную, как ловушки пауков сновидений, а Крис одним словом уничтожила это видение. Она принадлежала ему и не будет моей ни сейчас, ни потом. А если Джерри казался мне глупым, бесчувственным или слишком практичным — что ж, может, именно эти черты его характера определили выбор, который она сделала. А может, и нет — я не имел права умалять ее любовь; возможно, я вообще никогда ее не понимал.

Я стряхнул с рук последние крошки светящегося мха, а Джерри взял у Кристы фонарь и вновь зажег его. Моя голубая страна чудес растаяла, исчезла в яркой действительности луча света.

— Что теперь? — с улыбкой спросил он. Значит, все-таки он был не так уж и пьян.

Я поднял лук с того места, где его положил.

— Идите за мной, — лаконично бросил я.

Оба они выглядели заинтересованными, но мой настрой совершенно изменился. Внезапно вся прогулка показалась мне лишенной смысла. Я хотел, чтобы они наконец ушли, мною вновь овладело желание оказаться в башне с Белкой. Я был удручен и чувствовал себя с каждой секундой все хуже. Зайдя глубже в лес, мы наткнулись на быстрый поток, и яркий свет спугнул одинокого железорога, пришедшего утолить жажду. Бледный и испуганный, он вскинул голову, а потом быстро исчез среди деревьев. На мгновение он напомнил мне единорога из легенд Старой Земли. Я по привычке взглянул на Крис, но она, рассмеявшись, стала искать глазами Джерри.

Потом, во время подъема на скальное возвышение, мы на расстоянии вытянутой руки увидели отверстие пещеры: судя по запаху, это была нора лесного ворчуна.

Я повернулся, чтобы предупредить их, но обнаружил, что лишился слушателей. Они находились шагах в десяти от меня, у подножия возвышенности. Медленно шли и спокойно разговаривали, держась за руки.

Разозлившись, я отвернулся и молча продолжил подъем по

склону. Мы не разговаривали до тех пор, пока я не нашел знакомую мне кучу пыли.

На краю ее я остановился, а ботинки мои на дюйм погрузились в мелкую черную пыль. Они медленно присоединились ко мне.

— Выйди вперед, Джерри, — сказал я, — и воспользуйся своим фонарем.

Сноп света скользнул по окружающей местности. За спиной поднималось скальное возвышение, тут и там испятнанное огнем растительности, задавленной голубым мхом, но перед нами тянулась пустошь: большая, черная и мертвая равнина. Джерри подвигал лучом света взад-вперед, проведя им по краю черного поля. Свет бледнел, когда он направлял его в серую даль. Слышен был только шум ветра.

— И что? — спросил он наконец.

— Потрогай пыль, — сказал я ему. На этот раз мне не хотелось нагибаться, — А когда вновь окажешься в башне, раздави один из моих кирпичей и потрогай то, что останется.

Эю та же субстанция, что-то вроде пепла. — Я сделал широкий жест рукой. — Полагаю, когда-то здесь был город, но теперь все рассыпалось в прах. Понимаешь ли ты, что моя башня могла быть выдвинутым вперед аванпостом народа, который ее построил?

— Вымершей расы из этого леса, — с улыбкой ответил Джерри. — Что ж, должен признать, что на островах нет ничего подобного. И не без причины. Мы не позволяем лесным пожарам безумствовать у нас.

— Лесные пожары?! Надеюсь, ты шутишь. Пожар никогда не превращает все в пыль, обычно остается несколько почерневших стволов или что-нибудь подобное.

— Вот как? Вероятно, ты прав! Но во всех разрушенных городах, которые я знаю, всегда по крайней мере несколько кирпичей лежат друг на друге, чтобы туристы могли их фотографировать, — парировал Джерри. Луч света скользнул по куче пепла, потом удалился, — А здесь просто пыль.

Криста молчала.

Я повернул обратно. Они шли за мной. С каждой минутой его превосходство увеличивалось; я поступил опрометчиво, приведя их сюда. Сейчас я хотел только одного: поскорее вернуться в свою башню, отослать их в Порт-Джемисон и остаться в своем добровольном изгнании.

Когда мы спустились с возвышения и вернулись в лес, поросший голубым мхом, Криста остановила меня.

— Джонни, — позвала она.

Я замедлил шаг, они догнали меня, и Крис указала на что-то.

— Погаси свет, — приказал я Джерри. В бледном сиянии мхов легче было увидеть тонкую опалесцирующую сеть паука сновидений, наискось шедшую к земле от нижних ветвей псевдодуба. Светящиеся пятна мха не могли сравниться с ней: каждая нить была толщиной с мой мизинец и маслянисто поблескивала, переливаясь всеми цветами радуги.

Крис сделала шаг вперед, но я взял ее за руку и остановил.

— Пауки где-то рядом, — объяснил я. — Не подходи слишком близко. Самец никогда не покидает паутины, а самка кружит в ночи среди соседних деревьев.

Джерри с легким беспокойством взглянул вверх. Его фонарь не горел, и он вдруг перестал казаться всезнающим человеком. Пауки сновидений — грозные хищники; думаю, до сих пор он не видел ни одного, разве что в зоопарке. На островах они не водились.

— Исключительно большая сеть, — заметил он. — Эти пауки должны быть довольно крупными.

— Да, — согласился я, и тут мне пришла в голову одна мысль. Я мог бы сильнее смутить его, коль скоро обычная сеть вроде этой испортила ему настроение. Он и так играл мне на нервах всю ночь. — Идите за мной. Я покажу вам настоящего паука сновидений.

Мы осторожно обошли сеть, но не заметили ни одного из ее охранников. Я подвел их к расщелине пауков.

Она имела сильно вытянутую форму. Возможно, когда-то это было русло небольшой речки, но теперь оно высохло и заросло кустарником. Днем видно, что расщелина не оченъ-то глубока, но ночью она выглядит достаточно грозно, особенно если смотреть с одного из холмов. Дно ее покрывает густой кустарник, среди которого мерцают призрачные огни, а выше — различные деревья, склоненные вниз и почти соединяющиеся на середине. Одно из них практически касается другой стороны расщелины. Какой-то старый, трухлявый шипострел, высохший из-за отсутствия влаги, рухнул, образовав своеобразный мост. Этот мост оброс голубыми мхами и чуть светился.

Мы втроем поднялись на этот фосфоресцирующий искривленный ствол, и я указал рукой вниз.

Там от одного склона до другого раскинулась многоцветная поблескивающая сеть. Каждая ее нить имела толщину каната и блестела от липкой слизи. Сеть захватывала все растущие ниже деревья, образуя сверкающую волшебную крышу над пропастью. Она была очень красива — хотелось вытянуть руку и коснуться ее.

Именно для этой цели и соткали ее пауки сновидений. Они являются ночными хищниками, и яркие цвета их сети, пылающие во мраке, служат приманкой.

— Смотри, — прервала молчание Криста, — паук. — Она показала вниз.

Он сидел в одном из темных уголков сети, наполовину скрытый гоблинцом, растущим из скалы. В блеске сети и призрачном свете мхов его было плохо видно. Он представлял собой крупное восьминогое создание размером с большую дыню. Паук сидел неподвижно — ждал.

Джерри вновь беспокойно огляделся, подняв взгляд на ветви искривленного псевдодуба, частично нависшего над ним.

— Самка где-то рядом?

Я кивнул. Пауки сновидений с планеты Джемисона не совсем похожи на пауков со Старой Земли. Самка действительно опаснее самца, но не съедает его, а образует с ним пожизненный союз. Именно этот крупный вялый самец смазывает паутину липкой слизью и оплетает добычу, привлеченную светом и красками. Тем временем более мелкая самка бродит во мраке по ветвям деревьев с мешочком, полным клейкого яда снов, обеспечивающего жертвам отчетливые видения, экстаз и, наконец, окончательное забвение. Она жалит животных по размерам во много раз больше себя самой и затаскивает их безвольные тела в сеть, чтобы пополнить съестные запасы.

Несмотря на все это, пауки сновидений — мягкие и милосердные охотники. Что с того, что они предпочитают живую дичь, ведь жертва, вероятно, испытывает удовольствие, когда ее пожирают. Популярная джемисонская пословица гласит, что жертва паука стонет от радости, когда тот ест ее живьем. Как и все подобные сентенции, эта серьезно искажает действительность, но правда здесь в том, что погибающие никогда не пытаются освободиться.

Однако в ту ночь что-то билось в сети под нами.

— Что это такое? — спросил я, щурясь. Переливающаяся всеми цветами радуги сеть вовсе не была пуста — прямо под нами лежало полусъеденное тело железорога, а чуть дальше — большой темный нетопырь, связанный светящимися нитями, но не на них я смотрел. В углу сети, напротив укрытия самца возле деревьев с западной стороны расщелины, какое-то существо попало в сеть и отчаянно билось в ней. Помню, что на мгновение передо мной мелькнули дергающиеся бледные конечности, большие светящиеся глаза и что-то похожее на крылья. Но все это я видел смутно.

И именно тогда Джерри поскользнулся.

Может, из-за опьянения, а может, дело было во мхе или кривизне ствола, на котором мы стояли. Вероятно, он просто пытался меня обойти, дабы увидеть, на что я смотрел, вытаращив глаза. Во всяком случае, он, поскользнувшись, потерял равновесие, вскрикнул и внезапно оказался в двадцати футах под нами, запутанный в сеть. Под тяжестью его тела вся сеть пришла в движение, но не порвалась — сети пауков сновидений достаточно прочны, чтобы удерживать даже железорогов и лесных ворчунов.

— Проклятье! — воскликнул Джерри. Выглядел он прекомично: одна нога пробила светящиеся нити, руки безнадежно запутались в них, и только голова и плечо были свободны. — Эта мерзость липкая. Я с трудом могу двигаться.

— Даже не пытайся, — сказал я. — Ты только все ухудшишь. Я найду способ спуститься вниз и освободить тебя. У меня есть нож. — Я осмотрелся по сторонам, ища взглядом ветку, по которой мог бы добраться до Джерри.

— Джон! — В голосе Кристы чувствовалось напряжение.

Самец покинул свое укрытие в углу и тяжело направился к человеку: толстое белое тело паука, тихо движущееся по сверхъестественно красивой сети.

— Черт возьми! — выругался я. Я всерьез не беспокоился, но было не по себе. Белый самец — самый большой паук сновидений, которого я когда-либо видел, жалко его убивать, но иного выхода я не находил. У самца нет мешка с ядом, но это хищник, и первый укус может оказаться последним, особенно если убийца так велик. Его нельзя подпустить на такое расстояние, чтобы он смог укусить Джерри.

Медленно, осторожно я вытащил из колчана длинную серую стрелу и натянул тетиву. Я не волновался, хотя вокруг было темно. Стрелок я хороший и к тому же отлично видел цель на фоне светящейся сети.

И тут Криста закричала.

Я опустил лук, разозленный тем, что она паникует, когда я полностью контролирую ситуацию. Однако я знал, что при обычных обстоятельствах Крис никогда не стала бы вести себя так. Ее испугало что-то другое. Поначалу я не мог понять, ЧТО это может быть, но потом увидел — там, куда она смотрела.

Толстый белый паук размером с кулак взрослого мужчины спустился с псевдодуба на мост в десяти футах от нас. Слава богу, Крис была за моей спиной, в безопасности.

Не знаю, как долго я так стоял. Если бы я действовал не задумываясь, то справился бы со всем. Сначала нужно было заняться самцом — лук у меня был готов к выстрелу, а потом

осталось бы достаточно времени, чтобы второй стрелой убить самку.

Однако я замер без движения, парализованный этим страшным и великолепным мгновением, мимолетным и бесконечным, с луком в руке, но не в силах ничего сделать.

Все так внезапно осложнилось. Паучиха бежала ко мне быстрее, чем я предполагал, и казалась гораздо опаснее вялого белого создания внизу. Наверное, следовало избавиться от нее первой. Ведь я мог промахнуться, и тогда нужно было бы время, чтобы вытащить вторую стрелу или схватиться за нож.

Но я оставил бы Джерри, запутанного в сети и безоружного, на милость неумолимо приближающегося самца. Он мог погибнуть, умереть. Криста не имела права винить меня в этом. Она наверняка поняла бы, что я должен спасти и себя и ее. И я вернул бы ее.

Да?

НЕТ!

Криста пронзительно кричала, и вдруг все стало ясным: я понял, что это значит, зачем я оказался здесь, в лесу, и какие действия необходимы. Эта была чудесная и необыкновенная минута. Я утратил способность дарить счастье моей Кристе, но теперь на долгое, как вечность, мгновение сила эта вернулась ко мне, и я снова мог предоставить ей доказательство любви, на которое Джерри никогда не осмелился бы.

Думаю, что улыбнулся тогда. Даже уверен в этом.

Стрела моя помчалась сквозь ночную тьму и вонзилась в цель — толстого белого паука, бежавшего по сверкающей сети.

Паучиха бросилась на меня, но я не сделал ни малейшего движения, чтобы отшвырнуть ее пинком или раздавить каблуком ботинка. Острая боль пронзила лодыжку.

«Ярки и многоцветны сны, которые ткут пауки сновидений».

Ночью, возвращаясь из леса, я старательно чищу стрелы и открываю большой нож с узким крючковатым лезвием, чтобы разрезать собранные мною мешочки с ядом. Я вскрываю их по очереди, как до этого вырезал из неподвижных белых тел пауков сновидений, а потом выжимаю яд в бутылку, где он ждет дня, когда за ним прилетит Корбек.

Потом достаю миниатюрную чашу, искусно сделанную из серебра и обсидиана, украшенную светящимися рисунками пауков, и наполняю ее крепким темным вином, которое привозят мне из города. Затем мешаю вино своим ножом, пока лезвие снова не станет чистым и блестящим, а вино более темным, чем прежде, и поднимаюсь на крышу.

При этом часто вспоминаю слова Корбека, а вместе с ними и

свою историю, мою любимую Кристу и Джерри, и ночь, полную огней и пауков. В то краткое мгновение, когда я стоял на поросшем голубым мхом стволе с луком, готовым к выстрелу, мне казалось, что я принял совершенно правильное решение. Но все обернулось для меня плохо, очень плохо: после месяца бредовых видений я очнулся в башне, куда забрали меня Крис и Джерри, чтобы заботливым уходом вернуть мне здоровье. Мой великолепный выбор не был таким значимым, как могло показаться.

Иногда я думаю: действительно ли это был выбор? Мы часто говорили об этом, когда я выздоравливал, и история, которую рассказала мне Крис, непохожа на ту, которую помню я сам. По ее словам, мы не замечали паучихи до тех пор, пока не стало слишком поздно; она тихо опустилась мне на шею в ту самую секунду, когда я выпускал стрелу, убившую самца. А потом, говорила мне Крис, она раздавила самку фонарем, который Джерри дал ей подержать, а я свалился в паутину.

И действительно, рана у меня на затылке, а не на лодыжке, и рассказ Крис звучит вполне достоверно, поскольку за годы, прошедшие с той ночи, я успел хорошо узнать пауков сновидений и знаю, что самки — это коварные убийцы. Они неожиданно прыгают на своих жертв, а не атакуют по поваленным деревьям, как обезумевшие железороги. Это не в обычаях пауков.

И ни Криста, ни Джерри не обратили внимания на бледное крылатое существо, бившееся в сети.

Но зато я помню его превосходно, как помню в течение бесконечно долгих лет паучиху, несущуюся в мою сторону, когда я стоял, замерев. Впрочем, говорят, что укус паука сновидений вызывает у жертвы странную реакцию.

Разумеется, так могло получиться и в моем случае.

Порой, когда Белка взбирается за мной по ступеням, царапая черные кирпичи когтями своих восьми белых ног, меня поражает несправедливость происшедшего, и я понимаю, что слишком долго жил сновидениями.

Ведь сны часто лучше действительности, а рассказы — гораздо красивее жизни.

Криста не вернулась ко мне ни тогда, ни позже. Они улетели, когда я выздоровел, и счастье, купленное мной для нее ценой выбора, который выбором не был, и ценой жертвы, которая жертвой не была, — мой дар для нее на вечные времена, — длилось меньше года. Корбек сказал мне, что Криста и Джерри порвали друг с другом и что вскоре после этого она покинула планету Джемисона.

Полагаю, это настолько отвечает действительности,

насколько можно верить такому человеку, как Корбек. Однако меня это мало тревожит.

Я просто убиваю пауков сновидений, пью вино, осыпаю ласками Белку и каждую ночь поднимаюсь на башню из пепла, чтобы вглядываться в далекие звезды.

«…И берегись двуногого кровь пролить»
© Перевод Н. Магнат

Можешь убить для себя и других,
Для детенышей, чтоб накормить,
Но не смей для забавы и берегись
Двуногого кровь пролить!
Редьярд Киплинг

Снаружи, на городской стене, на длинных веревках висели детеныши дженши, застывшие пушистые серые тельца. Взрослых, очевидно, перед повешением убили: обезглавленное мужское тело свисало ногами вверх, петля обвивалась вокруг щиколоток; невдалеке виднелся обгоревший труп самки. Но большинство, смуглые пушистые малыши с широко раскрытыми золотистыми глазами, было просто повешено. Ближе к сумеркам, когда с зубчатых холмов налетал ветер, легкие тельца раскачивались и бились о стену, будто просили впустить их.

Часовые, неустанно обходящие стены, не обращали на них никакого внимания, и ржавые металлические ворота не открывались.

— Вы верите в зло? — спросил Арик неКрол у Дженнис Райтер. С гребня ближайшего холма они смотрели вниз, на Город Железных Ангелов.

НеКрол присел на корточки среди обломков священной пирамиды дженши; каждая черточка его смугло-желтого лица дышала гневом.

— В зло? — рассеянно пробормотала Райтер.

Она не отрывала глаз от стены из красного камня, на фоне которой резко выделялись темные тела детенышей. Солнце, раздутый багровый шар, который Железные Ангелы называли Сердцем Баккалона, садилось, и долина внизу, казалось, плавала в кровавом тумане.

— В зло, — повторил неКрол. Торговец был полным маленьким человечком с монголоидными чертами лица и ниспадающими почти до пояса огненно-рыжими волосами. — Это религиозное понятие, а я не религиозен. Давным-давно, когда я был еще ребенком и воспитывался на ай-Эмиреле, я решил, что ни добра, ни зла нет, есть только разные способы мышления. — Его маленькие мягкие руки шарили в пыли, пока не нащупали большой обломок с неровными краями. Арик встал и протянул его Райтер. — Железные Ангелы заставили меня снова поверить в зло, — сказал он.

Райтер молча взяла обломок и принялась вертеть его в руках. Она была гораздо выше и худее неКрола — крепкая женщина с продолговатым лицом, короткими черными волосами и ничего не выражающими глазами. Комбинезон с пятнами от пота свободно облегал ее худощавое тело.

— Интересно, — наконец проговорила Райтер через несколько минут. Обломок был твердым и гладким, как стекло, только прочнее, полупрозрачный, темно-красного цвета, казавшегося почти черным. — Пластмасса? — Райтер бросила обломок обратно на землю.

НеКрол пожал плечами:

— Я тоже так подумал, но это, конечно, невозможно. Дженши работают с костью и деревом, иногда с металлом, а пластмасса для них — материал далекого будущего.

— Или далекого прошлого, — ответила Райтер. — Вы говорите, эти священные пирамиды разбросаны по всему лесу?

— Да, насколько я знаю. Но Ангелы разрушили все пирамиды вблизи своей долины, чтобы прогнать дженши. По мере того как Ангелы будут продвигаться дальше, а они не остановятся, это ясно, остальные тоже разрушат.

Райтер кивнула. Она снова перевела взгляд на долину, и в это мгновение краешек Сердца Баккалона скользнул за горы и в городе начали зажигаться огни. Висящих детенышей дженши заливали теперь потоки мягкого синего света. Прямо на городских воротах трудились две мужские фигуры. Вскоре они что-то сбросили вниз, веревка раскрутилась, и на стене задергалась еще одна маленькая тень.

— Но почему? — спросила спокойно наблюдавшая за всем этим Райтер.

НеКрол не был столь хладнокровен.

— Дженши пытались защитить одну из своих пирамид — копья, ножи и камни против Железных Ангелов с их лазерами, бластерами и станнерами! Тем не менее дженши застали их врасплох и убили человека. Наставник заявил, что больше этого не повторится, — Арик сплюнул. — Зло.

— Интересно, — неторопливо выговорила Райтер.

— Вы можете что-нибудь сделать для них? — волнуясь, спросил неКрол. — У вас корабль, команда. Дженши нужен заступник, Дженнис. Они совершенно беззащитны!

— В моей команде четыре человека, — бесстрастно произнесла Райтер. — И, должно быть, четыре охотничьих ружья.

НеКрол беспомощно посмотрел на нее:

— И все?

— Возможно, завтра Наставник посетит нас. Он наверняка видел, как садились «Огни». Может быть, Ангелы хотят торговать. — Она снова бросила взгляд на долину. — Пойдемте, Арик, пора на базу. Надо грузить товары.

Уайотт, Наставник чад Баккалона в мире Корлоса, был высоким тощим загорелым мужчиной; на обнаженных руках его проступали мышцы. Иссиня-черные волосы коротко подстрижены, осанка прямая, суровая. Как все Железные Ангелы, Уайотг носил форменную одежду из меняющей цвет ткани с жестким высоким красным воротником (сейчас, когда он стоял при свете дня на

краю небольшой взлетной полосы, одежда была светло-коричневой), пояс из стальной сетки, на котором висели ручной лазер, коммуникатор и стаппер. Свисавшая с цепочки на шее Наставника маленькая фигурка — бледнолицее дитя Баккалон, голенькое, невинное и ясноглазое, но с огромным черным мечом в крошечном кулачке — была единственным знаком его сана.

За ним стояли еще четыре Ангела: двое мужчин и две женщины, одинаково одетые. Все они были чем-то похожи — рыжие волосы коротко подстрижены, невыразительные глаза смотрели настороженно и холодно, тела у них были крепкие и сильные, а прямая осанка была непременной чертой облика членов этой военизированной религиозной секты. Мешковатого и неряшливого неКрола Ангелы отталкивали даже своим видом.

Наставник Уайотт прибыл рано утром и послал человека из охраны постучать в дверь серого сборного домика с прозрачной крышей, который служил неКролу одновременно торговой базой и жильем. Невыспавшийся, но осторожно-вежливый торговец поздоровался с Ангелами и провел их на середину взлетной полосы, где поджал три свои выдвижные ноги покрытый шрамами от сварки металлический жук — «Огни Хо-лостара».

Грузовые отсеки были уже закрыты: большую часть вечера команда Райтер выгружала товары для неКрола, отсеки заполнялись ящиками с поделками дженши, за которые коллекционеры внеземного искусства могли хорошо заплатить. Пока перекупщик не посмотрит товары, никогда не знаешь настоящую цену; Райтер высадила неКрола здесь только год назад и сейчас впервые наведалась к нему.

— Я занимаюсь оптовой торговлей, Арик — мой представитель в этом мире, — встретив Наставника на краю взлетной полосы, сказала Райтер. — Вы должны вести дела через него.

— Понятно, — ответил Наставник Уайотт. Он все еще держал в руках список товаров, которые Ангелы желали закупить у промышленно развитых колоний на Авалоне и в мире Джемисона. — Но неКрол не хочет вести с нами дела.

Райтер равнодушно посмотрела на него.

— И у меня есть на то причина, — пояснил неКрол. — Я торгую с дженши, а вы их убиваете.

С тех пор как Железные Ангелы основали свой город-колонию, Наставник часто разговаривал с неКролом, и все их беседы заканчивались спорами, но теперь Уайотт не обращал на торговца внимания.

— Мы только предприняли необходимые меры, — сказал Наставник. — Когда животное убивает человека, животное нужно

наказать, и другие животные должны увидеть это и запомнить, ибо звери обязаны знать, что человек, семя Земли и чадо Баккалона, — их господин и повелитель.

НеКрол фыркнул:

— Дженши не звери, Наставник, они разумные существа. Племя обладает своей религией, искусством, обычаями, они…

Уайотт повернулся к торговцу:

— У них нет души. Только у чад Баккалона, только у семени Земли есть душа. Умишко дженши имеет значение лишь для вас и, возможно, для них. Они звери, и только.

— Арик показал мне их священные пирамиды, — вмешалась Райтер. — Существа, которые строят такие святилища, несомненно имеют душу.

Наставник покачал головой:

— Вы заблуждаетесь. В Книге ясно написано. Только мы, семя Земли, истинные чада Баккалона, и никто другой. Все остальные — животные, и именем Баккалона мы должны утвердить над ними свое господство.

— Очень хорошо, — ответила Райтер, — Но, боюсь, вам придётся утверждать свое господство без помощи «Огней Холостара». И я должна поставить вас в известность, Наставник, что ваши действия меня беспокоят и по прибытии в мир Джемисона я собираюсь о них доложить.

— Ничего другого я и не ожидал, — произнес Уайотт. — Может быть, через год вы воспылаете любовью к Баккалону, и тогда мы поговорим снова. А до тех пор мир Корлоса как-нибудь проживет и без вас.

Он помахал рукой и в сопровождении четырех Железных Ангелов зашагал прочь.

— Какой толк докладывать об этом? — горько сказал НеКрол, едва они скрылись из виду.

— Никакого, — глядя в сторону леса, ответила Райтер. Ветер вздымал вокруг нее пыль, плечи ее поникли, она казалась очень усталой. — Обитателям мира Джемисона все равно, а если даже и нет, что они могут сделать?

НеКрол вспомнил тяжелую книгу в красном переплете, которую Уайотг дал ему несколько месяцев назад.

— «И бледнолицее дитя Баккалон создал своих чад из железа, ибо звезды сокрушат более нежную плоть, — процитировал Арик. — И в руку каждого нового младенца Он вложил кованый меч со словами: “Вот вам Истина, и вот вам Путь”.— НеКрол с отвращением сплюнул. — Вот их символ веры. Неужели мы не можем ничего сделать?

У Райтер был невидящий взгляд.

— Я оставлю два лазера. Год вам на то, чтобы дженши поняли, как с этими лазерами обращаться. И, кажется, я знаю, какие товары надо будет привезти.

Как и думал неКрол, дженши жили родами по двадцать — тридцать особей, в каждом роде поровну взрослых и детей, у каждого рода свой родной лес и своя священная пирамида. Жилища дженши не строили — спали, свернувшись калачиком, на деревьях вокруг своей пирамиды. Еду они добывали в лесу — сочные сине-черные фрукты росли повсюду. Помимо фруктов существовали три разновидности съедобных ягод, галлюциногенные листья и похожий на мыло желтый корешок, который они выкапывали из земли. НеКрол также обнаружил, что дженши охотились, но нечасто. Месяцами род обходился без мяса, а коричневые лесные свиньи хрюкали и плодились вокруг, вырывая коренья и играя с детьми. Потом вдруг, когда поголовье свиней достигало предела, среди стада начинали спокойно ходить копьеносцы и забивали двух из каждых трех свиней, и всю неделю, вечер за вечером, вокруг пирамиды устраивали пиры, во время которых поедали огромные куски жареной свинины. То же самое происходило с белыми ленивцами, которые так облепляли фруктовые деревья, что на них живого места не было, пока однажды дженши не собирали этих зверьков на рагу; и с похитителями фруктов капуцинами, заполнявшими верхние ветви.

Насколько мог судить неКрол, в лесах дженши не было хищников. В первые месяцы пребывания в этом мире, отправляясь по торговому маршруту от пирамиды к пирамиде, он брал с собой длинный силовой нож и ручной лазер. Но никогда не встречался он ни с чем, даже отдаленно напоминающим враждебность, и теперь сломанный нож валялся где-то на кухне, а лазер давно потерялся.

На следующий день после того, как «Огни Холостара» покинули мир Корлоса, неКрол вновь пошел в лес, на сей раз с оружием: один из охотничьих лазеров висел у него на плече.

Меньше чем в двух километрах от базы неКрол набрел на лагерь дженши. Это был род, который он называл родом водопада. Они жили рядом со склоном лесистого холма, откуда с гулом мчался вниз поток бело-голубой воды; он то дробился на ручейки, то собирался воедино, и так снова и снова, отчего склон напоминал замысловатую сверкающую паутину, состоящую из водопадов, стремнин, мелких прудов и водяных завес с летящими во все стороны брызгами. Священная пирамида рода помещалась в нижнем прудике, на плоском сером камне, в самом водовороте;

высокая, выше многих дженши, она доходила неКролу до подбородка — кажущаяся необычно тяжелой и прочной недвижимая трехгранная глыба темнокрасного цвета.

Но неКрол не обманывался — он видел, как лазеры Железных Ангелов ломали пирамиды на куски, как от взрывов летели в разные стороны осколки. Какой бы чудодейственной силой ни обладали пирамиды в мифах дженши, с какой бы тайной ни было связано их происхождение, всего этого недостаточно, чтобы уберечь их от мечей Баккалона.

Когда появился неКрол, полянка вокруг пирамиды с водоемом сияла на солнце, высокие травы покачивались от легкого ветерка, но вокруг никого не было. Может, они лазают по деревьям, или милуются, или сбивают вниз фрукты, или бродят по лесу на холме. Лишь несколько малолеток, оседлав лесного кабана, разъезжали на нем по прогалине. НеКрол сел и, пригревшись на солнышке, стал ждать.

Вскоре появился Старик, Владеющий Даром Слова.

Он сел рядом с неКролом, маленький, усохший. На нем осталось лишь несколько клочков грязной бело-серой шерсти — ровно столько, чтобы прикрыть морщинистую кожу. Он был немощен, зубы и когти у него давно выпали, но глаза, широко раскрытые, золотистые и без зрачков, как у всех дженши, светились живостью и умом. Он говорил от имени рода водопада и теснее всех был связан со священной пирамидой — каждый род имел своего Владеющего Даром Слова.

— Я принес новый товар, — произнес неКрол на плавном, не очень отчетливом наречии дженши.

Торговец выучил этот язык на Авалоне перед самым приездом сюда. Томас Чанг, легендарный авалонский исследователь языков, описал его несколько столетий назад, когда этот мир посетила экспедиция Клерономаса. С тех пор ни один человек не прилетал к дженши, но карты Клерономаса и структурный анализ языка остались в компьютерах Авалонского института изучения нечеловеческого интеллекта.

— Мы сделали для тебя фигурки из новых пород дерева, — сказал Старик, Владеющий Даром Слова. — Что ты принес? Соль?

НеКрол развязал рюкзак, вытащил брусок соли и подал старику.

— Да, соль, — ответил он, — И это. — Рядом с дженши на землю легло охотничье ружье.

— Что это? — спросил Старик, Владеющий Даром Слова.

— Вы знаете о Железных Ангелах? — вопросом на вопрос ответил торговец.

Старик кивнул — этому жесту его научил неКрол.

— О них рассказывают лишенные бога, бегущие из мертвой долины. Это они, разрушители пирамид, заставляют богов молчать.

— Вот таким оружием Железные Ангелы разрушают ваши пирамиды, — объяснил неКрол. — Я предлагаю его вам в обмен.

Старик, Владеющий Даром Слова, не шелохнулся.

— Но мы не хотим разрушать пирамиды, — помолчав, сказал он.

— Это оружие можно использовать и по-другому, — начал неКрол, — Когда Железные Ангелы придут, чтобы разрушить пирамиду рода водопада, вы сможете остановить их. Род каменного кольца пытался остановить их ножами и копьями, а теперь взрослые бродят по лесу, бездомные и безумные, а их дети висят мертвые на стене Города Железных Ангелов. Другие роды не сопротивлялись, но сейчас у них тоже нет ни бога, ни земли. Придет время, когда роду водопада понадобится это оружие, Старик.

Старейшина рода дженши поднял лазер и стал с любопытством вертеть его в маленьких, слабых руках.

— Мы должны помолиться, — проговорил он. — Подожди, Арик. Вечером, когда бог посмотрит на нас с небес, мы тебе скажем. А до тех пор пусть идет торговля.

Старик резко встал, бросил быстрый взгляд на стоящую в воде пирамиду и исчез в лесу с лазером в руках.

НеКрол вздохнул. Ему предстояло долгое ожидание: молельные собрания начинались не раньше заката. Он подвинулся к краю водоема, расшнуровал тяжелые ботинки и опустил потные, набрякшие ступни в освежающую холодную воду.

Когда торговец поднял глаза, перед ним стояла первая резчица по дереву, гибкая молодая дженши, покрытая серой шерстью с красно-коричневым отливом. Молча (в присутствии неКрола они все молчали, говорил только Владеющий Даром Слова) она предложила свою работу.

Статуэтка была не больше кулака неКрола — полногрудая богиня плодородия, вырезанная из ароматной, с тонкими прожилками голубой древесины, которую дают фруктовые деревья. Богиня сидела, скрестив ноги, на треугольной подставке. Из каждого угла треугольника поднимались костяные палочки, сходившиеся у нее над головой в маленьком глиняном шарике.

НеКрол взял фигурку, повертел ее в руках и кивнул в знак одобрения. Дженши улыбнулась и скрылась, унеся с собой соленый брусок. НеКрол не мог налюбоваться на покупку. Он занимался торговлей всю жизнь, десять лет провел на Аате среди

гетсойдов, которые напоминали головоногих моллюсков, и четыре года — с тощими, как палки, финдайи, объездил по торговым делам полдесятка планет, населенных бывшими рабами распавшейся Хранганской империи. Везде он встречал высокоразвитую неолитическую культуру, но нигде не было таких мастеров, как дженши. В который раз он удивился, почему ни Клеромас, ни Чанг не упомянули о местном искусстве резьбы по дереву. Но теперь неКрол был только рад их ненаблюдательности. Он не сомневался — стоит перекупщикам увидеть ящики с деревянными божками, которые увезла отсюда Райтер, в мир Корлоса нахлынут торговцы. В сущности, его послали сюда наудачу, в надежде отыскать туземное снадобье, или траву, или напиток, которые будут пользоваться спросом в межзвездной торговле. А вместо этого он нашел здесь искусство, столь высокое, что дух захватывало, высокое, как молитва.

Все новые и новые умельцы приходили и уходили, представляя на суд неКрола свои изделия; утро сменилось днем, день перешел в сумерки. Торговец внимательно рассматривал каждую работу — одни отвергал, другие брал и платил солью. Еще не стемнело, а справа от неКрола уже лежала небольшая горка поделок: набор ножей из красного камня; портрет, сотканный из серой шерсти старого дженши его вдовой и друзьями (лицо покойного было расшито шелковистыми золотыми нитками из юл ос капуцина); костяное копье с надписями, напоминавшими торговцу вошедшие в легенду руны Старой Земли, и статуэтки. Статуэтки восхищали неКрола. Чужеземное искусство всегда загадка, но скульптура дженши брала его за душу. У деревянных богов, сидевших на своих костяных пирамидах, были лица дженши, но одновременно они выражали что-то, изначально присущее человеку, — суровые боги войны; странные фигурки, похожие на сатиров; богини плодородия, вроде той, которую купил неКрол первой; почти человекоподобные воины и нимфы. Арик часто жалел, что не получил образования по специальности «внеземная антропология» и не может написать книгу о мифологических универсалиях. У дженши, безусловно, была богатая мифология, хотя Владеющие Даром Слова никогда не говорили об этом, — иначе чем объяснить магию статуэток? Может быть, старые боги больше не почитались, но все еще жили в памяти.

К тому времени, как Сердце Баккалона опустилось и последние красноватые лучи угасли в тени деревьев, неКрол собрал столько изделий, что едва мог унести, и соль у него подошла к концу. Он зашнуровал ботинки, тщательно упаковал свои приобретения и, сидя на траве у водоема, принялся

терпеливо ждать. Один за другим дженши из рода водопада стали присоединяться к нему. Наконец вернулся Старик, Владеющий Даром Слова.

Моление началось.

Старик, Владеющий Даром Слова, все еще с лазером в руках осторожно прошел по темной воде и сел на корточки у винно-красной глыбы. Все остальные, взрослые и дети, числом около сорока, выбрали себе места на траве по краю водоема, за неКролом и вокруг него. Как и неКрол, дженши настороженно смотрели поверх пруда, на пирамиду, на фоне которой в свете только что взошедшей огромной луны был четко виден Владеющий Даром Слова. Положив лазер на камень, старик прижал обе ладони к одной из граней пирамиды, и его тело как будто застыло. Остальные дженши тоже напряглись и застыли.

НеКрол беспокойно ерзал и боролся с зевотой. Он не впервые присутствовал при обряде и знал установленный порядок. Целый час ему предстояло скучать, потому что дженши молились молча: слышалось только ровное дыхание сорока бесстрастных существ. Вздыхая, торговец постарался расслабиться. Он закрыл глаза; теплый ветер временами трепал его волосы. «Как долго все это будет длиться, — думал неКрол, — если Железные Ангелы покинут свою долину…»

Час прошел, но погрузившийся в размышления неКрол не чувствовал бега времени. Вдруг он услышал вокруг шелест и болтовню — дженши рода водопада встали и отправились в лес. А Старик, Владеющий Даром Слова, положил к его ногам лазер. НеКрол поднял на него глаза.

— Нет, — только и сказал Старик.

НеКрол вскочил:

— Но вы должны! Давайте я покажу вам, что он может делать…

— У меня было видение, Арик. Бог уже показал мне. Но он открыл мне, что не надо брать это в обмен.

— Владеющий Даром Слова, Железные Ангелы придут…

— Если они придут, с ними будет говорить наш бог, — на своем певучем наречии сказал старейшина-дженши, но в мягком голосе слышалась твердость, а широко раскрытые золотистые глаза отнюдь не взывали о помощи.

«За нашу пищу возблагодарим себя и только себя. Она наша, ибо мы добыли ее своим трудом, наша, ибо мы добыли ее своей борьбой, наша по единственному праву — праву сильного. Но за эту силу, за мощь наших рук, за сталь наших мечей, за огонь в наших сердцах возблагодарим бледнолицее дитя Баккалона,

который дал нам жизнь и научил нас ее поддерживать».

Неподвижно стоя перед пятью длинными деревянными столами, протянувшимися вдоль огромной столовой, Наставник торжественно, с достоинством произносил каждое слово молитвы. Он говорил, и большие руки с выступающими венами крепко сжимали рукоять поднятого вверх меча, а форменная одежда при свете тусклых огней казалась почти черной. Вокруг него не шевелясь сидели Железные Ангелы. Перед ними стояла нетронутая еда: крупные вареные клубни, дымящиеся куски свинины, черный хлеб, миски с хрустящей зеленью. Дети моложе десяти лет — возраста воинской зрелости — в накрахмаленных белых комбинезонах с непременными поясами из стальной сетки занимали крайние столы, стоящие под узкими окнами; карапузы, только начинающие ходить, силились сидеть спокойно под бдительным взором строгих девятилетних воспитателей с пристегнутыми к поясу деревянными дубинками. Ближе к середине, за двумя одинаковыми столами, сидели в полном вооружении братья-воины, мужчины и женщины вперемежку, бывалые вояки рядом с десятилетними малявками, которые только что перешли из детского общежития в казарму. Все они носили одинаковую форму из меняющей цвет ткани, такую же, как у Уайотта, но без воротника, у некоторых были значки, указывающие их звание. Средний стол, наполовину короче других, был отдан кадровому составу Железных Ангелов: военным воспитателям и воспитательницам, знатокам оружия, целителям, четырем полковым епископам — всем тем, кто носил высокие жесткие малиновые воротники. Во главе стола сидел Наставник.

— Приступим к трапезе, — произнес наконец Уайотт.

Мечом он со свистом рассек воздух над столом в жесте благословения и принялся за еду. Как и все остальные, он выстаивал очередь, которая вилась от столовой до кухни, и его порция была не больше, чем у других членов братства.

Слышались только звяканье ножей и вилок, звон тарелок и время от времени удары дубинки — это воспитатель наказывал детей за нарушение дисциплины. В зале стояла глубокая тишина. Железные Ангелы не разговаривали во время еды; они поглощали свою простую пищу, размышляя над уроками дня.

После еды дети, все так же молча, строем вышли из столовой и направились в детское общежитие. За ними последовали братья-воины — кто в храм, кто охранять стены, большинство в казармы. Освободившиеся после дежурства часовые торопились на кухню, где их ждала не остывшая еще еда.

Старшие офицеры остались; после того как убрали тарелки,

обед превратился в заседание штаба.

— Вольно, — скомандовал Уайотг, но сидящие за столом разучились расслабляться — напряженные, скованные, они не отрывали глаз от Наставника. Тот обратился к одной из участниц заседания:

— Даллис, вы подготовили доклад, который я просил?

Полковой епископ Даллис кивнула. Это была женщина средних лет, рослая, с крепкими мускулами и смуглой огрубевшей кожей. На воротнике у нее был стальной значок — эмблема компьютерных войск.

— Да, Наставник, — твердым, чеканным голосом начала она. — Мир Джемисона — колония, насчитывающая четыре поколения, заселена в основном выходцами со Старого Посейдона. Один большой материк, почти совсем не исследованный, и более двадцати тысяч островов разной площади. Человеческое население сосредоточено на островах и живет за счет обработки земли, выращивания растений на прибрежной акватории, разведения морских животных и развития тяжелой промышленности. Океаны богаты пищевыми продуктами и металлами. Общая численность населения около семидесяти девяти миллионов. Два крупных города, оба с космопортами: Порт-Джемисон и Холостар. — Она посмотрела на лежавшую перед ней на столе распечатку с компьютера. — Во время Двойной войны мира Джемисона еще не было на карте. Он никогда не участвовал в военных действиях, вооруженные силы состоят только из планетной полиции.

У мира Джемисона нет программы колонизации, и он никогда не пытался взять под свою юрисдикцию территории, находящиеся за его границами.

Наставник кивнул:

— Прекрасно. Значит, угроза донести на нас ничего не стоит. Продолжим заседание. Воспитатель Уолмэн?

— Наставник, сегодня поймали четырех дженши, сейчас они висят на стенах, — сообщил Уолмэн. Это был румяный молодой человек со светлыми, подстриженными ежиком волосами. — Если позволите, я бы просил обсудить возможность прекращения кампании. С каждым днем искать все труднее, а находим мы все меньше. В сущности, мы истребили весь молодняк дженши из родов, которые первоначально заселяли Долину меча.

Уайотт кивнул:

— Есть другие мнения?

Полковой епископ Лайон, поджарый голубоглазый мужчина, выразил несогласие:

— Взрослые живы. Матерый зверь гораздо опаснее детеныша,

воспитатель Уолмэн.

— Но не в данном случае, — сказал знаток оружия Кара Да-Хан, мужчина огромного роста, лысый, покрытый бронзовым загаром; он отвечал за разработку психологического оружия и изучение интеллекта врага. — Наши исследования показали, что если пирамида разрушена, то ни взрослый дженши, ни детеныш не могут причинить никакого вреда чадам Баккалона. Социальная структура дженши, по сути, распадается. Взрослые либо убегают, надеясь примкнуть к другому роду, либо опускаются до уровня животных. Они бросают свое потомство, которое начинает кое-как заботиться о себе само и не оказывает нам никакого сопротивления. Учитывая количество дженши, висящих на стенах города, и тех, кто, по нашим сведениям, погиб в пасти хищников или от рук своих собратьев, я полагаю, что Долина меча практически очищена от этих зверей. Зима не за горами, Наставник, и у нас много других дел. Воспитателю Уолмэну и его людям следует дать новое задание.

Обсуждение продолжалось, но тон был задан: большинство выступающих поддержали Да-Хана. Уайотт внимательно слушал и все время молил Баккалона направить его мысли по верному пути. Наконец он жестом призвал всех к молчанию.

— Воспитатель, — обратился Наставник к Уолмэну, — завтра соберите всех дженши, которых сможете найти, — взрослых и детей, но не вешайте их, если они не станут сопротивляться. Вместо этого покажите им их сородичей, висящих на городской стене, а потом отправьте восвояси. Я надеюсь, они принесут весть всем остальным дженши, и те узнают, какую цену платит зверь, выпустивший когти, поднявший лапу или клинок на семя Земли. И когда придет весна и чада Баккалона двинутся дальше, за пределы Долины меча, дженши мирно оставят свои пирамиды и покинут свои земли, — они понадобятся нам, людям, приумножающим славу бледнолицего дитя.

Лайон и Да-Хан дружно кивнули, к ним присоединились остальные.

— А теперь поделитесь с нами своей мудростью, — попросила полковой епископ Даллис.

Наставник Уайотг согласился. Одна из военных воспитательниц принесла ему Книгу, и он раскрыл ее на Догматах.

— «В те дни тяжкие бедствия постигли семя Земли, ибо чада Баккалона отреклись от Него во имя более слабых богов, И тогда небеса почернели, и ринулись на людей сверху сыны Хранги с красными глазами и клыками, как у демонов, и ринулись на них снизу полчища финдайи, подобные тучам саранчи, и заслонили

от них звезды. И пылали вселенные, и кричали дети: “Спасите! Спасите!”

И тогда явился бледнолицый ребенок и встал перед людьми со своим огромным мечом в руках и громовым голосом стал их укорять. “Вы были слабыми чадами и ослушались Меня, — сказал Он, — Где ваши мечи? Не Я ли вложил мечи вам в руки?”

И чада крикнули: “Мы перековали их на орала, о Баккалон!”

И был Он в великом гневе: “Значит, с оралами встретите вы сынов Хранги! Значит, оралами сокрушите вы полчища финдайи!” И Он покинул своих чад и не стал более слушать их стенаний, потому что Сердце Баккалона есть Сердце огня.

Но один из семени Земли осушил слезы, ибо небеса горели так ярко, что слезы жгли щеки. И проснулась в нем жажда крови, и он перековал свое орало вновь на меч, и бросил вызов сынам Хранги, и умертвил их сколько мог. Тогда другие, узрев сие, пошли по стопам его, и гулкий боевой клич пронесся по веем мирам.

И бледнолицый ребенок услышал и вернулся, так как шум битвы ласкает Его слух больше, чем звук рыданий. И когда Он увидел битву, Он улыбнулся. “Теперь вы снова Мои чада, — сказал Он семени Земли, — Вы отвергли Меня во имя бога, который называет себя агнцем, но разве вы не знали, что агнцы обречены на убой? Однако теперь пелена спала с ваших глаз, и вы снова Псы Господни!”

И Баккалон вновь вручил им всем по мечу, всем своим чадам, всему семени Земли, и Он поднял свой огромный черный меч, Истребитель демонов, уничтожающий тех, у кого нет души, и взмахнул им. И сыны Хранги пали перед Его мощью, а громадные полчища финдайи сгорели от Его взгляда. И чада Баккалона победили во всех мирах».

Наставник поднял глаза.

— Ступайте, братья по оружию, и обдумайте во сне Догматы Баккалона. Пусть бледнолицее дитя дарует вам видения!

Это была команда разойтись.

Голые деревья на холме покрылись ледяной глазурью, и нетронутый, если не считать редких следов живых существ и завитушек, оставленных порывами северного ветра, снег сверкал ослепительной белизной в лучах полуденного солнца. Город Железных Ангелов, лежащий внизу, в долине, казался отсюда неестественно чистым и спокойным. С восточной стороны лежали огромные сугробы снега, доходящие до середины обледеневшей стены из ярко-красного камня; ворота не открывались месяцами. Давным-давно чада Баккалона собрали урожай и вернулись в

город греться у очагов. Только синие огни, освещающие холодную черную ночь, да шагающий по стене случайный часовой напоминали неКролу, что Ангелы еще живы.

Дженши, которую неКрол называл Грустной Рассказчицей, смотрела на него необычно темными глазами, гораздо темнее прозрачных золотистых глаз ее сородичей.

— Под снегом лежит сломанный бог, — проговорила она, и даже убаюкивающие интонации языка дженши не могли скрыть суровых ноток в ее голосе.

Они стояли на том самом месте, куда неКрол однажды привел Райтер, — у разрушенной пирамиды рода каменного кольца. Торговец с головы до ног закутался в термокостюм, подчеркивавший все изъяны его полной фигуры. Он смотрел на Долину меча сквозь опущенный темно-синий пластмассовый козырек капюшона. А Грустная Рассказчица, дженши, была прикрыта только густой зимней серой шерстью. Охотничий лазер висел у нее на спине.

— Если Железных Ангелов не остановить, они разобьют и других богов, — вздрагивая, не смотря на термокостюм, сказал неКрол.

Грустная Рассказчица, казалось, не слышала его.

— Когда они пришли, я была ребенком, Арик. Если бы они не разбили нашего бога, может, я еще и сейчас была бы ребенком. Потом, когда свет погас и огонь во мне умер, я ушла далеко от каменного кольца, от нашего родного леса. Я брела, не зная дороги, питаясь чем попало. В темной долине все изменилось. Лесные кабаны рычали при моем появлении и обнажали клыки, незнакомые дженши угрожали мне и друг другу. Я ничего не понимала и не могла молиться. Даже когда Железные Ангелы нашли меня, я не поняла и пошла с ними к городу, не зная их языка. Я помню стены и детей, многие были намного моложе меня. Потом я кричала и билась; когда я увидела их на веревках, что-то безумное и безбожное проснулось во мне.

Ее глаза цвета начищенной бронзы пристально смотрели на неКрола. Она переступала с ноги на ногу в глубоком, по щиколотку, снегу, сжимая когтистой рукой ремень лазера.

С того дня в конце лета, когда Железные Ангелы послали ее прочь из Долины меча и она прибилась к неКролу, он научил ее стрелять. Грустная Рассказчица была до сих пор лучшим стрелком из шести лишенных бога изгнанников, которых он собрал под своим кровом и обучил. Это был единственный путь; он предлагал лазеры одному роду за другим, и все отказывались. Дженши были уверены, что бог их защитит.

Только лишенные бога прислушивались, да и то не все —

одни были слишком малы, тихи или трусливы, других приняли к себе чужие роды. Но некоторые, вроде Грустной Рассказчицы, слишком одичали, слишком многое повидали, они уже не могли приспособиться к обычной жизни дженши. Грустная Рассказчица первой взяла в руки оружие после того, как Старик, Владеющий Даром Слова, прогнал ее из рода водопада.

— Может быть, лучше жить без бога, — говорил ей неКрол. — У тех, кто живет внизу, свой бог, он и сделал их такими. И у дженши есть боги, дженши верят им и поэтому умирают. Ты, лишенная бога, их единственная надежда.

Грустная Рассказчица не отвечала. Она только смотрела вниз, на заснеженный безмолвный город, и в глазах ее трепетал огонек.

НеКрол наблюдал за ней в тягостном недоумении. Если он и его спутница — единственная надежда дженши, вряд ли вообще можно на что-то надеяться. В Грустной Рассказчице и во всех изгнанниках было что-то дикое, исступленное, их ярость даже его заставляла содрогаться. Пусть Райтер приедет с лазерами, пусть эта маленькая группка остановит Ангелов, пусть все это осуществится — что с того? Если завтра умрут все Ангелы, где найдут себе место эти, лишенные бога?..

Они стояли неподвижно, снег слепил их глаза, а северный ветер обжигал лица.

В храме было темно и тихо. В каждом углу призрачным светом горели круглые фонари, ряды простых деревянных скамей пустовали. Над тяжелым алтарем, плитой из грубого черного камня, стояло объемное изображение Баккалона. Он был как живой: мальчик, сущий ребенок, голенький, с молочно-белой кожей, большими глазами и светлыми волосами, образец самой невинности. В руках он держал огромный черный меч вполовину больше его самого.

Склонив голову, коленопреклоненный Уайотт замер перед изображением. Всю зиму он видел мрачные, тревожные сны, и каждый день на коленях просил просветить его. Обращаться было не к кому, только к Баккалону; он — Наставник и должен вести за собой в битве и вере. Он сам разгадает свои видения.

Так день за днем он боролся со своими мыслями, пока не начали таять снега и от долгого стояния на полу у него не заболели колени. Наконец он решился и призвал старших по званию присоединиться к нему в храме.

Они входили по одному и выбирали места на скамьях позади неподвижного коленопреклоненного Наставника. Каждый садился отдельно от других. Уайотт не обращал на них внимания, он молил только, чтобы слова его были точны, а предвидение верно.

Когда все собрались, он повернулся к ним.

— Во многих мирах жили чада Баккалона, но нет среди них столь благословенного, как этот, наш Корлос. Братья по оружию! Грядет великое время. Бледнолицее дитя явилось ко мне во сне, как являлось первым Наставникам во дни основания братства. Оно подарило мне видения.

Они сидели очень тихо, и не было никого, в чьих глазах трепетало бы сомнение или недоумение. Когда высший по званию вразумлял их или отдавал приказы, вопросов быть не могло. Так гласила одна из важнейших заповедей Баккалона: подчинение священно и сомнению не подлежит.

— Сам Баккалон спустился в этот мир. Он прошел среди не имеющих души и диких тварей и сказал им о нашем господстве над ними, и вот что поведал Он мне: когда наступит весна и семя Земли выйдет из Долины меча на покорение новых земель, все звери будут знать свое место и отступят перед нами. Это предрекаю вам я!

И больше предсказываю я вам — мы узрим чудеса. Это тоже пообещало мне бледнолицее дитя: по Его знакам мы убедились в Его правоте, они, эти знаки, даруют нам новое откровение. Но вера наша подвергнется испытаниям, ибо это будет время приносить жертвы, и Баккалон не однажды потребует доказать нашу преданность Ему. Мы должны помнить Его Догматы и быть верны Ему, и каждый должен повиноваться Ему, как ребенок повинуется родителям, как воин повинуется командиру — быстро и беспрекословно. Ибо бледнолицее дитя знает лучше нас, что ждет нас и что нам нужно.

Вот видения, дарованные мне, вот сны, которые я видел. Братья, молитесь теперь вместе со мной!

И Уайотг повернулся к алтарю и упал на колени. Все преклонили колени вместе с ним, все головы склонились в молитве — все, кроме одной. Из затаенной глубины храма, куда едва доходил свет фонарей, на Наставника хмуро смотрел Кара Да-Хан.

В тот вечер после безмолвной трапезы в столовой и короткого заседания штаба Знаток оружия попросил Уайотта пройтись с ним.

— Наставник, в моей душе нет покоя, — сказал он. — Мне нужен совет того, кто ближе всех к Баккалону.

Уайотг кивнул, оба надели тяжелые плащи из черного меха и темной металлической ткани и, держась за зубцы стены, зашагали вместе по освещенному звездами красному камню.

Около будки часового над городскими воротами Да-Хан остановился, облокотился на выступ и, прежде чем заговорить,

долго следил за тающим на лету снегом.

— Уайотт, — наконец проговорил он, — моя вера пошатнулась.

Наставник не ответил, он только смотрел на собеседника из-под закрывающего лицо капюшона. Исповедь не входила в число обрядов Железных Ангелов. — Баккалон сказал, что вера воителя неколебима.

— В давние времена, — говорил Да-Хан, — против чад Баккалона применяли разное оружие. Сегодня некоторые виды остались лишь в сказках. А может, их вообще не было. Возможно, это все пустые выдумки, такие же, как боги, придуманные слабыми людьми. Не знаю. Я разбираюсь только в оружии. Но одна легенда тревожит меня, мой Наставник. Она гласит, что однажды, в столетия долгой войны, сыны Хранги наслали на семя Земли вампиров ума, по словам людей, высасывающих душу. Они прилипали незаметно и преодолевали огромные расстояния: больше, чем покрывает взгляд, длиннее луча лазера, и вызывали безумие. Видения, мой Наставник, видения! В голову людям вбивали безрассудные планы и веру в лжебогов, и…

— Молчать, — оборвал его Уайотг.

Его голос был жестким и холодным, как ночной ветер, свистевший вокруг, обращая дыхание в пар.

Наступило молчание. Оно длилось долго. Потом Наставник смягчился:

— Всю зиму я молился, Да-Хан, и боролся со своими видениями. Я Наставник чад Баккалона в мире Корлоса, а не какой-нибудь новобранец, чтобы дать одурачить себя лжебогам. Я говорю только тогда, когда уверен в своих словах. Я говорил как ваш Наставник, как ваш духовный отец и ваш главнокомандующий. Вы задаете мне вопросы, Знаток оружия, вы подвергаете мои слова сомнению, и это беспокоит меня. В следующий раз, если вам не понравится какой-нибудь пункт приказа, наш спор окончится на поле боя.

— Никогда, Наставник, — сказал Да-Хан, в знак раскаяния становясь на колени в утоптанный снег на дорожке.

— Надеюсь, что никогда. Но перед тем как отпустить вас, я отвечу вам, хотя вы не вправе ожидать этого от меня. Вот что я вам скажу: Наставник Уайотг — хороший воин и благочестивый человек. Бледнолицее дитя даровало мне пророческие сны и предрекло, что нас ждут чудеса. Все это мы увидим своими глазами. Но если предсказания не сбудутся, если не будет божественных знаков, наши глаза тоже увидят это. И тогда я узнаю, что не Баккалон послал мне видения, а всего лишь лжебог, возможно, пожиратель душ с Хранги. Или вы думаете, что вампир

с Хранги может творить чудеса?

— Нет, — все так же стоя на коленях и склонив лысую голову, ответил Да-Хан. — Это было бы ересью.

— Воистину, — сказал Уайотт.

Наставник бросил быстрый взгляд на небо. Ночь была холодная и безлунная. Он чувствовал, что дух его преображается, и даже звезды, казалось, славили бледнолицее дитя, ибо созвездие Меча сияло высоко над головой, а Меченосец тянулся к нему со своего места на горизонте.

— Сегодня ночью вы пойдете нести охрану без плаща, — сурово объявил Наставник Да-Хану. — И пусть подует северный ветер и мороз будет кусать вовсю: боль будет для вас наслаждением, ибо это знак, что вы покорились своему Наставнику и своему Богу. Чем больше коченеет плоть, тем жарче пылает огонь в сердце.

— Да, мой Наставник, — покаянно сказал Да-Хан.

Он встал, снял плащ и отдал его Уайотту. Наставник ударил его мечом плашмя в знак благословения.

На настенном экране в затемненной комнате неКрола разворачивалась своим чередом записанная на пленку драма, но торговец, неуклюже сгорбившись в большом мягком кресле, едва ли следил за ней. Грустная Рассказчица и двое других изгнанников-дженши сидели на полу; их золотистые глаза не отрывались от экрана, где в городах-крепостях со сводчатыми башнями на ай-Эмирале люди преследовали и убивали друг друга. Дженши все больше интересовались другими мирами и образом жизни других существ. Все это очень странно, думал неКрол, род водопада и другие дженши никогда не проявляли такого интереса. Торговец вспомнил былые дни (до появления Железных Ангелов, прибывших на старинном, почти отслужившем свой срок военном корабле), когда он раскладывал перед Владеющими Даром Слова все виды товаров: яркие рулоны блестящего шелка с Авалона, украшения из сверкающих камней с Верхнего Кавалаана, ножи из твердого сплава, солнечные генераторы, стальные арбалеты, книги из десятка миров, лекарства и вина — всего понемногу. Владеющие Даром Слова время от времени брали что-нибудь, но без большой охоты; единственный товар, который неизменно пользовался спросом, — соль.

Только когда пошли весенние дожди и Грустная Рассказчица стала задавать ему вопросы, неКрол вдруг осознал, как редко кто-нибудь из дженши расспрашивал его. Может быть, общественная структура и религия подавляли их природную любознательность?

Изгнанники были куда пытливее, особенно Грустная Рассказчица. В последнее время она буквально засыпала его вопросами, и далеко не на каждый неКрол знал ответ. Его ужасало собственное невежество.

Но то же самое испытывала Грустная Рассказчица; в отличие от дженши, живущих вместе с родом (неужели религия так все меняет?), ей приходилось отвечать на вопросы неКрола, а их у него накопилось немало, ибо прежние дженши редко когда утоляли его любопытство. Но и Грустная Рассказчицу мало чем могла помочь ему — в большинстве случаев она лишь смотрела на него недоумевающими глазами.

— У нас нет историй о богах, — однажды сказала она неКролу, когда он попробовал расспросить ее о мифологии дженши. — Какие могут быть истории? Боги живут в священных пирамидах, Арик, и мы молимся им, а они охраняют нас и дарят нам свет жизни. Они не прыгают туда-сюда, не дерутся и не бьют друг друга, как ваши боги.

— Но когда-то, до того как вы стали почитать пирамиды, у вас были другие боги, — возразил неКрол. — Те, которых ваши умельцы вырезают для меня.

Он даже распаковал ящик и показал ей статуэтки, которые она, конечно, прекрасно знала: дженши рода каменного кольца были непревзойденными мастерами.

Но Грустная Рассказчица только пригладила серую шерсть и покачала головой.

— Я была слишком юной, чтобы вырезать фигурки, наверное, поэтому мне ничего не рассказывав, — сказала она. — Мы все знаем лишь то, что нам нужно знать; резчики делают фигурки, стало быть, только они и наслышаны о старых богах.

В другой раз неКрол спросил ее о пирамидах, но узнал и того меньше.

— Кто строил? — переспросила Грустная Рассказчица. — Не знаю, Арик. Они были всегда, как скалы и деревья. — Она вдруг удивленно посмотрела на него. — Но они не похожи на скалы и деревья, правда? — И, озадаченная, ушла, чтобы обсудить это с другими дженши.

Но хотя лишенные бога дженши были более вдумчивы, чем их собратья, с ними было гораздо труднее, и с каждым днем неКрол все яснее осознавал никчемность своей затеи. Теперь У него жили восемь изгнанников (в середине зимы он подобрал еще двоих, умирающих от голода), и все они учились стрелять из лазера и следили за Ангелами. Но даже если Райтер вернется с оружием, их сила ничто по сравнению с воинской мощью, которую может бросить против них Наставник.

«Огни Холостара», скорее всего, будут до отказа загружены оружием — в расчете на то, что каждый из родов пробудился и, возмущенный, готов дать отпор Железным Ангелам, но когда Дженнис увидит, что навстречу ей вышли только неКрол и его косматая банда, лицо у нее снова станет непроницаемым.

Если они вообще выйдут ей навстречу. Даже это было сомнительно: неКрол с трудом удерживал своих партизан вместе. Их ненависть к Железным Ангелам по-прежнему граничила с сумасшествием, но они не знали, что такое дисциплина. Заставить их исполнять приказы было невозможно, кроме того, они постоянно боролись друг с другом за первенство, пуская в ход когти. НеКрол думал, что, если бы не он, дело дошло бы до лазеров — они попросту перестреляли бы друг друга. Что касается поддержания боевой готовности, об этом было просто смешно говорить. Из трех особей женского пола только Грустная Рассказчица не позволила себе забеременеть. Поскольку дженши обычно рожали сразу от четырех до восьми детенышей, в конце лета ожидался демографический взрыв. И торговец знал, что на этом они не остановятся: лишенные бога занимались любовью каждую свободную минуту, а о регулировании рождаемости дженши не имели понятия. НеКрол удивлялся, как удается поддерживать постоянное количество дженши в родах, но его подопечные не имели никакого представления об этом.

— Наверное, мы реже бывали вместе, — ответила Грустная Рассказчица, когда он задал ей этот вопрос, — но я была ребенком, так что я просто не знаю. До того как я попала сюда, мне никогда не хотелось. Видно, я была слишком молода.

Но, сказав это, она почесалась, и вид у нее был не очень уверенный.

…Вздыхая, неКрол откинулся на спинку кресла и попытался отвлечься от шума голосов на экране. Все очень сложно. Железные Ангелы уже вышли из-за стены, вверх и вниз по Долине меча ездили мототележки, лес постепенно превращался в пашню. НеКрол сам поднимался на холм; было видно, что весенние посадки скоро закончатся. Затем, полагал торговец, чада Баккалона постараются расширить свои земли. На прошлой неделе одного из них — великана «без шерсти на голове», как выразился разведчик неКрола, — видели у каменного кольца, где он собирал обломки разрушенной пирамиды. Ох не к добру все это, невесело размышлял неКрол. Иногда он сожалел, что привел в действие такие силы, и почти желал, чтобы Райтер забыла о лазерах, ибо Грустная Рассказчица была полна решимости нанести удар, как только они получат оружие. Встревоженный неКрол напомнил ей, как страшно наказали Ангелы дженши в

последний раз, когда те убили человека; торговец до сих пор видел во сне детенышей дженши на стенах.

Но она лишь взглянула на него глазами бронзового цвета с таящимся в них безумием и сказала:

— Да, Арик. Я все помню.

Молчаливые и проворные мальчики с кухни в белых комбинезонах убрали со столов последние тарелки и исчезли.

— Вольно, — приказал Уайотт своему командному составу. И произнес: — Как и предрекало бледнолицее дитя, время чудес пришло.

Утром я послал три взвода на холмы к юго-востоку от Долины меча с приказом выдворить роды дженши с нужных нам земель. В первой половине дня они доложили мне об итогах операции, и теперь я хочу, чтобы вы тоже услышали их доклад. Воспитательница Джолип, расскажите, что произошло, когда вы выполняли задание.

Джолип, бледнокожая блондинка с изможденным лицом, встала. Форма свободно висела на ее худом теле.

— Мне поручили со взводом в десять человек вытеснить так называемый род утеса, чья пирамида расположена у подножия низкой гранитной скалы в малообитаемой части холмов. По данным нашей разведки, это один из мелких родов (взрослых особей двадцать с небольшим), так что я решила обойтись без тяжелого вооружения. Разрушение пирамид дженши при помощи стрелкового оружия занимает много времени, поэтому мы взяли взрывное орудие пятого калибра, но в остальном наше вооружение строго отвечало типовому образцу.

Мы не ожидали сопротивления, но, памятуя о происшествии у каменного кольца, я была настороже. Пройдя походным порядком около двенадцати километров по холмам, мы очутились в окрестностях утеса, развернулись и медленно двинулись вперед со стапперами наготове. В лесу нам встретилось несколько дженши. Мы взяли их в заложники и поставили вперед, чтобы использовать как щиты в случае засады или нападения. Разумеется, это оказалось излишней предосторожностью.

Когда мы достигли пирамиды, стоящей около утеса, они уже ждали нас. По крайней мере двенадцать тварей. Одна из них сидела у основания пирамиды, прижав ладони к ее грани, а другие расположились вокруг. Все они смотрели на нас и не двигались.

Воспитательница ненадолго притихла и задумчиво потерла переносицу.

— Как я уже рассказывала Наставнику, после этого началось

что-то странное. Прошлым летом я дважды руководила подобными операциями. В первый раз лишенные души отсутствовали, не имея понятия о наших намерениях; мы просто разрушили их пирамиду и удалились. Во второй раз стадо этих существ вертелось возле нас, загораживая пирамиду своими телами, но не проявляя враждебности. Они не разбежались, пока я не уложила одного из них выстрелом из стаппера. И конечно, я изучила доклад воспитателя Оллора о затруднениях, возникших у каменного кольца.

Но на этот раз все было по-другому. Я приказала двоим из моих людей установить взрывное орудие на треножник и дала понять тварям, что им следует уйти с дороги. Конечно, я объяснялась с ними знаками, потому что не знаю их нелепого языка. Они сразу же подчинились, разбились на две группы и выстроились по обе стороны от линии огня. Разумеется, мы держали их под прицелом, но выглядело все очень мирно.

Да все и было мирно. Бластер точно нацелился на пирамиду, мы увидели большой огненный шар, затем прогрохотал взрыв. Несколько обломков разлетелось, но никто не пострадал. И вот, после того как пирамида разбилась, вдруг резко запахло озоном и на мгновение блеснуло высокое голубоватое пламя. Однако я его едва заметила, потому что в это самое время все дженши упали перед нами на колени. Все сразу. Потом коснулись головой земли и легли ничком. На миг я подумала, что они приветствуют нас как новых богов — ведь мы разбили их бога, и попыталась объяснить, что мы не нуждайся в их животном поклонении и требуем одного — чтобы они убирались отсюда. Но тут я поняла, что ошибалась: из-за деревьев на верху утеса показались еще четверо членов рода. Они медленно спустились вниз и протянули нам статуэтку. Тогда остальные дженши поднялись с земли, и под конец я увидела, как весь род покидает Долину меча и дальние холмы и идет на восток. Я взяла статуэтку и принесла ее Наставнику.

Она замолчала, стоя в ожидании вопросов.

— Статуэтка здесь, — сказал Уайотт.

Он пошарил внизу, рядом со своим стулом, поставил статуэтку на стол и снял с нее белую ткань, в которую она была тщательно завернута.

В основании ее лежал треугольник из твердой, как камень, черной коры, три длинные костяные палочки поднимались из его углов, образуя каркас пирамиды, а внутри стояло искусно, с тончайшими деталями вырезанное из мягкого голубого дерева бледнолицее дитя Баккалона, держа в руках выкрашенный в черный цвет меч.

Что это значит? — вытаращив глаза, пробормотал полковой епископ Лайон.

— Святотатство! — воскликнула полковой епископ Даллис.

— Все гораздо проще, — возразил полковой епископ тяжелой артиллерии Горман. — Эти твари просто пытаются втереться к нам в доверие, вероятно, надеясь остановить таким способом наши мечи.

— Никто, кроме семени Земли, не может поклоняться Баккалону, — изрекла Даллис. — Это написано в Книге! Бледнолицее дитя не будет благосклонно к не имеющим души!

— Молчание, братья по оружию! — произнес Наставник, и сидящие за длинным столом тотчас умолкли. Уайотт слабо улыбнулся. — Вот первое из чудес, о которых я говорил зимой в храме, первый странный случай из предсказанных Бакка-лоном. Даже дикие твари знают Его облик, ибо поистине Он посетил этот мир, наш Корлос. Задумайтесь, братья мои. Задумайтесь над этой статуэткой. Задайте себе несколько простых вопросов. Дозволяли ли мы хоть кому-нибудь из животных вступить в этот святой город?

— Нет, конечно нет, — ответил кто-то.

— Значит, ясно, что никто из них не видел объемного изображения, стоящего над нашим алтарем. Я также нечасто появлялся среди этих тварей — мои обязанности не позволяют мне отлучаться отсюда надолго. Так что никто не мог видеть образ бледнолицего дитяти, который я ношу на цепочке в знак своего сана. А те дженши, что видели меня, не успели об этом рассказать: их повесили на городской стене. Животные не говорят на языке семени Земли, и никто из нас не выучил их глупого звериного наречия. И последнее — они не читали Книгу. Припомните все это и спросите себя: каким образом их ремесленники узнали, что им нужно вырезать?

Тишина. Руководители чад Баккалона в изумлении переглядывались.

Уайотт благоговейно сложил руки.

— Чудо. У нас больше не будет неприятностей с дженши, ибо к ним пришло бледнолицее дитя.

Сидевшая справа от Наставника полковой епископ Даллис подняла голову.

— Мой Наставник, духовный руководитель, — с трудом проговорила она, медленно произнося каждое слово. — Но ведь не хотите же вы сказать, что эти… эти животные могут поклоняться бледнолицему дитяти и что оно принимает их поклонение!

Уайотт казался спокойным и доброжелательным, он

терпеливо улыбнулся ей:

— Пусть ваша душа не тревожится, Даллис. Вам кажется, что я впадаю в Первое Заблуждение, Возможно, вы вспомнили кощунство Г'хры, когда плененный сын Хранги поклонился Баккалону, чтобы спастись от странной смерти, и лженаставник Гиброн провозгласил, что у всех, кто молится бледнолицему дитяти, есть душа. — Уайотт покачал головой. — Как видите, я неплохо знаю Книгу. Нет, полковой епископ, святотатства не было. Баккалон действительно посетил дженши, но, разумеется, сказал им все как есть. Он предстал перед ними во всем блеске своей грозной славы и сказал во всеуслышанье, что они животные без души, так как только это Он и мог сказать им. И они, услышав Его, смирились со своим местом в мироздании и отступили перед нами. Они больше никогда не убьют человека. Вспомните, ведь они не поклонились вырезанной их руками статуэтке, они отдали ее нам, семени Земли, — тем, кто по праву может ей поклоняться. Когда они простерлись на земле, они простерлись тем самым у наших ног, как животное ложится у ног человека. Понимаете? Они знают правду.

Даллис закивала.

— Да, мой Наставник. Вы просветили меня. Простите мне мое сомнение.

Но тут подался вперед, хмурясь и сжимая в кулаки огромные пальцы с выступающими суставами, сидевший в середине длинного стола Кара Да-Хан.

— Мой Наставник, — через силу произнес он.

— Да, Знаток оружия? — отозвался Уайотт. Лицо его посуровело.

— У меня, как у полкового епископа, неспокойно на душе, и я жажду, чтобы вы просветили меня, ежели это возможно.

— Продолжайте, — приказал Уайотт.

— Может быть, это действительно чудо, — начал Да-Хан, — но сначала нам надо убедиться, что это не уловка лишенного души врага. Я не вникаю в их стратегию или в мотивы их поступков, но я знаю, откуда дженши могли получить представление об облике нашего Баккалона.

— Откуда же?

— Я имею в виду базу мира Джемисона и рыжего торговца Арика неКрола. Он из семени Земли, судя по внешности — с ай-Эмиреля, и мы давали ему нашу Книгу. Но он не воспылал любовью к Баккалону и не стал носить оружие. С самого начала он противостоял нам, а после того как дженши вынудили нас проучить их, повел себя крайне враждебно. Возможно, именно он подучил род утеса вырезать фигурку, преследуя неизвестные нам

цели. Я полагаю, он вел с ними торговлю.

— Вероятно, вы правы, Знаток оружия. В первые месяцы нашего пребывания здесь я старался обратить неКрола в истинную веру. Мои усилия пропали даром, но я многое узнал о зверях дженши и его торговле с ними. Он торговал с одним из родов, живших здесь, в Долине меча, и, кроме того, с родами каменного кольца, утеса, далекой фруктовой чащи, водопада и теми, кто обитает дальше к востоку.

— Значит, это дело его рук! — воскликнул Да-Хан. — Это его уловка!

Все взгляды остановились на Уайотте. Он улыбался.

— Этого я не сказал. НеКрол, каковы бы ни были его намерения, все-таки один. Он не торгует со всеми дженши и не знает их всех. — Улыбка Наставника стала просто ослепительной. — Те из вас, кто видел торговца, знают, что он неуклюжий, слабый человек; едва ли он смог пройти пешком такие расстояния, у него нет ни аэромобиля, ни автосаней.

— Но он был связан с родом утеса, — возразил Да-Хан. Глубокие морщины упрямо прорезали его загорелый лоб.

— Да, был, — терпеливо ответил Уайотт. — Но сегодня утром вышел в поход не только отряд воспитательницы Джолип. Я также послал взводы воспитателя Уолмена и воспитателя Оллора перейти воды Белого ножа. Земля там темная и плодородная, лучше, чем на востоке. Род утеса занимал территорию на юго-востоке между Долиной меча и Белым ножом и поэтому должен был уйти. Но другие пирамиды, которые подлежали разрушению, принадлежали родам, проживавшим далеко за ручьем, более чем в тридцати километрах к югу. Эти дженши никогда не видели торговца Арика неКрола, разве что этой зимой он отрастил крылья.

Тут Уайотт опять наклонился и поставил на стол еще две статуэтки. Одна фигурка стояла на треугольнике из сланца и была вырезана грубо, в общих чертах, другая, из мыльного корня, поражала мастерским выполнением деталей, даже стоек пирамиды. Но если не считать разницы в материале и степени владения ремеслом, вторая и третья статуэтки были точь-в-точь такие же, как первая.

— Ну что, Знаток оружия? — спросил Уайотт.

Да-Хан поднял глаза, но не успел произнести ни слова, потому что полковой епископ Лайон вдруг встал.

— Я вижу чудо! — отчеканил он, и все повторили его слова.

После того как гул голосов затих. Знаток оружия опустил голову и глухо произнес:

— Мой Наставник! Почитайте нам Книгу мудрости.

— Лазеры, Рассказчица, лазеры! — кричал неКрол, и в голосе его слышалось отчаяние. — Райтер еще не вернулась! Мы должны ждать.

Он выбежал из домика торговой базы с обнаженной грудью. Жаркое утреннее солнце жгло ему голову, порывистый ветер трепал ярко-рыжую спутанную гриву. Они были уже на опушке, когда он догнал их. Грустная Рассказчица повернулась к нему, суровая, совсем не похожая на дженши: через плечо висел лазер, на шее был ярко-синий шарф из блестящего шелка, а на каждом из восьми пальцев сверкало по широкому кольцу. Остальные изгнанники, кроме двух беременных, сгрудились возле нее. Один из них держал второй лазер, остальные несли колчаны и арбалеты — так придумала Рассказчица. Ее новый дружок, тяжело дыша, стоял на одном колене: он бежал всю дорогу от каменного кольца.

— Нет, Арик, — зло сверкая глазами цвета бронзы, бросила неКролу Рассказчица. — По твоим собственным расчетам, лазеры опаздывают на месяц. Мы ждем, а Железные Ангелы каждый день разрушают все больше пирамид. Скоро они примутся за детей.

— Очень скоро, — согласился неКрол, — если вы на них нападете. Есть ли у вас хоть какая-нибудь надежда? Дозорный говорит, их там два взвода и с ними мототележка с пушкой. И вы рассчитываете остановить их парой лазеров и четырьмя арбалетами?

— Да, все так, — ответила Рассказчица, и зубы ее сверкнули, как клыки у дикого зверя. — Но это не имеет значения. Роды не сопротивляются, значит, мы должны делать это.

Стоящий на одном колене дружок Рассказчицы поднял глаза на неКрола.

— Они… Они идут к водопаду, — задыхаясь, проговорил он.

— К водопаду! — повторила Грустная Рассказчица. — С тех пор как умерла зима, Арик, Ангелы разбили больше двадцати пирамид. Их взрыватели крушат лес, и теперь землю от долины до ручья перерезает, как шрам, большая пыльная дорога. Правда, в этом году они не причинили вреда ни одному дженши — они всех отпускали. Эти роды, лишенные своих богов, шли к водопаду, и теперь в том лесу нечего есть. Владеющие Даром Слова из всех родов сидят рядом со Стариком. Возможно, бог водопада примет их как своих, может быть, он и вправду великий бог. Я в этом не разбираюсь. Зато я знаю, что лысый Ангел пронюхал о двадцати живущих вместе родах, о группе в полтысячи взрослых дженши, и ведет на них свою мототележку с пушкой. Отпустит ли он их и на этот раз, удовлетворись вырезанной фигуркой? И захотят ли дженши уйти, бросив второго

бога с той же легкостью, что и первого, Арик? — Рассказчица странно взглянула на неКрола. — Я боюсь, они будут защищаться одними когтями. Я боюсь, лысый Ангел перевешает их, даже если они не будут сопротивляться. Я боюсь всего и почти не знаю ничего. Одно я знаю твердо — мы должны быть там. Ты не остановишь нас, Арик, мы не можем ждать, пока привезут твои запоздавшие лазеры.

Она повернулась к остальным:

— Скорей, надо бежать!

И они исчезли в лесу, неКрол не успел даже рта открыть. Растерянный, несчастный, он побрел назад к домику, откуда как раз выходили две беременные изгнанницы с арбалетами в руках.

— И вы туда же! — в ярости крикнул он. — Это же безумие, чистой воды безумие!

Но они только взглянули на него своими тихими золотистыми глазами и скользнули мимо, направляясь к лесу.

В домике неКрол перетянул лентой свою длинную рыжую гриву, чтоб она не цеплялась за ветки, быстро натянул рубашку и метнулся к двери. Но тут же остановился. Оружие, у него должно быть оружие! Он судорожно оглядел комнату и бросился в кладовую. Ни одного арбалета, ничего! И тут руки его наткнулись на мачете из какого-то твердого сплава. НеКролу было так непривычно держать его, он знал, что выглядит нелепо и отнюдь не воинственно, но надо же было взять хоть что-то.

И он поспешил к водопаду вслед за остальными.

Грузный, рыхлый неКрол не привык к бегу, а до водопада было почти два километра через пышно разросшийся летний лес. Трижды торговцу приходилось останавливаться и ждать, пока не утихнет боль в груди. Казалось, прошла вечность, прежде чем он добрался до водопада. Но ему все же удалось обогнать Железных Ангелов: громоздкая мототележка двигалась медленно, и дорога из Долины меча более длинная и холмистая.

Дженши были повсюду. С поляны исчезла трава, и сама поляна увеличилась раза в два по сравнению с тем, какой неКрол запомнил ее во время своего последнего посещения, ранней весной. Но дженши заполнили поляну целиком. Они сидели на земле, молча уставясь на пруд и водопад, сидели настолько тесно, что между ними едва можно было протиснуться. Многие устроились наверху, на фруктовых деревьях, несколько детенышей взобрались на самый верх, где прежде царили одни обезьяны.

Посреди водоема на камне, вокруг пирамиды рода водопада, скучились Владеющие Даром Слова. Они жались друг к другу еще

теснее, чем сидящие на траве, и каждый держал ладони на пирамиде. Один из них, тощий, почти бесплотный, сидел на плечах собрата, чтобы все могли прикоснуться к святыне. НеКрол пытался сосчитать дженши, но бросил: перед ним была сплошная масса покрытых серой шерстью рук и ног и золотистых глаз, а посредине — пирамида, темно-алая, неподвижная, как всегда.

Грустная Рассказчица стояла в пруду, по щиколотку в воде. Лицо ее было обращено к сидящим на траве, и она кричала странным, не похожим на обычное мурлыканье дженши голосом. Ее шарф и кольца казались до ужаса чужеродными и как будто таили угрозу. Неистово и страстно, размахивая лазерным ружьем, она кричала собравшимся дженши, что Железные Ангелы уже на подходе, что нужно разбиться на мелкие группки и скрыться в лесу, чтобы встретиться затем на торговой базе. Она повторяла это снова и снова, с какой-то дикой настойчивостью, резким, металлическим голосом.

Но роды сидели неподвижно и безмолвно. Никто не от-вечал, никто не слушал, никто не слышал. Они молились при свете дня.

НеКрол протискивался вперед, наступая то на чью-то руку, то на чью-то ногу. Он встал наконец рядом с Грустной Рассказчицей, продолжавшей бурно размахивать руками. Но вот ее глаза цвета бронзы остановились на нем. Тогда она смолкла.

— Арик, — пробормотала она, — Ангелы идут, а они не хотят меня слушать.

— Остальные… — неКролу не хватало воздуха. — Где остальные наши?

— На деревьях, — сделав неопределенный жест, ответила Рассказчица. — Я поручила им сидеть на деревьях. Это снайперы, Арик, такие же, как мы видели у тебя на стене.

— Пожалуйста, пойдем домой, — взмолился неКрол. — Оставь этих, на траве, оставь их! Ты их предупредила, и я их предупреждал. Что бы ни случилось, они сами виноваты, виноваты их боги.

— Я не уйду, не могу уйти, — ответила Грустная Рассказчица. Она, казалось, смутилась, как бывало, когда неКрол расспрашивал сс дома, на базе. — Вроде бы мне надо уйти, но я чувствую, что должна остаться. И остальные наши не уйдут, даже если бы я ушла. Они чувствуют это еще сильнее. Мы должны быть здесь. Чтобы бороться, чтобы говорить. — Она моргнула. — Я не знаю почему, Арик, но мы должны.

И прежде чем торговец успел ей ответить, из леса вышли Железные Ангелы.

Сначала их было пятеро, они шли на большом расстоянии друг от друга, вскоре показалось еще пять. Все были одеты в

сливавшуюся с листьями пятнистую темно-зеленую форму, так что выделялись только блестящие пояса из стальной сетки и стальные боевые шлемы, все шли с отведенными назад ручными лазерами. У одного из Ангелов — худой бледной женщины — был высокий красный воротник.

— Ты! — выкрикнула светловолосая женщина: ее глаза сразу же нашли Арика, который стоял с развевающейся на ветрурыжей гривой, бессмысленно сжимая мачете. — Поговори с этими тварями! Скажи им, чтобы они убирались! Скажи им, что приказом Наставника Уайотга и именем бледнолицего Баккалона к востоку от гор запрещены все сборища дженши. Скажи им это! — Тут она увидела Грустную Рассказчицу и вздрогнула. — И отбери у этой твари лазер, не то мы сожжем вас обоих!

Слабые пальцы неКрола разжались, и мачете упало в воду.

— Рассказчица, брось ружье, — сказал он. — Брось, пожалуйста. Если ты хочешь когда-нибудь увидеть далекие звезды, брось лазер, друг мой, дитя мое, брось сейчас же. И когда приедет Райтер, я возьму тебя с собой на ай-Эмирель и дальние планеты.

В голосе торговца была тоска: лазеры Железных Ангелов целились прямо в них, и он был уверен, что Рассказчица не станет его слушать.

Но она со странным смирением бросила ружье в пруд. Военная воспитательница заметно смягчилась.

— Хорошо, — сказала она. — Теперь поговори с ними на их зверином языке, скажи им, чтобы они ушли. Если они не уйдут, мы их уничтожим. Мототележка уже близко!

Сквозь рокот и плеск ближних вод неКрол расслышал ее приближение: с громким хрустом она опрокидывала стволы деревьев, и они раскалывались в щепу под широкими зубцами гусениц. Видимо, валуны убирали при помощи пушки и станковых лазеров.

— Мы говорили им это! — в отчаянии воскликнул неКрол. — Говорили много раз, но они не слышат!

Он обвел рукой пространство вокруг; воздух над поляной, казалось, нагрелся от теснящихся на ней дженши, но никто, ни один род не обращал внимания на Железных Ангелов и противостояние двух людей. Позади неКрола кучка Владеющих Даром Слова все так же прижимала маленькие руки к своему богу.

— Мы обнажим против них меч Баккалона, — объявила Воспитательница. — Быть может, они услышат собственный вой!

Она убрала лазер и подняла звуковое ружье. НеКрол содрогнулся. В звуковых ружьях использовалась высокая энергия

усиленного звука, разрушающая стенки клеток и растворяющая мягкие ткани тела. Трудно было придумать смерть более ужасную.

Но тут появился второй взвод Ангелов. Послышался треск гнущихся и ломающихся деревьев, и за последней рощицей фруктовых деревьев неКрол уже смутно различал черные бока мототележки и пушку, наведенную прямо на него. Двое новоприбывших носили красные воротники: румяный юноша со светлыми волосами, отрывисто отдающий приказы своему взводу, и огромного роста мускулистый лысый мужчина с изрезанным морщинами загорелым лицом. НеКрол узнал его — это был Знаток оружия Кара Да-Хан. Он опустил тяжелую ладонь на плечо Воспитательницы.

— Нет, — сказал Да-Хан, — Это не метод.

Воспитательница сразу зачехлила ружье.

— Слушаю и повинуюсь.

Да-Хан посмотрел на неКрола.

— Торговец, твоя работа? — сочным басом прогудел Знаток оружия.

— Нет, — ответил неКрол.

— Они не желают расходиться, — доложила воспитательница Да-Хану.

— Если действовать звуковыми ружьями, нам не хватит дня и ночи, — проговорил тот, обводя взглядом поляну, деревья и извилистую тропинку, ведущую на вершину холма, откуда сбегал водопад. — Есть более легкий путь. Разбейте пирамиду, и они сразу же уйдут. — Он осекся, глаза его вперились в Грустную Рассказчицу. — Дженши в одежде и с кольцами… До сих пор они ткали только портреты покойников.

— Эта дженши из рода каменного кольца, — быстро объяснил неКрол. — Она живет у меня.

Да-Хан кивнул.

— Ясно. Ты настоящий безбожник, неКрол, ты якшаешься с лишенными души тварями и учишь их подражать повадкам семени Земли. Но это неважно. — Он поднял руку, это был сигнал; стоящая позади него среди деревьев мототележка с пушкой слегка сдвинулась вправо. — Отойди со своей питомицей. Когда я опущу руку, бог дженши взорвется и вы уже никогда не сдвинетесь с места.

— А Владеющие Даром Слова! — НеКрол стал поворачивайся, чтобы Да-Хан их увидел.

Но Владеющие Даром Слова один за другим отползали от пирамиды.

Стоящие за неКролом. Ангелы бормотали что-то странное.

— Чудо! — хрипло произнес один.

— Наше дитя! Наш Бог! — воскликнул другой.

НеКрол оцепенел. Пирамида на камне больше не была малиновой. Теперь она сверкала на солнце, как шатер из прозрачного хрусталя. И под этим шатром, сделанное с совершенным мастерством из дерева, стояло и улыбалось бледнолицее дитя Баккалона, держа в руке свой меч, Истребитель демонов.

Теперь Владеющие Даром Слова, торопясь скрыться, бежали вприпрыжку к воде. НеКрол мельком увидел Старика — невзирая на возраст, он удирал быстрее всех. Грустная Рассказчица замерла, разинув рот.

Торговец повернулся. Половина Железных Ангелов стояла на коленях, остальные застыли в изумлении, растерянно опустив руки. Воспитательница обратилась к Да-Хану.

— Это чудо, — взволнованно проговорила она. — Как и предвидел Наставник Уайотг, бледнолицее дитя спустилось в этот мир.

Но Знаток оружия не был растроган.

— Наставника здесь нет и чуда тоже, — сурово ответил он. — это хитрость врага, но меня не обманешь. Мы сотрем кощунственный образ с лица земли Корлоса!

И он взмахнул рукой.

Ангелы, сидевшие в мототележке, должно быть, не осмелились поднять руку на бледнолицее дитя — пушка не выстрелила. Да-Хан в гневе обернулся.

— Говорю вам, это не чудо! — взревел он и снова поднял руку.

Стоящая рядом с неКролом. Грустная Рассказчица вдруг вскрикнула. Торговец увидел, что глаза ее зажглись ярким золотистым огнем.

— Бог! — мягко проговорила она. — Свет возвращается ко мне!

В ту же секунду с окружающих поляну деревьев раздался свист арбалетов, и две длинные стрелы почти одновременно вонзились в широкую спину Кара Да-Хала. Знаток оружия рухнул на колени и уткнулся лицом в землю.

— Беги! — крикнул неКрол и изо всех сил толкнул Грустную Рассказчицу. Она помешкала в нерешительности, быстро оглянулась — в ее глазах, снова цвета темной бронзы, стоял страх. Потом она помчалась, и синий шарф трепетал на ветру, пока она не скрылась в зелени леса.

— Убейте ее! — визжала Воспитательница. — Убивайте всех!

Ее крик словно пробудил и дженши, и Железных Ангелов.

Чада Баккалона нацелили лазеры на вдруг пришедшую в волнение толпу. Началась бойня. НеКрол прополз на коленях по скользким, мшистым камням, достал из воды лазер и приладил его к плечу. Из ружья яростными вспышками вылетел свет — раз, два, три. НеКрол еще раз отпустил спусковой крючок, вспышка превратилась в луч, пронзивший Ангела в серебристом шлеме, но тут у него в животе вспыхнуло пламя, и торговец тяжело повалился в пруд.

НеКрол ничего не видел, осталась только боль, да вода мягко поглаживала его лицо. Вокруг кричали дженши, гудела и грохотала пушка. Несколько раз на него наступали, но это уже не имело значения. Он старался держать голову на камнях, над водой, но и это скоро стало не так уж важно. Вот только огонь в животе, он не отступал.

Потом боль куда-то ушла, ушел и грохот. Воздух был полон дыма и смрадных испарений, неКрол лежал и прислушивался.

— А пирамида? Воспитательница? — спросил кто-то.

— Это чудо! — ответил ликующий женский голос. — Смотрите, Баккалон все стоит. И он улыбается! Сегодня мы сделали доброе дело!

— Что же нам делать со статуей?

— Возьмите ее в мототележку. Мы отвезем ее Наставнику Уайотту.

Вскоре голоса затихли совсем, и неКрол у был слышен только шум неустанно стремящейся вниз воды. Легкий, целительный шум, навевающий сон.

Член команды вставил лом между перекладинами и приподнял доску. Тонкое дерево подалось сразу.

— Еще статуэтки, Дженнис, — заглянув внутрь ящика и развернув упаковку, сообщил он.

— Они не стоят и гроша, — с коротким вздохом сказала Райтер.

Она стояла в развалинах торговой базы неКрола. Ангелы обыскали базу, охотясь за вооруженными дженши, везде были осколки, обломки. Но ящики остались нетронутыми.

Член команды двинулся к следующей груде ящиков с поделками. Райтер задумчиво смотрела на троих льнущих к ней дженши, жалея, что они не могут свободно общаться с нею. Одна из них, самочка в длинном шарфе, со множеством украшений, которая не выпускала из рук металлического лука, знала несколько слов на языке Земли, но их было явно недостаточно, чтобы понять что-либо. Она была умна, схватывала все на лету, но пока что могла произнести лишь две-три осмысленные фразы:

«Мир Джемисона. Арик нас взять. Ангелы убивают». Она твердила их без конца, пока Райтер не дала ей понять, что возьмет ее с собою. Еще двое дженши — беременная и представитель сильного пола с лазером в руках, — казалось, вообще не знали, что такое речь.

— Опять статуэтки, — сняв верхний ящик и раскрыв его посреди разгромленной кладовой, пожал плечами член команды.

Райтер вышла из домика и медленно побрела к краю взлетной полосы, где отдыхали «Огни Холостара»; открытые отсеки корабля золотисто светились в надвигающихся сумерках. Дженши неотступно следовали за ней; с тех пор как прилетел корабль, они ходили за ней повсюду, словно опасаясь, что, если они хоть на миг спустят с нее огромные глаза цвета бронзы, она улетит без них.

— Статуэтки, — бормотала Райтер, наполовину для себя, наполовину для дженши. Она покачала головой. — Зачем он это делал? — спросила она дженши, заведомо зная, что те не поймут и не ответят, — Торговец с таким опытом! Вместо того чтобы собирать посмертные портреты и прочие настоящие предметы искусства дженши, Арик зачем-то научил вас делать туземные копии человеческих богов. Неужели он не знал, что ни один антиквар не возьмет столь грубую подделку? Чужое искусство должно быть загадочным, а в этом, в этих статуэтках нет тайны. — Райтер вздохнула. — Наверно, это моя вина. Надо было вскрыть ящики.

Грустная рассказчица не сводила с нее глаз.

— Портрет Арика. Я отдала.

Райтер рассеянно кивнула. Посмертный портрет висел над ее койкой; странная маленькая тряпка, сотканная отчасти из шерсти дженши, но в основном из длинных шелковистых прядей огненно-рыжих волос. На красном фоне серыми нитками было вышито грубо, но узнаваемо изображение Арика неКрола. Это тоже удивило Райтер. Дар вдовы? Ребенка? Или друга? Что произошло с Ариком, когда «Огни Холостара» были далеко? Если бы только она приехала вовремя… Но она потеряла три месяца в мире Джемисона, обходя перекупщика за перекупщиком и пытаясь сбыть никудышные статуэтки. Когда «Огни Холостара» вернулись на Корлос, чтобы обнаружить разгромленную базу неКрола, была середина осени и Ангелы уже собирали урожай.

Ангелы… Когда она пошла к ним с предложением продать уже ненужные лазеры, от одного вида кроваво-красной городской стены ей стало не по себе. Она думала, что готова ко всему, но столкнулась с такой мерзостью, что у нее не было слов. У высоких ржавых ворот она повстречала взвод Железных Ангелов,

проводивших ее в город к Наставнику.

От былого Наставника остались кожа да кости. Он стоял под открытым небом, у подножия огромной платформы-алтаря, воздвигнутой в центре города. Заключенная в стеклянную пирамиду и установленная на высоком постаменте из темно-красного камня, поразительно похожая на живого ребенка статуя Баккалона отбрасывала длинную тень на деревянный алтарь. Взводы Ангелов под статуей сваливали в кучу зелень, свежесжатую пшеницу и замороженные свиные туши.

— Нам не нужна ваша торговля, — сказал Наставник, — Мир Корлоса много раз благословен, дитя мое, и Баккалон поселиться среди нас. Он явил нам много чудес и явит еще. Мы верим в Него. — Костлявой рукой Уайотт указал на алтарь Видите? Как подношение Ему мы сожжем наши зимние запасы, ибо бледнолицее дитя обещает, что в этом году зим не будет. И Он научил нас отдаваться миру, как некогда мы задавались войне, так что семя Земли будет расти и крепнуть. Пришло время нового великого откровения!

Он говорил, и глаза его лихорадочно горели, широко раскрытые, темные, со странными золотистыми крапинками.

Как можно быстрее Райтер покинула Город Железных Ангелов, изо всех сил стараясь не оглядываться. На обратном пути она подошла к каменному кольцу, к разбитой пирамиде, которую показывал ей некогда Арик. И тут Райтер поняла, что не может удержаться, и обернулась — бросить последний взгляд на Долину меча. Увиденное ею зрелище и сейчас Стояло у нее перед глазами.

Снаружи на городских стенах висели на длинных веревках дети Ангелов, худенькие тельца в белых комбинезонах, застывшие и неподвижные. Они умерли без мук, все до одного, хотя смерть редко приходит без мук; по крайней мере, те, кто постарше, умерли быстро — затянутые в петли шеи сломались, не выдержав падения со стены. Но у бледнолицых малышей петли обвились вокруг талии, и Райтер было ясно, что большинство из них висели, пока не умерли с голоду.

Пока она стояла так, из разрушенного домика неКрола вышел член команды.

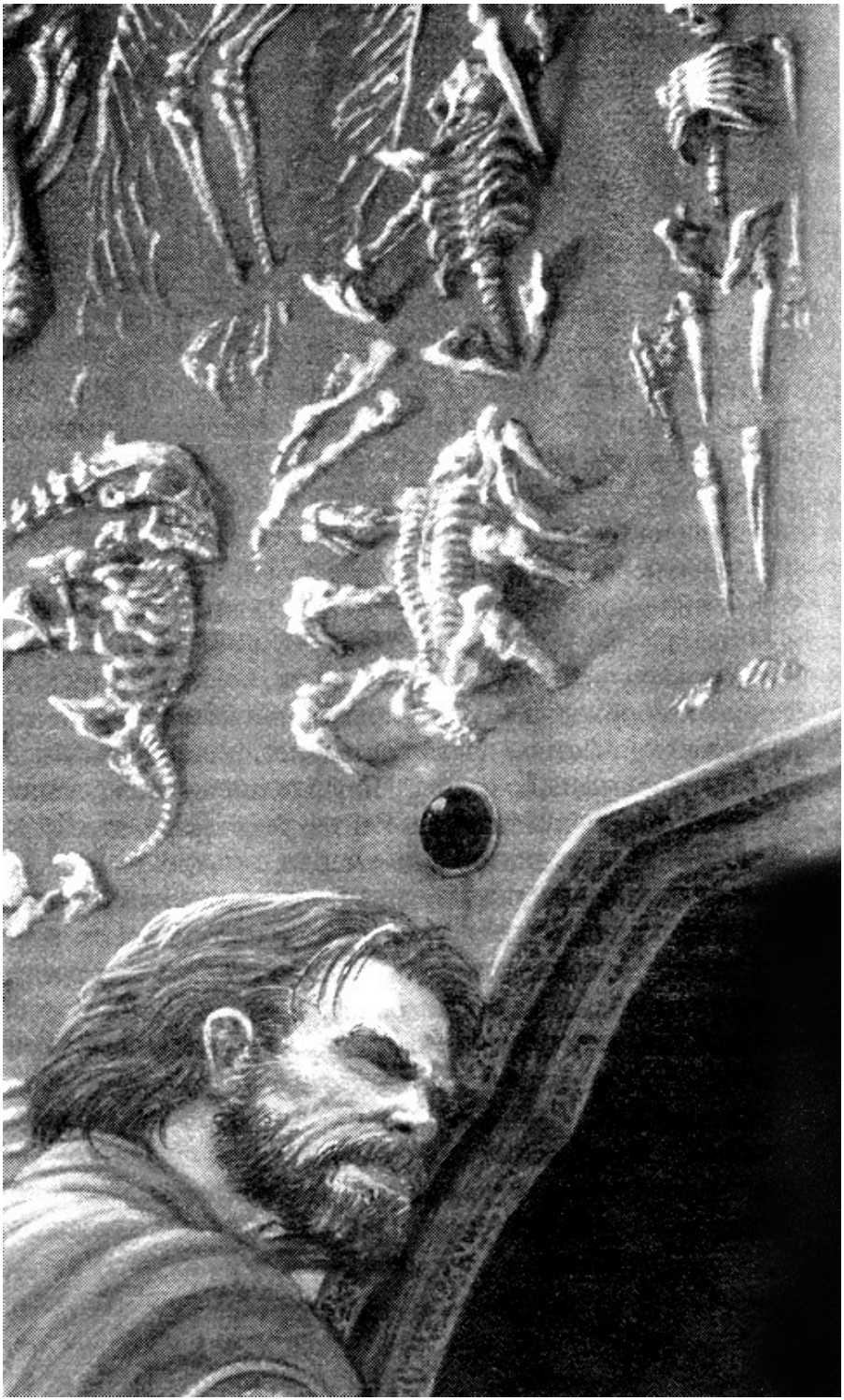
Райтер кивнула.

— Едем? — быстро спросила Грустная Рассказчица. — Мир Джемисона?

— Да, — ответила Райтер, переводя взгляд от ждущих «Огней Холостара» к черному первобытному лесу.

Солнце Баккалона закатилось навеки. В тысяче тысяч левов и одном-единственном городе роды приступили к молитве.

Каменный город
© Перевод Т. Черезовой



Перекресток Вселенной называли на тысячу ладов. Люди на

своих звездных картах именовали планету Бледной Немочью (если вообще ее отмечали, а делалось это редко, ведь лететь к ней нужно десять лет). В переводе со звонкого, лающего языка даньлаев ее название означало «иссякшая, безлюдная». Для ул-менналетов, которые знали ее дольше всех, она была просто планетой Каменного города. По-своему нарекли ее и крещи, и линкеллары, и седрийцы, и прочие, кто здесь селился и покидал этот мир, оставляя в память о себе только имена. Для тех же, кто задерживался здесь ненадолго, между прыжками от звезды к звезде, она оставалась просто безымянным перекрестком вселенских дорог.

То была бесплодная планета седых океанов и бесконечных равнин, где бушевали песчаные бури. Земля вокруг космодрома и Каменного города была безвидна и пуста. Космодром появился здесь по крайней мере пять тысяч лет назад. Построили его ул-найлеты в те легендарные времена, когда они еще владели всеми уллъскими звездами, и в течение жизни ста поколений перекресток Вселенной принадлежал им. Потом ул-найлеты вымерли, их миры заселили ул-менналсты, а древняя раса сохранилась только в преданиях и молитвах.

Но космодром пока устоял — огромная оспина на голой равнине, окруженная высокими ветроломами, возведенными давно сгинувшими инженерами. Высокие стены защищали город-порт от бурь. Помимо ангаров и бараков тут хватало и магазинов, и заведений, где утомленные путники со ста миров могли отдохнуть и восстановить силы. К западу от стены лежала пустыня — оттуда налетали бури, бросались на стены с яростью и, попадая в хитроумные ловушки, отдавали энергию и быстро иссякали. Правда, снаружи в тени восточной стены притулился второй городишко, открытый остальным ветрам, — город пластмассовых хижин-пузырей и жестяных лачуг. Там ютились отверженные — больные, опустившиеся, никому не нужные, словом, те, кто остался без корабля.

А еще восточнее раскинулся Каменный город.

Открыли его пять тысяч лет тому назад ул-найлеты. Для них так и осталось загадкой, как долго противостоял он ветрам и почему покинут. Уллъские старейшины, гласило предание, отличались тогда самонадеянностью и любопытством и решили досконально изучить город. Они бродили по извилистым улочкам, взбирались по узким лестницам, поднимались в тесные башни и плосковерхие пирамиды. Они обнаружили бесконечные лабиринты темных подземных туннелей и узнали, насколько огромен этот город. Они вдыхали запах его пыли и вслушивались в ужасное гробовое молчание. Но нигде не обнаружили

Строителей.

В конце концов ул-найлеты устали от непонятного, их охватил страх. Теперь камней сторонились, несколько тысяч лет звук шагов не раздавался под сводами лабиринтов. Зародился культ Строителей, а древний народ начал постепенно угасать.

Но ул-менналеты поклоняются только ул-найлетам. Аданьлаи не поклоняются никому. И кто знает, кому поклоняются люди? А потом в Каменном городе снова зазвучали шаги чужеземцев, и ветер разносил их топот по улицам.

Скелеты были вмурованы в стену.

Прямо над воротами ветролома, без всякой системы, числом на один меньше дюжины. Наполовину утопленные в цельнолитый уллъский металл, наполовину открытые ветрам перекрестка Вселенной. Некоторые скелеты были вмурованы глубже других. И выше всех остальных колыхался на ветру и стучал костями свежий скелет безымянного крылатого существа, вросший в стену только запястьями и лодыжками. А ниже чуть правее створок, желтели похожие на ободы бочек ребра — единственное, что осталось от линкеллара.

Скелет Макдональда врос в стену наполовину. Конечности почти целиком утонули в металле, но кончики пальцев высовывались наружу, и одна рука все еще сжимала лазер. Ветер овевал ступни и торс. И череп, проломленный выбеленный череп. Каждый день на рассвете, когда Холт проходил через ворота, этот череп с немым укором провожал его пустыми глазницами.

Наверное, дело было в странном утреннем освещении, но в любом случае уже несколько месяцев Холту было все равно. Не то что когда Макдональда только-только распяли и его труп гнил на ветроломе. Тогда Холт задыхался от смрада, а останки еще напоминали человека. Теперь-то остался один скелет, так что не вспоминать о Маке стало куда проще.

Утром в годовщину приземления «Пегаса» Холт прошел под скелетами, даже не взглянув на них.

Белый пыльный коридор, как всегда совершенно пустой, уходил далеко в обе стороны. В коридор на равных расстояниях друг от друга выходили узкие синие двери, но почти все они всегда были заперты.

Холт попробовал открыть первую же дверь справа, толкнув ее ладонью, но безрезультатно. Попробовал следующую — то же самое, и так несколько раз. Холт поневоле действовал методично. Каждый день открывался единственный кабинет, и каждый день другой. На этот раз открылась седьмая дверь.

За изогнутой металлической конторкой сидел одинокий

даньлай. Конторка явно была ему слишком велика. Комната, обстановка и все на космодроме отвечало комплекции давно сгинувших ул-найлетов, и даньлай был слишком мал для своего кабинета. Но Холт к этому несоответствию давно привык. Вот уже почти целый год он каждый день приходил сюда, и каждый день за конторкой сидел одинокий даньлай. Холт понятия не имел, то ли один чиновник каждый день перебирается из кабинета в кабинет, то ли он сам каждый раз попадает к новому. Даньлай слишком походили друг на друга: у всех длинные мордочки, бегающие глазки, все покрыты рыжеватым щетинистым мехом. Люди прозвали их лисюгами.

Холту все они за редким исключением казались совершенно одинаковыми.

Даньлаи не желали помогать ему. Они отказывались называть свои имена, хотя сидящий за конторкой изредка узнавал Холта. Но чаще — нет. Холт давным-давно принял правила игры и смирился с тем, что к каждому даньлаю надо обращаться как к незнакомцу.

Однако сегодня лисюган сразу узнал его.

— А, — тявкнул он, как только Холт вошел, — вам нужна работа на корабле?

— Да, — ответил Холт и, сняв потрепанную форменную фуражку (под стать поношенному серому мундиру), умолк, ожидая продолжения; тощий бледный человек с залысинами и прямым подбородком.

Лисюган сцепил тонкие шестипалые кисти рук и улыбнулся коротенькой улыбочкой.

— Нет работы, Холт, — сказал он. — Сожалею. Сегодня нет корабля.

— Я ночью слышал гул корабля, — возразил Холт. — Его было слышно даже в Каменном городе. Устройте меня на него. У меня подходящая квалификация. Я разбираюсь и в стандартных двигателях, и в даньлайских. У меня два диплома.

— Да-да. — Лис опять мимолетно улыбнулся. — Но корабля нет. Может быть, на будущей неделе. Возможно, на будущей неделе прилетит корабль людей. Тогда вы получите работу, Холт, я вам клянусь, я обещаю. Вы ведь хорошо владеете техникой пространственных прыжков. Я найду вам работу. Но только на будущей неделе. Сейчас корабля нет.

Холт прикусил губу и, смяв в руке фуражку, налег на конторку.

— На будущей неделе вас здесь не будет, — проговорил он. — А если и будете, то не узнаете меня и не вспомните про свое обещание. Дайте мне работу на корабле, который прилетел

сегодня ночью.

— Ах, Холт, — отозвался даньлай, — нет работы. Нет корабля людей. Нет работы для человека.

— Мне все равно. Мне подойдет любой корабль. Я полечу с даньлаями, седрийцами, уллами, с кем угодно. Техника Прыжков у всех одинаковая. Устройте меня на корабль, который прилетел вчера.

— Но корабля не было, Холт, — сказал лисюган, и зубы его блеснули. — Говорю вам, Холт. Не было, не было. На будущей неделе приходите. Приходите на будущей неделе.

В его голосе звучало явное желание поскорее отделаться от назойливого просителя. Холт научился распознавать эту интонацию. Как-то раз, несколько месяцев назад, он не внял сигналу и попытался настоять на своем. Но лис-конторщик вызвал своих, и Холта вытурили силком. В течение следующей недели по утрам были закрыты все двери. Теперь Холт знал, когда пора уходить.

Выйдя в тусклый рассвет и прислонившись к стене, Холт попытался унять дрожь в руках. Надо держаться, напомнил он себе. Только нужны деньги и жетоны на еду. Почему бы не пойти на добычу прямо сейчас? Потом можно зайти в «Ангар» и назад, к Сандерленду. А что касается работы — всегда остается завтра. Нужно только потерпеть.

Бросив взгляд на Макдональда, которому терпения не хватило, Холт зашагал по пустынным городским улицам.

Холт с детства любил звезды. Бывало, даже в лютые морозные годы, когда на И мире цвели ледяные леса, он отправлялся ради звезд на ночные прогулки. Он шел и шел, пока огни города не меркли у него за спиной, и попадал в сверкающее бело-голубое царство морозных цветов, и ледяных паутин, и горькоцвета. Там он задирал голову и смотрел на небо.

Зимними годами ночи на Имире тихие, ясные и очень черные. Луны здесь нет. Только звезды и тишина.

Холт старательно выучил названия — не звезд, которым больше не давали имен и присваивали только номера, а тех планет, что обращались вокруг них. Он был сообразительным мальчуганом, запоминал быстро и прочно, и даже его суровый практичный отец немного гордился успехами сына. Холт помнил бесчисленные вечеринки в Старом доме, когда отец, захмелев от летней браги, выводил своих гостей на балкон, чтобы похвастать эрудицией отпрыска. «А эта? — спрашивал старик, держа в одной руке кружку, а другой тыча вверх. — Вон та, яркая!» — «Архана», — отвечал парнишка с непроницаемым лицом. Гости

улыбались и вежливо удивлялись. «А вон та?» — «Бальдур». — «Вон та, та и те три ярких?» — «Финнеган и Джонгенри. Мир Селии, Новый Рим и Катэдей».

Названия легко, без запинки вылетали из мальчишеских уст, а обветренное лицо отца морщилось улыбкой, и он все не мог остановиться, пока гости не начинали явно тосковать, а Холт не заканчивал перечислять все миры, какие можно увидеть с балкона Старого дома на Имире. Он всегда ненавидел этот ритуал.

Хорошо еще, что отец никогда не увязывался за ним в ледяной лес, потому что вдали от городских огней было видно несколько тысяч новых звезд и Холту пришлось бы зубрить тысячи новых названий. Позже он так и не запомнил все имена далеких тусклых звезд, не принадлежавших людям. Однако запомнил все-таки немало — и бледные звезды Дамуша поближе к Ядру, и красноватое солнце Немых Кентавров, и рассеянные огоньки, где орды финдаев потрясали своими вымпелами на пиках, — он знал их и еще много других.

Приходил он в тот лес и когда стал постарше, теперь уже не всегда один. Он приводил сюда всех своих подружек и впервые познал сладость любви под светом звезд в год лета, когда деревья сыпали на землю лепестки, а не льдинки. Иногда он заговаривал о звездах с любовницами или друзьями, но слов не хватало. Холт никогда не отличался красноречием и не мог выразить всего, чего хотелось. Да он и сам не вполне понимал, чего хочет.

После смерти отца, получив в наследство Старый дом и поместье, он хозяйничал в них долгий зимний год, хотя ему исполнилось всего двадцать земных лет. А когда началась оттепель, все бросил и уехал в Имир-Сити. Там готовили к отправке торговый корабль — он должен был лететь сначала на Финнеган, а потом к дальним мирам.

На него Холт и устроился.

День разгорался, на улицах появились первые прохожие. Даньлаи расставляли между хижинами свои лотки с закусками. Через час-другой ими запестрят все улицы. Показались и немногочисленные тощие ул-менналеты, ходившие, как обычно, группами по четыре-пять. В бледно-голубых балахонах чуть ли не до земли, они, казалось, не шли, а плыли по воздуху — странные, важные, призрачные. Их мягкая серая кожа была припудрена, влажные глаза смотрели задумчиво. Ул-менналеты всегда выглядели умиротворенными, даже здешние жалкие создания, оставшиеся без кораблей.

Пристроившись к одной из таких групп, Холт ускорил шаг,

стараясь не отстать. Торговцы-лисюги не обращали внимания на важных ул-менналетов, но Холта, когда он проходил мимо, окликали. И смеялись своим пронзительным лающим смехом, когда он пропускал их оклики мимо ушей.

Неподалеку от седрийского района Холт отстал от уллов и юркнул в узенький переулок, показавшийся ему пустым. Предстояла работенка, и как раз тут.

Холт углубился в гущу пожелтевших лачуг-пузырей и почти наугад выбрал одну из них. Пластиковая лачуга была старая, тщательно отполированная снаружи. Деревянную дверь украшали резные символы гнезда. Конечно, заперта. Холт навалился плечом и толкнул посильнее. Дверь не поддалась, тогда он отступил на несколько шагов и ударил ее с разбегу. После четвертой попытки дверь с треском распахнулась, но Холта шум не смутил: в седрийской трущобе никто его не услышит.

В пузыре царила кромешная тьма. Холт нашарил возле двери тепловой фонарик, подержал в руке, пока тепло его ладони не превратилось в свет, потом не спеша осмотрелся.

Тут жили пятеро седрийцев — трое взрослых и два детеныша. Они лежали на полу, свернувшись в бесформенные комки. Холт на них едва взглянул. По ночам при виде седрийцев человека охватывал безотчетный страх. Холт не раз встречал их на темных улицах Каменного города — они переговаривались на своем стенающем языке и зловеще раскачивались из стороны в сторону. Их сегментированные тела разворачивались в трехметровых белесых червяков с шестью специализированными конечностями — двумя плоскостопными ногами, парой тонких раздвоенных щупалец и страшными боевыми клешнями. Их глаза, огромные плошки, светящиеся фиолетовым светом, видели в самой кромешной тьме. Ночью седрийцев следовало избегать.

Днем они напоминали куски мяса.

Холт обогнул спящих и ограбил хижину. Он присвоил ручной тепловой фонарик, настроенный на мутный лиловый свет, больше всего любимый седрийцами, жетоны на еду и клешне-точку. Отполированные и украшенные драгоценностями боевые клешни какого-то прославленного предка, прикрепленные на почетном месте к стене, Холт не тронул. Если украсть семейного божка, то всем обитателям гнезда придется либо найти вора, либо покончить с собой.

Наконец он отыскал колоду волшебных карт — дымчатотемных деревянных дощечек, инкрустированных железом и золотом. Он сунул их в карман и ушел. На улице было по-прежнему пустынно. Посторонние редко забредали в седрийские кварталы.

Холт быстро вернулся на главную улицу, широкую, посыпанную гравием дорогу, ведущую от космодромного ветролома к воротам Каменного города, до которого было пять километров. На улице стало людно и шумно, и Холту пришлось проталкиваться сквозь толпу. И куда ни пойди, всюду бегали лисюги. Они смеялись и лаяли, скалились и щелкали зубами, задевали своим рыжеватым мехом голубые одежды ул-менналетов, панцири крешей, складчатую кожу зеленых лупоглазых линкелларов. В лавчонках продавали горячую еду. От дыма и запахов стало тяжело дышать. Холт прожил на Немочи несколько месяцев, прежде чем научился различать ароматы местной кулинарии и запахи обитателей.

Пробираясь вперед, лавируя между прохожими, Холт крепко прижимал к себе добычу и вглядывался в толпу. Это вошло у него в привычку: он все надеялся увидеть незнакомое человеческое лицо. Новое лицо означало бы, что прибыл корабль людей, а вместе с ним и спасение.

Тщетно. Как всегда, вокруг суетились одни обитатели перекрестка Вселенной — взлаивали даньлай, щелкали креши, завывали линкеллары. Людские голоса не звучали. Но Холта это уже не тревожило.

Он отыскал нужную лавчонку. Из-под зеленого кожаного козырька на него глянул лохматый даньлай.

— Да, да, — заклацал зубами лисюган. — Кто вы? Что вам надо?

Холт, сдвинув в сторону мерцающие цветные камешки, положил на прилавок клешнеточку и тепловой фонарик.

— Меняю на жетоны, — сказал он.

Лисюган посмотрел на товар, потом на Холта и почесал морду.

— Меняю, меняю, меняю, — пропел он. Он взял клешнеточку, перебросил ее с руки на руку, снова положил, пощупал тепловой фонарик, заставив его чуть заметно засветиться, потом кивнул и ухмыльнулся, — Хорошие вещи. Седрийские. Большим червякам они понравятся. Да. Да. Значит, меняю.

Жетоны?

Холт кивнул.

Даньлай порылся в кармане своего балахона и бросил на прилавок горсть жетонов на еду — разноцветных пластмассовых дисков, которые были единственной валютой, ходившей на перекрестке Вселенной. Все товары сюда на своих кораблях завозили дан ьлаи.

Холт пересчитал жетоны и сгреб их в мешочек, который украл в седрийском пузыре.

— У меня есть кое-что еще, — сказал он, запуская руку в карман за волшебными картами.

В кармане оказалось пусто. Даньлай ухмыльнулся, щелкнув зубами.

— Пропало? Воруют, все воруют. Значит, много воров, не один. Нет, не один.

Он помнил корабли, на которых летал. Он помнил и мирские звезды своей юности. Он помнил миры, на которых побывал с тех пор, и людей (или нелюдей), с которыми вместе работал. Но лучше всего он запомнил свой первый корабль «Хохочущая тень» (старинное название, полное значения, только никто новичку об этом не сказал), приписанный к миру Селии и направлявшийся на Финнеган. Он был переоборудован из рудовоза, огромная серо-голубая капля щербатого дюраля, по крайней мере на столетие старше Холта. Корабль примитивный и неудобный: большие грузовые трюмы и тесные каюты с койками для экипажа из двенадцати человек, никакой системы искусственной гравитации (правда, Холт быстро привык к невесомости), атомная тяга для взлета и посадки и стандартный двигатель для межзвездных перелетов. Холт работал в навигационной, мрачном, тускло освещенном отсеке с голыми металлическими переборками. Каин нарКармиан показал новичку компьютеры и объяснил, в чем будут заключаться его обязанности.

Холт помнил нарКармиана. Старик, на взгляд Холта, глубокий старик, не годный для работы на корабле. Кожа его напоминала желтую лайку, которую столько раз складывали и мяли, что не осталось ни одного гладкого кусочка, выцветшие миндалевидные глаза непрестанно слезились, лысина была сплошь покрыта старческими пятнами, а жидкая козлиная бородка совсем побелела. Ну просто дряхлая развалина. Случалось, Каин и впрямь туго соображал и едва волочил ноги, но чаще удивлял своей проницательностью и энергией. Он знал все о двигателях и звездах и за работой болтал без умолку.

— Двести земных лет! — сказал он однажды, когда они сидели каждый за своим пультом. Старик улыбнулся хитренькой кривоватой улыбкой, и Холт заметил, что зубы у него, несмотря на возраст, целы или, может быть, выросли новые. — Вот сколько Каин уже летает, Холт. Истинная правда! Знаешь, нормальный человек никогда не покинет планету, на которой родился. Никогда! По крайней мере, девяносто пять процентов людей. А те, кто все же улетает… Ну, большинство из них летает совсем немного. Повидают один мир, или два, или десять, и хватит. Но не я! Знаешь, где я родился, Холт? Угадай!

Холт пожал плечами.

— На Старой Земле?

Каин только усмехнулся:

— На Земле! Да она всего в двух-трех годах пути отсюда. Или в четырех? Забыл. Нет, не на Земле. Но я видел Землю, нашу праматерь… Был там лет пятьдесят назад на… кажется, на «Кори Дарк». Решил, что пришла пора. Я уже отлетал сто пятьдесят лет по земному счету, а еще ни разу там не побывал. Но в конце концов я на нее попал!

— Где же вы родились? — напомнил Холт.

Старый Каин покачал головой и снова усмехнулся:

— Не на Земле. Я — эмирелец. С ай-Эмиреля. Слыхал о таком» Холт?

Холт задумался. Он не помнил названия этой планеты — ее не было среди звезд, что отец показывал ему в ночном небе Имира. Но о чем-то оно смутно напоминало.

— Окраина? — наконец догадался Холт.

На Окраине находились самые дальние поселения людей, там, где узкая звездная прядь, что зовется царством человека, касается внешнего края галактической линзы. Звезд на Окраине почти не было. Имир и звезды, которые знал Холт, находились по другую сторону от Старой Земли, на пути к звездным скоплениям погуще, в направлении по-прежнему недостижимого ядра Галактики.

Каину догадка Холта польстила.

— Да! Я с Окраины. Мне почти двести двадцать земных лет, и почти столько же я видел миров — человеческих, и хрангских, и финдайских, и даже такие планеты, где живут вроде бы люди, а они уже нелюди, понимаешь? Я всю жизнь летал. Если где-то мне было интересно, я уходил с корабля и ненадолго оставался, а потом снова летел куда глаза глядят. Я столько всякого повидал, Холт! В молодости я видел Фестиваль Окраины, и охотился на баньши на Высоком Кавалаане, и завел жену на Кимдиссе. Но она умерла, и я полетел дальше. Я видел Прометей и Рианнон — это недалеко от Окраины, и мир Джемисона, и Авалон — они все еще дальше от Ядра. На Джеми я немного задержался, а на Авалоне завел сразу трех жен. И двух мужей — или сомужей, не знаю уж, как их назвать. Тогда мне было под сотню лет или чуть меньше. Мы купили собственный корабль, торговали с соседними планетами, с бывшими хрангскими колониями, пришедшими в упадок после войны. Я был даже на Древней Хранге, хочешь верь, хочешь не верь! Говорят, на ней еще остались хранги-Повелители, глубоко под землей. Они собираются с силами, чтобы снова напасть на людей. Но я видел только солдат, и рабочих, и низшие

касты. — Он улыбнулся. — Славное было времечко, Холт, славное. Мы назвали наш корабль «Джемисо-нова задница». Мои жены и мужья родились на Авалоне, знаешь ли, не считая той, что со Старого Посейдона, а авалонцы недолюбливают Джеми — вот мы и созоровали малость с этим имечком. Но не так уж авалонцы не правы. Я ведь и сам побывал на Джеми, а в Порт-Джеми все такие напыщенные и заносчивые, как, впрочем, и на всей планете.

На «Заднице» мы летали лет тридцать, я пережил двух жен и одного мужа. Но в конце концов этот наш брак изжил себя. Видишь ли, они хотели, чтобы нашей базой оставался Авалон, а я за тридцать лет успел повидать все окрестные миры — а не видел куда больше! Так что я улетел. Но я их любил, Холт, я их по-настоящему любил! Мужчине надо жениться на ком-то из экипажа. Вот тогда все будет отлично. — Он вздохнул. — Да и секс помогает — меньше неуверенности в себе.

Холт увлекся историей жизни старого космического волка.

— А потом? — спросил он, и на его юном лице отразилась искренняя зависть. — Что было потом?

Каин пожал плечами, посмотрел на экран и застучал по светящимся клавишам, корректируя курс.

— Да все летал, летал. На старые миры, на новые, к людям, нелюдям и к разным чудищам… Был на Новом Приюте и Пачакути, и на старом выжженном Веллингтоне, а потом на Нью-Холме и Серебрянке, и на Старой Земле. А вот теперь лечу к Ядру и буду лететь, пока не помру. Как Томо с Вальбергом. Вы там, на Имире, слышали о Томо и Вальберге?

Холт молча кивнул. Слух о них дошел даже до Имира. Томо родился на Сумеречной, тоже на Окраине, на самой кромке Галактики. Говорят, он был мечтателем, а Валъберг — мутантом с Прометея, искателем приключений и сердцеедом, если верить преданиям. Три столетия тому назад на корабле «Греза блудницы» они стартовали с Сумеречной и взяли курс на противоположный край Галактики. Сколько миров успели они посетить, какие приключения переживали на каждой из планет и куда их занесло — все это осталось тайной, о которой мальчишки спорят до сих пор. Холту хотелось верить, что они по сию пору летят к своей цели. В конце концов, ведь Вальберг утверждал, будто он сверхчеловек, а сколько может прожить сверхчеловек, неизвестно. Может быть, столько, что успеет добраться до Ядра, а то и дальше.

Холт уставился в пространство, замечтавшись, и Каин, ухмыльнувшись, окликнул его.

— Эй, звездолюб! — Холт вздрогнул и очнулся, старик кивнул, продолжая улыбаться, и сказал: — Я тебе, тебе говорю! За

работу, Холт, иначе никуда не попадешь!

Но упрек звучал мягко, и улыбка была добродушной. Холт ее не забыл, как не забыл и миры нарКармиана. Их койки висели рядом, и Холт слушал рассказы старика каждый вечер. Каин любил поразглагольствовать, а Холт ничего не имел против. Когда же «Хохочущая тень» наконец оказалась на Катэдее, конечном пункте назначения, и настала пора собираться в обратный путь, Холт с нарКармианом устроились на почтовый корабль, отправлявшийся на Весс и к чуждым солнцам дамушей.

Они летали вместе шесть лет, а потом нарКармиан умер. В памяти Холта лицо старика запечатлелось гораздо отчетливее, чем лицо отца.

«Ангар» — длинное хлипкое сооружение из гофрированного голубого дюраля, листы которого, наверное, стянули из трюма какого-то грузовоза, — стоял далеко от ветролома, под самой стеной серого Каменного города, возле зрачка Западных ворот. Вокруг теснились металлические здания побольше, склады и бараки потерявших свои корабли ул-менналетов. Но в «Ангар» уллы никогда не наведывались.

Когда Холт около полудня пришел туда, зал пустовал. Огромный тепловой светильник от пола до потолка испускал усталый красноватый свет, не достигавший большинства столиков. В уголке в тени сидела компания бормотунов-линкелларов, напротив, свернувшись в плотный шар, толстый седриец поблескивал гладкой белой кожей. А рядом с колонной светильника, за бывшим столиком пегасцев, Алейна с Так-кер-Реем причащались янтарной «Летой» из каменного кувшина.

Таккер сразу заметил Холта.

— Смотри-ка, Алейна, — сказал он, поднимая стакан, — у нас гость. Вернулся, пропащая душа! Как дела в Каменном городе, Майкл?

Холт подошел к ним.

— Как всегда, Таккер. Как всегда. — Он через силу улыбнулся бледнолицему опухшему Таккеру и быстро повернулся к Алейне. Когда-то, год назад и раньше, она вместе с Холтом обеспечивала прыжки и недолго была его любовницей. Но все осталось в прошлом. Алейна растолстела, ее длинные каштановые волосы, давно позабывшие гребень, висели сальными сосульками. Раньше ее зеленые глаза искрились весельем, теперь янтарное забвение погасило их блеск.

Алейна одарила Холта вялой улыбкой.

— Привет, Майкл. Подыскал себе корабль?

Таккер-Рей хихикнул, но Холт не обратил на него внимания.

— Нет, — ответил он, — но есть надежда. Сегодня лисюган сказал, что корабль будет через неделю. Людской корабль. Пообещал меня устроить.

Теперь уже заулыбались оба.

— Ах, Майкл, — сказала Алейна, — дурачок ты, дурачок! Они и мне обещали. Какой смысл в этом хождении? Брось, возвращайся лучше ко мне. Я по тебе скучаю. Таккер такой зануда!

Таккер нахмурился, с трудом соображая, о чем речь, — ему не терпелось вкусить новой дозы забвения. Жидкость перетекала в рюмку мучительно медленно, словно мед. Холт помнил, как она огнем разливается по внутренностям и на душу снисходит умиротворенность. Они тогда здорово поддавали, в те первые недели, ожидая возвращения капитана. Перед тем как все пошло прахом.

— Выпей с нами «Леты», — предложил Таккер.

— Нет, — отказался Холт. — Может, немного огненного бренди, Таккер, если ты угощаешь. Или лисьего пива. Или летней браги, если она тут есть. Я соскучился по летней браге. А «Леты» не надо. Я ведь из-за нее ушел, помнишь?

Алейна, вдруг ахнув, открыла рот, в ее взгляде проснулась какая-то осмысленность.

— Ты ушел, — жалобно проговорила она. — Я помню: ты первый. Ты и Джефф.

— Нет, милашка, — терпеливо возразил Таккер. Он поставил на стол кувшин с янтарным медом забвения, потянул из рюмки, улыбнулся и поправил: — Первым ушел капитан. Разве ты не помнишь? Капитан, Виллареаль и Сьюзи Бинет — они ушли вместе, а мы все ждали и ждали.

— О да, — сказала Алейна. — А потом нас бросили Джефф и Майкл. А бедная Аирай наложила на себя руки, и лисюги забрали Йона и распяли на стене. И тогда ушли все остальные. Ох, я не знаю, куда, Майкл, просто не знаю, — Она вдруг начала всхлипывать. — Держались все вместе, а теперь остались вдвоем мы с Такком… Все нас бросили… Только мы сюда еще приходим…

И Алейна разрыдалась.

Холту стало тошно. Дела все хуже и хуже, куда хуже, чем месяц назад. Ему захотелось схватить кувшин и разнести его вдребезги. Впрочем, это бессмысленно. Как-то раз, давно, на исходе второго месяца ожидания, которому не видно было конца, Холта обуяло яростное безумие. Алейна тогда тоже плакала, а Макдональд, исчерпав запас терпения и проклятий, дал ему оплеуху, чуть не выбив зуб (зуб до сих пор иногда болит по

ночам). Таккер-Рею пришлось купить новый кувшин. У Таккера всегда водились деньжата. Вор он был никудышный, но родился на Всссе, планете, на которой обитали еще две разумные расы, и, как большинство всссцев, вырос ксенофилом. Благодаря мягкости и податливости Таккера к нему благоволили даже некоторые лисюги. Когда Алейна перебралась к нему, Холт и Джефф Сандерленд махнули на обоих рукой и переселились на окраину Каменного города.

— Не плачь, Алейна, — сказал Холт, — Я же пришел. И даже принес вам жетонов. — Он запустил руку в мешок и, захватив пригоршню кругляшков, высыпал их перед ней. Красные, синие, серебристые, черные жетоны, звеня, раскатились по столу.

Алейна мигом перестала лить слезы и принялась перебирать жетоны. Даже Таккер наклонился поближе, уставившись на неожиданное богатство.

— Красные! — возбужденно крикнула она, — Смотри, Таккер, красные, это же мясо! И серебристые на «Лету». Вот это да! — Она принялась рассовывать их по карманам, но руки у нее тряслись и несколько кругляшек упало на пол. — Помоги мне, Такк.

Таккер хихикнул.

— Не волнуйся, любовь моя, это всего лишь зеленые. Мы ведь не будем есть пищу червяков, правда? — Он посмотрел на Холта. — Спасибо, Майкл, спасибо. Я всегда говорил Алейнс, что у тебя доброе сердце, хотя ты и бросил нас, когда был нужен. Вы с Джеффом. Йон сказал, что вы трусы, но я всегда защищал вас. — Он взял серебристый жетон и подбросил на ладони. — Щедрый Майкл. Мы всегда тебе рады.

Холт ничего не ответил. Возле столика материализовался хозяин «Ангара» — мускусная иссиня-черная туша. Хозяин уставился сверху вниз на Холта — если уместно было назвать это словом «уставиться». У хозяина не было глаз, да и лица, в общепринятом смысле, тоже. То, что торчало у него на месте головы, напоминало скорее дряблый, полупустой мешок с проделанными в нем многочисленными дыхательными отверстиями и обрамленный белесыми щупальцами. Величиной с голову младенца, она казалась нелепо маленькой на массивном лоснящемся теле с валиками жировых складок. Хозяин «Ангара» не говорил ни по-земному, ни по-уллски, ни на пиджин-даньлайском, служившем языком торговцев на перекрестке Вселенной. Но он всегда знал, чего хотят его клиенты.

А Холту хотелось всего лишь уйти. Он встал и заковылял к двери. Хозяин запер за ним и вроде бы прислушался к спору Алейны и Таккера о жетонах.

Дамуши — племя мудрое и кроткое, и среди них встречаются большие философы. По крайней мере, так считали на Имире. Обживая Галактику, люди давно миновали самые удаленные их форпосты. Как раз в такой старой колонии дамушей умер нарКармиан, а Холт впервые увидел линкеллара.

С Холтом тогда была Райма-к-Тель, холодная вессийка с резкими чертами лица. В баре у космодрома оказался неплохой выбор напитков для людей, и Холт с Раймой, устроившись на диванчике у окна с желтым стеклом, тянули коктейль за коктейлем. Каин умер три недели назад. Когда Холт заметил за окном бредущего по улице линкеллара и увидел его глаза на стебельках, он потянул Райму за рукав.

— Смотри-ка: новый! Знаешь, кто это?

Райма выдернула руку и раздраженно бросила:

— Нет.

Она была ярой ксенофобкой — тоже сказалось детство на Вессе.

— Наверное, издалека. Нечего их запоминать, Майк. Их миллионы всяких разных, особенно в таких медвежьих углах. Проклятые дамуши готовы торговать черт-те с кем.

Холт снова поглядел в окно, но неуклюжее существо со складчатой зеленой кожей уже скрылось из глаз. Вдруг вспомнив Каина, он испытал острое волнение. Старик путешествовал двести лет, но, наверное, не встречал существа, какое только что видели они. Что-то в этом духе он и сказал Райме-к-Тель.

Замечание не произвело на нее ровным счетом никакого впечатления.

— Ну и что? А мы никогда не видели Окраины и не встречали хрангов. Да и на черта они нам сдались. Миловаться с ними, что ли? — Она усмехнулась собственной шутке. — Инопланетяне — они как леденцы, Майк. Цвет разный, но внутри все одинаковые. Так что не уподобляйся старику нарКармиану. В конце концов, что это ему дало? Всю жизнь мотался на своих третьесортных кораблях, но так и не увидел ни Дальней Ветви, ни Ядра — и никто их не увидит. Успокойся и живи как живется.

Но Холт слышал ее словно издалека. Он поставил стакан и прикоснулся кончиками пальцев к холодному оконному стеклу.

Той ночью, когда Райма вернулась на корабль, Холт покинул территорию порта и отправился бродить по поселению дамушей. Он выложил едва ли не полугодовое жалованье за посещение подземного бункера — хранилища мудрости этого мира, огромного фотонного компьютера, подключенного к мозгам умерших старейшин-телепатов (так, по крайней мере, объяснил Холту экскурсовод).

Помещение в форме чаши наполнял зеленый туман. Туман клубился, время от времени по поверхности расходились какие-то волны. В глубине его пробегали сполохи разноцветного огня и снова меркли и исчезали. Холт стоял на краю чаши, глядя вниз, и спрашивал, и ему отвечало шепчущее эхо, словно шептал хор тихих голосков. Сначала Холт описал увиденное днем существо, спросил, что это такое, и услышал название: «линкеллар».

— Откуда он?

— В шести годах пути от планет человека, если лететь с вашим двигателем, — прошептал неспокойный зеленый туман. — Ближе к Ядру, но не точно по прямой. Вам нужны координаты?

— Нет. Почему мы так редко видим их?

— Они далеко, слишком далеко. Между планетами людей и двенадцатью мирами линкелларов — все солнца дамушей, и колонии нор-талушей, и сто миров, на которых еще не научились летать к звездам. Линкеллары торгуют с дамушами, но прилетают сюда редко: отсюда ближе к вам, чем к ним.

— Да, — сказал Холт. По спине у него побежали мурашки, словно в пещере потянуло холодным сквозняком. — Я слышал о нор-талушах, а о линкелларах — нет. А кто еще там обитает? Еще дальше?

— Где кто, — прошелестел туман. Далеко внизу расходились цветные волны. — Мы знаем мертвые миры исчезнувшего племени, которое нор-талуши называют Первыми, хотя на самом деле они были не первыми, мы знаем Пределы крешей и сгинувшую колонию гетоидов Ааса, что прилетели из глубины ваших владений, когда люди там еще не жили.

— А еще дальше?

— Креши рассказывают о мире, называемом Седрис, и об огромном звездном скоплении, в котором больше солнц, чем у людей, дамушей и в Древней Хрангской империи, вместе взятых. Этим скоплением владели уллы.

— Да, — дрожащим голосом сказал Холт. — А дальше? Вокруг него и еще дальше?

По краям чаши запылал огонь, отсвечивая красноватым светом в зеленых клубах тумана.

— Дамуши не знают. Кто летает так далеко, так долго? Есть только легенды. Хочешь, мы расскажем о Самых Древних? О Лучезарных Богах или Летящих Сквозь Ночь? Спеть тебе старинную песню о племени Бездомных Скитальцев? Там, далеко-далеко, видели корабли-призраки, летавшие быстрее кораблей людей и кораблей дамушей. Они возникают где хотят и исчезают когда хотят, но иногда их нет нигде. Кто скажет, но они, что они, где они и есть ли они вообще? Нам известно много, очень много

названий, мы можем поведать много историй и легенд. Но факты туманны. Мы слышали о мире, называемом Золотистым Хуулом, который торгует со сгинувшими гетоидами, которые торгуют с крешами, которые торгуют с нор-талушами, которые торгуют с нами, но корабли дамушей не летали к Золотистому Хуулу, так что рассказать о нем мы можем не многое, тем более сказать, где она, эта планета. Мы слышали о мыслящих вуалях с планеты без названия. Они раздуваются и плавают и парят в своей атмосфере, но, может быть, это лишь легенда, и мы не знаем даже, кто ее придумал. Мы слышали о племени, живущем в открытом космосе; мы рассказали о них даньлаям, которые торгуют с уллъскими мирами, которые торгуют с седрийцами, — и так снова до нас. Но мы, дамуши, обитаем столь близко к людям, что никогда не видели седрийцев, — как же нам доверять этой цепочке?

Речь сменилась невнятным бормотанием. Туман поднялся к самым ногам Холта, и он почувствовал запах, похожий на аромат благовонных воскурений.

— Я полечу туда, — сказал Холт. — Полечу и посмотрю.

— Тогда возвращайся и расскажи нам, — простонал-откликнулся туман, и впервые Холт понял, что во многой мудрости много печали, потому что мудрости всегда мало. — Возвращайся, возвращайся. Все равно ты не изведаешь всего…

Аромат благовоний усилился.

В тот день Холт ограбил еще три седрийских пузыря, а вскрыл на два больше. В первой хижине, холодной и пустой, не оказалось ничего, кроме пыли, во второй жили, но не седрийцы. Взломав дверь, Холт изумленно застыл на месте: какое-то призрачное крылатое создание с хищными глазами взвилось под потолок и зашипело. Тут Холту тоже ничем не удалось поживиться, но остальные взломы были удачнее.

К закату, поднявшись с мешком провизии за плечами по узкой эстакаде к Западному Зрачку, он вернулся в Каменный город.

В бледном свете сумерек город выглядел бесцветным, полинявшим, мертвым. Четырехметровые стены, сложенные без швов из гладкого серого камня, казались монолитными. Западный Зрачок, выходивший к поселению потерявших корабли, напоминал скорее туннель, чем ворота. Быстро миновав его, Холт юркнул в извилистый переулок между двумя гигантскими зданиями. А может, это были и не здания. В эти сооружения двадцати метровой высоты, неправильной формы, без окон и дверей можно было попасть только с нижних уровней Каменного города. И тем не менее подобные сооружения, эти странные,

местами выщербленные глыбы серого камня преобладали в восточной части Каменного города, занимавшей площадь примерно в двенадцать квадратных километров. Сандерленд составил карту этого района.

В безнадежной путанице переулков нельзя было пройти по прямой больше десятка метров. Холт часто думал, что на карте они похожи на молнии, как их рисуют дети. Но он часто ходил этой дорогой и выучил наизусть карты Сандерленда (по крайней мере, эту маленькую часть Каменного города). Он шел быстро и уверенно и никого не встретил.

Время от времени, выходя на перекрестки, Холт останавливался, чтобы свериться с ориентирами в боковых улочках. Сандерленд нанес на карту большинство из них. Каменный город состоял из ста отдельных районов со своим архитектурным обликом и даже своим материалом для строительства каждый. Вдоль северной стены тянулись джунгли обсидиановых башен, тесно примыкавших друг к другу, с глубокими ущельями улиц; к югу лежал район кроваво-красных каменных пирамид; на востоке — голая гранитная равнина с единственной башней-грибом в самом ее центре. Остальные были такими же странными и такими же безлюдными. Сандерленд каждый день наносил на карту несколько новых кварталов. Но все равно они были только верхушкой айсберга. Каменный город простирался на многие этажи под землю, и ни Холт, ни Сандерленд, ни другие не проникали в темные душные лабиринты.

Сумерки уже сгустились, когда Холт остановился на просторной восьмиугольной площади с небольшим восьмиугольным бассейном посередине. Зеленая вода стояла неподвижно, на поверхности ни ряби, ни морщинки. Холт подошел умыться. Окрест того места, где они жили с Сандерлендом, другой воды не было на несколько кварталов вокруг. Сандерленд говорил, что водопровод есть в пирамидах, но ближе к Западному Зрачку имелся только этот бассейн.

Смыв с лица и рук дневную пыль, Холт зашагал дальше. Рюкзак с провизией болтался у него за спиной, звуки шагов гулко отдавались в переулках. Больше ничто не нарушало тишину. Ночь стремительно опускалась на город, такая же неприветливая и безлунная, как все остальные ночи перекрестка Вселенной. Холт знал это. Небо всегда заволакивали облака, сквозь них редко удавалось разглядеть больше пяти-шести тусклых звезд.

На противоположной стороне площади с бассейном одно из огромных зданий лежало в руинах. От него не осталось ничего, кроме груды камня да песка. Холт осторожно перебрался через

нее и подошел к единственному строению, выделявшемуся из унылого ансамбля, — большому куполу золотистого камня, напоминавшему гигантский жилой пузырь седрийцев. К десятку входных отверстий вели узкие спиральные лестницы, внутри же купол напоминал улей.

Здесь-то уже почти десять земных месяцев и жил Холт.

Когда он вошел, Сандерленд сидел на корточках посреди их общей комнаты, разложив вокруг свои карты. Он расположил все фрагменты в нужном порядке, и карта выглядела, словно огромное лоскутное одеяло: старые пожелтевшие листы, купленные у даньлаев, соседствовали с листами масштабной бумаги «Пегаса» и невесомыми квадратиками серебристой уллькой фольги. Карта целиком устлала пол, и каждый кусочек ее поверхности был испещрен рисунками и аккуратными пометками Сандерленда. Сам он присел прямо в центре, на маленьком свободном участке, план которого лежал у него на коленях, и напоминал большую, толстую взъерошенную сову.

— Я добыл еды, — сообщил Холт. Он бросил рюкзак, и тот приземлился на картах, сбив с места несколько незакрепленных листов.

Сандерленд закудахтал:

— Ах, мои карты! Осторожнее!

Он замигал, переставил мешок и аккуратно разложил их.

Холт прямо по картам прошел к своему гамаку, растянутому между двух толстых колонн тепловых светильников, и Сандерленд снова закудахтал, но Холт не обратил на него внимания и плюхнулся в сетку.

— Черт бы тебя побрал, нельзя ли поосторожнее! — крикнул Сандерленд и снова принялся поправлять сбившиеся листы. Он поднял от них глаза и увидел, что Холт хмурится. — Ты чего, Майк?

— Извини, — ответил Холт. — Нашел сегодня что-нибудь?

Вопрос явно был данью пустой вежливости, но Сандерленд не уловил его тона.

— Я нашел целую новую секцию на юге! — возбужденно воскликнул он. — И к тому же очень интересную. Наверняка задумана как единое целое. Представляешь, центральная колонна из такого мягкого зеленого камня, а вокруг десять колонн поменьше, и еще мосты, ну, вроде каменных полос, они перекинуты от вершины большой колонны к вершинам маленьких. И много-много таких групп. А внизу нечто вроде лабиринта со стенами в половину человеческого роста. Мне их несколько недель придется наносить на карту.

Холт смотрел на стену у изголовья гамака, где зарубки на

золотистом камне отмечали счет дней.

— Год, — проговорил он. — Земной год, Джефф.

Сандерленд с любопытством посмотрел на него, потом встал и начал собирать карты.

— Как прошел день? — спросил он.

— Мы отсюда не выберемся, — сказал Холт скорее себе, чем ему. — Никогда. Все кончено.

Толстяк Сандерленд замер.

— Прекрати, Холт. Стоит потерять надежду — и ахнуть не успеешь, как потонешь в янтарном зелье вместе с Алейной и Таккером. Каменный город — наш ключ к свободе, я точно знаю. Вот откроем его тайны, продадим лисюгам и выберемся отсюда. Когда я закончу карты…

Холт повернулся на бок, лицом к Сандерленду.

— Год, Джефф, мы здесь уже целый год! Не закончишь ты свои карты. Хоть десять лет трудись — все равно это будет только малая часть города, а есть еще туннели. Как насчет подземелий?

Сандерленд нервно облизал губы.

— Подземелья? Ну… Будь у меня оборудование с «Пегаса»…

— У тебя его нет. Да оно и не помогло бы. Приборы в Каменном городе не работают. Потому-то капитан и решил приземлиться. Здесь не действуют обычные законы.

Сандерленд помотал головой и снова принялся собирать карты.

— Человеческому разуму доступно все. Дай мне время, и я разберусь во всем. Была бы с нами Сьюзи Бинет, мы могли бы изучить и понять даже даньлаев и уллов.

Сьюзи Бинет была специалистом по контактам, не полиглот, конечно, но все же, когда имеешь дело с чуждым разумом, небольшой талант лучше, чем ничего.

— Нет больше Сьюзи Бинет, — жестко сказал Холт. Он начал загибать пальцы. — Сьюзи пропала вместе с капитаном. Карлос тоже. Айрай покончила с собой. Йон попытался силой пробиться за ветролом, на нем и оказался. Дет, Лана и Мейджи спустились вниз, чтобы найти капитана, и тоже сгинули, Дейви Тиллмен подрядился вынашивать яйца крешей, так что теперь он наверняка человек конченый. Алейна с Таккер-Реем совсем опустились, и мы понятия не имеем, что произошло с теми четырьмя, что остались на борту «Пегаса». Так что нас только двое, Сандерленд, — ты да я. — Он мрачно усмехнулся. — Ты составляешь карту, я обчищаю червяков, и никто ничего не понимает. Конец. Мы сдохнем в этом каменном мешке. Мы никогда больше не увидим звезд.

Он оборвал себя так же резко, как и начал. Вообще-то Холт

был сдержан и молчалив, пожалуй, даже немного замкнут, а тут разразился целой речью. Сандерленд стоял, пораженный. Холт обессиленно повалился на спину, гамак закачался.

— Так и будем прозябать тут день за днем, день за днем, — безнадежно произнес Холт. — Пустая, бессмысленная жизнь. Помнишь, что нам говорила Айрай?

Айрай была не в себе, — возразил Сандерленд. — Утверждала, что по ту сторону сбудутся наши самые безумные мечты.

— Она говорила, — словно не слыша его, продолжал Холт, — что глупо думать, будто везде во Вселенной действуют законы, доступные человеческому пониманию. Помнишь? Она называла это «синдром идиотической самонадеянности». Да, именно так. Или почти так. — Он рассмеялся. — Казалось, вот-вот, и мы поймем суть перекрестка Вселенной, на это мы и клюнули. Даже если Айрай права, все равно разберемся. В конце концов, не так уж далеко мы забрались, верно? Дальше к Ядру — там, конечно, законы могут отличаться сильнее…

— Не нравятся мне эти разговоры, — буркнул Сандерленд. — Ты готов сдаться. Айрай была больна. Ты же знаешь, под конец она ходила на молельные собрания ул-менналетов, отдала свой разум во власть ул-найлетов или что-то в этом роде. Мистикой, вот чем она увлеклась. Мистикой.

— Она ошиблась?

— Ошиблась, — твердо ответил Сандерленд.

Холт посмотрел на него.

— Тогда объясни мне, Джефф, ради чего все это. Объясни, как отсюда выбраться.

— Каменный город, — проговорил Сандерленд. — Вот закончу карты…

Он вдруг замолчал. Холт уже снова улегся в своем гамаке и не слушал.

За пять лет он сменил шесть кораблей, пересек большую сферу звезд дамушей и проник за ее пределы. По пути он советовался с другими, более вместительными хранилищами мудрости, черпая от них все новые сведения, но за пределами известного мира его ожидали новые тайны и неожиданности. Не все экипажи кораблей состояли из людей: люди редко залетали в такую даль, так что Холт присоединялся к дамушам, и к гетоидам, и прочим бродягам. Правда, в портах люди еще попадались, и даже ходили слухи о второй империи людей примерно в пятистах годах пути от Ядра, основанной якобы каким-то поколением экипажа долго блуждавшего корабля;

теперь она управлялась со сверкающего мира — Престера. Один дряхлый вессец рассказывал, будто на Престере города плавают на облаках. Холт долго в это верил, пока другой матрос не сказал ему, что на самом деле Престер — это город, покрывающий всю поверхность планеты, и жизнь там обеспечивает флотилия, превосходящая численностью даже флот погибшей Федеративной империи. Тот же человек объяснил, что основали его вовсе не потомки сбившихся с пути переселенцев. Он утверждал, что тихоход со Старой Земли начала эры межзвездных полетов не долетел бы туда и сейчас. По его словам, основала колонию эскадрилья, спасавшаяся бегством от хранга-Повелителя. Холт стал относиться ко всяким байкам с большим недоверием. А когда одна девица с застрявшего в порту катэдейского грузовоза заявила, что Престер основали Томо и Вальберг и что Вальберг по-прежнему там правит, Холт напрочь разуверился в существовании далекого анклава.

Но существовали и другие легенды, они по-прежнему манили Холта.

Так же как и других.

На безвоздушной планете, вращавшейся вокруг бело-голубой звезды, в единственном городе под куполом Холт познакомился с Алейной. Она поведала ему о «Пегасс».

— Знаешь, капитан сам перестроил его, прямо здесь. Он занимался торговлей, залетел дальше обычного — как и все мы… — Она понимающе улыбнулась, решив, что Холт тоже рисковал в надежде на крупные барыши. — В общем, встретил одного даньлая, они живут ближе к Ядру…

— Знаю, — вставил Холт.

— Но, может, ты не знаешь, что там сейчас происходит. Капитан говорит, что даньлай захватили едва ли не все уллъские звезды… Ты слышал об уллъских звездах? Ну так вот. Ул-менналеты особенно не сопротивлялись, насколько я поняла, к тому же даньлай летают на кораблях с прыжковыми Пушками. Капитан говорит, с этой штуковиной продолжительность полета сокращается вдвое, а то и больше. Обыкновенный двигатель искривляет пространственно-временной континуум, если ты понимаешь, о чем я, и…

— Я специалист по двигателям, — коротко бросил Холт, но при этом подался вперед, стараясь не пропустить ни слова.

— Ага. — Алейна ничуть не смутилась. — Короче, даньдайская новинка работает как-то иначе — перебрасывает корабль в другой континуум, а потом обратно. Отчасти она псионная, поэтому тебе на голову надевают такое кольцо…

— И вы поставили себе такой двигатель? — перебил ее Холт.

Она кивнула.

— Капитан практически переплавил свой старый корабль, чтобы построить «Пегас» с прыжковой пушкой. Сейчас он набирает экипаж, а даньлаи нас обучают.

— Куда вы летите? — спросил Холт.

Алейна беззаботно рассмеялась, и ее зеленые глаза заблестели.

— К Ядру, куда же еще?

Холт проснулся в предрассветной тишине. Он быстро встал, оделся и снова отправился мимо бассейна с неподвижной зеленой водой, а потом по бесконечным переулкам к Западному Зрачку. Под стеной со скелетами прошел, не поднимая глаз.

Внутри ветролома, в длинном коридоре он начал толкать все двери подряд. Первые четыре не поддались. Пятая открылась, но кабинет оказался пуст.

Это было что-то новое. Холт осторожно вошел и осмотрелся. Никого, и второй двери тоже нет. Он обошел широкую уллькую конторку и начал методично, словно седрийскую хижину, обыскивать ящики. Может, здесь хранятся пропуска на космодром, или оружие, или нечто, что поможет вернуться на «Пегас»? Если корабль по-прежнему стоит за стеной. Или, может, направления на работу.

Дверь скользнула в сторону, за ней стоял лисюган, неотличимый от сотен своих собратьев. Он тявкнул, и Холт отскочил от конторки.

Даньлай стремительно обошел конторку и уселся на стул.

— Вор! — сказал он. — Вор! Я буду стрелять. Вас застрелю. Да, — И щелкнул зубами.

— Нет, — ответил Холт, отступая к двери. Если даньлай вызовет подмогу, решил он, придется бежать. — Я пришел насчет работы, — тупо добавил он.

— А! — Лисюган сцепил пальцы. — Другое дело. Итак, Холт, кто вы такой?

Холт онемел.

— Работа, работа, Холту нужна работа, — скрипуче пропел даньлай.

— Вчера сказали, что на будущей неделе прилетит корабль людей, — сказал Холт.

— Нет-нет-нет. Очень жаль. Корабль не прилетит. На следующей неделе, вчера, никогда. Понимаете? И работы у вас нет. Корабль полон. Вы никогда не попадете на космодром без работы.

Холт снова шагнул вперед и остановился с другой стороны

конторки.

— Корабля на следующей неделе не будет?

Лисюган покачал головой.

— Нет. Корабля людей не будет.

— Тогда какой-нибудь другой. Я готов работать на уллов, на даньлайцев, на седрийцев. Я говорил вам. Я знаю прыжковые пушки, разбираюсь в других двигателях. Помните? У меня есть квалификация.

Даньлай склонил голову набок. Может, Холт уже видел это движение? Может, уже разговаривал с этим даньлаем?

— Да, но работы нет.

Холт пошел к двери.

— Постойте, — приказал лисюган.

Холт повернулся.

— Корабля людей на следующей неделе не будет, — сказал даньлай. — Не будет, не будет, не будет, — пропел он. А потом перестал петь. — Корабль людей сейчас!

Холт выпрямился.

— Сейчас?! Вы хотите сказать, что сейчас на космодроме есть корабль людей?

Даньлай энергично кивнул.

— Работу, дайте мне работу! — отчаянно взмолился Холт. — Черт подери!

— Да. Да. Работу для вас, для вас работу. — Лисюган прикоснулся к конторке, открылся ящичек, и он вытянул оттуда лист серебристой металлической фольги и голубую пластмассовую палочку. — Ваше имя?

— Майкл Холт.

— О! — Лисюган положил палочку, вернул металлический лист в ящик и рявкнул: — Нет работы!

— Нет?

— Нельзя работать сразу на двух кораблях, — заявил даньлай.

— На двух?

Конторский лис кивнул.

— Холт работает на «Пегасе».

У Холта задрожали руки.

— Проклятье, — сказал он. — Проклятье!

Даньлай засмеялся.

— Вы возьмете работу?

— На «Пегасе»?

Утвердительный кивок.

— Значит, вы пропустите меня за стены? На космодром? Лисюган снова кивнул.

— Да, — сказал Холт. — Да!

— Имя?

— Майкл Холт.

— Раса?

— Человек.

— Место рождения?

— Планета Имир.

Наступила короткая пауза. Даньлай сидел сложа руки и смотрел на Холта. Потом он вдруг снова открыл ящичек, достал кусок старого пергамента, рассыпавшегося под руками, и снова взял палочку.

— Имя? — спросил он.

Процедура повторилась сначала.

Когда даньлай кончил писать, он отдал бумагу Холту. От нее отлетали хлопья, и он старался держать ее с крайней осторожностью. Каракули казались абсолютно бессмысленными.

— И охранники меня пропустят? — недоверчиво спросил Холт. — На космодром? К «Пегасу»?

Даньлай кивнул. Холт повернулся и стремглав бросился к двери.

— Стойте! — гавкнул лисюган.

Холт замер на месте.

— Что? — почти прорычал он сквозь зубы, кипя от ярости.

— Одна формальность.

— Какая?

— Пропуск на космодром должен быть подписан. — Даньлай ощерился улыбкой. — Да-да, подписан вашим капитаном.

Наступила гробовая тишина. Холт смял пожелтевшую бумагу, кусочки посыпались на пол. А потом он быстро и молча набросился на конторщика.

Даньлай успел только отрывисто тявкнуть, и Холт сдавил его горло. Тонкие шестипалые руки бессильно хватали воздух. Холт тряхнул даньлая и сломал ему шею. Он держал в руках дряблый мешок рыжеватого меха.

Холт долго стоял, не отпуская рук, со стиснутыми зубами. Потом медленно разжал пальцы, и труп даньлая, завалившись назад, опрокинул стул.

Перед Холтом вспыхнула картина: ветролом.

Он бросился бежать.

На «Пегасе» имелись и обычные двигатели — на случай, если откажет прыжковый. Стены двигательного отсека представляли собой знакомое сочетание голого металла и панелей компьютера. Даньлайская пушка — длинный цилиндр из металлизированного

стекла, с туловище человека в диаметре — стоял в центре, прикрепленный к станине. Цилиндр был до половины наполнен вязкой жидкостью; всякий раз, когда импульс энергии проходил сквозь емкость, жидкость резко меняла цвет. Перед цилиндром стояли четыре пилотских кресла, по два с каждой стороны. Холт с Алейной сидели напротив высокой светловолосой Айрай и Йона Макдональда. Все четверо — в стеклянных коронах, полые стенки которых были заполнены той же жидкостью, что лениво плескалась в цилиндре.

За главным пультом позади Холта Карлос Виллареаль вводил данные из памяти корабельного компьютера. Прыжки были уже рассчитаны. Капитан решил, что нужно посмотреть на уллъские звезды. А потом Седрис, и Золотистый Хуул, и еще более далекие. А может быть, даже Престер и Ядро.

Первая остановка планировалась в транзитном порту на планете под названием Бледная Немочь (название на карте означало, что люди там уже бывали). Капитан даже слышал историю о Каменном городе, что древнее самого времени.

За пределами атмосферы ядерные ускорители отключились, и Виллареаль отдал приказ:

— Координаты введены, навигационная система готова. Прыгаем. — Голос его прозвучал менее уверенно, чем обычно, прыгали-то в первый раз.

Темнота и мерцающие цветы, все быстрее вращается звездная россыпь, и Холт в самом ее центре совершенно один — но нет! Вот Агейна и кто-то еще, они все вместе, а вокруг хаос, и огромные серые волны захлестывают их с головой, а лица опаляет огонь, насмешливый и ускользающий, и боль, боль, боль, и они заблудились, и нет в мире ничего надежного, и миновали века, и Холт увидел что-то, он вызывает, подтягивает к себе образ пылающего Ядра. Ядро и чуть в стороне Бледная Немочь, она ускользает, но Холту как-то удается вернуть ее, и он кричит Алейне, и она тоже тянется к ней, и Макдональд с Айрай, и, напрягая все силы, они…

И запустил даньлайскую пушку.

И вот они снова сидят перед цилиндром. У Холта вдруг заболело запястье, он опустил глаза и увидел поставленную кем-то капельницу. У остальных стояли такие же. Виллареаль исчез.

Дверь открылась, и вошел, улыбаясь и моргая, Сандерленд.

— Слава богу! — сказал пухленький навигатор. — Вы были в отключке три месяца. Я уж думал, нам конец.

Холт снял с головы стеклянную корону и осмотрел ее.

Жидкости осталось на донышке. Цилиндр пушки тоже почти опустел.

— Три месяца?

Сандерленд передернул плечами.

— Кошмар. Вокруг корабля — сплошная пустота, ну просто совсем ничего, а мы не можем вас разбудить. Виллареалю досталось — пришлось с вами понянчиться. Если бы не капитан, неизвестно, чем бы все закончилось. Я знаю, что говорили лисюги, но сомневался, сумеете ли вы нас вытянуть из… Короче, оттуда, где мы были.

Мы прилетели? — спросил Макдональд.

Сандерленд обошел вокруг цилиндра, встал перед пультом Виллареаля и включил экран обзора. На черном фоне горело маленькое желтое солнце. Потом экран заполнила огромная серая сфера.

— Бледная Немочь, — сказал Сандерленд, — Я сверил координаты. Мы прилетели. Капитан уже вышел на связь. Здесь всем заправляют даньлай, и они разрешили посадку. Время тоже сходится: три субъективных месяца — три объективных месяца, насколько мы могли понять.

— А на обычной тяге? — спросил Холт. — Сколько мы летели бы на обычной?

— Вышло даже лучше, чем обещали даньлай. Бледная Немочь в полутора годах пути от точки, где мы находились.

Было еще слишком рано, и слишком велика была вероятность того, что седрийцы еще не впали в оцепенение. Но приходилось рисковать. Холт ворвался в первую попавшуюся хижину и ограбил ее подчистую, в лихорадочной спешке ломая и разбрасывая вещи. По счастью, обитатели пузыря уже отключились.

Безотчетно опасаясь встретить лисюгана, как две капли воды похожего на только что убитого, Холт не стал обращаться к скупщикам-даньлаям на главной улице. Вместо этого он отыскал лавчонку грузного слепого линкеллара. Огромные глазищи торгаша давно превратились в гнойники, но это не помешало ему надуть Холта. На всю добычу Майкл выменял только прозрачно-голубой шлем-яйцо и лазер. Оружие его изумило: оно точь-в-точь напоминало лазер Макдональда, вплоть до выгравированного на корпусе герба Финнегана. Но лазер был исправен, а это самое главное.

На улице толпились безработные звездолетчики всех мастей — настал час ежедневного променада. Холт яростно пробивался сквозь толпу к Западному Зрачку, а выбравшись в пустые переулки Каменного города, перешел на ровную трусцу.

Сандерленда дома не оказалось — бродил где-то, производя съемку местности. Холт схватил один из листов и торопливо нацарапал: «Убил лиса. Надо смываться. Спускаюсь под Каменный город. Там безопасно». Потом собрал все остатки провизии — запас недели на две или даже больше, если экономить, — запихнул все в рюкзак, закинул его на плечи и ушел. Лазер надежно покоился в кармане, шлем Холт пристроил под мышку.

Ближайший спуск находился в нескольких кварталах от дома — гигантский штопор винтового пандуса, ввинченный в землю в центре перекрестка. Холт с Сандерлендом часто спускались на первый подземный уровень, куда еще проникал свет. Но и там уже царил сумрак, душный и тоскливый. Во все стороны расходилась сеть туннелей, не менее запутанная, чем переулки на поверхности. Многие ходы уводили куда-то вниз. Но штопор, конечно, вел еще глубже, а там ответвлялись новые туннели, и с каждым поворотом становилось все темнее. Обычно туда никто не спускался, а те, кто все-таки отваживался, как капитан, никогда не возвращались. О том, насколько глубоко уходил Каменный город, ходили легенды, но проверить их было невозможно: приборы «Пегаса» на перекрестке Вселенной так и не заработали.

В конце первого полного поворота Холт остановился и надел голубой шлем. Тот оказался тесноват — щиток давил на нос, бока больно прижимали уши. Шлем явно предназначался для ул-менналетов. Впрочем, сойдет: есть отверстие возле губ, так что можно и дышать, и говорить.

Холт подождал, чтобы шлем прогрелся и начал светиться тусклым голубым сиянием. Тогда он пошел дальше, вниз по штопору, в темноту.

Пандус все поворачивал и поворачивал, и на каждом витке от него расходились туннели, но Холт продолжал спуск и вскоре потерял счет пройденным поворотам. За пределами маленького освещенного пятна чернела кромешная тьма. Тишина и горячий воздух затрудняли дыхание. Но страх гнал Холта дальше, и он не замедлял шагов. Вверху Каменный город был почти пустынен, но не настолько, насколько здесь. Даньлаи в случае необходимости туда приходили. Только внизу Холт мог чувствовать себя в безопасности. Он мысленно поклялся, что не сойдет со штопора, чтобы не заблудиться. Он не сомневался, что именно это произошло с капитаном и его спутниками: они углубились в какой-то туннель и, не найдя дороги обратно, умерли там от голода. Но с Холтом этого не случится. Недели через две он поднимется на поверхность и пополнит у Сандерленда запасы провизии.

Казалось, он идет вниз по винтовому пандусу уже несколько часов. Он шел и шел вдоль бесконечных стен, окрашенных голубоватым светом его шлема, мимо бесчисленных зияющих ответвлений, разбегавшихся во все стороны, манящих своими широкими черными пастями. Вокруг был только камень. Воздух становился все горячее и тяжелее, вскоре Холт начал задыхаться, но туннели казались еще более затхлыми. Впрочем, ему было все равно: он туда не собирался.

Наконец Холт достиг конца штопора и оказался перед тройной развилкой. Здесь были три одинаковые арки, вниз уходили три узкие крутые лестницы, изгибаясь так, что увидеть можно было лишь несколько ступеней. У Холта уже гудели ноги. Он сел, разулся и, решив немного пожевать, достал из рюкзака копченое мясо.

Все вокруг было погружено в кромешную тьму, а теперь, когда стихли его шаги, воцарилась еще и полная тишина. Если только… Он прислушался. Да, теперь слышны какие-то звуки, далекие, глухие. Какой-то гул. Холт жевал мясо и продолжал прислушиваться. Наконец он решил, что гул доносится из левого проема.

Доев, Холт облизал пальцы, обулся и встал. Держа лазер на изготовку и стараясь ступать как можно тише, начал медленно спускаться по лестнице.

Винтовая лестница поворачивала еще круче, чем пандус, не имела ответвлений и была очень узкой. Холт едва мог повернуться, зато не боялся заблудиться.

Звук становился громче, и вскоре Холт понял, что это не гул, а скорее вой. Потом что-то изменилось. Холт разобрал едва уловимые стоны и лай.

Лестница сделала последний крутой поворот, и Холт резко остановился.

Он стоял перед окном серого каменного здания странной формы и смотрел на Каменный город. Была ночь, и небо покрывал звездный узор. Внизу, возле восьмиугольного бассейна, шестеро даньлаев окружили седрийца. Они смеялись, заходясь частым истошным лаем, перетявкивались друг с другом и уворачивались от седрийца, если тот двигался с места. Седриец возвышался над ними, недоуменно стеная и раскачиваясь взад-вперед. Его огромные фиолетовые глаза ярко горели, боевые клешни щелкали.

Один из даньлаев медленно обнажил длинный зазубренный нож. Появился второй нож, потом третий, и вот уже вооружились все лисюги. Они пересмеивались между собой. Первый набросился на седрийца сзади, сверкнул серебристый клинок. Из

длинного разреза в плоти молочно-белого червяка потекла черная кровь.

Жертва издала душераздирающий стон и неуклюже повернулась к обидчику. Даньлай отпрыгнул в сторону, но боевые клешни в отличие от корпуса действовали несравненно проворнее. Даньлая подбросило в воздух, он засучил всеми четырьмя конечностями и яростно взлаял, но тут клешня сомкнулась, и на землю лисюган упал, уже разрубленный на две половинки. Однако остальные продолжали смеяться как ни в чем не бывало и теснили жертву, кромсая ножами ее тело. Стоны седрийца превратились в вопли. Он снова предпринял выпад, и второй обезглавленный даньлай полетел в бассейн, но двое других уже отсекли извивающиеся щупальца, а пятый по самую рукоять вонзил клинок в раскачивающийся торс. Лисюги впали в неистовство, их визгливый лай заглушил вопли седрийца.

Холт поднял лазер, прицелился в ближайшего даньлая и нажал на спуск. Сверкнул яростный красный луч.

Упала пелена, и все пропало. Холт невольно протянул руку, пытаясь отдернуть занавес. За нишей открылась низкая камера с дюжиной проемов в стенах. Ни даньлаев, ни седрийца. Холт находился глубоко под городом. Подземелье освещалось только фосфоресцирующим шлемом.

Нерешительно, осторожно Холт шагнул в камеру. Половина туннельных проемов была замурована, остальные зияли мертвой тьмой. Но из одного вдруг повеяло холодом. Холт двинулся по нему и долго шел в темноте. Наконец он попал в поперечную галерею, заполненную красным светящимся туманом, состоявшим, если приглядеться, словно из мельчайших огненных капелек. Прямая, с высокими сводами галерея тянулась вправо и влево, насколько хватало глаз, и насколько хватало глаз в нее выходили туннели, один из которых привел сюда Холта. Всевозможных форм большие и маленькие ходы, ведущие неизвестно куда, и все черные, как смерть.

Холт пометил лазерным лучом пол своего туннеля, шагнул в теплый красный туман и двинулся по коридору. Туман был густой, но тем не менее сквозь него было все видно. Не видно было лишь конца коридора и не слышно собственных Шагов. И никого.

Холт брел и брел, словно в трансе, начисто позабыв о страхе. Внезапно далеко впереди один из туннельных порталов озарила ослепительная вспышка. Холт бросился бегом, но не успел он пробежать и полпути, как свет погас. И все же что-то манило войти в ту арку.

Туннель был полон ночи. Холт прошел несколько метров в

кромешной тьме и уперся в дверь.

За дверью возвышался снежный сугроб и стоял лес серо-стальных деревьев, опутанных хрупкой ледяной паутиной, настолько тонкой, что даже дыхание могло бы ее растопить. На деревьях ни листочка, только пониже каждой ветки в ветрозащитных складках коры притаились морозостойкие синие цветы. Сияние звезд в морозной черноте неба. А на горизонте — деревянная ограда и каменные перила большого вычурного Старого дома.

Холт долго стоял, смотрел и вспоминал. Порыв холодного ветра швырнул в дверь заряд пушистого снега, и Холт содрогнулся от ледяного прикосновения. Повернувшись, он ушел в красный туман.

Там, где туннель открывался в галерею, Холта ждал Сандерленд. Черты его лица расплывались в тумане, голос глох.

— Майк! — сказал он, но до Холта донесся лишь слабый шепот. — Ты должен вернуться. Ты нам нужен, Майк. Я не смогу заниматься картой, если ты перестанешь добывать еду, а Алейна и Таккер… Ты обязан вернуться.

Холт покачал головой. Туман загустел и закружился, и грузная фигура Сандерленда потеряла очертания, начала таять.

Холт различал уже лишь темный силуэт, а потом туман снова побледнел, и оказалось, что там стоит вовсе не Сандерленд, а хозяин «Ангара». Тварь стояла молча и неподвижно, только подергивались белые щупальца. Она ждала. Холт ждал тоже.

В туннеле напротив неожиданно проснулось и замерцало тусклое пламя. Две светящиеся волны беззвучно покатились в обе стороны коридора. Минуя каждое новое устье туннеля, волны словно поджигали его, и зев арки начинал светиться где тускло-красным, где бело-голубым, где приветливо-желтым, как свет родного Солнца, огнем.

Хозяин «Ангара» повернулся и величественно поплыл вдаль по коридору. Колыхались и дрожали иссиня-черные валики жировых складок, только мускусного запаха Холт не чуял — его поглотил туман. Холт, все еще с лазером в руке, пошел следом.

Потолок поднимался все выше и выше, ниши туннелей становились шире. На глазах у Холта галерею пересекло морщинистое пятнистое существо, очень похожее на хозяина «Ангара».

Мускусное чудовище остановилось перед входом в полукруглый черный туннель вдвое выше Холта. Хозяин «Ангара» ждал. Холт поднял лазер и вошел. Тут оказалось второе окно или, может быть, экран. По ту сторону круглого хрустального иллюминатора бесновались вихри хаоса. Холт всматривался, пока

у него не заболела голова, и тут сквозь вихри проступило изображение. Если его можно было так назвать. Четыре даньлая с трубчатыми коронами на головах сидели кружком перед своим цилиндром. Только… только… изображение расплывалось, двоилось. Призраки, мираж, копия, почти совпадавшая с первичным изображением, но не полностью, а словно двойное отражение в прозрачном стекле. Потом возникло третье отражение, четвертое, и вдруг, как в двух зеркалах, поставленных друг против друга, картинки побежали вдаль. Ряды даньлаев, сливаясь, расплываясь, становясь все меньше и меньше, терялись в бесконечности. Одновременно — или нет, почти одновременно, копии повторяли движения прообраза с запаздыванием — лисюги сняли свои опустевшие короны, переглянулись и принялись смеяться. Они смеялись, хохотали безудержным лающим смехом, они смеялись, смеялись, смеялись, и безумный огонь горел у них в глазах, лисюги сгибались пополам и корчились от смеха и никогда еще не издались Холту такими звероподобными и хищными.

Холт вышел в коридор. Хозяин «Ангара» терпеливо дожидался перед порталом. Холт снова последовал за ним.

Теперь им попадались и другие существа, Холт смутно видел их, спешащих сквозь красную мглу. Чаще всего встречались собратья его провожатого. Но Холт заметил и одного даньлая — лисюган бродил как потерянный и слепо тыкался в стены. Какие-то полустрекозы бесшумно скользили над головой, мелькнула долговязая тощая тварь, окруженная мерцающей пеленой, были и другие, кого Холт скорее ощущал шестым чувством, чем воспринимал зрением и слухом. Важно шествовали некие лоснящиеся двуногие обладатели воротников из костяных пластин, за ними по пятам грациозно семенили гибкие четвероногие в мягких серых шкурках, с влажными глазами и удивительно умными мордочками.

Потом Холту показалось, будто он заметил человека в мундире и фуражке, мрачнолицего, с благородной осанкой. Холт бросился к нему, но светящийся туман сбил его с толку, и человек пропал из виду. Когда Холт вернулся, хозяин «Ангара» тоже исчез.

Холт метнулся в ближайший туннель. Там, как и в самом первом, была дверь. За дверью вздымался горный кряж, обрамляющий суровую знойную долину, покрытую сетью трещин, словно вымощенную обожженным кирпичом. Посреди пустыни лежал город — нагромождение прямоугольных коробок, окруженное меловыми стенами. Совершенно мертвый город, но Холт почему-то сразу узнал его. Каин нарКармиан часто

рассказывал о городах, построенных хрангами на истерзанных войной планетах по пути от Окраины к Старой Земле.

Холт нерешительно протянул руку вперед и сразу же отдернул. За порогом было пекло. Значит, это не экран, так же как пейзаж Имира.

Вернувшись в галерею, Холт постоял, пытаясь осмыслить увиденное. Коридор тянулся в обе стороны до бесконечности, из тумана в гробовом молчании выплывали и вновь растворялись существа, подобных которым Холту еще не доводилось видеть. Он знал, что где-то здесь и капитан, и Виллареаль, и Сьюзи Бинет, а может быть, и другие… Или… или они были здесь раньше, а теперь уже где-то в другом месте. Возможно, родной дом тоже их позвал через каменный портал, и они откликнулись на зов, ушли и не вернулись. Интересно, размышлял Холт, можно ли вернуться, шагнув за порог?

Снова показался давешний даньлай — теперь он полз, и Холт понял, что это древний старик. По тому, как лисюган ощупывал дорогу, стало ясно, что он действительно слеп, хотя глаза его выглядели вполне здоровыми. Холт решил понаблюдать и проследить за кем-нибудь из призрачных прохожих. Многие проходили в двери и впрямь оказывались в тех мирах и уходили в глубь страны. А сами дали… Холт видел уллъские планеты во всем их усталом великолепии, где ул-менналеты стекались в свои капища и поклонялись ул-найлетам… Он видел беззвездные ночи Темного Рассвета на самой Окраине и тамошних мечтателей, тенями бродивших в ночи… И Золотистый Хуул — он все-таки существовал, хотя и не такой великолепный, как в легендах… И корабли-призраки, выныривающие из Ядра, и крикунов с черных миров Дальней Ветви, и древние цивилизации, что заперли свои звезды в сферические оболочки, и тысячу миров, что и во сне-то не приснятся.

Холт бросил слежку за молчаливыми путешественниками, решив разведывать туннели самостоятельно, и вскоре обнаружил, что пейзажи миров изменчивы. Стоя перед квадратным порталом, выходящим на равнины ай-Эмиреля, он вдруг снова вспомнил старого Каина, который и правда полетал немало, но все же недостаточно. Перед порталом высились башни Эмиреля, и Холту захотелось рассмотреть их поближе, как вдруг пейзаж подернулся пеленой, и снова портал открылся прямо в башню. Рядом возник хозяин «Ангара», материализовавшись так же внезапно, как когда-то в своем заведении. Холт всмотрелся в безликую тушу, потом положил лазер на пол, снял шлем (как странно: шлем перестал светиться, почему Холт раньше этого не заметил?) и шагнул вперед.

Он оказался на балконе, прохладный ветер ласкал лицо. Прислонившись спиной к черному эмерельскому металлу, он смотрел на оранжевый закат. На горизонте высились другие башни, и Холт знал, что каждая — это город для миллиона жителей. Но на таком расстоянии они выглядели словно длинные черные иглы.

Планета. Планета Каина. Наверное, она сильно изменись с тех пор, как Каин видел ее последний раз, лет двести тому назад. Интересно, насколько сильно. Впрочем, скоро Холт это узнает.

Повернувшись, чтобы войти в башню, Холт пообещал себе, что вернется, найдет Сандерленда, Алейну и Таккер-Рея.

И пускай внизу их ждут кромешная тьма и ужас, но Холт отведет их домой. Да, он это сделает. Но сначала ему хотелось взглянуть на ай-Эмирель, и на Старую Землю, и на мутантов Прометея. Да.

Но он вернется. Потом. Чуть позже.

В Каменном городе время течет медленно, а внизу, где Строители соткали сеть пространства-времени, — еще медленнее. Но все же течет, течет неумолимо. От гигантских серых зданий остались одни развалины, рухнула башня-гриб, пирамиды рассыпались в прах. От уллского ветролома не осталось и следа, и вот уже тысячу лет здесь не приземлялся ни один корабль. Ул-менналеты, их совсем мало, робко жмутся в тень, всюду сопровождаемые прирученными панцирными прыгунами. Даньлай, что при помощи своих цилиндров несколько тысячелетий скакали с планеты на планету, скатились к насилию и анархии, креши сгинули совсем, линкеллары порабощены, и только корабли-призраки по-прежнему беззвучно скользят среди звезд.

Солнце перекрестка Вселенной меркнет.

В пустынных туннелях под руинами Холт идет от звезды к звезде.

Злоцветы
© Перевод И. Гуровой

Когда он наконец умер, Шон, к своему стыду, не смогла даже похоронить его.

Ей нечем было копать — вместо нужного инструмента только руки, длинный нож у бедра и малый нож в сапоге. Да и в любом случае земля под скудной снежной пеленой смерзлась в несокрушимый камень. Шон по счету ее семьи было шестнадцать лет, и половину своей жизни она знала землю только такой. Тянулось глубокозимье, и мир сковала стужа.

Но и понимая, что ничего не добьется, Шон попыталась копать. Выбрала место возле шалашика, который построила, чтобы у них было укрытие, разломала тонкий наст, разгребла его руками и принялась долбить промороженную землю малым ножом. Но земля была тверже ее стали, и лезвие сломалось. Она тоскливо смотрела на обломки, зная, что скажет Крег. И начала царапать бесчувственную землю ногтями, пока не разболелись руки, а слезы под лицевой маской не превратились в катышки льда. Оставить его непогребенным не подобало: он был ей отцом, братом, возлюбленным. Он всегда был добр к ней, а она всегда его подводила. И вот теперь даже похоронить не сумела.

Наконец, не зная, что можно сделать еще, Шон поцеловала Лейна в последний раз (в бороду и волосы его вмерз лед, боль и холод изуродовали лицо, но все равно он был из семьи) и опрокинула шалашик на мертвое тело, укрыла под неказистым настилом из сучьев и снега. Только что пользы? Вампиры и ветроволки легко разбросают их и доберутся до его плоти. Но покинуть его, ничем не укрыв, она не могла.

Еще она оставила ему лыжи и большой лук из сребродрева с тетивой, лопнувшей от холода. Меч и толстый меховой плащ она взяла с собой, однако ее тюк почти не стал тяжелее, чем в начале пути. Ведь после того, как его ранил вампир, она ухаживала за ним почти неделю, и эта долгая задержка в шалашике истощила их запасы. Зато налегке она побежит быстрее, подумала Шон. Привязав к ногам лыжи перед укрывшим его несуразным погребальным покровом, Шон оперлась на палки и произнесла слова прощания. А потом побежала по снегу через лес, погруженный в жуткую тишину глубокозимья, туда, где ждали кров, огонь и семья. Как раз наступила середина дня.

С приближением сумерек Шон поняла, что не доберется до Каринхолла.

К ней уже вернулись спокойствие и ясность мысли. Горе и стыд она оставила позади себя — рядом с его мертвым телом, как ее учили. Вокруг нее смыкались безмолвие и холод, но от долгих часов бега на лыжах она раскраснелась, и под защитными слоями кож и меха ей было почти тепло. Мысли были прозрачными и

хрупкими, как длинные копья льда, свисающие с голых искривленных сучьев у нее над головой.

Когда на мир опустилась тьма, Шон выбрала укромное место с подветренной стороны кряжистого чернодрева метров трех в поперечнике. Меховой плащ она расстелила на проплешине в снегу, а в свой, тканый, завернулась точно в одеяло, защищаясь от задувшего ветра. Прислонясь спиной к стволу, крепко сжимая в руке под плащом длинный нож (на всякий случай), она заснула чутким сном, а в середине ночи пробудилась и задумалась над своими ошибками.

Звезды давно зажглись: она видела, они подглядывают за ней сквозь сплетение ветвей. В небе царила Ледяная Повозка, привозящая в мир холод, как на памяти Шон привозила его каждую ночь. Голубые глаза Возницы смотрели на нее со злой усмешкой.

Лейна убила Ледяная Повозка, с горечью подумала Шон, а не вампир. Вампир сильно помял его в ту ночь, когда он натянул лук, чтобы защитить их, а тетива лопнула. Но в другую пору Шон его выходила бы. А в глубокозимье для него не было надежды. Холод пробирался через все преграды, которыми она его окружала, холод выпил всю его силу, всю его яростность. Холод превратил его в съеженное белое тело, окостеневшее, с посинелыми губами на изнуренном лице. А теперь Возница Ледяной Повозки заберет его душу.

И ее душу тоже. Ей бы следовало оставить Лейна его судьбе. Так поступил бы Крег, и Лейн, и все они. Ведь никакой надежды, что он выживет, не было с самого начала. Только не в глубокозимье. В эту пору всякая жизнь замирала. В глубокозимье деревья стояли обнаженные и замерзшие, трава и цветы погибали, животные замерзали или засыпали глубоко под землей. Даже ветроволки и вампиры становились тощими, только крепла их свирепость. И многие погибали от голода.

Как погибнет от голода Шон.

Когда вампир напал на них, они и так уже припоздали на три дня, и Лейн вдвое урезал их дневной паек. А в шалашике он совсем ослабел. На четвертый день он доел свой запас, и Шон делилась с ним своим, держа это от него в тайне. Теперь ее запас почти иссяк, до надежного же приюта Каринхолла оставалось еще две недели тяжелого пути. А две недели глубокозимья требуют сил, как два года.

Свернувшись под своим плащом, Шон взвесила, не разжечь ли костер. Огонь привлечет вампиров — они улавливают тепло на расстоянии в три километра. И сбегутся, шумно скользя между деревьями, — тощие черные тени, выше, чем был Лейн. Не

скрепленная с плотью кожа колышется широкими складками, маскируя когти. А что, если устроить засаду и сразить одного врасплох? Взрослого вампира ей хватит, чтобы добраться до Каринхолла. Она поиграла с этой мыслью во тьме и с неохотой отвергла ее. Вампиры бегут по снегу с быстротой стрелы в полете, почти не касаясь лапами земли, а ночью они почти невидимы. Зато ее они хорошо разглядят благодаря теплу, которое испускается ее телом. Горящий костер только принесет ей быструю и относительно безболезненную смерть.

Шон вздрогнула и крепче сжала рукоятку длинного ножа. Внезапно каждая тень стала вампиром, укрытием, в котором он затаился перед последним броском, а в свисте ветра она словно различала хлопки их кожи, болтающейся на бегу.

Вдруг ее слух поразил настоящий громкий звук — пронзительный вой, какого она еще никогда не слышала. И тут же черный горизонт озарило призрачное голубое сияние, обрисовало черные кости деревьев и затрепетало в небе. Шон судорожно вздохнула, ледяной воздух обжег горло. Она поднялась на ноги, ожидая нападения. И ничего. Мир был холодным, черным, мертвым. В нем жил только свет, смутно мерцая в отдалении, маня, призывая ее. Она долго смотрела на него и вспоминала старика Йона, страшные истории, которые он рассказывал детям, когда они собирались у большого очага Каринхолла. «Есть такое, что пострашнее вампиров», — говорил он, и, припоминая, Шон опять стала маленькой девочкой — вот она сидит на толстом меховом коврике, спиной к огню и слушает, как Йон повествует о призраках, и живых тенях, и людоедских семьях, обитающих в огромных замках, построенных из костей.

Столь же внезапно непонятный свет померк и исчез, и сразу оборвался вой. Однако Шон точно запомнила, где вспыхнул свет. Она взяла тюк, закуталась еще и в плащ Лейна, чтобы тепло лучше сохранялось, и начала привязывать лыжи к ногам. Она же больше не ребенок, и свет этот не был пляской призраков. И может быть, он знаменует ей единственный шанс на спасение. Она схватила палки и заскользила туда.

Она знала, как опасно быть в пути по ночам. Крег повторял ей это сотни раз, да и Лейн тоже. В темноте, которую не рассеивал смутный свет звезд, так легко заблудиться, сломать лыжу, или ногу, или шею. К тому же от движения выделяется тепло — тепло, которое притягивает вампиров из глубин леса. Лучше тихо лежать до зари, прогоняющей ночных хищников в их логова, — так ее учили, так требовали все ее инстинкты. Но теперь было глубокозимье, и, пока она не двигалась, холод пробирался сквозь самый теплый мех, а Лейн лежит там мертвый,

а ее мучает голод, а свет замерцал так близко, маняще близко! И она пошла к нему, пошла медленно, пошла осторожно, и казалось, в эту ночь на нее было наложено заклятие. Местность вокруг была ровной, а снежная пелена такой тонкой, что не прятала ни корней, ни камней, о которые она могла бы споткнуться, будь они спрятаны от ее глаз. Из мрака не выскользнул ни единый ночной хищник, и слышалось только легкое похрустывание наста под ее лыжами.

Лес по сторонам все больше редел, и час спустя Шон вышла на огромный пустырь, заваленный каменными плитами и искореженным ржавым металлом. Она знала, что это. Ей уже приходилось видеть развалины: там прежде жили и вымирали семьи, а их замки и жилища ветшали и рушились. Но только те были меньше. Семья, жившая тут, как бы давно это ни было, когда-то отличалась редкой многочисленностью: развалины эти вместили бы сотню Каринхоллов. Она начала осторожно пробираться между разбитыми, припорошенными снегом камнями. Дважды ей встречались почти целые строения, и оба раза она колебалась, не укрыться ли ей до рассвета в их древних каменных стенах, но в них не оказалось ничего, что могло бы послужить источником того сияния, а потому она после беглого осмотра продолжала идти дальше. Река, к которой она вскоре вышла, задержала ее немногим дольше. С высокого берега она разглядела остатки двух мостов, в былое время переброшенных через узкое русло, но они рухнули давным-давно. Однако река замерзла, и перейти через нее было нетрудно: в глубокозимье лед выдерживает любую тяжесть, и она могла не опасаться полыньи.

Взбираясь на противоположный крутой берег, Шон обнаружила цветок.

Он был очень маленьким, на толстом черном стебле, пробившемся между двух камней. Ночью она бы его не заметила, но ее правая палка сдвинула камень, он со стуком покатился под обрыв, она посмотрела туда и увидела цветок.

Он так ее поразил, что она взяла обе палки в одну руку, а другой порылась под слоями одежды, решившись рискнуть.

Спичка ярко вспыхнула на одно мгновение, но и его оказалось достаточно, чтобы увидеть.

Цветок, крохотный-прекрохотный, с четырьмя голубыми лепестками, такими же бледно-голубыми, какими стали губы у Лейна, когда он умер. Цветок здесь, живой, растущий на восьмом году глубокозимья, когда весь мир был мертв.

Ей никто не поверит, подумала Шон. Вот разве отнести правду в Каринхолл. Она сняла лыжи и попыталась сорвать цветок. Попытка оказалась тщетной — такой же тщетной, как

попытка похоронить Лейна. Стебель был крепче проволоки. Несколько минут она старалась его сломать и сдерживала слезы, убеждаясь, что у нее ничего не получится. Крег назовет ее лгуньей, выдумщицей и еще по-всякому, как он привык ее называть.

Все-таки она не заплакала, а оставила цветок и поднялась на верх обрыва. Там она остановилась.

Перед ней, простираясь на многие метры, раскинулось широкое поле. Кое-где громоздились сугробы, а между ними были только каменные плиты, открытые ветру и холоду. В центре поля высилось здание, каких Шон еще никогда не видела, — огромная пухлая капля на трех черных ногах в звездном свете. Оно было точно зверь, присевший на задние лапы. Ноги, покрытые льдом, в суставах подогнуты, напряжены, словно зверь собрался прыгнуть прямо в небо. И ноги, и пухлая капля были увиты цветами.

Цветы и тут, и там, и повсюду, как обнаружила Шон, едва отвела взгляд от круглого здания. Они поднимались поодиночке и группами из каждой трещинки в плитах поля среди снега и льда, создавая темные островки в чистой белой неподвижности глубокозимья.

Шон прошла между ними к зданию, остановилась у ближней ноги и протянула руку в перчатке потрогать удивительный сустав. Это был сплошной металл — металл, и лед, и цветы, как и само здание. Возле каждой ноги плиты растрескались на тысячи кусков, словно разбитые неимоверным ударом, и из трещин тянулись лозы — черные извивающиеся лозы, — покрывая выпуклости здания, точно паутина летнего ткача. Из черных стеблей вырывались цветы, и теперь, вблизи, Шон увидела, что они совсем не похожи на цветочки у реки. Они играли разными красками, а величиной некоторые были с ее голову. В своем бешеном изобилии они как будто не замечали что распустились в глубокозимье, когда им полагалось быть черными и мертвыми.

Она пошла вокруг здания, ища вход, как вдруг со стороны дальней холмистой гряды донеслось похлопывание.

На фоне снега мелькнула узкая тень и словно пропала. Шон, вся дрожа, быстро отступила к ближней ноге, прижалась к ней спиной и бросила тюк наземь. В левой руке она сжала меч Лейна, в правой — свой длинный нож. Она стояла так и кляла себя за эту спичку, глупую, глупую спичку, и вслушивалась в хлоп-хлоп-хлоп смерти на когтистых лапах.

Так темно! У нее дрогнула рука, и в тот же самый миг на нее сбоку бросился сгусток мрака. Она встретила его ударом длинного ножа, но рассекла только кожистую оболочку. Вампир испустил торжествующий визг; Шон была опрокинута на плиту и

почувствовала, что истекает кровью. На ее грудь навалилась тяжесть, что-то черное, кожистое легло ей на глаза. Она попыталась ударить его ножом и только тут сообразила, что ножа у нее больше нет. Она закричала.

Тут же закричал вампир, голова Шон раскололась от боли, глаза ей залила кровь, она захлебывалась кровью — кровь, кровь и кровь… и ничего больше.

Голубизна, одна голубизна, туманная колышущаяся голубизна. Бледная голубизна, танцующая, танцующая, как призрачный свет, мелькнувший в небе. Мягкая голубизна, как цветочек, немыслимый цветочек у реки. Холодная голубизна, как глаза черного Возницы Ледяной Повозки, как губы Лейна, когда Шон в последний раз поцеловала их. Голубизна, голубизна… она двигалась, не замирая ни на миг. Все было туманным, ненастоящим. Только голубизна. Долгое время ничего, кроме голубизны.

Потом музыка. Но — туманная музыка, каким-то образом голубая музыка, странная, звонкая, ускользающая. Очень печальная, полная одиночества, чуть сладострастная. Колыбельная, вроде той, которую напевала старуха Тесенья, когда Шон была совсем маленькой, — еще до того, как она со-всем ослабела, поддалась болезни и Крег изгнал ее умирать, Шон так давно не слышала подобных песен. Она знала только музыку, которую Крег извлекал из своей арфы, а Рине из своей гитары. Она чувствовала, как блаженно успокаивается, расслабляется, и тело ее превращается в воду, ленивую воду, хотя было глубокозимье и превратиться ей следовало в лед.

К ней начали прикасаться мягкие руки — поднимать ее голову, снимать лицевую маску, так что голубое тепло овеяло щеки, а потом они начали скользить все ниже, ниже, развязывая ее одежды, снимая с нее меха, и ткани, и кожи. Сдернут пояс, сдернута куртка, сдернуты меховые штаны. По ее коже бежали мурашки. Она плавала, плавала в голубизне. Все было теплым, таким теплым! А руки порхали туда и сюда, и были они ласковыми, как когда-то старая матушка Тесенья, как иногда ее сестра Лейла, как Девин. Как Лейн, подумала она, и эта мысль была приятной, утешительной и возбуждающей в одно и то же время, и Шон задержала ее. Она с Лейном, в безопасности. Ей тепло и… и она вспомнила его лицо, голубизну его губ, лед в бороде, где замерзло его дыхание, черты лица, как изломанная маска, потому что боль сожгла его. Она вспомнила и вдруг начала тонуть в голубизне, захлебываться в голубизне, вырываться и кричать.

Руки приподняли ее, и чужой голос произнес что-то тихое, баюкающее на языке, которого она не поняла. К ее губам прижался край чашки. Шон открыла рот, чтобы закричать, но вместо этого начала пить. Что-то горячее, сладкое, душистое, с пряностями — и знакомыми ей, и совсем неизвестными. Чай, подумала она, ее руки взяли чашку из других рук, и она продолжала пить жадными глотками.

Она находилась в почти темной комнатке, полусидела на ложе из подушек; а рядом лежала ее сложенная одежда, и в воздухе плавал голубой туман от горящей палочки. Перед ней на коленях стояла женщина в ярких полосках многоцветных тканей; серые глаза спокойно смотрели на нее из-под гривы самых густых, самых буйных волос, какие только доводилось видеть Шон.

— Ты… кто… — сказала Шон.

Женщина погладила ее лоб бледной мягкой рукой.

— Карин, — произнесла она внятно.

Шон медленно кивнула, стараясь понять, кто эта женщина и откуда она знает про семью.

— Карин холл, — сказала женщина, и в глазах ее появилась улыбка, но печальная, — Лин, и Эрис, и Кейф. Я помню их, девочка. Бет — Голос Карина. Какой суровой она была! И Кейя, и Дейл, и Шон.

— Шон? Я Шон. Это я. Но Голос Карина — Крег.

Женщина чуть-чуть улыбнулась. Она все гладила, гладила Шон, лоб Шон. Кожа ее ладони была очень мягкой. Шон никогда еще не ощущала такого нежного прикосновения.

— Шон, моя возлюбленная, — сказала женщина. — Каждый десятый год, на Сборе.

Шон недоуменно заморгала. К ней вернулась память. Свет в лесу, цветы, вампиры.

— Где я? — спросила она.

— Ты всюду, где и не грезила побывать, маленькая Карин, — сказала женщина и тихонько засмеялась.

Стены комнатки поблескивали, словно темный металл.

— Здание, — пробормотала Шон. — Здание с ногами, все в цветах…

— Да, — сказала женщина.

— Ты… кто ты? Ты сотворила свет? Я была в лесу, и Лейн умер, и мои запасы почти кончились, и я увидела свет, голубое…

— Это был мой свет, дитя Карина, когда я спускалась с неба. Я была далеко, о да, далеко, в землях, о которых ты и не слышала, но я вернулась. — Женщина внезапно встала с колен и закружилась, ее пестрая одежда затрепетала, замерцала, а

голубая дымка завивалась вокруг нее.

— Я колдунья, против которой тебя, дитя, предостерегали в Каринхолле, — ликующе вскричала она, и все кружилась, кружилась, кружилась, пока, обессилев, не упала рядом с ложем Шон.

Никто никогда не предостерегал Шон против какой-нибудь колдуньи. Она не столько боялась, сколько недоумевала.

— Ты убила вампира, — сказала она. — Как ты…

— Я чародейка, — сказала женщина. — Я чародейка, и творю чары, и буду жить вечно. И ты тоже, Шон, дитя Карина, когда я научу тебя. Ты будешь путешествовать со мной, и я обучу тебя всем чарам, и буду рассказывать тебе истории, и мы можем стать любовниками. Ты ведь уже моя возлюбленная, ты ведь знаешь. Каждый раз на Сборе. Шон. Шон. — Она улыбнулась.

— Нет, — сказала Шон, — не я. Еще кто-то.

— Ты устала, дитя. Вампир ранил тебя, и ты забыла. Но ты вспомнишь, ты вспомнишь. — Она встала и прошлась по комнатке, погасила пальцами горящую палочку, приглушила музыку. На спине волосы у нее падали почти до пояса — спутанные вьющиеся пряди, — буйные беспокойные волосы, которые при каждом ее движении взметывались, точно волны дальнего моря. Шон один раз видела море — много лет назад, еще до наступления глубокозимья. И не забыла.

Женщина каким-то образом погасила тусклые огни и в темноте вернулась к Шон.

— А теперь отдохни. Своими чарами я сняла твою боль, но она может вернуться. Тогда позови меня. У меня есть и другие чары.

Шон и правда клонило ко сну.

— Да, — прошептала она послушно. Но когда женщина отошла, Шон окликнула ее.

— Погоди, — сказала она. — Твоя семья, матушка. Скажи мне, кто ты.

Женщина остановилась в прямоугольной рамке желтого света — безликий силуэт.

— Моя семья очень велика, дитя. Мои сестры — Лилит, и Марсьен, и Эрика Стормджонс, и Ламия-Бейлис, Дейрдре д'Аллеран, Клерономас, и Стивен Кобольд Звезда, и Томо, и Вальберг — все были моими братьями и отцами. Дом наш в вышине за Ледяной Повозкой, а мое имя, мое имя — Моргана.

И она ушла, и дверь за ней закрылась, и Шон осталась одна.

Моргана, думала она, засыпая. Морганморганморгана. Имя вплеталось в ее сны, как голубая дымка.

Она совсем маленькая смотрит на огонь в очаге Каринхолла смотрит, как языки пламени лижут и щекочут большие черные поленья, и от них сладко пахнет душистым колючником, а рядом кто-то рассказывает историю. Нет, не Йон, Йон тогда еще не стал повествователем, — вот как давно это было. Рассказывала Тесенья, старая-престарая, вся в морщинах, рассказывала своим усталым голосом, полным музыки, своим колыбельным голосом, и все дети слушали. Ее истории были не такими, как истории Йона. Он повествовал только о битвах, войнах да кровной мести и чудовищах — полным-полно крови, ножей и страстных клятв над трупом отца. Тесенья не старалась пугать. Она повествовала о шести путешественниках из семьи Алинн, заблудившихся в глуши с наступлением замерзания. Случайно они вышли к большому замку из металла, и жившая там семья встретила их большим пиром. Путешественники ели и пили вволю, а когда утерли губы и стали прощаться, были поданы новые яства, и так оно продолжалось и продолжалось. Алинны все гостили и гостили в замке, потому что никогда еще не едали ничего сытнее и вкуснее, но чем больше они ели, тем голоднее становились. Да к тому же за металлическими стенами установилось глубокозимье. В конце концов, когда много лет спустя пришло таяние, другие из семьи отправились на поиски шестерых странников. И нашли их в лесу мертвыми. Все они сменили свои добрые теплые меха на легкую одежду, их сталь рассыпалась ржавчиной, и все они как один умерли от голода. Ибо металлический замок звался Морганхолл, объяснила Тесенья детям, а семья, жившая в нем, называлась Лжецы и угощала призрачной пищей, сотворенной из грез и воздуха.

Шон проснулась нагая, сотрясаясь от дрожи.

Ее одежда все еще лежала кучей рядом с ней. Она быстро оделась: натянула исподнее, а поверх — толстую рубаху из черной шерсти, и штаны из кожи, и пояс, и куртку. Затем меховую шубу с капюшоном и, наконец, плащи. Ее собственный, из детской ткани, и плащ Лейна. Оставалась только лицевая маска. Шон облекла голову в тугую кожу, затянула шнурки под подбородком и так обезопасилась от ветров глубокозимья и от прикосновений чужой женщины. Оружие ее вместе с сапогами было небрежно брошено в углу. С мечом Лейна в руке и длинным ножом в привычных ножнах она стала сама собой. И вышла за дверь, чтобы найти лыжи и выход наружу.

Моргана встретила ее смехом звонким и мимолетным, встретила в комнате из стекла и сверкающего серебряного металла. Она стояла у такого большого окна, каких Шон еще не видела, — лист чистого прозрачного стекла, выше высокого

мужчины и шире большого очага Каринхолла, безупречнее зеркал семьи Терьис, знаменитой стеклодувами и шлифовальщиками линз. За стеклом был полдень, холодный голубой полдень глубокозимья. Шон увидела каменное поле, и снег, и цветы, а дальше — обрывы, по которым карабкалась, и замерзшую реку, петляющую между развалинами.

— У тебя такой свирепый и сердитый вид, — сказала Моргана, оборвав свой глупый смех.

В буйные волосы она вплела полоски тканей и драгоценные камни на серебряных заколках. Они сверкали, когда она двигалась.

— Послушай, дитя Карина, сними свои меха. Холод не может забраться к нам сюда, а если бы и забрался, мы можем от него уйти. Есть, знаешь ли, и другие земли. — Она пошла через комнату.

Шон было опустила меч, но теперь вновь его подняла.

— Не подходи! — предупредила она, и собственный голос показался ей хриплым и чужим.

— Я не боюсь тебя, Шон, — ответила Моргана. — Не тебя, мою Шон, мою возлюбленную. — Она бестрепетно обошла меч, сняла шарф, легкую серую паутинку, украшенную крохотными алыми камешками, и обвила им шею Шон. — Смотри, я вижу твои мысли, — сказала она, указывая на камешки. И один за другим они изменили цвет: огонь стал кровью, кровь запеклась и побурела, а затем почернела. — Ты боишься меня, только и всего. Без злобы. Ты не причинишь мне вреда. — Она ловко завязала шарф под личной маской Шон и улыбнулась.

Шон в ужасе смотрела на камешки.

— Как ты это сделала? — спросила она, растерянно отшатываясь.

— Чарами, — ответила Моргана. Она повернулась на пятках и отошла к окну, пританцовывая. — Я Моргана, полная чар.

— Ты полна лжи, — сказала Шон. — Я знаю про шестерых Алиннов. Я не стану есть здесь, чтобы умереть с голоду. Где мои лыжи?

Моргана словно не услышала. Ее глаза затуманила грусть.

— Ты когда-нибудь видела дом Алиннов летом, дитя? Он так красив. Солнце восходит над краснокаменной башней, а вечером опускается в озеро Джейми. Ты видела его, Шон?

— Нет, — дерзко ответила Шон. — И ты не видела. Зачем ты говоришь про дом Алиннов, раз твоя семья живет на Ледяной Повозке, а таких имен я и не слышала вовсе. Ютераберус и еще всякие.

— Клерономас, — со смешком сказала Моргана. Она

поднесла ладонь ко рту, обрывая смех, и начала небрежно покусывать палец, а ее серые глаза сияли. Ее пальцы все были в сверкающих кольцах. — Видела бы ты моего брата Клероно-маса, дитя! Он наполовину из металла, наполовину из плоти, а глаза у него блестят, как стекло, и он знает больше всех Голосов, когда-либо говоривших за Карин.

— Нет, не знает! — отрезала Шон. — Ты опять лжешь.

— Нет, знает! — сердито сказала Моргана и опустила руку. — Он чародей. Как и все мы. Эрика умерла, но она пробуждается к жизни снова, и снова, и снова. Стивен был воином, он убил миллиард семей — столько, сколько тебе не сосчитать, а Селия нашла множество тайных мест, которых никто прежде не находил. В моей семье все творят чары. — Взгляд ее стал хитрым, — Я же убила вампира, так? Каким образом, как, по-твоему?

— Ножом! — яростно крикнула Шон. Но под маской она покраснела. Так или не так, но Моргана убила вампира, и, значит, она в долгу у Морганы… И обнажила против нее сталь! Она содрогнулась, представив себе гнев Крега, и меч с лязгом упал на пол. Все сразу стало неясным.

— У тебя был длинный нож, был меч, — ласково сказала Моргана, — но убить вампира ты не сумела, дитя, ведь так? Нет! — Она пошла через комнату. — Ты моя, Шон Карин, моя возлюбленная, моя дочь, моя сестра. Научись доверять. Я многому тебя научу. — Она взяла Шон за руку и отвела к окну. — Встань здесь, Шон. Стой здесь, Шон, стой и смотри. И я покажу тебе другие чары Морганы. — У дальней стены она прижала свои кольца к доске из блестящего металла с тусклыми квадратными светильничками.

Шон смотрела, и ей вдруг стало страшно.

Пол под ее ногами задрожал, а в уши ей вонзился такой пронзительный вой, что кожаная маска не помогла, и она прижала к ушам руки в толстых перчатках. Но все равно слышала его, точно биение внутри своих костей. У нее заныли зубы, а в левом виске заметалась боль. Но хуже всего было другое.

Снаружи, где только что все было холодным, ясным, неподвижным, теперь скользил, танцевал и окрашивал весь мир жуткий голубой свет. Сугробы стали бледно-голубыми, а взлетающие над ними вихри мелкого снега казались еще бледнее, и по речным обрывам метались голубые тени, где прежде не было ничего похожего. И Шон увидела, что свет этот отражается даже в реке и ложится на развалины, угрюмо высящиеся у дальнего гребня. У нее за спиной захихикала Моргана, и тут за окном все смешалось, исчезло, остались только краски, яркие и темные,

сливающиеся воедино, точно обломки радуги, кипящие в огромном котле. Шон не сделала ни шагу, но ее ладонь легла на рукоятку длинного ножа, и она не сумела сдержать дрожи.

— Смотри, дитя Карина! — вскричала Моргана, но Шон еле расслышала ее сквозь вой. — Мы прыгаем в небо, прочь от этого холода, как я обещала тебе, Шон. Сейчас мы достигнем Ледяной Повозки. — И опять она что-то сделала с металлической доской, и вой затих, и цвета исчезли. За стеклом было небо.

Шон вскрикнула от страха. Она видела только тьму — и звезды, звезды повсюду. Никогда еще она не видела столько звезд. И поняла, что погибла. Лейн показал ей все звезды, чтобы она могла с их помощью находить путь из любого места в любое другое место, чтобы они ее вели, но эти звезды были не те не такие. Где Ледяная Повозка, Дух Лыжника или хотя бы Лара Карин с ее ветроволками? Ничего знакомого — только звезды, звезды потешаются над ней, как миллионы глаз: красные, и белые, и голубые, и желтые… и ни одна из них даже не мигнет…

Моргана встала у нее за спиной.

— Мы в Ледяной Повозке? — спросила Шон слабым голосом.

— Да.

Шон содрогнулась, швырнула нож так, что он со стуком отлетел от металлической стены, и повернулась к хозяйке металлического замка.

— Значит, мы умерли, и Возница везет наши души в ледяную пустыню, — сказала она. Но она не заплакала. Ей не хотелось умирать. А в глубокозимье — особенно. С другой стороны, она скоро увидит Лейна.

Моргана начала развязывать шарф, которым окутала шею Шон. Камешки стали совсем черными и страшными.

— Нет, Шон Карин, — сказала она спокойно, — мы не мертвые. Живи здесь со мной, дитя, и ты никогда не умрешь. Вот увидишь. — Она сдернула шарф и стала развязывать шнурки лицевой маски, стащила ее с головы девушки и небрежно швырнула на пол. — Ты красива, Шон. А впрочем, ты всегда была красива. Я помню, пусть и прошло столько лет.

— Я не красива, — возразила Шон. — Я не закаленная, слишком слабая, и Крег говорит, что я тощая, и лицо у меня худое. Я не…

Моргана прикосновением губ заставила ее умолкнуть, а затем расстегнула застежку, и потрепанный плащ Лейна соскользнул с ее плеч. За ним — ее собственный плащ, а пальцы Морганы взялись за шнурки куртки.

— Нет! — сказала Шон, отпрянув. Ее спина прижалась к огромному окну, и она ощутила тяжесть страшной тьмы, — Я не

могу, Моргана. Я — Карин, а ты не член семьи. Я не могу.

— Сбор! — прошептала Моргана, — Притворись, будто сейчас Сбор. Ты всегда бывала моей возлюбленной на Сборах.

У Шон пересохло во рту.

— Но сейчас же не Сбор, — возразила она. Ей довелось побывать на одном Сборе возле моря, где сорок семей собрались для обмена товарами, новостями и любовью. Но это было до ее крови, а потому никто ее не взял: она была неприкосновенна, так как еще не стала женщиной. — Это не Сбор! — повторила она почти со слезами.

Моргана хихикнула.

— Очень хорошо. Я не Карин, но я Моргана, полная чар. Я могу сотворить Сбор. — Мелькая босыми ногами, она пробежала через комнату и вновь прижала кольца к доске, поворачивая их так и эдак непонятным образом. Затем она воскликнула:

— Взгляни! Обернись и взгляни!

Шон растерянно обернулась к окну.

Под двойным солнцем разгара лета зеленел светлый мир. Ладьи неторопливо скользили по течению реки, и Шон увидела, как слепящее отражение двойного солнца колышется и качается у них за кормой, точно шары мягкого желтого масла, катящиеся по голубизне. Даже небо выглядело ласковым и маслянистым; белые облака плыли, как величавые парусники семьи Крайен, и нигде не было видно ни единой звезды. Дальний берег был усеян домами — и маленькими, точно придорожные приюты, и башнями, больше Каринхолла, высокими и гладкими, как отполированные ветром скалы Изломанных гор. И тут, и там, и повсюду были люди — гибкие, смуглые, незнакомые Шон, и люди из семей, все вперемешку. Каменное поле было свободно ото льда и снега, но на нем везде стояли металлические здания, одни больше Морганхолла, другие (таких было большинство) меньше, все со своими отличительными знаками, все словно присевшие на трех ногах. Между ними располагались шатры и ларьки семей со своими значками и знаменами. И коврики, яркие пестрые коврики любовников. Шон увидела совокупляющихся и почувствовала на плече легкое прикосновение руки Морганы.

— Ты знаешь, что ты сейчас видишь, дитя Карина? — шепнула Моргана.

Шон обернулась к ней с изумлением и страхом в глазах.

— Это Сбор.

Моргана улыбнулась.

— Вот видишь, — сказала она, — Это Сбор, и я выбираю тебя. Отпразднуй со мной. — Ее пальцы соскользнули на пряжку пояса Шон, и Шон не сопротивлялась.

В металлических стенах Морганхолла времена года превращались в часы, превращались в десятилетия, превращались в дни, превращались в месяцы, превращались в недели, снова становились временами года. Время утратило смысл. Когда Шон проснулась на пушистом меху, который Моргана расстелила у окна, разгар лета уже сменился глубокозимьем, а семьи, ладьи и Сбор исчезли. Заря занялась раньше положенного, и Моргана как будто была раздосадована и потому сотворила вечерние сумерки, пору замерзания, несущего зловещий холод, а там, где мерцали звезды солнечного восхода, теперь по медному небу бежали серые тучи. Они ели, а медь сменялась чернотой. Моргана подала грибы и хрустящую зелень, темный хлеб, сдобренный медом и маслом, чай из душистых трав со сливками и толстые ломтики сырого мяса, плавающие в крови. На заедки был сладкий снег с орехами и в заключение горячий напиток из девяти слоев разного цвета и вкуса, в высоких кубках из невозможно тонкого кристалла, и от него у Шон заболела голова. И она заплакала, потому что пища казалась совсем настоящей и очень хорошей, но она боялась, что умрет с голоду, если будет есть ее. Моргана засмеялась, вдруг ушла и вернулась с валяными кожистыми полосками вампирьего мяса и сказала, что Шон может спрятать его в своем тюке и жевать, когда проголодается.

Шон хранила мясо долгое время, но ни разу не откусила ни кусочка.

Сперва она пыталась вести счет дням, запоминая, сколько раз они ели и сколько раз спали, но вскоре постоянные изменения зрелищ за окном и беспорядочная жизнь в Морганхолле совершенно ее запутали. Это волновало ее несколько недель (или дней), но затем она перестала тревожиться.

Моргана может менять время, как ей заблагорассудится, и, значит, Шон нет смысла принимать это к сердцу.

Несколько раз Шон просила разрешения уйти, но Моргана ничего не желала слушать. Она смеялась, творила новые удивительные чары, и Шон забывала обо всем. Как-то, пока она спала, Моргана унесла ее меч и нож, все ее кожи и меха, так что Шон пришлось уступить желанию Морганы и обрядиться в пестрые шелка и дурацкие лохмотья — не могла же она ходить совсем голой! Сначала она сердилась и расстраивалась, а потом привыкла. Да и внутри Морганхолла ей в прежней одежде было жарко.

Моргана делала ей всякие подарки. Мешочки трав, пахнущие разгарлетом. Ветроволк из светло-голубого стекла. Металлическая маска, в которой можно было видеть в темноте.

Душистые масла для ванн и склянки с густой золотистой жидкостью, приносящей забвение от тревог. Зеркало, самое лучшее в мире. Книги, которые Шон не умела читать. Браслет, усаженный камешками, которые весь день пили свет, а по ночам сияли, отдавая его. Кубики, в которых звучала странная музыка, стоило Шон согреть их в ладонях. Сапожки, сотканные из металла, такие легкие и мягкие, что их можно было смять в комочек, умещавшийся на ладони. Металлические подобия мужчин, женщин и всяких демонов.

Моргана рассказывала ей истории. У каждого ее подарка была история — откуда эта вещь, кто ее сделал, как она попала сюда. Моргана рассказывала о каждой и вела повествование о каждом своем родственнике и каждой своей родственнице. Неустрашимый Клерономас, облетавший небо в поисках знаний; Селия Марсьен и ее корабль «Преследователь теней»; Эрика Стормджонс, чья семья изрезала ее ножами, чтобы она могла снова жить; яростный Стивен Кобольд Полярная Звезда; печальный Томо; светлая Дейрдре д'Аллеран и ее угрюмый призрачный близнец. Истории эти Моргана ткала из чар. В одной стене была узкая щель. Моргана подходила к ней, вставляла плоскую металлическую коробочку, и тогда все светильники гасли и мертвые родственники Морганы оживали — светлые духи, которые двигались, разговаривали, обливались кровью, если их ранили. Шон принимала их за настоящих людей до того дня, когда Дейрдре в первый раз начала оплакивать своих убитых детей, а Шон бросилась утешать ее и обнаружила, что не может к ней прикоснуться. И только тогда Моргана сказала ей, что Дейрдре и остальные — только призраки, вызванные ее чарами.

Моргана говорила ей о многом. Моргана была ее наставницей, а не только возлюбленной, и терпеливой, почти как Лейн, хотя гораздо чаще теряла интерес и переходила к чему-нибудь другому. Она подарила Шон красивую двенадцатиструнную гитару и стала показывать, как играть на ней, и научила ее немножко читать, и открыла ей кое-какие чары попроще, чтобы Шон было легче жить в корабле. Это она тоже узнала от Морганы: Морганхолл был вовсе не замок, а корабль, небесный корабль: он приседал на своих металлических ногах и прыгал от звезды к звезде. Моргана рассказала ей о планетах — землях возле этих дальних звезд, и добавила, что все вещи, которые она подарила Шон, были оттуда — из краев за Ледяной Повозкой: маска и зеркало с планеты Джемисона, книги и кубики с Авалона, браслет с Верхнего Кавлаана, душистые масла с Брака, травы с Рианнона, Тары и Старого Посейдона, сапожки с Бастионна, фигурки с Чул-Дамиена, золотистая жидкость из края

столь дальнего, что даже Моргана не знала его названия. Только стеклянный ветроволк был сделан здесь, на планете Шон, сказала Моргана. До этой минуты ветроволк нравился Шон больше всех остальных подарков, но теперь она обнаружила, что он куда меньше ей по вкусу, чем она думала. Остальные были куда интереснее.

Шон всегда хотелось путешествовать, посетить дальние семьи в дальних глухих краях, посмотреть на моря и горы. Но она была еще слишком молода, а когда наконец достигла возраста женщины, Крег ее не пустил. Слишком она медлительна, сказал он, слишком робка, слишком безалаберна. А потому жизнь она проведет дома, где сможет употребить свои скудные способности с лучшими для Каринхолла результатами. Даже роковое путешествие, которое привело ее сюда, было нежданным. На нем настоял Лейн, единственный из всех настолько сильный, что мог пойти наперекор Крегу, Голосу Карина.

Однако Моргана брала ее путешествовать под парусами среди звезд. Когда голубой свет начинал озарять ледяную неподвижность глубокозимья и из ничего возникал вой, становясь все пронзительнее и пронзительнее, Шон бросалась к окну и с нарастающим нетерпением ждала, чтобы цветы обрели четкость. Моргана показала ей все моря и все горы, о каких только могла мечтать, — и даже больше. Сквозь безупречное стекло Шон увидела земли из всех историй. Старый Посейдон с его старыми верфями и флотилиями серебристых кораблей, луга Рианнона, сводчатые башни из черной стали ай-Эмирель, открытые всем ветрам равнины и суровые горы Верхнего Кавлаана, островные города Порт-Джемисон и Джолостар планеты Джемисона. Моргана объяснила Шон, что такое города, и внезапно развалины у реки стали ей понятны. Она узнала и о других устройствах жизни — об аркологиях, и цитаделях, и братствах, о корабельных компаниях, рабстве и армиях. Семья Карин уже не казалась началом всех человеческих устремлений.

Но чаще всего они приплывали в Авалон, и он начал нравиться Шон больше всех остальных миров. Посадочное поле на Авалоне влекло других странников, и Шон видела, как опускаются и поднимаются корабли на столпах бледно-голубого света. А в отдалении высились здания Академии человеческих знаний, где Клсрономас оставил на хранение все свои секреты, чтобы их сберегли для семьи Морганы. Эти зубчатые стеклянные башни вызывали в Шон томление, похожее на боль, но она его жаждала, не понимая почему.

Порой (на нескольких мирах, но чаще на Авалоне) Шон казалось, что кто-то хочет подняться на их корабль. Она

смотрела, как такой незнакомец решительным шагом направляется к их кораблю через поле. Однако на борт ни один так и не поднялся, к большому ее разочарованию. Только с Морганой могла она разговаривать. И прикасаться тоже только к Моргане. Шон подозревала, что Моргана чарами прогоняла таких гостей или заманивала их на гибель. Что именно, она никак не могла решить: Моргана была настолько переменчива что ожидать приходилось и того, и того. Как-то за обедом Шон вспомнила рассказ Ойон про людоедский замок и в ужасе уставилась на сырое мясо, которое они ели. И до конца обеда она ела только одни овощи. И продолжала есть только овощи в течение некоторого времени, а потом решила, что ведет себя по-детски. Шон хотела было спросить Моргану про людей, которые подходили к кораблю и исчезали, но побоялась. Она помнила, в какой лютый гнев приходил Крег, если вопрос ему не нравился. Если Моргана и вправду убивает тех, кто пытается подняться на ее корабль, лучше будет с ней об этом не заговаривать. Когда Шон была маленькой, Крег жестоко ее выпорол за то, что она спросила, почему старая Тесенья должна уйти наружу и умереть.

Другие вопросы Шон задавала и убедилась, что Моргана не хочет отвечать. Моргана не говорила, откуда она родом, не объясняла, где берет их еду, какие чары поднимают корабль в воздух. Дважды Шон просила научить ее магическим заклинаниям, которые переносили их от звезды к звезде, и оба раза Моргана ответила «нет» сердитым голосом. У нее были и другие секреты от Шон. Были помещения, запретные для Шон. Были вещи, которых ей запрещалось касаться, а кое о чем Моргана даже говорить отказывалась. Время от времени Моргана исчезала — на долгие дни, как казалось Шон, которая уныло бродила по кораблю, не зная, чем заняться, а за окном сияли неподвижные звезды, — и когда Моргана возвращалась, она была мрачно-молчаливой, но продолжалось это часа два-три, а потом она становилась нормальной.

Но и нормальная Моргана была не как все люди.

Она без устали танцевала, напевая про себя, иногда с Шон, а иногда и одна. Она разговаривала сама с собой на мелодичном языке, неизвестном Шон. Она бывала то серьезной, как мудрая матушка, и знала в три раза больше любого Голоса, то проказливой и смешливой, как ребенок одной поры года. Иногда Моргана как будто знала, кто такая Шон, а иногда упорно путала ее с той, другой Шон Карин, которая любила ее в дни Сборов. Она бывала очень терпеливой и очень властной, непохожей ни на кого из тех, кого Шон знала раньше.

— Ты глупая, — как-то сказала ей Шон, — Живи ты в

Каринхолле, ты не была бы такой глупой. Глупые умирают, знаешь ли, и причиняют вред своим семьям. Все должны быть полезны, а ты бесполезна. Крег сделал бы тебя полезной. Твое.

Моргана только нежно ее погладила и посмотрела на нее печальными серыми глазами.

— Бедняжка Шон, — прошептала она. — С тобой обходились так безжалостно! Но Карины всегда были безжалостными. Дом Алиннов был иным, дитя. Тебе следовало бы родиться Алинн.

И больше она не сказал об этом ни слова.

Шон проводила дни, дивясь, ночи, любя, и все реже вспоминала Каринхолл, а потом обнаружила, что Моргана стала для нее точно член семьи. И более того: она теперь начала ей доверять.

Пока не узнала про злоцветы.

Как-то утром Шон проснулась и увидела, что окно полнится звездами, а Моргана исчезла. Обычно это означало долгое тоскливое ожидание, но на этот раз Шон еще только доедала свой завтрак, который оставила ей Моргана, когда та вернулась с большим пучком бледно-голубых цветов.

Моргана выглядела оживленной. Шон еще никогда не видела ее такой оживленной, такой нетерпеливой. Она даже не дала Шон доесть, а позвала ее подойти и встать на меховой ковер у окна, потому что хотела вплести цветы ей в волосы.

— Ты так сладко спала, дитя, — весело сказала она, принимаясь за дело, — и я заметила, как отросли твои волосы. Они были такими короткими, обкорнанными, безобразными. Но ты ведь живешь тут уже долго, и теперь они стали приглядными, длинными, как мои, а злоцветы сделают их прекрасными.

— Злоцветы? — с любопытством переспросила Шон. — Ты так их называешь? А я и не знала.

— Да, дитя, — ответила Моргана, все еще хлопотливо заплетая и переплетая. Шон стояла к ней спиной и не видела ее лица. — Маленькие голубенькие называются злоцветы. Они цветут даже в самые злые морозы, ют их и стали так называть. Происходят они с планеты Имир, где зимы почти такие же холодные и долгие, как у нас здесь. Другие цветы тоже с Имира — те, что распускаются на лозах вокруг корабля. Их называют морозоцветами. Глубокозимье такая унылая пора, что я посадила их тут, чтобы придать всему немножко красоты. — Она взяла Шон за плечи и повернула лицом к себе. — Сбегай за свои зеркалом и посмотри сама, дитя Карина.

— Оно там, — ответила Шон и бросилась мимо Морганы.

Ее босая подошва коснулась чего-то холодного и мокрого.

Нога отдернулась, Шон охнула. На меховом ковре поблескивала темная лужица.

Шон нахмурилась, замерла и посмотрела на Моргану. Та не сняла сапожек. Они выглядели отсыревшими.

А за спиной Морганы не было видно ничего, кроме черноты и незнакомых звезд. Шон испугалась: что-то было не так. Моргана смотрела на нее со смущенной растерянностью.

Она облизнула губы, робко улыбнулась и пошла за зеркалом.

Прежде чем она уснула, Моргана чарами убрала звезды.

За их окном была ночь, но ласковая ночь, каких в глубокозимье не бывает. Вокруг их поля ветер колыхал густую листву древесных вершин, а луна в вышине одевала все светлой красотой. Прекрасный мир, где можно спать в безопасности, сказала Моргана.

Но Шон не спала. Она сидела в стороне от Морганы, глядя на луну. Впервые с той минуты, когда ее глаза открылись в Морганхолле, она рассуждала как Карин. Лейн похвалил бы ее с гордостью, Крег спросил бы, почему ей потребовалось для этого столько времени.

Моргана вернулась с пучком злоцветов и в сапожках, намокших от снега. Но снаружи не было ничего, кроме пустоты, по словам Морганы, заполняющей пространство между звездами.

Моргана сказала, что свет, который Шон увидела тогда в лесу, был рожден лучами ее корабля, когда он спускался на поле. Но толстые лозы морозоцветов росли внутри ног корабля, вокруг них и над ними. И росли они долгие годы.

Моргана не выпускала ее из корабля и показывала ей все только из окна. Но Шон не помнила, чтобы в стене Морган-холла, когда она рассматривала его снаружи, было окно. А если окно все-таки есть, то где лозы морозоцветов, которые должны были его оплести? Где иней глубокозимья, который должен был нарасти на нем?

Ибо название металлического замка было Морганхолл, рассказывала детям старая Тесенья, а семья, жившая в нем, называлась Лжецы, и пища их была призрачной, сотворенной из грез и воздуха.

Шон встала в сиянии лживого лунного света и пошла туда, где хранила подарки Морганы. Она по очереди оглядела их и взяла самый тяжелый — стеклянного ветровалка. Это была большая фигурка, так что Шон пришлось поднять его двумя руками — за оскаленную морду и за хвост.

— Моргана! — крикнула она.

Моргана сонно села на кровати и улыбнулась.

— Шон, — прошептала она. — Шон, дитя. Зачем тебе понадобился твой ветроволк?

Шон приблизилась на несколько шагов и подняла стеклянного зверя высоко над головой.

— Ты лгала мне. Мы никуда не летали. Мы все еще в разрушенном городе и все еще в глубокозимье.

Лицо Морганы помрачнело.

— Ты не знаешь, что говоришь! — Она неуверенно поднялась на ноги. — Ты хочешь бросить в меня эту статуэтку, дитя? Я не боюсь. Однажды ты занесла надо мной меч, и я не боялась тебя тогда. Я — Моргана, полная чар. Ты не можешь причинить мне вред, Шон.

— Я хочу уйти, — сказала Шон. — Принеси мой меч и нож, а также мою одежду. Я возвращаюсь в Каринхолл. Я женщина Карина, а не дитя. Ребенком меня сделала ты. Принеси и еды мне в дорогу.

Моргана засмеялась:

— Ах, как серьезно! А что, если я не принесу?

— Если не принесешь, — ответила Шон, — я брошу ветроволка в твое окно.

— Нет, — сказал Моргана. По ее лицу ничего нельзя было понять. — Ты этого не сделаешь, дитя.

— Сделаю, — ответила Шон. — Если ты не принесешь всего, что я велела.

— Но ты же не хочешь меня покинуть, Шон Карин, не хочешь! Вспомни, мы же любовники. Мы семья. Я могу творить для тебя чары. — Ее голос задрожал. — Положи его, дитя. Я покажу тебе то, чего прежде не показывала. Есть столько мест, куда мы можем отправиться вместе, столько историй, которые я могу тебе рассказать. Положи его, — молила она.

Шон торжествовала, но отчего-то на глазах у нее стояли слезы.

— Почему ты так боишься? — спросила она гневно. — Ты же можешь починить окно своими чарами, так ведь? Даже я могу вставить стекло в разбитое окно, хотя Крег и говорит, что я почти ни на что не гожусь. — Слезы текли по обнаженным щекам, но безмолвные, безмолвные. — Снаружи тепло, ты сама видишь, и при луне легко работать. И есть же город. Наймешь стекольщика. Не понимаю, почему ты так боишься. Другое дело, будь здесь глубокозимье, холод, лед, притаившиеся в темноте вампиры. Но ведь это не так.

— Нет, — сказал Моргана. — Нет!

— Нет, — повторила Шон, — Принеси мне мои вещи.

Моргана не сделал ни шагу.

— Не все было ложью. Да, не все. Если ты останешься со мной, то проживешь очень долго. Я думаю, дело в пище, но это правда. И очень многое было правдой, Шон. Я не хотела тебе лгать. Я хотела, как лучше, как вначале было со мной. Знаешь, надо просто притвориться перед самой собой. Забудь, что корабль неподвижен. Так лучше. — Голос ее стал тоненьким, испуганным. Она была взрослой женщиной, а умоляла как маленькая девочка, детским голоском. — Не разбивай окна. В окне заключены самые могучие чары. Оно может перенести нас куда угодно… почти. Пожалуйста, пожалуйста, не разбивай его, Шон. Не надо!

Моргана дрожала. Колыхающиеся полосы тканей, которые она носила, вдруг потускнели, стали лохмотьями, кольца не сверкали. Сумасшедшая старуха и больше ничего. Шон опустила тяжелого стеклянного ветроволка.

— Мне нужна моя одежда, и мой меч, и мои лыжи. И еда. Много, много еды. Принеси все это, и, может быть, я не разобью твое окно, лгунья. Ты меня слышишь?

И Моргана, более не полная чар, кивнула и сделала то, что ей было велено. Шон молча следила за ней. Больше они не обменялись ни единым словом.

Шон вернулась в Каринхолл и состарилась.

Ее возвращение всех ошеломило. Она узнала, что отсутствовала стандартный год с лишним, и никто не сомневался, что они с Лейном погибли. Сперва Крег отказался ей поверить, и остальные его поддержали, но Шон предъявила пучок злоцветов, которые выпутала из своих волос. Но даже и тогда Крег отрицал все необычайное, что с ней произошло.

— Иллюзии, — фыркнул он презрительно. — Самообман с начала и до конца. Тесенья говорила правду. Если бы ты вернулась, то не нашла бы своего чародейного корабля и никаких следов тоже. Поверь мне, Шон.

Но Шон всегда казалось, что сам Крег себе не верил. Он отдал строгий приказ, и ни один мужчина, ни одна женщина семьи Карин больше никогда в ту сторону не ходили.

Шон обнаружила, что в Каринхолле многое изменилось. Семья стала меньше. За трапезным столом она недосчиталась Лейн. В отсутствие Шон пища оскудела, и Крег, согласно обычаю, отослал самых слабых и самых бесполезных наружу умирать. Среди исчезнувших был и Йон. Не было и Лейлы, такой молодой и сильной. Еще трех месяцев не прошло, как ее забрал вампир. Но не все было грустным. Глубокозимье подходило к концу. И в более личном плане Шон обнаружила, что ее положение в семье изменилось. Теперь даже Крег обходился с ней с суровым

уважением. Год спустя, когда в свои права вступило таяние, она родила первенца и заняла законное место в советах Каринхолла. Дочку Шон назвала Лейн.

Шон вернулась в жизнь семьи легко и просто. Когда настало ее время выбирать постоянную профессию, она изъявила намерение стать торговцем, и, к ее удивлению, Крег не стал возражать. Риис взял ее ученицей, и через три года она получила первое самостоятельное задание. Теперь она много Времени проводила в пути. Дома же, в Каринхолле, она неожиданно для себя стала любимой повествовательницей. Дети говорили, что ее истории — самые лучшие. Крег, как всегда помышлявший только о пользе, сказал, что ее выдумки подают детям дурной пример и не учат их ничему полезному. Но он был уже очень болен и совсем истощен лихорадкой, и его возражения не имели никакого веса. Вскоре он умер, и Голосом стал Девин, более мягким и умеренным Голосом, чем Крег. Пока он говорил за Каринхолл, семья Карин прожила поколение мира и довольства, и численность ее увеличилась с сорока почти до ста.

Шон часто бывала его возлюбленной. К тому времени она читала уже заметно лучше, и однажды Девин, уступив ее прихоти, показал ей тайную библиотеку Голосов — несчетные столетия каждый Голос вел там книгу записей всех событий времени его служения. Как Шон и подозревала, одна из самых толстых называлась «Книга Бет, Голоса Карина». Она повествовала о временах шестидесятилетней давности.

Лейн была первой из девяти детей, рожденных Шон. Шестеро выжили: двое, зачатые в семье, и четверо, которых она приносила со Сборов. Девин восхвалил ее за то, что одарила Каринхолл таким количеством новой крови, а позднее Голос восхвалил ее за удачливую торговлю. Она много путешествовала, посещала многие семьи, видела водопады и вулканы, а не только горы и моря, обошла половину мира на паруснике. У нее было много возлюбленных, она пользовалась большим почтением. После Девина Голосом стала Дженнис, но ее время было злым и несчастливым, а когда она скончалась, матери и отцы семьи Карин предложили этот пост Шон. Она отказалась. Счастливей это ее не сделало бы. Несмотря на все, чего она достигла, счастливой она никогда не была.

Она помнила слишком много и иногда не могла уснуть всю ночь.

Когда наступило четвертое глубокозимье в ее жизни, семья насчитывала двести тридцать семь членов, и более ста из них составляли дети. Но дичь оскудела еще на третьем году замерзания, и Шон предвидела приближение тяжелого времени

холодов. Голос была доброй женщиной, и ей нелегко давались решения, принять которые требовала необходимость. Но Шон знала, что будет. В Каринхолле она была самой старой за одним исключением. Как-то ночью она украла пищу — запас на две недели пути — и пару лыж, а на заре покинула Карин-холл, избавив Голос от тяжкой обязанности отдать приказ, чтобы она ушла.

Двигалась она уже не так быстро, как в юности, и потратила на дорогу не две, а почти три недели, и совсем исхудала и ослабела, когда вошла в разрушенный город.

Но корабль был точно таким же, каким она его оставила.

Перепады жары и лютых морозов за долгие годы растрескали плиты космодрома, и инопланетные цветы завладели каждой щелочкой. Каменное поле было покрыто ковром злоцветов, а лозы морозоцветов, обвивавшие корабль, были вдвое толще, чем запомнилось Шон. Большие яркие венчики чуть покачивались под ветром.

И больше никакого движения.

Шон трижды обошла корабль, ожидая, что распахнется дверь, ожидая, что кто-то увидит ее и выйдет к ней. Но если металл и заметил ее, то ничем это не показал. На дальней от реки стороне корабля Шон обнаружила нечто, чего прежде не видела, — письмена, поблекшие, но еще удобочитаемые, лишь местами скрытые морозоцветами. Длинным ножом она сколола лед и перерубила лозы, чтобы прочесть надпись. И прочла:

«ФЕЯ МОРГАНА
Порт приписки: Авалон 476 3319»

Шон улыбнулась. Так, значит, и ее имя было ложью! Ну да теперь это не имело значения. Она сложила руки в перчатках трубкой у рта.

— Моргана! — закричала она, — Это Шон, — Ветер рвал и уносил ее слова, — Впусти меня, Моргана. Лги мне, Моргана, полная чар. Прости меня. Лги мне и заставь меня поверить!

Ответа не было. Шон выкопала себе берложку в снегу, забралась в нее и начала ждать. Она устала, ее терзал голод, и близилась ночь. Из-за перьев сумеречных облаков на нее смотрели льдисто-голубые глаза Возницы.

Когда она наконец заснула, ей приснился Авалон.

Путь креста и дракона
© Перевод В. Вебера

— Ересь, — сообщил он мне.

Солоноватая вода в его бассейне мягкой волной ударила о стенку.

— Еще одна? — без особого энтузиазма осведомился я. — В эти дни они плодятся как мухи.

Ответ мой ему не понравился. Он шевельнул грузным телом, и на этот раз вода перехлестнула через край, на кафельный пол приемного покоя. Сапоги мои промокли насквозь. К этому я отнесся философски. Тем более что предусмотрительно надел самую старую пару, понимая, что мокрые ноги — неизбежное следствие визита к Торгатону Найн-Клариис Тун, старейшине народа ка-Тан, архиепископу Весса, наисвятейшему отцу Четырех законов, главному инквизитору ордена воинствующих рыцарей Иисуса Христа и советнику его святейшества Папы Нового Рима Дарина XXI.

— Будь ереси так же многочисленны, как звезды, любая из них не становится менее опасной, святой отец, — отчеканил он. — И мы, рыцари Христа, должны бороться с ними всеми и с каждой в отдельности. Кроме того, эта новая ересь наиболее ужасна.

— Да, мой господин. У меня и в мыслях не было оспаривать ваше мнение. Примите мои извинения. Просто я очень устал, выполняя задание ордена на Финнегане. И рассчитывал испросить у вас краткосрочный отпуск. Мне нужно отдохнуть, восстановить силы.

— Отдохнуть? — Вновь меня окатило водой. Его черные, без зрачков глаза мигнули. — Нет, святой отец, это невозможно. Ваши знания и опыт жизненно важны для дела, которое я намерен поручить вам, — Голос его чуть помягчел. — Я не успел ознакомиться с вашим отчетом по Финнегану. Вам удалось добиться желаемого?

— Пожалуй что нет, хотя я убежден, что мы возьмем верх. Церковь сильна на Финнегане. Когда мои попытки найти путь к согласию закончились безрезультатно, пришлось принимать более действенные меры. Нам удалось закрыть газету еретиков и их радиостанции. Наши друзья уверены, что обращение еретиков в суд ничем им не поможет.

— Так это блестящее достижение! — воскликнул архиепископ. — Вы одержали победу во славу нашего Господина и церкви.

— Не обошлось без мятежей, — добавил я. — Погибло не меньше сотни еретиков и дюжина наших людей. И я опасаюсь эскалации насилия. Наши священники подвергаются нападению,

едва входят в город, где пустила корни ересь. Их лидеры рискуют жизнью, выходя за черту города. Я надеялся избежать ненависти и кровопролития.

— Достойно одобрения, но нереалистично, — Архиепископ Торгатон вновь мигнул, и я вспомнил, что у народа ка-Тан это движение век свидетельствовало о раздражении. — Иной раз не обойтись без крови мучеников, впрочем, и еретиков тоже. Ради спасения души можно отдать и жизнь.

— Несомненно, — торопливо согласился я. Торгатон славился своими пространными лекциями, и перспектива выслушивать его битый час меня не привлекала. В приемном покое человек попадал в экстремальные для себя условия, и мне не хотелось находиться в нем дольше, чем требовалось. Сочащиеся водой стены, влажный горячий воздух да еще запах прогорклого масла, свойственный ка-танцам. Жесткий воротник натирал шею. Под сутаной я весь вспотел, ноги совсем промокли, начал ныть желудок.

И я поспешил перевести разговор в деловое русло.

— Вы сказали, что эта новая ересь куда опаснее остальных, мой господин?

— Да.

— Где она зародилась?

— На Арионе, планете в трех неделях пути от Весса. Живут там только люди. Никак не могу понять, почему вас так легко совратить: Ка-танец, обретя веру, практически никогда не изменяет ей.

— Это известно каждому, — вежливо подтвердил я. Не став, правда, добавлять, сколь ничтожно число ка-танцев, почитавших Иисуса Христа. Народ этот мало интересовался другими цивилизациями и путями их развития, и подавляющее большинство ка-танцев следовали своей древней религии. Торгатон Найн-Клариис Тун являл собой исключение из правила. Он был в числе первых новообращенных, когда два столетия назад Папа Видас Пятидесятый постановил, что священниками могут быть и негуманодды. Жили ка-танцы долго, так что не приходилось удивляться, что за двести лет благодаря своей несгибаемой вере Торгатон поднялся столь высоко в церковной иерархии, хотя общее число крещеных ка-танцев не доходило до тысячи. Каждая новая раздавленная ересь приближала Торгатона к красной шляпе кардинала. И, судя по всему, ждать оставалось два-три десятилетия.

— Наше влияние на Арионе невелико, — продолжал архиепископ. Руки его, четыре толстые култышки зелено-серого дата, двигались в такт словам, рассекая воду, грязно-белые

жгутики у дыхательного отверстия постоянно подрагивали. — Несколько священников, несколько церквей, немногочисленная паства. Еретики числом превосходят нас на этой планете. Я надеюсь на ваш тонкий ум, вашу проницательность. Обратите этот недостаток в нашу пользу. Ересь лежит там прямо на поверхности, и, полагаю, вы сразу найдете ее слабые места. Поможете заблудшим душам вернуться на путь истинный.

— Разумеется, помогу. А в чем суть этой ереси? Что я должен разоблачать?

Мой последний вопрос указывал, сколь некрепка моя собственная вера. Причиной тому были те же еретические течения. Их убеждения и догматы крутились в голове и мучили ночными кошмарами. Где уж тут провести четкую границу между своей верой и чужой? Кстати, тот самый эдикт, что позволил Торгатону надеть сутану, привел к тому, что с полдюжины миров вышли из-под крыла Нового Рима. И те, кто последовал по этой тропе, видели проявление самой отвратительной ереси в огромном инопланетянине, совершенно голом, не считая жесткого воротника на шее, плавающем передо мной в бассейне и олицетворяющем власть церкви. По числу верующих среди человечества христианская церковь прочно занимала первую строку. Каждый шестой человек был христианином. Но кроме церкви истинной насчитывалось еще семьсот христианских сект, в том числе почти такие же многочисленные, как Единственно истинная католическая межзвездная церковь Земли и тысячи миров. Даже Дарин XXI, при всем его могуществе, был только одним из семи, носивших титул Папы. Когда-то я не мог пожаловаться на недостаток веры, но слишком долго пришлось мне прожить среди еретиков и неверующих. И теперь даже молитвы не разгоняли мои сомнения. Поэтому я не испытал ужаса, только легкий интерес проснулся во мне, когда архиепископ поведал мне суть ереси Ариона.

— Они сделали святым Иуду Искариота.

Как старший рыцарь-инквизитор, я имел собственный звездолет, который назвал «Истина Христова». До того как попасть ко мне, он носил имя святого Фомы, но я счел это название не соответствующим кораблю, предназначение которого — бороться с ересью. На звездолете я был единственным пассажиром. Управлялся он экипажем из шести братьев и сестер ордена Святого Христофора-путешественника. Капитаном была молодая женщина, которую я переманил с торгового судна.

Поэтому все три недели полета от Весса до Ариона я смог посвятить изучению еретической Библии, экземпляром которой

снабдил меня один из помощников архиепископа — толстым, тяжелым фолиантом в кожаном переплете, с золотым обрезом, с красочными голографическими иллюстрациями. Великолепная работа, выполненная человеком, влюбленным в уже забытое искусство книгопечатания. Репродукции картин — оригиналы, как я понял, украшали стены собора Святого Иуды на Арионе — впечатляли. Мастерством тамошние художники ничуть не уступали таммервенцам и рохоллидейцам, расписавшим собор Святого Иоанна на Новом Риме.

На первой странице имелась сноска, что книга одобрена Лукианом Иудассоном, Первым Учителем ордена Иуды Искариота.

Называлась она «Путь креста и дракона».

«Истина Христова» скользил меж звезд, а я неспешно читал, поначалу делая пометки, чтобы лучше разобраться в сути новой ереси, но постепенно увлекся странной, захватывающей, фантастической историей. Слова дышали страстью, мощью, поэзией. Впервые я столкнулся со святым Иудой Искариотом, личностью сложной, честолюбивой, далеко не ординарной, собравшей в себе все плюсы и минусы человеческого характера.

Сын проститутки, родился он в сказочно древнем городе-государстве Вавилон в тот самый день, когда в Вифлееме на свет Божий появился наш Спаситель. Детство его прошло в канавах и подворотнях. Сначала он продавал себя, потом, став старше, предлагал желавшим утолить свою похоть других. Еще юношей он начал постигать азы черной магии и к двадцати годам овладел ее премудростями, стал колдуном. Только ему удалось подчинить своей воле драконов, самых чудовищных созданий, огромных огнедышащих летающих ящеров Земли. Тогда-то его и прозвали Иуда — Укротитель Драконов. Эпизод этот иллюстрировала великолепная картина. Иуда в темной пещере, с горящими глазами, взмахивает раскаленным добела бичом, не подпуская к себе громадного золотисто-зеленого дракона. Под мышкой у него корзина, крышка чуть сдвинута, из нее торчат головки трех только что вылупившихся из яиц дракончиков. Четвертый дракончик ползет по его рукаву. Этим кончалась первая часть его жизнеописания.

Во второй он стал Иудой-Покорителем, Иудой — Королем Драконов, Иудой из Вавилона. Верхом на самом большом из своих драконов, с железной короной на голове и мечом в руке, он превратил Вавилон в столицу величайшей империи древней Земли, простиравшейся от Испании до Индии. Он правил, сидя на троне-драконе средь висячих садов, построенных по его приказу, и там он судил Иисуса из Назарета, пророка-бунтаря,

приведенного пред его очи избитым и окровавленным. Иуда не отличался терпеливостью, и Христос потерял еще немало крови, прежде чем кончился допрос. А так как Иисус не ответил на его вопросы, Иуда распорядился выбросить лжепророка на улицу, предварительно отрубив ему ноги.

— Целитель, излечи себя, — презрительно бросил он на прощание.

А затем пришло Раскаяние, видение в ночи, и Иуда Искариот отказался от короны, черной магии, богатств, чтобы последовать за человеком, которого искалечил. Презираемый теми, кем он правил, он стал Ногами Господина нашего и год носил Иисуса на спине по дорогам созданной им Империи. А после того как Иисус излечил себя, Иуда шагал рядом с ним, его верный друг и соратник, первый среди двенадцати апостолов. И наконец, Иисус наделил Иуду даром понимать любой язык, вернул и освятил драконов, которых отослал прочь кающийся Иуда, и направил своего ученика в далекое странствие за океан, чтобы «распространить слово Мое там, куда Я не могу прийти».

Но однажды солнце померкло в полдень и задрожала земля. Иуда развернул драконов, и могучие крылья понесли его назад, над бушующим океаном. До города Иерусалима он добрался слишком поздно: Иисус уже умер на кресте.

В тот миг вера его пошатнулась, и три последующих дня Великий Гнев Иуды сотрясал древний мир. Его драконы стерли с лица земли Храм Иерусалимский, выгнали всех людей из города, обрушились на Рим и Вавилон. Сам он нашел одиннадцать апостолов, допросил их и узнал, что один из них, Симон, прозванный Петром, трижды предал Спасителя. Собственными руками он задушил Петра и бросил труп на съедение драконам. А потом послал их зажигать повсюду погребальные костры в память Иисуса из Назарета.

Но Иисус кликнул драконов, и когда те вернулись, все пожары погасли. И из их желудков изверглись части тела Петра, и он ожил. А Иисус назначил его главою Церкви.

А потом драконы умерли — не только прирученные Иудой, но и все остальные, — ибо они являлись живым свидетельством могущества и мудрости Иуды Искариота, великого грешника. И Он лишил Иуду дара понимать все языки и излечивать страждущих и даже зрения, ибо вел тот себя, словно слепец (на одной из картин слепой Иуда плакал над телами мертвых драконов). И Он сказал Иуде, что долгие годы его будут помнить как Предателя, и люди будут проклинать его имя, и все, что он сделал хорошего, будет забыто.

И тогда же, потому что Иуда любил Его всем сердцем,

Христос оказал тому благодеяние, продлив жизнь, чтобы, бродя по свету, Иуда осознал свои грехи и получил прощение, после чего бы и умер.

С этого и начался последний этап жизни Иуды Искариота, но длился он очень и очень долго. Повелитель драконов, друг Христа, превратился в слепого странника, отовсюду изгнанного, лишившегося друзей, бредущего по дорогам Земли в бесконечной своей жизни, находя пустыню там, где когда-то гордо высились крепостные стены цветущих городов. А Петр, первый папа и его вечный враг, распространял повсюду лживую басню о том, как Иуда Искариот продал Христа за тридцать сребреников, так что Иуда не решался даже называть сёбя подлинным именем. Одно время он представлялся тем, кто хотел знать, кто он такой, как Странствующий Джу[13], потом — используя много других имен.

Жил он более тысячи лет и стал проповедником и целителем, любил животных, а церковь, основанная Петром, не переставала преследовать его. И в конце концов обрел он мудрость и успокоение души, и Христос спустился к его смертному одру, и они примирились, и Иуда прослезился. И прежде чем он умер, Христос пообещал ему, что Он позволит некоторым помнить, каким на самом деле был Иуда, и с прошествием веков весть эта будет распространяться все шире, а ложь, выдуманная Петром, забудется.

Такой была жизнь Иуды Искариота, изложенная в книге «Путь креста и дракона». В ней же имелись его проповеди и тексты неканонических книг, приписываемых ему.

Перевернув последнюю страницу, я пошел к Арле-к-Бау, капитану «Истины Христовой». Арла, крупная флегматичная женщина, не испытывала особой тяги к религии, но я ценил ее мнение. Остальные члены экипажа, братья и сестры ордена Святого Христофора, отшатнулись бы в ужасе, увидев, что у меня в руках.

— Интересно, — прокомментировала Арла, возвращая мне фолиант.

Я хохотнул.

— И это все?

Она пожала плечами.

— История занимательная. Читается даже лучше, чем ваша Библия, Дамиэн, и не менее драматичная.

— Согласен, — признал я. — Но это же чистый нонсенс. Смесь доктринерства, мифологии и суеверий. Развлекает, не лишено воображения, захватывает читателя. Но сколь нелепа. Разве можно поверить в драконов? В безногого Христа? А Петр, собранный воедино после того, как его сожрали по частям четыре

дракона?

Арла усмехнулась.

— Во всяком случае, не глупее превращения воды в вино, Христа, идущего по волнам, или человека, живущего в чреве рыбы. — Арла любила подкалывать меня. Капитаном моего звездолета она стала со скандалом, неверующих вообще предпочитали не брать на борт, но дело свое она знала, и мне нравился ее здоровый скептицизм, не дающий засохнуть моим мозгам. Да и ума ей хватало. Последнее я ценил куда больше слепого повиновения.

— Разница есть, — упорствовал я.

— Неужели? — Ее глаза впились в мои. — Ах, Дамиэн, признайтесь, книга вам понравилась.

Я откашлялся.

— Она разбудила мое любопытство. — Арла не ошиблась, чего уж спорить зазря. Но я счел необходимым разъяснить свою позицию. — Вы знаете, с чем мне обычно приходится иметь дело. Незначительные отклонения от догм, ложно истолкованные и действительно путаные абзацы из Библии, откровенные политические интриги, цель которых — провозгласить честолюбивого епископа планетарной системы новым Папой или по меньшей мере добиться каких-то льгот от Нового Рима или Весса. Война бесконечная, а битвы грязные и мерзкие. Они изматывают меня духовно, морально, физически. После каждой я более всего похож на выжатый лимон. — Я постучал пальцем по кожаному переплету. — Тут — иное. Ересь, разумеется, должна быть раздавлена, но я с нетерпением жду встречи с этим Лукианом Иудассоном.

— А какие великолепные иллюстрации, — Арла, пролистывая «Путь креста и дракона», остановила взгляд на одной из них, едва ли самой лучшей: Иуда, плачущий над драконами. Я улыбнулся, видя, что иллюстрация произвела на нее такое же впечатление, что и на меня. А потом нахмурился.

Ибо понял, сколь серьезны трудности, с которыми мне предстояло столкнуться.

Так оно, собственно, и получилось, когда «Истина Христова» прибыл в фарфоровый город Аммадон на планете Арион, где и обосновался орден Святого Иуды Искариота.

Арион, планету земного типа с мягким климатом, колонизировали триста лет назад. Численность населения приближалась к девяти миллионам. В Аммадоне, единственном крупном городе, проживало около двух миллионов. Высокий уровень техники обеспечивался главным образом импортом.

Промышленностью Арион похвастаться не мог. Люди, однако, там жили творческие, но сферой приложения их талантов было искусство, пышно расцветшее на планете. Одним из принципов тамошнего общества являлась свобода религиозных убеждений, но религия не была в почете. Большинство населения предпочитало полагаться на себя, а не на Бога. На Арионе сосуществовали полтора-два десятка различных религий, в том числе и Единственно истинная католическая межзвездная церковь, не так давно располагавшая двенадцатью храмами. Теперь их осталось девять.

Три других перешли под крыло быстро растущего ордена Святого Иуды Искариота, который также построил еще двенадцать новых храмов.

Епископ Ариона, темнокожий сухощавый мужчина с коротко стриженными черными волосами, не обрадовался моему приезду.

— Дамиэн Хар Верис! — изумленно воскликнул он, когда я появился в его резиденции, — Мы, разумеется, слышали о вас, но и представить себе не могли, что удостоимся чести увидеть вас, тем более принимать у себя. Число наше так мало…

— И продолжает уменьшаться, — прервал я его. — Поэтому господин мой, архиепископ Торгатон, и обеспокоился. А вот вы, ваше преосвященство, наоборот, похоже, абсолютно спокойны и даже не сочли нужным сообщить нам об активизации секты почитателей Иуды.

Он было рассердился, но разом смирил гордыню. Рыцарь-инквизитор представлял немалую опасность даже для епископа.

— Мы, разумеется, очень озабочены. И прилагаем все силы, чтобы одержать верх над ересью. Если вы можете помочь нам советом, мы с радостью выслушаем вас.

— Я — инквизитор ордена воинствующих рыцарей Иисуса Христа, — сухо напомнил я ему. — И не раздаю советов, ваше преосвященство. Я действую. С этим меня послали на Арион. А теперь скажите мне, что вы знаете об этой ереси и ее Первом Учителе, Лукиане Иудассоне.

— Разумеется, отец Дамиэн. — И епископ дал знак слуге принести поднос с вином и сыром, а затем начал излагать короткую, но динамичную историю культа Иуды. Я слушал, полируя ногти об алый лацкан пиджака, пока черная краска не засверкала, изредка прерывая рассказчика вопросом. И прежде чем он дошел до половины, я принял решение лично навестить Лукиана. Из всех вариантов возможных действий этот представлялся мне наилучшим.

Да я и сам хотел повидаться с ним.

Внешнему виду на Арионе придавалось немалое значение, поэтому я счел необходимым позаботиться о том, чтобы Лукиан сразу понял, с кем имеет дело. Надел лучшие сапоги, темные, ручной работы, из римской кожи, которые никогда не бывали в приемном покое Торгатона, строгий черный костюм с широкими лацканами и жестким воротником. На шее висел превосходный крест из чистого золота. Воротник скрепляла булавка в форме меча, также из золота, знак рыцаря-инквизитора. Брат Денис тщательно выкрасил мои ногти, они стали черными, как эбонит, затем зачернил веки и ресницы и покрыл лицо тончайшей белоснежной пудрой. Я сам испугался, посмотревшись в зеркало. Столь грозный был у меня вид. Улыбнулся, но лишь на мгновение: улыбка все портила.

К собору Иуды Искариота я отправился пешком. По широким золотистым улицам Аммадона, окаймленным алыми деревьями. Шептуньи, называли их горожане. И действительно, длинные, свисающие с ветвей усики, казалось, что-то нашептывали легкому ветерку. Со мной пошла сестра Юдифь. Низенького росточка, хрупкая даже в комбинезоне с капюшоном, какие носили монахини ордена Святого Христофора. С добрым мягким лицом и чистыми, невинными глазами. Я ей полностью доверял. Она уже убила четверых, пытавшихся напасть на меня.

Собор отстроили недавно. Величественный, полный достоинства, он возвышался среди цветочных клумб и золотистой травы. Сады окружала высокая стена. Снаружи ее украшали фрески. Некоторые из них были оригиналами иллюстраций, которые я видел в книге «Путь креста и дракона», и, прежде чем войти в ворота, я остановился, чтобы еще раз полюбоваться ими. Фрески покрывали и стены собора. Никто не попытался остановить нас в воротах. Мужчины и женщины гуляли средь клумб или сидели на скамьях под серебряницами и шептуньями.

Мы с сестрой Юдифью огляделись, а затем зашагали к собору.

И только начали подниматься по лестнице, как из массивных дверей вышел мужчина. Светловолосый, толстый, с окладистой бородой, в сутане из тонкой материи, ниспадающей на ноги, обутые в сандалии. Нарисованные на сутане драконы несли на себе мужской силуэт с крестом в руке.

Когда я поднялся по лестнице, мужчина поклонился мне в пояс.

— Отец Дамиэн Хар Верис, рыцарь-инквизитор. — Он широко улыбнулся. — Приветствую вас во имя Иисуса и святого Иуды. Я — Лукиан.

Я отметил про себя, что надлежит незамедлительно

выяснить, кто из слуг епископа поставляет информацию культу Иуды, но лицо мое осталось бесстрастным. Все-таки прошел не один год, как я получил сан рыцаря-инквизитора, и подобных сюрпризов выпало на мою долю с лихвой.

— Отец Лукиан Мо, — без улыбки пожал я протянутую руку, — я хотел бы задать вам несколько вопросов.

Он же улыбнулся вновь.

— Конечно, конечно. Я в этом не сомневаюсь.

Мы прошли в просторный, но скромно обставленный кабинет Лукиана. Еретики не признают роскоши, с которой давно сроднились служители церкви. Из излишеств он позволил себе лишь одну картину, на стене за его столом.

Картину, в которую я уже влюбился: слепой Иуда, плачущий над убитыми драконами.

Лукиан тяжело опустился в кресло, указал мне на второе, напротив стола. Сестру Юдифь мы оставили за дверями кабинета.

— Я лучше постою, отец Лукиан, — ответил я, зная, что это дает мне определенные преимущества.

— Просто Лукиан, — поправил он меня. — Или Лука, если предпочитаете. Мы не приемлем титулов.

— Вы — отец Лукиан Мо, родившийся на Арионе, окончивший семинарию на Кзтадее, бывший священник Единственно истинной межзвездной католической церкви Земли и тысячи миров, — возразил я. — И обращаться к вам я буду, как требует того ваш статус, святой отец. И от вас жду того же. Это понятно?

— Да, конечно, — дружелюбно ответил он.

— В моей власти лишить вас права приобщать святых тайн и отлучить от церкви за распространяемую вами ересь. На некоторых планетах я даже мог приговорить бы вас к смерти.

— Но не на Арионе, — вставил Лукиан. — Нам свойственна веротерпимость. Кроме того, числом нас поболее. — Улыбка снова заиграла на его губах. — Что же касается остального, нет возражений. Я уже давно никого ни к чему не приобщаю. Теперь я Первый Учитель. Долг мой — мыслить, указывать путь, помогать остальным обрести веру. Отлучите меня от вашей церкви, если это доставит вам удовольствие, отец Дамиэн. Ведь наша цель — осчастливить всех.

— Вы изменили истинной вере, отец Лукиан, — я положил на его стол «Путь креста и Дракона», — но, как я вижу, нашли другую. — Тут я позволил себе улыбнуться ледяной, внушающей ужас улыбкой. — С более нелепой выдумкой мне еще встречаться не доводилось. Но вы, наверное, скажете мне, что говорили с Богом, что он поведал вам это новое откровение, чтобы вы могли

очистить честное имя святого Иуды, не так ли?

Теперь уже Лукиан улыбался во весь рот. С сияющими глазами он поднял книгу со стола.

— О нет. Я все выдумал сам.

— Что? — Я не мог поверить своим ушам.

— Да, да, все выдумал. Разумеется, я пользовался многими источниками, в основном Библией, но, полагаю, большая часть «Креста и дракона» — мое творение. И вы должны согласиться, получилось неплохо. Естественно, при всей моей гордыне я не мог поставить на титуле свое имя. Но отметил, что она одобрена мною. Вы, наверное, заметили? На большее я не решился.

На мгновение я лишился дара речи, но достаточно быстро пришел в себя.

— Вы меня удивили. — Не оставалось ничего другого, как признаться в этом. — Я-то ожидал встретить безумца с больным воображением, убежденного в том, что он говорил с Богом. Мне уже приходилось иметь дело с такими фанатиками. Но я вижу перед собой улыбающегося циника, высосавшего из пальца целую религию ради собственной выгоды. Знаете, фанатики и то лучше вас. Вы же недостойны даже презрения, отец Лукиан. И гореть вам в аду целую вечность.

— Я в этом сомневаюсь, — Лукиан по-прежнему улыбался, — да и ваша оценка неверна. Во-первых, я не циник, во-вторых, не имею никакой выгоды от моего дорогого святого Иуды. Честное слово. Будучи священником вашей церкви, я жил в куда большем комфорте. Я сделал все это, потому что таково мое призвание.

Я сел.

— Вы меня совершенно запутали. Объяснитесь.

— А вот теперь я собираюсь сказать вам правду. — Тон его показался мне странным. Он словно произносил заклинание. — Я — Лжец.

— Вы хотите запутать меня детскими парадоксами, — насупился я.

— Отнюдь. — Опять улыбка. — Лжец. С большой буквы. Это организация, отец Дамиэн. Религия, если хотите. Великая и могучая вера. И я — мельчайшая ее часть.

— Такая церковь мне незнакома.

— Естественно. Это тайная организация. Другого и быть не может. Вы понимаете? Люди же не любят, когда им лгут.

— Я — тоже, — выдавил из себя я.

На лице Лукиана отразилась обида.

— Я же сказал, что это правда. Когда такое говорит Лжец, вы можете ему поверить. Как еще мы можем доверять друг другу?

— И вас много? — Я уже начал догадываться, что Лукиан

такой же безумец, как и любой еретик, и столь же фанатичен в своих убеждениях. Но у него был более сложный случай. Ересь внутри ереси. А долг инквизитора требовал докопаться до самой сути.

— Много, — кивнул Лукиан. — Столь много, что вы бы удивились, отец Дамиэн, узнав точное число. Но кое о чем я не решаюсь сказать вам.

— Так скажите то, на что решаетесь, — бросил я.

— С радостью, — воскликнул Лукиан Иудассон. — Мы, Лжецы, как и любая религия, принимаем несколько постулатов на веру. Вера, как вы понимаете, необходима. Есть положения, которые невозможно доказать. Мы верим, что жизнь стоит того, чтобы ее прожить. Это один из наших догматов. Цель жизни — жить, сопротивляться смерти, возможно, даже бросить вызов энтропии.

— Продолжайте. — Слова Лукиана, против воли, разожгли мой интерес.

— Мы также верим, что счастье есть благо, поискам которого надобно посвятить себя.

— Церковь не противится счастью, — заметил я.

— Неужели? — удивился Лукиан. — Ну да не будем спорить. Какую бы позицию ни занимала церковь в вопросе о счастье, она проповедует веру в загробную жизнь, в высшее существо и требует выполнения жестких моральных норм.

— Истинно так.

— Лжецы не верят ни в жизнь после жизни, ни в Бога. Мы принимаем Вселенную как она есть, отец Дамиэн, со всеми ее жестокими истинами. Мы, кто верит в жизнь и ценит ее более всего на свете, должны умереть. А потом не будет ничего, кроме пустоты. В жизни нашей нет цели, поэтики, смысла. Не найдем мы этого и в нашей смерти. Когда мы уйдем, нас будут вспоминать лишь непродолжительное время, а потом забудут, словно мы и не жили. Наши планеты и наша Вселенная лишь ненадолго переживут нас. Все поглотит ненасытная энтропия, и наши жалкие усилия не уберегут нас от такого конца. Вселенная исчезнет, как будто ее и не было. Она обречена, преходяща, вечность — понятие недостижимое.

Я сидел в кресле, а от слов Лукиана по телу моему пробегала дрожь. Рука моя гладила крест.

— Мрачная философия и насквозь фальшивая, — прокомментировал я его монолог. — Такие мысли посещали и меня. Наверное, все мы должны пройти через это. Но на самом деле все не так. И моя вера защитила меня от подобного нигилизма. Вера — надежный щит против отчаяния.

— О, я это знаю, мой друг, мой рыцарь-инквизитор, — покивал Лукиан. — Рад видеть, что вы меня поняли. Вы почти стали одним из нас.

Я нахмурился.

— Вы ухватили самую суть, — продолжал Лукиан. — Истины, великие истины, да и множество тех, что поменьше, непереносимы для большинства людей. Мы находим защиту от них в вере. Моей вере, вашей, любой другой. И все трын-трава, пока мы верим, искренне и непоколебимо, в выбранную нами ложь. — Он прошелся пальцами по окладистой белокурой бороде. — Наши психологи подсказали нам, что счастливыми ощущают себя лишь те, кто верит. В Иисуса Христа или Будду, переселение душ или бессмертие, в силу любви или платформу политической партии. Все едино. Они верят. И счастливы. Отчаиваются, даже кончают с собой другие, которые ищут истину. Истин много, а вот вероучений недостает, слеплены они плохо, на скорую руку, полны ошибок и противоречий. Ошибки эти порождают в нас сомнения, вера наша теряет опору, а вместе с ней от нас уходит и счастье.

Соображал я быстро и сразу понял, к чему клонит Лукиан Иудассон.

— Ваши Лжецы выдумывают вероучения.

Лукиан улыбнулся.

— И самые разные. Не только религиозные. Подумайте об этом. Мы знаем, сколь сурова правда. Прекрасное куда более предпочтительно. Мы изобретаем прекрасное. Вероисповедание, политические движения, высокие идеалы, любовь и дружбу. Все это ложь, обман. Мы придумывали их и многое, многое другое. Мы совершенствуем историю, мифы, религию, делаем их более прекрасными, более ясными для восприятия. Разумеется, и ложь наша зачастую несовершенна. Слишком могучи истины. Но, возможно, придет день, когда мы предложим столь великую ложь, что в нее поверит все человечество. А пока приходится обходиться тысячами маленьких обманов.

— Полагаю, до вас, Лжецов, мне нет никакого дела, — ледяным голосом ответствовал я. — Вся моя жизнь посвящена одному — поиску истины.

Лукиан снисходительно усмехнулся:

— Святой отец Дамиэн Хар Верис, рыцарь-инквизитор, уж я-то вас знаю. Вы сами Лжец. Вы усердно трудитесь. Ваш звездолет в постоянном движении, вы посещаете планету за планетой и на каждой уничтожаете дураков, мятежников и всех тех, кто смеет сомневаться во лжи, которой вы служите.

— Если моя ложь хороша, зачем же вы покинули ее?

— Религия должна соответствовать культуре и обществу, идти с ними рука об руку, а не противостоять им. Если возникает конфликт, противодействие, ложь рушится, а с ней исчезает и вера. Ваша церковь годится для многих миров, святой отец, но не для Ариона. Жизнь тут легка, ваша же вера сурова. Здесь любят и ценят красоту, предложить которую вы не можете. Поэтому мы улучшили вашу идею. Долгое время мы изучали эту планету. Составили ее психологический профиль. Святой Иуда будет процветать на Арионе. Его судьба — многоликая драма, красивая, запоминающаяся, эстетам она придется по душе. Жизнь его — трагедия со счастливым концом. На Арионе обожают такие истории. А драконы! Какой изящный штрих. Мне представляется, ваша церковь напрасно их не использовала. Удивительные, очаровательные создания.

— Существовавшие лишь в мифах, — напомнил ему я.

— Едва ли. — Он покачал головой. — Смотрите сами, — губы его разошлись в улыбке, — все возвращается к вере. Можете ли вы знать, что в действительности произошло три тысячи лет назад? У вас один Иуда. У меня — другой. Мы оба опираемся на книги. Ваша правдивее? Вы и впрямь в это верите? Я допущен лишь в первый круг ордена Лжецов. И не знаю всех наших секретов, но мне известно, что орден наш очень древний. И я не удивлюсь, если окажется, что Евангелие написано такими же людьми, как и я. Возможно, Иисуса никогда и не было. Как и Иуды.

— Я убежден, что вы ошибаетесь, — возразил я.

— А добрая сотня людей в этом здании искренне убеждены, что святой Иуда был таким и только таким, как написано в «Пути креста и дракона». Вера — это благо. Вы, наверное, не знаете, что с появлением на Арионе ордена Святого Иуды число самоубийц сократилось на треть.

Медленно я поднялся.

— Вы такой же фанатик, как и любой еретик, когда-либо встречавшийся мне, Лукиан Иудассон. И я жалею вас, потерявшего веру.

Встал и Лукиан.

— Пожалейте себя, Дамиэн Хар Верис. Я обрел новую веру и счастлив. Вас же, дорогой друг, мучают сомнения, и душа ваша мечется, не находя покоя.

— Это ложь! — Кажется, я сорвался на крик.

— Пойдемте со мной, — Лукиан коснулся маленькой пластины на стене, и картина, изображающая Иуду, плачущего над драконами, исчезла, открыв уходящие вниз ступени.

В подвале высился большой стеклянный аквариум,

заполненный зеленой жидкостью. В ней плавало нечто похожее на человеческий эмбрион, состарившееся и инфантильное одновременно, с огромной головой и крохотным тельцем. От рук, ног, половых органов к стенам аквариума бежали трубки, исчезающие в каких-то машинах. Они-то и поддерживали жизнь этого уродца.

Когда Лукиан включил свет, уродец раскрыл глаза. Большие, черные, они, казалось, заглядывали мне в душу.

— Это мой коллега. — Лукиан похлопал по стенке аквариума. — Джон Азур Крест, Лжец четвертого круга.

— И телепат, — добавил я.

На других мирах я сам организовывал погромы телепатов, в основном детей. Церковь учит, что сверхъестественные способности — происки дьявола. О них не упомянуто в Библии. Но я всегда сожалел об убиенных.

— Джон узнал о вашем приходе, едва вы вошли в ворота, и сообщил мне. Лишь несколько человек знают о его присутствии в соборе. Помощь его для нас бесценна. Он распознает веру истинную и мнимую. В мой череп вживлен датчик. Джон может постоянно общаться со мной. Именно он вовлек меня в орден Лжецов. Понял, что вера моя иссякает. Почувствовал глубину моего отчаяния.

Уродец в аквариуме заговорил, его металлический голос раздался из забранного решеткой динамика.

— И я чувствую твое отчаяние, Дамиэн Хар Верис, опустошенный священник, инквизитор, задававший слишком много вопросов. Ты болен душой, устал, и ты не веришь. Присоединяйся к нам, Дамиэн. Ты долго, очень долго был Лжецом!

На мгновение я заколебался, задумавшись, а во что я действительно верю, начал копаться в душе в поисках моей веры, того огня, что когда-то поддержал меня. Где она, непреложность учения Церкви, где живший во мне Христос? Ничего, ничего-то я не нашел. Я был пуст, выжжен изнутри бесконечными вопросами и болью. Но когда я уже открыл рот, чтобы ответить Джону Азуру Кресту и улыбающемуся Лукиану Иудассону, я нашел то, во что верил, и верил всегда.

ИСТИНА.

Я верил в истину, даже если вера эта причиняла боль.

— Он потерян для нас, — изрек телепат, носивший, словно в насмешку, имя Крест.

Улыбка Лукиана потухла.

— Неужели? А я так надеялся, что вы станете одним из нас, Дамиэн. Ведь оставался один шаг.

Внезапно меня охватил страх, и я чуть не кинулся вверх по ступеням, к сестре Юдифи. Лукиан рассказал мне слишком много, а я отверг его предложение.

Телепат почувствовал и мой страх.

— Ты не сможешь причинить нам вреда, Дамиэн. Иди с миром. Лукиан не сказал тебе ничего особенного.

Лукиан хмурился.

— Я рассказал ему немало, Джон.

— Да, но может ли он доверять словам такого лжеца, как ты? — Маленький бесформенный ротик уродца изогнулся в улыбке, большие глаза закрылись.

Лукиан вздохнул и повел меня к лестнице.

Лишь через несколько лет я понял, что лгал именно Джон Азур Крест, а жертвой его лжи стал Лукиан. Я мог причинить им вред. Что, собственно, и сделал.

Причем мне не пришлось прибегать к особым хитростям. У епископа нашлись друзья и в правительстве, и в средствах массовой информации. Деньги помогли мне самому свести знакомство с нужными людьми. Прежде всего я выдал местонахождение Креста, обвинив его в том, что он использует свои сверхъестественные способности для воздействия на сознание последователей Лукиана. Мои друзья отнеслись к этим обвинениям вполне серьезно. Посланный к собору ударный отряд взял телепата под охрану. После чего его отдали под суд.

Разумеется, он без труда доказал свою невиновность. Люди-телепаты могут читать чужие мысли лишь вблизи, а на большее, за редким исключением, просто не способны. Но встречаются они редко, их боятся, а Крест еще обладал и устрашающей внешностью. Короче, его оправдали по всем пунктам обвинения, но предложили незамедлительно покинуть Аммадон. И он отбыл в неизвестном мне направлении, вполне возможно, что и на другую планету.

У меня и не было желания отправить его за решетку. Суда над ним вполне хватило, чтобы в стене лжи, столь любовно сложенной Лукианом и Крестом, возникли трещины. Путь к вере тернист, но потерять ее можно очень легко, ибо малейшее сомнение начинает подтачивать, казалось бы, незыблемое основание.

Мы с епископом трудились не покладая рук, сея новые сомнения. Надо отметить, Лжецы поработали на славу. Амма-дон, как и многие культурные центры, имел компьютерную систему, связывающую школы, университеты, библиотеки, и любой желающий мог зачерпнуть из кладезя мудрости, накопленной

цивилизацией за многие тысячелетия.

И при проверке обнаружилось, что истории Рима и Вавилона чуть подправлены. Трижды я нашел ссылки на Иуду Искариота, в одной он упоминался как предатель, в другой — как святой, в третьей — как покоритель Вавилона. Указывалось также, что именно он построил висячие сады, и приводился так называемый кодекс Иуды.

А согласно сведениям, хранящимся в библиотеке Аммадона, драконы исчезли на Земле во времена Христа.

Мы вычистили всю эту ложь, выбросили из памяти компьютеров, хотя для этого нам пришлось заручиться поддержкой полудюжины нехристианских миров. Только получив от них официальное уведомление, библиотекари и академики Аммадона признали, что дело не в простом споре двух религий.

К тому времени орден Святого Иуды, выставленный напоказ во всей своей неприглядности, таял на глазах. Лукиан Иудассон уже перестал улыбаться и в основном сердито хмурился. По меньшей мере половина его церквей закрылась, лишившись прихожан.

Разумеется, ересь никогда не умирает полностью и окончательно. Потому что есть те, кто продолжает верить, несмотря ни на что. И по сей день «Путь креста и дракона» наверняка читают на Арионе, в фарфоровом городе Аммадоне, под сенью шептуний.

Арла-к-Бау и «Истина Христова» доставили меня на Весс через год после моего отъезда. Архиепископ Торгатон дал согласие на отпуск, о котором я просил его ранее. Я одержал еще одну победу, жизнь Церкви текла, как и прежде, а орден святого Иуды Искариота получил смертельный удар, оправиться от которого уже не мог. Прибыв на Весс, я полагал, что телепат, Джон Азур Крест, ошибся, недооценив силу рыцаря-инквизитора.

Потом, однако, мне вспомнились его слова: «Ты не сможешь причинить нам вреда, Дамиэн».

Нам?

Ордену Святого Иуды? Или Лжецам?

Он лгал, думаю, сознательно, зная, что я пойду до конца, но сокрушу «Путь креста и дракона». Но не было для него тайной и другое: я ничем не задену Лжецов, даже не решусь упомянуть о них. Как я мог? Кто бы мне поверил? Величайший заговор, древний, как сама история? Попахивало паранойей, тем более что доказательств-то не было.

Телепат лгал Первому Учителю, чтобы тот отпустил меня живым, теперь я в этом не сомневаюсь. Отдавая меня Лукиану, Крест подставил бы под удар и себя, и Лжецов. Пойти на такой

риск он не мог. И пожертвовал Лукианом Иудассоном и его вымышленной религией, пешками в большой игре.

С тем я и покинул Весс, зная, что нет во мне другой веры, кроме как слепая вера в истину, которую я уже не мог найти в Единственно истинной католической межзвездной церкви Земли и тысячи миров.

Еще более я укрепился в этом за год отпуска, который провел в библиотеках Весса, Кэтадея и Селии. Наконец я возвратился в приемный покой архиепископа.

— Мой господин, — я стоял перед Торгатоном Найн-Клариис Туном в самой худшей паре обуви, — я не могу больше выполнять ваши поручения. Прошу разрешить мне удалиться от дел.

— Какова причина? — Легкая волна перехлестнула через бортик.

— Я потерял веру.

Он долго смотрел на меня, мигая и мигая.

— Ваша вера касается лишь вас и вашего духовника. Моя же забота — результаты. Вы — блестящий специалист, Дамиэн, и мы не можем отпустить вас.

Истина делает нас свободными.

Но свобода зачастую холодна, пуста и пугающа, в то время как ложь несет и тепло, и красоту.

В прошлом году Церковь даровала мне новый звездолет. Я назвал его «Дракон».

Часть четвертая
Наследники Черепашьего замка

Наследники Черепашьего замка
© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

Я и фэнтези знакомы давно.

Давайте вернемся к самому началу, поскольку у многих наверняка имеются неверные представления по данному поводу. С одной стороны, у меня есть читатели, которые никогда обо мне не слышали, пока им в руки не попалась «Игра престолов», и они убеждены, что я не писал ничего, кроме эпической фэнтези. С другой стороны, существуют люди, прочитавшие все, что мне довелось написать раньше, однако пребывающие в заблуждении, что я сочинял исключительно научную фантастику и лишь недавно по каким-то непонятным причинам «переметнулся в стан фэнтези».

На самом деле я читал и писал фэнтези (как и романы ужасов, кстати сказать) с самого детства. Да, первым мне удалось продать фантастический рассказ, но второй была история о привидениях, какие бы флайеры на воздушных подушках ни проносились мимо.

«Дорога в Сан-Брета» отнюдь не первый мой фэнтезийный рассказ. Еще до Джарна с Марса и его банды космических пиратов я с удовольствием сочинял истории о великолепных замках, храбрых рыцарях и королях, которые там жили. Вот только все они были черепахами.

В нашем микрорайоне запрещалось иметь собак или кошек, однако относительно других домашних животных ограничений не было. У меня были гуппи, длиннохвостые попугаи и черепахи. Очень много черепах, каких покупают детям пяти — десяти лет: в небольших пластиковых контейнерах, разделенных на две части: с одной стороны — вода, с другой — камушки. Ну а посреди искусственная пальма из пластика.

Я также являлся счастливым владельцем игрушечного замка с рыцарями (жестяная модель, сейчас я уже не помню, какая именно). Он стоял на моем столе, и во дворе замка оставалось достаточно места для двух контейнеров с черепахами. Там мои черепахи и жили… а поскольку их дом находился внутри замка, они стали королями, рыцарями и принцессами. (Еще у меня был форт Апачи, но черепахи-ковбои меня как-то не вдохновляли.)

Первым черепашьим королем стал Большой Парень; вероятно, он принадлежал к другому виду, поскольку был коричневым, а не зеленым, и к тому же в два раза больше остальных красноглазых черепашек. Однажды я обнаружил, что

Большой Парень умер — тут определенно не обошлось без коварного заговора рогатых жаб и хамелеонов, проживавших в соседних королевствах. Титул унаследовала добрая, но несчастная черепашка, которая также вскоре умерла. Положение стало ужасным, и тогда Живчик и Резвун поклялись в вечной дружбе и основали черепаший Круглый стол. Резвун I стал величайшим черепашьим королем.

«Черепаший замок» не имел ни начала, ни конца, но середина была огромной. Мне удалось записать лишь часть, и лучшие сюжетные линии так и остались в моей голове: поединки на мечах, сражения и предательства, У меня сменилась по меньшей мере дюжина черепашьих королей, так как они имели приводившую меня в замешательство привычку сбегать из замка, а потом я находил их мертвыми под холодильником — черепашьим Мордором.

Таким образом, я всегда писал фэнтези.

Не стану, однако, утверждать, что я всегда читал фэнтези, по той простой причине, что в пятидесятые и шестидесятые годы подобной литературы было совсем немного. Мое детство прошло под знаком научной фантастики, детективов, вестернов, готики и исторических романов. Я стал членом книжного клуба научной фантастики (три книги в твердой обложке за дайм[14], никому не побить такой результат), теперь его нет, а фэнтези в таком клубе не нуждается.

Лишь через пять лет после того, как у меня появился «Имею скафандр — готов путешествовать», я наткнулся на книгу, которая привила мне вкус к фэнтези: тоненький выпуск «Пирамиды», антология, озаглавленная «Мечи и волшебство», под редакцией Л. Спрэга де Кампа, опубликованная в декабре 1963 года. Я нашел там Пола Андерсона, Генри Каттнера, Кларка Эштона Смита, Лорда Дансейни и Г. Ф. Лавкрафта. А еще «Джаред из Джойри» К. Л. Мур и историю о Фафхрде и Сером Мышелове Фрица Лейбера… и рассказ Говарда. Вот как он начинался:

«Знаете, о принц, что между теми годами, когда океаны поглотили Атлантиду и сияющие города, годами, когда воскресли сыны Ариаса, был удивительный век, и блистающие города покрывали земли, словно голубая мантия под звездами, — Немедия, Офир, Бритуния, Гиперборея, Замора с темноволосыми женщинами и башнями, где обитали пауки и тайны, Зингара с ее благородством, Кот, граничащий с тихими землями Шема, Стигия, гробница, которую охраняли тени, Гиркания, чьи всадники носили сталь, шелк и золото. Но самым гордым королевством мира была Аквилония, правившая таинственными

землями запада. Именно туда пришел Конан, киммериец, черноволосый, с печальными глазами, мечом в руке, вор, грабитель, убийца, то невероятно меланхоличный, то полный безудержного веселья; пришел, чтобы попрать троны Земли своими обутыми в сандалии ногами».

Говард пленил меня в Заморе. «Башни, где обитали пауки и тайны» сделали бы свое дело и сами по себе, а «темноволосые женщины» только все усугубили. Пятнадцать лет — прекрасный возраст для знакомства с Конаном из Киммерии. И если «Мечи и волшебство» не заставили меня начать покупать героическую фэнтези в больших количествах, как это произошло с научной фантастикой после «Имею скафандр — готов путешествовать», то только по той простой причине, что ее просто не было, причем никакой.

В шестидесятые и семидесятые фэнтези и научная фантастика часто объединялись под названием «фантастика». И ни у кого не вызывало удивления, когда писатели работали в обоих жанрах. Роберт Э. Хайнлайн, Андрэ Нортон и Эрик Фрэнк Рассел, три самых любимых писателя моего детства, были прочно связаны с научной фантастикой, но также отдавали дань и фэнтези. Пол Андерсон написал «Сломанный меч» и «Три сердца и три льва» между рассказами о Николасе ван Рийне и Доминике Фландри. Джек Вэнс создал «Большую планету» и «Умирающую Землю». «Пауки и змеи» Фрица Лейбера вели Войну времени, когда Фафхрд и Серый Мышелов сражались с лордами Квармалла.

Итак, все лучшие авторы писали фэнтези, но делали это не слишком часто, поскольку им приходилось платить за жилье и покупать хлеб, мясо, молоко и прочую еду. Научная фантастика была более популярной и приносила доходы. Научно-фантастические журналы не хотели брать даже превосходно написанную фэнтези. Время от времени появлялись журналы, публиковавшие исключительно фэнтези, но лишь немногие жили долго. «Эстаундинг» просуществовал несколько десятилетий, пока не превратился в «Аналог», но «Анноун» не пережил нехватки бумаги во время Второй мировой войны. Издатели «Гэлэкси» и «Иф» попытались начать выпускать «Миры фэнтези», но протянули совсем недолго. «Фэнтэстик» просуществовал десятилетия, но «Эмейзинг» оставался лучшим скакуном конюшни. И когда Бушар и Маккомас выпустили «Журнал фэнтези», то уже второй номер вышел под названием «Журнал фэнтези и научной фантастики».

Однако спустя некоторое время начался новый цикл, вызвавший колоссальные перемены. В 1965 году «Эйс букс»

воспользовалась лазейкой в законе об авторском праве и выпустила переиздание «Властелина колец» Дж. Р. Р. Толкина в мягкой обложке. Они успеют продать сотни тысяч экземпляров, прежде чем Толкин и «Бэллантайн букс» сумеют ответить законным изданием книги. В 1965 году издательство «Лансер букс», возможно вдохновленное успехом «Эйс» и «Бэллантайн» с Толкином, начало переиздавать всего Конана в серии в мягких обложках с иллюстрациями Фрэнка Фразетты. А когда наступил 1969 год, Лин Картер (ужасный писатель, но превосходный редактор) выпустил серию «Бэллантайн эдалт фэнтези», в которой вышли дюжины классических романов фэнтези. Однако в 1963 году — тогда я закончил читать «Мечи и волшебство» де Кампа — до всего этого было еще далеко.

Тем не менее мне удалось найти фэнтези в самом неожиданном месте, а именно — в выпусках комиксов.

Поклонники комиксов вырастали, и их интересы становились шире, молодые люди уже относились с безразличием к суперменам — героям комиксов. Музыка, машины, девушки… и книги без картинок. Естественно, выбор журналов, которые они читали, изменился. И тогда вновь было изобретено колесо: появились специализированные фэнзины, посвященные уже не суперменам, а секретным агентам, частным детективам, а также циклу о Барсуме Эдгара Райса Берроуза… и героической фэнтези.

«Коргана» — так называли новый фэнзин, посвященный мечу и магии. Он должен был выходить раз в три месяца (ха-ха!) под редакцией Клинта Бигглстоуна, который впоследствии стал одним из основателей Общества творческого анахронизма, появившегося в 1964 году в Сан-Франциско. «Кор-тана» печатался на обычной розовой бумаге, но читать его было очень интересно, в нем было полно статей и сообщений о Конане и его соперниках, а также появлялись героические рассказы лучших авторов, работавших в комиксах в шестидесятые годы: это Пол Мосландер и Виктор Барон (на самом деле один и тот же человек), мой друг по переписке Говард Уолдроп, Стив Перрин и сам Бигтлстоун. Главным героем Уолдропа был путешественник по имени Скиталец, его приключения описаны в «Гимнах Чимвэзла». Говард также оформлял обложки «Кортаны» и делал иллюстрации к рассказам.

В «Стар-стаддел комикс» и в большинстве других фэнзинов проза играла роль скромной сестрички (куда ей было до рисунков), но только не в «Коргане»! Я сразу же написал длинное хвалебное письмо, мне также хотелось играть значительную роль в этом новом замечательном издании. Поэтому я отложил Манту Рэя и Доктора Рока в сторону и написал свою первую фэнтези со

времен Черепашьего замка.

Я назвал свой рассказ «Темные боги Кор-Йубана». Да, не стану спорить, моя версия Мордора была похожа на марку кофе. Герои — обычные, не подходящие друг другу искатели приключений, меланхоличный изгнанник, принц Р'хлор из Раугга и его громогласный спутник Аргилик Кичливый. «Темные боги Кор-Йубана» оказались самым длинным рассказом, когда-либо написанным мной (около пяти тысяч слов), и у него был трагический конец — Аргилика сожрали темные боги, те самые из названия рассказа. Во время обучения в Маристе я читал Шекспира и знал, что такое трагедия, поэтому и привел к гибели надменного Аргилика. Р'хлор уцелел, чтобы рассказать историю смерти друга… и когда-нибудь, я надеялся, вновь сразиться со злом. Когда рассказ был закончен, я отправил его в Сан-Франциско, где Клинт Биггльстоун тут же принял его для публикации в «Коргане».

Вот только фэнзин больше ни разу не вышел.

Начиная с выпускного класса средней школы, я уже умел пользоваться копиркой, честное слово. Но мне было лень с ней возиться. «Темные боги Кор-Йубана» стали еще одной из моих потерь — и, слава богу, последней, потом я всегда сохранял копии всех написанных мной рассказов. Но прежде чем окончательно свернуть свою деятельность, «Кортана» оказала мне еще одну услугу. В третьем выпуске Биггльстоун напечатал статью, названную «Только не делайте из этого хоббита», из которой я узнал о существовании Дж. Р. Р. Толкина и его фэнтезийной трилогии «Властелин колец». Статья меня заинтриговала, поэтому я не колебался, когда несколько месяцев спустя наткнулся на книжном прилавке на пиратское «эйсовское» издание «Братства кольца».

Я сел в автобус и погрузился в чтение толстого красного тома. И меня тут же посетили сомнения: уж не ошибся ли я? «Братство» совсем не походило на героическую фэнтези. Какое отношение имеет к этому трубочный табак? Рассказы Говарда обычно стартовали с появления гигантского змея или с топора, который раскраивал чью-то голову на две половинки. Толкин же начал свою книгу с описания дня рождения. А хоббиты с волосатыми ногами и любовью покушать, казалось, сбежали из книжек о кролике Питере. «Конан прорубил бы кровавую дорогу сквозь Шир от начала и до конца, — вот что я тогда думал. — И куда подевались вечная меланхолия и титаническое веселье?»

Однако я продолжал читать и уже хотел отложить роман в сторону, когда добрался до Тома Бомбадила. Впрочем, дальше пошло интереснее, и в конце концов Толкин меня поймал.

«Гил-Галад был эльфийским королем, — рассказывал Сэм Гэмджи, — о нем слагали печальные баллады менестрели».

И меня охватила дрожь — ни Конан, ни Кулл никогда не вызывали у меня подобных чувств.

Почти сорок лет спустя я оказался в процессе работы над собственной высокой фэнтези, «Песнью льда и огня». Книги получались огромными и очень сложными, на их написание уходили годы. И всякий раз, стоило выйти очередному тому, я начинал получать письма по электронной почте, в которых спрашивали, когда будет следующая книга.

«Вы не знаете, как трудно ждать!» — жалобно восклицал один из читателей. Я знаю, хотелось ответить мне, очень хорошо знаю. Я и сам ждал.

Когда я закончил читать «Братство кольца», выяснилось, что это единственная часть, изданная в мягком переплете. И мне пришлось ждать, когда «Эйс» опубликует «Две башни», а потом «Возвращение короля». Следует признать, что ожидание не было таким уж долгим, но мне показалось, что прошли десятилетия. И в тот момент, когда мне в руки попадал очередной том, я откладывал все остальное в сторону, чтобы поскорее его прочитать. Однако, оказавшись на середине «Возвращения короля», я притормозил. Оставалось всего несколько страниц, а когда они закончатся, я уже никогда больше не смогу в первый раз прочитать «Властелина колец»!

Вот как сильно я любил эти книги, будучи читателем.

Но и в качестве писателя я попал под обескураживающее воздействие Толкина. Когда я читал Роберта Говарда, то думал: настанет день, и я смогу писать не хуже, чем он. Читая Лина Картера или Джона Джейкса, я говорил себе: я могу писать лучше уже сейчас. Но над страницами романов Толкина я впадал в отчаяние. Никогда я не сумею сделать то, что совершил он, мне не удастся даже приблизиться к нему! И хотя я много лет писал фэнтези, мои книги по стилю оставались гораздо ближе к Говарду, чем к Толкину. Не следует идти по следам мастера.

Я начал писать второй рассказ о Р’хлоре, когда учился на первом курсе Северо-Западного университета, продолжая обманывать себя, что «Кортана» лишь задерживается и отнюдь не умерла, а «Темные боги Кор-Йубана» выйдут в самое ближайшее время. В продолжении мой принц-изгнанник попадает в Дотракийскую империю, где вступает в союз с Барроном Кровавым Клинком, чтобы сражаться с крылатыми демонами, убившими его деда, короля Барристана Храброго. Я успел написать двадцать три страницы, когда мои друзья нашли рассказ на моем письменном столе, и получил огромное удовольствие,

читая вслух свою пурпурную прозу, — в результате этот опус так и остался незаконченным. (У меня до сих пор хранятся эти листки, цвет которых из пурпурного стал почти фиолетовым.)

Я не писал фэнтези, когда учился в колледже — за исключением «Дороги в Сан-Брета», которую никак нельзя назвать высокой или героической фэнтези. И вовсе не потому, что любил фэнтези меньше, чем научную фантастику. Причины носили исключительно прагматический характер. Мне нужно было платить за жилье.

Начало семидесятых было замечательным временем дня начинающего научного фантаста. Каждый год открывались новые НФ-журналы: «Вертекс», «Космос», «Одиссея», «Галилей», «Азимове». (А новых журналов фэнтези не было и в помине.) Из существующих журналов только «Фэнтэсгик» и «F&SF» покупали фэнтези, причем последний печатал современную фэнтези, предпочитая Торна Смита и Джеральда Керша Толкину и Говарду. Новые или старые, но научно-фантастические журналы имели серьезных конкурентов в лице регулярно выходящих антологий, носивших звучные названия: «Орбита», «Новые измерения», «Вселенная», «Кварк», «Альтернативы», «Андромеда», «Новая звезда», «Звездный», «Хризалида». (И никто не издавал антологий фэнтези.) Процветали также журналы для тех мужчин, которые минут пять назад обнаружили, что на лобке у женщин есть волосы; многие охотно печатали научно-фантастические рассказы, чтобы заполнить свободные страницы между фотографиями. (Они также покупали ужасы, но их вовсе не интересовала высокая или героическая фэнтези.)

В те времена было больше издательств, чем сейчас. «Бэн-там», «Даблдей», «Делл», «Рэндом хаус», «Бэллантайн», «Фасетт» были шестью разными издательствами, а не одним, и большинство из них публиковали научную фантастику. Фэнтези печатали серии «Бэллантайн эдалт фэнтези», которые главным образом были посвящены переизданиям. «Лансер» выпускал Роберта Говарда, но это было одно из самых бедных издательств, большинство авторов сбегало из него, как только их книги начинали покупать в других местах.

Всемирных конветов фэнтези тогда еще не существовало, а Всемирный конвент научной фантастики редко номинировал фэнтези на премию «Хьюго»; впрочем, «НФ-писатели Америки» (которые тогда еще не добавили «и фэнтези» в свое название) также неохотно включали их в списки претендентов на премию «Небьюла».

Короче говоря, карьеру в фэнтези сделать было невозможно, во всяком случае тогда. Нужно было подождать. И я поступил, как

множество других писателей до меня, — как Джек Уильямсон, Пол Андерсон, Андрэ Нортон, Джек Вэнс, Хайнлайн, Каттнер, Рассел, де Камп, К. Л. Мур и другие. Я писал научную фантастику… и время от времени, из любви к предмету, понемногу обращался к фэнтези.

«Одинокие песни Ларена Дорра» стали моим первым фэнтезийным рассказом, написанным в качестве профессионального писателя. «Фэнтэстик» напечатал его в 1976 году. Внимательные читатели заметили, что одни имена и мотивы восходят к «Только дети боятся темноты», а другие я использовал в дальнейших работах. В своей прозе, как и в реальной жизни, я ничего никогда не выбрасываю. Шарра и ее темная корона предназначались для мифов о Докторе Роке, которые однажды попросил меня написать Говард Келтнер. Однако к 1976 году мое участие в фэнтези-журналах осталось далеко позади, Доктор Рок закрыл свою лавку, и я посчитал возможным вновь воспользоваться своими идеями уже совсем в другом контексте.

Периодически меня посещает желание продолжить «Ларена Дорра» и поведать о новых приключениях Шарры, «девушки, путешествующей между мирами». Но я так этого и не сделал… Однако фраза осталась со мной, и я напомню о ней, когда пойдет речь о годах, связанных с кинематографом и телевидением.

«Ледяной дракон» — второй из тройки рассказов, написанных мной во время рождественских праздников зимой 1978–1979 года, что я и отметил в соответствующем комментарии. Зима в Дубьюке благоприятно сказывается на написании рассказов про лед, снег и ужасный холод. Я нечасто восклицаю: «Рассказ написался сам!» — но именно так произошло в данном случае. Слова сами полились из меня, а когда я закончил, то был убежден, что получился один из лучших коротких рассказов, когда-либо созданных мной. Возможно, даже лучший.

Закончив рассказ, я тут же узнал, что Орсон Скотт Кард собирает антологию под названием «Драконы света и тьмы». Трудно было выбрать более удачный момент; боги явно хотели мне что-то сказать. И я послал «Ледяного дракона» Карду, рассказ был опубликован в «Драконах света», где тут же бесследно исчез, как это часто случается с рассказами в антологиях. Возможно, окружить мой рассказ другими историями о драконах было не самой удачной мыслью.

Ледяные драконы стали часто появляться в фэнтезийных романах и играх примерно через двадцать с лишним лет после того, как я написал «Ледяного дракона», но я верю, что мой дракон был первым. Большинство из других ледяных драконов

были белыми существами, живущими в холодном климате, а вот дракон, *сделанный* изо льда, который выдыхает холод вместо пламени, насколько мне известно, остается уникальным — таков мой личный вклад в фэнтезийный бестиарий.

«В Потерянных землях» первый раз появился в антологии «Амазонки», под редакцией Джессики Аманды Салмонсон, издательство «Доу». («Как она умудрилась получить от вас рассказ?» — раздраженно спросил меня другой редактор после того, как книга вышла. «Что ж, — ответил я, — она меня попросила».) Как и «Одинокие песни Ларена Дорра», он должен был открывать целую серию. Позднее я даже написал несколько страниц продолжения под названием «Сморщенная рука», но, как это часто со мной случается, так его и не закончил. Ну а до тех пор, как я вернусь к нему (если до этого вообще дойдет дело), «В Потерянных землях» будет оставаться еще одним примером моих патентованных серий, состоящих из одного рассказа.

Можно еще упомянуть, что написать «В Потерянных землях» меня вдохновила песня. Какая? Не хочется раскрывать секрет. Впрочем, мне это кажется очевидным. А подсказка заключена в первой строке — это для тех, кто любит разгадывать подобные тайны.

Шарра и Ларен Дорр, Адара и ее ледяной дракон, Серая Элис, Бойс и Синий Джерайс… каждый по отдельности и все вместе являются наследниками Черепашьего замка, предками «Льда и огня». Эта книга была бы без них неполной.

Почему я люблю фэнтези? Разрешите ответить вам отрывком, который я написал в 1996 году, сопровождавшим мой портрет в книге фотографий Пати Перрет «Лица фэнтези».

«Лучшая фэнтези написана на языке снов. Она жива, пока живы сны, она реальнее настоящей жизни — во всяком случае на мгновения. Ее можно сравнить с тем долгим волшебным моментом, который бывает перед пробуждением.

Фэнтези — серебро и багрянец, индиго и лазурь, обсидиан с прожилками золота и лазурита. А реальность — это фанера и пластик, окрашенные в грязно-коричневые и желтовато-зеленые тона. Фэнтези имеет вкус хабанеры и меда, корицы и гвоздики, превосходного красного мяса и вина, сладкого, словно лето. Реальность — это бобы и тофу, а в конечном итоге — прах; это бесконечные магазины Бербанка, дымовые трубы Кливленда, парковки Ньюарка. А фэнтези сравнима с башнями Минас Тирита, древними камнями Горменгаста, залами Каме, гота. Фэнтези летает с помощью крыльев Икара, а реальность воспользуется Юго-Западными авиалиниями. Почему наши мечты оказываются

такими маленькими и скромными, когда исполняются?

По-моему, мы читаем фэнтези, чтобы вернуть утраченные краски, ощутить вкус пряностей и услышать песню сирен. Есть нечто древнее и истинное в фэнтези, затрагивающее глубокие струны в наших душах. Фэнтези обращается к спрятанному глубоко в нас ребенку, который мечтает, что будет охотиться в ночных лесах, пировать у подножия гор и найдет любовь, которая будет длиться вечно где-то к югу от Оз и к северу от Шангри-Ла.

У фэнтези есть их небеса. Когда я умру, то отправлюсь в Средиземье».

Одинокие песни Ларена Дорра
© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

Есть девушка, что странствует между мирами.

У нее серые глаза и бледная кожа — так, во всяком случае, гласит легенда, — а в водопаде угольно-черных волос сверкают огненные искорки. Ее лоб украшает диадема из полированного металла, эта темная корона не дает волосам закрывать лоб и иногда бросает тень на глаза. Девушку зовут Шарра; она знает врата.

Начало ее истории для нас потеряно, как и память о том мире, в котором она родилась. Конец? Конец еще не наступил, и когда это произойдет — неведомо. Нам известна лишь середина — всего лишь часть, осколок полузабытого сказания. Это короткая повесть о мире, где остановилась Шарра, об одиноком певце Ларене Дорре и о том, как соприкоснулись их жизни.

Долина, погруженная в сумерки, возникла лишь на мгновение. Над горными кряжами нависло огромное фиолетовое солнце, его косые лучи озаряли густой лес, состоявший из деревьев с гладкими черными стволами и бесцветными призрачными листьями. Тишину нарушали лишь скорбные крики птиц-плакальщиц да журчание ручья. Затем сквозь невидимые врата в мир Ларена Дорра вошла измученная и перепачканная кровью Шарра. На ней было простое платье, когда-то белое, но теперь грязное и рваное, тяжелый меховой плащ едва держался на плечах. Девушка подошла к ручью, быстро оглянулась и только после этого опустилась на колени. Несмотря на стремительное течение, вода показалась ей слишком мутной. Однако Шарра очень устала, ее мучила жажда, и она решила рискнуть. Девушка напилась, ополоснула лицо и промыла и перевязала царапины на руке оторванным от подола куском ткани.

Солнце уже почти скрылось за горами, когда Шарра нашла подходящее место среди деревьев, улеглась и мгновенно заснула. Однако сон не был долгим — неожиданно она почувствовала, как ее обнимают чьи-то сильные руки, а потом резко поднимают в воздух. Девушка принялась отчаянно сопротивляться, сообразив, что ее куда-то несут, однако незнакомец еще крепче прижал ее к себе.

— Тише, — услышала она ласковый голос и в сгущающихся сумерках успела разглядеть худое доброе лицо. — Вы совсем слабы, — продолжал мужчина, — нам следует поспешить в замок, прежде чем окончательно стемнеет.

Шарра перестала сопротивляться, хотя знала, что ей не следовало так поступать. Но она так устала вести эту бесконечную войну…

— Почему? — спросила она и, не дожидаясь ответа, продолжила допытываться. — Кто вы? Куда мы идем?

— Туда, где вы будете в безопасности, — ответил он.

— К вам домой?

— Нет, — проговорил он так тихо, что она едва слышала его голос. — Нет, не домой. Но вам будет там хорошо.

Девушка услышала плеск, словно незнакомец нес ее через ручей, а впереди, среди гор на фоне заходящего солнца, разглядела неровные очертания высокого замка с тремя башнями. Как странно, совсем недавно его там не было. И тут она снова провалилась в сон.

Шарра открыла глаза и увидела, что лежит под теплым мягким одеялом в кровати с балдахином. Впрочем, занавеси были раздвинуты, и незнакомец, устроившись в кресле, располагавшемся в самом темном углу комнаты, пристально наблюдал за ней. В его глазах отражалось мерцающее пламя свечей, подбородок он положил на сцепленные кисти рук.

— Вам лучше? — не меняя позы, спросил он.

Девушка села и тут же обнаружила, что обнажена. Быстрая точно подозрение, стремительная, как мысль, ее рука метнулась к голове. Однако темная корона оставалась на месте, металл приятно холодил лоб. Успокоившись, она откинулась на подушки и натянула одеяло до подбородка.

— Намного лучше.

Незнакомец улыбнулся, задумчиво и печально. У него было волевое лицо с огромными темными глазами. — Шарра никогда таких не видела — и волосы цвета воронова крыла, спадавшие на лоб крупными завитками. И хотя хозяин замка сидел, не вызывало сомнений, что он отличался высоким ростом и мощным телосложением. Вот только… поверх костюма из мягкой серой кожи он набросил меланхолию, словно плащ.

— Следы когтей у вас на руке, — с задумчивой улыбкой произнес он. — И одежда разорвана. Кто-то вас сильно невзлюбил.

— Что-то, — поправила его Шарра. — Страж, что стоит у врат. — Она вздохнула. — У врат всегда есть страж. Семерым не нравится, когда мы путешествуем между мирами. Но мне они мешают особенно старательно.

Незнакомец опустил руки на подлокотники кресла и кивнул, однако грустная улыбка не покинула его лица.

— Итак, — сказал он, — Вы знаете Семерых, и вам известно о вратах. — Он перевел глаза на ее лоб. — Корона… конечно. Мне следовало догадаться.

— Вы все сразу поняли, — усмехнулась девушка. — Более того, вы знали. Кто вы? И куда я попала?

— В мой мир, — ровным голосом ответил он. — Тысячи раз я давал ему имена, и все потому, что ни одно из них не казалось мне подходящим. Однажды мне все-таки удалось придумать название — замечательное! Но почему-то оно не задержалось в моей памяти. С тех пор прошло так много времени… А вот меня зовут Ларен Дорр, точнее, звали, когда в этом была необходимость. По крайней мере, свое имя я еще помню.

— Ваш мир, — проговорила Шарра, — Значит, вы король? Или Бог?

— Да! — Ларен Дорр рассмеялся. — И более того — я тот, кем захочу стать. Здесь нет никого, кто мог бы мне помешать.

— А что вы сделали с моими ранами? — поинтересовалась Шарра.

— Вылечил. — Он смущенно пожал плечами, — Вы оказались в моих владениях, и я наделен определенными способностями. Не совсем такими, какие мне хотелось иметь, но тем не менее…

— А, понятно. — На самом деле она ему не очень поверила.

Ларен нетерпеливо взмахнул рукой.

— Тебе кажется, что это невозможно, — Он неожиданно перешел на «ты». — Разумеется, дело в твоей короне, но ты права лишь отчасти. Пока ты в ней, я не могу причинить тебе вреда. Но зато я в силах помочь. — Он вновь улыбнулся, а его глаза смягчились и приобрели мечтательное выражение. — Впрочем, это не имеет значения. Я никогда не причинил бы тебе вреда, Шарра. Поверь мне. Прошло так много времени…

Казалось, девушка удивилась.

— Ты знаешь мое имя. Откуда?

Он встал, улыбаясь, подошел к кровати и присел на край. Не отвечая на вопрос, взял ее за руку и провел по ней ладонью.

— Да, мне известно твое имя, — после паузы проговорил он. — Ты Шарра — та, что странствует между мирами. Столетия назад, когда горы еще имели иную форму, а фиолетовое солнце гораздо чаще испускало пурпурные лучи, Семеро назвали твое имя и заверили, что ты обязательно здесь появишься. Я ненавидел их, всех до одного, и всегда буду ненавидеть, но той ночью я был благодарен им за такое известие. Любые перемены приносят мне радость. Я прожил здесь один тысячу солнечных циклов, Шарра… каждый из них длится столетия. А событий почти не происходит.

Шарра нахмурилась и встряхнула волосами, в тусклом сиянии свечей вокруг ее головы возник мягкий красноватый ореол.

— Неужели им известно, что должно произойти? — В ее голосе послышалось беспокойство. — А что еще они тебе сообщили?

Он нежно сжал ее руку.

— Что я тебя полюблю. — Голос Ларена Дорра по-прежнему был исполнен печали. — Впрочем, я не рассматривал их слова как пророчество. Я и сам мог бы сказать то же самое. Много лет назад — мне кажется, тогда солнце заливало мой мир желтым светом — я понял, что полюблю любой голос, который не будет эхом моего собственного.

Шарра проснулась на рассвете, когда яркие пурпурные лучи солнца ворвались в ее спальню через высокое стрельчатое окно, которого она не заметила вчера, засыпая. Ларен приготовил для нее одежду: свободный желтый халат, алое, расшитое самоцветами платье и темно-зеленый костюм. Девушка выбрала костюм и быстро оделась. Прежде чем выйти из комнаты, Шарра выглянула в окно — оказывается, она находилась в башне!

Осыпающаяся крепостная стена, треугольный пыльный двор. Две другие башни, увенчанные коническими шпилями, определяли остальные вершины треугольника. Ветер трепач серые флаги на стенах, все остальное застыло в неподвижности. Однако за крепостными стенами Шарра не увидела ничего, даже отдаленно напоминавшего долину. Оказывается, замок находился на вершине горы, а вокруг высились скалы с блестящими ледяными шапками.

Распахнув дверь спальни, девушка спустилась вниз по каменной винтовой лестнице во двор, быстро пересекла его, направляясь к главному зданию. Она прошла по бесчисленным комнатам; одни поражали воображение изысканной роскошью обстановки, в других ничего не было, кроме пыли. Наконец Шарра нашла завтракающего Ларена.

Стол ломился от еды и напитков: мясо, фрукты, сласти. Девушка села, взяла горячий бисквит и не смогла удержаться от довольной улыбки. Мужчина улыбнулся в ответ.

— Сегодня я уйду, — сказала она. — Мне очень жаль, но я должна найти врата.

На лице Ларена Дорра вновь появилось выражение безнадежной меланхолии.

— Получается, что я напрасно ждал столько лет, — вздохнул он.

Шарра наполнила свою тарелку, не поднимая на Ларена глаз.

— Я сожалею.

— Останься, — предложил он, — Хотя бы ненадолго. Полагаю, ты можешь себе это позволить. Я буду петь для тебя и покажу мой мир. — В его широко раскрытых темных глазах застыла просьба.

Девушка заколебалась.

— Ну… врата удается найти не сразу. Я побуду с тобой, Ларен, но потом уйду. Я дала слово. Ты понимаешь?

— Да, конечно. — Улыбка вышла беспомощной и жалкой. — Послушай, я знаю, где находятся врата, и тебе не придется их искать. Останься со мной на месяц, по твоему исчислению. А потом я отведу тебя… туда. — Он изучающе посмотрел на девушку. — Ты странствуешь уже очень давно. Быть может, пришла пора отдохнуть?

Она медленно, не спуская глаз с Ларена Дорра, жевала кусочек какого-то плода.

— Возможно, ты прав, — наконец проговорила она, тщательно взвешивая каждое слово, — И у врат меня, естественно, будет ждать страж. Месяц… не так уж и много. В иных мирах мне приходилось задерживаться и на гораздо более долгое время, — Шарра кивнула, и на ее лице появилась улыбка, — Да, пожалуй, так я и поступлю.

Ларен с благодарностью легко коснулся ее руки.

После завтрака он показал ей свои владения с балкона самой высокой башни. Они не двигались, Ларен Дорр вращал вокруг них свой мир. Потом он заставил замок пронестись над беспокойными волнами моря; из воды выглядывали змееподобные головы на длинных шеях и наблюдали за проносившимся мимо чудом. Целью путешествия оказалась огромная подземная пещера, озаренная зеленым сиянием, где с бесчисленных сталактитов капала прозрачная вода и жалобно блеяли отары слепых белых овец. Ларен хлопнул в ладоши и улыбнулся — в тот же миг вокруг них поднялись непроходимые джунгли; деревья, расталкивая друг друга, устремились прямо в небо, землю устлал ковер из гигантских цветов самых причудливых оттенков, их окружили весело верещавшие клыкастые обезьяны. Хозяин мира еще раз хлопнул в ладоши, и замок оказался на песчаном берегу бескрайнего океана, а у них над головами развернула свои тонкие, как бумага, крылья громадная синяя птица. Они продолжали странствовать по миру до тех пор, пока сумерки не собрались накрыть мир темным подогом, и тогда Ларен вернул замок на вершину холма. Шарра вышла на балкон и вновь увидела лес, где среди темных стволов нашел ее Дорр.

— Здесь совсем неплохо, — заметила она, прислушиваясь к стенаниям птиц-плакальщиц, порхавших среди прозрачных листьев.

— Верно, — ответил Ларен. Его руки лежали на каменных перилах, он не сводил глаз с раскинувшегося внизу леса, —

Однажды я прошел его пешком с мечом за поясом и посохом в руках. Не раз испытывал я истинную радость, открывая новые тайны за каждым следующим холмом. — Он усмехнулся, — Как же много лет минуло с тех пор! Теперь-то мне хорошо известно, что лежит за каждым следующим холмом — еще один пустой горизонт.

Он посмотрел на Шарру и пожал плечами.

— Наверное, существует ад много страшнее, но этот — мой собственный.

— Тогда пойдем вместе, — предложила Шарра, — Отыщем врата и покинем твой мир. Существуют и другие вселенные. Возможно, они не такие причудливые и красивые, но там ты забудешь об одиночестве.

Ларен вновь пожал плечами.

— У тебя все так просто получается, — равнодушно заметил он. — Врата уже давно найдены, Шарра. И не счесть моих попыток туда проникнуть — страж меня не останавливал. Я делал несколько шагов, передо мной на миг возникал другой мир, а потом — снова двор моего замка. Нет, мне никогда отсюда не уйти.

Она сжала его ладонь двумя руками.

— Как печально — так долго жить в одиночестве. Должно быть, ты очень сильный, Ларен. Я бы сошла с ума всего за несколько лет.

Он с горечью рассмеялся.

— О, Шарра! Я тысячи раз сходил с ума, и всегда Семеро исцеляли меня. — Еще раз пожав плечами, он притянул ее к себе, защищая от порывов холодного ветра, — Пойдем. Мы должны быть в замке до наступления темноты.

Они вернулись в башню, и Ларен принес жареное мясо, горячий хлеб и вино. Расположившись на кровати, они с аппетитом ели и вели беседу.

— Почему ты здесь? — задала Шарра давно мучивший ее вопрос. — Чем ты их оскорбил? Кем был раньше?

— Я почти ничего не помню. Иногда ответы приходят ко мне во сне, — ответил Ларен. — Но теперь я уже не в силах отличить, какие из них правдивы, а какие являются порождением безумия. — Он вздохнул. — Порой снится, будто я был королем, великим властелином в каком-то ином мире, а моя вина состояла в том, что я сделал свой народ счастливым, люди забыли о Семерых, и их храмы пришли в запустение. Будучи богом, я учил свой народ, что, только объединившись, они сумеют победить тьму, а в трудную минуту им помогут любовь, смех и умный собеседник. Однажды я проснулся и обнаружил, что все слуги

пропали. А когда вышел из дворца, оказалось, что мой прежний мир исчез, нет даже женщины, которая делила со мной ложе.

Но меня посещают и другие видения. Часто я вспоминаю, что был богом — ну, почти богом. Я обладал могуществом и даже создал собственное учение, которое отличалось от того, что проповедуют Семеро. Они боялись меня, но по отдельности справиться со мной не могли. В конце концов они вынудили меня вступить с ними в бой, одержали верх и отправили сюда, оставив мне лишь малую толику прежнего могущества.

Но даже и это еще не самое худшее. Бывают моменты, когда мне кажется, будто я всегда жил здесь, родившись много веков назад. А все остальные воспоминания посланы только для того, чтобы заставить страдать еще сильнее.

Шарра не сводила с него глаз. Ларен Дорр смотрел в пустоту, погруженный в печальные воспоминания. Он говорил очень медленно, его голос походил на клубящийся туман, который скрывает предметы, окутывая пологом тайны далекий свет, которого тебе никогда не суждено увидеть.

Ларен взглянул на нее, и в его глазах что-то промелькнуло.

— О, Шарра, — взволнованно произнес он, — будь осторожна! Даже твоя корона не поможет, если они решат объявить тебе войну. И бледный ребенок Баккалона будет терзать тебя, Ниа-Слас насладится твоей болью, а Саагаэль попытается отнять душу.

Шарра отрезала себе кусочек мяса, но оно оказалось холодным, жестким и невкусным. Свечи почти догорели… Как долго длился рассказ Ларена Дорра?

— Подожди!

Он встал и вышел в дверь, которая появилась рядом с тем местом, где раньше было окно, исчезнувшее после захода сеянца.

Вскоре Ларен вернулся. У него на груди на кожаном ремне висел необычный инструмент из черного полированного дерева. Шарра впервые видела нечто подобное. Шестнадцать разноцветных струн, причем под каждой располагалась яркая полоса инкрустации. Когда Ларен сел, нижняя часть диковинного устройства осталась стоять на полу, а верхушка доходила ему до плеч. Он чуть тронул струны; вспыхнул свет, комната наполнилась музыкой, которая спустя мгновение смолкла.

— Мой спутник, — улыбаясь, проговорил он и снова коснулся своего инструмента.

Раздался нестройный аккорд, в воздухе замерцали причудливые узоры, а затем началась песня:

Я повелитель одиночества.

Мои владения пустынны…

Первый куплет прозвучал еле слышно, голос у Ларена оказался нежным и мелодичным, будто окутанным чем-то вроде призрачной дымки. Девушка слушала песню очень внимательно, пытаясь запомнить, но слова задевали ее, касались и проплывали мимо, снова превращаясь в туман. Как только Ларен замолчал, она все забыла — и слова и музыку, печальную, таинственную, полную неясных обещаний, тысяч нерассказанных легенд.

Ярче разгорелись свечи, мерцающие сферы поплыли по комнате, воздух искрился множеством цветов. Слова, музыка, свет — Ларен Дорр соткал из них видение и предстал перед Шаррой таким, каким видел себя в своих снах: высоким, сильным, гордым королем, с темными волосами и сверкающими глазами. Он был одет в мерцающие белые одеяния, его великолепный плащ развевался на ветру, словно снежный полог. Сияющая серебряная корона украшала его чело, на бедре висел меч. Мир вращался вокруг него, друзья и любовницы, и одна особенная женщина, которую Ларен привлекал к себе словами и сполохами цветного огня. А впереди его ждали бесконечные дни, наполненные радостью, смехом и счастьем. Потом — темнота, мрак… он оказался здесь.

Музыка застонала; свет померк; Шарра с трудом различала слова его баллады. Вот Дарр бродит по анфиладам комнат, а потом выходит на балкон — и его глазам открывается совершенно чужой мир. Девушка наблюдала, как он покидает замок, направляясь в сторону скрытого туманом далекого горизонта. Однако там его ждет пустота, заполнившая обретенный им мир. Наконец он вернулся в замок, свой новый и единственный дом.

Его белоснежные одежды стали серыми и тусклыми, однако песнь не смолкла. Проходили дни, годы, столетия, Ларен уставал, сходил с ума… и не старел. Солнце сияло зеленым и фиолетовым, жестокими бело-голубыми лучами заливало землю, и постепенно в его мире становилось все меньше и меньше красок.

Так пел Ларен о пустых днях и ночах, когда лишь музыка и воспоминания помогали ему сохранить рассудок. Когда же видение померкло, музыка умерла, а нежный голос смолк, мужчина с улыбкой посмотрел на свою гостью. Шарра вдруг обнаружила, что дрожит.

— Благодарю тебя, — тихо проговорил он и направился к двери.

Девушка осталась одна.

Рассвет следующего дня выдался холодным и облачным, но Ларен повел Шарру в лес на охоту. Они преследовали стройное белое животное — то ли большую кошку, то ли газель, которая двигалась слишком быстро и они не могли ее догнать. Девушку это вполне устраивало: погоня нравилась ей гораздо больше, чем убийство. В стремительном беге по темному лесу с луком в руках и колчаном черных деревянных стрел, которыми ей так и не пришлось воспользоваться, было что-то неизъяснимо привлекательное. Оба надели теплые меховые плащи, и Ларен часто улыбался Шарре из-под капюшона, украшенного волчьей головой. Прозрачные и хрупкие, как стекло, листья звонко крошились у них под ногами.

Потом, раскрасневшиеся и уставшие, они вернулись в замок, и Ларен устроил в главной столовой замка грандиозное пиршество. Они улыбались друг другу, сидя на противоположных концах огромного стола, и Шарра время от времени бросала взгляд на бегущие за окном облака — до тех пор, пока стекло не превратилось в камень.

— Почему ты никогда не выходишь по ночам из замка? — спросила девушка.

— Ну, у меня хватает на то причин, — пожав плечами, ответил он. — По ночам там нет ничего хорошего. — Ларен взял изысканный, инкрустированный самоцветами кубок и сделал несколько глотков горячего вина с пряностями. — Скажи, Шарра, в том мире, где ты родилась, есть звезды?

— Да. Впрочем, с тех пор случилось столько всего… Но я помню. Очень темные ночи, а звезды на небе кажутся блестящими булавочными головками, холодными и далекими. Иногда удавалось разглядеть какой-нибудь рисунок. Когда мой мир был еще совсем юным, люди давали имена таким созвездиям и рассказывали о них прекрасные легенды.

— Мне кажется, я бы полюбил твой мир, — кивнув, сказал он. — Мой, прежний, немного на него похож. Однако наши звезды раскрашены в тысячи цветов и двигаются в ночи, словно призрачные фонарики. Временами звезды опускают вуаль, чтобы скрыть свое сияние, и ночи становятся таинственными, будто пронизанными магическим сиянием. Именно в такие ночи я выходил в море под парусом вместе со своей любимой. Прекрасное время для песен. — Его голос снова стал печальным.

Темнота проникла в комнату, темнота и молчание, еда остыла, и Шарра едва различала лицо мужчины. Поэтому она поднялась, подошла к нему и присела на край стола рядом с его стулом. Ларен кивнул и улыбнулся. В тот же миг послышалось

шипение, и на стенах зажглись факелы.

Он предложил девушке еще вина, и ее пальцы слегка задержались на его руке, когда она брала бокал.

— Совсем как у нас, — призналась Шарра. — Когда дули теплые ветры, а вокруг никого не было, мы любили лежать рядом под открытым небом. — Кайдар и я. — Она замолчала, бросив на собеседника быстрый взгляд.

— Кайдар? — Ларен вопросительно посмотрел на девушку.

— Он бы тебе понравился. И ты бы ему пришелся по душе, так мне кажется. Он был высоким и рыжеволосым, а в его глазах горел огонь. Кайдар, как и я, обладал могуществом, а еще — несгибаемой волей, он всегда был сильнее меня. Однажды ночью Семеро схватили его, но не убили, а лишь перенесли из нашего мира в другой. И теперь я пытаюсь его найти. Благодаря моей короне им будет не просто меня остановить.

Ларен пил вино, наблюдая за игрой мерцающего света на металле кубка.

— Существует бесконечное множество миров, Шарра.

— У меня есть время… я, как и ты, Ларен, не старею. Я его найду.

— Ты так сильно его любишь?

Девушке не удалось скрыть промелькнувшую на лице счастливую улыбку.

— Да, — промолвила она, но теперь ее голос казался немного потерянным. — Да. Он подарил мне счастье. Мы пробыли вместе совсем недолго, но он действительно сделал меня счастливой. И Семеро здесь бессильны. Я радовалась, когда просто смотрела на него или когда он меня обнимал… а еще я так любила его улыбку!

— Понятно. — Уголки губ Ларена Дорра дрогнули.

Наступила неловкая тишина, которую наконец прервала Шарра.

— Однако мы отвлеклись. Ты так и не рассказал мне, почему твои окна исчезают на ночь.

— Ты прошла долгий путь, Шарра. Ты странствуешь между мирами. Ты когда-нибудь встречала миры без звезд?

— Да, множество раз. Я видела вселенную, где янтарное солнце сияет для единственного мира, а огромные небеса остаются пустыми всю ночь. Мне довелось побывать там, где вообще нет неба, а шипящие солнца горят под поверхностью океана. Я бродила по болотам Каррадайна и наблюдала за тем, как темные маги зажигают радугу, чтобы осветить лишенную солнца землю.

— В моем мире нет звезд, — сказал Ларен.

— Неужели это так тебя пугает, что ты всегда остаешься в замке на ночь?

— Нет. Конечно же, все не так просто. — Он взглянул на девушку. — Хочешь посмотреть?

Шарра кивнула.

Факелы погасли так же внезапно, как загорелись, и комната погрузилась в темноту. Каменная стена за спиной Дорра исчезла, словно обратилась в пыль, и в комнату хлынул свет.

Небо оставалось темным, однако было видно, как на его фоне двигается странное существо. Оно светилось, заливая все вокруг ярким сиянием. Шарра недоуменно рассматривала его и почувствовала, что чудовище тоже на нее смотрит. Монстр, заполнив собой полнеба, казался выше горных хребтов, он отдаленно напоминал человека, одетого в длинный плащ с капюшоном, тьма под которым казалась особенно отвратительной.

Тихое дыхание Ларена, биение ее собственного сердца и далекие рыдания птиц…

Мерзкая тварь взирала на нее сверху вниз, и Шарра ощутила, как ее душу наполняет холодный мрак. Застыв на месте, она не могла отвести взгляд от диковинного существа, которое теперь тоже не двигалось. Потом чудовище повернулось, медленно подняло руку, и рядом с ним возник крошечный человечек с огненными глазами, он отчаянно кричал и звал Шарру.

Девушка вскрикнула и отвернулась. В следующее мгновение окно исчезло. Остались лишь стена, грубый надежный камень, ряд горящих факелов и Ларен, обнимающий ее своими сильными руками.

— Всего лишь мираж, — негромко произнес он, крепко прижал к себе девушку и погладил ее волосы, — Прежде я часто испытывал себя по ночам, — задумчиво продолжал мужчина, — Они приходили по очереди, чтобы поглазеть на меня — каждый из Семерых, — и всегда мучили тех, кого я любил. Теперь я не смотрю на ночное небо.

— Чувствую себя словно оскверненной, — все еще дрожа, пробормотала Шарра.

— Пойдем, — сказал Ларен, — наверху есть горячая вода, и ты смоешь холод, а потом я спою для тебя. — Он взял ее за руку и повел в башню.

Пока Шарра принимала горячую ванну, Ларен Дорр настраивал свой инструмент у нее в спальне. Она вошла, завернутая с ног до головы в огромную ворсистую простыню, уселась на кровать и стала вытирать волосы.

На сей раз он спел ей о другом сне, в котором был богом и

врагом Семерых. Громкая музыка прерывалась молниями и волнами страха, лучи света сливались, чтобы образовать алое поле битвы, где ослепительно белый Ларен сражается с тенями и чудовищами из кошмаров. Их семеро, они окружили его плотным кольцом, со всех сторон атакуя копьями абсолютного мрака. Ларен отвечал им огнем и бурей. Но в конце концов они его одолели, сияние померкло, песня снова зазвучала тихо и печально, видение стало расплывчатым по мере того, как медленно потекли бесконечные столетия.

Не успели смолкнуть последние звуки и погаснуть сполохи разноцветного пламени, как Ларен начал другую балладу, слова Которой, очевидно, знал не так твердо. Его тонкие пальцы не раз замирали над струнами, порой возвращаясь к только что прозвучавшим аккордам, а голос неуверенно дрожал, ведь он сочинял новую песню, посвятив ее Шарре. Он поведал о горячей любви и нескончаемых поисках, о мирах, сменяющих друг друга, темной короне и затаившихся в укромных уголках стражах, что ведут войну при помощи острых когтей, обмана и коварства. В спальне, где они сидели, рождались красочные картины, на которых обжигающее белое солнце полыхало на дне вечного океана, откуда вырывались шипящие облака пара, и люди древнее самого времени зажигали радуги, стараясь разогнать мрак. А еще Ларен пел о Кайдаре, ему удаюсь понять, ухватить истинную суть возлюбленного Шарры, вернуть ей огонь, горевший в его глазах, разбудить самые сокровенные воспоминания. Он помог девушке снова поверить в то, что она сумеет его отыскать.

Однако музыка смолкла, и в воздухе повис вопрос, который рассыпался множеством осколков многоголосого эха. Продолжения нет. *Пока* нет.

Шарра плакала.

— Благодарю тебя. Ты вернул мне Кайдара, — сквозь слезы прошептала она.

— Я всего лишь спел песню, — пожав плечами, ответил Дорр.

И снова он оставил ее, легко прикоснувшись пальцами к щеке, а девушка еще несколько минут стояла, кутаясь в мягкую теплую простыню. Затем закрыла дверь на засов и задула все свечи, превратив свет в мрак. Она забралась в постель, но еще долго не могла заснуть.

Когда Шарра, сама не зная почему, открыла глаза, стояла глубокая ночь. Она лежала, не шевелясь, и тихонько оглядывала комнату. Ничего. Совсем ничего. Или?..

И тут она его увидела, он сидел в кресле, в углу спальни, положив подбородок на сцепленные пальцы, — как и тогда, в первый раз. Его невероятные глаза были широко раскрыты и

казались чернее ночной темноты, наполнявшей комнату. Он не шевелился.

— Ларен? — тихонько позвала Шарра, еще не до конца уверенная в том, что видит именно его.

— Да, — ответил он, не меняя позы. — Прошлой ночью я тоже за тобой наблюдал, когда ты спала. Ты настоящее чудо. Мое одиночество длится так долго… И очень скоро ты меня покинешь.

— О, Ларен…

Одно короткое мгновение в спальне царила тишина, словно они пытались понять и рассказать друг другу без слов, что чувствуют. А потом Шарра откинула одеяло, и Ларен пришел к ней.

Оба видели, как приходят и рассыпаются в прах столетия. Месяц, минута, век — какая разница?

Они проводили вместе все ночи, вечерами Ларен пел свои баллады, а Шарра слушала его. Их беседы сокращали сгущающиеся вечерние сумерки, днем они купались в озерах с хрустальной водой, в которой отражались пурпурные лучи солнца, занимались любовью на белом песке и говорили, говорили, говорили…

Но это ничего не изменило — потому что месяц подошел к концу. В последний вечер, в сумерках, они отправились на прогулку в окутанный тенями лес, где Ларен впервые увидел Шарру.

За этот месяц он научился смеяться, но сейчас снова погрустнел. Дорр медленно шел рядом с девушкой, крепко сжимая ее ладонь, и день казался ему серее его серой шелковой рубашки. Наконец они оказались на берегу ручья, Ларен уселся на траву, притянув к себе Шарру. Они сняли обувь и опустили ноги в прохладную мягкую воду. Вечер был на удивление теплым, дул легкий, шаловливый ветерок, издалека доносились жалобные стоны птиц.

— Тебе пора уходить, — сказал Ларен, не выпуская руки Шарры и не поднимая глаз.

— Да, — согласилась она, ощущая печаль в сердце.

— Мне кажется, я забыл все слова, — продолжал он. — Если бы я смог создать для тебя видение… о мире, когда-то пустом и безжизненном, о мире, в котором вдруг появилась ты. В моем королевстве достаточно красоты, чудес и тайн — только их некому увидеть и оценить. Я могу предложить тебе все, чем владею. Да, здесь злые ночи, но ведь людям и раньше приходилось сталкиваться со злом, в других мирах и в другие времена. Я бы любил тебя, Шарра, как сильно я бы тебя любил! И

постарался бы сделать счастливой.

— Ларен… — начала девушка, но он посмотрел на нее, заставив замолчать.

— Я мог бы все это тебе предложить, но промолчу. Потому что не имею права. Ты была счастлива с Кайдаром. Только себялюбивый дурак станет просить тебя отказаться от радости лишь для того, чтобы разделить с ним печаль. Кайдар исполнен огня и веселья, а я создан из песен, седого тумана и боли. Я слишком много времени провел в одиночестве, серый цвет занял прочное место в моей душе. Я не хочу, чтобы твоя душа тоже лишилась света. И все же…

Шарра взяла руки Ларена в свои, поднесла к губам и быстро поцеловала. А потом положила голову ему на плечо.

— Пойдем со мной, — предложила она, — Возьмешь меня за руку, когда мы будем проходить врата. А вдруг темная корона сумеет защитить и тебя?

— Я готов сделать все, что ты скажешь. Только не нужно просить меня поверить в невозможное, — Ларен вздохнул. — Тебя ждут бесчисленные миры, Шарра, и я не вижу конца твоему пути. Но уверен лишь в одном — он не здесь. Пожалуй, это к лучшему. Мои воспоминания о любви окутаны дымкой, мне кажется, я помню, какая она… И еще я точно знаю — любовь не вечна. Мы оба бессмертны и не стареем; оставшись вместе, но рано или поздно наскучим друг другу. И тогда на смену любви придет ненависть. Я не хочу. — Он посмотрел на нее и улыбнулся так печально, что у Шарры защемило сердце. — Полагаю, ты любила Кайдара совсем недолго. Кажется, я и в самом деле пытаюсь с тобой хитрить. Только может случиться так, что, отыскав своего Кайдара, ты его потеряешь. Наступит день, любимая, и огонь погаснет, а волшебство умрет вместе с ним. А вдруг тогда ты вспомнишь Ларена Дорра?

Шарра заплакала, и Ларен прижал ее к себе, поцеловал и ласково прошептал:

— Нет.

Она поцеловала его в ответ, и они еще долго сидели, молча обнимая друг друга.

Когда в последних пурпурных лучах появились проблески черного, девушка прервала молчание.

— Я действительно должна уйти. Но мне так трудно тебя оставить, Ларен, поверь, так трудно!

— Я тебе верю, — ответил он. — И мне кажется, люблю именно потому, что ты уходишь. За то, что ты не в силах забыть Кайдара. Ты Шарра, девушка, странствующая между мирами. Я полагаю, Семеро должны тебя бояться гораздо больше, чем они

опасались того бога, которым когда-то мог быть я. Будь ты другой, я относился бы к тебе совсем иначе.

— А помнишь, ты как-то сказал, что полюбишь любой голос, который не будет эхом твоего собственного?

— Это было давным-давно, — пожав плечами, ответил Ларен.

Прежде чем мир окутал мрак, они оказались за стенами замка, чтобы отобедать вместе в последний раз и провести вместе свою последнюю ночь. Они почти не спали, а перед самым рассветом Ларен снова взял в руки свой инструмент. Впрочем, на сей раз песня была не так хороша, как все предыдущие: бесцельные, дрожащие звуки, посвященные странствиям менестреля по какому-то тусклому, серому миру. Ничего особенного с ним не происходило, Шарра никак не могла понять смысла баллады, которую певец исполнял холодно и без души.

Пообещав встретить ее во дворе, Ларен ушел на рассвете, чтобы переодеться. Когда Шарра спустилась вниз, он уже ждал, снова уверенный в себе и улыбающийся. Он надел белоснежные одежды, и тяжелый плащ развевался на ветру, точно снежный полог. Впрочем, пурпурные лучи солнца расцветили его алыми пятнами.

Шарра подошла к нему и взяла за руку. Она была в костюме из кожи, на поясе висел кинжал, предназначенный для схватки со стражем. Темная корона по-прежнему украшала ее чело.

— Прощай, Ларен, — промолвила она, — Жаль, что я дала тебе так мало.

— Достаточно. Я буду тебя помнить долгие столетия и сменяющиеся солнечные циклы, что ждут меня впереди. Теперь я стану измерять время тобой, любовь моя. И однажды взойдет солнце цвета синего пламени. Я посмотрю на него и скажу: «Вот первое синее солнце после того, как приходила Шарра».

Она кивнула.

— А я даю новое обещание. Когда-нибудь я найду Кайдара. Если я его освобожу, мы за тобой вернемся и направим силу моей короны и огонь Кайдара против мрака Семерых.

Ларен молча пожал плечами.

— Теперь — врата. Ты сказал, что покажешь мне врата.

Он повернулся и махнул рукой в сторону самой низкой башни — в этом закопченном каменном строении Шарра ни разу не была.

— Здесь? — удивилась Шарра, — В замке?

— Здесь, — ответил Дорр.

Они пересекли двор и остановились возле широкой деревянной двери. Ларен вставил в скважину тяжелый металлический ключ и принялся возиться с замком. Девушка в

последний раз огляделась по сторонам и почувствовала, как ее душу охватывает печаль. Остальные башни выглядели тусклыми и мертвыми, во дворе царило запустение, а за высокими льдистыми шапками гор раскинулся пустой горизонт. Она вздрогнула, ощутив прикосновение одиночества.

Наконец Ларен открыл дверь, и их взорам предстала стена клубящегося тумана, лишенного цвета, звука и света.

— Ваши врата, госпожа.

Шарра вглядывалась в туман. Каким окажется следующий мир? Она никогда не знала заранее. Быть может, ей повезет и она найдет Кайдара… Рука Ларена легла на ее плечо.

— Ты колеблешься, — негромко проговорил он.

Шарра положила ладонь на рукоять кинжала.

— Страж, — вдруг вспомнила она, — Всегда должен быть страж. — Ее глаза быстро обежали треугольник двора.

Дорр вздохнул.

— Да, всегда. Иные пытаются разорвать тебя на куски, другие стремятся запутать или заставить выбрать не те врата. Кто-то прибегает к помощи оружия, цепей или обмана. А один попробовал остановить тебя любовью. Однако он не произнес ни слова лжи и не спел ни одной фальшивой ноты.

И, безнадежно пожав плечами в последний раз, Ларен нежно подтолкнул Шарру в сторону врат.

Нашла ли Шарра в конце концов своего возлюбленного с огненными глазами? Или ищет до сих пор? С каким стражем ей придется столкнуться в следующий раз?

И когда она идет в ночи, незнакомка в пустынной стране, сияют ли на небе звезды?

Я не знаю. Быть может, даже Семеро не знают. Да, они могущественны, но не все им подвластно, а число миров так велико, что даже они не могут их сосчитать.

Есть девушка, что странствует между мирами, но ее путь теряется в легендах. Может быть, она умерла, а может быть, и нет. Новости медленно путешествуют от одного мира к другому, и далеко не все из них правдивы.

Но одно известно наверняка: в пустом замке под пурпурным солнцем ее ждет одинокий менестрель, слагая о ней баллады.

Ледяной дракон
© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

Больше всего Адара любила зиму, потому что, как только мир

погружался в холод, появлялся ледяной дракон.

Ледяной дракон приходит из-за того, что становится холодно, или, наоборот, он несет с собой холод? Обычно подобные вещи часто тревожили ее брата Джиффа, который был на два года старше Адары и отличался ненасытным любопытством, но ее не слишком интересовали. До тех пор пока холод, снег и ледяной дракон появлялись вовремя, она была счастлива. Девочка всегда знала, когда их ждать, благодаря своему дню рождения, — она появилась на свет во время ужасающих холодов. Даже старая Лаура, которая жила на соседней ферме и помнила вещи, случившиеся до того, как родились все остальные, утверждала, что ничего подобного прежде не было. Люди до сих пор вспоминают о тех морозах. И Адара часто слышала разговоры о них.

Впрочем, говорили и о других вещах. Рассказывали, что именно жестокий холод убил ее мать, он прокрался мимо огромного костра, разведенного отцом Адары, и проник под многочисленные одеяла, которыми укрыли роженицу. И еще нередко повторяли, что холод добрался до девочки еще во чреве матери: когда она появилась на свет, ее кожа была бледно-голубой и ледяной. Так зима оставила на ней знак, сделала своей.

Адара всегда держалась особняком. Это была серьезная маленькая девочка, которая редко играла с другими детьми. Люди восхищались ее диковинной красотой: бледная кожа, светлые волосы и большие ясные голубые глаза. Она улыбалась, но это случалось редко. И никто не видел, чтобы Адара плакала. Однажды, когда ей исполнилось пять лет, она наступила на гвоздь, торчавший из доски, припорошенной снегом. Гвоздь проткнул стопу, но девочка не только не заплакала, но даже не вскрикнула. Она высвободила ногу, вернулась домой, оставляя на снегу кровавый след, и спокойно сказала:

— Отец, я поранилась.

Плохое настроение, капризы и слезы, без которых не обходятся обычные дети, были Адаре незнакомы.

Члены ее семьи понимали, что Адара не такая, как все. Ее отец был огромным, угрюмым, похожим на медведя. Он не слишком интересовался другими людьми, но на его лице расцветала улыбка, когда Джифф надоедал ему своими вопросами или когда к нему обращалась Тери, старшая сестра Адары, обладательница золотых волос и веснушек, отчаянно флиртовавшая со всеми соседскими парнями. Он часто ласково обнимал девушку и смеялся ее шуткам. Адару тоже не миновали его объятия, когда отец напивался, что случалось нередко — особенно долгими зимними вечерами. Но в такие моменты он не

улыбался, а лишь крепко прижимал маленькое тело дочери к себе, в его груди что-то хрипело и клокотало, и крупные слезы бежали по красным щекам. Однако летом отец никогда не обнимал Адару, так как был слишком занят.

Впрочем, летом все были заняты — все, кроме Адары. Джифф работал с отцом в полях, задавая свои бесконечные вопросы обо всем на свете и узнавая то, что необходимо знать фермеру. А если не работал, убегал с друзьями к реке, где всегда находил приключения на свою голову. Тери занималась хозяйством, готовила еду и немножко подрабатывала в гостинице, стоявшей на перекрестке дорог. Дочь хозяина гостиницы была ее подругой, а младший сын — даже больше чем другом, и Тери всегда возвращалась домой веселой и охотно делилась новостями и слухами, которые приносили путешественники, солдаты и королевские гонцы. Тери и Джифф очень любили лето, и оба были слишком заняты, чтобы уделять время Адаре.

Но больше всех был занят их отец, он трудился от восхода до заката. Летом его фигура становилась почти стройной, а мускулы особенно сильными и твердыми. Когда он, улыбающийся, возвращался домой с полей, от него пахло потом. После ужина отец сидел с Джиффом и рассказывал ему истории, отвечал на вопросы, учил Тери готовить какое-нибудь новое блюдо или отправлялся в гостиницу. Он был истинно летним человеком.

И он никогда не пил летом, позволяя себе лишь стаканчик вина при встрече с братом.

Имелась еще одна причина, по которой Тери и Джифф любили лето, когда мир становился зеленым, жарким и таким живым, — дядя Хал, младший брат отца, только летом приезжал к ним в гости. Хал служил у короля наездником дракона. Это был высокий стройный мужчина, лицом похожий на дворянина. Драконы не переносили холода, поэтому зимой Хал и его эскадрилья улетали на юг. Но каждое лето он возвращался, в великолепной королевской форме, зеленой с золотым, его ждали поля сражений на севере и западе. Война никогда не прекращалась, сколько помнила себя Адара.

Всякий раз Хал привозил игрушки, хрустальные и золотые украшения, сласти и обязательно бутылку дорогого вина, которую они распивали с братом. Он улыбался Тери и заставлял ее краснеть, отпуская изысканные комплименты, а Джиф-фа развлекал рассказами о войне, замках и драконах. Дядя всячески старался заставить Адару улыбнуться, но ему редко сопутствовал успех. Несмотря на легкий характер, Адара не слишком любила Хала — его появление означало, что до зимы еще далеко. К тому же в один из визитов она случайно подслушала разговор братьев

за бутылкой вина.

— Какое серьезное маленькое существо, — заметил Хал. — Будь с ней добрей, Джон. Ты не можешь винить ребенка за то, что произошло.

— В самом деле? — Голос отца изменился — наверное, от выпитого вина. — Пожалуй, ты прав. Но это так трудно. Она очень похожа на Бэт, но в ней нет тепла матери. Всякий раз, когда я прикасаюсь к ней, от нее веет холодом, и я вспоминаю, что из-за нее умерла моя любимая жена.

— Ты не любишь ее так, как других детей.

Какой странный смех у ее отца!

— Ты полагаешь? О, Хал, я люблю ее больше всех, мое зимнее дитя. Но она никогда не отвечает на мою любовь. В ее душе нет места для меня или тебя, любого из нас. Она ужасно холодная маленькая девочка. — И он разрыдался, хотя было лето и рядом с ним сидел Хал.

Лежавшая в постели Ддара слушала их разговор, думая о том, что хочет, чтобы Хал поскорей улетел. Она не до конца поняла, о чем шла беседа, но запомнила разговор от слова до слова.

Дядя покинул их через несколько дней, Тери и Джифф возбужденно махали ему вслед, когда гордая эскадрилья из тридцати драконов выстроилась эффектным клином в летнем небе. Адара смотрела ввысь, опустив обе руки вдоль тела.

Хал каждое лето навещал семью брата, но так и не дождался улыбки племянницы, что бы он ей ни привозил, потому что девочка улыбалась только зимой.

Адара с нетерпением ждала наступления своего дня рождения, а вместе с ним и холодов. Когда она играла с другими детьми в снегу, холод никогда не доставлял ей неудобств, как Джиффу, Тери и их друзьям. Когда ребятишки прятались по домам или забегали к старой Лауре поесть горячего овощного супа, который она варила специально для них, Адара отправлялась в свое тайное укрытие в дальнем углу поля — каждую зиму она находила новое место, — где строила высокий белый замок, укладывая снег голыми руками. Постепенно вырастали башни, зубчатые стены — все как в рассказах дяди. Она отрывала сосульки с нижних веток деревьев, чтобы сделать из них шпили и зубцы, украшая ими замок. Часто посреди зимы случалась короткая оттепель, и за одну ночь ее замок покрывался льдом, а стены становились такими же твердыми и неприступными, как у настоящих замков.

Всю зиму Адара трудилась над возведением замка, о котором никто не знал. Но потом приходила весна, стены и бастионы таяли, замок исчезал, и девочка начинала считать дни до

наступления следующего дня рождения.

Кроме замка зимой у Адары имелись и другие увлечения. Каждый год, как только начинались первые заморозки, на полях появлялось множество крошечных голубых существ, которые стремительно перемещались по первому легкому снегу, почти не оставляя на нем следов, — это выползали из своих нор ледяные ящерицы. Дети охотно играли с ними, но из-за неловкости или жестокости часто разрывали хрупких животных на части, ломая их между пальцами, как сосульки. Даже Джиф-фа, всегда с любовью относившегося ко всем живым существам, иногда разбирало любопытство, и он слишком долго держал ящерицу в руках, изучая ее, и в тепле его рук ящерица начинала таять, а потом умирала. Руки Адары были прохладными и нежными, и она могла держать ящериц сколько угодно, не причиняя им вреда, из-за чего ее брат обижался и засыпал ее сердитыми вопросами. Иногда Адара лежала в холодном влажном снегу, позволяя ящерицам ползать по ней: когда пугливые существа пробегали по ее лицу, мягкие прикосновения их ножек доставляли ей удовольствие. Иногда девочка носила ледяных ящериц в волосах как украшение; она также не забывала угощать их остатками еды.

Адара радовалась, что каждую зиму в ее замке поселялись маленькие, покрытые пушистым мехом зверьки, приходившие из леса, зимние птицы с бледными перьями. Правда, ледяные ящерицы нравились ей больше.

Но любила она только ледяного дракона.

Девочка не помнила, когда увидела его в первый раз. Ей казалось, что он всегда был частью ее жизни — видение, возникающее в самый разгар зимы, стремительно несущееся по холодному небу на прозрачных голубых крыльях. Ледяные драконы появлялись очень редко, и всякий раз дети с удивлением показывали на них, а старики лишь что-то бормотали себе под нос и качали головами. Это означало, что зима будет очень суровой и не скоро уступит место весне.

Люди говорили, что в ту ночь, когда родилась Адара, ледяной дракон впервые появился на ночном небе, закрывая собой луну, и с тех пор прилетал каждую зиму, принося с собой продолжительные холода. Поэтому люди зажигали костры и молились, чтобы удержать ледяного дракона подальше от их мест, а сердце Адары наполнялось страхом. Но молитвы не приносили результата. Каждый год дракон возвращался. Адара знала, что он прилетает ради нее.

Ледяной дракон был большим, в полтора раза крупнее чешуйчатых зеленых боевых драконов, на которых летали Хал и его товарищи, но эти чешуйчатые рептилии по сравнению с

ледяным драконом выглядели маленькими уродцами.

Ледяной дракон слепил глаза кристальной белизной, его огромные могучие крылья переливались нежными оттенками голубого. Адара видела сквозь них тучи, а иногда — луну и звезды. Тело покрывал иней, так что стоило ему пошевелиться, как кожа начинала трескаться, точно корочка наста на снегу под башмаками человека, и во все стороны летела изморозь. Глаза чистотой и глубиной напоминали небо, а зубы — тройной ряд сосулек, зазубренные копья разной длины, белые на фоне глубокой голубой пасти.

Когда ледяной дракон взмахивал крыльями, дули холодные ветры и кружился в завихрениях снег, а мир сжимался и дрожал. Из-за неожиданного порыва ветра распахивалась дверь, и люди торопились ее скорее закрыть со словами:

— Ледяной дракон где-то рядом.

А когда ледяной дракон открывал свою огромную пасть и выдыхал, то наружу вырывался вовсе не огонь, смешанный с обжигающим ароматом серы. От его дыхания формировался лед, тепло бежало прочь. Огонь поникал и гас, не в силах бороться с морозом. Деревья промерзали насквозь, до своих тихих дремлющих душ, их ветки становились хрупкими и трескались под собственным весом. Ледяной дракон выдыхал в мир смерть, спокойствие и холод.

Но Адара не боялась дракона, она видела его в небе тысячу раз. А когда ей исполнилось четыре года, она встретилась с ним на земле.

Адара строила снежный замок, и дракон приземлился неподалеку, посреди занесенного снегом поля. Ледяные ящерки дружно бросились врассыпную. Адара осталась спокойно стоять. В течение долгих десяти вздохов ледяной дракон смотрел на нее, а потом вновь взмыл в воздух. Ветер обрушился на нее, пронизывая насквозь, когда могучие крылья рассекали воздух над ее головой, но девочка ощутила лишь странное волнение.

Той же зимой дракон вернулся, и Адара впервые его коснулась. Девочка немного боялась, что дракон растает под ее прикосновением, но этого не произошло: еще бы, она же особенный, зимний ребенок. Адара погладила его, а потом поцеловала в крыло. Губы обожгло.

Зима пятого дня рождения стала годом, когда она впервые полетела на драконе.

Он вновь нашел Адару, когда она строила снежный замок, в другом тайном месте, как всегда одна. Девочка следила за его полетом, а как только дракон приземлился, подбежала и прижалась к нему. Они долго стояли рядом, а потом Адара

протянула руку и дернула его крыло. Дракон тут же опустил крыло на снег, девочка забралась ему на спину и обвила руками холодную белую шею.

Ледяной дракон взвился в небо.

У нее не было упряжи или хлыста, которым пользовались королевские наездники. Иногда взмахи крыльев грозили сбросить ее на землю, а холод чешуи проникал сквозь одежду, и тело девочки немело. Но Адара не боялась.

Они пролетели над отцовской фермой, и девочка увидела внизу Джиффа, который показался ей совсем маленьким. И она рассмеялась ледяным звенящим смехом, свежим и бодрящим, как зимний воздух.

Под ними промелькнула гостиница, где собралась толпа людей, чтобы поглазеть на дракона, позади остался лес, молчаливый, белый с зеленым. Они поднялись так высоко, что Адара уже не видела земли, и ей показалось, что далеко впереди мчался другой ледяной дракон, но он был значительно меньше ее скакуна.

Полет продолжался весь день, наконец дракон описал огромный круг и по спирали начал спускаться вниз, паря на своих застывших блистающих крыльях. Он оставил ее на том самом поле, где она строила замок, сразу после наступления сумерек.

Здесь и нашел Адару отец, который разрыдался, увидев ее, и крепко прижал к груди. Ацара не поняла, почему он плакал и почему высек хворостиной, когда они вернулись домой. Но после того как она и Джифф улеглись спать, брат тихо подошел к ней.

— Ты все пропустила, — прошептал он. — Прилетал ледяной дракон и всех ужасно напугал. Отец боялся, что дракон тебя сожрал.

Адара улыбнулась, но ничего не ответила.

С тех пор каждую зиму она летала на драконе, полеты становились более длительными и частыми.

Ей уже исполнилось шесть; люди только и говорили о ледяном драконе и решили отправить послание королю. Ведь зимы становились все более долгими и холодными, с каждым годом весна приходила все позднее, а те участки земли, где отдыхал ледяной дракон, теперь не оттаивали даже летом.

Ответа от короля не последовало.

— Ледяные драконы — плохие твари, — сказал Хал, когда летом прибыл на ферму. — Они не похожи на обычных, вы же знаете. Их невозможно приручить и выдрессировать. Я слышал легенды о людях, которых находили замерзшими с поводьями и хлыстом в руках. Говорят, тот, кто рискнет коснуться ледяного дракона, теряет пальцы и даже руку. Отмораживает. Да, паршивое

дело.

— Но почему король ничего не предпринимает? — спросил отец. — Мы же отправили ему послание. Если в ближайшие год или два дракона не удастся убить или отогнать, зима никогда не закончится.

Хал мрачно улыбнулся.

— У короля хватает других забот. Ты же знаешь, война идет не слишком успешно. Каждое лето враг наступает, у них в два раза больше боевых драконов, чем у нас. Вот что я тебе скажу, Джон, там — настоящий ад. Король не может выделить людей гоняться за ледяным драконом. — Он рассмеялся. — К тому же я никогда не слышал, чтобы кому-то удалось убить ледяного дракона. Быть может, следует уступить врагу эту провинцию. Тогда ледяной дракон будет принадлежать ему.

Нет, этому не бывать, подумала Адара, которая внимательно слушала Хала. Кто бы ни правил провинцией, дракон будет принадлежать ей!

Хал улетел, а лето вскоре подошло к концу. Адара вновь принялась считать дни до своего дня рождения. Дядя пролетал мимо в начале осени — вместе со своим уродливым драконом он отправился на юг. Только теперь его эскадрилья стала заметно меньше, а визит получился совсем коротким. Ко всему прочему, Хал и отец поругались.

— …Они не станут воевать зимой, — говорил Хал. — Это слишком опасно, они не будут наступать, лишившись поддержки с воздуха. Но когда придет весна, мы не сможем их остановить. Король даже не будет пытаться. Продавайте ферму прямо сейчас, пока за нее можно получить хорошую цену. Вы сможете купить себе другую, на юге.

— Это моя земля, — возразил отец. — Я здесь родился. И ты тоже — но, по-моему, об этом забыл. Здесь похоронены наши родители. И Бэт. Когда придет мой черед, я хочу лежать рядом с ней.

— Ты уляжешься в землю гораздо раньше своего срока, если не послушаешься меня! — рассердился Хал. — Не будь дураком, Джон. Я понимаю, что значит для тебя эта земля, но она не стоит твоей жизни.

Дядя продолжал приводить самые разные доводы, но отец стоял на своем. Они спорили до наступления рассвета. Хал ушел, хлопнув на прощание дверью.

Адара между тем приняла решение. Для нее не имело значения, как поступит отец, — она в любом случае останется. Если она переедет в другое место, ледяной дракон не сможет ее найти, когда начнется зима.

После ее седьмого дня рождения дракон вновь прилетел к ней. Эта зима оказалась самой холодной из всех. Адара летала так часто и так далеко, что у нее почти не оставалось времени на строительство ледяного замка.

Весной их навестил Хал. В его эскадрилье осталась лишь дюжина драконов, и на сей раз дядя не привез с собой подарков. Они с отцом спорили еще более яростно. Хал бушевал и молил, грозил и уговаривал, но отец оставался непреклонным. Так дядя и уехал ни с чем.

Королевские войска дрогнули, и оборона была прорвана возле города с длинным названием, которого Адара даже не могла произнести.

Первой узнала об этом Тери. Однажды вечером она вернулась домой раскрасневшаяся и возбужденная.

— В гостинице остановился королевский гонец, — сообщила она. — Враг одержал победу в большом сражении, нам нужно подкрепление. Армия отступает.

Отец нахмурился, на лбу у него появились глубокие морщины.

— А он что-нибудь говорил о наших драконах и всадниках?

Хал как-никак оставался его братом.

— Я спрашивала. Гонец сказал, что драконы остались в арьергарде. Они должны задержать врага, сжигая все на его пути, чтобы наша армия имела возможность отступить. Я надеюсь, что с дядей все в порядке!

— Хал им покажет, — заявил Джифф. — Они с Бримстоуном сожгут их всех.

Отец улыбнулся.

— Хал всегда умел позаботиться о себе. В любом случае мы ничего не можем сделать. Тери, если ты увидишь других гонцов, обязательно спрашивай, как идут дела.

Она кивнула, и было видно, что возбуждение и любопытство пересиливают страх, ведь происходили такие удивительные события!

В последующие недели общее настроение изменилось к худшему, все начали понимать размеры катастрофы. По королевской дороге теперь перемещалось гораздо больше людей. Поначалу это были дисциплинированные колонны под предводительством офицеров в золотых шлемах. Усталые солдаты уныло маршировали мимо крестьянских ферм, их форма была грязной и потрепанной, их мечи и копья потемнели от вражеской крови. А обозы с огромным количеством раненых были еще длиннее колонн марширующих солдат.

Адара стояла в траве на обочине и наблюдала за бредущими

людьми. Вот слепой поддерживает товарища без ноги, на телегах везут несчастных, лишившихся обеих ног; тела солдат покрыты запекшейся кровью и грязью. Один из раненых умер, и его оставили прямо на обочине дороги. Адара рассказала отцу, и он вместе с другими крестьянами похоронил умершего.

Но чаще всего Адара видела обгоревших солдат. В каждой проходившей колонне были дюжины таких страдальцев, их кожа почернела, шелушилась и отваливалась, многие потеряли руку или ногу, когда их коснулось раскаленное дыхание дракона.

С каждым днем солдат становилось все больше. И вскоре все узнали, что подкрепления не будет. Офицер одной из последних колонн посоветовал фермерам взять все, что они смогут унести с собой, и идти на юг.

— Они приближаются, — предупредил он.

Кое-кто послушался, и в течение следующей недели дорогу заполнили беженцы из северных городов. Они рассказывали жуткие истории. Часть фермеров ушла вместе с ними.

Но большинство осталось — то были люди, похожие на отца Адары, родная земля проникла в их кровь.

Последний организованный отряд, прошедший по дороге, был кавалерийским. Оборванные и исхудавшие солдаты в обагренных кровью мундирах на тощих лошадях проскакали через деревню ночью. Юный офицер придержал своего скакуна и крикнул:

— Уходите скорее, они сжигают все на своем пути! — И умчался вслед за своими людьми.

Теперь по дороге проходили лишь небольшие группы или одинокие солдаты в зелено-золотом тряпье. Один из них убил фермера, изнасиловал его жену, забрал все деньги и сбежал.

И больше по дороге не прошел никто.

Джифф был ужасно возбужден, он задавал тысячи вопросов про врага и играл в воинов. Отец продолжал трудиться, как и всегда. Война или нет, но кто-то должен вырастить урожай. Однако теперь улыбка гораздо реже появлялась на его лице, и он начал пить. Адара замечала, что во время работы отец часто посматривает на небо.

Девочка в одиночестве бродила по полям, жаркий влажный воздух лета не мешал ей думать о том, где она спрячется, если отец решит бежать на юг.

Последними появились королевские драконы с всадниками, и вместе с ними. — Хал. Их осталось всего четверо. Адара увидела первого и тут же побежала с этой вестью к отиу. Дядя выглядел мрачным и исхудавшим, а его дракон казался совсем больным — у него слезились глаза, а одно из крыльев обгорело.

— Когда ты намерен уйти? — спросил он у брата.

— Никогда. Ничего не изменилось.

— Проклятье! Они будут здесь через три дня! А их драконы могут появиться еще раньше.

— Отец, мне страшно, — сказала Тери.

Он внимательно посмотрел на дочь и, нахмурившись, произнес:

— Я остаюсь. Но если сможешь, возьми с собой детей.

Хал задумался, потом покачал головой.

— Я не могу. Я бы с радостью взял их, если бы имел такую возможность. Бримстоун ранен. Он едва выдерживает меня, ему не поднять дополнительный вес.

Тери заплакала.

— Мне очень жаль, милая. — Дядя бессильно сжал кулаки.

— Тери уже почти взрослая, — сказал отец. — Если она весит слишком много, возьми кого-нибудь из младших детей.

Братья переглянулись, и Хал тяжело вздохнул.

— Адара, — наконец промолвил он. — Она маленькая и легкая, совсем ничего не весит. Я возьму Адару. А вы впрягайте в фургон лошадей или идите пешком. Но, проклятье, вам нужно уносить отсюда ноги!

— Посмотрим, — сдержанно отозвался отец. — Ты возьмешь Адару и постараешься ее уберечь.

— Да, — кивнул Хал, а потом повернулся к девочке и улыбнулся. — Пойдем, дорогая. Дядя покатает тебя на Бримстоунс.

Адара очень серьезно посмотрела ему в глаза.

— Нет.

Она повернулась, выскользнула в дверь и побежала.

Конечно, они попытались ее догнать. Отец сразу же отстал, Хал и Джифф продолжали ее преследовать, но Хал слишком ослабел от недоедания. Брат продержался дольше всех, но и он не сумел ее настичь. К тому моменту, когда Адара добежала до пшеничного поля, преследователи потеряли ее из виду. Девочка спряталась, а когда они прошли мимо, бросилась в лес.

Спустились сумерки, отец и дядя взяли фонари и факелы и продолжали поиски. Адара забралась на дуб и устроилась на одной из веток, она только улыбалась, глядя, как перемещаются под ней мерцающие факелы. Наконец девочка заснула, и ей снилось приближение зимы. Интересно, как она доживет до дня рождения? До него осталось еще так много времени.

На рассвете Адара проснулась; ее разбудил солнечный свет и доносящийся с неба шум. Она взобралась повыше и выглянула сквозь листву.

В небе появились драконы.

Никогда прежде в небе не появлялись такие существа. Их покрытая сажей чешуя была темной, а вовсе не зеленой, как у дракона Хала. Один был цвета ржавчины, другой — запекшейся крови, третий — черным, как ночь. И глаза у всех драконов горели, словно тлеющие угольки, из ноздрей сочился пар, длинные хвосты извивались, кожистые крылья рассекали воздух. Дракон цвета ржавчины открыл пасть и взревел, и лес покачнулся, даже ветка, на которой сидела Адара, мелко задрожала. Черный взревел в ответ, из его разверстой пасти вырвалось оранжево-синее пламя, коснувшееся крон деревьев. Листья моментально сморщились и почернели, в небо начал подниматься дым. Дракон цвета запекшейся крови пролетел над головой Адары, приоткрыв пасть, и ее обожгло сухим раскаленным ветром. Девочка сжалась от ужаса.

На спинах драконов сидели всадники в черно-оранжевой форме с хлыстами и копьями, их головы скрывали темные шлемы с глухими забралами. Тот, что сидел на драконе цвета ржавчины, указал копьем в сторону деревни. Адара повернула голову.

Навстречу врагу взлетел Хал. Его зеленый дракон показался девочке совсем маленьким по сравнению с этими тварями. Только теперь Адара поняла, как сильно пострадал дракон в предыдущих схватках. Сидевший на его спине Хал был похож на крошечного игрушечного солдатика, вроде тех, что он привозил Джиффу в подарок в прошлом году.

Вражеские драконы разделились и атаковали его с трех сторон. Дядя попытался свернуть, чтобы напасть на черного дракона и оторваться от двух других. Он отчаянно взмахнул хлыстом. Его зеленый дракон открыл пасть и яростно взревел, но пламя, которое исторглось из его глотки, было бледным и слабым, ему не удалось достать врага.

Атакующие драконы по команде одновременно выдохнули огонь. Дракон и всадник запылали одновременно. Потом они рухнули на землю и остались лежать на пшеничном поле ее отца. Воздух наполнился пеплом.

Девочка повернула голову в другую сторону и увидела, что из-за леса и реки поднимается дым. Там находилась ферма, где вместе со своими внуками и их детьми жила старая Лаура.

Девочка отвернулась и увидела, что три темных дракона уже кружили над фермой ее отца. Один за другим они приземлились, всадники соскочили на землю и решительно направились к дому.

Адаре было всего семь лет, и она ужасно испугалась. Тяжелый воздух, наполненный пеплом, невыносимым грузом давил ей на плечи, лишая воли и сил, сгущая страх. И она

сделала единственное, что пришло ей в голову, — соскользнула на землю и поспешила прочь. Она мчалась по лесу и полям, как можно дальше от фермы и родных, от отвратительных драконов. Адара бежала к самому холодному месту, которое знала, к глубоким пещерам, находившимся под отвесными берегами реки.

Там, в прохладной темноте, она и спряталась. Адара была зимним ребенком, и холод ее никогда не пугал. И все же она дрожала.

День сменился ночью. Адара пыталась спать, но ее сны были полны горящих драконов.

Она лежала и считала дни, остающиеся до ее дня рождения. Благодаря чудесной прохладе девочке почти удалось представить, что сейчас вовсе не лето, а зима или хотя бы осень. Скоро к ней прилетит ледяной дракон, и она умчится на его спине в страну, где всегда царит зима, а посреди бескрайних снежных полей огромные ледяные замки и храмы вечно вздымают в небо свои стройные шпили, где всегда тихо, холодно и спокойно.

Казалось, и в самом деле пришла зима, в пещере становилось все холоднее. Адара ощутила, как к ней возвращается спокойствие, которое сменилось глубоким сном без кошмарных сновидений.

Когда девочка проснулась, холод усилился, теперь стены пещеры покрывал тонкий слой инея. Она вскочила на ноги и посмотрела в сторону входа в пещеру, откуда проникал слабый свет. Очевидно, наступило раннее утро. Холодный ветер ласкал ее лицо, однако он долетал в пещеру снаружи, где только что царило лето, а вовсе не из прохладных глубин пещеры.

Адара радостно вскрикнула и выбежала наружу. Здесь ее ждал ледяной дракон.

Он дохнул на воду, и река замерзла, во всяком случае какая-то ее часть, и все же лед быстро таял в лучах восходящего летнего солнца. Дракон дохнул на зеленую траву, росшую вдоль берега, и высокие стебли стали белыми и ломкими, а когда ледяной дракон приподнял крылья, стебли качнулись и с треском посыпались на землю, словно срезанные косой великана.

Ледяные глаза дракона встретились с глазами девочки, и она подбежала к нему, взобралась по крылу и обняла руками за шею. Следовало поторопиться, потому что никогда ледяной дракон не выглядел таким маленьким — вот что летнее тепло делает с существом, принадлежавшим зиме!

— Унеси меня прочь, дракон, — прошептала Адара, — Унеси в страну, где всегда зима. Мы никогда не вернемся сюда, никогда! Я построю для тебя самый лучший замок, я буду заботиться о тебе, мы будем летать с тобой каждый день. Только забери меня с

собой, дракон, забери меня *домой!*

Ледяной дракон услышал Адару и прекрасно ее понял. Он расправил широкие прозрачные крылья и взмыл в воздух, над летними полями пронесся леденящий арктический ветер.

Река и лес стремительно уменьшались. Ледяной дракон повернул на север, Адара успела заметить отцовскую ферму, ставшую совсем крошечной.

А потом девочка услышала звук. Нет, он просто не мог долететь до ее ушей, ведь могучие крылья ледяного дракона с шумом рассекали воздух. И все-таки это был крик. Ее отца.

Горячие слезы хлынули по ее щекам, и там, где они падали на ледяную спину дракона, оставались маленькие отметины. Неожиданно пальцы девочки ощутили обжигающий холод, а когда Адара оторвала одну руку от шеи дракона, то увидела, что на ослепительно белой чешуе остался след. Ей стало очень страшно.

— Поверни назад, — прошептала она. — О, пожалуйста, дракон. Отнеси меня обратно.

Она не видела глаз дракона, но знала, как скорбно они смотрят вперед. Он открыл пасть, и в воздухе расцвели белоголубые плюмажи. Но никаких звуков, ледяные драконы всегда молчат.

— Помоги мне, — вновь попросила она. — Пожалуйста. — Ее голос звучал совсем тихо.

И ледяной дракон повернул обратно.

Три темных дракона находились возле коровника, пируя среди обгоревших останков коров и лошадей, за которыми с такой любовью ухаживал ее отец. Рядом с ними, опираясь на копье, стоял один из всадников, время от времени постукивая своего дракона по спине.

Он поднял голову, когда над полями пронесся холодный ветер, что-то закричал и метнулся к черному дракону. Чудовище оторвало последний кусок от лошади, проглотило его и неохотно поднялось в воздух. Всадник взмахнул хлыстом.

Адара увидела, как распахнулась дверь дома, оттуда выскочили двое других всадников и побежали к своим драконам. Один из них на ходу застегивал штаны, его грудь была обнажена.

Черный дракон взревел, и из его пасти вырвалось желтое пламя. Адара ощутила обжигающий жар, и ледяной дракон содрогнулся, когда огонь ударил ему в живот. Затем он выгнул свою длинную шею, посмотрел печальными пустыми глазами на врага и распахнул покрытые инеем челюсти. Наружу вырвалось его дыхание, бледно-голубое и холодное. Оно коснулось левого крыла угольно-черного дракона, темный зверь пронзительно

взвыл от боли, а когда вновь взмахнул крыльями, покрытое инеем крыло разломилось надвое. Дракон и всадник начали падать. Ледяной дракон дохнул еще раз. Они замерзли и умерли еще до того, как упали на землю.

Между тем к ним приближались дракон цвета ржавчины и дракон цвета запекшейся крови с полуобнаженным всадником. Уши Адары наполнил яростный рев, она почувствовала их горячее дыхание, воздух был пронизан жаром и едким запахом серы.

Два длинных клинка огня скрестились в воздухе, но ни один из них не коснулся ледяного дракона, хотя он и съежился от жара, а когда в очередной раз взмахнул крыльями, во все стороны рассыпались капли дождя.

Дракон цвета крови подлетел слишком близко, и дыхание ледяного дракона погубило его всадника. На глазах у Адары его обнаженная грудь посинела, а в следующее мгновение он покрылся инеем и с криком полетел вниз, примерзшая упряжь так и осталась болтаться на шее его дракона. Ледяной дракон еще больше сократил расстояние между ними, его крылья пели тайную балладу зимы, и вспышка огня встретилась с потоком холода. Он вновь содрогнулся и резко ушел в сторону, с него ручьями стекала вода. Вражеский дракон рухнул на землю.

Последний дракон устремился к ним, его ржавая чешуя тускло поблескивала в лучах утреннего солнца, всадник сидел у него на спине в полном вооружении. Адара закричала — и в тот же миг огонь окутал крыло ледяного дракона. Пламя тут же погасло, но и крыло бесследно растаяло.

Оставшееся крыло ледяного дракона отчаянно билось, он пытался замедлить падение, но они с грохотом рухнули на поле. Ноги дракона разлетелись на куски, а крыло сломалось в двух местах. Девочку отбросило в сторону, и она покатилась по земле.

Ледяной дракон казался таким жалким и измученным, его длинная шея устало лежала на земле, голова покоилась среди пшеницы.

Последний оставшийся в живых дракон с торжествующим ревом приближался к ним. Его глаза горели огнем ненависти. Всадник размахивал копьем и что-то кричал.

Ледяной дракон с трудом поднял голову и издал невероятно высокий крик, полный глубокой печали: так шумит северный ветер, задевая башни и зубчатые стены белого замка, что стоит пустым в краю вечной зимы. Он в последний раз послал в мир холод: длинный курящийся клинок бело-голубого пара, наполненный снегом и неподвижностью, несущий гибель всем живым существам. Вражеский дракон вместе с его всадником

влетели прямо в него, человек продолжал победно размахивать хлыстом и копьем. Адара молча смотрела, как они замертво рухнули на землю.

А потом она побежала через поля к своему дому и оставшейся там семье. Она бежала изо всех сил, задыхаясь и плача, как и положено семилетнему ребенку.

Ее отца пригвоздили к стене спальни. Всадники хотели, чтобы он видел, как они по очереди развлекаются с Тери. Адара не знала, что делать, но она развязала сестру, чьи слезы уже успели высохнуть, и они вместе освободили от пут Джиффа. А затем им удалось снять отца. Тери промыла его раны. Открыв глаза и увидев Адару, отец улыбнулся. Девочка изо всех сил обняла его и заплакала.

К вечеру Джон сказал, что готов двинуться в путь. Они выбрались из дома под покровом темноты и зашагали по королевскому тракту на юг.

В те жуткие темные часы семья не стала расспрашивать Адару о том, что произошло. Но позднее, когда они оказались в безопасности, на нее обрушилось множество вопросов. Девочка отвечала, как могла. Но никто, кроме Джиффа, ей не поверил, да и он, став старше, решил, что младшая сестренка что-то напутала. В конце концов, Адаре тогда было всего семь лет, и она не понимала, что летом никто не видел ледяных драконов, не говоря уже о том, что их невозможно приручить.

Кроме того, когда они покинули свой дом той ночью, то не увидели никакого ледяного дракона. Во дворе валялись огромные темные тела боевых драконов да еще три трупа в черноораншевой форме. Появился пруд, которого раньше не было, небольшая тихая заводь с очень чистой водой.

На юге их отец в течение трех лет работал на другого фермера. И хотя его руки уже никогда не обрели прежней силы, он компенсировал этот недостаток мощной спиной и плечами, а главное — упорством. Ему удавалось откладывать деньги, и он казался вполне счастливым.

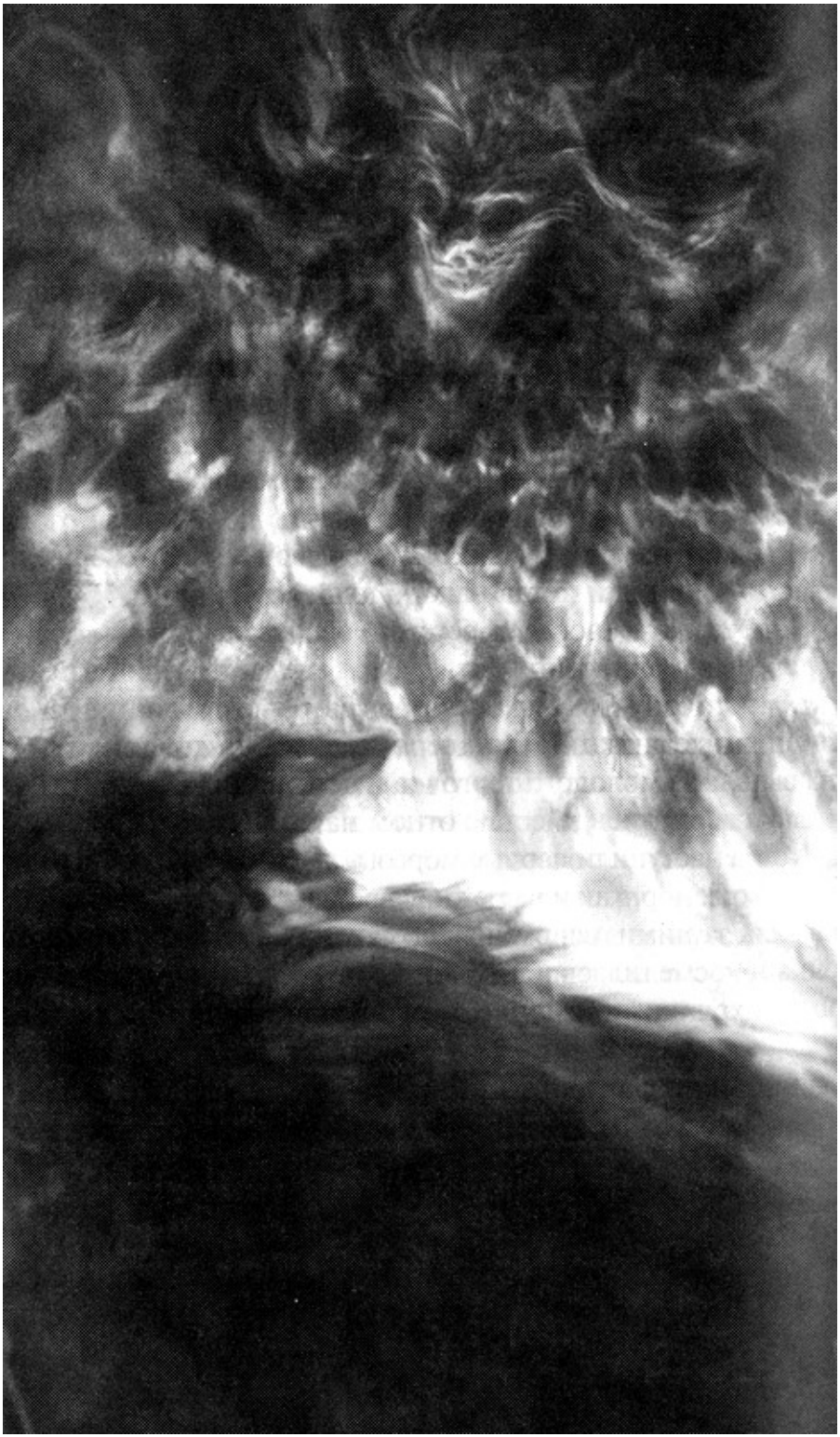
— Хал погиб, и мы потеряли нашу землю, — говорил он Адаре. — Зато я обрел дочь.

И действительно, зима покинула девочку, она теперь улыбалась, смеялась и когда надо — плакала.

Через три года после их бегства королевская армия одержала победу в грандиозной битве, а драконы короля сожгли вражескую столицу. Наступил мир, и северные провинции вновь поменяли хозяина. К Тери вернулась ее прежняя веселость, она вышла за молодого торговца и осталась на юге. А Джифф и Адара вернулись вместе с отцом на свою ферму.

Когда наступили первые морозы, ледяные ящерки выползли из своих нор, как и в прежние времена. Адара с улыбкой наблюдала за ними, вспоминая свои прежние игры. Однако девочка не осмелилась к ним прикоснуться: они были маленькими и хрупкими, и тепло ее рук могло причинить им вред.

В Потерянных землях
© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой



У Серой Элис вы можете купить все, что только пожелаете.
Но лучше этого не делать.

Леди Меланж не пошла сама к Серой Элис, она была умной и осторожной молодой женщиной и к тому же настоящей красавицей. Люди говорили: тот, кто имеет дело с Серой Элис, ищет неприятностей на свою голову. Да, она никогда не отказывала тем, кто к ней приходил, и всегда доставала для них то, о чем они просили. Тем не менее когда все просьбы были выполнены, люди не становились от этого счастливее. Быть может, именно по этой причине леди Меланж, управлявшая землями из высокого замка на склоне горы, отправила к Серой Элис Джерайса.

Синий Джерайс, рыцарь леди, первый из ее паладинов, командующий гарнизоном замка, под лазурными доспехами, украшенными эмалью, носил светло-голубой шелк. На его Щите всеми оттенками голубого и синего был изображен водоворот, рукоять меча украшал сапфир величиной с глаз орла. Когда он вошел в дом Серой Элис и снял шлем, оказалось, что его глаза по цвету идеально совпадают с камнем на рукояти, вот только волосы подкачали — буйная рыжая шевелюра торчала во все стороны.

Серая Элис жила в маленьком древнем домике из камня, расположенном в самом центре города. Рыцарь вошел в комнату без окон, пыльную, пропитанную запахами плесени, и остановился, дожидаясь, когда его голубые глаза привыкнут к царящему в комнате полумраку — горела лишь одна свеча. Серая Элис сидела в старинном кресле с высокой спинкой, отчего ее тело казалось совсем маленьким и иссохшим. На коленях у нее устроилась серая крыса размером с небольшую собачку.

— Да? — наконец сказала хозяйка, медленно поглаживая крысу.

— Вы та, кого люди называют Серая Элис.

— Да.

— Меня зовут Джерайс. Я пришел по просьбе леди Меланж.

— Красивая и мудрая леди Меланж, — проговорила Серая Элис. Мех крысы мягко, точно бархат, переливался под ее длинными бледными пальцами. — Почему леди посылает своего рыцаря к такой бедной и непримечательной женщине, как я?

— Слухи о вас дошли даже до замка, — пояснил Джерайс.

— Да?

— Говорят, что за известную цену вы продаете диковинные и замечательные вещи.

— И леди Меланж хочет что-то купить?

— И еще говорят, что вы, Серая Элис, обладаете силой. Люди утверждают, что вы можете становиться старой или юной — как захотите. И еще они болтают, что иногда вы превращаетесь в мужчину, или старуху, или даже ребенка. И что вы умеете обращаться в серую кошку, медведя, птицу и по желанию изменяете свою кожу, но не как рабыня луны, а как оборотни из Потерянных земель.

— Да, все это правда, — не стала отпираться Серая Элис.

Джерайс снял с пояса маленький кожаный мешочек и подошел к столу возле кресла. Развязав шнурок, он высыпал содержимое мешочка на стол — драгоценные камни, целая дюжина. Серая Элис взяла один из них, поднесла к глазам и посмотрела сквозь него на пламя свечи. Потом она положила его на стол, кивнула Джерайсу и сказала:

— И что же леди Меланж хочет у меня купить?

— Вашу тайну, — улыбнулся рыцарь. — Леди Меланж желает научиться менять свой облик.

— Говорят, она молода и красива. До нас доходят слухи, что она часто заводит любовников. Я слышала, что вся стража в нее влюблена, в том числе и вы. Зачем ей менять свой облик?

— Вы меня не совсем правильно поняли. Леди Меланж не ищет молодости и красоты. Ничто не может сделать ее более прекрасной. Она хочет, чтобы вы научили ее превращаться в зверя. В волка.

— Зачем?

— Это вас не касается. Вы готовы продать ей то, что она хочет?

— Я никому не отказываю, — ответила Серая Элис. — Оставьте камни. Возвращайтесь через месяц, и я дам вам то, чего желает леди Меланж.

Джерайс кивнул. Его лицо стало задумчивым.

— Вы никому не отказываете?

— Никому.

Его рука метнулась к поясу, а потом он с кривой усмешкой протянул женщине раскрытую ладонь. На мягком синем бархате перчатки лежал сапфир, превышавший размерами тот, что украшал рукоять меча.

— Я тоже хочу кое-что купить.

Серая Элис взяла сапфир с ладони рыцаря, зажав его между большим и указательным пальцами, посмотрела сквозь него на свечу, кивнула и небрежно бросила на стол к остальным камням.

— Что вы желаете получить, Джерайс?

Его усмешка стала еще шире.

— Я желаю, чтобы вас постигла неудача. Леди Меланж не

должна получить то, о чем она мечтает.

Спокойные серые глаза встретились с голубыми холодными глазами.

— Вы носите не тот цвет, Джерайс, — наконец прервала молчание женщина. — Синий — это цвет верности, а вы предаете свою хозяйку, доверившую вам важную миссию.

— Нет, я храню ей верность, — запротестовал рыцарь. — Мне лучше знать, что для нее хорошо, а что — нет. Леди Меланж молода и глупа, она полагает, что сможет хранить в тайне свое новое умение. Как только люди узнают правду, что неизбежно, они ее уничтожат. Нельзя днем управлять людьми, а по ночам перегрызать им горло.

Некоторое время Серая Элис размышляла над словами визитера, продолжая поглаживать огромную крысу, которая сидела у нее на коленях.

— Вы лжете, Джерайс, — заявила она. — Вы скрываете свои истинные мотивы.

Рыцарь нахмурился. Его рука в перчатке небрежно легла на рукоять меча. Большой палец начал поглаживать сапфир.

— Я не стану с вами спорить, — резко ответил он. — Если вы отказываетесь исполнить мою просьбу, верните обратно сапфир, и будьте вы прокляты!

— Я никому не отказываю, — ответила Серая Элис.

Мужчина недоуменно нахмурился.

— Я получу то, о чем прошу?

— Да, вы получите желаемое.

— Превосходно, — вновь улыбнулся Джерайс. — Значит, через месяц!

— Через месяц, — согласилась Серая Элис.

И Серая Элис послала весточку так, как умела делать только она. Слова передавались от одного человека к другому, в тени переулков и в миазмах сточных канав, но они доходили и до высоких домов из алого дерева и разноцветного стекла, где обитали знатные и богатые. Бесшумные серые крысы с крошечными человеческими руками нашептывали эти слова спящим детям, а дети делились секретами друг с другом и бубнили себе под нос новые песенки, когда прыгали через веревочку. Весть достигла восточных границ и вместе с огромными караванами добралась на запад, в самое сердце старой империи. Гигантские птицы с кожистыми крыльями и хитрыми лицами обезьян донесли ее на юг, через леса и поля в десятки различных королевств, где мужчины и женщины, такие же бледные и ужасные, как сама Серая Элис, услышали слова в

тишине своих башен. Известие добралось даже на север, через горные хребты, до Потерянных земель.

Много времени не потребовалось, через две недели он пришел к ней.

— Я могу найти для тебя оборотня, — сказал он, назвавшись Бойсом.

Это был молодой человек, стройный и безбородый, одетый в потертую кожаную одежду — такой наряд предпочитают те, кто живет и охотится в открытых всем ветрам пустошах, что раскинулись за горными хребтами. Загорелая кожа свидетельствовала о том, что он много времени проводит на открытом воздухе, однако спутанные волосы, сбегавшие до самых плеч, были белы, словно снег на склонах гор.

Он не носил доспехов (а на поясе вместо меча висел длинный нож) и двигался с грацией вышедшего на охоту хищника. Из-под белых прядей, спадавших на лицо, смотрели темные сонные глаза. И хотя его улыбка была открытой и дружелюбной, в ней проскальзывала странная лень, а изящные чувственные губы презрительно кривились, когда ему казалось, что на него никто не смотрит.

Серая Элис коротко спросила:

— Где?

— В недельном переходе отсюда, — ответил Бойс, — В Потерянных землях.

— Ты там живешь?

— Нет. Там невозможно жить. У меня есть дом здесь, в городе. Но я же охотник и часто перехожу горы. Мне хорошо известны Потерянные земли, а также существа, которые там обитают. Ты ищешь человека, который ведет себя как волк. Я могу отвести тебя к нему. Но нам следует немедленно отправляться в путь, если мы хотим добраться до места прежде, чем наступит полнолуние.

Серая Элис встала.

— Мой фургон полностью снаряжен, лошади напоены и подкованы. Не будем терять время.

Бойс отвел от лица тонкие белые волосы и лениво улыбнулся.

Горный перевал оказался высоким и крутым, а в некоторых местах таким узким, что фургон Серой Элис с трудом мог проехать. Это весьма громоздкое сооружение на шести грохочущих железных колесах когда-то было выкрашено яркими красками, но время и погода сделали его деревянные стенки унылыми и серыми. Его тянули две огромные лошади, в полтора раза больше обычных животных. Но даже такие могучие чудовища

не могли ехать быстро в горах. Бойс, у которого не было лошади, шел впереди или рядом с фургоном, а иногда подсаживался к Серой Элис. Фургон стонал и трещал.

Им пришлось потратить три дня, чтобы добраться до высшей точки перевала, откуда они смогли оглядеть бескрайние голые равнины Потерянных земель. Еще три дня ушло на спуск.

— Теперь дело пойдет побыстрее, — обещал Бойс Серой Элис, когда они оказались внизу. — Вокруг пустые ровные пространства. Через день или два наши поиски увенчаются успехом.

— Да, — кивнула Серая Элис.

Они доверху наполнили бочки водой, когда покидали горы, и Бойс отправился на охоту. Он вернулся с тремя черными кроликами и сильно обезображенной тушей маленького оленя. Когда Серая Элис спросила, как ему удалось их добыть, имея только нож, ее спутник, улыбаясь, достал пращу и продемонстрировал свою ловкость. Они развели небольшой костер и приготовили двух кроликов, а остальное мясо засолили.

Утром, на рассвете, путешествие продолжилось.

Теперь они ехали довольно быстро. Потерянные земли оказались пустыми и холодными, земля здесь была такой же утоптанной и ровной, как на лучших дорогах империи. Фургон быстро катился вперед, негромко потрескивая и постукивая, слегка раскачиваясь из стороны в сторону. Здесь не было ни зарослей, сквозь которые пришлось бы продираться, ни рек, для перехода которых потребовалось бы искать брод. Во все стороны расстилались казавшиеся бескрайними пустоши. Изредка им попадались группы хилых искривленных деревьев, их ветви гнулись к земле под грузом блестящих плодов цвета индиго.

Иногда фургон пересекал мелкие каменистые ручьи, вода в них редко поднималась выше колен Бойса. Некоторые участки серой земли покрывали белые грибовидные наросты. Однако подобное разнообразие встречалось нечасто. Вокруг царила пустота, по мертвым равнинам гулял холодный ветер — в Потерянных землях он не стихал никогда, холодный, несущий ароматы пепла или отдаленные вопли, похожие на крик навеки проклятой души.

Наконец впереди замаячила граница Потерянных земель: еще одна линия гор далеко, далеко на севере, смутная белоголубая линия, пересекающая серый горизонт. Когда спустились сумерки, путешественники разбили лагерь неподалеку от рощицы искривленных деревьев, какие им уже не раз встречались ранее. Деревья на время давали защиту от ветра, но его вой продолжал терзать слух, а пламя костра то почти затухало, то вспыхивало с

новой силой, пускаясь в дикую пляску.

— Да, это и в самом деле Потерянные земли, — заметила во время еды Серая Элис.

— В них есть своя красота. — Бойс насадил кусок мяса на лезвие своего длинного ножа и принялся поворачивать его над огнем. — Сегодня ночью, если ветер унесет тучи, ты увидишь свет, струящийся из-за северных гор, это похоже на пурпурные, серые и темно-бордовые занавеси, развевающиеся на ветру.

— Мне доводилось видеть подобное зрелище, — отозвалась женщина.

Бойс отгрыз кусок мяса, и по его подбородку потекла тоненькая струйка жира.

— Ты часто приходишь в Потерянные земли? — спросила Серая Элис.

Бойс пожал плечами.

— Я охочусь.

— Но разве здесь кто-нибудь живет?

— О да, — кивнул мужчина, — Конечно, нужно иметь глаза, чтобы их найти, это странные звери, которых никогда не увидишь по другую сторону гор, существа из легенд и кошмаров, зачарованные и проклятые, чья плоть отличается изумительным вкусом. И даже люди живут здесь — ну, они почти люди. Оборотни и те, кого похитили в детстве, — полуживые и полумертвые. — Его улыбка была кроткой и горькой. — Но ты же Серая Элис, и все это тебе наверняка известно. Говорят, много лет назад ты и сама пришла из Потерянных земель.

— Говорят…

— Мы похожи, ты и я, — продолжал Бойс. — Я люблю город, людей, песни, смех и сплетни. Я наслаждаюсь комфортом моего дома, вкусной пищей и хорошим вином. Я получаю удовольствие, слушая музыкантов, которые каждой осенью приходят в замок и играют для леди Меланж. Мне нравятся изящная одежда, драгоценные камни и нежные, красивые женщины. И все же какая-то часть меня чувствует себя дома только здесь, посреди Потерянных земель, когда я слушаю ветер, наблюдаю за тенями, крадущимися после наступления темноты, и мечтаю о вещах, которые вызывают у горожан ужас. — К этому моменту наступила полная темнота. Бойс поднял нож и показал на север, где на фоне ночи возникло тусклое сияние. — Взгляни туда, Серая Элис. Ты видишь, как мерцает и перемещается свет. Если смотреть долго, можно заметить тени. Мужчины, женщины и невероятные существа, их голоса доносит ветер. Смотри и слушай. Здесь разворачиваются великие драмы, грандиозные и удивительные пьесы, подобных которым никогда не разыгрывают на сцене в

замке леди Меланж. Ты слышишь? Ты видишь?

Серая Элис, скрестив ноги, сидела на твердой земле, а в ее глазах ничего нельзя было прочитать. Она долго молчала.

— Да, — вот и все, что она в конце концов сказала.

Бойс убрал в ножны свой длинный нож, встал, обошел костер, который уже почти погас, лишь тлело несколько угольков, и уселся рядом с Серой Элис.

— Мы похожи, ты и я. Наша плоть пребывает в городе, но в крови властвует не знающий отдыха холодный ветер Потерянных земель. Я вижу это в твоих глазах, Серая Элис.

Женщина ничего не ответила; лишь сидела и смотрела в сторону северных гор, ощущая рядом теплое присутствие Бойса. Через некоторое время он обнял ее за плечи, и она не стала протестовать. Позже, много позже, когда костер окончательно догорел, а ночь стала холодной, Бойс протянул руку, взял женщину за подбородок и, повернув ее голову к себе, нежно поцеловал ее в тонкие губы.

И Серая Элис словно пробудилась ото сна, она толкнула его на землю, раздела уверенными ловкими руками и овладела им. Бойс не сопротивлялся, он лежал на холодной жесткой земле, в его глазах клубился туман, а на губах играла ленивая самодовольная улыбка. Женщина скакала на нем, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, стремясь к высшей точке. Когда Серая Элис достигла ее, она откинула голову назад, рот открылся, словно женщина собиралась закричать, но она не произнесла ни звука. Лишь закричал ветер, холодный и дикий, и тот крик не был криком удовольствия.

Рассвет следующего дня выдался холодным, небо обложили тучи, тусклый свет едва пробивался сквозь их тяжелую завесу. Бойс шел рядом с фургоном, а Серая Элис не слишком нахлестывала лошадей.

— Мы уже близко, — предупредил он. — Совсем близко.

— Да.

Мужчина улыбнулся ей. С тех пор как они стали любовниками его улыбка изменилась — стала нежной, таинственной и слегка снисходительной. То была улыбка человека, который много себе позволяет.

— Сегодня вечером, — сказал он.

— Сегодня будет полная луна, — ответила Серая Элис.

Бойс отвел прядь волос с лица и промолчал.

Задолго до наступления сумерек они оказались среди развалин безымянного города, забытого даже теми, кто обитал в

Потерянных землях. Различить удавалось лишь смутные очертания городских стен, да еще сохранилась пара наполовину развалившихся дымовых труб, они торчали на фоне ровной линии горизонта, будто сгнившие черные зубы. Накормив лошадей, Серая Элис побродила среди развалин, но ничего не нашла: ни обломков посуды, ни заржавевших клинков, ни книг. И — ни малейшего намека на людей, которые здесь жили, если, конечно, это были люди.

Здесь не найти укрытия, отсюда бежит жизнь. Потерянные земли высосали жизнь из этого места и прогнали прочь призраков, не осталось даже следов воспоминаний. Съежившееся солнце, скрытое бегущими облаками, низко зависло над горизонтом, и мир говорил с ней голосом ветра, пронизанным одиночеством и отчаянием. Серая Элис долго стояла одна, глядя на закат, и тонкий потрепанный плащ развевался у нее за спиной, а холодный ветер вытягивал тепло из души и тела. Наконец она вернулась в фургон.

Бойс развел костер и сидел перед ним, подогревая вино в медном кувшине, периодически добавляя в него пряности. Он улыбнулся женщине своей новой улыбкой, когда та посмотрела на него.

— Ветер очень холодный, — сказал он. — Я подумал, что горячее питье сделает нашу трапезу более приятной.

Серая Элис снова посмотрела на запад, а потом перевела взгляд на Бойса.

— Сейчас не время и не место для удовольствий. Сумерки сгущаются, скоро взойдет полная луна.

— Верно. — Бойс, кивнув, налил немного вина в свою чашку и сделал осторожный глоток. — Однако не стоит торопить охоту. — На его лице вновь появилась ленивая улыбка. — Волк придет к нам. Ветер далеко разносит наш запах.

Серая Элис ничего не ответила. Она отвернулась от Бойса и по трем деревянным ступенькам поднялась в фургон. Внутри она зажгла жаровню и принялась смотреть на огонь, мерцавший на фоне серых досок и груды мехов, на которой она спала. Когда жаровня разгорелась, Серая Элис отодвинула в сторону перегородку и посмотрела на длинный ряд вещей, висевших на крючках, вбитых в стенку: плащи и накидки, свободные рубашки, платья необычного покроя. После некоторых колебаний она выбрала великолепный плащ, сделанный из тысячи длинных серебристых перьев, обрамленных тонкой черной каймой.

Сняв свой простой плащ, Серая Элис застегнула ниспадающее одеяние на шее. Когда она повернулась, перья взметнулись ввысь и на несколько мгновений ожили, затем снова поникли. Женщина

открыла огромный дубовый ларец, обитый железом и обтянутый кожей, и достала оттуда маленькую коробочку. На потертой серой фланели лежали десять колец, каждое было украшено вместо камня длинным изогнутым серебряным когтем. Серая Элис надела их одно за другим на пальцы, и, когда она встала и сжала кулаки, в тусклом свете жаровни угрожающе сверкнули когти.

Уже наступили сумерки. Серая Элис отметила, что Бойс не стал готовить ужин, и устроилась возле костра, где ее спутник большими глотками пил горячее вино.

— Красивый плащ, — дружелюбно заметил он.

— Да.

— Однако никакой плащ тебе не поможет, когда придет он.

Серая Элис подняла руку и сжала кулак. Серебряные когти сверкнули в свете костра.

— Ага, — кивнул Бойс, — серебро.

— Серебро, — согласилась Серая Элис, опуская руку.

— Многие выходили против него, вооруженные серебром. Серебряные мечи, серебряные ножи, стрелы с наконечниками из серебра… Все эти серебряные воины ныне обратились в прах. Он утолил свой голод их плотью.

Женщина пожала плечами. Бойс задумчиво посмотрел на нее, потом улыбнулся и вновь принялся за вино. Серая Элис поплотнее запахнулась в свой плащ, защищаясь от порывов холодного ветра. Через некоторое время, обратив взор к северным горам, она увидела, как на их фоне движутся пятна света, и вспомнила истории, которые разворачивались там, легенды, извлеченные из игры разноцветных теней. То были отвратительные и ужасные истории, но в Потерянных землях не бывает других.

На востоке между тем разгорался тусклый свет, бледный и зловещий. Время восхода луны.

Бойс начал меняться. Серая Элис спокойно наблюдала, как белые волосы стали еще длиннее, ленивая улыбка превратилась в широкий оскал, исказивший лицо, стремительно выросли клыки, язык вывалился наружу, чашка с вином вывалась из рук, ставших когтистыми лапами. Он попытался что-то сказать, но ему не удалось произнести ни слова, лишь низкий хриплый смех вылетел из его глотки. Бойс откинул голову назад и завыл, а потом принялся срывать с себя одежду, пока она не превратилась в лохмотья.

Теперь по другую сторону костра стоял огромный косматый белый зверь, в полтора раза больше обычного волка, с красной пастью и тлеющими алыми глазами. Серая Элис посмотрела в эти глаза и встала, стряхивая пыль со своего великолепного плаща. В

глубине этих глаз она увидела улыбку — улыбку, которая говорила о его уверенности в своих силах.

Слишком большой уверенности.

Волк вновь завыл, и протяжный отчаянный звук подхватил ветер. А потом он прыгнул прямо через тлеющие угольки разведенного им костра.

Серая Элис выбросила вперед руки, натягивая плащ.

Ее превращение произошло куда быстрее, чем у Бойса. Все закончилось в одно короткое мгновение, но для Серой Элис оно длилось вечность. Сначала возникло странное удушье, казалось, плащ срастается с ее кожей, затем закружилась голова, а все мышцы тела превратились в воду и поменяли форму. А затем ее подхватило опьяняющее возбуждение, куда более сильное, чем то, что дарило подогретое вино с пряностями, которое приготовил Бойс.

Взмахнув огромными серебристыми крыльями, Серая Элис взлетела, и через мгновение она уже находилась вне досягаемости клыков белого волка. Ветер подхватил ее, лаская дрожащими ледяными пальцами, и она отдалась ему, паря в восходящих потоках. Огромные крылья, наполненные мелодией Потерянных земель, уносили ее все выше и выше. Изогнутый злобный клюв раскрывался и закрывался, однако она не издавала ни звука.

Вскоре развалины города остались далеко внизу. Серая Элис неслась в небесах, опьяненная полетом. Ее глаза, зоркости которых позавидовал бы любой человек, видели далеко вперед, проникали в тайны теней, замечали умирающих и полумертвых существ, что обитали на просторах Потерянных земель. На севере танцевали полосы света, в тысячи раз более яркие, чем раньше — ведь тогда она обладала жалкими глазами маленького существа по имени Серая Элис. Она хотела лететь к ним, мчаться все дальше и дальше на север, чтобы парить среди этого роскошного пиршества красок, рассекая их потоки острыми когтями.

Ее когти, длинные и изогнутые, острые, точно бритва, пришли в движение, словно бросая вызов всему миру, бледное мерцание лунного света растекалось по серебру. И тогда она вспомнила, описала огромную дугу и неохотно полетела прочь от манящих потоков света.

Она увидела волка далеко внизу — бледная белая тень, убегающая прочь от фургона, от огня, пыталась найти спасение в каком-нибудь темном месте. Но в Потерянных землях нет надежного убежища. Зверь был сильным и неутомимым, и его длинные мощные ноги несли его вперед уверенными легкими скачками, такой бег позволяет быстро преодолевать большие

расстояния. Но она была быстрее. В конце концов, Бойс стал волком, а она могла соперничать с ветром.

Она спускалась вниз в мертвой тишине, вытянув вперед острые когти, подобно клинку, разрезая ветер. Должно быть, волк заметил тень, летящую вслед за ним, поскольку резко прибавил скорость, подгоняемый страхом. Тщетно. Он мчался изо всех сил, когда серебристая птица пронеслась над ним и нанесла удар когтями, что рассекли его мех и плоть, как десять блестящих серебряных кинжалов, и зверь споткнулся, зашатался и рухнул на землю.

Она забила крыльями и сделала круг, готовясь к новой атаке, но волк сумел подняться на ноги. Глаза зверя стали еще ярче, теперь в них горел лихорадочный огонь страха. Он закинул голову вверх и протяжно и отчаянно завыл, моля о пощаде.

Но птица не знала пощады. Она вновь устремилась вниз: когти покрыты кровью, клюв широко раскрыт. Волк ждал и с рычанием подпрыгнул, чтобы встретить ее атаку мощными зубами. Но враг был слишком силен для него.

Она легко уклонилась от его челюстей и вновь нанесла удар, рассекая его окровавленную шкуру, оставив пять новых глубоких ран, быстро наполнившихся кровью.

Во время третьей атаки волк уже был слишком слаб, чтобы бежать или хотя бы приподняться для последней схватки. Он наблюдал за ее стремительным спуском, и его мохнатое тело затрепетало перед ударом ее клюва.

Наконец затуманенные болью глаза открылись, мужчина застонал и слабо пошевелился. Наступил день, он вновь находился в лагере и лежал подле костра. Серая Элис подошла к нему и, опустившись на колени, приподняла его голову. У его губ оказалась чашка с вином. Бойс взглянул на женщину, и она увидела в его глазах удивление: он не понимал, почему остался в живых.

— Ты знала! Ты знала… кто я.

— Да, — ответила Серая Элис.

Она вновь стала собой — хрупкая маленькая, лишенная возраста женщина с большими серыми глазами, одетая в выцветшее платье. Плащ с перьями исчез, серебряные когти больше не украшали ее пальцев.

Бойс попытался сесть, поморщился от боли и вновь откинулся на одеяло, постеленное ею.

— Я думал… думал, что уже мертв, — сказал он.

— Ты был очень к этому близок, — заверила его Серая Элис.

— Серебро… Серебро так режет и жжет.

— Да.

— Но ты спасла меня, — недоуменно пробормотал он.

— Я вернулась в свой обычный облик, принесла тебя в лагерь и выходила.

Мужчина улыбнулся, хотя то был лишь бледный след от его прежней улыбки.

— Ты изменяешься по собственному желанию, — поражен-но прошептал он, — О, Серая Элис, это дар, за который я бы охотно убил!

Женщина ничего не ответила.

— Здесь слишком открытое место, — продолжал он. — Мне следовало отвести тебя в другое. Если бы я сумел укрыться… здания, лес, что угодно… тогда бы тебе не удалось так легко разделаться со мной.

— У меня есть и другие шкуры, — ответила Серая Элис. — Медведя, кошки. Местность не имеет значения.

— Понятно, — пробормотал Бойс и закрыл глаза. Когда он сумел вновь приподнять веки, на его губах появилась кривая улыбка. — Ты была так красива, Серая Элис. Я долго наблюдал за твоим полетом, прежде чем понял, что все это значит, и обратился в бегство. Я не мог оторвать от тебя глаз. Ты была так красива! Дым и серебро — и огонь в твоих глазах. В самом конце, когда я смотрел, как ты несешься на меня, я ощутил нечто похожее на радость. Лучше погибнуть от рук существа, которое так ужасно и безупречно, подумал я, чем от серебряного клинка грязного маленького мечника.

— Мне очень жаль.

— Нет! Я рад, что ты меня спасла. Я быстро поправлюсь, ты увидишь. Даже раны, нанесенные серебром, кровоточат недолго. И тогда мы сможем быть вместе.

— Ты еще слаб, — сказала Серая Элис. — Спи.

Он улыбнулся ей и закрыл глаза.

Прошли часы, прежде чем Бойс снова проснулся. Ему стало заметно лучше, раны почти затянулись. Но когда он попытался подняться, у него ничего не получилось: руки и ноги были крепко привязаны к вбитым в твердую землю шестам.

Услышав его испуганный крик, Серая Элис подошла к нему, приподняла голову и дала выпить вина.

— Что ты сделала? — спросил мужчина, сделав несколько жадных глотков.

Ответа не последовало.

— Но почему? — продолжил он. — Я не понимаю, Серая Элис. *Почему?* Ты спасла меня, ухаживала за мной, а теперь я

связан.

— Тебе не понравится мой ответ.

— Луна! — с отчаянием воскликнул Бойс. — Ты боишься того, что может произойти сегодня ночью, когда я вновь изменюсь. — Он улыбнулся, довольный, что ему удалось понять. — Ты поступила глупо. Теперь, после всего, что произошло между нами, я не причиню тебе вреда. Я знаю, мы должны быть вместе. Серая Элис, мы так похожи. Мы вместе смотрели на удивительный свет, и я видел, как ты летаешь! Мы должны друг другу верить! Отпусти меня.

Серая Элис нахмурилась, вздохнула и промолчала. Бойс смотрел на нее, ничего не понимая.

— Но почему? — вновь спросил он. — Развяжи меня, Элис, позволь доказать, что я говорю правду. Тебе не нужно меня бояться.

— Я не боюсь тебя, Бойс, — печально промолвила она.

— Вот и хорошо… Тогда освободи меня и изменись вместе со мной. Я сумею привести тебя к добыче, о которой ты и мечтать не могла. Мы многое смогли бы разделить. Ты знаешь, что такое превращение, ты ощущала могущество, свободу, видела свет глазами зверя, вдыхала аромат свежей крови, наслаждалась убийством. Ты познала свободу, упоение… Ты знаешь…

— Да, я знаю, — не стала возражать Серая Элис.

— Так освободи меня! Мы созданы друг для друга, ты и я. Мы будем жить вместе, любить друг друга, охотиться вместе.

Женщина покачала головой.

Бойс попытался высвободиться, но потерпел неудачу.

— Разве я так отвратителен? Ты считаешь меня злом, я тебе неприятен?

— Нет.

— Но в чем же тогда дело? — с горечью спросил он. — Женщины любили меня, находили мое тело красивым. Богатые красивые леди, лучшие в империи. И все они хотели меня, Даже после того, как узнавали правду.

— Но ты никогда не возвращал их любовь.

— Нет, — признал он. — Но я любил их — по-своему. И никогда не предавал их, если ты это имеешь в виду. Я искал и находил свои жертвы в Потерянных землях, а не среди тех, кто был ко мне неравнодушен. — Ощутив тяжелый взгляд Серой Элис, Бойс поспешно продолжил: — И как я мог любить их больше? Им была известна только одна моя половина, только та часть меня, которая жила в городе и любила вино, песни и ароматные мягкие простыни. А другая часть обитала здесь, в Потерянных землях, и знала вещи, недоступные этим бедным

слабым существам. Я так и говорил им, если они слишком сильно меня донимали. Отпусти меня, Серая Элис. Взлети для меня в небеса, взгляни, как я мчусь по голым равнинам, охоться вместе со мной!

Женщина вздохнула и поднялась.

— Мне очень жаль, Бойс. Если бы я могла, то оставила бы тебе жизнь, но произойдет то, что должно произойти. Если бы ты умер прошлой ночью, твоя смерть оказалась бы бесполезной, мертвые не имеют власти. Ночь и день, белое и черное — они слабы. Вся сила черпается из смежных сфер, из сумрака, из тени, из промежутка между жизнью и смертью. Только из серого, Бойс, из серого.

Оскалив зубы, мужчина вновь отчаянно попытался вырваться из своих пут, а потом, изрыгая проклятия, разрыдался. Серая Элис отвернулась от него и скрылась в фургоне. Там она оставалась долгие часы, сидя в темноте, слушая проклятия и плач своей жертвы. Бойс то принимался умолять и уверять в своей любви, то выкрикивал угрозы.

Серая Элис еще долго оставалась в фургоне после восхода луны. Она не хотела видеть, как происходит превращение и как в последний раз в нем исчезнет все человеческое.

Наконец крики перешли в протяжный вой, и тогда Серая Элис покинула фургон. Полная луна освещала равнину. Огромный белый волк с голодными алыми глазами отчаянно извивался, привязанный к вбитым в землю шестам. Женщина спокойно подошла к нему. В руке она держала длинный серебряный нож, на клинке которого были выгравированы руны.

Когда он наконец перестал сопротивляться, работа пошла быстрее, но эта ночь оказалась долгой и кровавой. Серая Элис убила его перед рассветом, который вновь превратил бы его в человека. Потом развесила шкуру, принесла инструменты и выкопала глубокую могилу. Почти целый день ушел на то, чтобы похоронить Бойса, поскольку земля была удивительножесткой. Сверху она навалила камни и куски оставшихся стен, чтобы защитить мертвое тело от зверей, вурдалаков и стервятников, рыщущих в Потерянных землях и не гнушающихся мертвой плотью.

Наконец, когда все было закончено и почти спустились сумерки, Серая Элис вошла в фургон и вернулась в великолепном плаще из тысячи серебристых перьев с черными кончиками.

Всю ночь летала птица, озаренная яростным и не знающим устали светом, купаясь в нем и венчаясь с тьмой. И всю ночь светила полная насмешливая луна. Уже перед рассветом

одинокий пронзительный вопль отчаяния и гнева унес порыв пронзительного ветра, навсегда изменив ускользающий звук.

Очевидно, Джерайс боялся того, что она могла ему дать, поскольку он пришел к Серой Элис не один. Его сопровождали два рыцаря — огромный мужчина в белом, на щите которого блестел ледяной череп, и второй, в алом плаще, — на его щите был изображен пылающий человек. Они молча остались стоять у входа, даже не сняв шлемов.

Джерайс осторожно приблизился к женщине.

— Ну? — коротко спросил он.

На ее коленях лежала волчья шкура, принадлежавшая огромному белому зверю. Серая Элис встала и протянула шкуру Синему Джерайсу, повесив ее на протянутую руку рыцаря.

— Скажите леди Меланж, чтобы она надрезала себе руку и капнула собственной кровью на шкуру — в полнолуние, перед восходом луны. Затем надо будет накинуть на себя шкуру как плащ, и превращение произойдет. После этого днем или ночью, в полнолуние или в любое другое время она сможет изменяться по своему желанию.

Джерайс посмотрел на тяжелую белую шкуру, и на его губах появилась жесткая улыбка.

— Волчья шкура, не так ли? Я этого не ожидал. Мне казалось, что вы дадите мне зелье или научите заклинанию.

— Нет, — покачала головой Серая Элис. — Это шкура оборотня.

— Оборотня? — Губы Джерайса искривились, а в темных сапфировых глазах вспыхнула искра. — Что ж, вы сделали то, о чем просила леди Меланж, но не выполнили мою просьбу. Я платил вам не за успех. Верните мой камень.

— Нет, — сказала Серая Элис. — Я его заработала, Джерайс.

— Но я не получил то, о чем просил!

— Вы получили именно то, что просили, именно то, что я вам обещала. — Ее ссрые глаза посмотрели на рыцаря без малейшего страха. — Вы думали, что моя неудача поможет вам получить то, что вы действительно хотели, и что мой успех станет дня вас роковым. Вы ошиблись.

На лице Джерайса отразилось удивление.

— И каким же было мое истинное желание?

— Леди Меланж. Вы были одним любовником среди многих, но вам хотелось большего. Вы желали получить все. Вам известно, что вы занимаете второе место в ее сердце. Я это изменила. Возвращайтесь к ней и отдайте то, что она у меня купила.

В тот день в высоком замке зазвучал горький плач, когда рыцарь преклонил колено перед своей госпожой и протянул ей белую волчью шкуру. Когда крики и рыдания прекратились, она взяла огромную белую шкуру, разрезала палец, капнула на нее кровью и узнала тайну превращения. Нет, леди жаждала вовсе не воссоединения, но оно наступило. С тех пор каждую ночь она рыщет по зубчатым стенам замка, стоящего на склоне горы, и горожане говорят, что ее вой полон печали.

А Синий Джерайс, который повел леди Меланж под венец через месяц после того, как Серая Элис вернулась из Потерянных земель, сидит теперь подле обезумевшей женщины весь день, а ночью запирает дверь в ужасе перед яростью в ее алых глазах. Рыцарь больше не охотится, не смеется и не испытывает страсти.

У Серой Элис вы можете купить все, что только пожелаете.
Но лучше этого не делать.

Часть пятая
Гибриды и ужасы

Гибриды и ужасы
© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

В детстве я не читал романов ужасов — во всяком случае, я их так никогда не называл. А вот истории о чудовищах мне нравились. В канун Хэллоуина, когда мы играли в «кошелек или жизнь»[15], я всегда хотел изображать привидение или чудовище и ни разу не выбрал роль ковбоя, бродяги или клоуна.

«Плаза» была самым грязным из трех кинотеатров Байонны, но я никогда не пропускал субботних дневных сеансов, на которых показывали фильмы о чудовищах, а билет стоил всего двадцать пять центов. В «Девитте» и «Лицеуме», кинотеатрах более высокого класса, я смотрел трюковые фильмы Уильяма Кастла «Тинглер» и «13 призраков». Когда я впервые попал в «Виктори», похожий на пещеру оперный театр, закрытый большую часть моего детства, там также показывали фильм про чудовище. Сиденья были пыльными, к тому же, как выяснилось впоследствии, в них обитали насекомые; я пришел домой весь искусанный, а вскоре «Виктори» вновь закрыли.

Страшные фильмы также показывали по телевизору, и поздними вечерами, если мама разрешала, мне иногда удавалось их посмотреть. Это были старые фильмы ужасов производства «Юниверсал». Человек-волк стал моим самым любимым персонажем, хотя я также обожал графа Дракулу и Франкенштейна (вовсе не «чудовище Франкенштейна» или монстра). Существо из Черной лагуны и человек-невидимка не шли ни в какое сравнение с этой большой тройкой, а Мумия казалась просто глупой. Кроме старых фильмов часто шли серии «Сумеречной зоны» или «Шоу Альфреда Хичкока», но «Триллер» с Борисом Карлоффом был страшнее их всех, вместе взятых. Экранизация «Голубей из ада» Говарда напугала меня едва ли не больше всего того, что я видел по телевизору, — до войны во Вьетнаме, — но даже в фильмах про Вьетнам не показывали парня, который спускался бы по лестнице с топором в голове.

Я также запоем поглощал комиксы о чудовищах, хотя был еще слишком мал для самых лучших — «Баек из склепа» и им подобных. Помню, как в парикмахерской мне попался потрепанный журнальчик, который показался мне намного страшнее тех, что я покупал обычно; не сомневаюсь, что этот журнал до сих пор валяется в той парикмахерской (кстати, там хранились огромные кипы старых комиксов). Еще до того, как «Таймли» стал «Марвел комикс», они печатали множество не

слишком страшных комиксов о чудовищах с дурацкими именами, которые появлялись из далекого космоса. Этих у меня собралось немало, хотя по большей части они были не слишком интересными и нравились мне гораздо меньше комиксов с супергероями.

Сборники комиксов, фильмы и телевидение заронили семена в мою душу, и они оказались воистину чудовищными. Однако моя любовь к литературе ужасов дала всходы только в 1965 году, когда я заплатил пятьдесят центов (цены на книги росли возмутительно быстро) за антологию издательства «Эйвон» в мягкой обложке под названием «Любимые ужасные истории Бориса Карлоффа» и прочитал «Призрак в темноте» Лав-крафта. В той книге были и другие замечательные рассказы таких писателей, как По, Корнблат и Роберт Блох, но именно Лавкрафт поймал меня за горло и не отпускал. В ту ночь я боялся идти спать, а утром отправился на поиски новых книг с его рассказами. Итак, Лавкрафт моментально занял первое место в моем хит-параде, где и оставался долгое время, разделяя его вместе с Хайнлайном и Толкином.

Мы пишем то, что читаем. В детстве я не читал Зейна Грея, вот почему так и не начал писать вестерны. Именно поэтому мое преклонение перед вышеназванной троицей подвигло меня придумать собственных чудовищ. А что касается гибридов…

Задолго до того, как в мою жизнь вошел Лавкрафт, я обнаружил под рождественской елкой набор химикатов для опытов. В пятидесятые годы дети находили под елками такие наборы почти так же часто, как поезда Лайонеля и пояса с шестизарядными револьверами Роя Роджерса (такие подарки предназначались мальчикам — девочки получали наборы Дейл Эванс и Бетти Крокер). Наступила эра спутника, Чарльза ван Дорена[16], эра атома. Америка хотела, чтобы все мальчики стали специалистами по ракетам, одолели проклятых русских и первыми добрались до Луны.

Эти химические наборы (насколько мне известно, они продаются и сейчас) представляли собой следующее: большая металлическая коробка с дверцей на петлях, в которой имелись палочки с маленькими стеклянными бутылочками с химикатами, пробирками и мензурками, а также буклетом, где описывались различные опыты. В передней половине коробки обычно помещалась фотография аккуратного мальчика (и никогда — девочки) в белом лабораторном халате, делавшего один из опытов (впрочем, белые халаты не прилагались). Не сомневаюсь, что где-то существовали дети, которые старательно выполняли все инструкции, производили образовательные опыты и узнавали

множество полезных научных фактов, в результате чего из них вырастали хорошие химики. Однако я не сумел узнать ничего полезного. Все знакомые мне обладатели таких подарков пытались сделать взрывчатую смесь, или получить нечто необычного цвета, или хотя бы дым. «Интересно, а что будет, если мы смешаем это с тем», — говорили мы, мечтая найти тайную формулу, которая превратит нас в супергероев или хотя бы в мистера Хайда. Возможно, наши родители рассчитывали, что химические наборы сделают из нас Джонасов Солков[17] и Вернеров фон Браунов[18], но нам гораздо больше хотелось стать великим фон Франкенштейном или фон Думом.

В большинстве случаев, когда мы смешивали химикаты, получалась всякая дрянь. И слава богу! Если бы мы нашли формулу, позволяющую создавать необычные цвета, дым или кое-что покруче, то вполне могли бы выпить эту жидкость… или хотя бы убедить младшую сестренку принять участие в эксперименте.

Мой химический набор закончил свои дни в кладовке, где успешно собирал пыль вместе с моей коллекцией «ТВ-гида», но страсть смешивать «это» с «тем» не оставила меня даже после того, как я вырос и начал писать.

Современные издатели любят сортировать истории, которые мы им продаем, на категории. Так появляются на свет длинные полки с табличками: ДЕТЕКТИВЫ. ЛЮБОВНЫЕ РОМАНЫ. ВЕСТЕРНЫ. НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. До чего похоже на маленькие бутылочки с химикатами!

Фу, какая гадость, скажу я вам. Дайте мне смешать «это» с «тем», и посмотрим, что произойдет. Сотрем границы жанров, создадим новые истории, которые не уложатся ни в одну из известных категорий. Да, конечно, в некоторых случаях получится самая настоящая дрянь… но иногда возможно сочетание, которое приведет к самому настоящему взрыву! Поскольку я исповедую именно такую философию, не стоит удивляться, что мне удалось произвести на свет некоторое количество гибридов. «Грезы Февра» — один из них. Хотя многие относят его к романам ужасов, он в не меньшей степени может быть причислен к приключенческим или вампирским. А моя фэнтезийная эпопея «Песнь льда и огня» есть некий гибрид, вдохновленный исторической прозой Томаса Б. Костейна и Найджела Трэн-тера, а также фэнтези Толкина, Говарда и Фрица Лейбера.

Но чаше всего я смешивал ужасы и научную фантастику и сделал это уже во втором рассказе, который мне удалось продать. Несмотря на антураж, характерный для научной фантастики, «Дорога в Сан-Брета» по своей сути есть история о привидениях — впрочем, не слишком страшная. Мои первые два рассказа, где

появляются трупы, — «Никто не покидает Нью-Питсбург» и «Перегрузка» — были очередными попытками взаимного обогащения, когда я попытался посмотреть на нашего старого приятеля зомби из мира ужасов с точки зрения научной фантастики. Мне хотелось создать настроение, характерное для жанра ужасов в «Туннели были темными-темными» и (со значительно большим успехом) в более поздней и более сильной повести «В доме червя».

Некоторые критики утверждают, что научная фантастика и ужасы несовместимы. Их доводы весьма убедительны, в особенности когда речь идет об ужасах Лавкрафта. Научная фантастика подразумевает, что Вселенная, какой бы таинственной или пугающей она нам ни казалась, остается познаваемой, в то время как Лавкрафт утверждает, что даже один взгляд на истинную природу реальности способен свести человека с ума. Едва ли это совместимо со взглядами Кэмпбелла на космос. В «Миллиарде лет веселья», где с большим пониманием излагается история научной фантастики, Брайан Олдисс относит творчество Джона Кэмпбелла к жанру «мыслящего полюса», а Г. Ф. Лавкрафта — к «мечтающему полюсу», то есть располагает его на противоположной стороне литературной вселенной. И все же оба писали рассказы, которые разумно отнести к гибриду научной фантастики и ужасов. Существуют поразительные совпадения между «Хребтами Безумия» и «Кто идет?». Это ужасы, но в них есть еще и элементы научной фантастики. «Кто идет?», вероятно, лучший рассказ Кэмпбелла, а «Хребты Безумия» — один из пяти лучших рассказов Лавкрафта. Вот какова сила гибрида.

Теперь о моих гибридах и ужасах, которые представлены ниже.

«Человек с мясной фабрики» — третий рассказ, в котором речь идет о трупах, — оказался последним в серии. Наверное, самый мрачный рассказ из всех написанных мной (а из-под моего пера вышло немало мрачных опусов) должен был войти в сборник «Последние опасные видения». Ошеломляющие антологии Харлана Эллисона «Опасные видения» и «Вновь опасные видения» произвели на меня сильное впечатление, как и на большинство читателей моего поколения. Когда я впервые встретил Харлана Эллисона в коридорах «Лунакона 1972» в Нью-Йорке, я сразу же спросил у него, могу ли я прислать ему рассказ. Он отказал, сообщив, что антология закрыта. Однако через год она открылась — во всяком случае, для меня. К этому времени я уже гораздо лучше знал Харлана благодаря нашей общей приятельнице Лизе Таттл, к тому же у меня вышло несколько рассказов, и это

помогло его убедить, что я достоин включения в монументальную антологию. Так или иначе, но он изменил свою точку зрения и в 1973 году предложил мне прислать ему рассказ. Я был приятно возбужден… и немного напуган. Выдержит ли мое детище сравнение с другими рассказами? Смогу ли я быть достаточно *опасным?*

Я возился с рассказом несколько месяцев и направил его Харлану в начале 1974 года. Он назывался «Человек с мясной фабрики», но с тем «Человеком с мясной фабрики», который опубликован ниже, имел лишь общий фон и имена. Тот рассказ был гораздо короче — всего треть от напечатанного здесь — и гораздо более поверхностным. Я изо всех сил пытался быть страшным, но первая версия «Человека с мясной фабрики» осталась лишь интеллектуальным упражнением.

Харлан вернул мне рукопись в марте 1974 года вместе с отказом, который начинался так: «Если не считать того, что ядро никуда не годится, это отличный рассказ». После чего он выпотрошил меня, предлагая выпотрошить весь рассказ, переписав его от начала и до конца. Я проклинал Харлана, но достойных возражений у меня не было. Поэтому я сел за стол и переписал рассказ, только на сей раз вскрыл вену и позволил крови просочиться прямо на страницу. И хотя 1973 и 1974 годы оказались для меня весьма успешными с профессиональной точки зрения, они вовсе не были счастливыми. Моя карьера развивалась прекрасно, личная жизнь — в гораздо меньшей степени. Я был ранен и испытывал сильную боль, и все это я вложил в «Человека с мясной фабрики», который и отослал Харлану. Рассказ ему опять не понравился, хотя на этот раз отказ был гораздо мягче, оставаясь таковым по сути.

После чего я решил попросту забыть о «Человеке с мясной фабрики». Даже сейчас, почти тридцать лет спустя, мне больно его перечитывать. Тем не менее я вложил в рассказ слишком много труда, чтобы попросту его выбросить, поэтому разослал его в другие места, и в конечном счете его купил Д. Найт для «Орбиты» — единственный раз, когда мой рассказ попал в эту престижную серию антологий. Рассказ вышел в 1976 году в «Орбите-18».

«Вспоминая Мелоди», написанный три года спустя, стал моим первым современным рассказом ужасов. Ответственность за него несет Лиза Таттл. Когда мы начали вместе работать в 1979 году, я на несколько недель прилетел в Остин, чтобы провести с ней личные переговоры и начать писать рассказ. Мы по очереди колотили по клавишам ее печатной машинки, а когда этим занималась Лиза, я сидел и читал ее последние рассказы. В тот

период она много работала в жанре ужасов, и некоторые ее творения вдохновили меня написать нечто в таком же роде. В результате получилось «Вспоминая Мелоди». Мой агент попытался (безуспешно) поместить его в один из дорогих мужских журналов, а в результате его с удовольствием взяла «Сумеречная зона», и он вышел в апрельском номере за 1981 год.

У Голливуда начался любовный роман с литературой ужасов еще во времена немого кино, поэтому не стоит удивляться тому, что три из шести рассказов этого раздела оказались востребованы большим экраном или телевидением. Но «Вспоминая Мелоди» стал не только первой моей экранизированной работой, но и до сих пор является единственным произведением, поставленным дважды, — первый раз в коротком студенческом фильме (где играли актеры-студенты), а позднее как одна из серий «Хичхайкера».

Если вы хотя бы немного знакомы с моими работами, то наверняка слышали о «Королях-пустынниках». До выхода «Песни льда и огня» это была самая популярная вещь из всего написанного мной. «Короли-пустынники» — третий рассказ, созданный во время рождественских праздников зимой 1978–1979 года. На его написание меня вдохновил один мой приятель по колледжу, который по субботам устраивал вечеринки «Причуды природы». Он держал аквариум с пираньями и между первой и второй причудой бросал в аквариум золотую рыбку для развлечения гостей.

«Короли-пустынники» должны были открыть серию. Диковинная маленькая лавка в узком переулке, где можно было купить жуткие и опасные товары, часто встречалась в фэнтези. И я подумал, что было бы забавно сделать научно-фантастическую версию. Моя «диковинная маленькая лавка» — привилегированное заведение с филиалами, распложенными на расстоянии не в один световой год на разных планетах. Его таинственные владельцы, Воу и Шейд, должны были фигурировать в каждом рассказе, но главными героями становились покупатели вроде Саймона Кресса. (Я действительно начал писать второй рассказ про Воу и Шейда, действие которого происходит на ай-Эмиреле, мире, часто упоминаемом в моей старой истории будущего, но прежние герои туда не попадали. Рассказ назывался «Защита», я написал 18 страниц, после чего отложил, почему — не помню.)

Если бы вы спросили меня в январе 1979 года о рассказах, которые я тогда закончил, то я бы ответил вам, что «Ледяной дракон» должен иметь огромный успех. Тогда я считал его лучшим из всего мною написанного. Мне казалось, что «Путь

креста и дракона» также чертовски хорош, он даже может получить премию. А «Короли-пустынники»? Что ж, совсем неплохо. Конечно, это не так сильно, но… в конце концов, не каждый раз удается попасть точно в цель.

Никогда я так не ошибался, когда речь шла о рассказе. «Короли-пустынники», проданные в «Омни», где платили больше всего, стали самым популярным рассказом из всех, когда-либо там опубликованных. В тот год он выиграл сразу две премии — «Хьюго» и «Небьюла». Его перепечатывали и вставляли в антологии столько раз, что я уже давно потерял счет, и он принес мне денег больше, чем два моих романа и большинство телевизионных сценариев. Он был адаптирован для комиксов, и я не сомневаюсь, что когда-нибудь по его мотивам будет сделана компьютерная игра. Голливудские продюсеры кружили над ним, и я продал полдюжины прав на экранизацию и видел полдюжины различных сценариев, пока не появилась телевизионная версия — двухчасовая первая серия для новых «Внешних пределов», адаптированная моим другом Мелиндой М. Снодграсс.

Действительно ли этот рассказ — лучшее из всего написанного мной? Судить об этом вам.

Успех «Королей-пустынников» вдохновил меня на написание новых гибридов научной фантастики и ужасов, прежде всего на «Летящих сквозь ночь» — про привидения на космическом корабле. Впервые привидения появились на фоне современных пейзажей в моем рассказе «Дорога в Сан-Брета», но тогда речь шла о духах мертвых. В «Летящих сквозь ночь» я хотел посмотреть, удастся ли мне придумать разумное научно-фантастическое объяснение явлению призрака.

Исходная версия «Летящих сквозь ночь», опубликованная в «Аналоге» с удачной обложкой Пола Лера, состояла из 23 000 слов, но даже при такой длине история казалась мне слишком сжатой, в особенности когда дело доходило до описания второстепенных персонажей. (У них даже имен не было, только названия профессий.) Когда Джим Френкель из «Делл букс» предложил купить удлиненную версию этой повести для нового выпуска серии «Двойной звезды» в попытке возродить концепцию прежних «Эйс даблс», я сразу же ухватился за эту возможность. Здесь вы найдете именно эту версию.

«Летящие сквозь ночь» получили премию «Локуса» за лучшую повесть 1980 года, но проиграли «Хьюго» «Последнему дорсаю» Гордона Диксона. Вскоре права на рассказ купил Голливуд, и он стал первым полнометражным фильмом, снятым по моему произведению. Главные роли в нем исполнили Катерин Мэри Стюарт и Майкл Пройд, а картина получилась такой ужасающей,

что режиссер убрал свое имя из титров. Конечно, большие куски моего рассказа остались в фильме, хотя по каким-то неизвестным причинам самый страшный эпизод повести опущен.

«Лечение мартышками» и «Человек-в-форме-груши» относятся к периоду Джеральда Керша. Керш был крупным писателем сороковых и пятидесятых годов, написавшим несколько серьезных романов, таких как «Ночь» и «Город», а также множество замечательных причудливо-тревожных коротких рассказов, собранных в сборниках «На странной ноте», «Ночные тени», «Проклятые» и «Люди без костей». Он охотно печатал свои рассказы в таких местах, как «Кольер» и «Сэтердей ивнинг пост», а не в «Уэйрд тейлс» или «Фэнтэстик сториз», а посему был мало известен среди любителей фэнтези даже в тс времена, а сегодня и вовсе забыт. О чем остается лишь сожалеть, поскольку был замечательным писателем, наделенным талантом уводить за собой читателя в самые дальние уголки мира, где происходили странные и тревожные события. Я считаю, что необходимо собрать удивительную прозу Керша в такую же огромную книгу, как эта, чтобы с ним познакомились новые поколения читателей.

«Лечение мартышками» я написал удивительно легко, а вот продать рассказ оказалось дьявольски трудно. Мне казалось, что он написан для широкой читательской аудитории, поэтому попытался пристроить его в популярные иллюстрированные журналы вроде «Плейбоя», «Пентхауза» и «Омни». На этом пути меня ждали разочарования. Я получал восторженные отзывы, но все говорили, что «нам он не подходит». Слишком необычный. Слишком тревожный. «Дружище, это так отвратительно», — заявила Эллен Дэтлоу из «Омни» в том же письме, в котором писала, что ей ужасно хочется купить у меня эту историю.

Далее я попытался продать рассказ в «Кольер» и «Сэтердей ивнинг пост», но к 1981 году они уже давно перестали существовать, поэтому все закончилось тем, что я вернулся на обычный рынок для этого жанра и продал рассказ в «Мэгэзин оф фэнтези энд сайенс фикшн». И хотя рассказ был странным и отталкивающим, его номинировали на премии «Небьюла» и «Хьюго», однако он проиграл в обоих случаях.

С «Человеком-в-форме-груши» все сложилось проще, быть может, по той причине, что «Лечение мартышками» сделало свое дело. Эллен Дэтлоу была заместителем редактора в «Омни», когда Роберт Шекли отклонил «Лечение мартышками», но она стала редактором отдела прозы, когда я написал «Человека-в-форме-груши», и тут же взяла его для публикации. Он вышел в «Омни» в 1987 году и выиграл первую премию «Брэма Стокера», которую придумала созданная в том году Ассоциация писателей

литературы ужасов Америки (ПЛУА).

Основание ПЛУА совпало с колоссальным бумом этого жанра в восьмидесятых годах. Впоследствии у литературы ужасов начался очень серьезный спад, и сейчас большинство издателей утверждают, что жанр мертв («и весьма заслуженно», как добавляют многие из них).

Как коммерческий жанр — да, ужасы мертвы.

Но рассказы о чудовищах не умрут до тех пор, пока мы не разучимся бояться.

В 1986 году я издавал антологию «Ночные видения-3» для «Темной жатвы». Во вступлении я написал:

«Те, кто утверждает, что мы читаем рассказы, написанные в жанре ужасов, по тем же причинам, по которым катаемся на "русских горках", ошибаются. В лучшем случае мы выходим с "русских горок", испытывая приток адреналина, и это не имеет ни малейшего отношения к литературе. Как и "русские горки", неудачный рассказ, написанный в этом жанре, может вызвать у нас тошноту, но на этом сравнение заканчивается. Литература далеко выходит за рамки того, что можно найти в парке развлечений.

Да, хороший рассказ, написанный в жанре ужасов, может нас напугать. И мы не спим по ночам, по спине пробегает холодок, страх просачивается в наши сны, а темнота приобретает новый смысл. Страх, испуг, ужас — называйте его, как хотите, он пьет из всех сосудов. Но, пожалуйста, не путайте эти чувства с обычным головокружением. В лучших рассказах, тех, что остаются в памяти и меняют нашу жизнь, всегда есть нечто, лежащее за внешними смыслами.

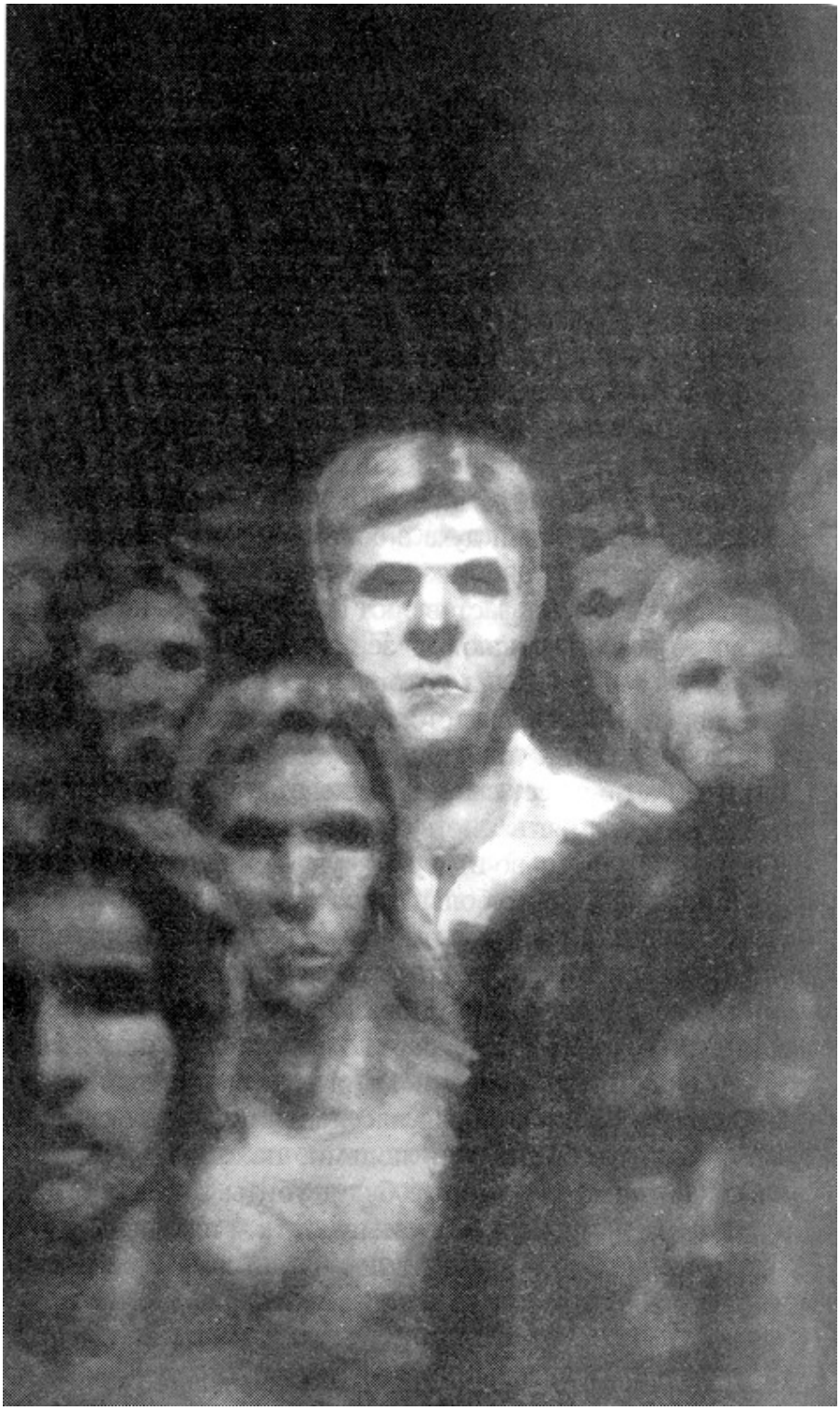
Из плохих рассказов ужасов вы узнаете, что собой представляют шесть способов убить вампира, или познакомитесь с подробностями трапезы крыс на гениталиях Билли. Хорошие рассказы ужасов совсем о другом — о надежде и отчаянии, любви и ненависти, страсти и ревности. О дружбе и взрослении, сексуальности и ярости, одиночестве и отчуждении, мужестве и трусости, разуме, теле и духе в состоянии стресса и страдания, о бесконечном конфликте сердца с самим собой. Хорошие рассказы ужасов заставляют нас взглянуть на свое отражение в темных искажающих зеркалах, где заметны вещи, которые нас тревожат и на которые мы не хотим смотреть. Ужас заглядывает в теневые стороны человеческой души, находит страхи и яростную злобу, живущие в каждом из нас.

Но темнота не имеет смысла без света, а ужас — без красоты. Лучшее, что написано в жанре ужасов, в первую очередь рассказы, и лишь во вторую — ужас. Как бы они нас ни пугали, они делают

нечто большее: оставляют место не только для смеха и крика, триумфа и нежности, но и для трагедии. Они построены не просто вокруг страха, но описывают жизнь во всем ее бесконечном многообразии, с любовью и смертью, рождениями и надеждой, страстью и похотью, сверхъестественным и всем спектром чувств, определяющих существование человека. Эти рассказы населены людьми, остающимися в нашем воображении, людьми, похожими на нас, а не просто объектами, которые будут убиты в главе четыре. Лучшие рассказы ужасов рассказывают нам правду».

Это было написано двадцать лет назад, но я и сейчас готов подписаться под каждым словом.

Человек с мясной фабрики
© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой



I
На мясной фабрике

В первый раз они пришли прямо с рудных месторождений.

Кокс — самый старший в группе, обладавший хоть каким-то жизненным опытом, — сказал, что Трейджер должен идти, хочет он или нет. Потом один из парней, рассмеявшись, заявил, что Трейджер даже не знает, что делать, но Кокс так его толкнул, что тот смолк.

И когда настал день получки, Трейджер последовал за остальными к мясной фабрике, напуганный, но и преисполненный нетерпения, он заплатил деньги мужчине на первом этаже и получил ключ от комнаты.

Трейджер, дрожа, вошел внутрь и оказался наедине с ней (нет, это не она, а *оно,* напомнил он себе, но тут же снова забыл). Убогую серую спальню озаряла одинокая тусклая лампочка. От него воняло потом и серой, как и от всех, кто появлялся на улицах Скрэкки, но тут уж ничего не поделаешь. Вот если бы помыться… но в комнате не было ванны, только раковина, двуспальная кровать, застеленная простынями, которые даже в этом сумрачном свете казались грязными, и труп.

Она лежала совершенно обнаженная и смотрела в пустоту, ее дыхание было частым и неглубоким. Ноги раздвинуты, наготове. Неужели она всегда такая, или мужчина, который побывал здесь до него, положил ее так? И что теперь? Конечно, он знал, как делать *это* (да-да, он читал книги, которые ему дал Кокс, и еще были фильмы и прочее), но обо всем остальном имел лишь смутное представление. Ну, разве что ему, самому младшему дрессировщику на Скрэкки, было известно, как обращаться с трупами.

Впрочем, особого выбора у него просто не было. После смерти матери его заставили пойти в школу дрессировщиков и учиться — что еще ему оставалось? Вот только это Трейджер никогда не делал (но знает как, да-да, знает), он здесь впервые.

Трейджер медленно подошел к кровати и сел (сразу же ожил хор скрипучих пружин), затем коснулся ее тела — плоть оказалась теплой. Конечно, она не была трупом; тело оставалось вполне живым, под тяжелой белой грудью билось сердце. Не было только мозга, вырванного из черепа, вместо него вставили синтемозг мертвеца. Она стала мясом, еще одним телом, которым должен управлять дрессировщик трупов. Она не была женщиной, поэтому не имело ни малейшего значения, что Трейджер — мальчишка, пахнувший Скрэкки, со щекастым лягушачьим лицом. Она (нет, *оно*, помнишь?) не будет против, ей все равно.

Мальчик сбросил одежду дрессировщика трупов и забрался в постель, где лежало тело женщины. Он испытывал сильное волнение; руки дрожали, когда он начал ее гладить. Кожа была очень белой, волосы — длинными и темными, но даже мальчик не мог бы назвать ее красивой. Слишком плоское и широкое лицо, руки и ноги толстые и вялые.

На большой груди вокруг темных сосков предыдущий посетитель оставил следы зубов. Трейджер осторожно коснулся отметин, провел по ним пальцем. Затем, разозленный собственными колебаниями, схватил ее грудь и сильно сжал сосок, представив себе, как настоящая девушка кричит от боли. Труп даже не пошевелился. Продолжая сжимать сосок, он лег на нее и взял вторую грудь в рот.

И труп ответил.

Она приподнялась под ним, мясистые руки обхватили его покрытую прыщами спину и прижали к себе. Трейджер застонал и засунул руку ей между ног, там было влажно и жарко.

Как они это делают? Неужели она может по-настоящему возбудиться, не имея разума, или в нее вставили трубки со смазкой?

Потом он перестал задавать себе вопросы, нашарил пенис и всунул его в женщину. Труп сжал его ногами и сделал ответное движение. Ощущения оказались очень приятными, много лучше того, что Трейджер делал с собой сам, и он даже почувствовал смутную гордость — ведь женщина стала такой влажной и возбужденной.

Потребовалось всего несколько движений, Трейджер был слишком юным и неопытным, чтобы продержаться дольше. Надо же, всего несколько движений и все — но и ей больше ничего не требовалось. Они закончили одновременно, женщина выгнулась под ним и беззвучно задрожала. А потом вновь застыла в полнейшей неподвижности, как труп.

Трейджер чувствовал себя опустошенным и удовлетворенным, но у него еще оставалось время, и он решил получить за свои деньги еще кое-что, поэтому принялся изучать женское тело, засовывая пальцы во все отверстия, внимательно все разглядывая. Труп двигался, точно мертвое мясо.

Он оставил ее в таком же виде, как нашел, на спине, лицом вверх, с широко раздвинутыми ногами.

Стена фабрики закрывала весь горизонт, отбрасывая красные тени на серные, темные небеса. Мальчик был пристегнут к высокому сиденью автодробилки, находящемуся на втором этаже чудовищной машины со свирепыми зубами из алмазов и дюраллоя. Он ясно представлял себе панель управления, рулевое

колесо, датчик топлива, яркую рукоять управления ковшом, мерцающие циферблаты аварийных датчиков, основные и аварийные тормоза. Но видел совсем другое: тусклые, смутные отражения; наложенные друг на друга изображения Двух других панелей управления, почти идентичных тем, за которыми сидел он. И еще — неловкие руки трупов, лежащие на рукоятках. Трейджер перемещал эти руки тщательно и осторожно, а другая часть его разума контролировала собственные руки, неподвижно застывшие на коленях. На его поясе негромко гудел контроллер.

По обе стороны от него заняли позиции две другие автодробилки. Руки трупа нажали на тормоза; машины остановились. Они стояли в ряд на краю карьера, безжалостные громадные колесницы, готовые начать спуск во тьму. Карьер становился все глубже и глубже; каждый новый слой скал и руды поднимался на поверхность.

Когда-то здесь находился горный кряж, но Трейджер не помнил тех времен.

Остальное было достаточно просто. Автодробилки выстроились в шеренгу. Действовать в группе как единое целое — плевое дело. Только в тех случаях, когда приходилось заставлять разные трупы решать различные задачи, ситуация заметно усложнялась. Однако для хорошего дрессировщика особых проблем не возникало. Ветераны управлялись с командой, состоящей из восьми синтемозгов. Каждый из мертвецов был настроен на один контроллер; дрессировщик, который носил этот контроллер — точнее, его мысленные команды, — заставлял тела мертвецов совершать необходимые движения.

Трейджер быстро проверил маску с фильтром и наушники, коснулся кнопки подачи топлива, включил двигатель. Трупы повторили его движения, и импульсы света распороли сумрак Скрэкки. Даже сквозь наушники он слышал ужасающий вой опускающегося ковша. Пожирающая скалы пасть открылась во всю свою необъятную ширину.

С грохотом и скрежетом, соблюдая строй, Трейджер и его команда трупов начали спускаться в карьер. Прежде чем они доберутся до фабрик, расположенных на противоположной стороне, из чрева земли будут вырваны тонны металла, потом его обогатят и переплавят, а бесполезный камень превратится в пыль. И воздух, почти непригодный для дыхания, станет еще хуже. А когда наступит вечер, сталь будет готова.

Я стал хорошим дрессировщиком, думал Трейджер, в то время как автодробилки двигались по склону карьера. Но дрессировщик на мясной фабрике — настоящий художник своего дела, он умудряется приводить в движение дюжину трупов, если

даже не находится рядом с ними. Как ему удается заставить их делать разные вещи, сохранять возбуждение, с такой удивительной точностью соответствовать ритму и желаниям каждого клиента? Быть может, ему просто повезло, что он так удачно трахнулся?

Воздух за его спиной почернел от пыли, уши закладывал шум, а над далеким горизонтом поднималась красная стена, под которой ползали желтые муравьи, пожирающие камень. Но все время, пока автодробилка продвигалась вперед, у Трейджера сохранялась эрекция.

Трупы принадлежали компании, для них было выстроено специальное хранилище. А у Тренажера имелась комната, кусочек пространства внутри здания из стали и бетона, который принадлежал только ему. Он был знаком лишь с несколькими из своих соседей, но знал их всех — таких же, как и он, дрессировщиков трупов. То был мир безмолвных темных коридоров и бесконечных запертых дверей. В просторном и пыльном холле всегда было пусто, здесь никогда не собирались обитатели огромного дома.

Вечера были долгими, а ночи бесконечными. Трейджер купил дополнительные осветительные панели для своей комнаты, и, когда все они работали, его редким гостям приходились щуриться от яркого света. Но всегда наступало время, когда он уже не мог больше читать и приходилось выключать освещение. Темнота вновь возвращалась.

Его отец, умерший так давно, что Трейджер едва его помнил, оставил ему наследство, состоящее из книг и записей, до сих пор хранившихся в его комнатке. Все стены были ими уставлены, часть громоздилась по обе стороны от постели и возле двери в ванну.

Изредка мальчик присоединялся к Коксу и остальным. Они выпивали, обменивались шутками и отправлялись на поиски настоящих женщин. Трейджер изо всех сил старался им подражать, но всегда чувствовал себя чужим. В результате большую часть вечеров он проводил дома, читая или слушая музыку, вспоминая и размышляя.

В ту неделю он еще долго не засыпал после того, как тускнел свет панелей, и мысли пугающе путались в его сознании. Приближался день получки, и Кокс вновь придет за ним, чтобы пригласить на мясную фабрику… Да, конечно, он ничего не имел против. Это так здорово и ужасно возбуждает; наконец-то он почувствовал себя уверенным и сильным. Но все оказалось таким легким, дешевым и грязным. Ведь должно быть что-то еще, верно? Любовь, или как там оно называется? С настоящей женщиной

должно получаться лучше, но где ее взять на мясной фабрике? Вне ее стен Трейджеру не удавалось найти женщину — впрочем, у него никогда не хватало мужества попытаться. Но он должен попробовать, *должен,* иначе будущая жизнь превращается в жалкое существование.

Он мастурбировал под одеялом, напряженно размышляя над этой проблемой, и решил больше не ходить на мясную фабрику.

Однако несколько дней спустя Кокс принялся смеяться над ним, и ему пришлось пойти вместе со всеми. Он чувствовал, что должен что-то доказать. Кому?

Он попал в другую комнату, где его поджидал другой труп. Толстый и черный, с яркими оранжевыми волосами, менее привлекательный, чем первый, если такое вообще возможно. Но Трейджер был уже полон нетерпения, и — о радость! — на сей раз ему удалось продержаться подольше. И вновь все получилось превосходно, ее ритм идеально подходил Трейджеру, казалось, она точно знала, что ему нужно, и к тому же кончила одновременно с ним.

Потом последовали новые визиты. Теперь мальчик вместе с остальными стал регулярным клиентом мясной фабрики и перестал из-за этого тревожиться. Кокс с приятелями приняли ею в свой круг, но неприязнь к ним лишь возросла. Нет, он лучше, чем они, думал Трейджер. Он умел управлять трупами и автодробилками ничуть не хуже, чем мальчики постарше, и всегда оставался способен мыслить и мечтать. Придет время, и он покинет Скрэкки и кем-нибудь станет. А они до конца своих дней будут людьми с мясной фабрики. Он, Трейджер, достоин большего, он найдет любовь.

Секс с каждым разом становился все лучше, Трейджер ни разу не испытал разочарования в постели с трупами. Он делал все, о чем когда-либо читал, слышал или мечтал. Трупы узнавали о его желаниях прежде, чем он сам. Если ему хотелось, чтобы секс был медленным, они никуда не торопились.

Когда он желал, чтобы все происходило быстро и жестоко, они давали ему то, к чему он стремился. Мальчик использовал все отверстия, которыми они обладали; и они всегда знали, какое именно ему следует предоставить в данный момент.

За прошедшие после первого визита месяцы его восхищение перед дрессировщицей с мясной фабрики выросло и вскоре превратилось почти в поклонение. Трейджер все еще оставался мальчишкой, безнадежно наивным и неопытным, пребывавшим в уверенности, что сумеет ее полюбить. И тогда он уведет эту женщину из мясной фабрики в чистый мир без трупов, где они

будут счастливы вместе.

Однажды, в момент слабости, он рассказал о своей мечте Коксу и остальным. Кокс посмотрел на него, покачал головой и ухмыльнулся. А потом все принялись хохотать.

— Какой же ты осел, парень, — наконец сказал Кокс. — Там нет никакого проклятого дрессировщика! Неужели ты никогда не слышал о цепях обратной связи?

И, продолжая смеяться, он все объяснил. Каждый труп настроен на контроллер, встроенный в постель, — в результате клиент управляет собственным мясом. Вот почему для всех остальных женщины с мясной фабрики остаются мертвыми. И мальчик вдруг понял, почему его секс всегда был таким превосходным. Оказывается, он действительно отличный дрессировщик.

Той ночью, когда все панели испускали беспощадно яркий свет, Трейджер предъявил себе счет. Он хорошо делал свою работу, он этим гордился, но остальное…

Все дело в мясной фабрике, решил мальчик. Это ловушка, которая разрушает его жизнь, мечты и надежды. Он не вернется туда, но это слишком легкое решение. Он покажет Коксу, покажет им всем. Он пойдет трудным путем, будет рисковать и, если потребуется, страдать. И испытает радость, быть может, даже любовь.

Трейджер больше не ходил на мясную фабрику. Чувствуя себя сильным, решительным и необыкновенным, он все свободное время теперь проводил в своей комнате. И здесь, по мере того как шли годы, он читал, мечтал и ждал, когда начнется настоящая жизнь.

1. КОГДА МНЕ БЫЛО ОДИН И ДВАДЦАТЬ

Джози стала первой.

Она была красива — всегда — и знала об этом. Сознание собственного совершенства сформировало девушку, сделало ее агрессивной и уверенной в себе, иными словами, настоящей победительницей. Как и Трейджеру, ей исполнилось всего двадцать, когда они познакомились, но жизнь ее была более наполненной, чем у него, и, казалось, ей были известны ответы на все вопросы. Он сразу полюбил ее.

А Трейджер? Что произошло с ним за эти годы после мясной фабрики? Он стал выше, раздался в плечах, у него появились мускулы и немного жира, легко менялось настроение, он мало говорил и был погружен в себя. Теперь он управлял командой из пяти трупов — больше, чем Кокс, больше, чем любой из его

прежних приятелей. По ночам он читал книги; иногда в своей комнате, иногда в зале. Он уже успел забыть, что приходит сюда для того, чтобы кого-нибудь встретить. Уверенный в себе, бесстрастный, Трейджер ни с кем не вступал в контакт, и все его избегали. Окружающие уже не издевались над ним, но шрамы остались в его душе, хотя юноша даже не знал об этом, так как перестал заглядывать к себе в душу.

Он нашел свое место — рядом с трупами.

И все же в нем еще жила мечта. Он во что-то верил, чего-то ждал, к чему-то стремился. Поэтому не мог вернуться на мясную фабрику, полностью раствориться в растительной жизни, которую выбрали остальные. Иногда, унылыми одинокими ночами, неудовлетворенность усиливалась. И тогда Трейджер вставал со своей холодной постели, одевался и часами бродил по коридорам, глубоко засунув руки в карманы, ощущая, как что-то сжимает и рвет когтями его внутренности. И всякий раз во время таких ночных бдений он принимал решение каким-то образом завтра изменить свою жизнь.

Но когда наступал следующий день, воспоминания о тихих серых коридорах тускнели, демоны исчезали, и он вновь должен был вести шесть ревущих машин в карьер. Он вновь отдавался рутине, и на долгие месяцы тревога его оставляла.

А потом появилась Джози.

Его перевели в новый карьер, где еще не велась разработка. Еще несколько недель назад здесь вздымались холмы, но взрывники компании произвели целую серию ядерных взрывов, и теперь пришел черед автодробилок. Команда Трейджера одной из первых прибыла на новое место работы, и поначалу он даже почувствовал воодушевление. Старый карьер был практически выработан, а сейчас перед ним раскинулась новая местность, повсюду валялись булыжники, зазубренные обломки скал, камни размером с бейсбольный мяч, которые особенно пронзительно визжали, когда с ними расправлялись мощные механизмы автодробилок. Новая работа возбуждала ощущением опасности. Трейджер, в маске с фильтрами, кожаной куртке, защитных очках и наушниках, управлял своими шестью машинами и шестью телами с яростной гордостью, превращая камень в пыль, расчищая путь для других машин, пробивая дорогу ярд за ярдом, чтобы добывать новую и новую руду.

Однажды один из наслаивающихся образов привлек его внимание: на автодробилке, которую вел один из трупов, вспыхнул красный свет. Трейджер потянулся вперед руками, разумом и пятью парами рук трупов. Шесть машин остановились, но красный свет не исчез. Итак, одна из автодробилок вышла из

строя. Ругаясь, юноша посмотрел на машину и заставил сидящий в ней труп пришпорить ее. Однако красный свет продолжал гореть. Пришлось обратиться к технику.

К тому моменту, когда она прибыла по вызову — в одноместном скиммере, похожем на каплю черного металла. — Трейджер успел отстегнуть ремни, спуститься по металлическим кольцам, приваренным к боку автодробилки, и подойти к вышедшей из строя машине. Он уже собрался забраться внутрь, когда появилась Джози; они встретились у подножия громады желтого металла.

На девушке был комбинезон дрессировщика, наушники, тяжелые защитные очки, а лицо намазано жиром для защиты от пыли. Но даже в таком виде она оставалась красивой. У нее были короткие светло-каштановые волосы, которые растрепал ветер, а когда она приподняла очки, Трейджер встретился взглядом с блестящими зелеными глазами.

Джози тут же взяла ситуацию под контроль; деловито представившись, она задала несколько вопросов, открыла машинный отсек и залезла внутрь, откуда сразу же запахло рудой и продуктами перегонки нефти. Не прошло и десяти минут, как она выбралась наружу.

— Не суйся туда, — сказала она и тряхнула головой, чтобы отбросить волосы с лица. — Полетели регуляторы тяги. Идет утечка радиоактивности.

— Ага, — кивнул Трейджер. Он уже и думать забыл об автодробилке, но понимал, что нужно произвести впечатление и сказать что-нибудь умное. — Эта штука взорвется? — И тут же сообразил, что ляпнул глупость.

Юноше было хорошо известно, что утечка радиоактивности не приводит к взрыву. Однако Джози улыбнулась — так он впервые увидел ее ослепительную улыбку, — и ему показалось, что это относилось к нему, Трейджеру, а не к дрессировщику трупов.

— Нет. — Она покачала головой. — Он просто расплавится. Там даже температура не повысится, поскольку в стены встроена защита. Просто туда лучше не лезть.

— Ладно. — Надо что-то сказать… — И как мне быть дальше?

— Наверное, работать с оставшейся частью команды. Эту машину придется пустить на слом. Судя по внешнему виду, в прошлом ее уже не раз чинили. Ну и глупо! Машина раз за разом ломается, а ее продолжают отправлять в карьер. После такого количества неполадок нельзя рассчитывать, что она будет нормально работать.

— Верно, — согласился Трейджер.

Джози вновь ему улыбнулась, поставила панель на место и собралась уходить.

— Подождите!

Слово сорвалось с его губ прежде, чем он успел прикусить язык. Джози склонила голову набок и вопросительно посмотрела на него. И Трейджер вдруг сумел извлечь силу из стали, камня и ветра; под серными небесами его мечты вдруг показались ему не такими уж недостижимыми. Отчего бы нет?

— Э-э-э… Меня зовут Грэг Трейджер. Мы еще с вами встретимся?

Джози ухмыльнулась.

— Конечно. Приходи сегодня. — И она дала ему свой адрес.

После того как она уехала, он уселся в свою автодробилку и вернулся к своим шести телам. Теперь все они были охвачены огнем жизни и принялись грызть камень с особенным удовольствием. Темно-красное сияние на далеком горизонте вдруг стало напоминать восход.

Когда Трейджер добрался до дома Джози, он обнаружил там четверых ее друзей — он попал на вечеринку. Девушка часто устраивала вечеринки, и он с того дня стал постоянным ее гостем. Джози разговаривала с ним, смеялась, он ей нравился! Вот так неожиданно его жизнь изменилась.

Вместе с Джози он увидел такие районы Скрэкки, о существовании которых даже не подозревал, и стал делать вещи, которых раньше не делал никогда:

— он стоял с ней в толпе, собиравшейся на улице вечерами, на пыльном ветру, под болезненным желтым светом, сочившимся из окон бетонных зданий, делал ставки и кричал до хрипоты, подбадривая испачканных смазкой механиков, которые устраивали гонки на желтых грохочущих гусеничных тракторах;

— он гулял с ней по непривычно тихим, белым и чистым подземным офисам и коридорам, где едва слышно шипели кондиционеры и где жили и работали обитатели других миров, чиновники и администраторы;

— он бродил с ней по магазинам — огромным одноэтажным зданиям, которые снаружи напоминали склады, а внутри искрились разноцветными огнями, где было полно игровых комнат, кафетериев и баров, где выпивали дрессировщики;

— он посещал с ней спортивные залы, где другие дрессировщики, менее искусные, чем он, устраивали кулачные бои между своими трупами;

— он сидел с ней и ее друзьями в тихих тавернах, и они

будили тишину своими разговорами и смехом, а однажды Трейджер увидел человека, ужасно похожего на Кокса, который смотрел на него с противоположной стороны зала, и тогда он улыбнулся и еще ближе наклонился к Джози;

— он едва обращал внимание на других людей, толпами которых окружала себя Джози; когда они с ней отправлялись на очередную безумную прогулку, в которой участвовали еще пять, шесть или десять человек, Трейджер говорил себе, что это они с Джози гуляют, а остальные просто присоединились к ним.

Изредка обстоятельства складывались для Трейджера удачно, и они оставались вдвоем у нее дома или у него. И тогда начинались разговоры — о далеких мирах и о политике, о трупах и жизни на Скрэкки, о книгах, которые оба поглощали в огромных количествах, о спорте, играх и друзьях. У них было немало общего. Но юноша ни разу не проговорился о своих чувствах.

Конечно, Трейджер ее любил. Подозрения возникли в первый месяц знакомства и вскоре превратились в убежденность. Он любил Джози, именно такой любви он ждал.

Но вместе с любовью пришла мука. Дюжину раз юноша пытался рассказать о том, что творится в его сердце, но так и не сумел произнести нужных слов. А что, если Джози к нему равнодушна?

Его ночи оставались одинокими: все та же маленькая комнатка, яркий свет, книги и боль. Только теперь он стал еще более одиноким; умиротворение рутиной, полужизнь с трупами — все теперь ушло. Днем он проводил в движение огромную автодробилку, заставлял трупы выполнять команды, колол камни, плавил руду и мысленно повторял слова, которые скажет Джози. И мечтал о том, что услышит в ответ. Конечно, у нее были мужчины, но она любила только Трейджера и тоже не могла ему признаться. Когда он сумеет найти нужные слова и наберется мужества, он все ей скажет. Каждый день юноша повторял это себе, продолжая вгрызаться в чрево земли.

Но стоило ему вернуться домой, как уверенность покидала его. А потом с ужасающим отчаянием Трейджер понял, что обманывает себя. Он ей всего лишь друг, ничего больше, и это никогда не изменится. Зачем лгать себе? Разве мало получено намеков? Они не были любовниками и никогда не будут; в тех редких случаях, когда он набирался мужества и прикасался к Джози, девушка улыбалась и под каким-нибудь предлогом отодвигалась, чтобы у него не создалось впечатления, будто его отвергли.

Он бродил по коридорам, мрачный, угрюмый, мечтая

поделиться с кем-нибудь своими проблемами. И все его прежние шрамы вновь стали кровоточить — до следующего дня. Когда Трейджер возвращался к своим машинам, вера приходила вновь. Юноша знал, что должен верить в себя, и громко кричал о своей вере. Он должен перестать себя жалеть, должен что-то сделать. Он должен сказать Джози!

И она будет его любить, кричал день.

И она рассмеется, отвечала ночь.

Трейджер целый год преследовал Джози, это был год боли и надежд, первый год, когда он *жил* по-настоящему. Лишь в этом ночные страхи и голос дня соглашались — да, теперь он живет. Трейджер больше никогда не вернется в пустоту прежней жизни, до Джози, и никогда не придет на мясную фабрику. Во всяком случае, этого ему удалось добиться. Он может измениться, и когда-нибудь у него хватит сил и найдутся слова для признания.

Джози и двое ее друзей зашли к нему той ночью, но друзья через некоторое время удалились — по каким-то своим делам. В течение часа они оставались наедине и болтали о пустяках. Наконец девушка собралась уходить. Трейджер сказал, что проводит ее до дома.

Он обнимал ее за плечи, пока они шагали по длинным коридорам, и не сводил взгляда с ее лица, наблюдая за игрой света и тени на ее щеках.

— Джози, — Удивительное тепло и спокойствие снизошло на него, и он наконец произнес: — Я люблю тебя.

Девушка остановилась, высвободилась из его рук и отступила на шаг. Ее рот приоткрылся, и что-то промелькнуло в глазах.

— О Грэг, — промолвила она печально. — Нет, Грэг, не надо, не надо. — И покачала головой.

Слегка дрожа, беззвучно шевеля губами, юноша протянул к ней руку, но Джози ее не взяла. Он нежно коснулся ее щеки, и она молча отвернулась.

И тогда, впервые в жизни, Трейджер заплакал.

Джози отвела его в свою комнату. Они уселись на полу, не касаясь друг друга, и начали разговор.

> *Д…знала уже давно. но я не хотела говорить об этом и… я не хотела сделать тебе больно… Грэг, ты хороший… не тревожься…*
>
> *Т…знал с самого начала… что из этого никогда… лгал себе… хотел верить, даже если неправда… мне жаль, Джози, мне так жаль, так жаль, такжальтакжалъ…*

Д…боялась, что ты вернешься к своему прежнему существованию… не надо, Грэг, обещай мне… нельзя сдаваться… нужно верить…

Т…почему?

Д…нельзя терять веру, иначе ты превратишься в ничто… умрешь… ты можешь изменить свою жизнь… покинуть Скрэкки, найти кого-нибудь… здесь нет жизни… ты найдешь, найдешь, поверь мне, не теряй веры, продолжай верить…

Т… ты… буду всегда любить тебя, Джози… всегда… как я могу найти кого-нибудь… таких, как ты, больше нет… никогда… ты особенная…

Д…о, Грэг… множество людей… ты только посмотри вокруг… откройся, будь открытым…

Т. (смех)…открытым?…первый раз, когда я начал говорить с другим человеком…

Д. говори со мной снова, если хочешь… я могу с тобой разговаривать… у меня было много любовников, все хотят забраться ко мне в постель… лучше просто оставаться друзьями…

Т…друзьями… (смех)… (слезы)…

II
Обещания будущего

Огонь давно погас, Стивенс и лесник легли спать, но Трейджер и Донелл и сидели возле тлеющих угольков у края чистой зоны. Они тихонько разговаривали, чтобы не будить остальных, и слова тяжело повисали в тревожном воздухе ночи. За их спинами темной стеной вздымался еще не срубленный, застывший в неподвижности лес; все живые обитатели Венда-лии сбежали от чудовищного шума, который днем производили гусеничные бульдозеры.

—.. Я знаю, что управлять бульдозерами совсем непросто, — говорил Донелли. Он был бледным робким юношей, симпатичным, но легко смущавшимся по любому поводу. Трейджер узнавал себя в неуверенной речи Донелли. — У тебя хорошие перспективы в нашем деле.

Трейджер задумчиво кивнул, не сводя глаз с пепла костра.

— Да, я не случайно прибыл на Вендалию. Я обращался к гладиаторской деятельности, но мне вполне хватило одного раза. Наверное, я бы справился, но меня начинает тошнить от одной только мысли об этом. Конечно, здесь платят намного меньше, чем на Скрэкки, но работа чистая. Как ты считаешь?

— Пожалуй, — согласился Донелли. — И все же настоящие люди не выходят на арену. Только мясо. В результате тела становятся такими же мертвыми, как разум. Логично, не правда ли?

Трейджер рассмеялся.

— Ты слишком большое внимание уделяешь логике, Дон. Нужно больше чувствовать. Послушай, когда ты в следующий раз попадешь в Гидион, сходи на гладиаторские бои и посмотри. Это отвратительно! Трупы, спотыкаясь, бродят по арене с топорами и мечами и рубят друг друга на куски. Настоящая бойня. А зрители — как они радостно кричат после каждого удара! И смеются. Они *смеются,* Дон! Нет. — Он решительно покачал головой. — Нет.

Но у Донелли еще оставались аргументы в запасе.

— Но почему нет? Я не понимаю, Грэг. У тебя получится, ты будешь лучшим среди них. Я же видел, как ты работаешь со своей командой.

Трейджер бросил на Донелли быстрый взгляд, юноша спокойно ждал ответа. В памяти всплыли слова Джози: «Откройся, будь открытым». Но нет уже того Трейджера, который одиноко жил на Скрэкки. Он возмужал и изменился.

— Там была девушка, — медленно, взвешивая каждое слово, проговорил он, открываясь. — На Скрэкки осталась девушка, которую я любил. Но у нас ничего не вышло. Вот почему я здесь. Я ищу нечто лучшее. Но мои прежние чувства со мной. — Он немного помолчал, стараясь поточнее выразить свою мысль. — Эта девушка, Джози, я хотел, чтобы она меня любила. Ну, ты понимаешь, — Как тяжело быть откровенным, говорить о своих чувствах! — Мечтал, чтобы она меня обожала и все такое. Ну а теперь, да, конечно, я бы неплохо управился с трупами на арене. Но Джози никогда бы не полюбила человека такой профессии. Конечно, она для меня потеряна, но все же… я ищу такого человека, который не сможет быть со мной, если я стану дрессировщиком гладиаторов. — Он резко поднялся на ноги. — Не знаю. Вот что для меня важно. — Джози или девушка, похожая на нее. Надеюсь, что скоро и встречу ее.

Залитый лунным светом, Донелли молча сидел и жевал нижнюю губу, не глядя на Трейджера. Неожиданно выяснилось, что его логика не помогает. А Трейджер отправился бродить по лесу — ведь здесь не было бесконечных коридоров.

У них получилась сплоченная группа; три дрессировщика, лесник, тринадцать трупов. Каждый день они отодвигали границу леса, и впереди всех двигался Трейджер. Против дикой природы Веидалии, против черного шиповника и жестких, усеянных

железными шипами веток серых деревьев, против густых зарослей враждебного леса он бросал свои бульдозеры. Шесть из них управлялись руками трупов, а седьмой он вел сам. Перед сверкающими клинками и лазерными резаками стена леса каждый день отступала. За ними шел Донелли, управлявший тремя огромными лесопильными агрегатами, которые превращали поваленные деревья в пиломатериалы для Гидиона и других городов Вендалии. Далее следовал Стивенс, третий дрессировщик, руководивший огнеметом, который сжигал пни и расплавлял камни, — после него фермеры могли заняться земледелием. Управлял процессом лесник.

Чистая, напряженная работа, предъявлявшая жесткие требования ко всем, — Трейджеру она с каждым днем нравилась все больше. Он превратился в стройного, мускулистого молодого человека; черты загорелого лица стали жестче, жаркое и яркое солнце Вендалии оставило на нем свой след. Трупы были естественным продолжением его тела, он управлял ими с поразительной легкостью. С такой же уверенностью обычный человек двигает рукой или ногой. Иногда контроль становился таким сильным, отдача такой отчетливой и определенной, что Трейджеру казалось, что он вовсе не дрессировщик, работающий с командой, а человек с семью телами. Семь сильных тел, оседлавших знойный лесной ветер.

Но и вечера, когда работа заканчивалась, доставляли ему удовольствие. Юноша сумел обрести внутреннее спокойствие, он ощущал общность с новым миром, недоступную ему на Скрэкки. Лесники Вендалии, которые приезжали из Гидиона, сменяя друг друга, были достойными во всех отношениях и дружелюбными людьми. Вот, например, Стивенс, здоровенный крепыш, — он постоянно шутил, редко заговаривая на серьезные темы. Трейджер считал его забавным. А с Донелли, стеснительным юношей, таким спокойным, склонным к философствованию, они по-настоящему подружились. Донелли умел слушать и сопереживать, а новый Трейджер оказался прекрасным рассказчиком. Когда речь заходила о Джози, в глазах юноши мелькала зависть. Трейджеру порой казалось, что Донелли — это он сам прежний, еще не встретивший свою любовь и не умеющий находить нужные слова.

Однако проходили дни и недели, и Донелли стал говорить больше и увереннее. Пришел черед Трейджера слушать и разделять боль друга. И он понимал, что так правильно. Каждый вечер, глядя в тлеющие угольки костра, они рассказывали друг другу свои сны. И плели ковер надежды, наполненный обещаниями и ложью.

А потом наступала ночь, которая, как и прежде, была худшим временем.

После того как все разговоры заканчивались и Донелли отправлялся спать, в одинокую палатку Трейджера приходила Джози. Тысячу ночей он лежал, закинув руки за голову, глядя в пластиковый потолок, и вновь переживал ту ночь, когда признался ей в любви. Тысячу раз он касался ее щеки и смотрел, как она отворачивается от него.

Он думал о ней, сражался с видениями и терпел поражение. Тогда, потеряв покой, он вставал и выходил из палатки, отправляясь на долгие одинокие прогулки. Да, девушка немало дала ему, но очень многое отняла. Трейджер лишился своей прежней апатии, разучился не думать, больше не умел блокировать боль. На Скрэкки он редко ходил по коридорам; ночной лес видел юношу гораздо чаще.

Трейджер проходил по расчищенному участку и углублялся во мглу леса, отодвигая в сторону низко свисающие ветви, спотыкаясь о корни; он шел до тех пор, пока не находил воду. Тогда юноша садился на землю возле подернутого ряской озера или журчащего ручья, быстро несущего свои воды в свете луны. Он принимался бросать камни в воду, сильно и точно швыряя их вдоль поверхности, чтобы услышать далекий всплеск.

Так Трейджер сидел долгими часами, бросая камни и размышляя, пока ему не удавалось себя убедить, что солнце скоро взойдет.

Гидион — сердце Всндалии. Огромные башни из черного и серебристого металла, парящие воздушные скульптуры, сияющие в солнечном свете и испускающие мягкое мерцание по ночам, суматоха и шум громадных космических портов, где грузовые корабли приземлялись и взлетали, опираясь на огненные шлейфы, бесконечные магазины с гладкими тротуарами.

Город трупов. Мясной рынок.

Грузовые корабли привозили преступников, отщепенцев и смутьянов из других миров, этих людей купили за твердую валюту Венд ал и и (ходили темные слухи о туристических лайнерах, таинственно исчезающих без всякого слсда). Устремившиеся в небеса башни госпиталей и складов трупов, где умирали мужчины и женщины и где рождались зомби. А вдоль тротуаров располагались ряды лавок продавцов трупов и мясные фабрики.

Мясные фабрики Вендалии славились на многих мирах. Красота трупов гарантировалась.

Трейджер сидел напротив одной из таких фабрик под

зонтиком открытого кафе. Он потягивал горьковато-сладкое вино, думал о том, как быстро заканчивается его отпуск, и пытался не глазеть на противоположную сторону улицы. Вино теплом растекалось по языку, в глазах застыла тревога.

По улице двигались незнакомцы. Загорелые дрессировщики трупов с Вендалии, Скрэкки и Слэгга; низенькие и толстые торговцы, любопытные туристы с Чистых миров вроде Старой Земли и Зефира и дюжины загадочных людей, чьи имена, род занятий и проблемы останутся для Трейджера тайной. Он сидел, пил вино и чувствовал себя совершенно отрезанным от других людей. Он не мог их коснуться, не знал, как к ним подойти, как завязать разговор. Конечно, он мог встать, выйти на середину улицу и схватить кого-нибудь из них, но незнакомец вырвется и убежит. Так всегда проходит его отпуск: он болтается по барам Гидиона, пытается завязать тысячи знакомств, но ничего не получается.

Вино закончилось. Трейджер тупо посмотрел в свой стакан, повертел его в руках и заморгал. Потом резко поднялся на ноги и расплатился. Его руки слегка дрожали.

Прошло столько лет, подумал он, глядя на противоположную сторону улицу. Джози, прости меня.

Трейджер вернулся в лагерь, и его трупы взялись за работу, словно были охвачены яростью. А когда наступил вечер, он молча уселся у костра и даже не пытался говорить с Донелли. Кончилось тем, что удивленный и обиженный юноша последовал за своим приятелем в лес и нашел его на берегу темного, точно смерть, ручья рядом с грудой камней, собранных для метания в воду.

Т…вошел туда… после всего, что я говорил, после всех обещаний… и все же я вошел…

Д…тут не о чем тревожиться… ты ведь помнишь, что говорил мне… нужно продолжать верить…

Т…верил, ВЕРИЛ… никаких трудностей… Джози…

Д…ты говорил, что я не должен сдаваться, что нужно… не стану повторять все, что ты говорил мне, все, что говорила тебе Джози… каждый человек кого-нибудь находит… если продолжает искать… сдаваться, умирать… все, что тебе потребуется… открыться… найти мужество смотреть… перестать жалеть себя… говорил мне сотни раз…

Т…в тысячу раз легче говорить другим, чем делать самому…

Д…Грэг… мечтатель… лучше, чем они…

Т. (вздохнув)…да… трудно, хотя… почему я так с собой поступаю?..

Д…лучше быть таким, как ты был?…не страдать, не жить?…как я?..

Т…нет… нет… ты прав…

2. ПИЛИГРИМ. ВВЕРХ И ВНИЗ

Ее звали Лорел. Она совсем не походила на Джози, за одним-единственным исключением. — Трейджер ее любил.

Хорошенькая? Трейджер так не считал — во всяком случае, поначалу. Она была слишком высокой, на полфута выше, чем он, слишком пухленькой и неловкой. Но у этой девушки были удивительные волосы, красно-коричневые зимой и яркие, искрящиеся и светлые — летом. Они прямыми прядями спадали ей на плечи, и ветер так замечательно играл с ними!

Нет, ее нельзя было даже сравнить с Джози. Однако, как ни странно, со временем Лорел становилась все более красивой, возможно, из-за того, что худела, или причина крылась в том, что Трейджер в нее влюбился и стал смотреть на нее другими глазами.

Однако иногда ему казалось, что это произошло после того, как он сказал Лорел, что она хорошенькая, — и она изменилась. Точно так же девушка говорила ему, что он мудрый человек, и ее вера в это давала ему мудрость. Так или иначе, но Лорел стала очень красивой после того, как он некоторое время провел с ней.

Она была на пять лет моложе Трейджера, чистая, невинная и робкая, тогда как Джози никогда не страдала от застенчивости. Лорел была умной, романтичной и мечтательной, удивительно живой и страстной, а еще — незащищенной и открытой.

Лорел недавно попала на Гидион из малонаселенных районов Вендалии, где обучалась на лесника. Во время очередного отпуска Трейджер зашел в колледж лесников, чтобы навестить одного из преподавателей, с которым вместе работал, и случайно встретил ее там. Ему предстоял двухнедельный отпуск в городе, полном незнакомцев и мясных фабрик. Трейджер показал девушке блистательный упадок Гидиона, чувствуя себя умудренным жизнью, и произвел на нее впечатление.

Две недели пролетели быстро. Наступил последний вечер. Трейджера неожиданно охватил страх, и он повел Лорел в парк, расположенный на берегу реки, которая делила город пополам. Они уселись на низкую каменную стену возле кромки воды — рядом, но не касаясь друг друга.

— Время течет слишком быстро, — сказал он, сжимая камень.

Затем Трейджер швырнул его над поверхностью воды, проследил за узкой полоской пены и поднял взгляд на Лорел. — Мне как-то не по себе, — со смехом произнес он. — Я… Лорел, мне не хочется уезжать.

Ее лицо оставалось непроницаемым. Устала?

— В городе очень мило, — согласилась она.

Трейджер яростно встряхнул головой.

— Нет. *Нет!* Дело вовсе не в городе, а в тебе, Лорел. Я думаю, я… ну…

Девушка улыбнулась ему. Ее глаза блестели.

— Я знаю, — сказала она.

Трейджер не мог поверить. Он протянул руку и коснулся ее щеки. Она повернула голову и поцеловала его ладонь. Они улыбнулись друг другу.

Он поспешил обратно в лагерь, чтобы уволиться.

— Дон, ты должен с ней встретиться! — закричал он. — Вот видишь, все возможно, я это сделал! Нужно лишь продолжать верить и не сдаваться. Мне так хорошо, что это кажется… непристойным!

Донелли, все такой же неловкий и логичный, улыбнулся ему, не зная, как реагировать на такой восторг.

— И что ты будешь делать? — смущенно спросил он. — Работать на арене?

Трейджер рассмеялся.

— Едва ли, ты же знаешь, как я к этому отношусь. Рядом с космопортом есть театр, где разыгрывают пантомимы мертвые актеры. Я получил там работу. Платят паршиво, но я буду рядом с Лорел. А остальное не имеет значения.

Той ночью они почти не спали — разговаривали, обнимались и занимались любовью. Любовь была радостью, игрой, восхитительным откровением, конечно, не такой технически совершенной, как на мясной фабрике, но Трейджера это не волновало. Он учил Лорел быть открытой. Он поведал ей все свои тайны и жалел, что у него их больше не осталось.

— Бедная Джози! — часто восклицала Лорел по ночам, когда ее теплое тело прижималось к Трейджеру, — Она не знает, что потеряла. Мне повезло. Таких, как ты, больше нет.

— Нет, — возражал Трейджер, — это мне повезло.

Они смеялись и спорили о том, кому повезло больше.

Донелли приехал в Гидион и поступил на работу в театр. Без Трейджера работа в лесу потеряла свое очарование, сказал он.

Они много времени проводили вместе, и Трейджер сиял от счастья. Он хотел разделить своих друзей с Лорел и не раз рассказывал о Донелли. Пусть Дон знает, каким счастливым он стал, пусть видит, как важно сохранить веру.

— Она мне нравится, — с улыбкой сказал Донелли в первый же вечер, когда Лорел ушла.

— Замечательно! — кивнул Трейджер.

— Нет, Грэг, она *действительно* мне нравится.

Они *много* времени проводили вместе.

— Грэг, — сказала однажды ночью Лорел, когда они лежали в постели, — мне кажется, что Дон… ну, он мной увлекся.

Трейджер повернулся на бок и посмотрел на Лорел.

— Господи… — с тревогой пробормотал он.

— Я не знаю, как мне вести себя с ним.

— Осторожно, — ответил Трейджер. — Он очень уязвим. Вероятно, ты первая женщина, которой он заинтересовался. Не будь с ним слишком холодна. Он не должен испытать те муки, которые выпали мне.

Секс никогда не получался таким же замечательным, как на мясной фабрике. И спустя некоторое время Лорел стала закрываться. Все чаще и чаще она засыпала после того, как они занимались любовью, а времена, когда они говорили до рассвета, остались далеко позади. Быть может, им больше нечего было сказать друг другу. Трейджер заметил, что она стала заканчивать истории, которые рассказывал он.

— Он это сказал? — Трейджер вылез из постели, зажег свет и, нахмурившись, сел в кресло.

Лорел натянула одеяло до подбородка.

— Ну и что ответила ты?

Девушка колебалась.

— Я не могу тебе сказать. Это только между Доном и мной. Он сказал, что так нечестно — я всякий раз рассказываю тебе о том, что происходит между нами. И он прав.

— *Прав!* Но я рассказываю тебе все. Разве ты не помнишь, что мы…

— Я знаю, но…

Трейджер покачал головой. Его голос стал спокойнее.

— Что происходит, Лорел? Мне вдруг стало страшно. Я люблю тебя, ты помнишь? Как все могло так быстро перемениться?

Ее лицо смягчилось. Она села и протянула к нему руки, одеяло упало, обнажив ее полную мягкую грудь.

— О Грэг! Не тревожься! Я люблю тебя и всегда буду любить, но так получилось, что теперь я и его люблю. Ты понимаешь?

Успокоенный Трейджер обнял Лорел и страстно поцеловал в губы. Потом он оторвался от нее.

— Послушай, — сказал он, пытаясь суровостью скрыть дрожь в голосе, — кого ты любишь *больше?*

— Тебя, конечно, всегда тебя.

Он улыбнулся и снова поцеловал Лорел.

— Тебе все известно, — начал Донелли. — Наверное, нам нужно об этом поговорить.

Трейджер кивнул. Они сидели за кулисами театра, трое его трупов стояли у него за спиной, словно стража.

— Хорошо. — Он посмотрел на Донелли, и его улыбающееся лицо стало суровым. — Лорел просила меня, чтобы я делал вид, что ничего не знаю. Она сказала, что ты чувствуешь себя виноватым. Но трудно притворяться, что ничего не происходит, Дон. Пришло время поговорить начистоту.

Донелли опустил глаза и засунул руки в карманы.

— Я не хочу причинять тебе боль, — сказал он.

— Тогда не делай этого.

— Но я не могу притвориться, что я мертв. Я живой. Я тоже ее люблю.

— Предполагается, что ты мой друг, Дон. А любовь — это нечто другое. Так ты только причинишь себе боль.

— У меня больше общего с Лорел, чем у тебя.

Трейджер молча смотрел на него. Наконец Донелли поднял взгляд и тут же вновь опустил глаза.

— Я не знаю… О Грэг! Лорел все равно любит тебя больше — так она сама сказала. И я не могу рассчитывать… У меня такое ощущение, будто я нанес удар тебе в спину. Я…

— Послушай, Дон, перестань, ты не наносил мне удара в спину, не говори так. И если ты ее любишь, что ж, тут ничего не поделаешь. Надеюсь, все закончится хорошо.

А ночью, когда они лежали в постели, он сказал Лорел:

— Я беспокоюсь за него.

Его лицо, прежде такое загорелое, стало пепельно-серым.

— Лорел? — прошептал он, не веря.

— Я больше не люблю тебя. Мне очень жаль, но это так. Иногда наша любовь казалась мне настоящей, но сейчас она развеялась, как сон. Даже не знаю, любила ли я тебя когда-

нибудь.

— Дон, — деревянным голосом произнес Трейджер.

Девушка покраснела.

— Не говори ничего плохого о Доне. Я устала слушать, как ты все время его унижаешь. Он ни разу не сказал о тебе ничего дурного.

— О Лорел! Неужели ты не помнишь? Слова, которые мы говорили, наши чувства? Я тот же человек, которому ты говорила эти слова.

— Но я выросла, — жестко возразила Лорел, откинув назад свои красно-золотые волосы. — Я все прекрасно помню, но теперь мои чувства изменились.

— Не надо, — сказал он и потянулся к ней.

Она отодвинулась.

— Не трогай меня. Я сказала тебе, Грэг, все *кончено.* Ты должен уйти. Скоро придет Дон.

Это было хуже, чем с Джози. В тысячу раз хуже.

III
Скитания

Трейджер пытался сосредоточиться на театре; ему нравилась работа, у него оставались здесь друзья. Но это было невозможно. Каждый день он видел Донелли, улыбающегося и доброжелательного, иногда в театр приходила Лорел, чтобы встретить его после дневного представления, и они уходили вместе, держась за руки. Трейджер стоял и смотрел, стараясь делать вид, что ему все равно. Однако отвратительное существо у него внутри кричало и рвало его тело.

Он уволился. Он больше никогда их не увидит. Нужно сохранить гордость.

Свет Гидиона озарял небо, люди на улицах смеялись, но в парке было темно и тихо.

Трейджер стоял, прислонившись к дереву, не сводя глаз с реки и сложив руки на груди. Он был статуей. Казалось, он не дышит. Даже его глаза не двигались. Труп, стоя на коленях рядом с каменной стеной, колотил руками по кладке, которая стала влажной от крови. Ладони трупа превратились в кровавое месиво, изредка кость скрежетала по камню.

Его заставили заплатить прежде, чем он вошел в будку. Потом ему пришлось ждать целый час, пока они искали ее и налаживали связь. Наконец он смог сказать:

— Джози.

— Грэг, — ответила она, улыбаясь своей особенной улыбкой. — Я могла бы и сама догадаться. Кто еще мог связаться со мной с Вендалии? Как ты?

Он рассказал ей. Ее улыбка исчезла.

— О Грэг! Мне так жаль. Но ты не должен падать духом. Продолжай двигаться дальше. В следующий раз у тебя получится лучше. Так бывает всегда.

Однако ее слова не успокоили Трейджера.

— Джози, а как твои дела? Ты меня вспоминаешь?

— О, конечно. У меня все хорошо. Впрочем, это Скрэкки. Тебе лучше держаться отсюда подальше. — Она отвела взгляд от экрана, а потом вновь посмотрела на Трейджера, — Я должна идти, пока счет не стал огромным. Рада, что ты меня нашел, милый.

— *Джози!*

Экран померк.

Иногда, по ночам, Трейджер ничего не мог с собой поделать. И тогда он подходил к домашнему экрану и звонил Лорел. И всякий раз ее глаза сужались, когда она видела, кто ее вызывает. А потом экран темнел.

Трейджер долго сидел в своей одинокой комнате и вспоминал, как когда-то звук ее голоса делал его таким счастливым.

Улицы Гидиона — не лучшее место для ночных прогулок. Даже в самые темные часы они ярко освещены, на них полно людей и мертвецов. И еще здесь, на бульварах и проспектах, множество мясных фабрик.

Слова Джози потеряли свою силу. На мясных фабриках Трейджер забывал о своих мечтах и находил дешевое утешение.

Чувственные ночи с Лорел и неловкий секс юности остались в прошлом; Трейджер брал своих партнерш из мясных фабрик быстро, почти жестоко и занимался с ними сексом с дикой животной энергией, которая вела к неизбежному идеальному оргазму. Иногда, вспоминая театр, он заставлял труп сыграть короткую эротическую пьеску для создания подходящего настроения.

А потом наступала ночь. Агония.

Трейджер вновь бродил по коридорам, низким темным коридорам дрессировщиков Скрэкки, но теперь коридоры превратились в лабиринт, где он давно заблудился. Воздух был

наполнен стремительно сгущавшимся гниющим туманом. Скоро наступит слепота.

Он ходил и ходил бесконечными кругами, двери темнели мрачными прямоугольниками, навсегда запертыми для него; мимо большинства из них он проходил, даже не замедляя шага. Один или два раза Трейджер останавливался перед дверью, из-за которой сочился свет, и прислушивался. Изнутри доносились какие-то звуки, и он начинал отчаянно стучать. Но никто ему не отвечал.

Он двигался дальше сквозь туман, становившийся все более темным и густым, пока усталые ноги не начинали кровоточить, а лицо не заливали слезы. И тогда в конце длинного, длинного прямого коридора Трейджер видел распахнутую дверь. Из нее лилея яркий, обжигавший глаза свет, раздавалась веселая радостная музыка, слышался смех. Трейджер переходил на бег, хотя его ноги были разбиты в кровь, а легкие горели от тяжелого тумана, которым ему приходилось дышать. Он бежал до тех пор, пока не влетал в комнату с распахнутой дверью.

И комната неизменно оказывалась пустой.

Однажды, в тот короткий период, когда они с Лорел жили вместе, им довелось заниматься любовью под открытым небом. Потом, когда все закончилось, девушка прижалась к нему, и он нежно гладил ее плечи.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

— О нас, — ответила Лорел и вздрогнула. Ветер был холодным. — Иногда мне становится страшно, Грэг. А вдруг с нами что-нибудь случится, и наша любовь погибнет. Я не хочу, чтобы ты меня покинул.

— Не бойся, — сказал он ей. — Я останусь с тобой.

Теперь каждую ночь, перед тем как заснуть, он мучил себя ее словами. Хорошие воспоминания оставили ему пепел и слезы; плохие наполняли невыразимой яростью.

Трейджер спал с призраком — сверхъестественно прекрасным. И каждое утро просыпался с мертвой мечтой.

Он ненавидел их. И себя — за эту ненависть.

3. СОН ДУВАЛЛЕРА

Ее имя не имело значения, внешность тоже ничего не значила. Важно лишь то, что она *была,* что Трейджер попытался еще раз, что он заставил себя поверить и что не сдался. Он *пытался.*

Но чего-то не хватало. Магии?

Слова были теми же самыми. Сколько раз ты можешь их говорить, размышлял Трейджер, повторять их и верить, как в тот, первый раз? Однажды? Дважды? Быть может, трижды? Или сотню раз? А люди, повторяющие их сто раз, становятся ли они более умелыми в любви? Или лишь обманывают себя? Или они давно позабыли о мечте и используют слова совсем в другом смысле?

Он произносил слова, обнимал ее и целовал. Он произносил слова, абсолютно убежденный в том, что они мертвы. Он произносил слова и пытался, но за словами скрывалась пустота.

Она отвечала ему, и Трейджер понимал, что и это ничего для него не значит.

Снова и снова они повторяли то, что каждый из них хотел услышать, и оба понимали, что лгут. Они очень старались. Но когда он протянул руку, как актер, затвердивший свою роль, обреченный играть ее снова и снова, и коснулся ее щеки — кожа оказалась чудесно мягкой, гладкой и влажной от слез.

IV
Эхо

— Я не хочу делать тебе больно, — сказал Донелли, виновато глядя в сторону, и Трейджеру стало стыдно, что он огорчает друга.

Он коснулся ее щеки, и она отвернулась от него.

— Я никогда не хотела сделать тебе больно, — сказала Джози, и Трейджера охватила печаль.

Она дала ему так много, а он заставил ее чувствовать себя виноватой. Да, ему больно, но сильный мужчина никогда не покажет свою боль. Трейджер коснулся ее щеки, и она поцеловала его ладонь.

— Я сожалею, но больше не люблю тебя, — сказала Лорел.

Что он такого сделал, в чем его вина, как умудрился все испортить? Он коснулся ее щеки, и она заплакала.

«Сколько раз ты можешь их произносить, — эхом звучал его голос, — повторять их и верить, как в тот, первый раз?»

Ветер был темным, пыль тяжелой, небо болезненно пульсировало мерцающим алым пламенем. А в карьере, в темноте, стояла юная девушка в защитных очках и маске с фильтрами, с короткими каштановыми волосами и готовыми ответами.

«Машина раз за разом ломается, а ее продолжают отправлять в карьер, — сказала она. — После такого количества неполадок нельзя рассчитывать, что она будет нормально работать».

Труп был огромным и черным, его могучий торс бугрился от

мускулов — результат долгих месяцев тренировок. Трейджеру еще не доводилось видеть таких громадных существ. Он медленно надвигался, шагая по опилкам, наклонившись вперед со сверкающим мечом в руке.

Трейджер наблюдал за боем, сидя в кресле, находившемся на верхнем ярусе арены. Другой дрессировщик старался действовать с максимальной осторожностью.

Его собственный труп, жилистый и крепкий, стоял и ждал, опустив Утреннюю Звезду в залитые кровью опилки арены. Трейджер приведет ее в движение достаточно быстро и эффективно, когда наступит подходящий момент. Враг, как и толпа, прекрасно это знали.

Черный труп неожиданно поднял свой меч и побежал вперед, рассчитывая использовать длину клинка и быстроту. Однако трупа Трейджера уже не было там, куда пришелся хорошо рассчитанный удар вражеского меча.

Удобно сидя над ареной (внизу на арене его ноги были покрыты кровью и опилками), Трейджер (труп) отдаст команду (взмах Утренней Звезды) — и огромный усыпанный стальными шипами шар опишет круг, почти лениво, почти грациозно, затем ударит в затылок врага, когда тот попытается восстановить равновесие и обернуться. Поток крови и мозг брызнут наружу, а толпа взвоет от восторга.

Трейджер уведет свой труп с арены и поднимется с кресла, чтобы принять аплодисменты. Это его десятая победа. Скоро он станет чемпионом. Результаты таковы, что они больше не смогут откладывать решающий матч.

Она красива, его госпожа, его любовь. У нее короткие светлые волосы и грациозное тело со стройными ногами и маленькой твердой грудью. У нее зеленые блестящие глаза, и они всегда его приветствуют. А в ее улыбке удивительная возбуждающая невинность. Она ждет его в постели, ждет возвращения с арены, ждет с нетерпением и страстью, игривая и любящая. Когда Трейджер входит, она садится и улыбается ему, простыня сползает вниз, и он вновь с восхищением смотрит.

Ощущая на себе его взгляд, она прикрывает грудь и краснеет. Трейджер прекрасно знает, что это фальшивая скромность, что она просто играет с ним. Он подходит к постели, садится и протягивает руку, чтобы погладить ее по щеке. У нее удивительно мягкая кожа; она проводит носом по его ладони и прижимается к ней щекой. Трейджер отводит ее руки и нежно целует каждую грудь, после чего их губы встречаются в страстном поцелуе. Она отвечает ему; их языки исполняют восхительный танец.

Они занимаются любовью медленно и чувственно, слившись воедино в тесном объятии, которое длится и длится. Два тела двигаются в безупречном ритме, каждое знает, что нужно партнеру. Трейджер делает едва уловимое движение, и его второе тело устремляется к нему навстречу. Он протягивает руку, и их пальцы переплетаются.

Они кончают одновременно (их оргазмы стартуют, повинуясь мозгу дрессировщика), и яркая кровь приливает к ее груда и мочкам ушей. Они целуются.

А затем Трейджер разговаривает со своей любовью, своей госпожой. После секса нужно обязательно вести беседу, он узнал об этом много лет назад.

— Тебе повезло, — иногда говорит он ей, и она прижимается к нему, покрывая поцелуями его грудь. — Очень повезло. Там они лгут, любовь моя. Они учат глупой сияющей мечте, и уговаривают верить и следовать за ней, и утверждают, что для тебя, для каждого кто-то есть. Но они ошибаются. Мир несправедлив, в нем никогда не было справедливости, так зачем же они лгут? Ты преследуешь фантомы и проигрываешь, а они говорят, что будет следующий раз, но все это гниль, пустая гниль. Никто никогда не находит мечту, они просто обманывают, убеждают себя, что могут и дальше продолжать верить. Но это лишь прилипчивая ложь, которую отчаявшиеся люди повторяют друг другу.

Но к этому моменту он уже больше не может говорить, поскольку поцелуи опускаются все ниже, а затем она берет его член в рот. И Трейджер улыбается своей любви, нежно поглаживая ее волосы.

Самая блестящая и жестокая ложь из всех, которыми они потчуют тебя, называется любовь.

Вспоминая Мелоди
© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

Тед брился, когда раздался звонок в дверь. Он так перепугался что рука дрогнула, и на щеке появился порез. Его

квартира находилась на тридцать втором этаже, и привратник Джек обычно предупреждал о посетителях. Значит, это кто-то из соседей. Вот только Тед никого не знал, если не считать за знакомство улыбки, которыми он обменивался с другими жильцами в лифте.

— Иду! — крикнул он, схватил полотенце, стер пену с лица и залепил порез кусочком салфетки, — Дерьмо! — это предназначалось отражению в зеркале.

Если это очередной свидетель Иеговы, вроде тех, что сумели проскользнуть мимо Джека на прошлой неделе, их ждет неласковый прием.

Снова, черт побери, трезвонят.

— Иду!

Тед стер кровь с шеи, бросил салфетку в мусорную корзину и быстро прошел через гостиную. Прежде чем открыть дверь, посмотрел в глазок.

— О, дерьмо, — пробормотал он, снял цепочку и распахнул дверь. — Привет, Мелоди.

Женщина несмело улыбнулась.

— Привет, Тед.

В руке она держала старую холщовую сумку в чудовищную красно-черную полоску, сломанную ручку заменял кусок веревки. Когда Тед в последний раз ее видел три года назад, она выглядела ужасно, а теперь и того хуже. Ее одежда — шорты и вылинявшая футболка — была мятой и грязной, что лишь подчеркивало ее худобу, надо же, какими тонкими стали ноги! Она давно не мыла длинные светлые волосы, а лицо было красным и припухшим, словно Мелоди только что плакала, что, впрочем, ничуть не удивило Теда. Она постоянно находила повод для слез.

— Ты не предложишь мне войти?

Тед состроил гримасу. Конечно, он не хотел приглашать ее войти, зная по прошлому опыту, как трудно от нее потом избавиться. Но нельзя же оставить ее стоять в коридоре! В конце концов, мрачно подумал он, Мелоди — его старый и верный друг.

— О, конечно! Заходи.

Он взял сумку из ее рук и положил на пол, а затем повел незваную гостью на кухню.

— Тебе бы не помешала чашка кофе. — Тед изо всех сил старался, чтобы его голос прозвучал дружелюбно.

Мелоди вновь улыбнулась.

— Разве ты не помнишь, Тед? Я не пью кофе. Это некрасиво с твоей стороны, я же столько раз говорила тебе об этом. Неужели ты забыл? — Она обошла кухонный стол и принялась рыться в

шкафчиках. — А у тебя есть горячий шоколад? Мне нравится горячий шоколад.

— Я не пью горячий шоколад, — ответил Тед. — Только кофе. Много кофе.

— Это вредно, — безапелляционно заявила женщина.

— Да. — «Не буду же я с ней спорить!» — Может, хочешь соку? У меня есть сок.

Мелоди кивнула.

— Хорошо.

Он налил ей стакан апельсинового сока, усадил за стол и насыпал ложечкой растворимый кофе в чашку, дожидаясь, когда засвистит чайник.

— Так что привело тебя в Чикаго?

Мелоди принялась плакать — слишком громко, и к тому же для человека, который плачет так часто, производила невероятное количество слез.

Она не поднимала головы до тех пор, пока вода не закипела. Тед налил воду в чашку, добавил ложку сахара и принялся размешивать. Лицо Мелоди покраснело и опухло еще сильнее. Она с упреком посмотрела на него.

— Дела пошли совсем плохо, — сказала она. — Мне необходима помощь. Мне негде жить. И я подумала, что могла бы на некоторое время остаться у тебя. Мое положение просто ужасно.

— Мне очень жаль, Мелоди, — ответил Тед, задумчиво потягивая кофе. — Конечно, ты можешь пожить здесь несколько дней, но не больше. Я не нуждаюсь в соседке.

Она всегда умудрялась выставить его ублюдком в собственных глазах, но лучше с самого начала проявить твердость, решил он. Услышав слово «соседка», женщина вновь зарыдала.

— Ты всегда говорил, что я *хорошая* соседка, — заскулила она. — Разве ты не помнишь, как нам было здорово? Ты был моим другом.

Тед поставил чашку на стол и посмотрел на кухонные часы.

— Сейчас у меня нет времени вспоминать прежние времена, — сказал он. — Когда ты позвонила, я брился. Мне нужно в офис. — Он нахмурился. — Допивай сок и располагайся здесь. Я переоденусь. — Тед резко развернулся и вышел, оставив Мелоди рыдать за кухонным столом.

Вернувшись в ванну, он закончил бриться и постарался поаккуратнее заклеить салфеткой порез. Все это время он размышлял о Мелоди. Разумеется, несчастной женщине было не к кому обратиться, но он не собирался взваливать ее неприятности

на свои плечи. С него хватит. Она уже не раз проделывала с ним подобные штуки.

Перейдя в спальню, Тед долго и меланхолично изучал содержимое шкафа с одеждой, прежде чем выбрал серый костюм. Он тщательно завязал перед зеркалом галстук, хмуро поглядывая на порез. Потом проверил портфель и, убедившись, что все бумаги по делу Синдиона на месте, удовлетворенно кивнул и вернулся на кухню.

Мелоди стояла у плиты и жарила блины. Она повернулась к нему, и на ее лице расцвела счастливая улыбка.

— Ты помнишь мои блины, Тед? — спросила она, — Тебе нравилось, когда я делала блины, особенно с черникой, помнишь? Однако у тебя нет черники, поэтому блины будут без начинки. Тебя устроит?

— Господи… Черт побери, Мелоди, кто тебя просил готовить? Ты же слышала: мне пора уходить. У меня нет времени на еду. Я уже и так опаздываю. В любом случае я не завтракаю. Стараюсь похудеть.

У нее на глазах вновь выступили слезы.

— Но это же особенные блины. Что я буду с ними делать?

— Съешь их. Тебе не помешает пара лишних фунтов. Господи, ты ужасно выглядишь! Такое впечатление, что ты месяц голодала.

Лицо Мелоди скривилось и стало уродливым.

— Ты настоящий ублюдок, — сказала она. — А я думала, что ты мой друг.

Тед вздохнул.

— Не принимай так близко к сердцу. — Он посмотрел на часы. — Послушай, я уже опаздываю на пятнадцать минут. Я должен уходить. Съешь свои блины и поспи. Я вернусь к шести. Мы пообедаем вместе и поговорим, ладно? Ты этого хочешь?

— Было бы очень мило, — ответила она с неожиданно виноватым видом. — Очень мило.

— Скажи Джилл, чтобы она немедленно зашла ко мне, — бросил Тед секретарше, как только вошел в офис. — И сделай нам кофе, хорошо? Мне просто необходим кофе.

— Конечно.

Джилл явилась через несколько минут после кофе. Они с Тедом были компаньонами в одной юридической фирме. Он жестом предложил ей сесть и пододвинул чашку с кофе.

— Послушай, — начал он, — у меня проблемы. Наше свидание отменяется.

— Да, у тебя такой вид… Что случилось?

— Сегодня утром на пороге моей квартиры появился старый

друг, — ответил он.

Джилл приподняла изящную бровь.

— И что с того? Встречи с друзьями часто доставляют радость.

— Только не с Мелоди.

— Мелоди? — удивилась она. — Красивое имя. Старая любовь, Тед? Любовь без взаимности?

— Нет. — Он покачал головой. — Нет, все было не так.

— Ну так расскажи, как это было. Ты же знаешь, я люблю отвратительные подробности.

— Мы с Мелоди, когда учились в колледже, вместе снимали квартиру. Не только мы — не делай поспешных выводов. Нас было четверо. Я, мой приятель по имени Майкл Энгельгарт, Мелоди и еще одна девушка, Энн Кайе. В течение двух лет мы вчетвером жили в большом старомодном доме. Мы были друзьями.

— Друзьями? — Джилл с сомнением посмотрела на него.

Тед нахмурился.

— Да, друзьями, — повторил он. — Проклятье, да, несколько раз я спал с Мелоди. И с Энн тоже. И обе трахались с Майклом. Но все это было — как бы тебе объяснить? — по-дружески, понимаешь? Все наши любовные приключения происходили в других местах, мы рассказывали друг другу о своих проблемах, обменивались советами, плакали друг у друга на плече. Я понимаю, что это звучит дико. Но тогда шел тысяча девятьсот семидесятый год. Я отрастил себе волосы до самой задницы. — Он поболтал кофе в своей чашке и печально посмотрел на Джилл. — Но то были хорошие времена. Особенные. Иногда я жалею, что они закончились. Нашу четверку связывали очень близкие отношения. Я любил этих людей.

— Будь осторожен, — заметила Джилл. — Я начинаю ревновать. Мы с моей соседкой по квартире друг друга презирали. — Она улыбнулась. — И что же было дальше?

Тед пожал плечами.

— Обычная история. Мы закончили колледж и постепенно утратили интерес к друг другу. Я помню последнюю ночь в том старом доме. Мы выкурили, наверное, тонну марихуаны и вели себя как настоящие идиоты. Клялись в вечной дружбе вроде: «Мы никогда не будем чужими, что бы ни случилось, и если кому-нибудь из нас понадобится помощь, остальные трое тут же окажутся рядом». Устроили настоящую оргию, чтобы закрепить договор.

Джилл улыбнулась.

— Как трогательно. Даже не представляла, что ты на такое

способен.

— Естественно, все это быстро закончилось, — вздохнув, продолжал Тед. — Надо отдать нам должное, мы пытались. Но жизнь шла дальше. Я поступил в юридическую школу, а потом перебрался в Чикаго. Майкл живет в Нью-Йорке и работает в издательстве. Он редактор в «Рэндом хаус», успел жениться, развестись, двое детей. Раньше мы писали друг другу письма, теперь обмениваемся открытками на Рождество. Энн стала учительницей. Насколько мне известно, она в Фениксе, но последняя весточка от нее пришла четыре или пять лет назад. Мы не понравились ее мужу, когда однажды собирались вместе. Наверное, Энн рассказала ему про оргию.

— А твоя гостья?

— Да, Мелоди… с ней одни проблемы. В колледже она была чудесной девушкой; отчаянная, хорошенькая, настоящий дух свободы. Но потом ей никак не удавалось найти себе место в жизни. В течение двух лет она пыталась стать художницей, однако таланта у нее нет никакого. У нее было два неудачных романа, потом она вышла за парня после недельного знакомства. Ничего хорошего из этого не получилось. Он напивался и бил ее. Мелоди вытерпела шесть месяцев, после чего они развелись. В течение следующего года он заявлялся к ней и беспощадно колотил — так продолжалось до тех пор, пока его не удалось напугать. А Мелоди начала принимать наркотики, попала в лечебницу. Но когда вышла оттуда, все началось сначала. Она не могла ни работать, ни избавиться от наркотиков, перестала о себе заботиться. Ни один из ее романов не продолжался более нескольких недель. — Он покачал головой.

Джилл поджала губы.

— Похоже, леди нуждается в помощи, — сказала она.

Тед покраснел.

— Думаешь, я сам этого не понимаю? Неужели ты полагаешь, что мы не старались ей помочь? Когда она пыталась стать художником, Майкл нашел ей заказ в издательстве на оформление обложек двух книг. Она не только завалила все сроки, но и устроила художественному редактору истерику. Майкл едва не лишился работы. Я летал в Кливленд бесплатно устраивать ее развод. А потом вновь полетел туда через несколько месяцев и провел там неделю, пытаясь убедить полицию предоставить ей защиту от бывшего мужа.

Энн поселила Мелоди у себя, когда ей было негде жить, и устроила ее в лечебницу, где помогают избавиться от наркотической зависимости. В ответ Мелоди попыталась соблазнить ее любовника, заявив, что хочет его разделить с ней,

как в прежние времена. Все мы не раз одалживали ей деньги, и она никогда их не возвращала. И мы постоянно выслушивали ее жалобы, видит Бог, мы никогда не отказывались. В течение нескольких лет она звонила каждую неделю, обычно за наш счет, и потчевала очередной ужасной историей. Она плакала по телефону. Если бы «Королеву на один день»[19] продолжали показывать по телевизору, Мелоди стала бы в нем звездой!

— Я начинаю понимать, почему тебя не слишком вдохновляет ее визит, — сухо заметила Джилл. — И что ты намерен делать?

— Понятия не имею. Мне не следовало ее впускать. Когда она звонила мне, я попросту вешал трубку, срабатывало просто отлично. Сначала я чувствовал себя виноватым, но потом перестал. А сегодня утром она выглядела такой жалкой, что я не сумел ее выгнать. Тем не менее я буду вынужден проявить жесткость и выдержать прощальную сцену. Она обвинит меня во всех смертных грехах, напомнит, какими хорошими друзьями мы были, какие обещания давали друг другу, станет угрожать самоубийством. Меня ждет много интересного.

— Могу я как-нибудь помочь? — спросила Джилл.

— Подобрать мои осколки, когда все закончится, — ответил Тед. — Так хорошо, когда есть кому рассказать, что ты вовсе не такой уж сукин сын, несмотря на то что вышвырнул старого друга в канаву.

Он отвратительно выступил в суде. Его мысли постоянно возвращались к Мелоди, Тед пытался продумать стратегию, которая позволила бы ему безболезненно избавиться от нее. Такие вещи происходили не в первый раз, Мелоди танцевала фламенко в его сознании и раньше, но на сей раз он не собирался этого допустить. Разве ему нужен нервный срыв?

Когда он вернулся домой, прихватив по дороге китайскую еду — не идти же с Мелоди в ресторан! — то нашел гостью посреди гостиной — женщина сидела абсолютно голая и, хихикая, нюхала какой-то белый порошок. Она радостно посмотрела на вошедшего Теда.

— Вот! Я добыла немного кокаина.

— Господи! — прорычал он и, бросив на стол пакет с едой и портфель, решительно двинулся к Мелоди. — Глазам своим не верю! Я адвокат, ты что, хочешь, чтобы меня исключили из коллегии?

Кокаин находился в кулечке, свернутом из банкноты. Тед отнял наркотик, и женщина принялась плакать. Он поспешил в ванную и спустил наркотик вместе с банкнотой в туалет. То, что это двадцать долларов, Тед заметил слишком поздно и

разозлился еще сильнее.

Когда он вернулся в гостиную, Мелоди продолжала плакать.

— Прекрати! — велел он. — Я не желаю это слышать. И тебе нужно одеться. — Тут у него появились новые подозрения. — А откуда у тебя деньги на эту дрянь? Где ты их взяла?

— Я кое-что продала, — пугливо ответила она. — Я подумала, что ты не будешь против. Это был отличный кокаин. — Женщина отшатнулась от него и закрыла лицо руками, словно он собирался ее ударить.

Тед не стал спрашивать, чьи вещи она продала. Мелоди уже проделывала подобный фокус с Майклом несколько лет назад, во всяком случае так говорил приятель.

— Одевайся, — устало произнес он. — Я принес китайской еды. — Потом он посмотрит, что она продала, и позвонит в страховую компанию.

— Китайская кухня вредна, — заявила Мелоди. — В ней слишком много соли и глутамата[20]. У тебя будет болеть голова.

Однако она послушно встала и, слегка пошатываясь, двинулась в ванну, откуда вернулась через пару минут в лифчике и жалких обрезанных джинсах.

Проигнорировав ее реплику относительно глутамата, Тед принес тарелки, поставил на стол и разложил еду. Мелоди ела молча, поливая все соевым соусом. Когда очередь дошла до «печенья-гаданья»[21], на ее лице появилась улыбка.

— Смори, Тед! — радостно воскликнула она, передавая ему маленький листок.

Он прочитал: «СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ, ЛУЧШИЕ ДРУЗЬЯ».

— О, дерьмо!

Свое предсказание лучше не вскрывать.

— А почему ты не читаешь свое? Это плохая примета.

— Не хочу. Мне нужно переодеться. — Тед встал. — Ничего не делай.

Но когда он вернулся, она включала стерео. Надо же, не успела его продать, с благодарностью подумал он.

— Хочешь, чтобы я станцевала для тебя? — спросила она. — Помнишь, как я танцевала для тебя и Майкла? Так сексуально… и ты всегда говорил мне, что я хорошо танцую. Я могла бы стать танцовщицей, если бы захотела. — Она сделала несколько шагов к центру гостиной, споткнулась и едва не упала.

Чушь какая-то!

— Сядь, Мелоди, — сурово приказал Тед, изо всех сил стараясь сохранять серьезность. — Мы должны поговорить.

Она села.

— И не вздумай плакать! Ты меня понимаешь? Я не хочу,

чтобы ты плакала. Мы не можем разговаривать, если ты в ответ на любые мои слова начинаешь рыдать. Как только ты заплачешь, наш разговор будет закончен.

Мелоди кивнула.

— Я не буду плакать, Тед. Сейчас я чувствую себя гораздо лучше, чем утром. Теперь я с тобой. Ты благотворно на меня действуешь.

— Ты *не со мной,* Мелоди. Прекрати.

Ее глаза тут же наполнились слезами.

— Ты мой друг, Тед. Ты, Майкл и Энн, вы особенные.

Он вздохнул.

— Что с тобой случилось? Почему ты здесь?

— Я потеряла работу.

— Работу официантки? — уточнил он.

Когда он в последний раз ее видел, Мелоди работала официанткой в баре Канзас-Сити.

Мелоди удивленно заморгала глазами.

— Официантки? Нет, Тед. Это было раньше. Тогда я жила в Канзас-Сити. Разве ты не помнишь?

— Я все прекрасно помню, — проворчал он. — Так какую же работу ты потеряла?

— Ну, паршивая была работа… На фабрике. В Айове. В Де-Мойне. Де-Мойн — дерьмовое место. Я не пришла на работу, и меня уволили. Я очень устала, понимаешь? Мне нужно было пару дней передохнуть. И я бы вернулась. Но они меня уволили. — Она с трудом сдерживала слезы. — У меня уже давно не было хорошей работы, Тед. А ведь я изучала искусство в колледже, ты помнишь? Ты, Майкл и Энн вешали мои рисунки в своих комнатах. У тебя остались мои рисунки?

— Да. Конечно. Где-то лежат.

Тэд выбросил их много лет назад. Они слишком напоминали ему о прошлом, причиняя боль.

— Так или иначе, но, после того как я потеряла работу, Джонни сказал, что я перестала приносить деньги. Ну, Джонни — это парень, с которым я жила. Он сказал, что не собирается меня содержать, что я должна найти работу, но у меня ничего не получалось. Я *пыталась,* Тед, но не сумела. Тогда Джонни поговорил с одним типом, и он нашел мне работу в массажном салоне — ну, ты знаешь. И он отвел меня туда, но там было так отвратительно. Мне не хотелось работать в массажном салоне, Тед. Я изучала искусство.

— Я помню.

Очевидно, она считала, что он должен подавать реплики.

— И я отказалась там работать, и Джонни вышвырнул меня

вон. Ты знаешь, мне было некуда идти. И я подумала про тебя, Энн и Майкла. Помнишь нашу последнюю ночь? Мы сказали, что если кому-то из нас понадобится помощь…

— Я не забыл, — прервал ее Тед. — И я вспоминаю о тех временах — возможно, не так часто, как ты, но вспоминаю. К тому же ты не даешь нам забыть, верно? Но не будем об этом. Что ты хочешь на сей раз? — Он говорил холодно и жестко.

— Ты же адвокат?

— Да.

— Ну, вот я и подумала… — Длинные тонкие пальцы Мелоди нервно поглаживали щеку. — Я подумала, может быть, ты найдешь для меня работу. Может быть, я смогу быть секретарем. В твоем офисе. Или… — тут она заметно оживилась, — я могла бы делать наброски в зале суда. Ну, ты знаешь. Как Пэтти Херст. Для телевидения. У меня бы получилось.

— Эти художники работают в телевизионных студиях, — принялся терпеливо объяснять Тед. — А в моем офисе нет вакансий. Сожалею, но я не могу найти тебе работу.

Мелоди приняла его слова на удивление спокойно.

— Хорошо, Тед, — сказала она. — Наверное, я сама смогу найти работу. Справлюсь без твоей помощи. Только… разреши мне пожить здесь, ладно? И мы снова станем соседями, как раньше.

— О господи… — пробормотал Тед, он сел и скрестил руки на груди. — Нет!

Мелоди отвела руку от лица и умоляюще посмотрела на него.

— Пожалуйста, Тед, — прошептала она. — Пожалуйста.

— Нет, — решительным тоном повторил он.

Слово так и осталось в воздухе, холодное и окончательное.

— Ты мой друг, Тед, — сказала она. — Ты *обещал.*

— Ты можешь остаться на неделю, не дольше. У меня своя жизнь, Мелоди. Мне хватает собственных проблем. Но я множество раз пытался решать твои. Мы все пытались. Но ты — сплошные проблемы. Да, в колледже с тобой было чудесно. Но те времена давно прошли. Я помогал тебе снова и снова. Сколько можно? — Он говорил и постепенно распалялся. — Времена меняются, люди меняются. Ты не можешь вечно напоминать мне о каком-то дурацком обещании, данном под кайфом. Я не могу отвечать за твою жизнь. Проклятье, возьми себя в руки! Я не в силах этого сделать за тебя, и меня тошнит от твоего дерьма. Я больше не желаю тебя видеть, Мелоди, ты меня поняла?

— Не говори так, Тед, — заскулила она. — Мы друзья. Ты особенный. До тех пор пока существуете ты, Майкл и Энн, я никогда не буду одна, неужели ты не понимаешь?

— Ты одна.

— Нет, — настаивала она на своем. — У меня есть мои друзья, мои особенные друзья. Они мне помогут. Ты мой *друг,* Тед.

— Я был твоим другом прежде.

Ее губы дрожали, она была оскорблена до глубины души. Сейчас дамба будет прорвана, и Мелоди наконец устроит ему марафонскую истерику с рыданиями и воплями. Женщина побледнела, губы раздвинулись в злобном оскале, лицо превратилось в уродливую маску гнева.

— Ублюдок.

Подобный поворот событий не был для Теда неожиданностью. Он встал и подошел к бару.

— Не начинай, — сказал он, наливая себе виски и бросая в бокал кубик льда. — А то я выгоню тебя вон. Ты поняла, Мелоди?

— Мерзавец, — прошипела она. — Ты никогда не был моим другом. Никто из вас не был. Ты лгал мне, заставлял верить тебе, использовал меня. А теперь вы все поднялись так высоко, а я никто, и вы не хотите меня знать. Ты не желаешь меня знать. Ты не хочешь мне помочь. Ты никогда не хотел мне помочь.

— Я помогал тебе, и не раз, — возразил Тед. — Ты должна мне не меньше двух тысяч долларов.

— Деньги! Больше тебя ничего не интересует, ублюдок.

Тед сделал глоток и нахмурился.

— Убирайся к черту.

Ее лицо стало белым.

— Я послала тебе телеграмму два года назад. Я послала телеграмму всем троим. Я нуждалась в вас, вы обещали, что придете ко мне на помощь, и ты обещал, когда занимался со мной любовью, и ты был моим другом, но, когда я отправила тебе телеграмму, ты не приехал, проклятый ублюдок, не приехал, никто из вас не пришел ко мне на помощь, никто из вас! — Она перешла на крик.

Тед забыл о той телеграмме. Но теперь воспоминания к нему вернулись. Он прочитал телеграмму несколько раз, а потом позвонил Майклу. Его не было на месте. Тогда Тед перечитал телеграмму в последний раз, смял и спустил в унитаз. Пусть кто-нибудь другой отправится к ней на помощь — так он подумал. У него было тогда очень серьезное дело, корпорация «Арграт» судилась из-за патента, и он не мог рисковать, бросив процесс на неопределенное время. Телеграмма была отчаянная, и он чувствовал себя виноватым в течение нескольких недель, пока ему не удалось выбросить ее из головы.

— Я был занят, — сказал он, и в его голосе гнев мешался с

чувством вины. — Я не мог лететь к тебе и держать тебя за руку, дожидаясь, когда решатся твои проблемы. У меня были срочные дела.

— Я нуждалась в вас, а вы бросили меня в одиночестве. Я едва не покончила с собой.

— Однако этого не случилось, верно?

— Но я могла, а тебе было все равно.

Угроза самоубийства была любимым приемом Мелоди. Тед все это слышал сотни раз и решил больше не поддаваться.

— Ты могла бы покончить с собой, — спокойно сказал он, — возможно, нам было бы все равно. Мне кажется, тут ты права. Ты могла бы гнить недели, прежде чем кто-нибудь отыскал бы твое тело, и мы узнали бы обо всем только через пол-года. Но даже после этого я расстроился бы на пару часов, вспоминая о том, как все было раньше, но потом напился бы, или позвонил подружке, или сделал бы еще что-нибудь в таком же роде, и очень скоро обо всем забыл бы. И больше о тебе не вспоминал.

— Ты бы сожалел, — сказала Мелоди, пристально глядя на него.

— Нет. — Тед вернулся к бару и добавил себе еще виски. — Нет, не думаю, что я сожалел бы о чем-нибудь. Ни в малейшей степени. И не чувствовал бы себя виноватым. Хватит угрожать самоубийством, Мелоди, это тебе больше не поможет.

Гнев исчез с лица женщины, и она всхлипнула.

— Пожалуйста, Тед, — взмолилась она, — не говори таких вещей. Скажи, что тебе не все равно. Скажи, что ты будешь меня помнить.

Он хмуро посмотрел на нее.

— Нет.

Это было особенно трудно, когда она становилась такой маленькой, жалкой и уязвимой, когда она переставала его упрекать. Но он должен покончить с этим раз и навсегда, пора избавиться от преследующего его проклятия.

— Я уйду завтра, — смиренно сказала она. — Я не буду тебе мешать. Но скажи мне, что тебе не все равно, Тед. Скажи, что ты мой друг. Что ты придешь ко мне, когда я буду в тебе нуждаться.

— Я не приду к тебе, Мелоди. Все кончено. И я не хочу, чтобы ты приезжала сюда, или звонила, или посылала телеграммы, какие бы неприятности у тебя ни возникли. Ты меня поняла? Поняла? Я хочу, чтобы ты исчезла из моей жизни, а как только это произойдет, я постараюсь забыть о тебе как можно быстрее, поскольку ты отвратительное воспоминание.

Мелоди закричала так, словно он ударил ее.

— Нет! Нет, не говори так, помни обо мне! Ты должен. Я

оставлю тебя в покое, обещаю, ты никогда больше меня не увидишь. Но скажи, что будешь меня помнить. — Мелоди резко вскочила на ноги. — Я уйду прямо сейчас, — продолжала она. — Если ты этого хочешь, я уйду. Но сначала займемся любовью, пожалуйста. Я хочу, чтобы ты мог меня вспоминать, — и она сладострастно улыбнулась и начала снимать лифчик.

Тед ощутил дурноту и со стуком поставил бокал на стол.

Ты сошла с ума! Тебе необходима профессиональная помощь. Но я не могу ее тебе дать и не собираюсь больше это терпеть. Пойду прогуляюсь. Вернусь через пару часов. Надеюсь, тебя здесь уже не будет.

Он шагнул к двери. Мелоди стояла и смотрела на него, держа в руке лифчик. Ее грудь стала маленькой и сморщенной, а на левой появилась татуировка, которой раньше не было. Эта женщина не вызывала у него ни малейшего желания.

— Я хочу дать тебе нечто, чтобы ты меня помнил, — пролепетала она.

Тед захлопнул за собой дверь.

Он вернулся в полночь, пьяный и угрюмый, твердо решив вызвать полицию, если Мелоди все еще не ушла, чтобы положить всему этому конец. Джек только что закончил дежурство. Тед остановился и устроил ему скандал за то, что впустил Мелоди и не предупредил о ее появлении. Однако привратник решительно все отрицал.

— Мистер Джирелли, в дом никто не входил. Я никогда никого не впускаю, не предупредив жильцов, вы же прекрасно знаете. Я работаю здесь шесть лет и ни разу никого не впустил без звонка.

Тогда Тед напомнил ему о свидетелях Иеговы, и они расстались врагами.

Разозленный, он поднялся на лифте на свой тридцать второй этаж. На дверях его квартиры висел рисунок. Тед некоторое время тупо рассматривал его, а потом сорвал. Это было карикатурное изображение Мелоди. Не той, которую он видел сегодня, а девушки, с которой он жил в одной квартире, — умной, забавной и хорошенькой. Раньше Мелоди всегда делала рисунки к своим записочкам, как правило, изображая себя. Надо же, она до сих пор хорошо рисует. Внизу печатными буквами было написано:

«Я ОСТАВИЛА ТЕБЕ НЕЧТО,
ЧТОБЫ ТЫ МОГ МЕНЯ ПОМНИТЬ».

Тед нахмурился, размышляя о том, следует ли ему сохранить рисунок. Колебания разозлили его. Смяв листок, он принялся

искать ключи. Если Мелоди оставила записку, значит, он ее больше не увидит. Во всяком случае, на несколько лет он от нее избавился.

Он вошел в квартиру, бросил скомканный лист бумаги в мусорную корзину и улыбнулся, довольный своей меткостью.

— Два очка.

Подойдя к бару, он смешал себе выпивку.

Но что-то было не так.

Тед опустил бокал с выпивкой и прислушался. Где-то течет вода, сообразил он. Мелоди не закрыла кран в ванной.

— Господи! — Быть может, она никуда не ушла, принимает душ, или нанюхалась кокаина, или плачет. — Мелоди!

Никакого ответа. Вода продолжала литься.

— Мелоди, ты все еще здесь? — снова крикнул он. — Отвечай, черт возьми!

Молчание.

Он поставил бокал и направился в ванну. Дверь была закрыта. Шум льющейся воды стал вполне отчетливым.

— Мелоди, ты здесь? Мелоди?

Ничего.

Теду стало страшно. Он дотронулся до дверной ручки, и она легко повернулась. Дверь не была заперта.

Ванная была наполнена паром, занавеска задернута. Душ работал на полную мощь, судя по количеству пара, лился кипяток. Тед отступил на шаг и подождал, когда пар рассеется.

— Мелоди? — тихо позвал он. Никакого ответа.

Он старался сохранять спокойствие. Мелоди только говорила о самоубийстве, но никогда не пыталась покончить с собой. Те, кто говорит о самоубийстве, никогда его не совершают, прочитал он где-то. Она просто хотела его напугать.

Тед сделал два быстрых шага вперед и резко отодвинул занавеску.

Мелоди сидела в ванне, подтянув колени к груди, очень маленькая и жалкая, пар поднимался от ее обнаженного тела. Она вскрыла себе вены бритвой и попыталась держать руки под водой, но этого оказалось недостаточно, поскольку она разрезала их поперек, а всем известно, что нужно резать вдоль. Тогда она еще раз воспользовалась бритвой, и теперь у нее появилось два рта, и оба они улыбались Теду. Душ смыл почти всю кровь; пятен не осталось, но второй рот под ее подбородком все еще оставался красным, и из него сочилась кровь. Тоненькие ручейки текли по цветку, который был вытатуирован на груди, струи воды тут же смывали алую кровь. Мокрые волосы прилипли к щекам. Она улыбалась и выглядел такой счастливой.

Она пробыла здесь много часов, подумал он. И стала совсем чистой.

Тед закрыл глаза. Но это ничего не изменило. Он все еще видел Мелоди. Он всегда будет ее видеть. Он открыл глаза женщина продолжала улыбаться. Протянув руку, Тед выключил воду, промочив при этом рукав рубашки.

В полном оцепенении он вернулся в гостиную. Господи Я должен позвонить, нужно сообщить кому-нибудь, мне самому не справиться. Тед решил позвонить в полицию. Он поднял трубку, но его палец застыл над кнопками. Полиция не поможет, решил он и набрал номер Джилл.

Когда он закончил рассказ, Джилл долго молчала.

— Боже мой, — наконец выдохнула она. — Как ужасно! Могу я что-нибудь сделать?

— Приезжай. Прямо сейчас.

Он взял бокал и сделал несколько торопливых глотков Джилл колебалась.

— Послушай, Тед, я не знаю, как обращаться с трупами, — сказала она. — Почему бы тебе не приехать ко мне. Я не хочу… ну, ты понимаешь. Не думаю, что я смогу когда-нибудь принимать душ в твоей квартире.

— Джилл, — с тоской проговорил он. — Мне нужна помощь. — И он испуганно рассмеялся.

— Приезжай ко мне.

— Но я не могу *оставить* это здесь.

— Ну так позвони в полицию, — посоветовала Джилл. — Они заберут тело. А потом приезжай ко мне.

Тед позвонил в полицию.

— Если это шутка, то весьма неудачная, — сказал патрульный.

Его напарник недовольно хмурился.

— Шутка? — переспросил Тед.

— В вашем душе никого нет, — заявил патрульный. — Я должен отвезти вас в полицию.

— В душе никого нет? — повторил Тед, не веря своим ушам.

— Оставь его в покое, Сэм, — сказал напарник, — Он в стельку пьян, разве ты не видишь?

Тед бросился в ванну. Пусто. Он пощупал дно ванны. Сухо. Идеально сухо. Но рукав его рубашки оставался влажным.

— Нет, — бормотал он, — нет. — И бросился обратно в гостиную.

Двое полицейских с усмешкой наблюдали за ним. Сумка Мелоди исчезла. Тарелки и сковородка вымыты, так что

невозможно проверить, жарила ли она блины. Тед перевернул мусорную корзину, высыпал ее содержимое на диван и принялся внимательно просматривать.

— Идите и проспитесь, мистер, — посоветовал тот полицейский, который был постарше. — Утром вам станет лучше.

— Пойдем, — сказал его напарник.

Они ушли, оставив Теда рыться в бумагах. Рисунка не было. Рисунка не было. Рисунка не было.

Он взял такси и поехал к Джилл.

До рассвета оставалось совсем немного, когда он неожиданно сел на постели, во рту пересохло, сердце мучительно стучало. Его любовница что-то сонно пробормотала.

— Джилл, — сказал он и принялся ее трясти.

— Что? — невнятно пробормотала она, — Сколько времени, Тед? Что случилось? — Она села и натянула на себя одеяло.

— Ты ничего не слышишь?

— О чем ты?

Тед захихикал.

— В твоем душе льется вода.

Этим утром он брился на кухне, хотя там не было зеркала. Он дважды порезался. Мочевой пузырь разрывался, но он не мог зайти в ванну, несмотря на уверения Джилл, что душ выключен. Проклятье, он его слышал. Он подождет, пока не доберется до офиса. Там нет душа.

В офисе Тед очистил свой стол и попытался подумать. Он был адвокатом. Он обладал острым, аналитическим умом. Он пил только кофе, много кофе.

Сумки нет, размышлял он. Джек ее не видел. Трупа нет. Нет рисунка. Никто ее не видел. В душе было сухо. Грязной посуды нет. Он выпил. Но он не пил весь день, а только после обеда. Нет, дело тут не в выпивке. Рисунка нет. Только он видел Мелоди. Рисунка нет.

«Я ОСТАВИЛА ТЕБЕ НЕЧТО,
ЧТОБЫ ТЫ МОГ МЕНЯ ПОМНИТЬ».

Он смял ее телеграмму и спустил в туалет. Два года назад. А в душе ничего нет.

Тед взял трубку.

— Билли, — сказал он, — найди газету, которая выходит в Де-Мойне, штат Айова. Любую газету, мне все равно.

Когда он наконец добрался до женщины, которая работала в морге, она долго отказывалась сообщить ему нужную

информацию. Однако она смягчилась, когда Тед сообщил, что он адвокат и это необходимо ему для судебного процесса.

Запись в регистрационном журнале была короткой. О Мелоди говорилось, как о «работавшей в массажном салоне». Она покончила с собой в душе.

— Благодарю вас, — сказал Тед и положил трубку. Довольно долго он сидел и смотрел в окно. Что же делать дальше? В его груди поселился отвратительный страх. Он мог взять выходной и отправиться домой. Но дома в душе течет вода. Рано или поздно ему придется туда войти.

Он может вернуться к Джилл. Если она согласится его впустить. После вчерашней ночи его подруга заметно к нему охладела.

Джилл посоветовала ему обратиться к психиатру, когда они на такси ехали в офис. Она не понимала. Никто не поймет… если только… Он вновь снял трубку и принялся искать номер. Ему долго не удавалось найти нужное имя — они слишком давно не общались. Пришлось вновь обратиться к Билли.

— Найди мне телефон «Рэндом хаус», в Нью-Йорке. И соедини с мистером Майклом Энгельгартом. Он работает там редактором.

Когда наконец его соединили, голос на другом конце линии прозвучал удивительно отстраненно.

— Мистер Джирелли? Вы друг Майкла? Или один из наших авторов?

Во рту у Теда пересохло.

— Я его друг, — сказал он. — Майкла нет на месте? Мне нужно с ним поговорить. Это… срочно.

— Боюсь, что Майкла уже нет с нами, — ответил голос, — Менее недели назад у него случилось нервное расстройство.

— Но он?..

— Он жив. Кажется, Майкла отвезли в больницу. Подождите немного. Быть может, я смогу узнать номер телефона.

— Нет, — отказался Тед. — Нет, не нужно. — И повесил трубку.

В телефонной книге Феникса он не сумел найти Энн Кайе. Конечно, она же замужем. Тед попытался вспомнить фамилию ее мужа. Кажется, он поляк…

Он не рассчитывал застать ее дома. В конце концов, это был будний день. Но после третьего звонка кто-то поднял трубку.

— Привет, — сказал он. — Энн, это Тед, из Чикаго. Энн, я должен с тобой поговорить. Насчет Мелоди. Энн, мне нужна твоя помощь. — Он начал задыхаться.

Послышался смешок.

— Сейчас ее нет, Тед, — ответила Мелоди. — Она в школе, а потом ей нужно навестить мужа. Ты же знаешь, они в разводе. Но она обещала вернуться к восьми.

— Мелоди…

— Конечно, я не знаю, можно ли ей верить. Вы, трое, далеко не всегда выполняли свои обещания. Впрочем, у нее еще есть время. Я надеюсь.

Хочу ей кое-что оставить, чтобы она меня помнила.

Короли-пустынники
© Перевод П. Полякова

Среди безводных каменистых холмов, в пятидесяти километрах от ближайшего города, в собственном ветшающем поместье одиноко жил Саймон Кресс. У него не было соседей, которым он мог бы, отлучаясь по делам, поручить присмотр за своими подопечными. Правда, с ястребом-стервятником проблем не возникало. Стервятник устраивался на заброшенной башне и привычно питался чем попало. Шемблера Кресс попросту выгонял из дома и предоставлял самому заботиться о себе. Маленькое чудовище обжиралось слизняками, птицами и каменными наездниками.

Вот только аквариум с настоящими земными пираньями ставил Кресса в затруднительное положение. В конце концов Кресс, уезжая, стал просто бросать в огромный аквариум кусок мяса. В крайнем случае, если Кресс задерживался, пираньи всегда могли полакомиться друг другом. Раньше они уже так поступали. Кресса это забавляло.

В последний раз он, к сожалению, задержался гораздо дольше, чем предполагал, и когда наконец вернулся, все рыбы были мертвы. Так же как и стервятник. Увалень шемблер взобрался на башню и сожрал его. Кресса разобрала досада.

На другой день он на своем скиммере полетел за двести километров в Эсгард — крупнейший город на Бальдуре, предметом гордости жителей которого был самый старый и крупный на планете космопорт. Крессу нравилось поражать друзей необыкновенными, дорогими животными, а где, как не в портовом городе, проще всего наткнуться на заморскую диковинку.

Однако Крессу не везло. «Инопланетная фауна» оказалась на замке, «Торговцы небесной живностью» попытались всучить ему второго стервятника, а «Чуждые моря» не предложили ничего экзотичнее все тех же пираний, светящихся акул да головоногих пауков. Все это Крессу уже приелось, ему хотелось чего-нибудь новенького, из ряда вон выходящего.

В поисках фирм, где он еще ничего не приобретал, Кресс оказался под вечер на бульваре Радуг. Вдоль бульвара, проходившего вблизи космопорта, выстроились магазины, специализирующиеся на импорте. Здесь высились огромные торговые дома крупных корпораций; внутри на фоне драпировок, придававших интерьеру таинственность, покоились на войлочных подушечках редкостные и драгоценные произведения инопланетного искусства. Между торговыми гигантами теснились грязные лавчонки старьевщиков с витринами, заваленными барахлом со всего света. Кресс попытал счастья и в тех и в других, но одинаково безуспешно.

Рядом с портом, там, где бульвар Радуг спускался вниз и где Кресс до сих пор никогда не бывал, он набрел на нечто особенное. Магазинчик занимал одноэтажную, средних размеров постройку между эйфобаром и храмом любви Тайного Сестринства; он привлекал внимание своими витринами.

Они были заполнены дымкой, то розовой, то белесой, как настоящий туман, то искрящейся и золотистой. Дымка кружилась, в ней возникали завихрения и неясное свечение. На миг сквозь нее проступали предметы — искусная поделка, старинный механизм, еще что-нибудь. — Кресс не успевал хорошенько рассмотреть. Дымка красиво струилась, интригующе приоткрывая кусочек то одного, то другого, то вдруг все заволакивая.

Пока он вглядывался, дымка оформилась в надпись. Слова проявлялись поочередно. Кресс стоял и читал.

ШЕЙД И ВОУ… ИМПОРТЕРЫ… ДРЕВНОСТИ…
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА… ФОРМЫ жизни

Буквы пропали. Сквозь туман Кресс заметил движение внутри магазина. Этого ему было достаточно. Движения и «форм жизни» в причудливой рекламе.

Войдя внутрь, Кресс поначалу растерялся. Помещение выглядело огромным — гораздо больше, чем казалось по сравнительно скромному фасаду. Мягкое тусклое освещение, потолок усыпан звездами и спиральными туманностями, весьма правдоподобными. Очень красиво. Слабо светились прилавки с товарами, в проходах стлался туман. Он поднимался почти до колен и завихрялся вокруг ног при ходьбе.

— Чем могу быть полезна?

Незнакомка, казалось, возникла из тумана. Высокая, худая и бледная, в практичном сером костюме и забавном маленьком кепи, которое крепко держалось у нее на затылке.

— Вы Шейд или Воу? — спросил Кресс, — Или просто продавщица?

— Джейла Воу, к вашим услугам, — представилась она. — Шейд никогда не встречает покупателей, а помощников у нас нет.

— Такое большое заведение, — обводя его глазами, сказал Кресс. — Странно, что раньше я о нем не слышал.

— Мы совсем недавно открыли этот магазин на Бальдуре, — объяснила женщина. — Хотя на других мирах нам обещали налоговые преимущества. Что вам хотелось бы приобрести? Произведения искусства, вероятно? Вот, взгляните, прекрасная резьба по хрусталю с Нор Т’алуша.

— Нет, — отказался Кресс, — резьба по хрусталю у меня уже

есть. Я зашел посмотреть на живность.

— Формы жизни?

— Да.

— Инопланетные?

— Разумеется.

— У нас есть сейчас мимик. Он с планеты Селия. Маленькая смышленая обезьянка. Его можно научить не только разговаривать, но и подражать вашему голосу, интонации, жестам и даже выражению лица.

— Очень мило, — скривился Кресс. — Только банально. Мне это совершенно ни к чему. Я хочу какой-нибудь экзотики, чего-то необычайного. И отнюдь не умильного. Терпеть не могу милых зверушек. У меня сейчас живет шемблер, вывезенный с Кото, — цена, надо сказать, меня не интересует, — так я время от времени скармливаю ему лишних котят. Вот как я отношусь к милым зверушкам. Я понятно выразился?

Воу загадочно улыбнулась.

— А были у вас животные, которые вас обожали? — спросила она.

Кресс усмехнулся:

— Ну вот, опять. Я не нуждаюсь в обожании, Воу. Животных я беру только для развлечения.

— Вы меня не поняли, — возразила Воу, все еще продолжая загадочно улыбаться, — Я имела в виду буквально обожествление.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я полагаю, у нас найдется кое-что именно для вас. Пойдемте со мной.

Она провела его между светящимися прилавками по длинному, устланному туманом проходу, освещенному искусственными звездами. Сквозь перегородку из дымки они прошли в другое отделение магазина и остановились у большого прозрачного резервуара. «Аквариум», — подумал Кресс.

Воу пригласила его кивком. Кресс приблизился и увидел, что ошибся. Это оказался не аквариум, а террариум. В нем была устроена миниатюрная, в два квадратных метра, пустыня. Песок из-за бледно-красного освещения имел алый оттенок. Небольшие камни — базальт, кварц и гранит.

В каждом углу террариума стоял замок.

Кресс прищурился — в самом деле, там возвышались замки, но целых было лишь три. Четвертый лежал в руинах. Настоящие маленькие замки, грубо построенные из песка и камней. По зубчатым стенам и круглым галереям карабкались и сновали крошечные существа. Кресс приблизил лицо к стеклопластику.

— Насекомые? — спросил он.

— Нет, — ответила Воу, — гораздо более сложная форма жизни. К тому же более разумная. Намного сообразительнее вашего шемблера. Их называют песчаными королями, или королями-пустынниками.

— Насекомые, — сказал Кресс, выпрямляясь. — Меня не заботит, насколько они сложны. — Он нахмурился. — Пожалуйста, не пытайтесь ввести меня в заблуждение разговорами об их уме. Эти твари слишком малы, чтобы иметь хотя бы зачатки разума.

— У них общественный разум, — пояснила Воу. — Разум целого замка в данном случае. Сейчас в террариуме осталось лишь три организма, четвертый погиб. Видите, его замок пал.

Кресс стал снова разглядывать террариум.

— Общественный разум?.. Интересно… — Он вновь недоверчиво нахмурился. — Все-таки это обычный муравейник. Я надеялся на что-нибудь поинтереснее.

— Они ведут войны.

— Войны? Хм… — Кресс продолжал наблюдать.

— Обратите внимание на их цвет, если вам угодно. — Воу показала на существ, сновавших по ближнему замку. Одно из них скреблось о стенку террариума.

Кресс принялся его рассматривать. Оно все-таки выглядело как насекомое. Едва ли с ноготь величиной, шестиногое, с шестью крошечными глазками, расположенными вокруг тельца. Было видно, как оно свирепо клацало челюстями и непрерывно шевелило двумя длинными усиками, очерчивая в воздухе красивые узоры. Усики, челюсти и ножки были черными, как сажа, но доминировал огненно-рыжий цвет панциря.

— Это насекомые, — повторил Кресс.

— Это не насекомые, — мягко настаивала Воу, — панцирь отпадет, когда пустынник вырастет. В террариуме такого размера этого не произойдет. — Она взяла Кресса за руку и повела вокруг стеклянного ящика к следующему замку. — Теперь посмотрите сюда.

У здешних пустынников были другие, ярко-красные панцири и желтые усики, челюсти, глаза и лапки. Обитатели третьего замка оказались белыми, с красными украшениями.

— Хм, — произнес Кресс.

— Они воюют, я уже сказала. И даже заключают перемирия и союзы. Четвертый замок в этом террариуме был разрушен в результате заключения союза. Черных становилось слишком много, поэтому остальные объединили свои усилия, чтобы уничтожить их.

Но Кресс оставался непоколебим.

— Занятно, нет сомнений, но насекомые тоже ведут войны.

— У насекомых нет богов, — сказала Воу.

— То есть?

Воу улыбнулась и показала на замок.

Кресс изумленно застыл. На стене самой высокой башни было высечено лицо. Кресс узнал его. Лицо Джейлы Воу.

— Но как?..

— Я спроецировала голограмму своего лица в террариум и держала там изображение несколько дней. Лик бога, понимаете? Я кормлю их, я всегда рядом. Короли-пустынники обладают зачаточными органами психических чувств, нечто вроде телепатии. Они ощутили мое присутствие и обожествили меня, украсив свои постройки моим изображением. Оно есть на всех замках, посмотрите сами.

Кресс убедился, что это действительно так.

Лицо Джейлы Воу на замке выглядело спокойным, безмятежным и одухотворенным. Кресса поразило мастерство исполнения.

— Как же они это делают?

— Передними конечностями пустынники могут действовать как руками. У них даже есть подобие пальцев — три маленьких гибких отростка. И они умеют прекрасно координировать усилия — как в битвах, так и на строительстве. Ведь все эти одноцветные существа — так называемые мобили — объединены, если вы помните, общим разумом.

— Продолжайте, — сказал Кресс.

Воу снова улыбнулась.

— В замке живет матка. Или, если угодно, утроба. Последнее название очень ей подходит — в качестве каламбура, поскольку она является у них одновременно и маткой, и желудком. Она большая, с кулак величиной, и неподвижная. На самом деле «песчаные короли» — не совсем точное название. Мобили — это крестьяне и солдаты. А матку правильнее было бы назвать королевой. Но и такая аналогия тоже условна. Замок следует рассматривать весь в целом, как большой организм-гермафродит.

— Чем они питаются?

— Мобили едят кашицу из переваренной пищи, которую получают внутри замка после того, как матка ее несколько дней перерабатывает. Никакой другой еды их желудки принимать не в состоянии. Сама матка… она всеядна. Тут у вас не будет особых расходов — прекрасно сгодятся объедки со стола.

— А как насчет живого корма? — спросил Кресс.

Воу пожала плечами:

— Каждая матка ест мобилей из других замков.

— Ну что ж, я заинтригован, — признался он. — Если бы они еще не были такими мелкими.

— Они способны вырастать и больше. Эти маленькие из-за того, что террариум невелик. Их рост, судя по всему, ограничивается доступным жизненным пространством. Если бы я переселила их в ящик побольше, они бы снова начали расти.

— Хм. Мой аквариум для пираний сейчас пустой, а он вдвое больше. Его, пожалуй, можно почистить, наполнить песком…

— Воу и Шейд обо всем позаботятся. Нам это доставит удовольствие.

— Но конечно, — спохватился Кресс, — мне хотелось бы четыре неповрежденных замка.

— Разумеется, — ответила Воу.

И они договорились о цене.

Три дня спустя Джейла Воу привезла в поместье Саймона Кресса погруженных в спячку песчаных королей. Вместе с ней прибыла бригада рабочих, которая должна была все обустроить. Помощники Воу, инопланетяне, относились к негуманоидному типу разумных существ — коренастые, двуногие, с четырьмя руками и выпученными многогранными глазами. Их тела покрывала плотная жесткая кожа, по всему туловищу выступали ороговевшие колючки и наросты. Но сноровки и сообразительности им было не занимать. Воу командовала помощниками на незнакомом Крессу мелодичном языке.

Дело было закончено в один день. Они передвинули аквариум на середину просторной гостиной, вычистили и на две трети наполнили песком и камнями. Для удобства наблюдения поставили с каждой стороны по дивану. Затем установили специальную аппаратуру, обеспечивающую тусклое красное освещение, которое предпочитали короли-пустынники, и голографический проектор. Сверху приладили пластиковую крышку со встроенным механизмом для подачи пищи.

— Так вы сможете кормить ваших пустынников, не поднимая крышки, — объяснила Воу. — Вы ни в коем случае не должны позволить мобилям сбежать.

В крышке находилась еще и система управления микроклиматом, для поддержания заданной влажности воздуха.

— Нужно, чтобы было сухо, но не слишком, — сказала Воу.

Наконец один из четвероруких рабочих забрался в резервуар, который стал отныне террариумом, и вырыл по углам четыре глубокие ямки. Второй подавал ему спящих маток, вынимая их одну за другой из портативных криостатов.

Смотреть было особенно не на что. Матки больше всего походили на пятнистые куски полуиспорченного сырого мяса, с ротовым отверстием каждый.

Инопланетянин закопал их в углах террариума. Затем рабочие все заровняли и удалились.

— Тепло выведет маток из спячки, — сказала Воу. — Мобили начнут вылупляться и выбираться из-под земли чуть раньше чем через неделю. Обязательно давайте им побольше еды. Пока они не обоснуются, им потребуется очень много сил. Я думаю, замки они возведут недели через три.

— А мое лицо? Когда они высекут мое лицо?

— Включите голопроектор примерно через месяц, — посоветовала она, — И наберитесь терпения. Если у вас возникнут вопросы, пожалуйста, звоните. Воу и Шейд всегда к вашим услугам.

Она наклонила голову и ушла. Кресс побрел к террариуму и повернул выключатель. В пустыне все было спокойно и неподвижно. Кресс нахмурился и нетерпеливо забарабанил пальцами по стеклопластику.

На четвертый день ему показалось, что он уловил слабое подземное шевеление.

На пятый он увидел первого мобиля. Мобиль был белый.

На шестой день Кресс насчитал их уже дюжину — белых, красных и черных. Рыжие запаздывали. Он кинул им объедков мобили сразу почуяли еду, набросились на куски и растащили по своим углам. Каждая цветная группа действовала вполне упорядоченно. Они не дрались. Кресс был слегка разочарован, но решил пока дать им время.

Замки начали подниматься к середине следующей недели. Организованные в батальоны мобили с трудом тащили куски песчаника и гранита в свои углы, где другие мобили сгребали своими щупальцами и усиками кучи песка. Кресс купил бинокуляры, чтобы видеть все детали работ в террариуме, куда бы ни направились мобили. Он бродил вокруг высоких пластиковых стенок и наблюдал с разных позиций. Это завораживало.

Замки были проще, чем хотелось Крессу, но у него по этому поводу возникла удачная идея. На следующий день он бросил в террариум вместе с кормом кусочки обсидиана и осколки цветного стекла. Через час они уже были встроены в стены замков.

За «черной» крепостью, завершенной первой, последовали «белая» и «красная». Рыжие закончили, как всегда, последними.

Кресс перенес свою еду в гостиную и питался прямо на диване, чтобы не прерывать наблюдений. Он полагал, что теперь в любой момент может разразиться первая война.

Но его постигло разочарование. Дни шли за днями, замки становились все выше и внушительнее. Кресс отлучался от террариума только по нужде или для неотложных деловых переговоров, но пустынники не воевали. Это расстраивало Кресса.

Потом его осенило, и он перестал их кормить. На второй день после того, как с их пустынных небес перестали сыпаться объедки, четыре черных мобиля окружили рыжего и потащили вниз, к своей матке. Сначала они его покалечили, оборвав все конечности, щупальца и усики, затем внесли во тьму главных ворот миниатюрного замка, и больше он оттуда не появлялся. Часом позже свыше сорока рыжих мобилей совершили переход через пески и атаковали угол черных. Выбегающие из своего замка черные вскоре превзошли врагов численностью. Схватка завершилась разгромом нападавших. Мертвых и умирающих сволокли вниз, на прокорм черной матке.

Кресс поздравил себя с гениальной догадкой и наслаждался зрелищем.

На следующий день, когда он бросил в ящик горбушку, за нее разыгралась битва между тремя углами. Победителями стали белые.

После этого война следовала за войной.

Прошел почти месяц с тех пор, как Джейла Воу привезла пустынников. Кресс включил голопроектор, и внутри террариума словно материализовалось его лицо. Оно медленно поворачивалось так, чтобы его пристальный взгляд попеременно попадал на все четыре замка. Кресс решил, что изображение довольно похоже на оригинал. Его лукавая усмешка, его большой рот и полные щеки. Блестят голубые глаза, пепельные волосы тщательно уложены в модную прическу, брови утонченно изогнуты.

Довольно скоро пустынники принялись за работу. Кресс щедро кормил их, пока его образ сиял на небосводе. Войны временно прекратились. Вся деятельность мобилей посвящалась теперь божеству. На стенах замков стало проявляться его лицо.

Сначала все четыре рельефа повторяли друг друга, но по мере продолжения работ Кресс, изучая изображения, начал находить неуловимые различия в технике и исполнении. Красные достигли наивысшего искусства в использовании крошечных кусочков сланца для передачи цвета его волос. Кумир белых казался Крессу молодым и озорным, тогда как лицо, созданное

черными, — в сущности, оно было такое же, линия в линию, — поражало мудростью и доброжелательностью. Рыжие пустынники, как обычно, отстали и проявили меньше таланта. Войны не прошли для них бесследно, и их замок выглядел печально по сравнению с другими. Вырезанный ими рельеф получился грубым и карикатурным, и они, похоже, собирались таким его и оставить. Кресса это уязвило, но что он мог поделать?

Когда все пустынники завершили портреты Кресса, он выключил проектор и решил, что настало время провести вечеринку. Его друзья будут поражены и восхищены. Он даже может устроить им спектакль с военными действиями.

Мурлыча себе под нос, довольный, он составил список приглашенных.

Вечеринка имела головокружительный успех.

Кресс пригласил тридцать человек — несколько близких друзей, разделявших его увлечения, дюжину бывших любовниц и группу соперников и конкурентов, которые не рискнули пренебречь его приглашением. Он знал, что некоторых из приглашенных смутят и оскорбят его короли-пустынники, и даже рассчитывал на это. Обыкновенно Кресс считал свои званые приемы неудачными, если хотя бы один гость не уходил глубоко обиженным. По внезапному порыву он добавил в список имя Джейлы Воу.

— Если желаете, возьмите с собой Шейда, — добавил он, диктуя приглашение автоответчику.

Ее согласие приятно удивило Кресса.

— Шейд, увы, не сможет приехать. Он не подходит для светской жизни. Что до меня, я с радостью взгляну, как поживают ваши пустынники.

Кресс заказал роскошные блюда. И когда разговоры стихли, а большинство гостей покончили с вином и сигарами, он всех шокировал, собственноручно собрав объедки в большую миску.

— Пойдемте со мной, — произнес он, — я хочу представить вам своих новых питомцев.

С миской в руках Кресс проследовал в гостиную. Короли-пустынники оправдали все тайные надежды. Два дня назад он начал морить их голодом, и они впали в агрессивное состояние. Пока гости, окружив террариум, разглядывали его содержимое сквозь увеличительные стекла, предусмотрительно розданные Крессом, пустынники начали великолепную битву за еду. Когда бой окончился, Кресс насчитал чуть ли не шесть десятков дохлых мобилей. Красные и белые, недавно вступившие в союз, захватили корма больше всех.

— Кресс, ты отвратителен, — заявила Кэт Млэйн. Несколько лет назад она жила с ним некоторое время, пока ее слезливая сентиментальность чуть не свела его с ума. — Я-то, дура, снова приехала сюда. Думала, что ты, быть может, изменился и хочешь извиниться.

Кэт так и не простила ему того случая, когда шемблер сожрал тошнотворно милого щенка, от которого она была без ума.

— Никогда больше не приглашай меня, Саймон. — И она под общий смех выскочила в сопровождении своего нынешнего любовника.

У остальных гостей возникла уйма вопросов. Всем хотелось знать, откуда взялись короли-пустынники.

— От Воу и Шейда, импортеров, — ответил он, вежливым жестом указывая на Джейлу Воу, которая большую часть вечера казалась грустной и держалась отстраненно.

— А почему они украсили свои замки вашими портретами?

— Потому что я для них — источник всех благ. Разве вы этого не заметили? — Последняя реплика вызвала смешки.

— Они будут драться еще?

— Конечно, только не сегодня. Но не расстраивайтесь, впереди новые вечеринки.

Джед Рэккис, ксенозоолог-любитель, заговорил о других общественных насекомых и войнах, которые те ведут.

— Эти короли-пустынники занятны, но не более того. Почитали бы вы, например, о терранских муравьях-солдатах.

— Пустынники не насекомые, — резко возразила Джейла Воу, но Джед уже отошел, и никто не обратил на ее слова никакого внимания. Кресс улыбнулся ей и пожал плечами.

Малэйда Блэйн предложила сделать ставки, когда они в следующий раз соберутся понаблюдать за войной, и все одобрили эту идею.

Последовала оживленная дискуссия о правилах и шансах сторон.

Наконец гости стали расходиться.

Джейла Воу уезжала последней.

— Ну вот, — гордо сказал ей Кресс, — мои пустынники произвели фурор.

— Они хорошо выглядят, — ответила Воу. — Выросли больше моих.

— Да, — сказал Кресс, — кроме рыжих.

— Я заметила. Их как будто маловато, да и замок у них какой-то убогий.

— Ну, кто-то ведь должен проигрывать, — заметил Кресс. — рыжие появились на свет и закончили строительство последними.

Из-за этого и страдают.

— Простите, могу я узнать, достаточно ли вы кормите ваших пустынников? — осведомилась Воу.

Кресс пожал плечами:

— Бывает, сидят на диете. Это придает им свирепости.

— Нет никакой необходимости морить их голодом, — хмуро произнесла Воу. — Позвольте им устраивать войны по собственным мотивам и тогда, когда им это нужно. И вы станете свидетелем восхитительно тонких и сложных конфликтов. Непрерывные сражения, которые вы искусственно вызываете голодом, приведут их к деградации.

Кресс с интересом посмотрел на ее сдвинутые брови.

— Вы в моем доме, Воу, и здесь только мне судить о том, что является деградацией. Я кормил пустынников, следуя вашим советам, а они не дрались.

— Вам нужно было проявить терпение.

— Нет, — возразил Кресс, — я их хозяин. Их бог, в конце концов. Почему я должен ждать, когда у них появятся мотивы? Они воевали недостаточно часто, чтобы угодить мне, и я исправил это положение.

— Понимаю, — сказала Воу, — я обсужу этот вопрос с Шейдом.

— Это не касается ни вас, ни его, — грубо отрезал Кресс.

— Тогда мне остается лишь пожелать вам спокойной ночи, — сказала Воу, покоряясь действительности. Но, набрасывая перед уходом пальто, она задержала на Крессе неодобрительный взгляд и все-таки предостерегла его:

— Следите за вашими лицами, Саймон Кресс. — И повторила: — Наблюдайте за вашими лицами.

После этого она ушла.

Недоумевая, Кресс вернулся к террариуму и уставился на замки.

Его лица были все там же и все те же. Вот только… Кресс выхватил свои бинокуляры и нацепил их. Он изучал эти лица в течение долгих минут… В них появилось что-то такое… трудноуловимое. Ему показалось, что слегка изменилось выражение лиц. Что его улыбка чуть-чуть искривилась и поэтому выглядит немножко злобно. Однако изменения были очень слабые, если они вообще были. В конце концов Кресс приписал их воображению и решил не приглашать больше Джейлу Воу на свои сборища.

Следующие несколько месяцев Кресс с дюжиной ближайших знакомых каждую неделю собирались на «военные игры», как он

любил это называть. Первоначальное его увлечение королями-пустынниками теперь прошло. Кресс меньше времени проводил у террариума и больше внимания уделял делам и светской жизни. Но он все еще получал удовольствие, приглашая нескольких друзей посмотреть на войну или сразу на две. Своих гладиаторов он содержал жестко, постоянно на грани голода, что имело особенно тяжелые последствия для рыжих пустынников, число которых столь зримо сократилось, что Кресс забеспокоился, не умерла ли их матка. Остальные выглядели вполне нормально.

Иногда, ночью, когда не удавалось заснуть, Кресс приходил в гостиную с бутылкой вина. Единственным освещением была красноватая мгла миниатюрной пустыни. Он в одиночестве пил и часами следил за происходящим в террариуме. Обычно там где-нибудь шло сражение, а если нет, он всегда мог легко его вызвать, бросив на песок маленький кусочек съестного.

Компаньоны Кресса, по предложению Малэйды Блэйн, заключали пари.

Он порядочно выиграл, ставя на белых, которые стали самой мощной и многочисленной колонией в террариуме. Однажды, вместо того чтобы, как обычно, бросить корм в центр поля боя, Кресс сдвинул крышку и высыпал его рядом с замком белых. Остальные, чтобы получить хоть немного пиши, были вынуждены напасть на них. Они пытались атаковать, но белые великолепно проявили себя в обороне, и Кресс выиграл у Джеда Рэккиса сотню стандартов.

Рэккис вообще почти каждую неделю терпел на пустынниках значительные убытки. Он претендовал на обширные знания об их повадках, уверяя, что изучил их после той, первой вечеринки, но это не приносило ему удачи, когда он делал ставки. Кресс подозревал, что уверения Джеда — обыкновенное пустое бахвальство. Кресс и сам из праздного любопытства однажды обратился в библиотеку, чтобы установить, с какой они планеты, но в библиотечных списках короли-пустынники не значились. Он хотел было связаться с Воу и расспросить ее, но потом появились другие заботы и это вылетело у него из головы.

Наконец после целого месяца проигрышей, потеряв на тотализаторе больше тысячи стандартов, Джед как-то раз явился на военные игры с небольшим пластиковым контейнером под мышкой, в котором сидела паукообразная тварь, поросшая золотистыми волосками.

— Песчаный паук с планеты Кэтэдей, — объявил Рэккис. — Получил его сегодня от «Продавцов небесной живности». Обычно они удаляют у пауков ядовитые железы, но моему оставили. Играешь, Саймон? Я желаю получить свои деньги обратно.

Ставлю тысячу стандартов на песчаного паука против песчаных королей.

Кресс внимательно рассмотрел паука, неподвижно замершего в своей пластиковой тюрьме. Пустынники Кресса выросли и стали теперь вдвое больше, чем у Воу — как она и предсказывала, — но все же по сравнению с этой тварью они были карликами. С другой стороны, их великое множество, и, кроме того, Крессу приелись однообразные междоусобные войны. Его привлекала новизна схватки.

— Годится, — произнес он. — Дурак ты, Джед. Пустынники будут обгладывать твоего кошмарного урода, пока не прикончат.

— Сам ты остолоп, Саймон, — улыбаясь, не остался в долгу Рэккис. — Кэтэдейский песчаный паук питается обитателями нор. Его жертвы обычно прячутся в укромных углах и трещинах. Вот увидишь, он полезет прямо в замки и сожрет всех маток.

Среди всеобщего смеха Кресс помрачнел. Он не учел такой возможности.

— Ладно, посмотрим, — сказал он раздраженно и сходил за новой выпивкой.

Паук был чересчур велик, чтобы пролезть в камеру для корма. Двое гостей помогли Рэккису немного сдвинуть крышку террариума, и Малэйда Блэйн подала ему контейнер. Рэк-кис вытряхнул паука. Тот мягко приземлился на маленькую дюну у замка красных и на мгновение замер в замешательстве. Его ноги угрожающе дергались, а рот непрерывно открывался и закрывался.

— Пошел! — подгонял его Рэккис.

Все гости столпились у террариума. Кресс отыскал свои бинокуляры и надел их. Уж если он собрался потерять тысячу стандартов, то хотел по крайней мере насладиться зрелищем боя.

Пустынники заметили интервента. Вся деятельность в замке красных прекратилась, и маленькие красные мобили настороженно застыли.

Паук начал передвигаться к темному проему ворот. С башни бесстрастно смотрели глаза Саймона Кресса.

Внезапно красный замок активизировался. Ближайшие мобили построились двумя клиньями и двинулись в направлении паука. Еще большее количество воинов выбежало из замка и образовало тройную цепь для защиты подступов к подземным палатам матки. По дюнам носились разведчики. Битва началась.

Пустынники окружили паука со всех сторон. Их челюсти смыкались у него на ногах и крепко вцеплялись в брюхо. Красные взбирались пауку на спину по золотистым лапам, кусались и царапались. Один из них добрался до глаза и проткнул его своим

крошечным желтым усиком. Кресс с довольной улыбкой показывал на них пальцами. Но мобили были слишком малы, ядовитых желез не имели, и паук не остановился. Лапами он разбрасывал пустынников во все стороны. Его ядовитые челюсти оставляли их раздавленными и окоченевшими. Уже дюжина красных валялись мертвыми, а паук шагал все дальше. Он двигался прямо на тройную цепь защитников замка. Цепи сомкнулись вокруг него и стали отчаянно штурмовать эту махину. Ударная группа пустынников откусила одну паучью лапу. Мобили спрыгивали с башен на огромную дергающуюся тушу. Целиком облепленный пустынниками, паук сумел-таки протиснуться в замок и скрылся в темноте.

Рэккис шумно вздохнул. Он был бледен.

— Превосходно! — воскликнул кто-то.

Малэйда Блэйн сдавленно кудахтнула.

— Посмотрите туда, — дернула Кресса за рукав Айди Нореддиан.

Зрители были так поглощены битвой вблизи красного замка, что не замечали ничего вокруг. Но теперь поле боя опустело, если не считать мертвых мобилей, и они стали свидетелями небывалой сцены.

В пустыне вокруг красного замка выстроились три армии. Они стояли безупречными, совершенно неподвижными порядками — рыжие, белые, черные — и ждали.

Кресс расплылся в улыбке:

— Санитарный кордон. Кстати, Джед, не угодно ли взглянуть вон на те замки?

Рэккис посмотрел и выругался. Отряды мобилей во всех трех замках заваливали ворота песком и камнями. Теперь, если паук каким-то образом уцелеет, он не найдет входа в подземелье.

— Надо было принести четырех, — процедил Рэккис. — Но я все равно выиграю. Мой паук сейчас там, внизу, пожирает твою проклятую матку.

Кресс не ответил. Он ждал. В темноте возникла какая-то суета. Вдруг из ворот высыпали сразу все красные мобили. Они разбежались по местам и принялись устранять причиненные пауком повреждения. Три армии повернулись и отправились к своим укреплениям.

— Я думаю, Джед, — сказал Кресс, — ты слегка напутал, кто кого пожирает.

На следующей неделе Рэккис принес четырех изящных серебристых змеек. Пустынники расправились с ними быстро и без особых хлопот. Затем он попытал счастья с большой черной птицей. Птица убила больше тридцати белых мобилей,

практически разрушила их замок, но вскоре ее крылья устали, а пустынники атаковали ее, куда бы она ни села. Потом последовал целый чемодан каких-то бронированных насекомых, внешне мало отличавшихся от самих королей-пустынников, но безнадежно тупых! Объединенные силы рыжих и черных разбили их войско и беспощадно истребили всех до единого.

Расплачивался Рэккис уже долговыми расписками.

Приблизительно в это время, обедая однажды вечером в Эсгарде в своем любимом ресторане, Кресс вновь повстречал Кэт Млэйн. Он остановился на минутку у ее столика, рассказал о военных играх и пригласил присоединиться. Она гневно вспыхнула, но потом овладела собой и произнесла ледяным тоном:

— Пора кому-нибудь остановить тебя, Саймон. Видно, придется это сделать мне.

Кресс пожал плечами, занялся едой и забыл о ее угрозе. Но через неделю его посетила маленькая полная дама и предъявила полицейский браслет.

— Кресс, к нам поступила жалоба, что вы содержите опасных насекомых.

— Не насекомых, — ответил он, взбешенный доносом, — пойдемте, я покажу их.

Увидев песчаных королей, она с сомнением покачала головой:

— Никогда не следует покупать кого попало. Что вы знаете об этих существах? Вам известно, с какой они планеты? Что говорит департамент экологии? Есть на них лицензия? У нас имеются сведения, что они плотоядны и могут представлять опасность. Мы также получили сообщение, что они разумны. И вообще, откуда вы их взяли?

— От Шейда и Воу, — ответил Кресс.

— Первый раз слышу, — сказала женщина-полицейский. — Вероятно, ввезли контрабандой. Они знали, что наши эколога ни в коем случае не пропустят таких тварей. Нет, Кресс, так не годится. Я собираюсь конфисковать этот террариум и уничтожить его. А вам советую иметь в виду уплату по меньшей мере нескольких штрафов.

Кресс предложил сто стандартов за то, чтобы она позабыла о нем и о его пустынниках. Дама поцокала языком:

— Теперь мне придется добавить к обвинениям против вас попытку подкупа.

Но когда сумма увеличилась до двух сотен, дело пошло на лад.

— Знаете, все ведь не так просто, — проговорила она. — Есть формулировки, которые потребуется изменить, есть записи, которые нужно стереть. И получение поддельной лицензии от экологов тоже потребует времени. Не говоря уже о том, что остается еще заявитель. Что, если она позвонит снова?

— Направьте ее ко мне, — предложил Кресс. — Направьте ее ко мне.

Заснул он в ту ночь не сразу — все раздумывал, как быть дальше. Затем сделал несколько звонков по видеофону.

Сначала Кресс связался с «Продавцами небесной живности».

— Я хочу купить собаку, — сказал он, — щенка.

Круглолицый лавочник вытаращил глаза:

— Щенка? Это не похоже на вас, Саймон! Что-то вы давно не заходите. У нас сейчас прекрасный выбор.

— Мне нужен вполне определенный щенок, — продолжал Кресс. — Возьмите блокнот, продиктую, как он должен выглядеть.

Потом он вызвал Айди Норедциан.

— Айди, — сказал он ей, — приходи сегодня вечером с голокамерой. У меня возникла мысль сделать подарок одному приятелю. Запишем битву пустынников.

После записи Кресс засиделся допоздна в домашнем сенсории, упиваясь захватывающими противоречиями психологической драмы. Он подкрепился легкими закусками, выкурил пару сигар и откупорил бутылочку вина. Чувствуя себя очень счастливым, Кресс со стаканом в руке отправился в гостиную.

Верхний свет не горел. Красный сумрак террариума, на мебели расплывчатые тени. Кресс занял свой наблюдательный пункт, любопытствуя, как идут дела с восстановлением черного замка. Щенок превратил его в руины.

Реставрация шла превосходно. Но когда Кресс инспектировал работы через бинокуляры, взгляд его упал на стену песчаной башни. Он уставился на нее. Он отшатнулся, зажмурился, потом глотнул вина и посмотрел снова.

Рельеф на стене все еще изображал Кресса. Но совершенно неправильно. Страшно искаженно. У бога появились жирные поросячьи щеки, губы кривила злобная улыбка. Весь его облик стал невероятно злораден.

С трудом он заставил себя обойти вокруг террариума, чтобы проверить другие замки. Кресс заметил некоторые отличия, но в основном везде было то же самое.

Рыжие опустили большинство деталей, но результат получился чудовищный. Грубый, зверский рот и бессмысленные, пустые глаза.

Красные придали ему сатанинскую кривую ухмылку. Уголки рта странно, неприятно изогнулись.

Белые, его любимцы, вырезали жестокое божество-идиота.

Кресс яростно швырнул стакан с вином через всю комнату.

— Вы посмели! — задыхаясь, прохрипел он, — Да вы у меня неделю не получите корма! Дьявол вас раздери! — Его голос сорвался на визг. — Я проучу вас!

К нему пришла идея. Он выбежал из гостиной и через минуту вернулся со старинным железным копьем в руке. Метровой длины, со все еще острым наконечником. Кресс усмехнулся, забрался на диван и сдвинул крышку террариума как раз настолько, чтобы свободно действовать в одном из углов пустыни. Он наклонился и, вонзив копье в белый замок, начал раскачивать его из стороны в сторону, вдребезги разбивая крепостные валы, башни и стены. Песок и камни рушились, хороня под собой мобилей.

Одним движением руки Кресс уничтожил наглую карикатуру в которую пустынники превратили его лицо. Затем он направил острие копья на темную пасть в развороченном обиталище матки. Он ткнул в нее со всей силы, чувствуя сопротивление плоти, и услышал слабое хлюпанье. Все белые мобили дернулись и распластались на песке. Кресс удовлетворенно выдернул копье.

Еще с минуту Кресс наблюдал, опасаясь, не прикончил ли он матку. Наконечник копья стал влажным и скользким. Но вскоре белые пустынники снова начали двигаться — слабо, замедленно, но двигаться. Он собрался было установить крышку на место и вдруг почувствовал: что-то ползет по руке.

Кресс вскрикнул, выронил копье и стряхнул с себя пустынника. Тот упал на ковер, и Кресс наступил на него каблуком. Когда он убрал ногу, на ковре осталось лишь тщательно размазанное пятно. Содрогаясь, Кресс поспешно задраил террариум, бросился под душ и внимательно осмотрел себя с головы до пят. Он прокипятил свою одежду.

Позже, после нескольких стаканов вина, Кресс вернулся в гостиную. Ему стало немножко стыдно, что из-за пустынника на него напал такой ужас. Но он не помышлял о том, чтобы вновь открыть террариум. С этого момента крышка всегда будет закрыта. Однако следует наказать и других мобилей.

Он решил подстегнуть мыслительный процесс еще одним стаканом. После вина на него снизошло вдохновение: Кресс приблизился к террариуму и подрегулировал влажность. Когда он заснул прямо на диване, все еще со стаканом в руке, замки из песка смыл дождь.

Кресс проснулся от того, что кто-то сердито дубасил в дверь. Он сел, пьяно покачиваясь: в голову словно заколачивали гвозди. «Винное похмелье всегда самое тяжелое», — подумал он и, спотыкаясь, прошаркал в прихожую.

Снаружи стояла Кэт Млэйн.

— Ты чудовище, — сказала она. По ее распухшему лицу текли слезы. — Я ревела всю ночь, черт бы тебя побрал. И хватит, Саймон, довольно!

— Ладно, — ответил он, держась за голову, — оставь меня, я с похмелья.

Она выругалась и отпихнула его в сторону, освобождая себе дорогу в дом. Озираясь по сторонам, вразвалку вышел шем-блер. Кэт шлепнула его и прошествовала в гостиную. Кресс бессмысленно поплелся за ней.

— Погоди, — сказал он, — где ты… что тебе… — Внезапно он остановился, охваченный ужасом: она держала в руке тяжелую кувалду, — Нет! — крикнул он.

Она направилась прямиком к террариуму.

— Ты так любишь этих милашек, Саймон? Тогда ты должен жить вместе с ними.

— Кэ-эт! — заорал Кресс.

Схватив кувалду обеими руками, она размахнулась… Звук удара взорвался в голове Кресса, и он издал низкий рык отчаяния.

Но пластик выдержал. Кэт снова замахнулась. На сей раз звук раздался другой, и стенка ящика подернулась сетью трещин.

Когда она отвела кувалду для третьего удара, Кресс бросился на нее, и они покатились по полу, молотя друг друга. Кэт выпустила кувалду и попыталась схватить его за горло, но Кресс вырвался и до крови укусил ее в руку. Они встали на ноги, пошатываясь и тяжело дыша.

— Посмотрел бы ты на себя, Саймон, — мрачно проговорила Кэт, — У тебя вон кровь изо рта капает. Ты выглядишь, как один из твоих любимчиков. Как она тебе на вкус?

— Убирайся! — прохрипел он.

Заметив вчерашнее копье, он поднял его и, размахивая этим оружием для убедительности, повторил:

— Убирайся. И не приближайся больше к этому ящику.

Кэт рассмеялась.

— Ты не посмеешь, — сказала она и наклонилась за кувалдой.

Кресс взревел и сделал выпад. Прежде чем он успел осознать, что происходит, железное острие пронзило Кэт насквозь. Она удивленно посмотрела сначала на Кресса, потом вниз на копье.

Кресс отшатнулся и заскулил… Я не собирался… Я только хотел…

Кэт стояла слабеющая, еле живая, но почему-то не падала.

— Ты чудовище, — сумела она произнести полным крови ртом. Качаясь, с торчащим из живота копьем, она из последних сил ударила по террариуму. Треснувшая стенка разлетелась вдребезги, и лавина осколков, песка и гравия накрыла Кэт Млэйн. Кресс истерически хрюкнул и вскарабкался на диван.

Из грязи на полу гостиной вылезали короли-пустынники. Они расползлись по телу Кэт. Некоторые отважились спуститься на ковер; за ними последовали остальные.

Кресс заторможенно наблюдал, как шевелящаяся масса выстраивается в каре, в центре которого появилось нечто бесформенное и скользкое, как кусок сырого мяса величиной с человеческую голову. Пустынники начали выносить это из террариума, и оно пульсировало. Тогда Кресс не выдержал и пустился в бегство.

Прежде чем набраться храбрости для возвращения в дом, Кресс, почти ничего не соображая от страха, бросился к скиммеру и умчался за пятьдесят километров в ближайший город. Но коль скоро уж он благополучно смылся, то нашел ресторанчик и заказал несколько больших чашек кофе и две антипохмельные таблетки. Целиком съел завтрак, и постепенно к нему вернулось самообладание.

Кошмарное утро, но нельзя же на этом зацикливаться, ничего не решив. Заказав еще кофе, Кресс попытался обдумать свое положение с холодной рациональностью.

Кэт Млэйн умерла. Может ли он заявить об этом и доказать, что произошел несчастный случай? Маловероятно. Ведь копье проткнуло ее насквозь. К тому же Кресс сам предлагал той женщине из полиции направить Кэт к нему. Так что надо избавляться от улик в надежде, что Кэт никому не сообщила о своих планах на день. Сомнительно, чтобы она кого-нибудь предупредила. Получить его подарок она могла только поздно ночью. Она сказала, что всю ночь ревела, а пришла одна. Очень хорошо. Значит, необходимо просто избавиться от трупа и чужого скиммера.

Теперь пустынники. Эти способны причинить куда больше неприятностей.

Все они, несомненно, давно разбежались. Кресс представил их — ползающих по всему дому, по его постели, кишащих в одежде и продуктах, — и по спине пробежал озноб. Он передернул плечами и постарался преодолеть отвращение. На самом деле, убеждал он себя, извести их не так уж сложно.

Конечно, ему не уничтожить всех мобилей, но ведь главное — четыре матки. Уж с матками Кресс сумеет справиться. Они, как он успел заметить, достаточно велики — нужно найти их и убить. Он был их богом, и теперь настал час всесожжения.

Перед отлетом Кресс зашел в магазин и купил несколько кожаных комбинезонов, закрывающих тело с ног до головы, несколько упаковок ядовитых пилюль для борьбы с каменными наездниками и распылитель с сильным контрабандным инсектицидом. Не забыл и о буксировочном устройстве.

Когда под вечер Кресс приземлился в поместье, то сразу же методично принялся за работу. Он сцепил два скиммера. Во время обыска скиммера ему впервые за день повезло. На переднем сиденье лежал чип с голографической записью, сделанной Айди Норедциан. Кресса очень беспокоила эта запись.

Подготовив скиммеры, он влез в комбинезон и отправился в дом за трупом Кэт.

Трупа в гостиной не было.

Кресс разворошил сохнущий песок, и у него не осталось сомнений: тело кто-то унес. Не могло же оно само уползти? Слишком невероятно, но Кресс все-таки проверил. Осмотрев дом, он не обнаружил ни тела, ни каких-либо признаков песчаных королей. Времени на более тщательные поиски не оставалось. У входа как бельмо на глазу торчал скиммер Кэт. Кресс решил продолжить позже.

Километрах в семидесяти на север от усадьбы начиналась зона действующих вулканов. Кресс полетел туда со скиммером Кэт на буксире. Над раскаленным жерлом самого большого вулкана отцепил трос и проследил, как скиммер падает вниз и исчезает в лаве.

Кресс развернулся и полетел домой. Сгустились сумерки, они давали ему передышку. Сначала он собирался снова отправиться в город и заночевать в отеле, но передумал. Слишком много здесь неотложной работы; он еще не в безопасности. Кресс разбросал вокруг дома ядовитые пилюли. Это никому не покажется подозрительным — тут полно каменных наездников. Потом он заправил баллон инсектицидом и рискнул снова войти в дом.

Кресс обошел комнату за комнатой, в каждой включил яркий свет. Прибрался в гостиной, сгреб песок и обломки стеклопластика в разбитый террариум. Этого он и опасался: все пустынники ушли. После водной процедуры, которой угостил их Кресс, замки покосились и обрушились. То немногое, что от них осталось, быстро крошилось и рассыпалось. Он помрачнел и продолжал поиски. Баллон с распылителем висел у него через плечо.

Открыв дверь винного погреба, Кресс обнаружил тело Кэт Млэйн. Труп распластался на полу на расстоянии фута от ступенек лестницы. Похоже, он упал туда сверху. Труп был целиком покрыт копошащимися белыми мобилями и — Кресс вдруг заметил — толчками двигался по грязному струганому полу. Кресс рассмеялся, усилил освещение до максимума и увидел в дальнем углу приземистый земляной замок. Между стеллажами для бутылок зияла темная дыра.

На стене погреба Кресс различил грубый контур своего лица на стене погреба. Труп опять дернулся и продвинулся на несколько сантиметров в направлении замка. Внезапно Кресс заметил белую, жадно ждущую утробу. В пасти у нее могла поместиться разве что ступня Кэт, не больше. Чудовищный абсурд! Он снова засмеялся и стал спускаться в погреб, держа палец на спуске распылителя. Пустынники — сотни две тварей двинулись как один — оставили тело и построились в боевой порядок. Белое море между Крессом и маткой.

Тут Кресса вновь посетило вдохновение. Он усмехнулся и опустил оружие.

— Кэт всегда трудно было уесть, — пробормотал он, радуясь своему остроумию, — особенно при ваших размерах. Так что позвольте мне слегка помочь вам. Для бога это сущая безделица, в конце концов!

Он отступил наверх и вскоре вернулся с большим тесаком. Пустынники неподвижно стояли и смотрели, как Кресс рассекал Кэт Млэйн на маленькие, удобоваримые кусочки.

Всю ночь Кресс проспал в комбинезоне, с баллоном инсектицида под рукой, но обороняться не понадобилось. Пресыщенные белые оставались в погребе, а остальных он так и не заметил.

Утром Кресс закончил уборку в гостиной. Теперь были устранены всякие следы борьбы, кроме разбитого террариума.

Подкрепившись легким завтраком, Кресс возобновил поиски пропавших пустынников. При дневном свете найти их оказалось не слишком трудно. Черные поселились в саду камней. Там они воздвигли мрачный замок из кварца и обсидиана. Красных Кресс обнаружил на дне запущенного, частично занесенного песком плавательного бассейна. В саду копошились мобили обоих цветов, многие тащили своим маткам ядовитые пилюли. Кресса разобрал смех. Распылять инсектицид, решил он, нет необходимости. Незачем рисковать, раз яд и так сделает свое дело. К вечеру обе матки, должно быть, издохнут.

Правда, оставались еще не найденные рыжие пустынники.

Кресс несколько раз обошел усадьбу по расходящейся спирали, но признаков рыжих не обнаружил. День стоял сухой и жаркий. Кресс в комбинезоне вспотел и решил, что не важно. Коль скоро они где-то здесь, то наверняка, подобно красным и черным, нажрутся ядовитых пилюль.

По пути домой он с некоторым удовлетворением раздавил нескольких пустынников. Дома стащил комбинезон и, принявшись за вкусную еду, наконец расслабился. Все под контролем. Три матки скоро отдадут концы, а та, что в погребе, не представляет угрозы, и Кресс может избавиться от нее, когда она сослужит ему службу. Что касается Кэт, то все следы ее посещения уничтожены.

Грезы были прерваны сигналом, замерцавшим на экране. Звонил Джед Рэккис, чтобы похвастаться червями-каннибалами, которых он собирался принести на военные игры.

Кресс совсем позабыл о сегодняшнем вечере, но быстро нашелся:

— О, Джед, извини, совсем упустил из виду. Мне все порядком надоело, и я решил избавиться от пустынников. Мерзкие мелкие твари. Прости, но сегодня вечеринка не состоится.

— А что мне делать с червями? — спросил Рэккис с негодованием.

— Упакуй в корзину с фруктами и отправь любимой, — посоветовал Кресс, отключаясь.

Он быстро обзвонил остальных знакомых. Ему вовсе не улыбалось принимать гостей в поместье, наводненном еще живыми пустынниками. Набирая номер Айди Нореддиан, он вдруг осознал свою оплошность. Экран засветился, сигнализируя, что абонент свободен. Кресс поспешно дал отбой.

Айди прибыла с опозданием ровно на час. Она удивилась отмене вечеринки, но была счастлива провести вечер вдвоем с Крессом. Его рассказ о реакции Кэт на голофильм, который они сделали вдвоем, доставил ей живейшее удовольствие. Рассказывая, Кресс сумел ненавязчиво выяснить, что Айди никому не намекнула об этой проделке. Он удовлетворенно кивнул и хотел снова наполнить бокалы, но вино в бутылке иссякло.

— Я достану новую. Пойдем со мной в погреб, поможешь выбрать что-нибудь хорошего урожая. У тебя вкус всегда был тоньше моего.

Айди согласилась довольно охотно, но задержалась наверху лестницы, пока Кресс открывал дверь. Он жестом пригласил ее

пройти вперед.

— Где тут свет? — спросила она, — Запах… Что это за странный запах, Саймон?

Когда Кресс толкнул ее, она успела испуганно посмотреть на него и, падая вниз, закричала. Кресс запер дверь. Когда он кончил заколачивать ее досками при помощи заранее приготовленного пневмомолотка, послышались стоны Айди.

— Саймон, помоги, я, кажется, расшиблась, — позвала она. — Что это?! — Она вдруг дико завизжала, и после этого начались сплошные истошные завывания.

Вопли не прекращались долгие часы. Чтобы не слышать их, Кресс убежал в сенсорий и запустил шумную комедию.

Решив, что Айди уже мертва, Кресс слетал на север с ее скиммером на буксире и сбросил аппарат в жерло вулкана. Буксировочное устройство оказалось хорошим вложением капитала.

На другое утро из-за двери погреба донесся странный царапающий звук. Обеспокоенный, Кресс спустился вниз и простоял там, прислушиваясь, несколько нелегких минут. Что, если Айди выжила и скребется в дверь? Это казалось маловероятным. Скорее всего пустынники, но их активность Крессу тоже не понравилась. Он решил пока держать дверь на запоре и вышел из дома, чтобы зарыть маток из красного и черного замков.

Они были живехоньки. Черный замок блестел вулканическим стеклом, пустынники достраивали его и обновляли. Самая высокая башня доходила Крессу до пояса. И на ней красовалась отвратительная карикатура. Он приблизился, и черные, прервав свои труды, сформировали две грозные фаланги. Кресс обернулся и увидел вторую армию, преградившую ему путь к отступлению. От испуга выронив лопату, он кинулся из западни. Несколько мобилей хрустнуло под ногами.

Красный замок достиг уже стенок бассейна. Матка располагалась в яме, защищенной со всех сторон песчаными валами и бетонными зубчатыми стенами. Всюду по дну резервуара сновали красные пустынники. Кресс увидел, как они тащат в замок каменного наездника и крупную ящерицу. Внутренне ужаснувшись, он отступил от бортика и услышал хруст. Он глянул вниз — по ноге взбирались три мобиля. Кресс сбросил их и растоптал, но к нему спешили новые. Они стали больше, чем прежде. Некоторые выросли почти с большой палец на руке.

Кресс пустился наутек.

Задыхаясь, с бешено колотящимся сердцем, он достиг дома, быстро захлопнул дверь и повернул ключ. Его дом проектировался паразитонепроницаемым. Здесь он в безопасности.

Крепкая выпивка успокоила нервы. «Выходит, яд не приносит им вреда», — подумал Кресс. Ему следовало это знать. Ведь Джейла Воу предупреждала, что матки всеядны. Придется применить инсектицид. Он хлебнул еще для храбрости, облачился в кожаный комбинезон и закинул баллон за спину. Затем открыл дверь.

Пустынники ждали снаружи. Ему противостояли две армии, объединенные общей угрозой. Гораздо многочисленнее, чем он мог себе представить. Проклятые матки, должно быть, плодовиты, как каменные наездники. Мобили были везде — настоящее ползучее море.

Кресс поднял распылитель и нажал на спуск. Серое облачко окутало ближайшую цепь пустынников.

Когда туман рассеялся, пустынники дергались и дохли в судорогах. Кресс облегченно улыбнулся. Они ему не соперники. Он опылил перед собой новую полосу и уверенно зашагал по маленьким черным и красным тельцам. Армии отпрянули. Кресс начал наступление, намереваясь пробиться к маткам.

Отступление пустынников прекратилось мгновенно. Тысячи мобилей разом хлынули на Кресса.

Отбивая контратаку, он лихорадочно размахивал по широкой дуге своим аэрозольным мечом. Пустынники наступали и гибли сотнями, но часть из них прорвалась. Кресс не успевал распылять во всех направлениях одновременно. Он почувствовал, как они карабкаются по ногам, и ощутил слабые безобидные укусы. Челюсти пустынников оказались не способны справиться с крепким комбинезоном. Кресс игнорировал прорвавшихся и продолжал распыление.

Затем посыпались слабые удары по голове и плечам.

Кресс вздрогнул, оглянулся и посмотрел вверх. Фасад дома шевелился от нескольких сотен красных и черных пустынников. Они прыгали вниз и сыпались дождем вокруг Кресса. Он пережил неприятное мгновение, когда один вцепился в маску и царапнул ее челюстями у самого глаза. Кресс поднял шланг и стал прыскать в воздух и поливать стены дома, пока целиком не истребил десант. Аэрозоль оседал и попадал в горло, вызывая кашель, но Кресс терпел. Только после очистки фасада он вновь взглянул на землю.

Они покрыли все вокруг, десятки уже сновали по комбинезону, и к ним спешили присоединиться еще сотни. Кресс

повернул струю, и тут она заглохла. Раздалось громкое шипение; из-за спины вырвалось смертоносное облако. Кресс провел рукой по шлангу, что-то нащупал и поднес к глазам. Агонизирующие пустынники. Они прогрызли шланг. Кресса окутала слепящая ядовитая пелена. Она вызывала удушье и жгла глаза. Он споткнулся, заорал и побежал к двери, на ходу стряхивая с себя мобилей.

Захлопнув дверь, он рухнул на ковер и начал кататься по нему, пока не передавил всех тварей. Баллон, слабо свистя, окончательно опустел. Кресс стащил комбинезон и забрался под душ. Горячие струи обжигали кожу, зато прошел озноб.

Кресс нервно вытряхнул и надел самую грубую кожаную куртку и толстые рабочие штаны.

— Проклятие, — бормотал он. — Проклятие!

В горле у него пересохло. После тщательного обыска прихожей, убедившись, что она пуста, Кресс позволил себе сесть и налить выпивки.

— Проклятие, — повторил он и расплескал ликер на ковер — так тряслись руки.

Алкоголь привел его в чувство, но не смыл страха. Он выпил еще и подкрался к окну. Пустынники ползали по толстому стеклу. Кресса передернуло, и он направился к консоли видеофона.

Пора звать на помощь, подумал он в отчаянии. Нужно дозвониться властям, пусть пришлют полицейских с огнеметами и… Кресс замер, не окончив мысль, и застонал: ему нельзя звонить в полицию! Тогда придется рассказать и о белых в погребе. И полицейские обнаружат там трупы. Возможно, матка покончила с Кэт Млэйн, но определенно не успела с Айди Нореддиан. Ведь он даже не расчленил ее. И потом, там могли остаться кости. Нет, вызов полиции — крайнее средство.

Он сидел за консолью, напряженно сдвинув брови. Приборные панели занимали всю стену. Отсюда он мог связаться с любой точкой на Бальдуре. У него куча денег, да и ловкости не занимать. С этой напастью он сумеет как-нибудь справиться.

Он быстро отбросил мысль позвонить Воу — она слишком много знала и принялась бы задавать ненужные вопросы. А ей незачем знать правду. Нет, необходим кто-нибудь, кто выполнит его просьбу без вопросов. Хмурое лицо Кресса медленно прояснилось. У него имелись связи. И он набрал номер, которым давно не пользовался.

На экране появилось женское лицо. Бледное, лишенное выражения, с крючковатым носом. Тон — отрывистый и деловой.

— Как твой бизнес, Саймон? — полюбопытствовала она.

— Бизнес прекрасно, Лиссандра, — ответил Кресс. — И для

тебя есть работенка.

— Ликвидация? За последнее время мои услуги выросли в цене, Саймон. Десять лет прошло.

— Я хорошо заплачу, — сказал Кресс. — Ты же знаешь — я щедрый. Мне нужно немного отрегулировать численность насекомых.

Она чуть усмехнулась.

— Можешь не пользоваться иносказаниями, Саймон. Связь заэкранирована.

— Да нет, я серьезно. У меня проблемы с насекомыми. Опасными. Позаботься о них — для меня. И никаких вопросов, понятно?

— Ясно.

— Отлично. Тебе понадобится… ну, три-четыре оператора. В жаропрочных костюмах, с огнеметами или лазерами что-нибудь в этом роде. Вылетайте к моей усадьбе, а тут сама разберешься в задании. Тьма-тьмущая насекомых. В саду камней и в старом бассейне — замки. Разрушь их и убей всех, кого обнаружишь внутри. Потом позвони мне в дверь, я покажу, что еще нужно. Ты можешь добраться сюда быстро?

Ее лицо оставалось бесстрастным.

— Мы вылетим в течение часа.

Лиссандра умела держать слово. Она прилетела на черном потрепанном скиммере, захватив с собой трех операторов. Кресс наблюдал за ними из окна второго этажа. Темные пластиковые скафандры скрывали лица. Двое держали в руках портативные огнеметы, а третий — лазерную пушку и взрывчатку. Лиссандра была налегке. Кресс сразу узнал ее по манере отдавать распоряжения.

Скиммер сначала прошел на бреющем — они разведывали обстановку. Пустынники словно обезумели. И алые, и эбонитово-черные мобили носились как ненормальные. Со своею наблюдательного пункта Кресс видел замок в саду камней — тот возвышался уже в человеческий рост. По крепостным валам ползали черные защитники, непрерывный поток мобилей вытекал из подземелья.

Скиммер Лиссандры приземлился рядом со скиммером Кресса, и операторы выпрыгнули с оружием на изготовку. Вид их являл жестокость и беспощадность, четкая слаженность действий вселяла надежду.

Черная армия развернулась между ними и замком, а красная… Кресс вдруг понял, что не видит красных. Он прищурился. Куда они подевались?

Лиссандра указывала рукой и что-то кричала. Двое огнемегчиков разошлись в стороны и встали в виду строя пустынников. Оружие глухо кашлянуло и заревело. Воздух прорезали длинные струи иссиня-алого пламени. Пустынники трещали, съеживались и гибли. Операторы в профессиональном блокирующем стиле поливали огнем фронт и фланги. Началось осторожное, размеренное наступление.

Черная армия горела; она разделилась. Мобили разбегались во все стороны. Часть из них бросилась назад, к замку, другая — вперед, на врага. Но ни один не достиг огнеметчиков. Люди Лиссандры были настоящими знатоками своего дела.

И тут один оператор споткнулся.

Или так показалось, что споткнулся. Кресс заметил, как земля под ним просела. «Они прорыли туннель, — с ужасом понял он. — Западня!»

Огнеметчик провалился в песок по пояс, почва вокруг него внезапно забурлила, и человек мгновенно покрылся алыми пустынниками. Он выронил оружие и начал не истою хвататься за одежду. Его жуткие вопли невозможно было слушать.

Второй огнеметчик на секунду заколебался, затем повернул ствол и открыл огонь. Струя пламени охватила и пустынников, и человека. Крики резко оборвались. Удовлетворенный, второй огнеметчик вновь повернулся к замку, сделал шаг вперед и отпрянул — его нога провалилась по щиколотку.

Он попытался ее вытащить, но песок под ним ухнул вниз, и человек, потеряв равновесие, замолотил руками по воздуху. Бурлящая масса пустынников облепила его, он начал кататься по земле и корчиться. Рядом валялся бесполезный огнемет.

Привлекая внимание, Кресс бешено заколотил по стеклу.

— Замок! Разрушьте замок!

Лиссандра, стоявшая рядом со скиммером, услышала и жестами отдала приказание, Третий оператор прицелился и выстрелил из лазерной пушки. Луч заметался по земле и срезал верхушку замка. Оператор резко опустил ствол, взрывая песок и каменные укрепления. Башни попадали, рельеф Кресса развалился на куски. Лазерный луч врубался в грунт. Замок окончательно обрушился — теперь это была лишь куча песка. Однако черные мобили продолжали бегать, луч не смог достать матку, она была слишком глубоко упрятана.

Лиссандра отдала новую команду. Оператор бросил лазер, вставил запал в шашку взрывчатки и швырнул ее прямо на руины черного замка. Ярко-белая вспышка ослепила Кресса, и огромный столб песка, камней и мобилей взметнулся вверх. На мгновенье все скрыла пыльная туча. Пустынники и куски пустынников

падали дождем.

Черные мобили замерли без движения.

— Бассейн! — крикнул он через стекло. — Замок в бассейне!

Лиссандра поняла сразу. Земля была усеяна неподвижными черными, но красные торопливо отступали и перестраивались. Оператор стоял в нерешительности, потом нагнулся и достал вторую шашку. Он шагнул было вперед, но тут его позвала Лиссандра, и он помчался к ней.

Закончилось все чрезвычайно просто. Оператор подбежал к скиммеру, и Лиссандра поднялась в воздух. Кресс переместился к окну в другой комнате. Они пикировали прямо на бассейн, и оператор преспокойно сбрасывал бомбы на красный замок. После четвертого захода замок стал неузнаваемым, а дергаться пустынники перестали.

Лиссандра все делала основательно. Она приказала сбросить на каждый замок еще по несколько бомб, а потом методично, крест-накрест, перепахала руины при помощи лазерной пушки, пока не стало очевидно, что под этими развалинами не могло остаться ничего живого.

Наконец они позвонили в дверь. Приглашая их войти, Кресс нервно усмехнулся.

— Превосходно! — восклицал он. — Я восхищен!

Лиссандра сняла шлем.

— Ты заплатишь за это, Саймон. Два моих оператора погибли — не говоря о том, что и моя жизнь подвергалась опасности.

— Конечно, — торопливо выпалил Кресс, — я хорошо заплачу, Лиссандра, сколько попросишь. Как только закончишь работу.

— Что еще осталось?

— Очистить винный погреб, — сказал Кресс, — Там внизу еще один замок. Только обойдитесь без взрывчатки. Я не хочу, чтобы дом рухнул.

Лиссандра повернулась к оператору:

— Ступай, принеси огнемет Рейка. Он не должен был сломаться.

Оператор вернулся вооруженный, в молчаливой готовности. Кресс повел их к винному погребу.

Тяжелая дверь оставалась заколоченной, но слегка прогнулась, будто что-то огромное давило на нее изнутри. Кресса это встревожило, так же как и тишина, царившая вокруг. Он остановился довольно далеко от двери, а тем временем оператор Лиссандры отдирал гвозди и доски.

— А это здесь не опасно? — забормотал Кресс, указывая на огнемет. — Как бы не было пожара.

— У меня лазер, — ответила Лиссандра, — мы уничтожим их лучом. Огнемет, скорее всего, не понадобится. Но пусть будет наготове на всякий случай. Эти твари, Саймон, почище пожара.

Он кивнул.

От подвальной двери отлетела последняя доска. Снизу по-прежнему не раздавалось ни звука. По команде Лиссандры ее подчиненный отодвинулся, заняв позицию сзади и наведя ствол огнемета на дверь. Лиссандра вновь надела шлем, подняла лазер, сделала шаг и толкнула ее.

Никакого движения. Ни звука. Внизу — темнота.

— Где включается свет? — спросила Лиссандра.

— Сразу за дверью, с правой стороны, — ответил Кресс. — Не забудь про ступеньки, они очень крутые.

Она вошла в проем, переложила лазер в левую руку и протянула правую, нащупывая выключатель. Свет не загорелся.

— Он здесь, но, похоже, не…

Внезапно она вскрикнула и отскочила. Большой белый пустынник впился ей в запястье. В том месте, где он сомкнул свои челюсти, из-под комбинезона хлынула кровь. Чудовище было величиной с ладонь.

Лиссандра заметалась по комнате, колотя рукой по стенам — еще, и еще, и еще раз. Наконец пустынник отцепился. Лиссандра застонала и опустилась на колени.

— Кажется, я сломала пальцы, — сквозь зубы процедила она. Кровь продолжала литься ручьем. Лазер упал рядом с подвальной дверью.

— Я туда не пойду, — твердо и отчетливо произнес оператор.

Лиссандра подняла на него глаза.

— Да, — сказала она. — Встань у двери и сожги там все. Испепели их, ты понял?

Он кивнул. Кресс застонал.

— Мой дом, — проговорил он. Его мутило. Здоровый белый пустынник. Сколько их внизу? — Нет, — выдавил Кресс, — оставьте их в покое, я передумал.

Пристально глядя на него, Лиссандра подняла измазанную кровью и зеленой слизью руку.

— Твой маленький приятель запросто прокусил перчатку, и ты видел, чего мне стоило от него избавиться. Мне наплевать на твой дом, Саймон. Все они должны умереть.

Кресс едва соображал. Ему казалось, что в темноте за дверью началось движение. Он представил себе белую армию, вырвавшуюся наружу. И каждый солдат таких же размеров, что и напавший на Лиссандру. Он представил, как сотни маленьких рук поднимают его и увлекают вниз, во тьму, где нетерпеливо ждет

голодная утроба. Кресс испугался, но что-то заставило его крикнуть:

— Нет!

На него не обратили внимания.

Кресс рванулся вперед, и его плечо врезалось в спину оператора как раз в тот момент, когда тот собирался открыть огонь. Человек охнул, потерял равновесие и полетел вниз по ступеням. Было слышно, как он загремел вниз по лестнице. Затем послышались другие звуки — суетливая беготня, хруст и слабое чавканье.

Кресс обернулся к Лиссандре. Он весь взмок от холодного пота, им овладело болезненное, почти сексуальное возбуждение.

Ледяные неподвижные глаза Лиссандры рассматривали его из-под шлема.

— Что ты делаешь? — гневно спросила она, когда Кресс поднял выроненный ею лазер, — Саймон!

— Вношу умиротворение, — сказал он, хихикая, — Они не причинят вреда своему богу. Нет никого щедрее и лучше. Я бывал жесток с ними, морил их голодом, теперь я должен искупить свою вину, понимаешь?

— Ты спятил! — вскричала Лиссандра, и это были ее последние слова. Кресс прожег такую большую дыру на ее груди, что сквозь нее могла бы пройти рука.

Он протащил тело по полу и спихнул на ступени подвальной лестницы. Звуки усилились — треск и скрежет хитиновых панцирей, невнятное эхо. Кресс снова заколотил дверь.

Удирая, он ощутил полное довольство, словно залившее его страх слоем сиропа. Кресс подозревал, что это не его собственное ощущение.

Он планировал покинуть дом и снять в городе комнату на ночь. Или, быть может, на год. Но вместо этого начал пить. Кресс и сам не сознавал точно почему. Он пил несколько часов без перерыва, и в гостиной его сильно вырвало прямо на ковер. В какой-то момент он заснул, а когда проснулся, в доме было совсем темно.

Он услышал шорохи и съежился на диване. Что-то двигалось по стенам. Они окружили его. Любой слабый скрип воспринимался его сверхобостренным слухом как шаги пустынников. Кресс закрыл глаза в ожидании мерзкого прикосновения. Он не шевелился, боясь дотронуться до белой твари.

Кресс всхлипнул. Наступила тишина.

Шло время, но ничего не происходило.

Он опять открыл глаза. Его бил озноб. Постепенно смягчились и растаяли тени, через высокие окна проник лунный свет. Глаза адаптировались.

Гостиная была пуста. Нигде ничего, никого. Только пьяные страхи.

Кресс расхрабрился, встал и прошел к выключателю.

Никого. Комната была пуста.

Он прислушался. Ничего. Ни звука. И на стенах тоже никого. Все оказалось болезненной игрой воображения.

Воспоминание о Лиссандре и о тварях в погребе обрушилось на Кресса. Его переполнил стыд и обуял гнев. Почему он так поступил? Вместо того чтобы помочь ей сжечь их, истребить. Почему?.. Он знал почему. Матка пустынников заставила его. Джейла Воу говорила, что, даже маленькая, она — псионик. А сейчас, когда она так выросла, — тем более. Матка попробовала Кэт и Айди; теперь внизу еще два трупа. И она опять вырастет. Она полюбила вкус человеческого мяса.

Кресса затрясло, но он взял себя в руки. Пустынники не причинят ему вреда, ведь он — бог, а белые всегда были его любимцами.

Тут Кресс вспомнил, как предательски ранил матку копьем. Это случилось перед приходом Кэт, черт бы ее побрал.

Нет, ему нельзя оставаться. Матка скоро снова проголодается. Она, наверное, стала такой огромной, что это произойдет очень скоро. У нее должен быть ужасающий аппетит. Что тогда делать? Пока матка еще заперта в погребе, ему надо поскорее сматываться в город, там безопасно. Внизу одна штукатурка да утрамбованная земля, а мобили умеют рыть туннели. И если они освободятся… Кресс не желал думать об этом.

Он прошел в спальню и начал собираться. Взял три сумки. Одна смена одежды — вот все, что ему необходимо. Оставшееся место он заполнил ценными вещами — дорогими безделушками, произведениями искусства и прочими предметами, потерю которых ему было бы трудно перенести. Кресс не собирался возвращаться.

Шемблер переваливался за ним по лестнице, глядя на хозяина злобными горящими глазами. Он исхудал. Кресс вспомнил, что не кормил его лет сто. Обыкновенно чудище само о себе заботилось, но в последнее время округа, несомненно, оскудела мелкой поживой. Когда шемблер попытался цапнуть его за ногу, Кресс ругнулся и дал ему пинка. Тот отбежал, явно обиженный.

Неловко неся сумки, Кресс выбрался наружу и запер за собой

дверь.

Подавленно остановился на мгновение у входа. Сердце глухо стучало в груди. До скиммера всего несколько шагов. Ярко светила луна, и площадка перед домом являла картину кровавого побоища. Трупы обоих огнеметчиков лежали там, где их настигла смерть. Один — скрюченный и обгоревший, другого скрыла гора дохлых пустынников.

Красные и черные мобили окружали Кресса со всех сторон. Он с усилием вспомнил, что они мертвы. Было похоже, что они просто ждут, как часто ждали до сих пор.

— Чепуха, — сказал себе Кресс, — опять пьяные страхи. — Он оглянулся на взорванные замки. — Они мертвы, а белая матка — в погребе, в ловушке.

После нескольких размеренных глубоких вздохов он зашагал по пустынникам вперед. Они захрустели. Он свирепо вдавливал их в песок. Они не двигались.

Кресс улыбнулся и, неспешно ступая по полю боя, прислушивался к этим безопасным звукам.

Хрусть… хрусть… хрусть…

Он опустил сумки на землю и открыл дверцу скиммера. Что-то двинулось из темноты на свет. Бледная тень на сиденье. Чудовище.

Оно было длиной с предплечье. Челюсти тихо клацали. Оно глядело на Кресса шестью маленькими глазками, расположенными вдоль тела.

Кресс намочил штаны и медленно отступил назад.

Движение внутри скиммера усилилось. Он оставил дверцу открытой. Из нее появился пустынник и осторожно направился к нему. За первым следовали второй, потом третий… Они прятались в сиденьях, зарывшись в обивку, но теперь вылезали. Они образовали вокруг Кресса зазубренное кольцо.

Кресс облизнул губы и повернулся к скиммеру Лиссандры. В нем тоже двигались тени. Большие причудливые тени, едва различимые в лунном свете.

Кресс заскулил и ретировался к дому. У входа он задрал голову.

Он насчитал дюжину белых теней, ползущих вверх по стене. Еще четыре копошились на заброшенной башне, где некогда устраивался ястреб-стервятник. Они что-то высекали. Лицо. Очень знакомое лицо.

Кресс завопил и вбежал в дом. Он ринулся к своему бару.

Достаточное количество выпивки принесло ему желанное забвение. Но вскоре он проснулся. Вопреки всему почему-то проснулся. Его терзала головная боль. От него воняло. И он был

голоден! Никогда в жизни он не был так голоден.

Кресс уже понял: рези в желудке — не его рези.

С платяного шкафа за ним наблюдал король-пустынник. Его усы тихонько шевелились. Такой же огромный, как тот, ночью в скиммере. Кресс даже не попытался улизнуть.

— Я накормлю тебя, — пролепетал он ему. Во рту у него пересохло, язык ворочался по нёбу наждаком. Кресс облизнул губы и выскочил из спальни.

Дом был полон пустынников. Кressу пришлось сосредоточиться, чтобы на кого-нибудь не наступить. Казалось, все они заняты своими делами. Они изменяли облик его дома: рыли норы, прогрызая стены изнутри и снаружи, вырезали на стенах рельефы. Дважды, в самых неожиданных местах, он натыкался на свои портреты. Божественные лики были бледны и перекошены страхом.

В надежде утолить голод белой матки Кресс вышел из дома, собираясь принести трупы, которые разлагались во дворе. Оба трупа исчезли. Кресс вспомнил, с какой легкостью мобили переносили предметы, во много раз превосходящие по весу самих тварей.

Жутко было думать, что матка *все еще* голодна.

Вернувшись в дом, он наткнулся на колонну пустынников, держащих путь вниз по лестнице. Каждый волок по куску шемблера. Когда мимо проносили голову, глаза любимца, казалось, посмотрели на хозяина укоризненно.

Кресс опустошил морозильник, полки, все, что можно, вывалил всю еду, найденную в доме, на середину кухни. Дюжина белых ждала, чтобы унести корм. Они избегали замороженной пищи, оставляя ее таять в большой луже, но остальное утащили.

По мере исчезновения еды Кресс чувствовал, как ослабевают голодные боли, хотя сам не проглотил ни кусочка. Но он понимал, что передышка будет короткой. Вскоре матка вновь проголодается. Нужно накормить ее.

Кресс уже знал, как поступить. Он подошел к видеофону.

— Малэйда, — привычно начал он, когда она ответила на вызов, — у меня сегодня небольшая вечеринка. Я понимаю, что сообщаю поздновато, но все же надеюсь, что ты примешь приглашение. Я действительно на это надеюсь.

Он позвонил Джеду Рэккису, а потом и остальным друзьям. Пятеро из них согласились приехать. Кресс надеялся, что этого будет достаточно.

Мобили прибрали все удивительно быстро, и сад выглядел почти как до сражения. Кресс встречал гостей снаружи и провожал их к парадному входу. Он приглашал их войти

первыми, но сам не следовал за ними.

Когда в дом вошел четвертый гость, Кресс наконец набрался храбрости. Захлопнув за ним дверь и не обращая внимания на изумленные восклицания, превратившиеся вскоре в нечленораздельные крики, побежал к его скиммеру. Он благополучно достиг цели, нажал пальцем на стартовую плату и выругался. Плата, естественно, была запрограммирована на отпечаток владельца.

Следующим прибыл Рэккис. Кресс помчался к скиммеру и схватил Рэккиса за руку.

— Лезь обратно, живо! — закричал он, толкая его к кабине. — Возьми меня с собой в город. Поторопись, Джед! Сматываемся отсюда!

Но Рэккис смотрел на него изумленно и не двинулся с места.

— В чем дело, Саймон? Не понимаю. А как же вечеринка?

А потом стало слишком поздно.

Потому что чистый песок вокруг скиммера зашевелился, из него показались, уставившись на них, красные глаза и защелкали челюсти. Рэккис издал сдавленный стон и дернулся по направлению к дверце, но пара челюстей захлопнулась у него на лодыжке, и он вдруг очутился на коленях. Показалось, что песок забурлил, словно при извержении. Рэккис бился и истошно вопил, когда его утаскивали прочь. Кресс едва вынес это зрелище.

Больше Кресс не пытался убежать. Под конец он смел подчистую все, что стояло в баре, и дико надрался. Он понимал, что может позволить себе такую роскошь в последний раз. Весь остальной алкоголь хранился в погребе.

Целый день Кресс не прикасался к еде. Но заснул он с ощущением, что объелся, раздулся и окончательно пресытился. Жуткий голод был преодолен. Последней перед ночными кошмарами его посетила мысль о том, кого бы пригласить завтра.

Утро выдалось солнечное и жаркое. Кресс открыл глаза и вновь увидел на платяном шкафу пустынника. Он быстро зажмурился, надеясь, что страшный сон кончится. Этого не случилось. Снова заснуть он не смог и вскоре осознал, что опять разглядывает гнусную тварь.

Он смотрел на нее почти пять минут, прежде чем до него дошла некая странность. Пустынник не шевелился. Мобили, разумеется, умели застывать. Кресс тысячу раз видел, как они терпеливо ждут. Но всегда можно было заметить небольшое движение. Пощелкивали челюсти, подергивались конечности, раскачивались красивые усики.

Пустынник на шкафу был совершенно неподвижен.

Кресс поднялся, сдерживая дыхание и не смея надеяться. Мог

пустынник умереть? Мог кто-нибудь убить его? Кресс пересек комнату.

Глаза пустынника остекленели и почернели. Тварь казалась вздутой, как если бы она разлагалась и ее распирало изнутри газами. Пластины белого панциря топорщились.

Кресс протянул руку и дотронулся до пустынника. Тот был теплый, даже горячий и продолжал нагреваться. Но не двигался.

Он отдернул руку, и от наружного скелета пустынника отвалился большой кусок. Тело под панцирем было окрашено в тот же цвет, но выглядело мягким и воспаленно-горячим. И вроде бы слегка трепетало.

Кресс отшатнулся и кинулся к двери.

Еще три белых мобиля лежали в холле, такие же, как тот, в спальне.

Кресс бросился вниз по лестнице, на каждом шагу перепрыгивая через пустынников. Ни один не шевелился. Дом стоял, переполненный ими — мертвыми, умирающими, коматозными, черт знает какими. Кресса не интересовало, что с ними. Довольно того, что они не в состоянии двигаться.

Четырех он обнаружил в скиммере и отбросил одного за другим как можно дальше.

— Проклятые монстры!

Он залез на остатки полусгрызенных сидений и нажал на стартовую плату.

Ничего не произошло. Кресс пробовал снова и снова. Никакого эффекта. Это было несправедливо. Ведь это же его скиммер, он должен взлететь! Почему он не поднимается? Кресс не понимал.

Ожидая худшего, он вылез, все осмотрел и обнаружил неисправность. Пустынники выдрали гравитационную энергосистему. Он в западне. Да, по-прежнему в ловушке.

Кресс мрачно вернулся в дом. Он сходил на галерею, отыскал старинную секиру, висевшую рядом с копьем, которое убило Кэт Млэйн, и принялся за дело.

Пустынники не шевелились, даже когда Кресс разрубал их на части. Но при первом ударе они хлюпали. Их тела будто взрывались, и наружу вываливались омерзительные внутренности. Странные, полусформировавшиеся органы, липкая красная жижа, выглядевшая почти как человеческая кровь.

И желтый гной.

Кресс успел разрубить штук двадцать, прежде чем понял всю тщету своих усилий. Мобили на самом деле — ничто. Кроме того, их так много, что, даже работая день и ночь, вряд ли перебьешь всех.

Ему необходимо спуститься в винный погреб и зарубить матку пустынников. Он решительно двинулся к погребу. Когда в поле его зрения должна была показаться дверь, он остановился.

Двери больше не существовало. Стены вокруг нее были обгрызены так, что дверной проем стал круглым и вдвое больше прежнего. Все, что осталось, — яма. И никаких признаков двери над провалом.

Снизу поднималось страшное, удушливое зловоние.

Влажные и темные, словно окровавленные, стены покрылись пятнами белой плесени.

Но страшнее всего было дыхание.

На Кресса дохнуло теплым ветром. Он чуть не задохнулся. Когда ветер сменил направление на противоположное, Кресс ударился в бегство.

В гостиной, перерубив еще трех мобилей, он рухнул без сил. Что происходит? Затем он вспомнил единственного человека, который смог бы понять. Кресс в который раз побежал к видеофону, в спешке наступая на пустынников и горячо молясь, чтобы связь еще работала.

Когда Джейла Воу ответила, Кресс не выдержал и рассказал ей обо всем.

Джейла выслушала не перебивая, без всякого выражения на худом бледном лице, разве что с легкой озабоченностью. Она лишь произнесла в конце:

— Мне следовало бы оставить вас там.

Кресс зарыдал:

— Вы не имеете права! Помогите мне, я вам заплачу!

— Мне следовало бы, — повторила она, — но я этого не сделаю.

— Благодарю, благодарю вас! — Его трясло.

— Спокойно, — сказала Воу, — Слушайте меня. Все это — дело ваших рук. Содержи вы хорошо ваших пустынников, они превратились бы в изысканных ритуальных воителей. Вы сотворили из них нечто иное. Голодом и мучениями. Вы были их богом. Вы создали их такими, какие они есть. Эта матка в вашем погребе — больна, она все еще страдает от нанесенной раны. Возможно, она безумна. Ее поведение… необычно.

Вам надо как можно скорее убраться оттуда. Мобили не мертвы, Кресс. Они в спячке. Я предупреждала, что их панцирь отпадет, когда они вырастут. На самом деле в норме они линяют гораздо раньше. Мне никогда не приходилось слышать, чтобы пустынники в насекомовидной стадии вырастали такими крупными, как ваши. Думаю, это еще один результат ранения белой матки. Но это не важно.

Важно то, что пустынники переживают сейчас определенную метаморфозу. Видите ли, когда матка растет, ее разум прогрессирует. Возрастает ее психическая мощь. Ум становится и более изощренным, и честолюбивым. Покрытые броней мобили достаточно полезны, когда матка крошечная и полуразумная. Но теперь ей нужны более умелые слуги. Тела с гораздо большими возможностями, понимаете? Мобили произведут на свет новое поколение пустынников, и я не могу точно сказать, как они будут выглядеть. Каждая матка сама конструирует их тела и внешность, пригодные для удовлетворения осознанных ею нужд и потребностей. Известно одно — они будут двуногими, четверорукими и с отстоящими большими пальцами. Они смогут заниматься строительством и управлять новейшей техникой. Пустынники по-прежнему не будут обладать индивидуальным разумом. Но матка станет действительно разумной.

Кресс ошарашенно уставился на видеоизображение Воу.

— Ваши рабочие, — сказал он с усилием, — те, что приезжали сюда… устанавливать террариум…

Воу вымученно усмехнулась.

— Шейд — песчаный король, — медленно повторил ошеломленный Кресс, — И вы продали мне террариум с… с его младенцами… А?..

— Не болтайте чепухи, — ответила Воу. — Первая стадия пустынника напоминает больше сперму, чем младенцев. В природе их численность регулируется войнами. Лишь один из ста доживает до второй стадии, и только один на тысячу достигает третьей, и последней, вершины и становится как Шейд. Зрелые пустынники не сентиментальны по отношению к маленьким маткам. Их слишком много. А мобили, те — паразиты. — Она вздохнула. — Но все эти разговоры сейчас — пустая трата времени.

Белый король скоро проснется разумным. Вы ему больше не нужны, и он ненавидит вас. И он будет очень голоден. Трансформация отнимает слишком много сил. Как перед спячкой, так и после нее матка должна потреблять пищу в огромных количествах. Поэтому как можно скорей уходите, вы меня поняли?

— Я не могу, — сказал Кресс, — мой скиммер сломан, а другие не стартуют. Я не знаю, как перенастроить их. Вы можете прилететь за мной?

— Да, — ответила Воу, — Мы с Шейдом немедленно вылетаем. Но от Эсгарда до вашего поместья двести километров, а нам необходимо еще погрузить оборудование для обезвреживания пустынника, которого вы создали. Вам нельзя так

долго ждать. У вас есть две ноги — идите. Держитесь на восток, как можно точнее. И как можно скорее. Местность там довольно безлюдная, мы легко заметим вас с воздуха, а для них вы будете вне досягаемости, ясно?

— Да, — сказал Кресс, — о да!

Дав отбой, он быстро зашагал к двери, но на полпути услышал шум.

Звук, средний между хлопком и треском.

В панцире одного из пустынников появилась трещина. Четыре крошечные руки, покрытые желто-розовой сукровицей, показались из щели и начали отдирать омертвевший покров.

Кресс в панике помчался прочь.

Не обращая внимания на жару, он один за другим преодолевал выжженные каменистые холмы. Кресс выскочил из дома со всей скоростью, на какую был способен, и бежал, пока не закололо под ребрами и не поплыли круги перед глазами. Тогда пришлось перейти на шаг. Но стоило ему чуть-чуть отдышаться, как он снова принимался бежать. Почти целый час Кресс бежал и шел, шел и бежал под яростным, палящим солнцем. Он обливался потом, мечтал о глотке воды и высматривал в небе скиммер Шейда и Воу.

Кресс вконец обессилел, слишком было жарко и сухо. Состояние его оставляло желать лучшего. Но он принуждал себя идти, вспоминая о тошнотворном дыхании песчаной матки и об извивающихся четвероруких тварях, которые наверняка уже бродят по всему дому. Он надеялся, что Воу и Шейд знают, как с ними справиться.

Относительно Воу и Шейда у него были особые планы. Ведь все случилось, рассудил Кресс, по их вине, и они заплатят за это. Жаль, нет Лиссандры, но ничего, он знаком с ее коллегами. Он отомстит. — Кресс пообещал себе это сотню раз, изнемогая и обливаясь потом на пути к востоку.

Во всяком случае, он надеялся, что к востоку. Кресс плохо разбирался в направлениях и не знал определенно, в какую сторону погнала его паника, но с тех пор старался идти прямо на восток, как советовала Воу. После нескольких часов ходьбы без малейших признаков близкого спасения он утвердился в мысли, что потерял направление.

Еще через несколько часов им овладел новый страх. А вдруг Воу и Шейд не смогут найти его? Он умрет здесь. Он два дня не ел. Он слаб и напуган. Горло першит от жажды. Он больше не выдержит. Сейчас солнце зайдет, и он заблудится в темноте окончательно. Что случилось? Неужели пустынники сожрали

Шейда и Воу? Страх переполнял его вместе с сильнейшей жаждой и ужасным голодом. Но Кресс продолжал переставлять ноги. Он дважды пытался перейти на бег, но спотыкался и падал на камни. Во второй раз он ободрал руки, и теперь они кровоточили. Опасаясь инфекции, Кресс облизывал их на ходу.

Солнце позади него коснулось горизонта. Земля немного остыла, и Кресса это подбодрило. Он решил идти до тех пор, пока хоть что-нибудь видно, а уж потом подумать о ночлеге. Он, безусловно, уже достаточно удалился от пустынников и теперь в безопасности. А утром его разыщут Воу и Шейд.

Перевалив через очередной холм, он увидел впереди очертания дома. Не такого большого, как его собственный, но достаточно вместительного. Кров и убежище! Кресс вскрикнул от радости и побежал к нему. Еда и питье! Он уже ощущал во рту их вкус. Ведь он чуть не умер от голода и жажды.

Размахивая руками и что-то крича, Кресс скачками спустился с холма. Дневной свет почти померк, но в сумерках перед домом еще играло с полдюжины детей.

— Эй! — завопил он. — Помогите! Помогите!

Дети гурьбой помчались к нему.

Кресс внезапно затормозил.

— Нет, — прошептал он. — НЕТ!

Он повернулся назад, растянулся на песке, поднялся и снова попытался бежать.

Они легко поймали его. Призраки с глазами навыкате и темно-оранжевой кожей. Кресс сопротивлялся, но безуспешно. Как ни малы они были, каждый действовал четырьмя руками, а он — только двумя.

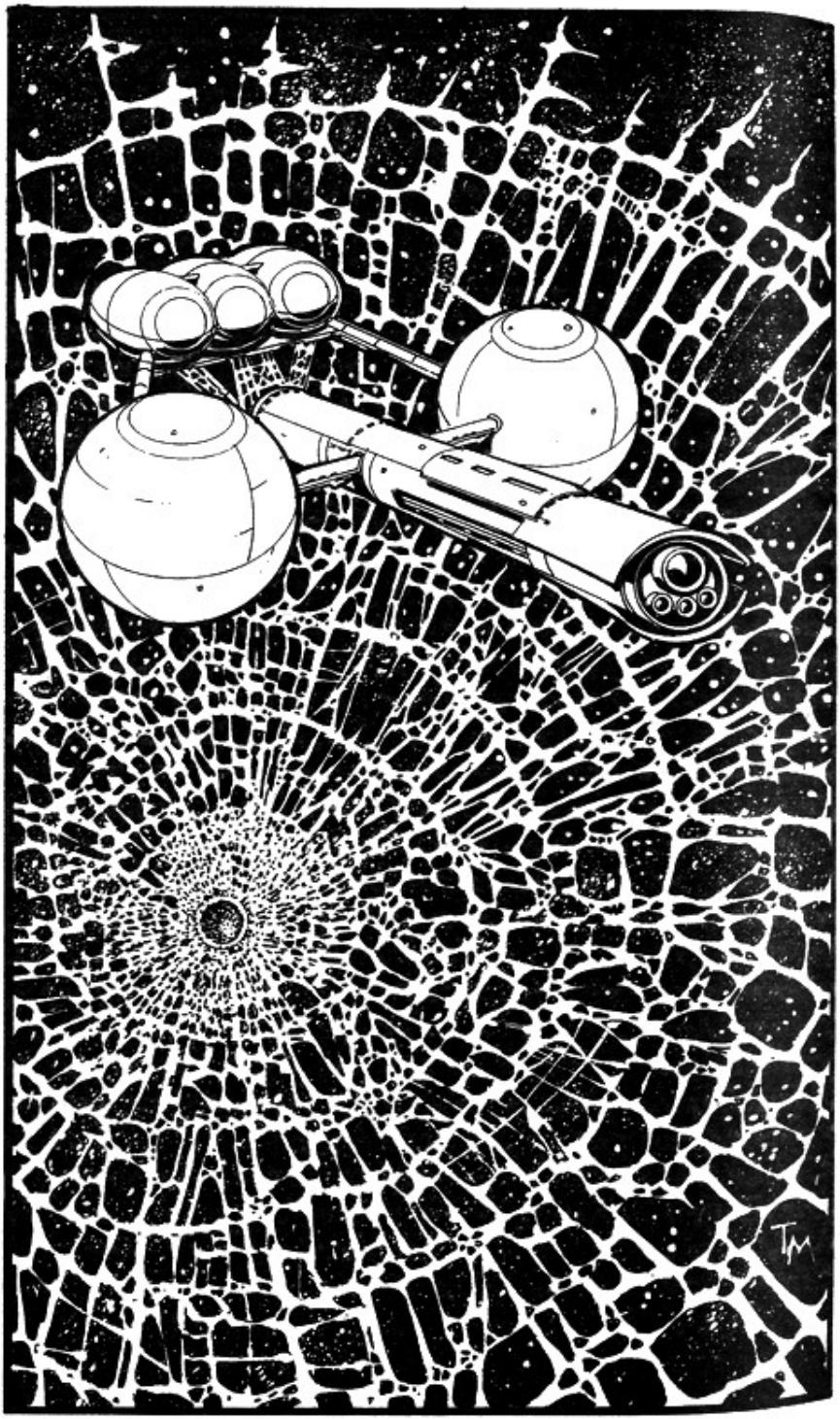
Кресс выбился из сил и затих. Они поволокли его к дому. Печальному и захудалому дому из осыпающегося песка, с зияющей черной дырой вместо входа. И дыра эта дышала.

Было невыносимо страшно, но не страх заставил Кресса снова закричать. Он закричал из-за другого.

Маленькие рыжие твари повылезли из замка и бесстрастно наблюдали, как его проносят мимо.

Все они были на одно лицо.

Летящие сквозь ночь
© Перевод О. Колесникова



Когда Иисус из Назарета умирал на кресте, волкрины

пронеслись мимо него на расстоянии менее светового года.

Когда на Земле свирепствовали Войны Пламени, волкрины парили вблизи Старого Посейдона, моря которого были еще не названы и не тронуты рыбацкими сетями. Ко времени, когда гиперпривод превратил Федерацию Народов Земли в Федеральную Империю, волкрины добрались уже до края пространства, занимаемого хранганийцами. Хранганийцы никогда об этом не узнали. Как и мы, они были детьми маленьких светлых миров, кружащихся вокруг разбросанных здесь и там солнц, и не очень-то интересовались теми, кто путешествовал сквозь космическую пустоту. Знали о них они еще меньше.

Война пылала тысячу лет, и волкрины пролетели сквозь ее центр, невидимые и неприкосновенные, в безопасном месте, где не могут вспыхнуть никакие огни. Потом Империя погибла в руинах, а хранганийцы исчезли во мраке Коллапса, однако для волкринов тьма не наступила.

Когда Клерономас вылетел с Авалона на своем исследовательском корабле, волкрины оказались в десяти световых годах от него. Клерономас открыл множество вещей, однако не открыл волкринов. Ни тогда, ни во время своего возвращения на Авалон поколение спустя.

Когда я была трехлетним ребенком, Клерономас был уже только пылью, таким же далеким и мертвым, как Иисус из Назарета, а волкрины пролетали возле Даронны. В тот год все чувственники крэев вели себя странно — сидели, глядя в небо светящимися мерцающими глазами.

Когда я выросла, волкрины были уже за Тарой, став неощутимыми даже для крэев, и по-прежнему летели к краю Галактики.

Теперь я уже стара и старею все больше. Скоро волкрины пробьют Вуаль Грешницы, висящую между звездами как черный туман, а мы летим за ними. Летим за ними… Сквозь заполненные тьмой уголки пространства, в которые никто не заходит, сквозь пустоту и тишину без конца мы преследуем их, мой «Летящий сквозь ночь» и я…

Они медленно спускались по прозрачной трубе, соединяющей орбитальную станцию с ожидающим кораблем.

Меланта Йхирл — единственная среди них не выглядевшая неуклюже в месте, лишенном гравитации, и, казалось, чувствовавшая себя совершенно свободно, — остановилась на минуту, чтобы взглянуть на висящий внизу пятнистый шар Авалона, величественного гиганта из черноты и янтаря. Улыбнувшись, она быстро поплыла в нижнюю часть трубы, с

непринужденной грацией опередив своих товарищей. Каждый из них уже поднимался на борт корабля, но никогда — таким образом. Большинство кораблей стояли возле стен станции, однако этот, нанятый Кэроли Д'Бранином, был слишком велик и имел необычную форму. Он висел перед ними: три небольших, размещенных друг возле друга эллипсоида, ниже под прямым углом — два больших шара, между ними — цилиндр, в котором размещался привод, а все вместе соединялось секциями труб. Весь корабль в целом был очень функциональным.

Меланта Йхирл прошла сквозь воздушный шлюз первой, а остальные карабкались следом. И вот все оказались на борту — пять женщин и четверо мужчин, каждый с академическим званием; их прежние жизненные пути были такими же разными, как и области их научных интересов. Молодой щуплый телепат Тэйл Лесамер вошел последним. Пока остальные разговаривали, он нервно поглядывал по сторонам.

— За нами наблюдают, — сказал он наконец.

Наружная дверь закрылась, коммуникационный рукав отсоединился. Открылась внутренняя дверь.

— Добро пожаловать на борт «Летящего сквозь ночь», — донесся из-за двери мягкий голос.

Однако за дверью никого не оказалось.

Меланта Йхирл вошла в коридор.

— Привет, — сказала она, с интересом поглядывая по сторонам. Кэроли Д'Бранин вошел за ней следом.

— Привет, — повторил голос. Он доносился из-за сетки коммуникатора, расположенного под темным экраном.

— Говорит Ройд Эрис, хозяин «Летящего сквозь ночь». Я очень рад, Кэроли, что снова вижу тебя, как рад и тому, что могу приветствовать всех остальных.

— Где вы? — спросил кто-то.

— В своей квартире, в помещениях, занимающих половину жилой части корабля, — дружелюбно ответил голос Рой-да Эриса. — Вторая половина состоит из кают-компании, одновременно являющейся библиотекой и кухней, двух санитарных помещений, одной двухместной каюты и одной, довольно небольшой, одноместной. Боюсь, что тем, кто в них не поместится, придется повесить гамаки в грузовых трюмах. «Летящий» был запроектирован как грузовик, а не как пассажирский корабль. Однако я открыл все возможные проходы и соединения, поэтому везде, даже на складах, есть воздух, отопление и вода. Я подумал, что вам будет удобнее, если вы разместитесь подобным образом. Ваше снаряжение и компьютерная система также находятся в грузовом трюме, но

уверяю вас, там еще много места. Предлагаю вам занять свои места, а потом встретиться в кают-компании за обедом.

— Вы присоединитесь к нам? — спросила Агата Марий-Блек, ворчливая женщина с узким лицом и острым подбородком.

— В некотором смысле, — ответил Ройд Эрис. — В некотором смысле.

Во время обеда появился призрак.

После того как гамаки были развешаны, а личные вещи разложены возле мест, на которых люди должны были спать, все отправились в кают-компанию. Это было самое большое помещение в этой части корабля. Одну его часть занимала полностью укомплектованная и снабженная большим количеством продуктов кухня, а в противоположном конце находились несколько удобных кресел, два читника, голониша и стенка, полная книг, лент и мемокристаллов. Центр кают-компании занимал длинный стол с приготовленными для десяти человек местами.

Их уже ждал горячий обед. Ученые сами наполняли свои тарелки и заняли места за столом, смеясь и разговаривая. Они расслабились, чувствуя себя гораздо свободнее по сравнению с тем состоянием, в котором находились только что. Искусственная гравитация была включена, и это в значительной мере поправило всем настроение. Собственная неловкость во время перехода на корабль была быстро забыта.

Наконец все места, кроме стоящего во главе стола кресла, были заняты.

Именно в нем и материализовался призрак.

Разговоры мгновенно прекратились.

— Привет, — сказал призрак, похожий на светящуюся тень худой светлоглазый юноша с белыми волосами. Одет он был в вышедший из моды двадцать лет назад костюм — свободную пастельно-голубую рубашку с широкими, стянутыми в запястьях рукавами и узкие белые брюки, соединенные с ботинками. Они могли видеть сквозь него, зато его глаза не видели совершенно ничего.

— Голограмма, — сказала ксенотех Элис Нортвинд, низкая и полная.

— Ройд, Ройд, я ничего не понимаю, — пожаловался Кэроли Д'Бранин, широко раскрытыми глазами вглядываясь в призрачную фигуру.

Дух слабо улыбнулся и поднял руку.

— Мое жилище находится по ту сторону этой стены, — сказал он. — Однако боюсь, что между половинами этой части

корабля нет никакого соединения, никаких дверей. Большую часть времени я провожу в одиночестве, поскольку ценю уединение. Надеюсь, все вы отнесетесь к этому с пониманием и уважите мою волю. Однако я буду добрым и вежливым хозяином. Здесь, в кают-компании, вас будет сопровождать моя голограмма, в других же местах, если вам что-то понадобится или вы захотите со мной поговорить, просто воспользуйтесь коммуникатором. А теперь возвращайтесь, пожалуйста, к обеду и вашим разговорам. Уже очень давно у меня на борту не было пассажиров.

Они попытались продолжить еду и беседу, однако призрак во главе стола бросал длинную тень, и обед был закончен торопливо и в напряжении.

С тех пор как «Летящий сквозь ночь» перешел на гиперпривод, Ройд Эрис наблюдал за учеными.

Почти все из них в течение нескольких дней привыкли к бесплотному голосу, доносившемуся из коммуникатора, и голографическому призраку во главе стола, однако только Меланта Йхирл и Кэроли Д'Бранин чувствовали себя в его присутствии совершенно свободно. Остальные, напротив, то и дело оглядывались по сторонам: Ройд имел глаза и уши даже в санитарных помещениях.

Он смотрел, как они работают, едят, спят, занимаются любовью; постоянно прислушивался к их разговорам. За неделю он узнал их — всех девятерых — и начал замечать вещи, которые были их маленькими, стыдными тайнами.

Кибернетик Ломми Торн разговаривала со своими компьютерами и, казалось, предпочитала их общество обществу людей. У нее был живой ум, подвижное выразительное лицо и небольшое мальчишеское тело. Большинство членов группы считали ее привлекательной, однако она не любила, когда к ней прикасались. Она занималась сексом только раз — с Мелантой Йхирл. Носила юбки из мягкотканого металла и имела в запястье имплантат, позволявший ей непосредственно связываться с компьютерами.

Ксенобиолог Роян Кристоферис был озлобленным, сварливым мужчиной, циником, с трудом контролирующим свое презрение к коллегам. Напивался в одиночку. Был высоким, сутулым и некрасивым.

Двое лингвистов, Дэннел и Линдрен, были любовниками напоказ: в присутствии других они постоянно держались за руки и прижимались друг к другу. Когда же оставались одни, ссорились почти непрерывно. Линдрен испытывала нездоровое удовольствие, тыкая в наиболее уязвимое место Дэннела, —

насмехалась над его профессиональной компетентностью. Оба они часто занимались сексом, но всегда только друг с другом.

Агата Марий-Блек, псипсих, была ипохондриком, переживающим черную депрессию, которая еще более усилилась в тесных замкнутых помещениях «Летящего сквозь ночь».

Ксенотех Элис Нортвинд постоянно ела и никогда не мылась. Ее квадратные ногти всегда имели ободки грязи, первые две недели путешествия она носила один и тот же комбинезон, снимая его только для занятий сексом, да и то ненадолго.

Телепат Тэйл Лесамер был нервным человеком, у которого постоянно менялось настроение. Он боялся всех вокруг, однако имел склонность к приступам дерзости, во время которых провоцировал своих товарищей обрывками мыслей, уловленных из их разумов.

Ройд Эрис наблюдал за всеми, изучал их, жил с ними рядом и смотрел сквозь них. Он не забывал никого, даже тех, кого считал наиболее отталкивающими, однако не прошло и двух недель движения «Летящего» в мутном потоке гиперпривода, как двое из них привлекли его наибольшее внимание.

— Из всех вопросов, которые можно задать о них, я больше всего хочу знать ПОЧЕМУ? — сказал ему Кэроли Д'Бранин искусственной ночью на вторую неделю после вылета с Авалона.

Светящийся дух Ройда сидел в затемненной кают-компании возле Д'Бранина, наблюдая, как ученый пьет горький шоколад. Остальные члены группы уже спали. На корабле понятия дня и ночи утратили смысл, хотя «Летящий» поддерживал традиционный цикл и большинство пассажиров приспособились к нему. Старый Д'Бранин, администратор, координатор и глава экспедиции, был исключением. Он придерживался собственного расписания, предпочитал работать, а не спать и больше всего любил говорить о своей навязчивой идее — расе волкринов, за которой охотился.

— ЕСЛИ — не менее важно, Кэроли, — сказал Ройд, — Ты уверен, что эти твои чужаки действительно существуют?

— Я уверен, — ответил Д'Бранин.

Он был худощавым, невысоким мужчиной, с пепельно-серыми, всегда старательно уложенными волосами. Его туника отличалась идеальной чистотой, однако широкие жесты во время разговора и взрывы неконтролируемого энтузиазма противоречили его решительному и трезвому внешнему виду.

— Этого хватит, — продолжал он, — Если бы все прочие были так уверены, мы имели бы здесь вместо твоего маленького «Летящего» целый флот исследовательских судов. — Он глотнул

шоколада и довольно вздохнул. — Ройд, ты знаешь что-нибудь о Нор Т'алуш?

Ройд никогда не сталкивался с таким названием, однако получение информации из бортовой библиотеки заняло у него лишь мгновение.

— Раса чужаков, живушая на противоположной — относительно занятой человеком — стороне пространства, за мирами Финдии и Дамуш. Скорее всего — легендарная.

Д'Бранин захохотал.

— Нет, нет, нет! Твоя библиотека устарела, ты должен пополнить ее во время очередного визита на Авалон. Это вовсе не легенды. Они совершенно реальны, хотя и так далеки. У нас мало информации о Нор Т'алуш, но мы уверены, что они существуют, хотя ни ты, ни я, скорее всего, никогда не встретим никого из них. Они явились началом этого мира.

— Расскажи мне об этом, — сказал Ройд. — Мне интересно, чем ты занимаешься.

— Когда-то я кодировал для компьютеров Академии пакет информации, который после двадцати стандартных лет дошел с Дам Туллиан. Часть его составлял фольклор Нор Т'алуш. Я не знал и не знаю, как долго эта информация шла до Дам Туллиан, а также того, как она туда попала, но это не имело значения — так или иначе, фольклор находится вне времени, а это был пленительный материал. Ты знаешь, что я получил за него магистра по ксеномифологии?

— Да? Я не знал. Пожалуйста, продолжай.

— Один из мифов Нор Т'алуш содержал рассказ о волкринах. Он удивил меня — в нем говорилось о разумной расе, отправившейся из какого-то таинственного места в центре галактики, движущейся к ее границам, а затем, предположительно, в межгалактическое пространство, ранее не садившейся на планеты и редко приближавшейся к звездам ближе чем на световой год, — Серые глаза Д'Бранина сверкали, руки разошлись в стороны, словно он хотел обнять всю галактику. — И все это без гиперпривода. Ройд, это просто чудо! Они путешествовали на кораблях, которые двигались медленнее света! Это поразило меня больше всего. Насколько же они должны быть иными, мои волкрины, — мудрыми и терпеливыми, долговечными и дальнозоркими, не имеющими в себе ничего от торопливости и страстей, в которых сгорают низшие расы. Подумай, насколько старыми должны быть эти корабли волкринов!

— Очень старыми, — согласился Ройд, — Кэроли, ты сказал «корабли». Значит, их было больше одного?

— О да, — ответил Д'Бранин. — По данным Нор Т'алуш, они появились на внутренней границе их пространства, сначала один или два корабля, но потом прибыли другие. Их были сотни, и каждый двигался отдельно от других, а все вместе они летели наружу, всегда наружу. Направление их полета было всегда одно и то же. Они летели сквозь звездные системы Нор Т'алуш пятнадцать тысяч стандартных лет, а потом начали покидать их. Легенда говорит, что последний корабль волкринов покинул пределы этих звездных систем три тысячи стандартных лет назад.

— Восемнадцать тысяч лет, — сказал Ройд. — Неужели эти Нор Т'алуш такие старые?

— Не как звездные путешественники, — ответил Д'Бранин, улыбаясь. — Судя по их собственным записям, Нор Т'алуш цивилизованны всего половину этого времени. Когда-то это меня беспокоило, ибо явно превращало историю волкринов в легенду. Прекрасную легенду, это правда, но не больше. Однако я не мог оставить этого так. В свободные минуты я проводил исследования, сравнивая разные мифологии, чтобы проверить, появится ли этот фрагмент у других рас. Я считал, что, возможно, мне удастся сделать на этом докторскую работу, ибо эта линия поисков выглядела многообещающей. Я был удивлен тем, что обнаружил. У хранганийцев и подчиненных им рас не было ничего, но это вполне понятно. Они находятся вне пространства, занимаемого человеком, и волкрины не могли добраться до них, не пройдя перед этим звездных систем, населенных нами. Однако когда я заглянул внутрь, рассказы о волкринах оказались везде, — Д'Бранин наклонился, явно возбужденный, — Ах, эти рассказы, Ройд, эти рассказы!

— Я внимательно слушаю, — сказал Ройд.

— Финдии называют их «ий-вивии», что переводится как «орда из бездны» или «черная орда». Все племена финдии рассказывают одну и ту же историю, и только глупец может в нее не поверить. Рассказывают, что корабли у них огромные, гораздо больше известных в их или нашей истории. Военные корабли, говорят они. Существует история об исчезнувшем племени финдии, триста кораблей которого были уничтожены при встрече с ий-вивии. Разумеется, это случилось много тысяч лет назад, поэтому детали неясны. У дамуш есть другая история, которую они считают истинной, а дамуш, как ты знаешь, старейшая раса из всех, с которыми мы до сих пор сталкивались. Они называют моих волкринов народом из залива. Великолепные истории, Ройд, великолепные! Корабли как большие и темные города, спокойные и тихие, двигающиеся медленнее, чем вселенная вокруг них. Легенды дамуш говорят, что волкрины — это беглецы от какой-то

невообразимой войны, которая велась со времен оных глубоко в ядре галактики. Они покинули планеты и звезды, на которых выросли, чтобы в пространстве между ними найти истинный покой. У гетсоидов есть подобный миф, но в нем говорится, что эта война уничтожила всех живых существ в галактике, а волкрины являются своего рода богами, сеющими жизнь на тех планетах, которые они миновали. Другие расы видят в них тени из ада или посланников Бога, предупреждающих нас, повелевающих бежать от чего-то страшного, что должно вскоре выйти из ядра галактики.

— Рассказы, о которых ты говоришь, Кэроли, противоречат друг другу.

— Да-да, конечно, но все они сходны в основном — волкрины движутся к границам галактики, минуя на своих стародавних, медлительных и несокрушимых кораблях наши недолговечные империи. И это главное. Остальное — не имеющие значения украшения. Скоро мы будем знать, сколько во всем этом правды. Я проверил информацию, которая есть у нас о расах, живущих еще ближе к центру галактики, чем Нор Т'алуш, о цивилизациях и существах, которые сами наполовину легендарны: дан'лаи, улиш, роxенна'кх. И везде, где мог вообще что-то найти, я снова находил истории о вол-кринах.

— Легенда о легенде, — сказал Ройд. Уголки широких губ призрака поднялись в улыбке.

— Верно, — согласился Д'Бранин. — Я обратился к экспертам, специалистам из Института изучения внеземного разума, и два года мы вели исследования. Все было там, в библиотеках, в памяти и матрицах Академии, однако до сих пор никто не потрудился взглянуть на эти материалы и сопоставить их. Волкрины двигались сквозь занимаемое людьми пространство на протяжении почти всей человеческой истории, со времен, предшествовавших космическим полетам. Пока мы учились свертывать структуру пространства, обманывая теорию относительности, они летели на своих больших кораблях через самое сердце нашей так называемой цивилизации, рядом с нашими густонаселенными мирами, летели с досветовой скоростью, направляясь к Границе и темноте между галактиками. Это чудесно, Ройд, чудесно!

— Чудесно! — согласился Ройд.

Кэроли Д'Бранин одним глотком осушил свою чашку и вытянул руку, чтобы схватить за плечо Ройда, но ладонь прошла сквозь световое пятно. На мгновение он смутился, но потом начал смеяться над собой.

— Ах, мои волкрины! Я, кажется, впадаю в чрезмерный

энтузиазм, Ройд. Я уже близок к цели. Десять лет они целиком занимали мои мысли, а теперь через месяц я их встречу, буду наслаждаться их великолепием. А потом… потом, если только мои люди сумеют найти кого-нибудь такого же великого и удивительного, как они, такого отличающегося от нас, я надеюсь, Ройд, надеюсь, что найду ответ, по крайней мере, на вопрос — ПОЧЕМУ!

Дух Ройда улыбнулся ему, глядя перед собой спокойными прозрачными глазами.

Пассажиры корабля, использующего гиперпривод, обычно быстро начинают скучать, тем более на таком небольшом и скромном корабле, как «Летящий сквозь ночь». К концу второй недели полета предположений было уже множество.

— Кто на самом деле этот Ройд Эрис? — спросил однажды ночью Роян Кристоферис, ксенобиолог. Они вчетвером играли в карты, — Почему он к нам не выходит? Какой смысл изолировать себя от всех?

— Спроси у него, — посоветовал Дэниел, лингвист.

— А если это какой-то преступник? — сказал Кристоферис. — Мы же ничего о нем не знаем. Его нанял Д'Бранин, а он, как нам известно, просто старый, дряхлый глупец.

— Твой ход, — сказала Ломми Торн.

Кристоферис с треском бросил карту.

— Блок, — объявил он, — Тебе придется снова тянуть, — Он оскалился, — А возвращаясь к этому Эрису, какие у нас гарантии, что он не планирует нас перебить?

— Конечно, из-за наших огромных состояний, — сказала Линдрен, второй лингвист.

Она положила карту на ту, которой сыграл Кристоферис.

— Бью, — И она мягко улыбнулась.

Наблюдавший за этим Ройд Эрис тоже улыбнулся.

Приятно было смотреть на Меланту Йхирл.

Молодая, здоровая, жизнерадостная, она лучилась энергией, которую напрасно было искать в ком-то из остальных членов группы. Она была большой во всех отношениях — на голову выше всех на борту, крепко сложенная, длинноногая. Под ее черной, как уголь, кожей легко двигались сильные мышцы. Аппетит у нее тоже был огромный. Ела она в два раза больше, чем любой из ее коллег, и много пила, впрочем, никогда не напиваясь. Каждый день она четыре часа занималась гимнастикой на снарядах, которые привезла с собой и смонтировала в одном из грузовых трюмов. Первые две недели путешествия она занималась сексом со всеми четырьмя мужчинами, находящимися на борту, и с

двумя женщинами. Даже в постели она всегда была активна, совершенно изматывая большинство партнеров. Ройд наблюдал за ней с растущим восхищением.

— Я — улучшенная модель, — однажды сказала она ему, интенсивно упражняясь на параллельных брусьях. Ее обнаженная кожа блестела от пота, тесная сетка стягивала длинные черные волосы.

— Улучшенная? — спросил Ройд. Он не мог посылать голограмму в грузовые трюмы, однако Меланта пригласила его поговорить с помощью коммуникатора, не зная, что все равно он был бы рядом с ней.

Она прервала упражнение, силой мышц удерживая тело в стойке на руках.

— Измененная, капитан, — сказала она. Такова была у нее форма обращения к нему — «капитан». — Я родилась на Прометее среди элиты, как ребенок двух генетических чародеев. Я была улучшена, капитан. Мне нужно в два раза больше энергии, чем вам, но я целиком использую ее. У меня более эффективный обмен веществ, сильное и выносливое тело, предполагаемая продолжительность моей жизни в полтора раза больше, чем у среднего человека. Мои земляки совершили несколько страшных ошибок, пытаясь радикально перемоделировать человечество, но небольшие усовершенствования выходили у них совсем неплохо.

Она вновь занялась упражнениями, двигаясь быстро и без видимого усилия. Наконец, сделав в воздухе сальто, спрыгнула на пол и мгновение стояла неподвижно, тяжело дыша, потом сложила руки на груди, подняла голову и улыбнулась.

— Теперь ты знаешь историю моей жизни, капитан, — сказала она, стянула с головы сетку и распустила волосы.

— Наверняка в этой истории есть и многое другое, — произнес голос из коммуникатора.

Она рассмеялась.

— Конечно. Хочешь ли ты услышать о моем бегстве на Авалон, о его причинах и обстоятельствах, о возникших после него осложнениях для моей семьи на Прометее? А может, тебя больше интересуют мои чрезвычайные достижения в области культурной ксенологии? Хочешь послушать?

— Лучше в другой раз, — вежливо ответил Ройд. — Что это за кристалл, который ты носишь?

Обычно он висел между ее грудями, но, раздеваясь для тренировки, она его сняла. Теперь она подняла его и повесила на шею небольшой зеленый камень, тронутый черными жилками, на серебряной цепочке. Коснувшись его, она на мгновение закрыла глаза, а открыв их снова, улыбнулась.

— Он живой, — сказала она. — Ты никогда не видел такого? Это шепчущий камень, капитан. Резонансный кристалл — психически сформированная матрица, содержащая в себе какое-нибудь воспоминание или чувство. Прикосновение к кристаллу на мгновение воскрешает его.

— Сам принцип мне известен, но я еще не сталкивался с его практическим использованием. Значит, в твоем кристалле укрыто какое-то особенно дорогое тебе воспоминание? Может, семейное?

Меланта подняла полотенце и принялась вытирать пот.

— Мой кристалл содержит впечатления от исключительно удачного сексуального сеанса, капитан. Это меня возбуждает. Или, точнее, возбуждало. Со временем шепчущие камни теряют свою силу, и чувства, записанные в моем, уже не так интенсивны, как когда-то. Однако временами — обычно после сексуального контакта или утомительных упражнений — они оживают с новой силой.

— О, — сказал голос Ройда. — Значит, сейчас ты возбуждена? Собираешься с кем-нибудь копулировать?

Меланта улыбнулась.

— Я знаю, какую часть моих воспоминаний ты хотел бы выслушать, капитан. Ту, что касается моей бурной и полной страсти любовной жизни. Этого ты и не услышишь. По крайней мере до тех пор, пока я не узнаю историю твоей жизни. Среди моих скромных достоинств не последнее место занимает неудовлетворенное любопытство. Кто ты такой, капитан? Только честно.

— Несомненно, — ответил Ройд, — такой улучшенный человек, как ты, сможет и сам в этом разобраться.

Меланта рассмеялась и бросила полотенце в сетку коммуникатора.

Ломми Торн большую часть времени проводила в грузовом трюме, предназначенном для компьютеров, монтируя систему, которая должна была служить для анализа данных о волкринах. Очень часто к ней приходила Элис Нортвинд, предлагая свою помощь. Кибернетик имела привычку свистеть во время работы; Нортвинд выполняла ее поручения в мрачном молчании. Время от времени они разговаривали.

— Эрис не человек, — сказала однажды Ломми Торн, глядя за установкой большого монитора.

— Что? — буркнула Нортвинд. Ее плоское неинтересное личико сморщилось — из-за Кристофериса и его теорий она начала очень нервно реагировать на упоминания о Ройде. Поставив на место очередную деталь, Элис повернулась.

— Он разговаривает с нами, но остается невидимым, — сказала кибернетик. — Здесь нет никакого экипажа; все, кроме него, похоже, автоматизировано. Почему бы тогда кораблю не быть автоматизированным до конца? Держу пари, этот Ройд Эрис просто сложная компьютерная система, может даже, настоящий искусственный разум. Даже скромная программа может вести псевдоразговор, который почти невозможно отличить от человеческого. Так что все это может быть обманом.

Ксенотех кашлянула и вернулась к прерванной работе.

— Тогда зачем он изображает человека?

— Потому, — ответила Ломми Торн, — что большинство правовых систем не признает за ИРами никаких гражданских прав. Корабль не может быть хозяином себя самого, даже на Авалоне. «Летящий сквозь ночь», вероятно, боится, что будет схвачен и выключен, — Она свистнула. — Смерть, Элис, это конец ощущения собственного существования, конец сознательных мыслей.

— Я каждый день работаю с машинами, — упрямо сказала Элис Нортвинд, — Включение, выключение — какая разница? Они ничего не имеют против этого. Почему эта машина должна быть недовольна?

Ломми Торн улыбнулась.

— Компьютеры — совсем другое дело, Элис. Разум, мысли, жизнь — большие системы имеют все это. — Ее правая ладонь сомкнулась вокруг левого запястья, большой палец начал бесцельно ощупывать неровности имплантата. — А также чувства. Я это знаю. Никто не хочет вдруг перестать чувствовать. Они не так уж сильно отличаются от тебя и меня.

Ксенотех оглянулась и покачала головой.

— В самом деле? — повторила она бесцветным недоверчивым тоном.

Ройд Эрис смотрел и слушал, но без улыбки.

Тэйл Лесамер был молод и хрупок, нервный, легко возбудимый, с редкими соломенными волосами и глазами, голубыми и водянистыми. Обычно он одевался как павлин, отдавая особое предпочтение кружевным, разрезанным спереди рубашкам без воротничка и облегающим трико с различными добавками — одежде, до сих пор модной среди низших классов его родного мира. Однако в день, когда он навестил Кэроли Д'Бранина в его тесной личной каюте, он был одет в скромный серый комбинезон.

— Я чувствую это, — сказал он, хватая Д'Бранина за руку и впиваясь в нее пальцами. — Что-то не в порядке, Кэроли, точно не

в порядке. Меня охватывает страх.

Ногти телепата царапали кожу, и Д'Бранин резко вырвал РУКУ.

— Больно же, — запротестовал он, — В чем дело, дружище? Ты боишься? Чего, кого? Ничего не понимаю. Чего тут можно бояться?

Лесамер поднес бледные ладони к лицу.

— Не знаю, — плаксиво скривился он, — не знаю. Однако оно здесь, я чувствую. Кэроли, я начинаю что-то принимать. Ты знаешь, я хорошо разбираюсь в своем деле, потому ты меня и выбрал. Перед тем как ухватить тебя ногтями, я чувствовал это. Кстати, я могу сейчас прочитать тебя — выборочно. Ты думаешь, что я слишком легко возбуждаюсь, что на меня воздействует это замкнутое пространство и что нужно меня успокоить, — Молодой человек рассмеялся коротким истерическим смехом, который стих так же внезапно, как и начался. — Видишь? Я хорош — первый класс, подтвержденный тестами, — теперь я говорю тебе, что я боюсь. Я выхватываю это, чувствую. Оно снится мне. Я чувствовал это, еще входя на корабль, и мой страх все усиливается. Это что-то враждебное. И чужое, Кэроли, чужое!

— Волкрины? — спросил Д'Бранин.

— Нет, это невозможно. Мы летим на гиперприводе, а они еще удалены на световые годы, — Он снова захохотал, — Видимо, я все-таки недостаточно разбираюсь в своем деле. Я слышал твой рассказ о крэях, но я всего лишь человек… Нет, это рядом. На корабле.

— Один из нас?

— Возможно, — ответил Лесамер и задумался, потирая щеку. — Я не могу этого локализовать.

Д'Бранин по-отцовски положил руку ему на плечо.

— Тэйл, это твое воображение… Может, потому, что ты просто устал? Мы все здесь живем в постоянном напряжении. Бездействие может угнетать тебя.

— Убери свою руку! — рявкнул Лесамер.

Д'Бранин быстро убрал ладонь.

— Все это правда, — упирался телепат, — и я не хочу, чтобы ты начал думать, что зря меня взял и так далее. Я так же уравновешен, как и все на этом… этом… как смеешь ты думать, что я неуравновешен?! Тебе бы заглянуть внутрь некоторых наших товарищей: Кристофериса с его бутылкой и маленькими грязными фантазиями, Дэннела, почти больного от страха, Ломми с ее машинами. Йхирл груба. Агата даже в мыслях непрерывно оплакивает себя, а Элис — пуста, как корова. Ты их не трогаешь, не смотришь в них, что ты можешь знать об

уравновешенности? Это пропащие люди. Д'Бранин, тебе дали банду пропащих людей, я среди них один из лучших, и не смей думать, что я неуравновешен и болен, слышишь? — Его голубые глаза блестели, как в горячке, — Слышишь?

— Спокойно, — сказал Д'Бранин. — Спокойно, Тэйл, ты слишком возбужден.

Телепат заморгал, и внезапно его возбуждение улеглось.

— Возбужден? — переспросил он, — Да. — Он смущенно огляделся. — Кэроли, я знаю, что это трудно, но поверь мне. Ты просто должен поверить. Я тебя предупреждаю. Мы в опасности.

— Я поверю, но только получив более точную информацию. Ты должен воспользоваться своим талантом, чтобы ее для меня получить. Хорошо? Ты же можешь это сделать?

Лесамер кивнул.

— Хорошо, — сказал он, — хорошо.

Они говорили еще около часа, после чего телепат вышел совершенно успокоенным.

Сразу после этого Д'Бранин пошел к псипсиху, которая лежала в своем гамаке, обставленная лекарствами, и жаловалась на непрекращающиеся боли.

— Интересно, — заметила она, когда Д'Бранин рассказал ей о визите Лесамера. — Я тоже чувствовала, что мне что-то угрожает, правда, это чувство было очень слабым, нечетким. Я думала, что причина во мне самой. Затворничество, скука… Мое настроение порой обращается против меня самой. Он сказал что-нибудь конкретное?

— Нет.

— Я постараюсь пересилить боль и немного походить; загляну в него, загляну в других, посмотрю, что можно выловить. Хотя если опасность действительно есть, он должен был почувствовать первым. У нею первый класс, а у меня только третий.

Д'Бранин кивнул.

— Похоже, он очень чувствителен. Рассказывал мне много вещей о других.

— Это ничего не значит. Иногда если телепат уверяет, что перехватывает все, это значит, что он ничего не перехватывает. Воображает какие-то мысли, чувства, чтобы заменить ими те, которые не хотят к нему приходить. Я буду внимательно следить за ним, Д'Бранин. Иногда талант может сломаться, скользнуть в подобие истерии и начать передавать, вместо того чтобы принимать. Это очень опасно, особенно в замкнутых системах.

— Конечно, конечно, — согласился Д'Бранин.

Сидевший в другой части корабля Ройд Эрис нахмурился.

— Ты обратила внимание на одежду голограммы, которую он нам высылает? — сказал Роян Кристоферис, обращаясь к Элис Нортвинд.

Они были одни в грузовом трюме и лежали на мате, стараясь избегать влажного пятна посередине, Ксенобиолог закурил самокрутку, предложил ее своей партнерше, но Нортвинд отказалась, махнув рукой.

— Вышедшая из моды по меньшей мере уже десять лет назад, а может, и больше. Мой отец носил такие рубашки, когда был мальчиком на Старом Посейдоне.

— У Эриса старомодный вкус, — ответила Элис Нортвинд. — И что с того? Мне все равно, как он одевается. Я, например, люблю свои комбинезоны. Они очень удобны, и мне безразлично, что думают об этом другие.

— Тебе действительно все равно? — сказал Кристоферис, морща свой огромный нос, но она этого не заметила. — Впрочем, дело не в том. А если это вообще не Эрис? Проекция может быть какой угодно, даже составленной из различных элементов. Сомневаюсь, что он на самом деле так выглядит.

— Да? — В ее голосе появился интерес. Она перекатилась и склонилась над ним, прислонившись тяжелой белой грудью к его ребрам.

— А если он болен, деформирован и стыдится показать, как выглядит на самом деле? Может, он чем-то заражен? Медленная зараза может страшно изуродовать организм человека, но проходят десятилетия, прежде чем она его убьет. А ведь есть и другие заразные болезни — мантракс, новая проказа, болезнь Лангамена, много самых разных. Может, одиночество, навязанное себе Ройдом, является просто карантином? Подумай над этим.

Элис Нортвинд нахмурилась.

— Все, что говорят об Эрисе, — сказала она, — бросает меня в дрожь.

Ксенобиолог затянулся самокруткой и рассмеялся.

— В таком случае, добро пожаловать на борт «Летящего сквозь ночь». Все остальные уже там.

На пятую неделю полета Меланта Йхирл довела свою пешку до шестой линии. Ройд понял, что остановить ее невозможно, и сдал партию. Это было восьмое поражение подряд, нанесенное ему Мелантой на протяжении такого же числа дней. Девушка сидела, скрестив ноги, на полу кают-компании. Перед ней лежала доска с расставленными фигурами, за которой темнела плоскость экрана. Рассмеявшись, она сбросила с доски фигуры.

— Не переживай, Ройд, — сказала она, — Я — улучшенная модель. Всегда на три хода впереди противника.

— Нужно было воспользоваться помощью компьютера, — ответил он. — Ты никогда бы не узнала.

Голограмма Ройда вдруг материализовалась перед экраном и улыбнулась ей.

— Я догадалась бы после трех ходов. Можешь попробовать.

Они были последними жертвами шахматной горячки, которая неделю назад охватила «Летящего сквозь ночь». Шахматную доску и фигуры сделал Кристоферис, он же уговаривал других поиграть. Однако всеобщий энтузиазм быстро испарился, когда начал играть Тэйл Лесамер и одного за другим победил всех. Каждый считал, что ему это удалось благодаря чтению мыслей противника, однако, поскольку телепат был в воинственном настроении, никто не решился вслух высказать подобное обвинение. Впрочем, Меланта выиграла у него без труда.

— Не такой уж он хороший игрок, — сказала она потом Ройду, — и если даже пытался прочесть мои мысли, то принял ничего не значащее бормотание. Улучшенные модели знают, как дисциплинировать свои мысли. Так уж получилось, что я могу успешно защищаться.

Позднее Кристоферис и остальные пробовали силы в одной-двух партиях с Мелантой, и все были наголову разбиты. В конце концов Ройд спросил, может ли сыграть и он. Только Меланта и Кэроли были склонны сесть с ним за доску, а поскольку Кэроли вечно забывал, как движутся фигуры, постоянной соперницей Ройда стала Меланта. Обоих, казалось, захватывала игра, хотя Меланта всегда выигрывала.

Теперь она встала и пошла на кухню, пройдя сквозь призрачную фигуру Ройда. Она упорно отказывалась принять общее стремление делать вид, что фигура эта реальна.

— А остальные всегда обходят меня, — заметил Ройд.

Она пожала плечами и достала из холодильника банку пива.

— Капитан, — сказала она, — когда ты наконец сдашься и позволишь мне навестить тебя за этой стеной? Тебе там не одиноко? Нет ли у тебя сексуальной неудовлетворенности? Клаустрофобии?

— Я путешествую на «Летящем сквозь ночь» всю жизнь, — ответил он и выключил голограмму. — Будь у меня склонность к сексуальной неудовлетворенности, клаустрофобии и нелюбви к одиночеству, такое было бы невозможно. Это должно быть для тебя очевидно, раз уж ты улучшенная модель.

Она выдавила в рот немного пива и засмеялась мягко и мелодично.

— Я еще раскушу тебя, капитан, — предупредила она.

— А пока, — ответил он, — расскажи мне еще несколько сказок о своей жизни.

— Вы когда-нибудь слышали о Юпитере? — вызывающе спросила ксенотех. Она была пьяна и раскачивалась в своем гамаке, висящем в грузовом отсеке.

— Это название как-то связано с Землей? — сказала Линдрен, — Кажется, обе планеты находились в одной мифической системе.

— Юпитер, — громко заявила ксенотех, — это газовый гигант из той же солнечной системы, что и Старая Земля. Вы этого не знали, правда?

— У меня есть более важные дела, чем засорять голову всякими мелочами, — ответила Линдрен.

Элис Нортвинд улыбнулась, довольная собой.

— Эй, слушайте, я говорю вам. Когда был открыт гипер-привод, очень давно, как раз собирались исследовать этот Юпитер. Потом, конечно, никто уже не забивал себе голову газовыми гигантами. Достаточно было скользнуть в сверхскорость и найти миры, на которых можно было остановиться, а потом и заселить их, не обращая внимания на кометы, астероиды и газовые гиганты. Просто-напросто в нескольких световых годах есть следующая звезда, а вокруг нее подходящие планеты. Однако были люди, считавшие, что на газовых гигантах может существовать жизнь. Понимаете?

— Я понимаю только, что ты в дымину пьяна, — сказала Линдрен.

Кристоферис, похоже, был чем-то раздражен.

— Если на газовых гигантах действительно существует разумная жизнь, она до сих пор не проявила желания покинуть свой дом, — буркнул он. — Все мыслящие виды, с какими мы до сих пор сталкивались, вышли из миров, подобных Земле, и большинство из них дышит кислородом. Или ты хочешь сказать, что волкрины родом с газового гиганта?

Ксенотех медленно села и таинственно улыбнулась.

— Не волкрины, — ответила она. — Ройд Эрис. Проделайте дыру в стене этой кают-компании и увидите, как из нее начнут вылетать струи метана и аммиака.

Она сделала плавный волнистый жест рукой и расхохоталась.

Компьютерная система была подключена и пущена в ход. Кибернетик Ломми Торн сидела у главной консоли — гладкой черной панели из пластика, на которой в голографическом танце появлялись и исчезали призрачные изображения наборов клавиш,

изменявшиеся даже тогда, когда она ими не пользовалась. Перед ней и вокруг находились кристаллические блоки памяти, ряды экранов и читников с марширующими колонками цифр и вращающимися геометрическими фигурами, а также темные колонны абсолютно гладкого металла, содержащие разум и душу системы. Счастливая, она сидела в полумраке и насвистывала. Ее пальцы вслепую с ошеломляющей быстротой бегали по сверкающим клавишам, проводя компьютер сквозь последовательность простых проверочных программ.

— О, — сказала она, улыбаясь, потом добавила: — Хорошо.

И вот подошло время последней проверки. Ломми Торн подвернула металлическую ткань левого рукава, протянула руку под пульт, нашла разъем и сунула его в отверстие имплантата.

Соединение…

Экстаз…

На экранах завертелись, слились, а потом расплескались в стороны пульсирующие чернильные пятна.

Мгновение спустя все кончилось.

Ломми Торн вынула руку. Улыбка на ее губах была несмелой и удовлетворенной, однако в ней было и кое-что еще: едва заметный след удивления. Она коснулась большим пальцем отверстий на своем запястье и отметила, что их края горячи и вызывают мурашки на коже. Она вздрогнула.

Система действовала великолепно, оборудование было в отличном состоянии, все наборы программ работали согласно плану, соединение прошло без всяких помех. Как всегда, это было очень приятно. Когда она подключилась к системе, то стала мудрой, могучей, полной света и электричества, а также неуловимых флюидов жизни. Холодная и чистая, она не была больше одинокой, не чувствовала себя маленькой и беспомощной. Все было, как всегда, когда она сливалась воедино с системой и разрасталась в ней и сквозь нее.

Однако на этот раз было некоторое отличие. На мгновение она почувствовала прикосновение чего-то холодного. Чего-то очень холодного и вызывающего ужас. Какое-то время и она, и система видели это отчетливо, а потом это что-то исчезло, отступило.

Кибернетик покачала головой, отгоняя абсурдные мысли, и вернулась к работе. Вскоре она уже снова посвистывала.

На шестой неделе полета Элис Нортвинд сильно поранилась, готовя какую-то закуску. Она стояла в кухне, нарезая насыщенное приправами мясо длинным острым ножом, и вдруг вскрикнула.

Дэннел и Линдрен подбежали к ней и увидели, что Элис с ужасом смотрит на лежащую перед ней доску. Нож отсек кончик

указательного пальца ее левой руки точно на уровне первого сустава. Кровь лилась пульсирующей струйкой.

— Корабль дернулся, — сказала она бесцветным голосом, глядя на Дэннела. — Вы почувствовали? Он дернулся, и нож у меня соскользнул.

— Нужно чем-то остановить кровь, — сказала Линдрен.

Дэннел в панике огляделся.

— О, я сама сделаю это, — сказала Линдрен. И сделала.

Псипсих Агата Марий-Блек дала Нортвинд обезболивающее, потом посмотрела на двух лингвистов.

— Вы видели, как это случилось?

— Она сама это сделала, ножом, — ответил Дэннел.

Из коридора, издалека, до них донесся дикий истерический смех.

— Я дала ему супрессант, — доложила Марий-Блек Д'Бранину немного позже в тот же самый день. — Псионин-четыре. Это на несколько дней ослабит его впечатлительность. По-том я могу дать ему еще, если потребуется.

Д'Бранин казался обеспокоенным.

— Мы разговаривали несколько раз, и я заметил, что Тэйл производит впечатление все более испуганного, но никогда не может мне этого ясно объяснить. Это средство было необходимо?

Псипсих пожала плечами.

— Он был уже на грани нерациональных поступков. Если бы он ее перешел, то мог бы, учитывая уровень своего таланта, забрать нас всех с собой. Не следовало нанимать телепата с первым классом, они слишком неуравновешенны.

— Мы должны установить контакт с чужаками, а это вовсе не легко. К тому же волкрины будут более чужими, чем любая другая раса, с которой мы до сих пор сталкивались. Нам нужны способности первого класса, если мы хотим связаться с ними. Ведь они могут нас столькому научить!

— Правильно, — сказала она. — Но, принимая во внимание состояние твоего телепата, мы можем вообще потерять любые способности. Половину времени он проводит в гамаке в позе эмбриона, а оставшуюся половину пыжится или несет вздор и все время едва не умирает от страха. При этом он утверждает, что нам грозит реальная опасность, но не может сказать, откуда она исходит и почему. Хуже всего в этом то, что я не могу с уверенностью определить, действительно ли он что-то чувствует, или это всего лишь приступ паранойи. Он демонстрирует некоторые классические параноидальные симптомы. В числе прочего, он утверждает, что за ним постоянно наблюдают. Может,

его состояние не имеет ничего общего с нами, волкринами и его талантом, но я ни в чем не уверена.

— А что с твоим талантом? — спросил Д'Бранин. — Ведь ты эмпат, правда?

— Не учи меня моей работе, — резко ответила она. — Я спала с ним на прошлой неделе. Невозможно достичь лучших условий для психического изучения. Однако даже в таких обстоятельствах мне не удалось узнать ничего наверняка. Его разум — это хаос, его страх так силен, что им пропитываются простыни. И из остальных наших коллег мне не удалось ничего вытянуть, кроме обычных напряжений и неудовлетворенностей. Но у меня всего лишь третий класс, так что это ничего не доказывает. Мои возможности довольно ограниченны. Кроме того, ты же знаешь, что я плохо себя чувствую. Я едва дышу на этом корабле. Воздух кажется мне густым и тяжелым, у меня постоянно болит голова, и я вынуждена лежать в постели.

— Да, конечно, — поспешно согласился Д'Бранин. — Я и не собирался тебя критиковать. Ты делаешь в таких трудных условиях все, что в твоих силах. Сколько времени продлится возвращение Тэйла к нам?

Псипсих утомленно потерла виски.

— По-моему, нужно держать его в теперешнем состоянии до конца путешествия. Предупреждаю тебя — телепат, впавший в безумие или истерию, становится действительно опасным. Тот случай с Нортвинд и ножом мог быть его делом. Как ты помнишь, вскоре после этого он начал верещать. Возможно, он коснулся ее, только на мгновение… О, я знаю, что это безумная мысль, но такое вполне возможно. Дело в том, что мы не можем позволить себе рисковать. У меня достаточный запас псионина-четыре, чтобы держать его в нужном состоянии до возвращения на Авалон.

— Но… Ройд скоро выключит гиперпривод, и мы будем устанавливать контакт с волкринами. Тэйл со своим разумом и своим талантом будет нам нужен. Неужели так необходимо подавлять его психику? Нет ли другого выхода?

Марий-Блек скривилась.

— Другой вариант — это укол эсперона. Он полностью раскрепостит его и на несколько часов десятикратно усилит его чувствительность. Надеюсь, тогда он сможет локализовать опасность, которую пока только чует. Сможет отбросить ее, если она мнима, или расправиться с ней, если она реальна. Однако псионин-четыре значительно безопаснее. Эсперон — это дьявольское средство с массой побочных эффектов. Он резко усиливает кровяное давление, порой вызывает гипервентиляцию

или апоплексический удар. Известны также случаи остановки сердца. Лесамер недостаточно стабилен эмоционально, чтобы вынести такую огромную мощь. Псионин тоже должен нам кое-что дать. Если признаки паранойи сохранятся, я буду знать, что они не имеют ничего общего с его телепатическими способностями.

— А если нет? — спросил Д'Бранин.

Агата Марий-Блек двусмысленно улыбнулась.

— Если Лесамер успокоится и перестанет болтать об опасности? Это будет значить, что он перестал принимать какие либо сигналы, верно? А это, в свою очередь, будет означать — есть нечто такое, что можно принимать, и, следовательно, он с самого начала был прав.

Вечером за ужином Тэйл Лесамер был тих и, казалось, витал мыслями где-то далеко. Он ел автоматически, а его голубые глаза казались затуманенными. После еды он извинился перед всеми и отправился в постель, сразу провалившись в тяжелый сон.

— Что ты с ним сделала? — обратился Торн к Марий-Блек.

— Заблокировала его любопытный разум.

— Нужно было сделать это еще две недели назад, — сказала Линдрен, — Когда он послушен, его гораздо легче переносить.

Кэроли Д'Бранин почти не притронулся к еде.

Наступила искусственная ночь, и призрак Ройда материализовался рядом с Кэроли Д'Бранином, задумчиво сидящим над своим шоколадом.

— Кэроли, — сказало видение, — возможно ли соединение компьютера, собранного твоей командой, с бортовой системой «Летящего»? Твои рассказы о вол кринах очаровали меня, и я хотел бы иметь возможность изучить их в свободную минуту повнимательнее. Держу пари, что результаты твоих исследований введены в память.

— Конечно, — автоматически ответил Д'Бранин, как будто думая о чем-то совсем другом. — Наша система уже запущена. Соединение ее с «Летящим» не должно представлять трудности. Я скажу Ломми, чтобы завтра она этим занялась.

В кают-компании повисла тяжелая тишина. Д'Бранин прихлебывал шоколад и неподвижно вглядывался в темноту, почти не замечая присутствия Ройда.

— Тебя что-то тревожит, — сказал наконец Ройд.

— Что? Ах да. — Д'Бранин поднял голову. — Прости, дружище. Слишком много на меня свалилось.

— Это связано с Лесамером, правда?

Кэроли Д'Бранин долго смотрел на бледную светящуюся

фигуру, потом сухо кивнул головой.

— Да. Можно спросить, откуда ты это знаешь?

— Я знаю обо всем, что происходит на «Летящем».

— Ты наблюдал за нами, — мрачно сказал Д'Бранин, с явным оттенком обвинения в голосе. — Так вот откуда взялось чувство, о котором говорил Тэйл, впечатление, что за нами наблюдают. Ройд, как ты мог? Шпионить недостойно тебя.

Прозрачные глаза призрака были безжизненны и ничего не выражали.

— Не говори об этом другим, — сказал Ройд. — Кэроли, друг — если мне можно так тебя называть, — у меня есть причины, чтобы следить за вами, причины, познание которых ничего тебе не даст. Поверь, я не собираюсь вредить вам. Ты нанял меня, чтобы я довез вас до волкринов и обратно, и именно это я собираюсь сделать.

— Ты уходишь от ответа, Ройд. Почему ты следил за нами? Ты наблюдал за всем? Тебе приятно подгладывать? А может, ты наш враг и потому никогда лично не выходишь к нам? Подглядывание — это все, что ты собираешься делать?

— Твои подозрения ранят меня, Кэроли.

— А меня ранит твоя неискренность. Как ты ответишь мне?

— У меня везде есть глаза и уши, — сказал Ройд. — На «Летящем» нет места, где можно было бы от меня укрыться. А вижу ли я все? Нет, я смотрю не всегда. Я всего лишь человек, независимо от того, что думают обо мне твои коллеги. Мне нужен сон. Мониторы остаются включенными, но нет никого, кто бы на них смотрел. Я могу сосредоточиться только на одном-двух изображениях или разговорах одновременно. Я наблюдаю за всем, Кэроли, но не вижу всего.

— А зачем? — Д'Бранин налил себе новую чашку шоколада, с трудом сдерживая дрожь в руках.

— Я не обязан отвечать на этот вопрос. «Летящий сквозь ночь» — мой корабль.

Д'Бранин отпил шоколада, заморгал и кивнул.

— Ты меня огорчаешь, дружище. Не даешь мне выбора. Тэйл сказал, что за нами наблюдают, и, как я теперь вижу, был прав. Кроме того, он говорит, что мы в опасности, что здесь есть что-то чужое. Это ты?

Голограмма осталась тихой и неподвижной.

— Ты молчишь… Ох, Ройд, что мне делать? Я должен верить ему. Мы в опасности, и, может быть, именно ты угрожаешь нам, поэтому я должен отказаться от полета. Возвращайся на Авалон, Ройд. Таково мое решение.

Дух бледно улыбнулся.

— Так близко от цели, Кэроли? Мы вскоре выключим гиперпривод.

Из горла Д'Бранина вырвался тихий, печальный стон.

— Мои волкрины, — всхлипнул он. — Так близко… Как мне жаль, что я должен их покинуть… Но я не могу поступить иначе, не могу.

— Можешь, — сказал голос Ройда Эриса. — Верь мне, это все, о чем я прошу. Поверь, что я не таю ничего против вас. Тэйл Лесамер может говорить об опасности, но до сих пор ни с кем не случалось ничего плохого, правда?

— Да, — признал Д'Бранин. — Да, если не считать Элис, которая поранилась сегодня.

— Что? — Ройд забеспокоился, — Поранилась? Я этого не видел. Когда это случилось?

— О, довольно рано. Кажется, перед тем, как Тэйл начал кричать.

— Понимаю, — задумчиво произнес Ройд, потом добавил: — Я смотрел, как тренируется Меланта. Расскажи, как это случилось?

Д'Бранин рассказал.

— Послушай, Кэроли, поверь мне, и я дам тебе твоих волкринов. Успокой своих людей, убеди их, что я не представляю для вас опасности. И постарайся, чтобы Лесамер и дальше оставался спокойным, понимаешь? Это очень важно. Все дело именно в нем.

— Агата советует почти то же самое.

— Знаю, — сказал Ройд, — и полностью с ней согласен. Ты сделаешь, как я тебя прошу?

— Сам не знаю, — ответил Д'Бранин. — Ты не облегчаешь мою жизнь. Не пойму, что тут не в порядке, дружище. Может, скажешь мне больше?

Ройд Эрис не ответил. Его дух ждал.

— Ну, хорошо, — вздохнул наконец Кэроли. — Ты не хочешь говорить и все затрудняешь. Когда это будет, Ройд? Когда мы увидим моих волкринов?

— Скоро, — ответил Ройд, — Я выключу гиперпривод примерно через семьдесят часов.

— Семьдесят часов… это немного. Поворот назад уже ничего нам не даст. — Он облизал губы, поднял чашку и заметил, что она пуста. — Хорошо, летим дальше. Я сделаю, как ты просишь. Поверю тебе, прикажу давать Лесамеру наркотик и не скажу остальным, что ты за ними следишь. Этого хватит? Дай мне волкринов, я так долго ждал их!

— Знаю, — сказал Ройд. — Знаю.

Дух исчез, и Кэроли Д'Бранин остался один в темной кают-

компании. Он попытался долить себе шоколада, но руки его так дрожали, что он облил пальцы и уронил чашку, ругаясь, удивляясь и страдая.

Следующий день был днем нарастающего напряжения и тысячи мелких раздражений. Линдрен и Дэннел устроили «личную» ссору, которую можно было слышать в половине корабля. Тройная стратегическая игра в кают-компании закончилась катастрофой после того, как Кристоферис обвинил Меланту Йхирл в обмане. Ломми Торн жаловалась на необычайные трудности во время попыток соединения своей системы с бортовыми компьютерами. Элис Нортвинд полдня сидела неподвижно в кают-компании, с угрюмой ненавистью разглядывая свой забинтованный палец. Агата Марий-Блек бродила по коридорам, жалуясь, что на корабле слишком жарко, что у нее болят суставы, что ей трудно дышать, что на корабле слишком холодно. Даже Кэроли Д'Бранин был угрюм и раздражен.

Только телепат производил впечатление довольного всем человека. По уши накачанный психонином-4, он был вялым и сонным, но, по крайней мере, не прятался по укромным уголкам.

Ройд Эрис не давал знать о себе ни голосом, ни голографической проекцией.

Не появился он и на обеде. Ученые были беспокойны, каждую секунду ожидая, что он материализуется на своем обычном месте и включится в разговор. Когда на стол подали чашки с шоколадом, чаем и кофе, они поняли, что ждут напрасно.

— Кажется, наш капитан очень занят, — заметила Меланта Йхирл, откидываясь вместе со стулом назад и вертя в руках бокал с бренди.

— Скоро будет выключен гиперпривод, — сказал Д'Бранин. — Наверняка в связи с этим у Ройда есть важные дела.

В душе он был раздражен отсутствием Ройда и гадал, следит ли он за ними.

Роян Кристоферис откашлялся.

— Поскольку все мы здесь, а его нет, возможно, самое время обсудить кое-какие вопросы. Меня мало волнует, что его не было на обеде, ведь он не ест. Это просто паршивая голограмма. Но почему все-таки он отсутствует? Возможно, это вполне естественно, но нам следует задуматься. Кэроли, У многих из нас возникают странные предчувствия, связанные с Ройдом Эрисом. Что ты вообще знаешь об этом таинственном человеке?

— Что я знаю, дружите? — Д'Бранин наполнил чашку густым горячим шоколадом и начал медленно пить, стараясь выиграть

немного времени на обдумывание. — А что тут вообще можно знать?

— Ты наверняка заметил, — сухо сказала Линдрен, — что он никогда не присоединяется к нам в своем естественном обличье. Прежде чем ты нанял этот корабль, кто-нибудь говорил тебе о такой его привычке?

— Я тоже хотел бы получить ответ на этот вопрос, — сказал Дэннел, второй лингвист. — Авалон — оживленный порт, и через него проходит масса кораблей. Почему ты выбрал именно этот? Что тебе о нем говорили?

— Что мне о нем говорили? Признаться, немного. Я разговаривал с несколькими портовыми чиновниками и представителями чартерных компаний, но никто не сообщил о Ройде ничего конкретного. До сих пор он не использовал Авалон как порт приписки.

— Это довольно удобно, — сказала Линдрен.

— Это достаточно подозрительно, — добавил Дэннел.

— Откуда же он родом? — спросила Линдрен. — Дэннел и я слушали его очень внимательно. Он говорит хорошо, без заметного акцента и идиоматических выражений, которые могли бы выдать его происхождение.

— Порой его речь звучит несколько архаично, — вставил Дэннел, — и время от времени обороты, используемые им, вызывают у меня смутные ассоциации. Однако каждый раз другие. Вероятно, он много путешествовал.

— Блестящее наблюдение, — сказала Линдрен, похлопав его по руке. — Торговцам приходится путешествовать, дорогой. Для того они и обзаводятся кораблями.

Дэннел косо посмотрел на нее, но она продолжала:

— А если серьезно, ты что-нибудь о нем знаешь? Откуда взялся этот корабль?

— Понятия не имею, — признался Д'Бранин. — Мне никогда не приходило в голову спрашивать его.

Члены группы недоверчиво переглянулись.

— Тебе не приходило в голову спросить? — сказал Кристоферис. — Как же получилось, что ты выбрал именно этот корабль?

— Просто он был доступен. Административный совет утвердил проект и выделил мне персонал, однако ни один принадлежащий Академии корабль не был свободен. Были также бюджетные ограничения.

Агата Марий-Блек кисло рассмеялась.

— Тем из нас, кто еще сам не додумался: Д'Бранин просто хочет сказать, что Академия была восхищена его исследованиями

в области ксеномифологии и обнаружением мифа о волкринах, но с гораздо меньшим энтузиазмом приняла план обнаружения их самих. Ему выделили немного средств, чтобы он был доволен и работал дальше, одновременно предполагая, что его экспедиция будет совершенно бесплодной. И людей ему дали таких, о которых никто на Авалоне не вспомнит, — Она посмотрела по сторонам. — Взгляните на себя. Никто из вас не работал с Д'Бранином на ранних стадиях исследований, но все мы были свободны, когда подбирали персонал для этого полета. К тому же никто из нас не является высококлассным ученым.

— Говори о себе, — сказала Меланта Йхирл, — Я вызвалась добровольно.

— Не буду спорить. Суть в том, что выбор «Летящего сквозь ночь» не такая уж загадка. Ты просто нанял самый дешевый корабль, который смог найти. Верно, Д'Бранин?

— Некоторые из свободных кораблей сразу отклонили мое предложение, даже не обдумав его, — сказан Д'Бранин. — Признаться, выглядело это несколько странно. Впрочем, многие капитаны испытывают почти суеверный страх перед выключением гиперпривода в межзвездном пространстве, не имея рядом ни одной планеты. Из тех, что принимали мое предложение, Ройд Эрис согласился на минимальную цену, а кроме того, мог отправиться немедленно.

— А нам просто необходимо было вылететь как можно скорее, — сказала Линдрен. — Иначе волкрины могли бы удрать. Ведь они летят через этот район галактики всего лишь десять тысяч лет.

Кое-кто засмеялся. Д'Бранин был явно смущен.

— Друзья, конечно, я мог отсрочить вылет. Признаться, я хотел поскорее встретиться с моими волкринами, увидеть их огромные корабли и задать им все те вопросы, которые так мучили меня, раскрыть их намерения и мотивы. Однако нужно признать, что опоздание не грозило нашей миссии. Хотя зачем ее откладывать? Ройд был бы для нас хорошим хозяином, он пилот высокого класса.

— Ты с ним встречался? — спросила Элис Нортвинд. — Ты видел его, когда обсуждал условия?

— Мы разговаривали много раз, но я был на Авалоне, а Ройд в корабле на орбите. Я видел только его лицо на экране.

— Это могло быть что угодно — проекция, компьютерная симуляция, — сказала Ломми Торн, — Я могу приказать компьютеру изобразить на твоем экране любое лицо, Кэроли.

— Никто и никогда не видел этого Ройда Эриса, — констатировал Кристоферис. — С самого начала он сделал из

себя загадку.

— Наш хозяин хочет, чтобы его покой и одиночество не нарушались, — сказал Д'Бранин.

— Отговорки, — вставила Линдрен. — Что он скрывает?

Меланта расхохоталась, а когда глаза всех обратились к ней, покачала головой, все еще улыбаясь.

— Капитан Ройд идеален, странный человек для странного путешествия. Неужели никого из вас не привлекают тайны? Мы летим в такую даль, чтобы перехватить гипотетический корабль в самом сердце галактики, движущийся к ее границе дольше, чем человечество ведет войны, а вы все выходите из себя, поскольку не можете пересчитать прыщи на носу у капитана, — Она наклонилась над столом, чтобы вновь наполнить свой бокал, а потом небрежно добавила: — Моя мать была права: нормальные люди — ненормальны.

— Может, нам следует послушать Меланту? — задумчиво сказала Ломми Торн. — Фобии и неврозы Ройда — это его личная проблема, пока он не начнет их нам навязывать.

— Эта ситуация плохо действует на меня, — пожаловался Дэннел.

— Из того, что нам известно, — сказала Элис Нортвинд, — можно предположить, что мы летим с чужаком или преступником.

— Юпитер, — буркнул кто-то. Ксенотех покраснела до самых ушей, а вокруг стола послышались сдавленные смешки.

Тэйл Лесамер украдкой взглянул поверх своей тарелки и захохотал.

— С чужаком, — сказал он. Его голубые глаза метались во все стороны, как бы в поисках угла, куда бы он мог скрыться. Они были блестящими и дикими.

Марий-Блек выругалась.

— Кончается действие наркотика, — поспешно сказала она д'Бранину, — Мне нужно сходить за новой дозой.

— Какого наркотика? — потребовала объяснений Ломми Торн. Д'Бранин старательно избегал говорить слишком много о бредовых видениях Лесамера, боясь роста напряженности на борту, — Что здесь происходит?

— Опасность, — сказал Лесамер. — Он повернулся к сидящей рядом с ним Ломми и крепко схватил ее за руку, вонзив длинные накрашенные ногти в серебристый металл блузки, — Мы в опасности, говорю тебе, я отчетливо это чувствую. Это что-то чуждое, и оно хочет нашей гибели. Кровь, я вижу кровь… — Он рассмеялся. — Ты чувствуешь ее вкус, Агата? Я почти чувствую его. И это что-то тоже может чувствовать.

Марий-Блек встала.

— Он не в себе, — заявила она. — Я подавляла его псионином, стараясь избавить от видений. Пойду принесу еще дозу.

И она направилась к двери.

— Ты его подавляла? — с ужасом спросил Кристоферис. — Он нас о чем-то предупреждал, ты разве не слышала? Я хочу знать, что это такое.

— Не псионин, — посоветовала Меланта Йхирл. — Попробуй эсперон.

— Не учи меня моей работе, женщина!

— Прости. — Меланта скромно пожала плечами, — Но мне кажется, я вижу чуть дальше, чем ты. Эсперон может помочь ему избавиться от этих видений, верно?

— Да, но…

— Он может помочь ему сосредоточиться на опасности, которую он якобы чувствует, так?

— Я хорошо знаю характеристику эсперона, — осторожно сказала псипсих.

Меланта улыбнулась поверх бокала с бренди.

— Не сомневаюсь, и все же послушай. Похоже, всех вас здорово беспокоит Ройд. Вы не можете вынести того, что не знаете, какую тайну он скрывает. Роян неделями придумывает теории и уже готов поверить в любую из них. Элис так взволнована, что отрезала себе палец. Все мы постоянно ссоримся. Такой настрой не поможет нам в общей работе. Нужно с этим кончать, и это довольно легко. — Она указала на Леса-мера. — Вот сидит телепат первого класса. Усилим его мощь эспероном, и он опишет нам биографию капитана с такой точностью, что нам надоест его слушать. А при случае справится и со своими собственными демонами.

— Он на нас смотрит, — тихо сказал телепат.

— Нет, — сказал Кэроли Д'Бранин. — Тэйла нужно постоянно подавлять.

— Кэроли, — заметил Кристофсрис, — это зашло уже слишком далеко. Некоторые из нас на грани нервного срыва, а этот парень в ужасе. По-моему, нужно прояснить ситуацию и покончить с тайной Ройда Эриса. На этот раз Меланта права.

— Мы не имеем права, — защищался Д'Бранин.

— Но это нам необходимо, — сказала Ломми Торн. — Я согласна с Мелантой.

— Да, — подтвердила Элис Нортвинд. Двое лингвистов кивнули головами.

Д'Бранин с грустью вспомнил об обещании, данном Ройду.

Однако выбора у него не было. Глаза его встретили взгляд псипсиха.

— Сделайте это, — вздохнул он. — Дайте ему эсперон.

— Он хочет меня убить! — крикнул Тэйл Лесамер. Он вскочил на ноги, а когда Ломми Торн положила ладонь ему на плечо, пытаясь успокоить, схватил чашку с кофе и швырнул ей в лицо. Потребовалось три человека, чтобы его удержать.

— Скорее, — рявкнул Кристоферис. И Марий-Блек вышла из кают-компании.

Когда она вернулась, остальные подняли Лесамера на стол и заставили его лечь, откинув длинные светлые волосы и открыв артерию на шее.

Марий-Блек подошла к нему сбоку.

— Перестаньте, — сказал Ройд. — Это ни к чему.

Дух появился, мерцая, в пустом кресле во главе стола. Псипсих, вставлявшая ампулу эсперона в зарядник шприца, замерла, а Элис Нортвинд вытаращила глаза и выпустила одну из рук Лесамера. Телепат не вырывался. Он лежал на столе, тяжело дыша и вглядываясь стеклянными глазами в голограмму Ройда, как будто парализованный его внезапной материализацией.

Меланта Йхирл подняла бокал с бренди.

— Фи, — сказала она. — Ты опоздал на обед, капитан.

— Ройд, — сказал Кэроли Д'Бранин, — мне очень жаль.

Дух невидящим взглядом смотрел на противоположную стену.

— Отпустите его, — потребовал голос из коммуникаторов, — Я выдам свои великие тайны, если их существование так вас беспокоит.

— Он действительно следил за нами, — сказал Дэннел.

— Мы слушаем, — В голосе Нортвинд звучало подозрение. — Кто ты?

— Мне понравилась твоя идея насчет газовых гигантов, — сказал Ройд. — К сожалению, действительность менее драматична. Я обычный гомо сапиенс средних лет. Шестьдесят восемь стандартных, если быть точным. Голограмма, которую вы видите, является настоящим Ройдом Эрисом, по крайней мере таким, каким он был несколько лет назад. Теперь я старше, но пользуюсь старым компьютерным изображением, чтобы показываться гостям.

— Да? — Лицо Ломми Торн покраснело в местах, обожженных кофе, — А зачем эта таинственность?

— Я начну рассказ со своей матери, — ответил Ройд. — «Летящий сквозь ночь» был когда-то ее кораблем, построенным на

заказ по ее проекту на одной из верфей Ньюхолма. Моя мать была свободным торговцем, довольно удачливым. Она родилась в трущобах мира с названием Весс, который находится очень далеко отсюда, хотя, возможно, некоторые из вас о нем слышали. Ступень за ступенью она поднималась вверх, пока не приобрела собственный корабль. Вскоре у нее уже было состояние, полученное за то, что она всегда была готова принимать необычные грузы, летать вдали от главных торговых путей и забирать посылки, адресованные на световые годы дальше областей, куда их обычно возили. Такого типа занятия более рискованны, чем полеты по почтовым трассам, но и лучше оплачиваются. Мою мать не заботило то, как часто она и ее экипаж появлялись дома. Ее домом были корабли. Она забыла о Вессе сразу после отлета и редко посещала один и тот же мир дважды, если этого можно было избежать.

— Авантюристическая натура, — сказала Меланта Йхирл.

— Нет, социопатическая. Видишь ли, моя мать не любила людей. Совершенно. Экипаж не дарил ее симпатией, и она отвечала им взаимностью. Ее мечтой было полное освобождение от необходимости иметь на борту людей, и, став достаточно богатой, она это сделала. Результатом явился «Летящий сквозь ночь». Войдя в Ньюхолме на его борт, она никогда больше не коснулась человека и не поставила ногу на поверхность планеты. Все свои дела она совершала с помощью визиофонов или лазерных коммуникаторов из помещений, которые теперь принадлежат мне. Вы могли бы назвать ее безумной и были бы правы. — Дух бледно улыбнулся. — Однако она вела интересную жизнь даже после добровольной изоляции. Кэроли, какие миры она видела! Она могла бы рассказать тебе о вещах, от которых твое сердце разорвалось бы. Однако ты не услышишь этих рассказов — она уничтожила большинство своих записей из страха, что другие люди после ее смерти воспользуются ее опытом. Вот такая она была.

— А ты? — спросила Элис Нортвинд.

— Ей пришлось коснуться по крайней мере одного «другого» человека, — улыбаясь, добавила Линдрен.

— Вообще-то, я не должен называть ее своей матерью, — сказал Ройд. — Я ее клон противоположного пола. После тридцати лет одиночных путешествий на корабле она почувствовала скуку. Я должен был стать ее товарищем и любовником. Она могла сформировать меня так, чтобы я стал идеальным разнообразием в ее жизни. Однако у нее не было терпения и желания лично меня воспитывать. Закончив клонирование, она поместила меня в инкубатор и подключила к

компьютеру. Он и был моим учителем: до рождения и после. Собственно, рождения не было. Я оставался в инкубаторе еще долго после того времени, когда рождается обычный ребенок. Я рос и учился, остановленный во времени, слепой и полный снов, кормимый искусственными пуповинами. Меня должны были выпустить, когда я достигну периода созревания, поскольку она решила, что тогда я буду подходящим для нее спутником.

— Ужасно, — сказал Кэроли Д'Бранин. — Ройд, дружище, я ничего об этом не знал.

— Мне очень жаль, капитан, — сказала Меланта Йхирл. — У вас украли детство.

— Я никогда не тосковал о нем. Да и о матери тоже. Видите ли, все ее планы пошли прахом. Она умерла через несколько месяцев после клонирования, когда я был еще плодом в инкубаторе. Однако она предвидела такую возможность и соответственно запрограммировала корабль. Компьютер выключил гиперпривод, корабль был закрыт и погашен. Одиннадцать стандартных лет он дрейфовал в межзвездном пространстве, и все это время компьютер делал из меня… — Он замолчал, улыбаясь. — Я хотел сказать, «компьютер делал из меня человека». Что ж, пусть будет так: компьютер делал из меня существо, каким я стал сейчас. Таким образом, я стал хозяином «Летящего сквозь ночь». А когда наконец родился, то провел несколько месяцев, учась управлять кораблем и знакомясь со своим происхождением.

— Восхитительно, — сказал Кэроли Д'Бранин.

— Да, — согласилась Линдрен, — но это не объясняет, почему ты отделился от нас.

— Именно объясняет, — сказала Меланта Йхирл, — Капитан, может, ты объяснишь это подоходчивее для менее улучшенных моделей?

— Моя мать ненавидела планеты. Ненавидела смрад, грязь и бактерии, изменчивость погоды и других людей. Она создала для себя идеальную среду, настолько стерильную, насколько это было возможно. Не любила она и гравитации. За годы, проведенные на старых кораблях, которые не могли позволить себе гравитационные сетки, она привыкла к невесомости и не хотела отвыкать от нее. В таких условиях я родился и вырос. Мое тело не имеет иммунологической системы, не обладает естественной сопротивляемостью. Контакт с любым из вас, вероятно, убил бы меня и уж точно вызвал бы тяжелую болезнь. Мои мышцы очень слабы, в некотором смысле они уже атрофировались. Гравитация на «Летящем» создается сейчас для вашего удобства, а не моего. Для меня это агония. В эту минуту мое настоящее тело помещено

в висящем в воздухе кресле. И все-таки я страдаю, а мои внутренние органы могут быть повреждены. Это одна из причин, по которым я так редко беру пассажиров.

— Ты разделяешь мнение своей матери об остальных людях? — спросила Марий-Блек.

— Нет, совсем нет. Я люблю людей и примирился с тем, чем являюсь, но ведь это был не мой выбор. Нормальная человеческая жизнь доступна мне только с помощью заменителей. Я с жадностью поглощаю книги, ленты, голографические зрелища, беллетристику, драмы и всякого рода документы. Экспериментировал я и с наркотиками. А иногда, осмелев, беру пассажиров. В таких случаях я купаюсь в их жизни столько, сколько смогу.

— Ты мог бы делать больше рейсов с пассажирами, если бы все время поддерживал на корабле невесомость, — предположила Ломми Торн.

— Верно, — мягко ответил Ройд. — Однако я заметил, что большинство рожденных на планетах чувствуют себя одинаково плохо и в невесомости, и при нормальной тяжести. Хозяин корабля, не имеющего искусственной гравитации или сознательно ее не включающий, не может рассчитывать на популярность среди пассажиров. Те немногие, что попадаются, большую часть полета обычно болеют или одурманивают себя наркотиками. Да, я знаю, что мог бы тоже встречаться с пассажирами, если бы все время оставался в своем кресле и носил скафандр. И я уже делал так, отметив, что это скорее затрудняло, чем облегчало контакты с ними. Я сразу становился игрой природы, искалеченным существом, которому требуется особое внимание и от которого лучше держаться подальше. Все это не очень-то помогло моим целям. Поэтому я предпочитаю полную изоляцию. И так часто, как только могу, наблюдаю за чужаками, которых забираю пассажирами.

— Чужаками? — В голосе Элис Нортвинд прозвучало удивление.

— Вы все для меня чужаки, — мягко ответил Ройд.

В кают-компании «Летящего сквозь ночь» воцарилась тишина.

— Очень жаль, дружище, что мы довели до этого, — сказал Кэроли Д'Бранин. — Мы не должны были вмешиваться в твои личные дела.

— Жаль, — буркнула Агата Марий-Блек. Нахмурившись, она вставила ампулу с эпероном в зарядник шприца. — Все это звучит очень гладко, но правда ли это? У нас по-прежнему нет доказательств, а только очередная сказочка. С тем же успехом он мог сказать нам, что является существом с Юпитера,

компьютером или смертельно больным военным преступником. Нет никакой возможности проверить его рассказ. Хотя нет, один есть. — Она сделала два быстрых шага к лежащему на столе Лесамеру. — Ему по-прежнему требуется лечение, а нам нужно подтверждение истинности этой истории. Я не вижу смысла отступать сейчас, когда мы зашли уже так далеко. Зачем жить в постоянном беспокойстве и неуверенности, если мы можем сразу и навсегда с этим покончить? — Она повернула безвольную голову телепата набок, нашла на шее артерию и прижала к ней шприц.

— Агата, — сказал Кэроли Д'Бранин, — тебе не кажется… может, это не нужно теперь, когда Ройд…

— Нет, — сказал Ройд. — Не делай этого. Я приказываю. Это мой корабль. Прекрати или…

— Или что? — Шприц громко зашипел, и на шее телепата появилось красное пятно.

Лесамер, опираясь локтями, занял полусидячее положение. Марий-Блек придвинулась к нему.

— Тэйл, — сказала она своим самым профессиональным голосом, — сосредоточься на Ройде. Ты можешь это сделать, все мы знаем, что ты прекрасный специалист. Еще минута, и эсперон откроет для тебя все.

Голубые глаза телепата затуманились.

— Слишком далеко, — пробормотал он. — Первый… у меня первый класс… проверенный… Да, я прекрасный профессионал, но мне нужно быть близко, — Он задрожал.

Псипсих обняла его, погладила, прижала к себе.

— Эсперон даст тебе все, Тэйл, — сказала она. — Чувствуй это, чувствуй, как растет твоя сила. Чувствуешь? Все становится чистым и светлым, правда? — Голос ее успокаивающе гудел. — Ты можешь услышать мои мысли, конечно можешь, но не обращай на них внимания. И мысли других тоже, но прогони их, весь этот шум: мысли, желания, страх. Гони это все, Тэйл. Вспомни об опасности. Помнишь? Найди ее, Тэйл, иди и найди опасность. Загляни за эту стену и скажи нам, что за ней. Скажи нам о Ройде. Правду ли он говорил? Скажи нам. Ты болен, все мы это знаем, и ты должен нам сказать. — Фразы текли с ее губ, как песня.

Он оттолкнул ее руку и сел.

— Я чувствую это, — сказал он. Глаза его вдруг стали чистыми. — Что-то… как болит голова… Я боюсь!

— Не бойся, — продолжала Марий-Блек. — Эсперон не сделает ничего плохого с твоей головой, просто усилит твои способности. Мы все здесь, с тобой. Тебе нечего бояться. — Она

погладила его лоб. — Скажи нам, что ты видишь.

Тэйл Лесамер взглянул на призрак Ройда Эриса глазами испуганного маленького мальчика, язык его быстро облизнул нижнюю губу.

— Он…

И в ту же секунду его череп взорвался.

Голова телепата разлетелась на части, обрызгав всех мозговым веществом, кровью, осколками костей и кусочками кожи. Еще довольно долго его тело конвульсивно дергалось на столе, кровь пурпурным потоком текла из шейных артерий, руки изгибались в страшном ганце. Голова Лесамера попросту перестала существовать, но тело не успокаивалось. Агата Марий-Блек, находившаяся ближе всех к нему, выронила шприц и замерла с открытым ртом. Она была мокрой от крови, покрыта разбрызганным мозгом и клочками кожи. Длинный осколок кости воткнулся ей в щеку под правым глазом, и ее собственная кровь смешалась с кровью Лесамера. Она этого не замечала.

Роян Кристоферис откинулся на спинку кресла, потом неловко встал и прижался к стене. Дэннел кричал и кричал, пока Линдрен изо всех сил не ударила его по измазанному кровью лицу и велела заткнуться. Элис Нортвинд упала на колени и принялась бормотать молитву на каком-то странном языке. Кэроли Д'Бранин сидел неподвижно, держа в руке забытую чашку с шоколадом.

— Сделайте что-нибудь, — простонала Ломми Торн. — Да сделайте же что-нибудь…

Одна из рук Лесамера дернулась и коснулась ее. Ломми отскочила с пронзительным криком. Меланта Йхирл отодвинула бокал с бренди.

— Успокойся, — твердо сказала она. — Он мертв и ничего тебе не сделает.

Все, кроме Кэроли Д'Бранина и Марий-Блек, которые, казалось, окаменели, посмотрели на нее. Меланта вдруг поняла, что голограмма Ройда в какой-то момент исчезла. Она принялась распоряжаться.

— Дэннел, Линдрен, Роян, найдите простыню или что-то, во что можно завернуть тело, и уберите его отсюда. Элис, вы с Ломми принесите воду и губки. Здесь нужно убрать.

Когда все зашевелились, чтобы выполнить порученное, Меланта села рядом с Д'Бранином.

— Кэроли, — сказала она, мягко кладя руку на его плечо. — С тобой все в порядке, Кэроли?

Он поднял голову и взглянул на нее.

— Я… да, да, со мной ничего не случилось… Меланта, я

говорил ей, чтобы она этого не делала. Я говорил ей!

— Да, говорил, — ответила она, утешительно хлопнув его по плечу, обогнула стол и подошла к Агате Марий-Блек.

— Агата, — окликнула она.

Псипсих не ответила даже тогда, когда Меланта схватила ее за плечи и сильно встряхнула. Глаза ее словно остекленели.

— Она в шоке.

Меланта скривилась, увидев осколок кости, торчащий из щеки Агаты. Вытерев ей лицо салфеткой, она осторожно вытащила его.

— Что делать с телом? — спросила Линдрен.

Они завернули его в найденную где-то простыню. Труп уже не дергался, хотя кровь еще сочилась, пятная красным белое полотно.

— Положим в пустой грузовой трюм, — предложил Кристоферис.

— Нет, — ответила Меланта, — это негигиенично. В трюме тело сгниет. — Она на мгновение задумалась. — Наденьте комбинезоны и отнесите его в двигательный отсек. Пронесите через шлюз, а там как-нибудь привяжите. Если будет нужно, порвите простыню. В той части корабля — вакуум, и там ему будет лучше всего.

Кристоферис кивнул, и все трое ушли, неся свой страшный груз. Меланта повернулась к Агате Марий-Блек, но только на секунду. Ломми Торн, вытиравшую тряпкой кровь со стола, вдруг начало рвать. Меланта выругалась.

— Кто-нибудь, помогите ей! — крикнула она.

Кэроли Д'Бранин наконец зашевелился. Он встал и вынул из рук Ломми пропитанную кровью тряпку, потом проводил ее в свою каюту.

— Я не могу делать это одна, — плаксиво сказала Элис Нортвинд, с отвращением отворачиваясь от стола.

— В таком случае помоги мне, — сказала Меланта.

Вместе они вывели, или, точнее, вынесли, псипсиха из кают-компании, раздели ее и вымыли, а потом, введя одно из ее собственных лекарств, уложили спать. Позднее Меланта взяла шприц и сделала обход. Нортвинд и Ломми Торн хватило слабого успокаивающего, Дэннелу потребовалось гораздо более сильное.

Прошло три часа, прежде чем они снова смогли встретиться.

Они собрались в самом крупном грузовом трюме, где трое из них повесили свои гамаки. Пришли семеро из восьми. Агата Марий-Блек все еще была без сознания — может, просто спала, а может, впала в кому или была в шоке. Никто не знал этого

наверняка. Казалось, что остальные пришли в себя, хотя лица их были бледны и сосредоточенны. Все переоделись, даже Элис Нортвинд, которая натянула новый комбинезон, похожий на предыдущий.

— Не понимаю, — сказал Кэроли Д'Бранин. — Не понимаю, что…

— Его убил Ройд, вот и все, — с горечью заметила Нортвинд. — Его тайна оказалась под угрозой, и он просто… просто разорвал ему голову. Мы все это видели.

— Я не могу в это поверить, — сказал Кэроли Д'Бранин голосом, полным муки. — Не могу. Ройд и я… мы разговаривали много ночей, когда вы спали. Он мягкий, любознательный впечатлительный. Это мечтатель. Он понимает все, что я говорю ему о волкринах. Он не сделал бы ничего подобного, просто не смог бы.

— Помните, его голограмма, когда это случилось, в тот же момент исчезла, — сказала Линдрен. — И заметьте, с тех пор он с нами не разговаривал.

— Мы и сами были не очень-то разговорчивы, — заметила Меланта Йхирл. — Не знаю, что думать обо всем этом, но инстинктивно я на стороне Д'Бранина. У нас нет доказательств, что капитан ответствен за смерть Лесамера. Здесь есть что-то такое, чего никто из нас еще не понимает.

Элис Нортвинд фыркнула.

— Доказательства, — сказала она.

— Честно говоря, — продолжала Меланта, не давая сбить себя с толку, — я даже не уверена, что кто-то в этом виноват. Ничего не случилось до тех пор, пока мы не дали ему эсперон. Возможно ли, чтобы виноват был этот наркотик?

— Побочное действие, — буркнула Линдрен.

Роян Кристоферис нахмурился.

— Это не моя область, но я бы сказал, что нет. Эсперон — необычайно сильное средство, имеющее побочные действия как в психической, так и физической сферах, но они не такие страшные.

— Так что же его убило? — спросила Ломми Торн.

— Смерть, вероятно, была вызвана его собственным талантом, — сказал ксенобиолог, — в ту минуту здорово подхлестнутым наркотиком. Кроме усиления телепатической чувствительности, эсперон мог пробудить другие психонические способности, которые до сих пор не проявлялись, были скрыты.

— Какие же? — спросила Ломми.

— Биоконтроль. Телекинез.

Меланта Йхирл соображала быстрее всех.

— Эсперон всегда усиливает давление крови. Если поднять давление в голове, перекачав туда кровь из тела, одновременно понизив давление воздуха вокруг головы, с помощью телекинеза создав вакуум, то… Подумайте об этом.

Они подумали, и никому из них это не понравилось.

— Но кто мог сделать такое? — сказал Кэроли Д'Бранин. — Это могло быть сделано только им, только его уже не поддающимся контролю талантом.

— Или навязано ему талантом еще большим, — сказала Элис Нортвинд.

— Ни один телепат-человек не обладает такой мощью — мощью, которая позволила бы ему хоть на секунду взять контроль над кем-то другим, над его телом, разумом и душой.

— Вот именно, — откликнулась ксенотех. — Ни один телепат-человек.

— Опять жители газовых гигантов? — Ломми Торн явно провоцировала.

Элис Нортвинд надменно взглянула на нее.

— Я могла бы напомнить о чувственниках крэев или о гитуанках, высасывающих души, могла бы назвать дюжину других рас, но в этом нет нужды. Я назову только одну: Хранга-нийский Сверхразум.

Это была довольно тревожная мысль. Все замолчали и начали беспокойно крутиться, размышляя об огромной, непримиримо враждебной мощи Хранганийского Сверхразума, скрытого в командных помещениях «Летящего сквозь ночь». Наконец Меланта Йхирл расхохоталась коротким ироническим смехом, разрушив чары.

— Ты путаешь сама себя, Элис, — сказала она, — То, что ты говоришь, абсурдно, и ты сама это поймешь, если немного подумаешь. Надеюсь, это не очень большое требование. Кажется, ты ксенолог, а остальные — специалисты по языкам нечеловеческих рас, их психологии, биологии и технике. В это трудно поверить. Мы воевали со старым Хранганом тысячу лет, но ни разу нам не удалось установить контакта с Хранганийским Сверхразумом. Если Ройд Эрис — хранганиец, значит, за несколько столетий, прошедших после Коллапса, они изрядно продвинулись в искусстве общения.

Элис Нортвинд покраснела.

— Ты права, — признала она, — У меня сдают нервы.

— Друзья, — сказал Кэроли Д'Бранин, — мы не можем позволить, чтобы паника или истерия диктовали нам образ действий. Произошло страшное событие: один из наших коллег умер, а мы не знаем почему. Пока мы этого не узнаем, мы можем

делать только то, что делали до сих пор. Сейчас не лучшее время начинать поспешные действия против невинных. Когда мы вернемся на Авалон, следствие выяснит, что, собственно, произошло. Тело будет сохранено, верно?

— Мы пронесли его через воздушный шлюз в двигательный отсек, — сказал Дэннел. — Оно выдержит.

— И его можно будет внимательно изучить после нашего возвращения, — закончил Д'Бранин.

— Которое должно начаться немедленно, — сказала Нортвинд. — Прикажи Эрису повернуть корабль.

Д'Бранин был потрясен.

— А волкрины?! Если мои расчеты верны, еще неделя, и мы их увидим. Возвращение заняло бы шесть недель. Стоит потерпеть еще несколько дней и убедиться, что они существуют. Неужели смерть Тэйла оказалась напрасной?

— Перед смертью Тэйл почти спятил, он постоянно говорил о чужаках и опасности, — настаивала Нортвинд. — И мы как раз летим навстречу чужакам. А если это они являются той опасностью? Может, эти волкрины сильнее даже Хранганийского Сверхразума и не хотят, чтобы с ними встречались, наблюдали и изучали? Что скажешь, Кэроли? Ты когда-нибудь думал об этом? Эти твои мифы… не говорится ли в них о страшной судьбе рас, столкнувшихся с волкринами?

— Легенды, — сказал Д'Бранин, — суеверия.

— В одной из этих легенд исчезает целое племя финдии, — добавил Роян Кристоферис.

— Мы не можем верить историям, рожденным страхом других, — упирался Д'Бранин.

— Может, эти истории действительно ничего не значат, — продолжала Нортвинд, — однако хочешь ли ты рисковать? Я, например, не хочу. Да и зачем? Данные, на которые ты опираешься, могут быть фальсифицированными, преувеличенными или попросту ошибочными, твои выводы и расчеты могут быть неверны, а волкрины, возможно, сменили курс, и их не окажется в радиусе нескольких световых лет от места, где мы выйдем в обычное пространство.

— Ага, понимаю, — сказала Меланта Йхирл. — Мы не должны туда лететь, потому что их там не будет, а кроме того, они могут быть опасны.

Д'Бранин улыбнулся, а Линдрен громко рассмеялась.

— Это вовсе не смешно, — запротестовала Элис Нортвинд, но больше к своим рассуждениям не возвращалась.

— Сомневаюсь, — продолжала Меланта, — что опасность, которая нам угрожает, может усилиться за время, необходимое

для выхода из гиперпространства и осмотра на месте. Мы и так должны вернуться в обычное пространство, чтобы перепрограммировать корабль на возвращение домой. Кроме того, ради волкринов мы проделали огромный путь, и, признаться, они интересуют меня. — Она по очереди взглянула на каждого, но никто ей не ответил. — Итак, летим дальше.

— А Ройд? — спросил Кристоферис. — Что делать с ним?

— А что мы можем с ним сделать? — буркнул Дэннел.

— Относитесь к капитану, как прежде, — решительно сказала Меланта. — Мы должны связаться с ним и поговорить. Может, уже сейчас мы сумеем выяснить часть тайн, которые нас волнуют, конечно если Ройд захочет говорить с нами откровенно.

— Друзья мои, он, вероятно, так же потрясен и испуган, как и мы, — сказал Кэроли Д'Бранин. — Быть может, он боится, что мы возложим на него всю вину и будем пытаться отомстить.

— По-моему, мы должны разрезать эту стену, войти в его помещения и вытащить его оттуда, даже если он будет орать и пинаться, — заметил Кристоферис. — У нас есть нужные инструменты. Это быстро покончило бы с нашими опасениями.

— Это могло бы убить Ройда, — сказала Меланта. — И он имел бы полное право сделать все, чтобы нас остановить. Он контролирует корабль и может сделать действительно многое, если решит, что мы его враги, — Она энергично покачала головой. — Нет, Роян, мы не можем атаковать Ройда. Скорее, нужно заверить его, что у нас нет враждебных намерений. Я сделаю это, если никто из вас не хочет с ним разговаривать, — Желающих не было. — Хорошо. Но я не хочу, чтобы кто-то предпринимал какие-либо идиотские действия. Занимайтесь своим делом и ведите себя спокойно.

Кэроли Д'Бранин утвердительно кивнул.

— Выбросим Ройда и бедного Лесамера из наших мыслей и сосредоточимся на работе. Датчики должны быть готовы к размещению сразу после выключения гиперпривода и возвращения в нормальное пространство, чтобы мы могли найти нашу цель. Кроме того, нужно еще раз просмотреть все наши записи о волкринах.

Он повернулся к лингвистам и начал обговаривать предстоящие приготовления. Вскоре разговор сосредоточился на волкринах, и страх медленно начал исчезать.

Ломми Торн сидела неподвижно, прислушиваясь к разговору. Большой палец ее машинально гладил имплантат на запястье. Никто не обратил внимания на ее глубокую задумчивость.

Даже наблюдавший за ними Ройд Эрис.

Меланта Йхирл вернулась в кают-компанию одна; кто-то уже выключил свет.

— Капитан? — мягко сказала она.

Он тут же появился, бледный, слабо светящийся, с ничего не выражающими глазами. Его одежда, легкая и давно уже вышедшая из моды, переливалась всеми оттенками белого и голубого.

— Привет, Меланта, — сказал голос из коммуникаторов. Одновременно губы духа шевельнулись, произнося те же слова.

— Ты слышал, капитан?

— Да, — ответил он. В его голосе звучало едва уловимое удивление. — Я слышу и вижу все, что происходит на моем «Летящем сквозь ночь». Не только в кают-компании и не только тогда, когда включены коммуникаторы и экраны. Давно ли ты это знаешь?

— Знаю? — Она улыбнулась, — Я уверена в этом с тех пор, как ты похвалил Элис за теорию о газовых гигантах, объясняющую тайны Ройда Эриса. В тот вечер, когда она ее расписывала, коммуникаторы были выключены. Ты не мог ее слышать, разве что…

— Никогда прежде я не совершал таких ошибок. Я рас-сказал все Д'Бранину, но сделал это умышленно. Прости. Я был в стрессе.

— Верю, капитан, — сказала она, — Впрочем, неважно. Я же улучшенная модель, помнишь? Догадалась неделю назад.

Некоторое время Ройд молчал, потом сказал:

— Когда начнешь меня успокаивать?

— Именно это я и делаю. Ты еще не чувствуешь себя успокоенным?

Призрак пожал плечами.

— Я рад, что вы с Кэроли не верите, что это я убил того человека. Однако я действительно испуган. События выходят из-под контроля, Меланта. Почему она меня не послушана? Я сказал Д'Бранину, что Лесамера нужно постоянно подавлять. Говорил я и псипсиху, чтобы она не делала этого укола. Предупреждал ее.

— Они тоже боялись, — ответила Меланта. — Боялись, что ты хочешь их только испугать, что таким образом собираешься скрыть какие-то страшные намерения относительно нас. Я сама точно не знаю. В некотором смысле это моя вина, ведь это я предложила использовать эсперон. Я думала, это ослабит Лесамера и позволит нам узнать кое-что о тебе. Мне было интересно. — Она нахмурилась, — Пагубное любопытство. Теперь на моих руках кровь.

Глаза Меланты привыкли к темноте кают-компании. В слабом

свете, идущем от голограммы, она могла уже видеть стол, на котором все произошло, а на его поверхности, между тарелками, чашками и остывшими чайниками с чаем и шоколадом, темные пятнышки, словно от засохшей крови. Слышно было, как что-то капало, и она не могла понять, кровь это или кофе. Она вздрогнула.

— Не нравится мне здесь.

— Если хочешь отсюда выйти, я могу быть с тобой везде, куда бы ты ни пошла.

— Нет, — ответила она. — Я останусь. Ройд, было бы лучше, если бы ты не находился с нами везде, куда мы направляемся. Если бы ты — если можно так выразиться — закрыл свои глаза и уши. Если я тебя попрошу, ты выключишь свои мониторы по всему кораблю? Ну, может, за исключением этой кают-компании? Уверена, это поправило бы самочувствие всей группы.

— Но они же не знают.

— Узнают. Мы все слышали твое замечание о газовых гигантах. Кое-кто, вероятно, уже догадался.

— Даже если я скажу, что все выключил, ты никак не сможешь проверить, правда ли это.

— Я могла бы тебе поверить.

На минуту воцарилась тишина. Призрак смотрел на нее.

— Как хочешь, — сказал наконец голос Ройда. — Я выключаю. С этой минуты я вижу и слышу только здесь. Но ты, Меланта, должна обещать, что будешь их контролировать. Никаких тайных планов или попыток ворваться в помещения, которые я занимаю. Ты можешь это сделать?

— Думаю, да, — ответила она.

— Ты поверила в мою историю? — спросил он.

— О, это была странная и удивительная история, капитан. Если это неправда, я охотно посоревнуюсь с тобой во лжи. Делаешь ты это действительно мастерски. Если же она истинна, то ты удивительный и странный человек.

— Я говорил правду, — тихо сказал дух, — Меланта…

— Да?

— Тебе не мешает, что я… что я за тобой следил? Следил, когда ты этого не знала?

— Немного мешает, — ответила она, — но, думаю, смогу это понять.

— Я смотрел, как ты занимаешься любовью.

— О, я прекрасно умею это делать. — Она улыбнулась.

— Я не мог оценить этого, — сказал Ройд. — Но мне было приятно на тебя смотреть.

Он снова замолчал.

Она старалась не слышать постоянного тихого капанья, доносящегося откуда-то справа.

— Да, — сказала она наконец.

— Да? А что?

— Да, Ройд, вероятно, я пошла бы с тобой в постель, если бы это было возможно.

— Откуда ты знаешь, о чем я думаю? — Голос Ройда стал вдруг неуверенным, полным удивления и страха.

— Это просто. Все-таки я улучшенная модель. Догадаться было нетрудно. Я всегда на три хода впереди тебя. Помнишь, я говорила?

— Ты не телепат, правда?

— Нет, — ответила она. — Нет.

Ройд долго думал над этим.

— Думаю, что успокоился, — сказал он наконец.

— Это хорошо.

— Еще одно, Меланта, — добавил он. — Иногда не следует опережать других на слишком много ходов. Понимаешь?

— Нет, не очень. Ты меня испугал и сейчас должен успокоить. Твоя очередь, капитан Ройд.

— Очередь на что?

— Расскажи, что здесь произошло. Только честно.

Ройд молчал.

— Я думаю, ты что-то знаешь. Ты выдал нам свою тайну, чтобы удержать от введения Лесамеру эсперона. Однако даже после того, как твой секрет раскрылся, ты запрещал нам этот эксперимент. Почему?

— Эсперон — очень опасное средство.

— Это отговорки, капитан. Тут что-то большее. Что убило Лесамера? Или, может, кто?

— Не я.

— Один из нас? Волкрины?

Ройд молчал.

— На борту твоего корабля есть чужаки, капитан?

Он ничего не ответил.

— Мы находимся в опасности? Я в опасности? Я не боюсь. Разве это не глупо?

— Я люблю людей, — сказал он наконец, — люблю иметь на борту пассажиров, когда могу это выдержать. В конце концов, это не так уж страшно. Особенно я люблю тебя и Д'Бранина и не позволю, чтобы с вами что-то случилось.

— А что может с нами случиться?

Ройд опять не проронил ни звука.

— А как с остальными, Ройд? С Кристоферисом и Нортвинд, с

Дэннелом и Линдрен, как с Ломми Торн? Их ты тоже опекаешь или только меня и Д'Бранина?

Ответа не было.

— Ты сегодня не очень разговорчив, — заметила она.

— Я встревожен, — ответил его голос. — Кроме того, тебе безопаснее не знать того, о чем ты спрашиваешь. Иди спать, Меланта. Мы уже долго говорили.

— Хорошо, капитан, — сказала она.

Меланта улыбнулась духу и вытянула руку. Призрачная ладонь поднялась навстречу. Теплая черная кожа и бледное сияние сошлись, слились, стали одним целым. Потом Меланта повернулась и направилась к дверям. Только выйдя в коридор и снова оказавшись в полном свете ламп, она начала дрожать.

В полночь разговоры прекратились, и ученые один за другим разошлись спать. Лег даже Кэроли Д'Бранин, потягивавший шоколад, чтобы заглушить в себе воспоминания о происшедшем в кают-компании.

Лингвисты перед сном шумно и бурно занимались любовью, как будто после ужасной смерти Лесамера хотели убедиться, что еще живы. Роян Кристоферис слушал музыку. Но теперь все уже спали.

«Летящий сквозь ночь» затих.

В темноте самого большого грузового трюма висели друг против друга три гамака. Меланта Йхирл то и дело ворочалась с боку на бок, словно ее мучили кошмары. Элис Нортвинд лежала на спине и громко храпела.

Ломми Торн не спала и размышляла.

В конце концов она встала и спрыгнула на пол, легкая и осторожная, как кошка. Натянув тесные брюки, она надела через голову блузку с широкими рукавами из черной металлической ткани, стянула ее в поясе серебряной цепочкой и, встряхнув головой, распустила короткие волосы. Обуваться она не стала — пошла босиком. Ступни у нее были маленькие и мягкие, как у ребенка.

Подойдя к среднему гамаку, она потрясла Элис Нортвинд за плечо. Храп стих.

— Что такое? — спросила ксенотех.

— Идем, — прошептала Ломми Торн и махнула рукой.

Нортвинд тяжело поднялась, опустила ноги и, сонно моргая, пошла вслед за Торн к двери, а потом в коридор. Она спала в комбинезоне, просто раздвигая замок почти до паха. Сейчас она нахмурилась и застегнулась.

— Что, черт побери? — буркнула она, заспанная и

недовольная.

— Есть способ проверить, была ли история Ройда правдивой, — медленно сказала Ломми Торн. — Однако Меланте это бы, наверное, не понравилось. Решишься попробовать?

— Какой способ? — спросила Нортвинд.

На ее лице появилось выражение любопытства.

— Идем, — сказала кибернетик.

Они тихо прошли по кораблю к помещению, где стояли компьютеры. Система была включена, но бездействовала. Они осторожно вошли внутрь — там было пусто. Лучи света плавно текли вниз по кристаллическим каналам в сетках памяти, встречаясь, сливаясь, снова расходясь, — потоки бледного многоцветного сияния, пересекающие темный пейзаж. Помещение было темным, и единственным звуком в нем было высокое гудение, почти на пределе слышимости. Оно утихло, когда Ломми прошла через комнату и начала касаться клавишей, передвигать выключатели, управлять тихими светящимися потоками. Машина просыпалась, контур за контуром.

— Что ты, собственно, делаешь? — спросила Элис Нортвинд.

— Кэроли велел мне соединить нашу систему с компьютерами корабля, — ответила Ломми, не прерывая работы. — Мне было сказано, что Ройд хочет познакомиться с данными относительно волкринов. Хорошо, я сделала это. Ты понимаешь, что это значит?

При каждом движении ее блузка издавала мягкий металлический звук.

На плоском лице Элис Нортвинд появилось возбуждение.

— Эти две системы сейчас одно целое!

— Именно. То есть Ройд может знакомиться с данными о волкринах, а мы можем знакомиться с данными о нем. — Она нахмурилась. — Мне хочется знать побольше о снаряжении, которое есть на борту «Летящего», но, думаю, я найду нуж-ный путь. Д'Бранин заказал систему с неплохими возможностями.

— Ты можешь взять управление всем?

— Взять управление всем? — Ломми удивилась. — Ты снова пила, Элис?

— Нет, я спрашиваю совершенно серьезно. Используй свой компьютер, чтобы вломиться в контрольную систему корабля, убери блокировку, отмени данные Эрисом приказы и заставь «Летящего» реагировать на наши, идущие отсюда, распоряжения. Разве не окажемся мы в большей безопасности, если будем сами управлять этим кораблем?

— Возможно, — неуверенно сказала кибернетик. — Я могу попытаться, но зачем?

— На всякий случай. Нам не обязательно использовать полученные возможности. Хватит, если мы будем иметь их, если возникнут чрезвычайные обстоятельства.

Ломми Торн пожала плечами.

— Чрезвычайные обстоятельства и газовые гиганты. Я хочу только успокоиться, узнать, повинен ли Ройд Эрис в смерти Лесамера. — Она подошла к пульту, состоящему из полудюжины метровых экранов, полукругом окружающих консоль, и включила один из них. Ее длинные пальцы затанцевали на голографических клавишах, появляющихся и исчезающих, как только она их касалась, объединяющихся в клавиатуру, которая постоянно менялась. Ее красивое лицо стало задумчивым и серьезным.

— Вошли, — сказала она.

По экрану поплыли цифры, красные искорки в стеклянной черной глубине. На втором экране появилась схема «Летящего», которая вращалась, делилась, составляющие ее части меняли размер, положение, послушные желаниям пальцев Ломми, точно описываемые линией высвечиваемых ниже данных. Некоторое время кибернетик смотрела, потом остановила оба экрана.

— Здесь, — сказала она. — Здесь находится ответ на вопрос, касающийся оборудования. Можешь попрощаться с мыслью о перехвате управления, разве что нам помогут твои жители газовых гигантов. Система «Летящего» гораздо больше нашего мальца. И это имеет смысл, если над этим подумать. Корабль полностью автоматизирован, и только Ройд является исключением.

Пальцы ее снова шевельнулись, и в ответ ожили два следующих экрана. Ломми Торн начала посвистывать и подбадривать поисковую программу теплыми словами.

— Похоже, что Ройд действительно довольно важен. Здесь ничто не согласуется с классической конфигурацией программ для автоматических кораблей. Черт возьми, это может быть что угодно.

Буквы и цифры снова поплыли по экранам. Ломми внимательно смотрела на них.

— Здесь характеристика системы жизнеобеспечения. Может, это нам что-то скажет.

Палец ее ударил по клавише, и один из экранов замер.

— Ничего особенного. — Элис была явно разочарована, — Стандартная печь для сжигания мусора. Устройства для очистки воды. Преобразователь продуктов со сменным запасом протеина и витаминов. — Ломми снова начала посвистывать. — Контейнеры со мхом Ренни и неотравой, удаляющими двуокись углерода. Система замкнутого обращения кислорода. Никакого метана или аммиака. Мне очень жаль.

— А-а, да трахайся ты с этим своим компьютером!

Кибернетик улыбнулась.

— А ты пробовала? — Пальцы ее снова шевельнулись. — Что еще нужно искать? Ты знаешь технику — за что тут можно уцепиться? Подкинь какую-нибудь идею.

— Проверь списки и описания инкубаторов, клонирующих камер и тому подобного, — сказала ксенотех. — Это должно сказать нам, была ли история Ройда правдой.

— Не уверена. Это было давно. Он мог все это выбросить как ненужное оборудование.

— Проверь записи его болезней, — сказала Нортвинд. — Или болезни его матери. Получи список проведенных операций, всей этой их торговли. У них должны быть какие-нибудь записи. Торговые книги, сопоставление прихода и расхода, заказы на перевозки и тому подобное. — Внезапно она обняла Ломми сзади и возбужденно крикнула: — Журнал! Бортовой журнал! На каждом корабле должен быть бортовой журнал! Найди его!

— Хорошо. — Ломми Торн посвистывала, счастливая и свободная, уносимая вихрем данных и управляющая им уверенной рукой.

В какой-то момент экран напротив нее вспыхнул ярко-красным светом и начал мигать. Она улыбнулась и нажала призрачную клавишу, клавиатура расплылась и изменилась под ее руками. Она попыталась пойти другим путем. Еще три экрана стали красными и начали мигать. Она перестала улыбаться.

— Что это значит? — спросила Элис.

— Защита. Я обойду ее мгновенно. Смотри. — Еще раз она изменила клавиатуру, ввела другую поисковую программу,

добавила к ней петлю, защищающую от блокировки. Очередной экран вспыхнул красным. Она приказала машине обработать собранную информацию и поискать другой путь. Опять краснота, пульсирующая, мерцающая.

— Очень хорошая защитная программа, — удивленно сказала она. — Бортовой журнал великолепно охраняется.

Элис Нортвинд что-то пробормотала.

— Мы заблокированы? — спросила она.

— Время реакции слишком растянуто, — ответила Ломми Торн, задумчиво покусывая нижнюю губу. — Однако есть способ исправить это.

Она улыбнулась и подвернула мягкий черный металл рукава.

— Что ты делаешь?

— Смотри внимательно.

Она сунула руку под консоль, нашла контакты, подсоединилась.

— О… — сказала она низким гортанным голосом.

Пульсирующие красные прямоугольники экранов гасли один за другим по мере того, как ее разум двигался сквозь систему «Летящего сквозь ночь», ломая всякие блокады.

— Ничего нет подобного, что бы сравнилось с прохождением сквозь защиту незнакомой системы. Это так, словно входишь в человека.

Записи бортового журнала мчались по экрану слишком быстро, чтобы Элис Нортвинд могла их прочесть. Однако для Ломми это было нормально.

Внезапно кибернетик замерла.

— Холодно, — сказала она и тряхнула головой. Ощущение холода исчезло, однако внезапно раздался вой, страшный пронзительный вой.

— Черт возьми, — выругалась она, — это разбудит всех.

Она взглянула вверх, чувствуя, как ногти Элис вонзаются в ее плечо.

Серая стальная плита двигалась почти беззвучно, закрывая вход в коридор и отсекая вой сирен.

— Что происходит? — спросила Ломми.

— Это перегородка, защищающая внутренности корабля от утечки воздуха, — мертвым голосом ответила Нортвинд. Она знала космические корабли, — Перегородку закрывают, когда грузовой трюм должен быть заполнен или опорожнен в космосе.

Взгляды их устремились к огромному круговому воздушному шлюзу вверху. Внутренняя перегородка была почти полностью открыта, и теперь, когда они смотрели, открылась до конца и остановилась. Во внешних дверях появилась щель шириной в

полметра, и щель эта продолжала расширяться, а за ней было только скрученное ничто, пылающее так ярко, что больно было смотреть.

— О! — сказала Ломми Торн, чувствуя, как холод ползет по ее рукам. Больше она не посвистывала.

По всему кораблю выли сирены, и пассажиры беспокойно зашевелились. Меланта Йхирл выкатилась из своего гамака и выскочила в коридор голая, испуганная. Заспанный Кэроли Д'Бранин сел на постели. Псипсих, погруженная в усиленный лекарствами сон, что-то пробормотала. Роян Кристоферис предупреждающе крикнул.

Где-то далеко раздался звук скручиваемого, разрываемого металла, и по кораблю прокатилась резкая дрожь, выбросив лингвистов из гамаков и сбив Меланту с ног.

В центре управления «Летящего сквозь ночь» находилось сферическое помещение с белыми гладкими стенами, посредине которого висел небольшой шар — главный пульт управления. Когда корабль летел на гиперприводе, стены были слепыми, поскольку смотреть на кружащуюся, сверкающую изнанку пространства-времени было слишком болезненно.

Однако теперь в помещении ожила голографическая панорама, возникли звезды — острые ледяные бриллианты и холодная тьма без верха, низа и направлений, с поднимающимся посередине главным пультом как единственным отличительным элементом в этом симулированном океане ночи. «Летящий сквозь ночь» вернулся в нормальное пространство.

Меланта Йхирл поднялась и стукнула по выключателю коммуникатора. Аварийные сигналы выли по-прежнему, и трудно было что-либо услышать.

— Капитан, — крикнула она, — что происходит?

— Не знаю, — ответил голос Ройда, — Сам стараюсь понять. Подожди.

Меланта ждала. Кэроли Д'Бранин вышел в коридор, протирая заспанные глаза. Вскоре там появился Роян Кристоферис.

Что это? Что случилось? — спросил он, но Меланта только покачала головой.

Затем подошли Линдрен и Дэннел. Марий-Блек, Элис Нортвинд и Ломми Торн все еще не подавали признаков жизни. Ученые с беспокойством поглядывали на переборку, блокирующую вход в грузовой трюм номер три. Наконец Меланта поручила Кристоферису пойти посмотреть. Он вернулся через несколько минут.

— Агата все еще без сознания, — сказал он, пользуясь всей

мощью своего голоса, чтобы пробиться сквозь вой сирен. — Она до сих пор под воздействием порошков, но уже двигается и кричит.

— А Элис и Ломми?

Кристоферис пожал плечами.

— Я не мог их найти. Спроси у своего друга Ройда.

Аварийные системы замолчали, и коммуникатор снова ожил.

— Мы вернулись в обычное пространство, — сказал голос Роила. — Однако корабль поврежден. Третий трюм, то есть ваше компьютерное помещение, был пробит, пока мы летели в гиперпространстве. Корабельный компьютер автоматически вывел нас в обычное пространство, и очень хорошо сделал, поскольку действующие силы могли бы разорвать на куски весь корабль.

— Ройд, — сказала Меланта, — мы не можем найти Нортвинд и Торн.

— Кажется, — осторожно ответил Ройд, — в момент, когда пробило трюм, ваш компьютер был включен и использовался. Не могу утверждать с уверенностью, но, по-моему, обе женщины мертвы. По требованию Меланты я выключил большинство своих мониторов, оставив только те, что в кают-компании, поэтому не знаю, что случилось на самом деле. Однако это небольшой корабль, и если их нет с вами, надо ожидать худшего, — Он помолчал. — Если это может вас утешить, они наверняка умерли быстро и безболезненно.

— Ты убил их, — сказал Кристоферис. Лицо его было красным и гневным. Он хотел продолжить, но Меланта решительно закрыла ему рот ладонью. Лингвисты обменялись долгими многозначительными взглядами.

— Известно, почему это случилось, капитан? — спросила Меланта.

— Да, — ответил он, поколебавшись.

Ксенобиолог понял наконец, что от него требуется, и Меланта убрала ладонь, чтобы он мог дышать.

— Ройд? — спросила она.

— Это звучит неправдоподобно, Меланта, — ответил голос, — но, кажется, твои коллеги открыли грузовые ворота трюма. Конечно, я сомневаюсь, что они сделали это сознательно. Они пытались использовать факт соединения обоих компьютеров, чтобы получить доступ к базе данных «Летящего» и его контрольным системам. При этом нейтрализовали все предохранительные системы.

— Понимаю, — сказала Меланта, — Страшная трагедия.

— Да. Может, еще страшнее, чем ты предполагаешь. Мне нужно определить размеры повреждений, которые получил

корабль.

— Не станем тебя задерживать. Все мы потрясены, и сейчас трудно разговаривать спокойно. Проверь состояние корабля, а к этому разговору вернемся в более подходящее время. Хорошо?

— Да, — ответил Ройд.

Меланта выключила коммуникатор. Теперь, по крайней мере теоретически, устройство было мертво — Ройд не мог ни слышать, ни видеть их.

— Ты ему веришь? — рявкнул Кристоферис.

— Сама не знаю, — сказала Меланта Йхирл. — Однако я знаю, что оставшиеся три грузовых трюма могут быть вычищены с тем же успехом, что и этот. Я переношу свой гамак в каюту. Предлагаю спящим во втором трюме сделать то же самое.

— Это разумно, — сказала Линдрен, быстро кивнув головой, — Мы можем немного потесниться. Будет неудобно, но сомневаюсь, чтобы после случившегося мне удалось бы спать сном праведника на прежнем месте.

— Нужно также забрать со склада в четвертом наши скафандры, — предложил Дэннел, — и держать их под рукой. Так, на всякий случай.

— Как хочешь, — сказала Меланта. — Вполне возможно, что все четыре трюма откроются внезапно и одновременно. Ройд не может иметь к нам претензий за то, что мы принимаем меры предосторожности. — Она невесело усмехнулась. — После сегодняшнего дня мы заслужили право действовать нерационально.

— Сейчас не время для твоих шуточек, Меланта, — сказал Кристоферис. Лицо его было по-прежнему красно, а голос полон страха и гнева. — Трое людей мертвы. Агата, возможно, впала в кататонию, а остальным грозит серьезная опасность.

— Да. А мы до сих пор не знаем, что происходит, — подчеркнула Меланта.

— Ройд Эрис убивает нас! — рявкнул Кристоферис, — Не знаю, кто или что он такое, не знаю, правда ли рассказанная им история, и не хочу этого знать! Может, он Хранганийский Сверхразум, ангел мести волкринов или второе воплощение Христа. Да и какая нам разница? Он нас убивает! — Он по очереди взглянул на каждого, — Следующим может быть любой из нас. Любой! Разве что… Мы должны разработать какой-нибудь план, что-нибудь сделать, чтобы раз и навсегда положить этому конец.

— Надеюсь, ты понимаешь, — тихо сказала Меланта, — что мы не можем быть уверены, действительно ли наш добрый капитан выключил свои мониторы. Именно в эту минуту он

может разглядывать нас, слушая наши разговоры. Но, конечно, он этого не делает. Он сказал, что не будет, и я верю ему. Однако у нас есть только его слово. Роян, ты, кажется, ни на грош ему не веришь и, если так, не должен принимать всерьез его обещания. Из этого следует, что с твоей точки зрения неразумно говорить то, что ты только что сказал. — Она хитро улыбнулась. — Понимаешь, о чем я говорю?

Кристоферис открыл рот и быстро закрыл его снова. При этом он выглядел как большая некрасивая рыба. Он ничего не сказал, но глаза его украдкой поглядывали по сторонам, а румянец на лице еще более усилился.

Линдрен слабо улыбнулась.

— Кажется, до него дошло, — сказала она.

— Так, значит, компьютер пропал? — сказал вдруг Кэроли Д'Бранин тихим голосом.

Меланта взглянула на него.

— Боюсь, что да.

Кэроли пригладил волосы пальцами.

— Волкрины… — буркнул он. — Как мы будем работать без компьютера? — Он кивнул головой. — У меня в каюте есть небольшой — переносная модель, — может, его хватит. Должно хватить, должно! Я возьму данные от Ройда, узнаю, в каком месте мы прервались. Простите, друзья, но я должен идти. — И он ушел, бормоча что-то себе под нос.

— Он не слышал ни слова из сказанного нами, — недоверчиво констатировал Дэннел.

— Наверное, погибни мы все, он из-за своей рассеянности этого даже не заметит, — добавила Линдрен. — Но кто бы ему тогда помог в поисках волкринов?

— Оставьте его в покое, — сказала Меланта, — Он страдает, как и все мы, может, даже сильнее. Просто он иначе реагирует на это. Его мания — его защита.

— Ага. А что будет с нашей защитой?

— Терпение, — ответила Меланта, — Все погибшие перед смертью пытались разгадать загадку Ройда. Мы этого не делали и живем до сих пор, гадая теперь, что стало причиной их смерти.

— Тебе не кажется, что все очень подозрительно? — спросила Линдрен.

— Да, очень. Есть даже способ проверить подозрения. Кто-нибудь из нас может предпринять еще одну попытку узнать, говорил ли капитан правду. Если он или она умрет, мы узнаем истину и обретем уверенность. — Она пожала плечами. — Однако простите, но я не буду ставить этот эксперимент. Впрочем, у кого есть желание, можете не стесняться и попробовать. Я с интересом

посмотрю на результат. А пока займусь переносом своих вещей из грузового трюма и немного посплю. — Она повернулась и ушла, оставив их одних.

— Наглая шлюха, — почти бесстрастно заметил Дэннел, когда Меланта скрылась из виду.

— Вы действительно думаете, что он может нас слышать? — прошептал Кристоферис.

— Каждое наше слово, — сказала Линдрен и улыбнулась, видя его смущение. — Идем, Дэннел, переберемся в безопасное место и ляжем в постель.

Дэннел кивнул.

— Но мы должны что-то делать, — настаивал Кристоферис. — Составить план. Защищаться.

Линдрен окинула его напоследок уничтожающим взглядом и потащила Дэннела за собой.

— Меланта? Кэроли?

Услышав свое имя, даже произнесенное шепотом, Меланта проснулась мгновенно, почти сразу обретя полноту сознания.

Села на краю узкой односпальной кровати. Кэроли Д'Бранин, лежавший рядом, охнул и повернулся на спину.

— Ройд? — спросила она. — Что, уже утро?

— Меланта, мы дрейфуем в пространстве в трех световых годах от ближайшей звезды, — проник сквозь стены мягкий голос. — В таких обстоятельствах термин «утро» лишен смысла. Хотя да, уже утро.

Меланта засмеялась.

— Дрейфуем, говоришь? Насколько серьезны повреждения?

— Они серьезны, но не опасны. Третий трюм полностью разрушен и свисает с корабля, как половина раздавленного яйца, однако повреждения локальны. Главный привод не пострадал, а компьютеры «Летящего», похоже, восстановили работоспособность после аварии вашей системы. Я боялся именно этого, потому что слышал о явлениях типа электронного болевого шока.

— Что? Ройд? — спросил Д'Бранин.

Меланта ласково похлопала его рукой.

— Я потом расскажу тебе, Кэроли. Спи дальше, — сказала она — Ройд, ты, кажется, обеспокоен. Что-то еще?

— Меня беспокоит наше возвращение, — ответил он. — Когда я снова введу «Летящего» в гиперпространство, наружные приливные силы будут действовать на части корабля, не подготовленные к воздействию таких усилий. К тому же форма нашего корабля теперь изменилась. Я могу показать вам его

математический образ, однако самое главное сейчас — приливные силы. Особое внимание следует обратить на воздушную переборку у входа в третий грузовой трюм. Я проиграл ситуацию на компьютере, но по-прежнему не знаю, выдержит ли эта переборка ходовое напряжение. Если нет — весь мой корабль распадется на части. Даже если не будет повреждена система жизнеобеспечения, все мы скоро умрем.

— Понимаю. Мы можем что-то с этим сделать?

— Да. Открытые части можно довольно просто усилить. Внешняя оболочка, конечно, достаточно прочна. Мы можем закрепить ее в самых ненадежных местах — это будет примитивная зашита, но, согласно моим расчетам, этого должно хватить. Если сделать все именно так, это одновременно улучшит и геометрические характеристики корпуса. Крупные куски оболочки были сорваны, когда трюм открылся, но по-прежнему находятся рядом, на расстоянии километра или двух. И их можно использовать.

Во время этих объяснений Кэроли Д'Бранин окончательно проснулся.

— У моей группы есть вакуумные скутеры, — сказал он. — Мы можем доставить тебе эти куски, дружище.

— Отлично, Кэроли, но не это тревожит меня сильнее всего. Мой корабль обладает способностью к саморемонту, но на сей раз повреждения на порядок превзошли эту способность. Мне придется делать ремонт лично.

— Тебе? — Д'Бранин был явно удивлен. — Ройд, ты же говорил… твои мышцы, слабость… эта работа будет тебе не под силу. Мы наверняка сможем сделать это за тебя.

— Кэроли, я калека только в гравитационном поле, — спокойно ответил Ройд. — В невесомости я чувствую себя в своей стихии. Через минуту я выключу гравитационную сетку «Летящего», чтобы собраться с силами для ремонтных работ. Ты неправильно меня понял — я вполне способен работать. У меня есть необходимые инструменты, а также свой собственный тяжелый скутер.

— Думаю, я знаю, что тебя беспокоит, капитан, — сказала Меланта.

— Очень рад, — ответил Ройд. — Тогда, возможно, ты сможешь ответить на мой вопрос. Если я выйду за пределы своего помещения, сможешь ли ты удержать коллег от нападения на меня?

Кэроли Д'Бранин был явно шокирован.

— О, Ройд, как ты мог такое подумать? Мы ученые, а не… не преступники, солдаты или… звери. Мы люди — как же ты

можешь думать, что мы станем угрожать тебе, нападем на тебя?

— Вы — люди, но для меня вы — чужаки, — повторил Ройд. — И вы не доверяете мне. Не давай легкомысленных обещаний, Кэроли.

Д'Бранин был оскорблен в своих лучших чувствах. Меланта сжала его плечо, упреждая взрыв.

— Ройд, — сказала она, — я не стану тебе лгать. Разумеется, подобная опасность существует. Но, по-моему, показавшись в своем настоящем виде, ты их буквально осчастливишь. Они воочию убедятся, что ты говорил правду, увидят, что ты человек. — Она улыбнулась. — Они увидят это, верно?

— Да, увидят, — ответил Ройд, — но хватит ли этого, чтобы развеять их подозрения? Ведь они уверены, что это я ответствен за смерть тех троих.

— Уверенность — это слишком сильно сказано. Они подозревают это, боятся этого. Они перепуганы, капитан, и для этого есть серьезные основания. Даже я боюсь.

— Не сильней меня.

— Я была бы менее испугана, если бы знала, что произошло на самом деле. Ты скажешь мне?

Ответа не последовало.

— Ройд, если…

— Я совершил несколько ошибок, Меланта, — сказал Ройд замогильным голосом, — но в этом я не одинок. Я сделал все, чтобы предотвратить введение Лесамеру эсперона. Не удалось. Я мог спасти Ломми и Элис, если бы их видел, слышал, знал, к чему они стремятся. Я не могу помочь, не зная об опасности, а ты заставила меня выключить мониторы. Почему? Предвидела ли ты такой результат — ведь ты всегда на три хода впереди?

Меланту Йхирл на мгновение охватило чувство вины.

— Моя вина, капитан. Поверь, мне это известно. Однако тяжело предвидеть три следующих хода, если не знаешь правил игры. Объясни мне их.

— Я слеп и глух, — сказал Ройд, игнорируя ее слова. — И это меня расстраивает. Я ничем не могу помочь, пока не вижу и не слышу. Меланта, я собираюсь снова включить мониторы. Очень жаль, если ты с этим не согласна. Мне нужно твое согласие, но я сделаю так, как сказал, с ним или без него. Я должен видеть.

— Вкл ючай, — задумчи во сказала Меланта. — Я была не права, капитан. Нельзя было просить, чтобы ты ослеплял себя. Я не понимала ситуации и переоценила свои способности контроля за другими. Моя вина. Улучшенные модели слишком часто считают, что могут все. — Мысли ее мчались галопом, она чувствовала себя почти больной. Она просчиталась, ошиблась, и

теперь на руках у нее оказалось еще больше крови. — Думаю, что теперь я понимаю лучше.

— Что понимаешь? — спросил Кэроли Д'Бранин.

— Неправда, не понимаешь, — сурово сказал Ройд. — Не делай вид, что все по-другому, Меланта. Нет! Неумно и опасно быть на слишком много ходов впереди. — В голосе его было что-то пугающее. Меланта понимала и это.

— Что? — сказал Кэроли. — Я ничего не понимаю.

— Я тоже, — осторожно сказала Меланта. — Я тоже, Кэроли. — Она легонько поцеловала его. — Никто из нас ничего не понимает, правда?

— Вот и хорошо, — сказал Ройд.

Она кивнула и успокаивающе обняла Д'Бранина.

— Ройд, — сказала она, — вернемся к вопросу о ремонте. Мне кажется, ты должен заняться им лично, невзирая на любые обещания с нашей стороны. Нельзя рисковать, переводя корабль в таком состоянии на гиперпривод, а единственной альтернативой этому является дрейф в пустоте до самой смерти. Какой же у нас выбор?

— У меня есть выбор, — сказал Ройд, — Я мог бы вас всех убить, будь это единственный способ спасти себя и корабль.

— Можешь попробовать, — ответила Меланта.

— Пожалуйста, не будем говорить о смерти, — вмешался Д'Бранин.

— Ты прав, Кэроли, — сказал Ройд. — Я не хочу убивать никого из вас, но я должен быть уверен в своей безопасности.

— И будешь, — заверила его Меланта. — Кэроли может отправить остальных за кусками обшивки. Кроме того, я буду тебя охранять. Я все время буду рядом с тобой. Если кто-нибудь захочет на тебя напасть, сначала ему придется расправиться со мной. И убедиться, что это не так-то просто. К тому же я могу помогать тебе в работе. Дела пойдут в три раза быстрее.

Ройд старался быть вежливым:

— Я по опыту знаю, что большинство рожденных на планетах в невесомости довольно неуклюжи и быстро устают. Мне кажется, один я буду работать эффективней, но я с удовольствием приму твои услуги как личного телохранителя.

— Хочу напомнить, что я улучшенная модель, капитан, — сказала Меланта. — В невесомости я также хороша, как в постели, и буду действительно полезна.

— Ты упряма. Ну хорошо, как хочешь. Через несколько секунд я отключу питание гравитационной сетки. Кэроли, пойди подготовь своих людей. Переоденьтесь в скафандры и выводите наружу свои скутеры. Я покину «Летящего» через три часа, когда

приду в себя после вашей гравитации, и хочу, чтобы к этому времени все находились снаружи. Это условие понятно?

— Да, — ответил Кэроли. — Все, кроме Агаты. Она еще не пришла в сознание, дружище, и с ней не будет проблем.

— Нет. Я имею в виду всех вас, вместе с Агатой. Забирайте ее с собой.

— Но, Ройд! — запротестовал Д'Бранин.

— Капитан здесь ты, — твердо ответила Меланта. — Будет, как ты сказал, — все выйдем. Вместе с Агатой.

Картина, которая предстала перед путешественниками, когда они покинули корабль, была потрясающей: все выглядело так, словно какой-то чудовищный зверь выгрыз часть звезд.

Меланта Йхирл ждала на своем скутере у борта «Летящего» и смотрела на звезды. Отсюда, из глубины космической пустоты, они вовсе не казались какими-то особенными. Холодные, замерзшие точки света, неподвижные и суровые, как будто в них было меньше тепла, чем тогда, когда атмосфера заставляла их мерцать и танцевать. Однако именно отсутствие четких ориентиров напомнило Меланте, где она находится: в пространстве «между», там, где не останавливаются люди и их корабли, где в своих древних звездолетах летят волкрины. Она хотела найти солнце Авалона, однако не знала, где его искать. Созвездия были ей незнакомы, и она не имела понятия, в какую сторону смотреть. Со всех сторон ее окружали бесконечные поля звезд. Она посмотрела вниз, точнее в ту сторону, которая в эту минуту казалась низом, мимо своих ног и скутера, мимо «Летящего сквозь ночь», ожидая увидеть очередную бесконечность чужих звезд. И выгрызенная пустота ударила ее почти с физической силой.

Меланта с трудом справилась с головокружением. Она висела над зияющей бездной, расщелиной во вселенной, черной, беззвездной, огромной. И пустой.

Потом она вспомнила — Вуаль Грешницы. Это просто облако темных газов, ничего страшного, галактическая свалка, поглощающая свет звезд Границы. Однако с такого близкого расстояния Вуаль казалась гигантской, ужасающей, и Меланта хотела заставить себя отвести взгляд, как вдруг ей показалось, что она падает в раскрытую пасть под ней. Эта пасть словно собиралась проглотить хрупкую серебристо-белую раковину корабля.

Меланта коснулась одной из кнопок управления и развернулась так, чтобы Вуаль была сбоку, а не под ней. Это немного помогло. Не обращая внимания на стену тьмы, она

сосредоточилась на «Летящем». Это был самый большой объект в ее вселенной, светлая игрушка в черном океане.

Она видела другие скутеры, описывавшие круги в темноте, собиравшие части разорванной обшивки корабля и тащившие их за собой. Лингвисты, как обычно, работали вместе, в одном скутере. Роян Кристоферис отказался от чьей-либо помощи. Меланта пригрозила, что силой заставит его присоединиться к остальным. Ксенобиолог был уверен, что все это — очередная ловушка, что, когда они окажутся снаружи, «Летящий сквозь ночь» включит гиперпривод и улетит, оставив их на верную смерть. Его подозрения еще больше подогрел алкоголь: когда, подгоняемый Мелантой и Д'Бранином, он надевал скафандр, от него так и несло перегаром. У Кэроли тоже был скутер, а также молчаливый пассажир — Агата Марий-Блек, спавшая в пилотном кресле после очередной порции лекарств.

Пока ее коллеги работали, Меланта ждала Ройда Эриса, время от времени разговаривая с ним по радио. Лингвисты плохо переносили невесомость и почти непрерывно жаловались, находя, однако, время для ссор. Кэроли приходилось то и дело успокаивать их. Кристоферис почти не говорил, а если и открывал рот, то изрекал что-нибудь язвительное. Он все еще был зол. Меланта проводила его взглядом, когда он пролетал мимо нее, — прямая фигура в облегающем черном скафандре, крепко держащаяся за руль скутера.

Наконец круговой шлюз на вершине ближайшей из главных сфер «Летящего» открылся, и из него вылетел Ройд Эрис.

Она следила за его приближением и думала о том, как он выглядит на самом деле. Воображение рисовало дюжину противоречащих друг другу обликов. Его изысканный, культурный и, пожалуй, чересчур формальный голос, а также манера говорить напоминали ей темнокожих аристократов ее родного Прометея, волшебников, жонглировавших человеческими генами и забавлявшихся странными и сложными играми в иерархию и этикет. В другой раз его наивность вызывала образ неопытного юноши. Голограмма, которой он пользовался, изображала молодого мужчину, однако, по его собственным словам, он был значительно старше. Впрочем, когда он говорил, Меланте было трудно представить, что она слушает старого человека.

Она почувствовала дрожь возбуждения, когда он приблизился. Его скутер и скафандр разительно отличались от тех, которыми пользовались они. Их сделали чужаки, подумала она и быстро отогнала эту мысль. Такие отличия ничего не доказывали. Скутер Ройда был большим — длинная овальная

плоскость с восемью многосуставными манипуляторами, торчавшими из-под этой плоскости, как ноги металлического паука. Под пультом управления был смонтирован мощный лазер, грозно выдвигавший вперед свое длинное рыло. Скафандр Ройда был гораздо массивнее, чем старательно спроектированные Академией вакуумные костюмы, которые носили они, с горбом между лопатками, скрывавшим, вероятно, усилитель, и стрелками на руках и шлеме. Из-за всего этого фигура Ройда выглядела тяжелой, горбатой и деформированной.

Когда он приблизился, Меланта смогла увидеть его лицо, и оказалось, что оно совершенно обычное.

Белое, очень белое — такою было первое впечатление. Белые, коротко подстриженные волосы, белая щетина на резко очерченном подбородке, почти невидимые брови, под которыми беспокойно бегали глаза, большие и ярко-голубые, — лучшее из всего того, что было в его облике. Кожа его была бледной и без морщин, почти не тронутая временем.

Он выглядит скованным, подумала она, и, возможно, немного испуганным.

Ройд остановил свой скутер возле нее, среди искореженных руин, в которые превратился грузовой трюм номер три, и внимательно осмотрел разрушения — хаос мусора, который когда-то был телами, кровью, металлом, стеклом, пластиком. Теперь их было трудно различить, они перемешались, сплавились и замерзли.

— У нас много работы, — сказал он, — Можно начинать?

— Сначала поговорим, — ответила она, подвела свой скутер ближе и вытянула руку в его направлении, но расстояние было слишком велико: их разделяла ширина корпусов двух скутеров. Меланта отлетела немного назад и повернулась вверх ногами, потом снова направилась в его сторону, остановив скутер прямо под его экипажем. Их руки в перчатках встретились, соединились, разошлись. Меланта уточнила высоту, и их шлемы соприкоснулись.

— Я прикоснулся к тебе, — сказал Ройд дрожащим голосом. — Никогда прежде я никого не касался, и никто не прикасался ко мне.

— О Ройд, это не прикосновение, не настоящее прикосновение. Нас разделяют комбинезоны. Но я еще прикоснусь к тебе. Клянусь.

— Ты не сможешь. Это невозможно.

— Я найду какой-нибудь способ, — уверенно ответила она. — А сейчас выключи свой коммуникатор. Наши голоса будут слышны через шлемы.

Он заморгал и передвинул языком выключатель.

— Теперь мы можем поговорить, — сказала она. — Наедине.

— Мне это не нравится, Меланта. Это слишком очевидно. И опасно.

— Другого способа нет, Ройд, я знаю.

— Да, — ответил он. — Я это понял. На три хода впереди, верно? Я помню, как ты играешь в шахматы. Но эта игра гораздо серьезнее, и ты была бы в большей безопасности, делая вид, что ничего не знаешь.

— Я отлично понимаю это, капитан. Однако я не уверена в другом. Можем ли мы об этом поговорить?

— Нет. Не проси меня. Просто делай так, как я говорю. Вы все в опасности, но я могу вас защитить. Чем меньше вы будете знать, тем надежнее будет моя защита. — Его лицо, видимое сквозь прозрачное стекло шлема, было печально.

Она заглянула ему в глаза.

— Это может быть другой член экипажа, но я в это не верю. Это сам корабль, правда? Нас убивает твой корабль. Не ты, а он. Правда, это не имеет смысла. Ты отдаешь «Летящему сквозь ночь» приказы, как же он может действовать самостоятельно? И зачем? По какой причине? И как был убит Тэйл Лесамер? Случай с Элис и Ломми — дело простое, но психическое убийство?.. Космический корабль, наделенный способностями пси? В это я поверить не могу. Это не может быть корабль. С другой стороны, это не может быть ничто иное. Помоги мне, капитан.

Он заморгал, в глазах его была мука.

— Я не должен был принимать предложение Д'Бранина, потому что среди вас был телепат. Это было слишком рискованно. Но я хотел увидеть волкринов, а Кэроли говорил о них так увлекательно. — Он вздохнул, — Ты и так уже слишком много поняла, Меланта. Большего я тебе сказать не могу, иначе окажусь бессилен тебя защитить. Деятельность корабля нарушена, и это все, что тебе нужно знать. Слишком упорные поиски правды опасны. Думаю, что до тех пор, пока управление в моих руках, я смогу защитить от опасности тебя и остальных. Верь мне.

— Доверие должно быть взаимным, — сказала Меланта.

Ройд поднял руку и оттолкнул женщину, а потом вновь включил свой коммуникатор.

— Хватит этой болтовни, — сказал он. — Нас ждет работа. Пошли посмотрим — действительно ли ты улучшена.

Меланта тихо выругалась в скафандре.

С искореженным куском металла, покоящимся в магнитном

захвате его скутера, Роян Кристоферис полетел к «Летящему». Он видел издалека, как Ройд появляется из корабля на своем слишком большом скутере. Он успел заметить, как Меланта Йхирл повернула скутер и прижала свой шлем к шлему Ройда. Кристоферис слышал начало их разговора, как Меланта поклялась коснуться Эриса — этого нечеловека, этого убийцы! Он подавил нарастающую ярость. А потом они отключились, отрезали его и всех остальных. Однако Меланта продолжала висеть там, возле этой загадки в горбатом скафандре, и лица их были прижаты друг к другу, как у целующихся любовников.

Кристоферис подлетел ближе и толкнул пойманную плиту так, чтобы она двигалась в их сторону.

— Держите, — сказал он. — Лечу ловить следующую.

Он выключил коммуникатор и описал круг вокруг «Летящего» и его соединительных труб.

Каким-то образом, с горечью подумал он, они все в этом замешаны: Ройд, Меланта, а может, и старый Д'Бранин. Меланта с самого начала защищала Эриса, удерживала их, когда они могли вместе что-то предпринять, словно знала, кто или что такое этот Эрис. Он был прав, что не верил ей. Мурашки побежали у него по спине, когда он вспомнил, что ложился с ней в постель. Она и Эрис — одно и то же, что бы это ни означало. А теперь мертвы бедная Элис, эта дурная Торн и даже этот проклятый телепат, но Меланта по-прежнему с ним и против всех остальных. Роян Кристоферис был напуган и разозлен.

Лингвисты и Д'Бранин гоняются где-то за кружащимися в пустоте плитами металла. Ройд и Меланта занимаются друг другом, значит, корабль пуст и не охраняется. Это его, Роя-на, шанс. Неудивительно, что Эрис настаивал, чтобы все вышли в пространство раньше него. Отделенный от управления «Летящего сквозь ночь», он был просто человеком. И к тому же слабым.

Мрачно улыбаясь, Кристоферис повел скутер вдоль грузовых сфер и, скрытый от чьего-либо взгляда, исчез в открытой пасти цилиндра, в котором располагались двигатели. Это был длинный туннель, открывавшийся прямо в вакуум. Как большинство кораблей, «Летящий сквозь ночь» имел тройную двигательную систему: антиграв для посадок и стартов, действующий только вблизи массивных объектов, ядерный привод для досветовых маневров в космическом пространстве и, наконец, птерпривод. Лучи фар скутера скользнули по кольцу ядерных двигателей и длинными яркими полосами легли на корпуса цилиндров гиперпривода, опутанных металлическими сетями, машин, которые изгибали ткань пространства-времен и.

В конце туннеля находились большие круглые двери из

усиленного металла — главная воздушная переборка.

Ксенобиолог слез со скутера, с некоторым трудом освободив ботинки из магнитного захвата, и подошел к переборке. Это самое трудное, подумал он. Обезглавленное тело Лесамера было привязано к соседней стойке и казалось мрачным стражником, охранявшим проход. Что-то заставляло Кристофериса не отрываясь смотреть на него, пока он программировал вход. Сколько бы он ни отводил взгляд, в следующее мгновение глаза его упрямо возвращались к трупу. Тело выглядело почти естественно, как будто никогда не имело головы. Кристоферис хотел вспомнить, как выглядел Лесамер, но черты лица телепата ускользали от него. Он был очень рад, когда двери наконец открылись и он смог войти в шлюз.

И вот он оказался на борту «Летящего сквозь ночь» один. Будучи человеком осторожным, Роян не снял скафандра. Он лишь открыл шлем и стянул с головы ставшую дряблой металлическую ткань, откинув ее за спину, как капюшон. Если возникнет необходимость, он сможет достаточно быстро надеть шлем снова. В грузовом трюме номер четыре, где члены экспедиции сложили свое снаряжение, он нашел то, что искал, — переносной режущий лазер, заряженный и готовый к использованию. Мощность у лазера была небольшая, но и ее должно хватить.

Цепляясь руками за стены, он кое-как добрался до кают-компании.

В ней было очень холодно, и воздух леденил его щеки. Кристоферис старался не обращать на это внимания. В дверях он собрался с силами и оттолкнулся ногами от стены. Пролетел над мебелью, к счастью крепко закрепленной на полу. Во время этого полета что-то холодное и мокрое коснулось его лица. Он вздрогнул, но ощущение исчезло прежде, чем он понял, что было его причиной.

Когда это повторилось, Кристоферис быстро поднял руку к лицу и что-то схватил. Почти тут же он почувствовал приступ тошноты. Он совсем забыл, что никто не убрал кают-компанию. Здесь до сих пор были… останки, плавающие теперь в воздухе: кровь, клочки кожи, осколки костей, мозг телепата. Повсюду вокруг него.

Добравшись до противоположной стены, он притормозил руками и спустился вниз, к месту, которое искал. Перегородка. Стена. В ней не было дверей, но вряд ли металл будет очень толстым. За ним пульт управления, выходы компьютера, безопасность, могущество. Кристоферис не считал себя мстительным человеком и не собирался причинять Ройду никакого вреда. Не ему судить его. Он только возьмет управление

над «Летящим сквозь ночь», нейтрализует Эриса и убедится, что тот закрыт в своем скафандре. Потом он доставит их всех обратно, без всяких новых загадок и очередных трупов. Арбитры Академии выслушают всех участников истории, изучат Эриса и решат, кто был прав, а кто виноват, кто ошибался, а кто нет, и что со всем этим делать дальше.

Лазер выпустил тонкий карандаш рубинового огня. Кристоферис улыбнулся и направил его на стену. Эта работа потребует много времени, но он терпелив. Они не заметят его отсутствия, он был сегодня неразговорчив, а если и заметят, то подумают, что он забрался куда-то за очередным обломком металла. Для окончания ремонтных работ Эрису потребуется несколько часов, а то и целые сутки. Из места, где светлое острие лазера касалось металла, пошел дым. Кристоферис наклонился ниже.

Что-то шевельнулось на краю его поля зрения — небольшое, едва заметное движение. Кусок мозга, подумал он, или осколок кости. А может, окровавленный лоскут кожи с волосами. Отвратительно, но бояться этого незачем. Он был биологом и привык к виду крови, мозгов и кусков кожи. И даже к худшим вещам, гораздо более худшим. В свое время он вскрывал множество чужаков, прорезал хитин, продирался сквозь слизь, открывал пульсирующие и вонючие желудки и мешки с ядом, видел все это и касался этого.

Снова движение. Кристоферис чувствовал, что должен взглянуть в ту сторону, хотя ему этого не хотелось. Каким-то образом он не мог не смотреть, так же как не мог отвести взгляда от безголового тела у шлюза. Он посмотрел.

Это был глаз.

Кристоферис вздрогнул, и луч лазера ушел в сторону. Он с трудом вернул его в прорезаемый в стене канал. Сердце колотилось как бешеное. Он попытался успокоиться. Бояться нечего, здесь никого нет, и если даже вернется Ройд, что ж, у него есть лазер и скафандр на случай открытия воздушных шлюзов.

Он снова взглянул на висящий в воздухе глаз, силой воли отгоняя страх. Это всего лишь глаз, один из двух глаз Лесамера, светло-голубой, искривленный, но целый, тот самый водянистый глаз, что сидел в голове парня, пока тот был жив. Ничего сверхъестественного. Кусочек мертвого тела, висящий в кают-компании среди других кусков. Все-таки кому-то придется здесь убрать, со злостью подумал он. Оставлять здесь все это было неприлично, недостойно цивилизованных людей.

Глаз висел неподвижно. Другие останки дрейфовали, подталкиваемые воздушными потоками, но глаз был неподвижен.

Высота, на которой он висел, не менялась. Он смотрел на ксенобиолога.

Кристоферис выругался и сосредоточился на лазере и на своей работе. Он уже прожег в стене вертикальную линию почти метровой длины и начал резать следующую, под прямым углом к первой.

Глаз бесстрастно смотрел на него, и ученый вдруг понял, что больше этого не вынесет. Он вытянул руку, схватил глаз и швырнул его в глубь помещения. Это привело к тому, что он потерял равновесие и полетел назад, размахивая руками, словно гигантская уродливая птица. Наконец он ухватился за край стола и остановился.

Лазер висел в центре кают-компании между кофейными чашками и обрывками человеческой плоти, продолжая излучать рубиновый огонь. При этом он медленно вращался. Странно, лазер должен был автоматически выключиться, вылетев из его рук. Испортился, нервно подумал Кристоферис. От линии, которую тонкий луч света рисовал на ковре, поднимался дым.

С внезапной дрожью Кристоферис понял, что лазер поворачивается в его сторону.

Он поднялся, уперся руками в стол и, оттолкнувшись, поплыл к потолку, убегая от дымящейся полоски.

Теперь лазер начал поворачиваться гораздо быстрее.

Кристоферис ударился о потолок, отскочил и заметался по кают-компании, размахивая ногами. Лазер быстро вращался, преследуя его. Кристоферис вытянул руки, готовясь к очередному отскоку от потолка. Луч описал круг, но человек двигался быстрее. Метнувшись в сторону, ксенобиолог приблизился к лазеру, вытянул руку… И увидел глаз.

Он висел над лазером, глядя на ученого.

Роян Кристоферис тихо заскулил, и рука его на мгновение замерла — только на мгновение, но этого было достаточно. Рубиновый луч поднялся и повернулся к нему.

Его прикосновение к шее показалось Рояну легкой горячей лаской.

Прошло больше часа, прежде чем они заметили, что Кристофериса с ними нет. Первым заметил его отсутствие Кэроли Д’Бранин, вызвавший ксенобиолога по коммуникатору и не получивший ответа. Он и сообщил остальным.

Ройд Эрис отодвинулся от стальной плиты, которую монтировал, Сквозь прозрачное стекло шлема Меланта заметила, как твердеют черты его лица.

И именно в эту минуту послышался шум.

Пронзительный крик страха и боли, потом стоны и бульканье. Чудовищные, хлюпающие звуки, как будто человек, издающий их, давился собственной кровью. Это слышали все — звуки заполнили их шлемы. И среди этой какофонии прозвучало что-то, похожее на слово «Помогите!».

— Это Кристоферис, — воскликнула Линдрен.

— Что-то с ним случилось, — добавил Дэннел. — Он зовет на помощь. Не слышите, что ли?

— Где… — начал кто-то, но тут заговорил Ройд Эрис:

— Глупец! Я же предупреждал…

— Хочу его поискать, — заявила Линдрен.

Дэннел освободил зацепленный кусок обшивки, который, крутясь, улетел в пространство. Скутер лингвистов направился к «Летящему сквозь ночь».

— Остановитесь, — приказал Ройд. — Если хотите, я вернусь к себе и проверю все оттуда, но вам нельзя сейчас входить в корабль. Вы должны оставаться снаружи, пока вам не разрешат войти.

Страшные звуки не умолкали.

— Иди к черту! — рявкнула Линдрен.

Кэроли Д'Бранин тоже развернул свой скутер, спеша за лингвистами, но он был гораздо дальше от корабля.

— Что ты хочешь сказать, Ройд? Мы должны ему помочь, неужели ты не понимаешь? С ним что-то случилось, послушай.

— Нет, — ответил Ройд. — Кэроли, остановись! Если Роян вернулся на корабль, то он уже мертв.

— Откуда ты знаешь? — крикнул Дэннел. — Ты это подстроил? Расставил ловушки на случай, если мы не будем послушны?

— Нет. Послушайте меня. Вы не сможете ему помочь. Только я мог бы его спасти, но он не хотел меня слушать. Поверьте мне и остановитесь. — В его голосе звучало отчаяние.

Скутер Д'Бранина притормозил. Однако машина лингвистов продолжала двигаться.

— Я бы сказала, что мы слишком долго слушались тебя, — заметила Линдрен. Ей приходилось почти кричать, чтобы ее услышали сквозь раздающиеся в их шлемах рыдания и стоны, отвратительное мокрое хлюпанье, сдавленные призывы о помощи. Агония заполнила всю вселенную.

— Меланта, — продолжала Линдрен, — задержи Эриса там, где он есть. Мы будем осторожны и посмотрим, что там делается, но я не хочу, чтобы он добрался до своего пульта управления. Поняла?

Меланта Ихирл колебалась. Звуки били по ушам, и ей трудно

было собраться с мыслями.

Ройд повернул скутер и очутился прямо перед Мелантой. Она почувствовала тяжесть его взгляда.

— Останови их, — проговорил он, — Меланта, Кэроли, прикажите им остановиться. Меня они не послушают. Они не понимают, что делают. — Он явно страдал.

Выражение его лица помогло ей принять решение.

— Быстро возвращайся внутрь, Ройд, и сделай, что в твоих силах. Я постараюсь их задержать.

— На чьей же ты стороне? — с упреком спросила Линдрен.

Ройд кивнул ей, но Меланта уже послала свой скутер вперед. Выбравшись из района работ, усеянного обломками корпуса и прочим мусором, она резко увеличила скорость, облетела корабль и направилась в сторону двигательного отсека.

Однако еще издалека она увидела, что опоздала. Лингвисты были ближе к кораблю и двигались гораздо быстрее.

— Не делайте этого, — приказала она, — Кристоферис мертв.

— Может, это его дух зовет на помощь? — ответила Линдрен. — Когда тебя конструировали, шлюха, наверное повредили ген, ответственный за слух.

— Корабль опасен!

— Шлюха… — Это был единственный ответ, который она получила.

Скутер Д'Бранина напрасно преследовал их.

— Друзья, остановитесь, прошу, умоляю вас об этом. Обговорим все вместе.

Ответом ему были только ужасные звуки.

— Я ваш начальник, — говорил Д'Бранин, — я приказываю от имени Академии Человеческого Знания! Я приказываю вам оставаться снаружи! Вы слышите? Прошу вас, друзья, прошу!

Меланта беспомощно наблюдала, как Линдрен и Дэннел исчезли в отверстии туннеля. Минутой позже ее скутер затормозил перед ждущими черными губами тоннеля, и она задумалась, стоит ли ей лететь за ними. Возможно, она успеет перехватить их, прежде чем откроется воздушный шлюз.

Голос Ройда, хриплый на фоне криков, ответил на ее невысказанный вопрос:

— Останься, Меланта. Не двигайся дальше.

Она оглянулась — скутер Ройда приближался к ней.

— Что ты здесь делаешь? Иди через свой вход. Тебе же нужно попасть к себе!

— Не могу! — спокойно ответил он, — Корабль не реагирует на мои распоряжения. Шлюз не хочет открываться. Главная переборка в двигательном отсеке — единственная, которую

можно открыть вручную. Меланта, я не хочу, чтобы вы входили на корабль прежде, чем я доберусь до пульта управления, — ни ты, ни Кэроли.

Меланта Йхирл заглянула в отверстие туннеля, где исчезли лингвисты.

— А что будет…

— Убеди их вернуться любой ценой. Может, еще не поздно.

Она попыталась. Попробовал и Кэроли Д'Бранин, однако это никак не повлияло на решение Дэннела и Линдрен.

— Выключили коммуникаторы, — с яростью в голосе сказала Меланта, — Не хотят нас слушать. Нас или… эти звуки.

Скутеры Ройда и Д'Бранина подлетели к ней одновременно.

— Я ничего не понимаю, — сказал Кэроли. — Почему ты не можешь попасть внутрь, Ройд? Что здесь происходит?

— Это просто, Кэроли, — ответил Эрис. — Меня не пустят внутрь корабля до тех пор, пока…

— Ну? — поторопила его Меланта.

— Пока моя мать не расправится с ними.

Лингвисты оставили свой скутер возле машины Кристофериса и прошли через шлюз, даже не взглянув на мрачного безголового мертвеца.

Внутри они остановились на минуту, чтобы снять и забросить за спину шлемы.

— Я по-прежнему слышу его, — сказал Дэннел. Внутри корабля звуки стали заметно тише.

— Это из кают-компании. Быстро!

Цепляясь руками и ногами, они одолели коридор меньше чем за минуту. Звуки становились все более отчетливыми и близкими.

— Он там, внутри, — сказала Линдрен, когда они добрались до входа.

— Да, — согласился Дэннел, — но один ли он там? Нам нужно какое-нибудь оружие. Что, если… Нет, Ройд, конечно, лгал. На борту этого корабля есть кто-то еще. Возможно, нам придется защищаться.

Линдрен не хотела ждать.

— Нас двое! — сказала она, — Идем наконец.

Она оттолкнулась и влетела в кают-компанию. Там было темно. Свет проникал только из коридора, и глазам ее потребовалось время, чтобы привыкнуть к сумеркам.

Стены, пол, потолок были такие же, как всегда, и Линдрен растерялась.

— Роян! — неуверенно крикнула она. — Где ты?

— Иди на звуки, — предложил Дэннел, висевший в дверях. Он внимательно огляделся, а потом осторожно, ощупью, двинулся вдоль стены.

Как бы в ответ на его предложение, жалобные крики стали вдруг громче. Однако казалось, что они шли сначала из одного угла комнаты, потом из другого.

Линдрен нетерпеливо оттолкнулась и пролетела через все помещение, оглядываясь по сторонам. Она добралась до стены в районе кухни, и это напомнило ей об оружии и опасениях, высказанных Дэннелом.

— Эй, — сказала она через некоторое время, поворачиваясь в его сторону. — У меня есть нож, и это должно придать тебе отваги.

Она воинственно помахала ножом, случайно задев пролетавший мимо пузырь жидкости размером с ее кулак. Он разлетелся на сотни маленьких шариков. Один из них пролетел перед ее лицом, и Линдрен лизнула его языком. Кровь!

Но ведь Лесамер уже давно мертв. Его кровь должна уже засохнуть, подумала она.

— Боже милосердный, — сказал Дэннел.

— Что? — спросила Линдрен. — Ты нашел его?

Дэннел неуклюже двигался к выходу, цепляясь за стену, словно большое насекомое.

— Беги отсюда, Линдрен, и чем быстрей, тем лучше, — крикнул он ей. — Быстро!

— Почему? — Она вздрогнула. — Что случилось?

— Эти вопли. Их издает стена, Линдрен, стена…

— Плетешь какую-то ерунду, — рявкнула она. — Возьми себя в руки!

— Неужели ты не слышишь? — пробормотал он почти нечленораздельно. — Эти звуки идут из-за стены. Коммуникатор… Они подделаны… Это имитация!

Дэннел добрался до выхода и нырнул в него, громко вздохнув. Он не стал ждать Линдрен и вскоре исчез в глубине коридора, торопливо перебирая руками и неловко отталкиваясь от стен.

Линдрен двинулась за ним.

И тут из дверей раздался крик.

— Помогите мне, — умолял Роян Кристоферис.

Затем послышался страшный захлебывающийся звук. Линдрен остановилась.

Сбоку донесся хриплый стон.

— А-а-а… Помогите мне… Помогите, помогите, помогите, — умолял Кристоферис из темноты за ее спиной. Затем кто-то

зашелся кашлем и снова застонал.

— Помогите мне, помогите, помогите, помогите, — звучал целый хор голосов.

Голоса становились выше, набирали силу, слова перешли в крик, окончившийся мокрым захлебывающимся хрипом, свистом, смертью. Потом все стихло, просто стихло и все.

Линдрен оттолкнулась ногой и поплыла в сторону двери, сжимая нож.

Что-то темное выползло из-под стола и поднялось, преграждая ей дорогу. Это был Роян. Он по-прежнему был в своем вакуумном скафандре, но со снятым шлемом. Кристоферис что-то держал в руках, направляя это в ее сторону. Лазер, догадалась она, обычный режущий лазер.

Она двигалась прямо на него, размахивая руками, чтобы остановиться, но все было напрасно.

Оказавшись достаточно близко, она увидела, что под подбородком у Кристофериса есть вторые губы — длинный почерневший разрез — и что губы эти смеются и при каждом его движении из них вылетают маленькие капли крови…

Дэннел, охваченный диким страхом, мчался вдоль коридора, ударяясь о стены и проходы. Паника и невесомость сковывали его движения, делали неуклюжим. Время от времени он оглядывался через плечо, надеясь увидеть спешащую за ним Линдрен и одновременно ужасаясь тому, что может увидеть вместо нее. Поворачивая, он каждый раз терял равновесие, переворачивался и летел в сторону.

Воздушная переборка открывалась долго, очень долго. Он ждал, дрожа всем телом, но пульс его начал постепенно успокаиваться. Душераздирающие звуки прекратились, за ним никто не гнался. С трудом он взял себя в руки, а когда оказался внутри шлюза, отделенный от кают-компании закрытыми внутренними дверями, почувствовал себя в безопасности.

Сейчас он никак не мог вспомнить, почему он так перепугался.

Ему было стыдно — удрал, бросил Линдрен. И почему? Что его так испугало? Пустая кают-компания? Шум из-за стен? Тут же ему пришло в голову вполне рациональное объяснение. Звуки означали, что бедный Кристоферис находится где-то в другом месте, но, видимо, еще жив и очень страдает.

Дэннел печально покачал головой. Он знал, что Линдрен не простит ему предательства. Она и без этого его третирует, а теперь и подавно не простит, что он бросил ее одну. Надо сейчас же вернуться и все ей объяснить. Это ему зачтется. Приняв

решение, Дэннел протянул руку к рычагу, остановил цикл перехода и повернул его вспять. Воздух с шипением вернулся в камеру шлюза.

Когда открывалась внутренняя дверь, Дэннела вновь на мгновение охватил страх — короткий укол ужаса, вызванный мыслью о том, что могло появиться из кают-компании и ждать его в коридорах корабля.

Он поборол этот страх.

Линдрен ждала его.

Он не заметил ни гнева, ни презрения на ее удивительно спокойном лице и направился к ней, пытаясь вымолить у нее прощение.

— Сам не знаю, почему я… — начал он.

Сонным, замедленным движением она подняла руку. Описывая убийственную дугу, сверкнул нож, и только в этот момент Дэннел заметил прожженную в ее скафандре дымящуюся дыру, точно между грудями.

— Твоя мать? — недоверчиво спросила Меланта Ихирл.

— Она слышит все, что мы говорим, — ответил Ройд, — но сейчас это уже не имеет значения. Роян сделал что-то очень глупое и страшное. Теперь она решила убить вас всех.

— Она, она! Что ты хочешь этим сказать? — В голосе Д'Бранина звучало искреннее удивление. — Может, твоя мать до сих пор жива? Ты же говорил, что она умерла еще до твоего рождения.

— Умерла, Кэроли, — сказал Ройд. — Я не лгал.

— Конечно нет, — согласилась Меланта, — Я была в этом уверена. Но ты не сказал нам всей правды.

Ройд кивнул.

— Мать умерла, но ее… ее дух по-прежнему живет и заполняет моего «Летящего», — Он вздохнул. — А может, лучше сказать — ее «Летящего». Мой контроль над кораблем весьма ограничен.

— Ройд, — сказал Д'Бранин, — духов не существует. Жизни после смерти не бывает. Мои волкрины более реальны, чем какие-либо духи.

— Я тоже не верю в духов, — жестко добавила Меланта.

— Называйте это как хотите, — сказал Ройд. — Мое название так же хорошо, как и любое другое. Действительности не изменишь терминологией. Моя мать или какая-то ее часть по-прежнему живет в «Летящем сквозь ночь» и будет убивать вас всех по очереди, как перед этим убивала других.

— Ройд, в твоих словах нет смысла, — упирался Д'Бранин.

— Спокойно, Кэроли. Позволим капитану объяснить все до конца.

— Да, — сказал Ройд, — Как вы сами видите, «Летящий сквозь ночь» очень… очень современен. Автоматизированный, саморемонтирующийся, большой. Он должен быть таким, если мать хотела избавиться от необходимости иметь экипаж. Если помните, он построен на Ньюхолме. Я никогда там не был, но полагаю, что и наука, и техника там очень развиты. Подозреваю, что Авалон не смог бы построить такой корабль.

— И в чем же суть, капитан?

— Суть… суть заключается в компьютерах, Меланта. Мать хотела, чтобы они были исключительными. И они действительно такие. Центральные системы на кристаллических матрицах, лазерная память, сенсорные периферические устройства и другие… дополнения.

— Ты хочешь сказать, что «Летящий сквозь ночь» является Искусственным Разумом? Ломми Торн догадывалась об этом.

— Она ошибалась, — продолжал Ройд. — Мой корабль не является Искусственным Разумом в том смысле, какой вы в него вкладываете. Но это нечто родственное ему. Мать потребовала встроить в компьютер устройства для копирования человеческой личности. Она заполнила центральный кристалл своими воспоминаниями, желаниями, извращениями, своей любовью и… ненавистью. Именно потому мое воспитание она целиком доверила компьютеру, понимаете? Она знала, что он воспитает меня так, как сделала бы это она, хвати ей терпения. Ввела она в него и некоторые другие программы.

— А ты можешь сам программировать компьютер, дружище? — спросил Д'Бранин.

В голосе Ройда звучало отчаяние:

— Я пробовал, Кэроли. Но я плохо разбираюсь в компьютерах, а программы необычайно сложны. По крайней мере трижды мне казалось, что я ее ликвидировал, но каждый раз она возникала снова. Это как компьютерный вирус, и я не могу ее локализовать. Она является, когда хочет, и уходит тоже. Как дух, понимаете? Ее воспоминания и личность так переплетены с программами, которые поддерживают жизнь «Летящего», что я не могу избавиться от них, не уничтожив центральный кристалл. А это было бы моим концом. Я никогда не смог бы записать новые программы, а без компьютеров мой корабль перестанет функционировать — двигатели, системы жизнеобеспечения, вообще все. Мне придется покинуть «Летящий», и это убьет меня.

— Ты должен был нам рассказать это раньше, дружище, — заметил Кэроли Д'Бранин. — На Авалоне есть много

кибернетиков, и некоторые из них — выдающиеся умы. Мы могли бы тебе помочь. Могли бы дать тебе высококвалифицированных советников. Ломми Торн могла бы тебе помочь.

— Кэроли, я уже пользовался услугами экспертов. Дважды я приглашал на борт специалистов по компьютерным системам. Первый из них сказал мне то, что я повторил вам сейчас: избавление от вируса невозможно без ликвидации всех программ. Второй учился на Ньюхолме и считал, что, возможно, сумеет мне помочь. Мать убила его.

— Ты постоянно что-то скрываешь от нас, — сказала Меланта Йхирл. — Я понимаю, каким образом твой кибернетический дух может в нужный момент открывать и закрывать воздушные переборки. Но как ты объяснишь происшедшее с Лесамером?

— В конце концов, вина ложится на меня, — ответил Ройд. — Одиночество подсказало мне решение, которое оказалось страшной ошибкой. Я думал, что смогу обеспечить вам безопасность, даже если среди вас будет телепат. Я уже перевозил других пассажиров, наблюдая за ними и предотвращая опасные поступки. Если мать пыталась вмешаться, я нейтрализовывал ее действия из главного центра управления. Обычно это помогало. До этого полета она убила только пять человек, причем трое из них погибли, когда я был еще молод. Именно так я и узнал о матери, узнал о ее существовании на моем корабле. В той группе тоже был телепат. Однако я должен был предвидеть, Кэроли. Моя жажда жизни обрекла вас всех на смерть. Я переоценил свои возможности и недооценил страх матери быть обнаруженной. Она наносит удар, оказываясь в опасности, а телепаты — это непрерывная угроза. Они чувствуют ее. Чье-то больное мрачное присутствие, говорят они, что-то холодное, враждебное и нечеловеческое.

— Да, — сказал Кэроли Д'Бранин, — именно это говорил мне Лесамер. И это было что-то чуждое, он не сомневался в этом.

— Ничего удивительного, что моя мать казалась чужаком телепату, привыкшему к знакомым образцам органических разумов. У нее ведь не человеческий мозг. Я даже не могу сказать, что она такое — комплекс кристаллической памяти или дьявольская сеть взаимосвязанных программ, контуров и души. Да, я могу понять, почему она казалась ему чужой.

— Ты все еще не объяснил, каким образом компьютерная программа может привести к взрыву человеческого черепа, — сказала Меланта.

— Ты носишь ответ на груди, Меланта.

— Мой шепчущий камень? — удивилась она, и в этот момент почувствовала под скафандром и одеждой холодное

прикосновение камня. Смутное воспоминание заставило ее задрожать. Неужели камень ожил от одного упоминания о нем?

— Я ничего не знал о шепчущих камнях до тех пор, пока ты не рассказала мне о своем. Принцип здесь тот же самый. Психическое воплощение, сказала ты. Значит, тебе известно, что психическую силу можно аккумулировать. Центральная система моего компьютера является резонирующим кристаллом, гораздо большим, чем твой маленький бриллиантик. Я думаю, что на смертном одре мать впечатала в этот кристалл свой узор.

— Только одаренный психическим талантом может впечатать свой узор в шепчущий камень, — сказала Меланта.

— Никто из вас никогда не спросил о причинах всего этого. Вы не спросили, почему моя мать так ненавидела людей. Видите ли, она родилась с даром, талантом. На Авалоне она, пожалуй, имела бы первый класс, ее талант берегли бы и хорошо вознаграждали. Думаю, она могла бы стать знаменитой. Возможно, она была даже сильнее первого класса, но не исключено, что получила такую силу только после смерти, оказавшись в компьютере «Летящего». Однако она родилась не на Авалоне. На Вессе ее дар сочли проклятием, чем-то чуждым и ужасающим, и решили от него вылечить. Для этого использовали наркотики и электрошок, а также постгипнотическое внушение, после которого ее рвало каждый раз, когда она пыталась воспользоваться своим даром. Впрочем, были и другие, менее деликатные методы. Разумеется, она не утратила своих способностей, она потеряла лишь умение эффективно использовать их, рационально контролировать. Талант остался ее неотъемлемой частью, как источник стыда и боли, проявляющийся в минуты эмоционального напряжения. Пять лет постоянной опеки привели ее почти к безумию. Ничего удивительного, что после этого она возненавидела людей.

— А в чем состоял ее талант? Телепатия?

— Нет. Ну, может, в какой-то зачаточной форме. Я читал, что все психические таланты обладают несколькими, как бы спящими, способностями в дополнение к своей основной. Однако мать не могла читать мыслей. У нее были некоторые эмпатические способности, но процесс лечения повернул их так, что все принимаемые ею эмоции вызывали у нее рвоту. Однако ее главным талантом, силой, которую пять лет пытались разбить и уничтожить, был телекинез.

Меланта Йхирл выругалась:

— Ничего странного, что она ненавидела гравитацию! Телекинез в невесомости, это…

— Да, — закончил Ройд. — Поддержание гравитации на

«Летящем» является для меня пыткой, но ограничивает мою мать.

В тишине, воцарившейся после этих слов, каждый посмотрел в глубину темного туннеля. Кэроли Д'Бранин неловко шевельнулся на своем скутере.

— Дэннел и Линдрен еще не вернулись, — сказал он.

— Вероятно, они мертвы, — бесстрастно заметил Ройд.

— Что же нам делать? Нужно составить какой-то план. Мы не можем ждать здесь без конца.

— Основной вопрос звучит так: что делать мне? — сказал Ройд, — Заметьте, я говорил совершенно открыто. Вы заслужили право знать. Мы уже прошли точку, до которой незнание было защитой. Дела зашли слишком далеко. Чересчур много смертей, и вы были свидетелями каждой из них. Мать не может позволить вам вернуться на Авалон живыми.

— Это правда, — сказала Меланта. — Но что она сделает с тобой?

— В том и заключается проблема, — согласился Ройд. — Ты всегда на три хода впереди, Меланта, но я не знаю, хватит ли этого. В этой игре противник предвидит четыре хода, а большинство твоих фигур уже сбиты. Боюсь, что мат в таких условиях неизбежен.

— Разве что мне удастся подбить на сотрудничество короля моего противника, правда?

Ройд слабо улыбнулся.

— Если бы я решил перейти на вашу сторону, она, вероятно, убила бы и меня. Собственно, я ей не нужен.

Кэроли Д'Бранин, похоже, никак не мог понять всего.

— Но… но что еще можно…

— Мой скутер снабжен лазером, а ваши — нет. Я мог бы убить вас обоих, сейчас же, и тем самым вернуть себе благосклонность «Летящего сквозь ночь».

Глаза Меланты встретились с глазами Ройда. Руки ее спокойно лежали на рычагах управления.

— Можно попробовать, капитан. Только помни, что убийство улучшенной модели — не такая простая штука.

— Я никогда не убью тебя, Меланта Йхирл, — серьезно ответил Ройд. — Я прожил шестьдесят восемь стандартных лет и за все это время не попробовал жизни. Я устал, а ты изобрела великолепную ложь. Ты правда коснешься меня?

— Да.

— Я многим рискую ради твоего прикосновения. Однако в некотором смысле я не рискую ничем. Если мы проиграем, то умрем все, а если победим, я все равно умру, когда «Летящего сквозь ночь» уничтожат на Авалоне. Или это, или жизнь калеки в

орбитальном госпитале. Уж лучше смерть.

— Мы построим для тебя новый корабль, капитан, — пообещала Меланта.

— Лгунишка, — сказал Ройд, однако тон его голоса стал значительно мягче. — Это неважно. Мне и так уже осталось немного. Смерть не пугает меня. Если мы победим, тебе придется рассказать мне о волкринах, Кэроли. А ты, Меланта, сыграешь со мной в шахматы, найдешь способ коснуться меня и…

— И лечь с тобой в постель? — закончила она, улыбаясь.

— Если захочешь, — тихо сказал он и пожал плечами. — Мать наверняка все слышала и будет в курсе любых планов, которые мы сможем разработать, поэтому нет смысла вообще что-то планировать. Теперь уже нет никакой надежды, что я смогу пройти через свой шлюз, потому что он управляется прямо из компьютера. Придется нам последовать за остальными через двигательный отсек, войти через главный шлюз и максимально использовать шанс, который у нас будет. Если мне удастся добраться до моего пульта и вернуть гравитацию, мы можем победить. Если же нет…

Его прервал глухой стон.

В первое мгновение Меланте показалось, что «Летящий сквозь ночь» начинает бомбардировать их звуками, и ее удивила глупость повторения одной и той же тактики. Потом стон зазвучал снова, с задней части скутера Д'Бранина. Забытая четвертая участница их группы начала возиться с креплениями.

Кэроли Д'Бранин торопливо повернулся, чтобы освободить Агату Марий-Блек. Она попыталась встать и почти вылетела из скутера. Д'Бранину пришлось схватить ее за руку и притянуть обратно.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросил он. — Ты меня слышишь? У тебя что-то болит?

Испуганные глаза за прозрачной пластиной перескочили с Д'Бранина на Меланту, потом на Ройда и поврежденный «Летящий». Меланта засомневалась, что женщина в своем уме, и уже хотела предостеречь Д'Бранина, когда Агата Марий-Блек заговорила.

— Волкрины! — сказала она. — О-о-о… Волкрины!

Вокруг выхода из туннеля засветилось кольцо атомных двигателей. Меланта услышала, как Ройд резко втянул воздух, и повернула рукоять, управляющую ускорением скутера.

— Быстрее, — крикнула она, — корабль готовится к отлету.

На трети пути через туннель Ройд догнал Меланту и полетел рядом, грозный в своем черном массивном скафандре. Бок о бок они миновали цилиндры и сети гиперпривода, и перед ними в

слабом свете показалась главная воздушная переборка со своим кошмарным охранником.

— Когда доберемся до переборки, переходи на мой скутер, — сказал Ройд. — Я хочу быть вооружен и иметь экипаж, а два скутера не поместятся в камере шлюза.

Меланта Йхирл быстро оглянулась.

— Кэроли, — позвала она, — Где ты?

— Снаружи, дорогая, — донесся ответ. — Я не могу лететь с вами. Простите меня.

— Нам нужно держаться вместе!

— Нет, — сказал Д'Бранин. — Я не могу рисковать, когда мы так близко к волкринам. Моя жизнь потеряет всякий смысл. Подлететь так близко и в последнюю минуту отступить! Я не боюсь смерти, но сначала должен их увидеть.

— Моя мать собирается улететь отсюда, — вмешался Ройд. — Кэроли, останешься здесь — погибнешь.

— Я подожду, — ответил Д'Бранин. — Мои волкрины летят, и я должен встретить их.

Разговор прервался, так как они были уже почти у переборки. Оба скутера затормозили и остановились. Ройд Эрис вытянул руку, чтобы запрограммировать проход, а Меланта перескочила на его скутер. Наружная дверь открылась, они влетели в камеру шлюза.

— Все начнется после открытия внутренних дверей, — сказал Ройд равнодушным голосом. — Меблировка корабля вделана в пол или прикреплена к нему, но вещи, которые принесла с собой ваша группа, не закреплены. Мать использует их как оружие. И берегись дверей, воздушных переборок — всего, что соединено с компьютером корабля. Надеюсь, не нужно говорить, чтобы ты не расстегивала скафандр?

— Не нужно, — ответила она.

Ройд снизился, и рабочие руки скутера заскрежетали, коснувшись пола камеры.

Внутренняя дверь с шипением открылась, и Ройд рванулся вперед.

Внутри они увидели Дэннела и Линдрен, плававших в облаке капель крови. Дэннел был распорот почти от паха до горла, и его кишки покачивались, как клубок белых змей. Линдрен по-прежнему держала нож. Мертвецы поплыли навстречу Ройду, двигаясь с фацией, которой никогда не обладали при жизни.

Ройд поднял рабочие руки скутера и, не останавливаясь, отбросил мертвые тела в стороны. Дэннел, как бильярдный шар, отскочил от стены, оставив на ней широкий мокрый след, и из его распоротого живота опять полезли внутренности. Линдрен

выпустила из руки нож. Ройд прибавил скорости и промчался мимо, направляясь сквозь облако крови в глубь коридора.

— Я буду смотреть назад, — сказала Меланта, повернулась и оперлась о его спину. Два мертвых тела остались позади, нож плавал в воздухе. Она хотела сказать Ройду, что все в порядке, как вдруг нож повернулся и полетел за ними, управляемый невидимой силой.

— Поворачивай! — крикнула она.

Скутер вильнул в сторону. Нож промахнулся на метр и со звоном отскочил от стены.

Однако он не остановился и снова полетел к ним.

Впереди появилось темное отверстие входа в кают-компанию.

— Двери слишком узкие, — сказал Ройд. — Нам придется оставить… — В этот момент они ударились о раму прохода. Ройд ввел скутер прямо во фрамугу, и резкий рывок скинул их в воздух.

Какое-то время Меланта беспомощно кувыркалась в коридоре, пытаясь определить, где низ, а где верх. Нож мгновенно нашел ее, пробив скафандр, и располосовал ей предплечье почти до кости. Она почувствовала резкую боль и тепло текущей крови.

— Проклятье! — выругалась она.

Нож снова повернулся к ней, разбрасывая красные капли.

Меланта выбросила руку вперед и схватила рукоять ножа. Что-то пробормотав про себя, она вырвала нож из невидимых пальцев, которые держали его.

Ройд уже добрался до пульта управления скутера и начал что-то делать. Внезапно Меланта заметила, что под ними поднимается какая-то фигура. Это был мертвый Кристоферис.

— Ройд! — предостерегающе крикнула она.

Мертвец включил небольшой лазер, который держал в руках, и тонкий луч света ударил Ройда прямо в грудь.

Эрис нажал на спуск. Мощный лазер, смонтированный на скутере, полыхнул огнем. Его луч ударил прямо в оружие Кристофериса, испепелив его и отрезав правую руку и часть грудной клетки трупа. Кристоферис повис в воздухе, а из места, где луч коснулся противоположной стены, начал подниматься дым.

Ройд ввел по приборам какие-то поправки и начал резать дыру.

— Мы пробьемся минут за пять или еще быстрее, — сказал он.

— С тобой все в порядке? — спросила Меланта.

— Да. Мой скафандр защищен гораздо лучше ваших, а этот

лазер — всего лишь игрушка небольшой мощности.

Меланта вновь сосредоточила свое внимание на коридоре.

Мертвые лингвисты медленно приближались, двигаясь вдоль стен, чтобы напасть с обеих сторон одновременно. Она сжала руку. Предплечье пульсировало болью, но она чувствовала себя сильной, почти непобедимой.

— Трупы снова собрались нас атаковать, — сообщила она Ройду. — Я займусь ими.

— Разумно ли это? — спросил Ройд. — Их двое.

— Я улучшенная модель, — ответила она, — а они мертвы.

Она оттолкнулась от скутера и поплыла к Дэннелу по высокой траектории. Он поднял руки, чтобы ее остановить, но она отбила их и выгнула одну далеко назад, слыша, как хрустит кость. Потом, уже понимая, что это бесполезно, вонзила ему нож в горло. Кровь хлынула из шеи Дэннела все расширяющимся облаком, но руки не переставали колотить ее. Зубы трупа страшно клацали.

Меланта выдернула нож, схватила Дэннела и, собрав все силы, швырнула его в глубь коридора. Дико размахивая руками и ногами, он исчез в облаке собственной крови.

Меланта отлетела назад, медленно кувыркаясь, и тут ее схватили руки Линдрен.

Ногти принялись яростно царапать шлем, из-под них показалась кровь, оставлявшая на пластике красные полосы.

Меланта повернулась, чтобы оказаться лицом к лицу с нападающей, схватила ее за руку и швырнула вслед за товарищем. Отдача закрутила ее волчком, и, только широко раскинув руки, ей удалось остановиться.

— Я пробился, — сообщил Ройд.

Меланта повернулась, чтобы взглянуть. В одной из стен кают-компании была вырезана квадратная дыра. Ройд выключил лазер, ухватился за две противоположные стороны прохода и протиснулся в кают-компанию.

Внезапно наушники взорвались какофонией звуков. Меланта сжалась, потом быстро высунула язык и лизнула выключатель коммуникатора. Воцарилась благословенная тишина.

В кают-компании шел дождь. Столовые приборы, стаканы и тарелки, куски человеческих тел — все летело через комнату и отскакивало от бронированного скафандра Ройда, не причиняя ему никакого вреда. Меланте, хотевшей пойти за ним следом, пришлось беспомощно отступить. В своем легком тонком скафандре она была бы рассечена на куски этим дождем смерти. Ройд добрался до стены и исчез в таинственной части корабля. Меланта одиноко уселась на пол.

«Летящий сквозь ночь» рванулся, и внезапное ускорение на секунду создало что-то, напоминающее гравитацию. Меланта перевернулась на бок, раненая рука больно ударилась об основание скутера.

Вдоль всего коридора открылись двери.

Дэннел и Линдрен снова приближались к ней.

«Летящий сквозь ночь» быстро удалялся и скоро превратился в звезду, сверкавшую выхлопами атомных двигателей. Оставшихся в бездне пассажиров окружали темнота и холод, под ногами была бесконечная пустота Вуали Грешницы, но Кэроли Д'Бранин не испытывал страха. Он чувствовал себя странно изменившимся.

Бездна оживлялась надеждой.

— Они подлетают, — шепнул он. — Даже я, не имеющий никаких пси-способностей, чувствую их. Рассказ крэев должен касаться именно этого — их можно чувствовать даже с расстояния в несколько световых лет. Великолепно!

Агата Марий-Блек казалась маленькой и скрюченной.

— Волкрины, — пробормотала она. — Что они могут для нас сделать? Мне больно, а корабль улетел. Д'Бранин, у меня страшно болит голова. — Она вдруг испуганно запищала. — Так сказал Тэйл сразу после укола, и перед… перед сам знаешь чем. Он сказал, что у него болит голова. Страшно болит.

— Успокойся, Агата, и ничего не бойся. Я с тобой. Подождем. Подумай только, что мы увидим их, подумай об этом!

— Я чувствую, что они приближаются, — сказала псипсих.

Д'Бранин дрожал от возбуждения:

— Покажи мне волкринов. У нас есть наш маленький скутер, и мы можем полететь к ним навстречу. Веди меня!

— Да, — согласилась она. — О да.

Гравитация вернулась, и в одно мгновение вселенная вновь стала нормальной.

Меланта упала на пол, быстро перевернулась и, как кошка, поднялась на ноги. Предметы, зловеще вылетавшие через открытые двери в коридор, с грохотом падали вниз.

Кровь из тумана превратилась в скользкий покров на полу коридора.

Два мертвеца тяжело рухнули на пол и уже не шевелились.

Из коммуникаторов, встроенных в стены, донесся голос Ройда:

— Получилось.

— Я вижу.

— Я у главного пульта управления. Мне удалось вернуть гравитацию, перейдя на ручное управление, и сейчас я включаю большую часть функций компьютера. Однако опасность еще не миновала. Она попытается найти способ обойти то, что находится под моим контролем. Пока я преодолеваю ее приказы силой. Мне нельзя ничего пропускать, и если мое внимание ослабнет хоть на секунду… Меланта, твой скафандр поврежден?

— Да. Разрез на предплечье.

— Поменяй его. Немедленно! Надеюсь, программы, которые я сейчас ввожу, не дадут воздушным переборкам открыться, но рисковать мы не можем.

Меланта уже бежала по коридору к грузовому трюму, где лежали скафандры и другое снаряжение.

— Когда переоденешься, — продолжал Ройд, — засунь тела погибших в преобразователь материи. Камера находится возле шлюза в двигательный отсек, слева от пульта управления. То же самое сделай со всеми незакрепленными предметами, которые не являются необходимыми: научными приборами, книгами, лентами, столовыми приборами…

— Ножами, — подсказала Меланта.

— Безусловно.

— Капитан, телекинез по-прежнему угрожает нам?

— В гравитационном поле мать неизмеримо слабее, — ответил Ройд. — Ей приходится преодолевать его. Даже используя мощь «Летящего», она может двигать только один предмет за раз, и лишь с долей силы, которой располагает в невесомости. Но она по-прежнему может это делать, не забывай. Возможно, она найдет способ обойти мою защиту и вновь выключить гравитацию. С места, где я нахожусь, я могу вернуть ее почти в ту же секунду, но не хочу, чтобы даже такое короткое время где-нибудь рядом лежали предметы, которые можно использовать как оружие.

Меланта добралась до грузового трюма. Молниеносно она скинула с себя старый скафандр и надела новый, кривясь от боли в руке. Рана кровоточила, но она не обращала на это внимания. Подняв брошенный скафандр, она набрала полные руки научных приборов и сунула все в камеру преобразователя. Потом решила заняться телами. С Дэннелом не было никаких проблем, зато Линдрен ползла за ней по коридору, когда Меланта проталкивала тело Дэннела через отверстие, а потом слабо сопротивлялась, когда пришла ее очередь, — кошмарное напоминание, что не вся мощь «Летящего» исчезла. Меланта легко подавила сопротивление погибшей и втолкнула ее в камеру.

Обожженное тело Кристофериса извивалось в ее руках и

тянулось к ней зубами, но серьезных проблем с ним не было. Когда она очищала от предметов кают-компанию, в сторону ее головы полетел кухонный нож. Однако он приближался медленно, и Меланта просто отбила его в сторону, а потом подняла и присоединила к куче вещей, ждущих отправки в преобразователь.

Она как раз осматривала кабины, неся под мышкой брошенные лекарства и шприц-пистолет Агаты Марий-Блек, когда услышала крик Ройда.

Секундой позже чудовищная сила, как рука невидимого гиганта, навалилась ей на грудь, сжала и пригнула к полу.

Что-то двигалось среди звезд.

Неясное и далекое, но четко видимое, хотя Д'Бранин не мог еще различить деталей. Но оно было там, было наверняка — какой-то большой силуэт, заслоняющий часть звездного пейзажа. Оно летело прямо к ним.

Как бы хотел он иметь сейчас с собой свою группу, компьютер, своего телепата, экспертов, приборы!

Добавив мощности двигателям, Д'Бранин полетел навстречу своим волкринам.

Меланта Йхирл, придавленная к полу, рискнула включить вмонтированный в скафандр коммуникатор. Нужно было поговорить с Ройдом.

— Ты там? — спросила она. — Что… что происходит?

Давление было ужасно и постепенно становилось все сильнее. Она едва могла двигаться.

В голосе Ройда слышалась боль.

— …пере… хитрила… меня, — прошептал он, — …Больно… говорить…

— Ройд…

— …передвинула… телекинезом… рычаг… вверх… два g… три… больше… здесь… на пульте… я должен… пере… ставить… его… обратно… попытаюсь.

Он замолчал, потом, когда Меланта была уже почти сломлена, чуть слышно прошептал снова:

— …не… могу…

Меланта чувствовала себя так, словно на грудь ей положили тяжесть, десятикратно превосходящую ее собственный вес. Можно было представить агонию, которую переживал Ройд, для которого гравитация даже в один g была болезненна и опасна. Она знала, что даже если рычаг находится на расстоянии вытянутой руки, его слабые мускулы никогда не смогут до него дотянуться.

— Зачем, — начала она (разговор не представлял для нее такой трудности, как для него), — зачем ей… увеличивать гравитацию… ведь это и ее… еще больше… ослабляет… верно?

— Да… но… через секунду… минуту… час… мое сердце… не… выдержит… лопнет… и тогда… тогда ты… одна… она… выключит… гравитацию… убьет тебя…

Кривясь от боли, Меланта вытянула руку и немного передвинулась по полу.

— Ройд… держись… я иду к тебе…

Она снова подтянулась. Набор лекарств Агаты по-прежнему висел у нее на плече, невероятно тяжелый. Сняв ремешок, она принялась отталкивать его. Казалось, контейнер весит по крайней мере сто килограммов. Потом к ней пришла другая мысль, и Меланта открыла крышку.

Все ампулы были старательно обозначены. Она быстро просмотрела их, ища адреналин или синтастин — что-нибудь, что могло дать ей силы доползти до Ройда. Она уже нашла несколько стимуляторов, выбрала самый сильный и неуклюже вкладывала ампулу в зарядник шприца, когда взгляд ее случайно остановился на запасе эсперона.

Меланта не знала, почему заколебалась в эту секунду. Эсперон был лишь одним из дюжины находящихся в контейнере психонических стимуляторов, и ни один из них не принес бы ей никакой пользы, однако что-то в его присутствии здесь беспокоило ее, напоминало о чем-то, чего она не могла до конца осознать. Она пыталась решить этот вопрос, когда услышала шум.

— Ройд, — сказала она, — твоя мать… может… нет, наверное, не может… ничего сдвинуть… в такой высокой гравитации?.. Верно?

— Не знаю… — ответил он, — если сосредоточит… всю мощь… сосредоточится… возможно… сумеет… А почему… ты…

— Потому, — мрачно ответила Меланта, — мне кажется, что-то… проходит через… воздушный шлюз…

— Это не корабль, — говорил Кэроли Д'Бранин, — не такой корабль, которого я ждал. — Его комбинезон, спроектированный специалистами Академии, имел встроенное кодирующее устройство, и сейчас Д'Бранин записывал для потомков свои комментарии, чувствуя себя странно спокойно перед лицом надвигающейся неизбежной смерти, — Его размеры трудно вообразить и трудно оценить. Он огромен… У меня нет ничего, кроме наручного компьютера, никаких инструментов, и я не могу выполнить точных замеров, но сказал бы, что он имеет… э-э… сто, может, даже триста километров в диаметре. Разумеется, это не однородная литая масса. Он изящен, воздушен, не похож на

корабли, которые мы знаем, не является также и городом. Он… он прекрасен! Это хрустальная паутина, живущая своей собственной жизнью, гигантская сложная сеть, немного похожая на старые, движимые солнечным ветром корабли, какие использовали перед открытием гиперпривода, но эта огромная конструкция не сплошная и не могла бы разгоняться давлением солнечных лучей. Она вообще не является кораблем. Она вся открыта в пространство, не имеет никаких кабин или систем жизнеобеспечения, во всяком случае, ничего похожего не видно, разве что устройства подобного типа находятся за пределами моего поля зрения. Хотя нет, я не могу поверить в это, все слишком открыто и хрупко. Движется он довольно быстро. Хотел бы я иметь приборы, которые позволили бы мне измерить его скорость, но достаточно быть здесь, чтобы видеть — она значительна. Я веду скутер под прямым углом к линии его полета, желая уйти с дороги, но не могу сказать, удастся мне это сделать или нет. Он движется гораздо быстрее нас. Не со скоростью света, нет, гораздо медленнее, однако быстрее «Летящего», использующего свои атомные двигатели. Но это лишь догадка.

Корабль волкринов не имеет никаких видимых двигателей. Честно говоря, мне интересно, каким образом он движется, — может, это все-таки солнечный парус, запушенный тысячелетия назад, а теперь порванный и уничтоженный какой-то невообразимой катастрофой? Хотя нет, он слишком симметричен и красив.

Я знаю, что должен его описать и быть при этом очень точным. Это трудно, поскольку я взволнован. Как я уже говорил, он имеет много километров в диаметре. Форма его приблизительно… минуточку… да, приблизительно октагональная. Центральная часть светится — это небольшое темное пятно, окруженное значительно большим пространством света. Только темная часть кажется сплошной, освещенные же места прозрачны. Я могу видеть сквозь них звезды, правда, цвет их смещен в сторону красного. Вуали — я буду называть их так. От центра и вуалей отходят восемь длинных — очень длинных! — ответвлений через неравные утлы, так что это неправильный многоугольник… О, теперь я вижу лучше, одно из ответвлений меняет положение, очень медленно… вуали идут волнами… Значит, они подвижны, между ними и вокруг них натянута паутина, но какая-то странная. Это не простая сеть паука. В образующих ее линиях я не могу заметить никакого порядка, но чувствую, что в этом есть какой-то смысл, который ждет своей разгадки.

Там есть и огни. Я уже упоминал о них? Самые яркие около центральной оси, однако нигде они не выглядят очень яркими. Хотел бы я получить ультрафиолетовую картину этого корабля, но у меня нет нужных приборов. Огни движутся. Вуали идут волнами, и огни непрерывно движутся вверх и вниз по ответвлениям, с разными скоростями, а порой можно заметить, как сквозь паутину движутся другие огни. Понятия не имею, что это такое. Может, какая-то форма общения. Не могу сказать, находится их источник внутри корабля или снаружи. Я… О! Появилось что-то новое: между ответвлениями короткая вспышка, взрыв света. Сейчас его уже нет — исчез. Он был гораздо интенсивнее остальных. Я чувствую себя совершенно бессильным, ничего не понимаю. Однако они прекрасны, мои волкрины…

Легенды… не очень-то согласуются с ними… не до конца. Размеры, огни… Волкрины часто связывались со светом, но свидетельства об этом были неоднозначны и могли описывать что угодно, начиная от лазерного двигателя до простой наружной иллюминации. Я не мог знать, что их источником было именно это. Но до чего же они таинственны! Корабль по-прежнему слишком далеко, чтобы я мог видеть детали. Он так велик… Сомневаюсь, что нам удастся уйти с его дороги. Мне кажется, что он повернул в нашу сторону, но я могу ошибаться. О, мои приборы! Будь они здесь, со мной! Возможно, темное пятно в центре и есть сам корабль, жилая капсула. Волкрины должны быть внутри него. Хотел бы я, чтобы со мной была моя группа. И Тэйл, бедняга Тэйл… У него был первый класс, мы могли бы установить контакт, могли бы с ними поговорить. Сколькому они могли бы нас научить! Сколько они видели! Как подумаю, насколько стар этот корабль, как долго они летят… Меня переполняет суеверный страх. Понимание между нами было бы таким даром, таким невероятным даром, но они такие чуждые!..

— Д’Бранин, — низким голосом сказала Агата Марий-Блек, — ты ничего не чувствуешь?

Кэроли Д’Бранин взглянул на нее так, словно видел впервые в жизни.

— Ты их чувствуешь? У тебя только третий класс, но ты можешь их теперь чувствовать, правда?

— Уже давно, — ответила псипсих.

— А передавать ты можешь? Поговори с ними, Агата. Где они находятся? Там, в центре, в темном пространстве?

— Да, — ответила она и рассмеялась. Смех ее был пронзительным и истерическим, и Д’Бранин вспомнил, что она больна. — Да, там, в центре, Кэроли. По крайней мере, оттуда приходят волны. Вот только ты совершенно не прав относительно

них. Это вообще не они. Твои легенды были нагромождением лжи! Я бы не удивилась, окажись мы первыми существами, которые увидели волкринов и подошли к ним так близко. Остальные — эти твои чужаки — чувствовали их смутно и издалека, видели в своих снах и видениях кусочек природы волкринов и додумывали остальное, как им нравилось. Корабли и войны, раса вечных скитальцев, все это… все…

— Да? Что ты имеешь в виду, Агата? Ты говоришь совершенно бессмысленно. Я ничего не понимаю.

— Действительно не понимаешь? — Голос ее вдруг стал мягким, — Ты не чувствуешь этого так, как я. Так отчетливо. Как должен чувствовать человек, накачанный эспероном.

— Что ты чувствуешь? Что?

— Это не они, Кэроли. Это оно. Живое и совершенно безмозглое, уверяю тебя.

— Безмозглое? — спросил Д'Бранин, — Нет, ты ошибаешься, не понимаешь того, что чувствуешь. Я могу согласиться, что это одна особь, огромный, великолепный звездный странник, но как он может быть безмозглым? Ты чувствовала его — его разум, его телепатические эманации. Ты, и каждый из чувственников крэев, и все прочие. Может, его мысли для тебя слишком чуждые, чтобы ты могла их правильно прочесть?

— Возможно. Но то, что я читаю, вовсе не такое чужое. Оно просто животное. Его мысли медленны и темны, это скорее не мысли, а импульсы. Холодные и далекие завихрения. Его мозг действительно огромен, можешь в этом не сомневаться, но не служит для формулирования рациональных мыслей.

— Как же так?

— Это двигательная система, Кэроли. Ты ничего не чувствуешь? Не чувствуешь этих волн? А мне кажется, что они вот-вот взорвут мой череп. Ты еще не понял, что толкает этих проклятых волкринов через галактические просторы? И почему они избегают гравитационных полей? Ты еще не знаешь, как они движутся?

— Нет, — ответил Д'Бранин, но, пока он выговаривал это слово, лицо его озарилось светом понимания. Он повернулся и вновь взглянул на волкрина, на приближающегося гиганта, полного движущихся огней, тронутых волнами вуалей, летящего все вперед и вперед сквозь световые годы, световые века и тысячелетия.

Когда он снова взглянул на Агату, губы его произнесли всего одно слово:

— Телекинез.

Она кивнула.

Меланта Йхирл напрягла все силы, чтобы поднять шприц и воткнуть его в вену. Она нажала спуск, послышалось громкое шипение, и содержимое ампулы влилось в ее организм. Меланта легла, чтобы отдохнуть и обдумать ситуацию. Эсперон, эсперон — почему он так важен? Он убил Лесамера, сделав из него жертву собственных, дремавших до поры, способностей, усилил его мощь и его слабость. Пси — все упорно возвращалось к пси.

Внутренняя дверь шлюза внезапно открылась, и сквозь нее прошло безголовое тело.

Оно двигалось резкими неестественными толчками, ни на секунду не отрывая ног от пола, изгибалось и обмякало, почти раздавленное собственной тяжестью. Каждое движение ступней было быстрым и неуклюжим — какая-то сила буквально дергала вперед сначала одну ногу, потом другую. Тело приближалось медленно, руки мертвеца безжизненно свисали вниз. Меланта призвала на помощь все резервы своего организма и поползла вперед, не спуская глаз с кошмарного преследователя.

Мысли кружились в ее голове, ища недостающий элемент картины, решение шахматной задачи и ничего не находя.

Труп двигался быстрее, чем она. Он явно догонял ее.

Меланта попыталась встать. С бьющимся сердцем, постанывая, она поднялась на колени. Потом на одно колено. Попыталась поднять огромный груз, лежащий на ее плечах, словно была спортсменом, выжимающим штангу. Снова и снова повторяла она себе, что является улучшенной моделью и достаточно сильна для такой задачи.

Однако едва только она оперлась на одну ногу, мышцы не выдержали, и Меланта неуклюже повалилась вниз. Удар о пол был как падение с высокого здания. Она услышала громкий треск и почувствовала взрыв боли в руке — той неповрежденной, которой хотела смягчить падение. Боль была страшной, парализующей. Она заморгала, борясь со слезами и почти давясь рвущимся из горла криком.

Тело Лесамера было уже на середине коридора. Меланта заметила, что обе нога у него сломаны — но ему было все равно: его поддерживала сила, гораздо большая, чем та, что содержалась в сухожилиях, костях и мускулах.

— Меланта… я слышал… уже все… Меланта?

— Тихо, — рявкнула она на Ройда. Нельзя было терять дыхание на разговор.

Она использовала все виды самоконтроля, которым когда-либо училась, чтобы преодолеть боль. Бессильно дергала ногами, ботинки царапали пол, ища опоры, потом начала подтягиваться,

пользуясь рукой, которая не была сломана, и не обращая внимания на жжение в предплечье.

Тело мертвеца неуклонно приближалось к ней.

Меланта переползла через порог кают-компании, пробравшись под разбитым скутером. Она надеялась, что хоть на какое-то время задержит жуткую погоню. Нечто, называвшееся когда-то Тэйлом Лесамером, было от нее всего в метре.

В темноте кают-компании, где все это началось, силы окончательно покинули ее.

Дрожа, она прижалась к влажному ковру, зная, что не сумеет передвинуться даже на сантиметр.

По другую сторону двери тело замерло неподвижно. Скутер задрожал, а потом со скрежетом начал короткими, резкими рывками отползать назад, освобождая проход.

Пси-способности… Меланта прокляла их и заплакала. Как бы она хотела иметь эту силу, оружие, которое позволило бы ей взорвать оживленный телекинезом труп, освободиться от опасности. Я была улучшена, с отчаянием подумала она, но недостаточно. Родители подарили ей все, что было им доступно, но пси-способности были вне их досягаемости. Гены, которые отвечали за это, были астрономически редкими, рецессивными и…

…и вдруг ее осенило.

— Ройд, — сказала она, вкладывая в слова остатки своей воли. Лицо ее было мокрым от слез, — Рычаг… используй… телекинез… Ройд… передвинь его… телекинезом!

Его ответ был почти неслышим:

— …не могу… не я… мать… только… она… а я… нет…

— Да, не мать… — с отчаянием сказала она. — Ты всегда говоришь… мать. Забудь о ней… забудь… слушай… это не мать… ты ее клон… те же самые гены… у тебя они тоже есть… сила…

— Нет, — ответил он. — Никогда… должен быть… тот же самый пол…

— Неправда! Ты должен. Я знаю… я с Прометея. Ройд… не говори… прометейцу… о генах… передвинь его!

Скутер прыгнул почти на полметра и повалился на бок.

Дорога в кают-компанию была свободна.

Тело Лесамера снова двинулось вперед.

— …пытаюсь, — сказал Ройд. — Нет… не могу!

— Она тебя вылечила, — с горечью сказала Меланта. — Успешней… чем ее… лечили… перед рождением… но это просто… подавлено… ты можешь!

— Я… не… знаю… как…

Труп подошел к ней, остановился. Бледные руки задрожали,

подпрыгнули вверх. Длинные накрашенные ногти, кривые… Они потянулись к ней.

Меланта выругалась.

— Ройд!

— Про… сти…

Она плакала, дрожала и бессильно сжимала кулаки…

А потом вдруг гравитация исчезла. Где-то далеко раздался крик Ройда, а затем наступила тишина.

— Вспышки света становятся чаще, — диктовал Кэроли Д'Бранин, — а может, это только кажется, потому что я теперь ближе и могу их лучше видеть. Это вспышки синего и темно-фиолетового цвета, короткие и быстро гаснущие. Между нитями паутины. Думаю, это что-то вроде силового поля, а вспышки — частицы водорода, разреженной материи межзвездных пространств. Они касаются поля и на секунду вспыхивают видимым светом. Преобразование материи в энергию, по-моему, это именно оно. Мой волкрин кормится. Он заполняет уже половину вселенной и продолжает приближаться. Нам не удастся уйти. Агата покинула меня, она затихла, и кровь забрызгала ее шлем изнутри. Я почти вижу темное ядро, почти вижу. Странное дело, там, в центре, есть лицо, маленькое, крысоподобное, без губ, носа или глаз, но в некотором смысле это лицо, и оно смотрит на меня. Вуали движутся так пленительно! Вокруг нас повисает паутина.

О, свет, свет!

Труп взлетел в воздух, руки его бессильно обвисли. Меланту, крутящуюся в невесомости, начало вдруг рвать. Она сорвала с головы шлем, позволила ему упасть. Потом отодвинулась от рвотных масс, готовясь к неизбежной теперь атаке.

Однако тело Лесамера обмякло и застыло, в темноте кают-компании тоже ничто не двигалось.

Наконец Меланта немного успокоилась, неуверенно подплыла к трупу и толкнула его, легонько и осторожно. Он поплыл к противоположной стене.

— Ройд? — позвала она.

Ответа не было.

Тогда она протиснулась сквозь вырезанное в стене отверстие.

И нашла Ройда. Он виссл в воздухе, по-прежнему в черном массивном скафандре. Она встряхнула его, но он не шевелился. Дрожа, она осмотрела скафандр, потом начала его расстегивать.

— Ройд, — говорила она, — ты чувствуешь? Я здесь, Ройд, ты чувствуешь? — Скафандр поддавался легко, и она отбрасывала в

сторону его части. — Ройд, Ройд!

Он был мертв. Его сердце не выдержало. Она сжимала его, била, пытаясь вселить в него новую жизнь, но все напрасно — он умер.

Меланта отодвинулась от него, ослепленная слезами, оперлась о пульт и взглянула вниз.

Он был мертв.

Однако рычаг гравитационной сетки был установлен на ноль.

— Меланта, — позвал мягкий голос из стены.

Я держу в руках хрустальную душу «Летящего сквозь ночь».

Она темно-красная, многогранная, большая, как моя голова, а на ощупь ледяная. В ее пурпурной глубине пылают, а иногда кружатся две маленькие искорки.

Я вползла внутрь системы, ничего не повредив, осторожно обошла все предохранители и кибернетические сети и положила ладони на этот большой кристалл, зная, что именно в нем живет она.

Я не могу решиться стереть ее душу с этого кристалла.

Дух Ройда просил, чтобы я этого не делала.

Прошлым вечером мы снова разговаривали на эту тему в кают-компании, сидя за бренди и шахматами. Ройд, конечно, не может пить, но присылает свою голограмму, которая улыбается мне и говорит, как ходить его фигурами.

В тысячный раз он предложил отвезти меня на Авалон или в какой-то другой мир. Если бы только я вышла наружу и закончила ремонт, заброшенный столько лет назад, «Летящий сквозь ночь» мог бы безопасно перейти на гиперпривод.

И в тысячный раз я отказалась.

Теперь он, без сомнения, сильнейший. Их гены идентичны, и сила тоже. Умирая, он также нашел способ записать свой жизненный код в большом кристалле, и сейчас корабль живет ими обоими. Они часто борются между собой. Иногда она обманывает его, и тогда «Летящий» совершает странные, непредсказуемые вещи. Гравитация падает, растет или полностью исчезает, по ночам одеяла обертываются вокруг моего горла, из темных углов в меня летят различные предметы.

Однако такое случается все реже, и когда все-таки начинается, Ройд ее в конце концов нейтрализует или это делаю я. «Летящий сквозь ночь» — наш корабль: его и мой.

Ройд утверждает, что достаточно силен, что я ему, собственно, уже не нужна и он сам может держать ее в узде. Может, и так, хотя сомневаюсь. Я все еще выигрываю у него девять из десяти шахматных партий.

Есть и другие вещи, которые нужно принимать во внимание. Во-первых, наша работа. Кэроли был бы доволен нами. Скоро волкрин нырнет в облако Вуали Грешницы, а мы летим за ним, изучая его, записывая, делая все то, чего ждал бы от нас старый Д'Бранин. Все находится в компьютере, а также на ленте и на бумаге, на случай, если система будет когда-нибудь уничтожена. Интересно будет посмотреть, как волкрин отреагирует на Вуаль. Материя там значительно гуще в сравнении с убогой диетой из межзвездного водорода, которая была его уделом бесконечные века.

Мы пытались с ним связаться, но без результата. Не думаю, чтобы он вообще был разумным. Кстати, Ройд в последнее время решил последовать его примеру и напрягает все силы, пытаясь двигать «Летящего» с помощью телекинеза. Хоть это и странно, но иногда его мать помогает ему в этом. До сих пор все их усилия кончались ничем, но мы будем продолжать пробовать.

Так и идет наша работа. Мы знаем, что результаты ее дойдут когда-нибудь до людей. Ройд и я обсудили этот вопрос, и у нас есть планы. Перед смертью, зная, что мое время кончается, я уничтожу центральный кристалл и вычищу память компьютеров, а потом вручную направлю «Летящего» так, чтобы курс его пролег рядом с обитаемой планетой. Тогда «Летящий» станет действительно кораблем-призраком. Это должно получиться. У меня много времени, а кроме того, я улучшенная модель.

Я стараюсь не думать о другом решении, хотя для меня многое значит, что Ройд снова и снова предлагает его. Несомненно, я могла бы закончить ремонт, и, возможно, Ройд мог бы контролировать корабль и продолжать работу без меня. Но не это важно.

Я сделала много ошибок: эсперон, мониторы, мой контроль за всеми — это мои поражения, цена моего высокомерия. Эти поражения мучат меня. Когда я наконец коснулась его — первый, последний и единственный раз, — тело было еще теплым, но сам он уже ушел. Он никогда не чувствовал моего прикосновения — я не смогла выполнить это обещание.

Но я выполню другое.

Не оставлю его с ней одного.

Никогда!

Лечение мартышками
© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

MAN RAKE

Кенни Дорчестер был толстяком.

Впрочем, на свет он появился вполне нормальным младенцем среднего веса, но так продолжалось недолго, и очень скоро Кенни стал круглолицым пухленьким малышом. С тех пор показания весов только увеличивались. Он был толстым ребенком, тучным подростком и свиноподобным студентом колледжа, а к выпускному балу уже серьезно страдал от ожирения.

Люди по разным причинам становятся тучными, иногда дело в физиологии, а порой — в психологии. Ну а в случае с Кенни все просто: еда. Кенни Дорчестер любил поесть. Он часто перефразировал Уилла Роджерса, говоря друзьям, что ему никогда не попадалась еда, которую он не полюбил бы. Тут он немного лукавил, поскольку ненавидел печенку и сливовый сок. Возможно, если бы мать чаще давала ему их в детстве, он никогда не стал бы таким чудовищно толстым в зрелости.

К несчастью, Джина Дорчестер обожала готовить лазанью и жареную индейку, сладкий картофель и шоколадный пудинг, телятину «кордон блю», вареные початки кукурузы с маслом и блины с черникой (хотя все это подавалось не в один день), а вовсе не печенку и сливовый сок. Когда же Кенни продемонстрировал свое отношение к данному виду еды — его вырвало после того, как он отведал печенку, — она больше никогда не кормила его печенью и сливовым соком. Таким образом, сама того не ведая, она отправила своего сына по мягкой и жирной дороге к лечению мартышками. Но все это было давным-давно, и несчастную женщину нельзя винить, поскольку Кенни сам проел свой путь туда.

Кенни любил пиццу-пепперони и обычную пиццу, и пиццу с любой начинкой, включая анчоусы. Он мог съесть огромный кусок говядины или свинины, зажаренной на вертеле, и чем острее был соус, тем лучше. Он обожал жареные ребрышки и жареных цыплят, а также курицу с рисом, но не возражал против филе, тарелки жареных креветок или копченых сосисок. Ему нравились гамбургеры с любой начинкой и жареный картофель с луком. Ничто не могло испортить вкус его любимого друга картофеля, но он прекрасно ладил с макаронами, рисом, ямсом и даже брюквой. «Десерты — вот моя погибель», — иногда приговаривал он, поскольку любил сладкое во всех видах, в особенности шоколадный торт, канноли[22], а также горячий яблочный пирог с взбитым кремом.

«Хлеб — вот моя погибель», — заявлял он в других случаях, когда понимал, что десерта не будет, и с этими словами отрезал очередной кусок свежей булки, намазывал маслом круассан или

хлеб с чесноком, к которому питал особую слабость. Впрочем, слабостей у Кенни имелось великое множество. Он считал себя знатоком дорогих ресторанов и дешевых бистро и мог вести бесконечные глубокомысленные дискуссии об их достоинствах и недостатках. Он наслаждался греческой, итальянской и французской кухнями, охотно поглощал индийские, китайские и японские блюда и всегда был готов познакомиться с образцами кулинарного искусства других этнических групп, чтобы «расширить свои культурные горизонты».

После падения Сайгона Кенни рассуждал о том, что теперь вьетнамские беженцы откроют новые вьетнамские рестораны. Когда Кенни путешествовал, он непременно пробовал фирменное блюдо данной местности и мог всегда рассказать вам, где лучше всего поесть в двадцати четырех крупнейших американских городах, с наслаждением предаваясь воспоминаниям о блюдах, которые имел счастье отведать. Его любимыми писателями были Джеймс Бирд[23] и Кэлвин Триллин[24].

«Я живу вкусной жизнью!» — сияя, заявлял Кенни Дорчестер. Так и было. Но у Кенни имелась тайна. Он редко о ней вспоминал и никогда не говорил вслух, но она жила в глубине его сердца под огромными грудами плоти, и даже любимые соусы не могли ее утопить, а надежный друг вилка — оттолкнуть подальше. Кенни Дорчестеру *не нравилось* быть толстым.

Кенни был подобен человеку, который никак не может решить, какая из двух любовниц ему больше по вкусу, — ведь он с неослабевающей страстью обожал еду, но также мечтал о любви женщин, понимая, что должен отказаться от одного, чтобы заполучить другое. И эти мысли причиняли ему ужасную боль. Кенни полагал, что лучше быть стройным и иметь женщин, чем толстым и удовлетворяться лишь бисквитами, однако надеялся, что ему не придется полностью отказаться от последних.

В конце концов, и то и другое являлось источником наслаждения; страшное горе обрушивалось на тех, кто отказывался от одного и не умел добиться другого. Ничто не огорчало Кенни больше, чем толстяк, вынужденный есть творог. Эти жалкие представители рода человеческого почему-то никогда не худеют, размышлял Кенни, и обречены жить, не зная ни женщин, ни лангустов, — судьба столь скорбная, что он и думать о ней не желал.

И все же, несмотря на сомнения, иногда в сердце Кенни Дорчестера вспыхивала тайная боль, наполнявшая его решимостью добиться невозможного. Встреча с особенно красивой женщиной или сведения о новой, безболезненной и невероятно эффективной диете чаще всего вызывали у Кенни

мысли о его «отклонениях от нормы». И когда подобные настроения посещали Кенни, он садился на диету.

За долгие годы он перепробовал все возможные диеты, в тайне от окружающих — и не слишком долго. Он садился на диету доктора Аткинса и доктора Стиллмана, на диету из грейпфрутов и риса. Он пробовал диету из жидких протеинов, оказавшихся поистине отвратительными. Однажды он целую неделю обходился только водой, но ничего не добился.

Кенни вступал в клубы тех, кто желает похудеть, и даже посетил несколько встреч, пока не обнаружил, что эти люди плохо на него влияют, поскольку говорят только о еде. Он объявлял голодные забастовки, которые заканчивались, как только он начинал испытывать голод. Он пробовал диету из фруктовых соков и диету пьющего человека (хотя таковым не являлся), а также диету из мартини и взбитого крема (опуская мартини). Гипнотизер убеждал его, что любимая им пища имеет отвратительный вкус и он совсем не голоден. Наглая ложь — и с гипнозом было покончено раз и навсегда.

Кенни пытался менять свои привычки — съев очередной кусок, клал на стол вилку, пользовался маленькими тарелками, рассчитывая, что порция покажется больше, и даже записывал в дневник все, что съедал. В результате у него имелось множество дневников и грязных маленьких тарелок, не говоря уже о том, что Кенни научился с невиданной ловкостью орудовать вилкой. У него даже была любимая диета: ты можешь есть сколько угодно своего любимого блюда, но только его и больше ничего другого. Проблема состояла лишь в том, что Кенни никак не мог выбрать самое любимое, поэтому он неделю ел только ребрышки, потом неделю пиццу, затем утку по-пекински (дорогая, кстати, получилась неделя!) и совершенно не терял в весе — впрочем, он прекрасно провел время.

Обычно подобные помутнения продолжались у Кенни Дорчестера не слишком долго. Затем, как человек, выходящий из тумана, он оглядывался по сторонам и вдруг понимал, что пребывает в ужасном настроении, потерял совсем немного в весе и очень скоро превратится в тех творожных толстяков, которых так жалел. И тогда он отбрасывал в сторону мысли о диете, отправлялся в хороший ресторан и возвращался к нормальной жизни еще месяцев на шесть, пока им вновь не овладевала тайная боль.

И так продолжалось до тех пор, пока в пятницу вечером он не заметил Генри Морони в «Слэбе».

«Слэб» был любимым рестораном Кенни. Здесь специализировались на хорошо прожаренных ребрышках с

острыми соусами, которые доставляли Кенни несравненное удовольствие. По пятницам «Слэб» предлагал любое количество ребрышек, которые вы способны съесть, всего за пятнадцать долларов — не слишком доступная цена для большинства, но только не для Кенни, который был способен на более серьезные подвиги. В ту самую пятницу, когда Кенни закончил первую порцию и дожидался второй, потягивая пиво, которое он заедал хлебом, он поднял глаза и с удивлением обнаружил, что в соседней кабинке сидит худой изможденный мужчина — Генри Морони.

Кенни Дорчестер пришел в замешательство. Когда он в последний раз видел Генри Морони, оба являлись несчастными членами клуба желающих сбросить лишний вес. Из всех членов клуба только Генри Морони весил больше, чем Кенни. Настоящий огромный толстый кит, а не человек, Морони получил жестокую кличку «Костлявый», в чем и признался коллегам по несчастью. Вот только теперь эта кличка вполне ему подходила. Между прочим, весь его стол был усыпан костями. Именно эта деталь больше всего заинтриговала Кенни Дорчестера. Кости. Он начал их считать, но очень скоро сбился, поскольку кости валялись без всякого порядка в тарелках и в лужицах подсыхающего соуса. Итак, Морони уже успел расправиться по меньшей мере с четырьмя порциями ребрышек или даже с пятью.

И Кенни Дорчестер решил, что «Костлявый» Генри Морони знает тайну, как похудеть. Итак, существует способ сбросить сотни фунтов, продолжая поглощать по пять порций ребрышек за один присест! Он встал, протиснулся в кабинку Морони и уселся за его столик.

— Так это ты! — сказал Кенни.

Морони посмотрел на него так, словно только сейчас заметил.

— А это ты…

Глаза Морони выглядывали из глубоких серых впадин, кожа свисала бледными складками, он опирался локтями на стол, словно не мог сидеть прямо. Он выглядел ужасно, но потерять столько…

— Выглядишь великолепно! — выпалил Кенни. — Как тебе удалось это сделать? Как? Ты должен рассказать мне, Генри, правда, просто обязан.

— Нет, — прошептал Морони. — Нет. Уходи.

Кенни опешил.

— Ну в самом деле! — воскликнул он. — Это не по-дружески. Я не уйду, пока не узнаю твоей тайны, Генри. Ты мне обязан рассказать. Вспомни, сколько раз мы вместе преломляли хлеб.

О, Кенни, — едва слышно проговорил Морони. — Уходи, пожалуйста, уходи, ты не должен знать, это слишком… слишком… — Он замолчал посреди фразы, и его лицо исказила судорога. Он застонал, и его голова повернулась под каким-то диким углом, словно у него начался припадок, руки ударили по столу. — О-о-о-о-о-о-о-о!

— Генри, что с тобой? — с тревогой спросил Кенни.

Теперь он не сомневался, что Костлявый Морони переборщил с диетой.

— О-о-о-о-о, — с облегчением выдохнул Морони. — Ничего, ничего. Со мной все в порядке. — Однако в его голосе не слышалось ни малейшей радости. — Я в прекрасном состоянии. Все чудесно, Кенни. Я не был таким стройным с… ну, если честно, то никогда. Это настоящее чудо. — Он слабо улыбнулся, — Скоро цель будет достигнута, и тогда все будет кончено. Думаю, я сумею достигнуть своей цели. Даже не знаю, сколько я вешу. — Он поднес руку ко лбу. — Но я стал стройным, действительно стал. Как ты считаешь, я хорошо выгляжу?

— Да-да, — нетерпеливо ответил Кенни. — Но как? Ты должен мне рассказать. Я не верю, что тебе помогли эти фальшивки из клуба…

— Нет, — слабо покачал головой Морони. — Нет, это лечение мартышками. Вот, я напишу для тебя. — Он взял карандаш и нацарапал на салфетке адрес.

Кенни засунул салфетку в карман.

— Лечение мартышками? Я никогда о нем не слышал. И в чем оно состоит?

Генри Морони облизнул губы.

— Они… — начал он, но тут у него начался новый приступ, и его голова вновь повернулась под невероятным углом. — Иди, — сказал он Кенни, — отправляйся туда. Это работает, Кенни, да. Лечение мартышками, да. Я больше ничего не могу тебе сказать. У тебя есть адрес. Извини. — Он положил обе ладони на стол, с трудом поднялся и двинулся к стойке, шаркая ногами, как старик.

Кенни Дорчестер посмотрел ему вслед и пришел к выводу, что Морони определенно перестарался с лечением мартышками, в чем бы оно ни состояло. Раньше у него никогда не было тика и судорог. Тут необходимо знать меру, сказал себе Кенни.

Он похлопал по карману, определяя, что салфетка с адресом на месте, и решил относиться к лечению не так, как Костлявый Морони. Вернувшись в свою кабинку, Кенни принялся за вторую порцию ребрышек. В тот вечер он насладился четырьмя порциями, поскольку перед диетой решил себя не ограничивать.

Наступила суббота, и у Кенни появилась возможность начать новую жизнь — скоро он станет стройным, и все его мечты осуществятся. Он рано встал и тут же устремился в ванную, чтобы взвеситься на цифровых весах, которые Кенни очень любил, поскольку ему не приходилось щуриться, чтобы разглядеть четкие красные цифры. На сей раз загорелось 367. Еще несколько фунтов, но сейчас это его совершенно не встревожило. Очень скоро новое лечение поможет ему от них избавиться.

Надо бы позвонить, чтобы узнать, работает ли заведение по субботам, но… Морони написал на салфетке только адрес, значит, придется отправиться туда лично.

Однако и тут у него возникли проблемы. Запись на салфетке отсылала в доки, сомнительный район, Дорчестеру с трудом удалось найти таксиста, который согласился его туда отвезти. Он добился своего только после того, как пригрозил, что пожалуется диспетчеру. Хорошо знать свои права!

Однако довольно скоро у него появились сомнения. Узкие грязные улочки, по которым они ехали, наводили на мрачные мысли. Кенни подумал, что в центре диетологии, расположенном в таком районе, наверняка работают опасные шарлатаны. Раньше здесь был коммерческий центр, а теперь все пришло в упадок. Витрины половины магазинов были заколочены, а остальные производили отталкивающее впечатление.

Такси остановилось возле отвратительного старого здания из кирпича, с которым граничили два пустыря, заваленных мусором. Сквозь мутные стекла окон ничего нельзя было разглядеть. Плакат с выцветшей рекламой кока-колы, скрипя, раскачивался на ветру. Однако номер соответствовал тому, который написал на салфетке Костлявый Морони.

— Ну вот, приехали, — нетерпеливо сказал водитель, когда Кенни с опаской выглянул наружу.

— Возможно, тут какая-то ошибка… — Кенни недоуменно оглядывался. — Пойду проверю. Попрошу вас подождать, пока я не выясню, туда ли мы приехали.

Таксист кивнул, и Дорчестер выбрался из машины. Он успел сделать два шага, когда услышал, как заурчал мотор. Он обернулся и с удивлением увидел, что такси отъезжает от тротуара.

— Но вы не можете… — начал он.

Однако водитель не обратил на его слова никакого внимания. Через мгновение такси скрылось из виду. Кенни решил, что обязательно пожалуется на водителя.

Впрочем, теперь ему ничего не оставалось, как зайти. Будет он у них лечиться или нет, они наверняка позволят ему

воспользоваться телефоном, чтобы вызвать такси. Кенни вздохнул, набрался храбрости и решительно двинулся к входу. Он распахнул дверь, тут же зазвенел колокольчик.

Внутри было темно. Пыль и грязь на оконных стеклах почти полностью поглощали солнечный свет. Прошло некоторое время, прежде чем глаза привыкли к дарившему здесь сумраку. Дорчестер с ужасом обнаружил, что оказался в чужой гостиной. Наверное, здесь живет семья цыган. Потертый ковер, старая мебель — такую можно получить разве что в Армии Спасения. Сильно пахло мочой.

— Извините, — невнятно пробормотал он, с ужасом представляя себе, что сейчас из темноты выскочит молодой цыган и пырнет его ножом. — Извините. — Он отступил назад, нашаривая рукой дверную ручку, и в этот момент в гостиной появился мужчина.

— Ага! — сказал он, разглядывая Кенни маленькими блестящими глазами. — Ага, лечение мартышками! — Он потер руки и ухмыльнулся.

Дорчестер от страха потерял дар речи. Еще никогда ему не приходилось видеть таких огромных толстых людей. Мужчина оказался заметно толще Кенни, толще Костлявого Морони. Он в буквальном смысле сочился жиром, а еще — походил на гриб. У него были крошечные глазки, почти невидимые за валиками нависающей бледной плоти; тучность оказала влияние даже на волосы, которых почти не осталось. Его грудь была обнажена — горы колышущейся плоти, отвратительно трясущиеся при ходьбе. Однако толстяк двигался быстро, и ему удалось схватить Кенни за руку.

— Лечение мартышками! — нетерпеливо повторил он и потянул посетителя за собой.

На лице незнакомца появилась улыбка, которая располовинила его лицо, обнажив полукруг сияющих белых зубов.

— Нет, — наконец выдавил из себя Кенни, — нет, я передумал.

Костлявый Морони не прав, как могло такое лечение быть эффективным, если этот человек страдает от столь ужасного ожирения? Не говоря уже о том, что это наверняка опасно, какие-нибудь гормоны обезьян или что-то им подобное.

— Нет! — повторил Кенни более энергично, пытаясь вырваться из лап тучного великана.

Тщетно. Незнакомец был больше и заметно сильнее, чем Кенни, он вновь подтолкнул его, не обращая внимания на протесты, и все это время с его лица не сходила маниакальная улыбка.

— Толстый человек, — бормотал он, а затем, чтобы доказать истинность своих слов, схватил за одну из складок на теле Кенни и больно ущипнул. — Толстый, толстый, толстый — это плохо. Лечение мартышками заставит тебя похудеть.

— Да, но…

— Лечение мартышками, — повторил мужчина, который умудрился обойти Кенни со спины.

Он всем своим весом подтолкнул Кенни, тот невольно сделал несколько шагов и оказался в задней комнате, отделенной от гостиной темной занавеской. Здесь еще сильнее пахло мочой, и Дорчестера затошнило. В темноте со всех сторон доносились какие-то шорохи. Крысы! Кенни смертельно боялся крыс. Он вытянул перед собой руки и шагнул обратно к тусклой полоске света, пробивающейся сквозь занавеску.

Но прежде чем он сумел добраться до нее, у него за спиной раздался высокий стрекочущий звук, похожий на автоматную очередь, сменившийся оглушительным шумом. А затем его шеи коснулось что-то теплое и волосатое.

— А-а-а-а-а-а-а! — завопил он, выскакивая в гостиную, где его терпеливо поджидал огромный человек с голой грудью. Кенни перескакивал с одной ноги на другую и верещал: — А-а-а! Крыса, крыса у меня на шее! Снимите ее, снимите! — Он попытался схватить ее обеими руками, но существо двигалось с невероятной ловкостью и быстротой, — Помогите мне, помогите! Крыса!

Хозяин ухмыльнулся и покачал головой, так что его многочисленные подбородки весело заплясали.

— Нет, нет, — ответил он. — Не крыса, толстяк. Мартышка. Ты получаешь лечение мартышками. — Он сделал шаг вперед, вновь схватил Кенни за локоть и подвел к висевшему на стене большому зеркалу.

В комнате было так темно, что Кенни с трудом разглядел свое отражение в зеркале, — он сообразил лишь, что оно недостаточно широкое и в нем не помещаются его руки. Мужчина отступил к стене и потянул за выключатель — тут же загорелась свисающая с потолка лампочка. Она раскачивалась из стороны в сторону, и по гостиной перемещались пятна света. Кенни Дорчестер задрожал и посмотрел в зеркало.

— Ох! — сказал он.

У него на спине сидела обезьяна.

Точнее, она устроилась на плечах, обхватив лапами толстую шею и соединив их под его тройным подбородком. Дорчестер ощущал, как мех обезьянки щекочет ему затылок, чувствовал, как теплые маленькие лапки легко хватают его за уши. Это была совсем маленькая мартышка, она выглянула из-за его головы и

широко ухмыльнулась. У нее были быстрые маленькие глазки, грубый коричневый мех и слишком много блестящих белых зубов. Длинный цепкий хвост постоянно раскачивался, словно мохнатая змея.

Сердце Кенни стучало в груди, точно огромный воздушный молот, тревога по поводу незнакомца и обезьянки росла. Однако он набрался мужества и заставил себя успокоиться. В конце концов, это не же крыса! Такая маленькая мартышка не причинит ему вреда. Скорее всего, она ручная — уж очень ловко она устроилась у него на плечах. Возможно, ее владелец разрешает ей так сидеть, и, когда Кенни прошел в темную комнату, она ошиблась и прыгнула к нему на плечи. Все толстые люди в темноте похожи друг на друга.

Кенни схватил мартышку сзади и попытался стащить, но ему никак не удавалось ее ухватить. Да и зеркало, в котором все было наоборот, только мешало. Он принялся подпрыгивать, из-за чего вся комната и мебель тряслась всякий раз, когда он приземлялся, но обезьянка крепко держалась за его уши и упорно не желала покидать свое место.

Наконец, постаравшись сохранять достоинство, что при данных обстоятельствах было весьма не просто, Дорчестер повернулся к хозяину и сказал:

— Ваша обезьяна, сэр. Пожалуйста, помогите мне ее снять.

— Нет, нет. — Мужчина покачал головой. — Делать тебя худым. Лечение мартышками. Ты не хотеть быть худой?

— Конечно хочу, — с несчастным видом заявил Кенни, — но это абсурдно.

Он не понимал, что происходит. Получалось, что обезьянка на его шее является частью лечения, но он не видел в этом никакого смысла.

— Иди, — сказал мужчина. Он протянул руку вверх и выключил свет. Потом повернулся к Кенни, который испуганно отступил на шаг. — Иди, — повторил мужчина, вновь хватая Кенни за руку. — Наружу, наружу. Ты получать лечение мартышками, теперь уходить.

— Послушайте! — с яростью закричал Дорчестер, — Пустите меня! Уберите вашу обезьяну, вы меня слышите? Я не хочу вашу обезьяну! Слышите? Не хочу! И перестаньте меня толкать, сэр! Вот что я вам скажу: у меня есть друзья в полицейском управлении, и вам это так не пройдет. Прекратите…

Но все его протесты были напрасны. Толстяк своим огромным, бледным, влажным от пота телом неумолимо подталкивал Кенни к двери. Вновь зазвонил колокольчик, и Кенни оказался на улице, залитой ослепительным солнечным

светом.

— Я не стану вам ничего платить! — споткнувшись, заявил Кенни. — Ни цента, вы меня слышите!

— Лечение мартышками бесплатно, — ухмыляясь, ответил толстяк.

— Ну хотя бы вызовите мне такси, — начал Кенни, но было уже поздно, толстяк закрыл дверь. Кенни подскочил к двери и попытался ее открыть. Заперто. — Откройте, эй, вы там! — потребовал Кенни.

Никакого ответа. Он снова закричал, но сразу почувствовал, что на него смотрят. Кенни оглянулся. На противоположной стороне улицы на крыльце закрытого магазина сидели трое старых пьяниц, которые передавали друг другу бутылку в коричневом бумажном пакете и бросали в его сторону подозрительные взгляды.

Тут только Кенни Дорчестер вспомнил, что он средь бела дня стоит посреди улицы с обезьяной на спине. Он покраснел, чувствуя себя полнейшим дураком.

— Это мой домашний любимец! — крикнул он пьяницам, с трудом выдавив улыбку. — Мой маленький любимец, ничего больше!

Кенни бросил последний злобный взгляд на запертую дверь и быстро зашагал по улице. Свернув за угол, он оказался в темном узком переулке за двумя старыми серыми многоквартирными домами. Дорчестер сел на мусорный бак, дыхание с шумом вырывалось из его легких. Достав носовой платок, он вытер лоб. Обезьянка слегка переместилась, и Кенни ощутил ее движение.

— Уходи прочь! — закричал он, пытаясь схватить зверька за шиворот, но тот вновь легко ускользнул.

Тогда Кенни убрал платок, завел обе руки себе голову и попытался схватить мартышку, но опять потерпел поражение.

«Лапы! — пришла спасительная мысль. — Лапы под его подбородками!» Очень спокойно и медленно он поднял руки, ощутил под своими ладонями лапки обезьянки и сжал пальцы. Затем глубоко вздохнул и рванул их в разные стороны, словно это грудная кость птицы, которую следует сломать на счастье.

Обезьяна тут же атаковала его.

Одна ее лапка больно вывернула его правое ухо — казалось, еще немного, и она его оторвет. А второй кулачок принялся колотить в висок. Дорчестер крякнул и отпустил лапки обезьянки — ему так и не удалось оторвать их от своей шеи. Мартышка тут же перестала рвать его ухо и колотить в висок. Кенни заплакал, наполовину от облегчения, наполовину от разочарования. Он чувствовал себя ужасно.

Потерпев поражение в схватке с мартышкой, он очень долго сидел на мусорном баке. Так страшно выйти на улицу, где люди будут показывать на него пальцем и смяться или делать язвительные замечания себе под нос! Полному человеку и без того живется нелегко, а теперь жестокая толпа будет насмехаться над толстяком с обезьянкой на спине. Кенни не хотел в этом участвовать. Он решил сидеть на мусорном баке в переулке до тех пор, пока не умрет он или мартышка, чтобы не видеть позорных насмешек на улицах.

Однако удалось продержаться только час. Потом Кенни Дорчестер проголодался. Быть может, люди будут над ним смеяться, но они делали это и раньше, какая разница? Кенни встал, стряхнул грязь с брюк, а обезьянка устроилась поудобнее у него на шее. Он решил не обращать на нее внимания и отыскать пиццу-пепперони.

Задача оказалось непростой. Среди отвратительных трущоб попадались пьяницы, злобные подростки и заколоченные дома, но почти не было пиццерий. Не удавалось ему найти и такси. Стараясь сохранять достоинство, Кенни быстро шагал по главной улице, он смотрел прямо перед собой, ему хотелось побыстрее оказаться в более приличном районе. Дважды ему попадались телефонные будки, и он с радостью вытаскивал монетку, чтобы вызвать такси, но оба раза телефоны не работали. Вандалы! Хуже, чем крысы!

Наконец через несколько часов он натолкнулся на жалкое кафе. На витрине красовалась надпись: «ДЖОНС ГРИЛЛ», а над дверью ярко горела надпись: «ЕДА». Дорчестер был близко знаком с этими тремя чудесными буквами и узнал вывеску за два квартала. Она звала его к себе, словно маяк, хотя Кенни сообразил, что здесь почти наверняка не сможет заказать любимую пиццу, но ему было все равно.

Как только Кенни распахнул дверь, у него появилось дурное предчувствие. Во-первых, он сразу же почувствовал себя здесь чужим — большинство посетителей показались ему уличными грабителями, во-вторых, ему могут отказать из-за сидящей на спине мартышки.

Дорчестер сразу же уселся за маленький столик в самом темном углу, где надеялся избежать любопытных взглядов. Седая сухопарая официантка в выцветшем розовом платье тут же направилась к нему. Кенни сидел, опустив глаза, нервно играя с солонкой и перечницей. Больше всего он боялся, что она подойдет к нему и скажет: «Эй, уберите отсюда эту тварь!»

Но женщина, приблизившись, кивнула и достала из кармана передника блокнот и карандаш.

— Ну? — резко спросила она. — Что будем заказывать?

Кенни испуганно поднял на нее взгляд, криво улыбнулся и, запинаясь, заказал омлет с сыром и двойной порцией бекона, кофе, большой стакан молока и гренки с корицей.

— А у вас подают черный хлеб? — с надеждой спросил он, но официантка покачала головой и ушла.

Какая чудесная женщина, подумал Кенни, дожидаясь, когда ему принесут заказ. Он рассеянно рвал салфетку на маленькие кусочки. И какое чудесное место! Она даже не упомянула обезьянку! Как учтиво с ее стороны.

Еду принесли довольно быстро.

— Ах-х! — выдохнул Кенни, когда официантка поставила перед ним поднос.

Он ужасно проголодался и, выбрав самый аппетитный гренок, поднес его ко рту. Лапка маленькой обезьянки метнулась вперед и выхватила у него из рук лакомство.

Кенни Дорчестер несколько мгновений сидел в тупом оцепенении, опустевшая рука застыла у рта. Он слышал, как мартышка с громким чавканьем поглощает его еду. Затем, прежде чем Кенни успел понять, что происходит, длинный хвост мартышки обвился вокруг стакана с молоком и моментально его утащил.

— *Эй!*

Хитрая зверюшка заглотнула молоко, а в следующий миг стакан вылетел из-за его плеча, и Кенни едва успел его подхватить. Между тем хвост обезьянки потянулся к бекону. Дорчестер схватил вилку и сделал выпад, но мартышка вновь его опередила. Бекон исчез, а зубчики вилки бессильно ткнулись в тарелку. Теперь он понял, что вступает в гонку, и, бросив погнутую вилку, схватил ложку, чтобы отсечь кусок омлета с сыром, и наклонился вперед, стараясь не терять времени.

Обезьянка вновь оказалась быстрее — в ложке остались лишь капельки растаявшего сыра, когда она очутилась во рту Кенни. Он вновь метнулся к тарелке, но у него не было ни одного шанса на победу. Две лапки и хвост — изредка зверек использовал еще и ноги — всякий раз его опережали. Кенни Дорчестер и не заметил, как его тарелка опустела.

Появилась официантка.

— О, да вы сильно проголодались, — сказала она, протягивая ему чек. — Никогда не видела, чтобы кто-то так быстро все уминал.

Кенни посмотрел на нее снизу вверх.

— Но это не я, — запротестовал он. — Все съела обезьянка!

Официантка с сомнением посмотрела на него.

— Какая еще обезьянка? — спросила она удивленно. — Сюда нельзя приносить животных! Департамент здравоохранения не разрешает кормить в кафе животных.

— Что значит *приносить?* — раздраженно поинтересовался Кенни. — Обезьянка сидит у меня… — Ему так и не удалось закончить фразу.

Мартышка со страшной силой ударила его по левой щеке. Голова Кенни дернулась, и он вскрикнул от неожиданной боли.

Официантка сочувственно посмотрела на него.

— С вами все в порядке, мистер? — спросила она, — Надеюсь, у вас не будет припадка?

— *У меня не бывает припадков!* — почти закричал Дорчестер. — Это проклятая мартышка меня ударила! Неужели вы сами не видели?

— О да, конечно. — Официантка отступила на шаг. — Ваша мартышка вас ударила. Скверные маленькие бестии!

Кенни в отчаянии стукнул кулаком по столу.

— Не имеет значения! Забудем об этом. — Он схватил чек и отметил, что мартышка не проявила к чеку ни малейшего интереса, затем встал, вытаскивая бумажник. — У вас здесь есть телефон? Вызовите мне, пожалуйста, такси. Вы ведь не откажете мне в такой услуге?

— Конечно, — ответила официантка, отходя к кассе, чтобы пробить чек. — Конечно, мистер, — пробормотала она, — Такси. Мы сейчас же вызовем вам такси.

Разъяренный Кенни сидел и ждал такси. Водитель никак не отреагировал на мартышку. Кенни не поехал домой, а отправился в свою любимую пиццерию, которая находилась в пяти минутах ходьбы от его квартиры, и заказал большую пиццу. Мартышка сожрала все, хотя Кенни пытался ее обмануть, зажав в каждой руке по большому куску и поднося их одновременно ко рту. К несчастью, у мартышки также имелись две лапки, которые двигались гораздо быстрее его рук. Когда пицца закончилась, Дорчестер немного подумал, а потом подозвал официантку и заказал вторую порцию. Он выбрал большую пиццу с анчоусами, решив, что поступает очень хитро, так как до сих пор не встречал никого, кому нравилось это блюдо. Маленькие соленые рыбки станут его спасением! Чтобы увеличить свои шансы, Кенни взял перечницу и покрыл всю пиццу толстым слосм перца, способным вызвать настоящий пожар в любой глотке. После чего, вновь обретя уверенность, попытался съесть кусочек.

Мартышке понравилась пицца с анчоусами и огромным количеством перца. Кенни Дорчестер с трудом сдерживал слезы.

Из пиццерии он направился в «Слэб», замечательный

греческий ресторан, оттуда в «Макдоналдс», затем в булочную, где можно было полакомиться изумительными шоколадными эклерами. Рано или поздно мартышка набьет желудок, в конце концов, это лишь маленькое существо. Он будет заказывать все новые и новые порции, пока мартышка не насытится или у нее не случится заворот кишок и она помрет.

В этот день Кенни потратил на еду больше двухсот долларов.

Но ему не досталось ничего.

Мартышка оказалась бездонной бочкой. И если ее желудок имел пределы, то они явно превосходили возможности бумажника Кенни. Наконец Дорчестер был вынужден признать свое поражение. Мартышку не удастся набить едой, чтобы она перестала поглощать новые порции.

Тогда Кенни решил применить другую тактику, посчитав, что ему обязательно будет сопутствовать успех. Обезьяны не отличаются умом, даже невидимые мартышки с неслыханным аппетитом. Смущенно улыбаясь, Кенни зашел в соседний супермаркет, купил коробку с банановым пудингом (он посчитал, что это правильный выбор) и коробку крысиного яда. Дома, напевая бодрый мотивчик, он сдобрил банановый пудинг щедрой порцией яда без запаха и разлил его в розетки, чтобы десерт остыл, а потом около часа смотрел телевизор. Наконец он поднялся с кресла, подошел к холодильнику, вытащил пудинг и взял большую ложку. Потом уселся за стол, набрал полную ложку пудинга и поднес ко рту. Здесь он сделал паузу и стал ждать. Ждать пришлось долго.

Мартышка не проявила ни малейшего интереса к отравленному пудингу.

Быть может, она наконец наелась, подумал Кенни. Он отложил в сторону отравленный пудинг и побежал на кухню, где нашел коробку с ванильными вафлями и несколько старых крекеров. Обезьянка без колебаний их сожрала.

По щеке толстяка сползла слеза. Мартышка не возражала против того, чтобы он съел хоть весь отравленный пудинг. Дорчестер без особой надежды протянул руки назад, пытаясь схватить обезьяну, — возможно, съеденная пища немного ослабила ее реакцию…

Зверек легко ускользал от него, а когда ему это надоело, укусил Кенни за палец.

После того как палец был промыт и перевязан, Дорчестер вернулся в гостиную и со вздохом устроился в кресле напротив телевизора. Начинался повтор «Галопирующего гурмана»[25]. Такое выдержать было невозможно. Переключившись на другой канал, он несколько часов смотрел все подряд, рыдая над

передачами Бетти Крокер[26]. Наконец, поздним вечером, он немного оживился, услышав одно из часто повторяющихся объявлений. Вот что ему нужно сделать: обратиться за помощью!

Кенни снял трубку и позвонил по телефону экстренной помощи. Ему ответила женщина, которая показалась ему доброй, сочувствующей и… красивой. Кенни тут же принялся изливать ей свое сердце, рассказав о мартышке, которая не позволяет ему поесть, и о том, что ее никто не видит, кроме него, о том… но тут обезьянка врезала ему по щеке. Он застонал.

— Что случилось? — спросила женщина.

Тварь принялась выворачивать ему ухо. Кенни пытался продолжать говорить, не обращая внимания на боль, но мартышка не оставляла его в покое до тех пор, пока он не разрыдался и не бросил телефонную трубку.

Настоящий кошмар! Погруженный в грустные мысли, Дорчестер поплелся в постель, рассчитывая, что утром все будет в порядке и мартышка превратится в дурной сон, навеянный, вне всякого сомнения, несварением желудка.

Очень скоро обнаружилось, что безжалостная зверюшка не дает ему нормально спать. Кенни привык спать на спине, сложив руки на животе. Но после того как он разделся и улегся в постель, кулаки обезьянки обрушились ему на голову подобно волосатому урагану. Мартышка не собиралась оставаться зажатой между его затылком и подушкой. Заскулив от боли, Дорчестер перевернулся на живот. Ему было очень неудобно, но только так мартышка не протестовала.

На следующее утро Кенни Дорчестер проснулся и обнаружил, что его правая щека покоится на подушке и онемевшей руке. Все это сон, говорил он себе, боясь пошевелиться, никакой обезьяны не существует. Чушь, какая там обезьяна, это Костлявый Морони рассказал ему о «лечении мартышками», и ему приснился кошмар. Наступило самое обычное утро.

Дорчестер открыл один слезящийся глаз. Спальня выглядела как всегда. Как хорошо лежать, наблюдая за медленно меняющимися показаниями цифровых часов, без всяких мартышек…

А потом напомнил о себе пустой желудок.

— Нет никакой обезьяны! — громко заявил он и сел на постели.

И почувствовал, как мартышка переместилась.

Кенни задрожал и едва не разрыдался снова, но ему удалось сдержать слезы. Никакая обезьяна не сможет взять вверх над Кенни Дорчестером, сказал он себе. Гримасничая, он надел тапочки и побрел в ванну.

Обезьяна осторожно выглядывала из-за головы Кенни, пока он брился. Он угрюмо смотрел на нее в зеркало. Ему показалось, что она немного выросла, впрочем, что тут удивительного, если вспомнить, сколько она вчера сожрала. Не перерезать ли мартышке горло? К сожалению, электрическая бритва не слишком для этого приспособлена. И даже если воспользоваться ножом, слишком опасно наносить удары себе за спину, глядя в зеркало.

Прежде чем выйти из ванны, Кенни вдруг захотелось взвеситься. Он встал на весы.

Тут же загорелись цифры. 367. Как и вчера. Обезьяна ничего не весила? Нет, этого быть не может! Несомненно, тварь весит пару фунтов, но ее вес компенсировали потери самого Кенни. Значит, он *похудел*, поскольку почти сутки ничего не ел. Быть может, от его мучений будет хоть какая-то польза. Настроение мгновенно улучшилось.

Придя на кухню, Кенни колебался между гренками с молоком и яйцом и яичницей с ветчиной. Какая разница, ему все равно ничего не достанется! С мрачным фатализмом Кенни взял тарелку и наполнил ее кукурузными хлопьями, залив их молоком. Мартышка все отнимет, так зачем тратить время на приготовление завтрака?

Он взял ложку и попытался быстро засунуть ее в рот. Обезьянка его опередила. Кенни ничего другого и не ждал, но в тот момент, когда она вырвала у него из рук ложку, он ощутил ужасающую скорбь.

— Нет! Нет, нет, нет.

Дорчестер слышал, как хрустят хлопья во рту у проклятой мартышки, а молоко льется ему за шиворот. По щекам покатились слезы, он смотрел на тарелку с кукурузными хлопьями, такую близкую — и недостижимую.

И тут у него возникла идея.

Кенни резко нагнулся, опустив лицо в тарелку.

Мартышка схватила его за ухо и с возмущенным визгом принялась его крутить, одновременно она колотила его по виску, однако Кенни было все равно, он жадно втягивал в себя молоко и кукурузные хлопья. К тому времени, когда мартышкин хвост вырвал тарелку из его рук и швырнул на пол, он успел набрать полный рот хлопьев. Щеки Кенни раздулись, по подбородку текло молоко, в левую ноздрю попали хлопья, но он пребывал на небесах. Вот только не подавиться бы с таким трудом добытой едой!

Когда хлопья у него во рту закончились, он облизнул губы и встал, переполненный торжеством.

— Ха-ха-ха!

Гордо выпрямившись, он вернулся в спальню и оделся, ухмыляясь мартышке в большое зеркало. Он одержал победу.

В последующие дни и недели жизнь Кенни Дорчестера изменилась — он привыкал жить с обезьяной. Оказалось, что это не так уж трудно — если исключить время трапез. В те моменты, когда Кенни не пытался засунуть еду в рот, он почти забывал о существовании мартышки. Пока Дорчестер перебирал бумаги и звонил по телефону, она мирно сидела у него на плечах. Коллеги либо не замечали обезьяны, либо были достаточно вежливы, чтобы воздерживаться от комментариев. Проблемы возникали только во время перерывов на ленч, когда он предпринимал очередную попытку добраться до кофе и булочек с сыром. Мартышка сжирала девять булочек, прежде чем Кенни успевал отойти в сторону, и коллеги начинали говорить, что это его рук дело.

Избегая зеркал (привычка, которой Кенни теперь следовал неукоснительно, словно вампир), он большую часть времени теперь не думал о мартышке. У него возникала лишь одна проблема — к сожалению, трижды в день — завтрак, ленч и обед. В это время обезьяна заявляла о себе, и Кенни был вынужден с этим считаться. Постепенно он перешел на пищу, которая подавалась в глубоких тарелках, чтобы применять «метод Келлогга»[27]. Обычно ему удавалось во время каждой трапезы по нескольку раз набить рот хлопьями или чем-нибудь похожим.

Впрочем, возникали и другие проблемы. Люди стали бросать на него косые взгляды, когда он применял метод Келлогга в кафе, иногда даже позволяли себе довольно грубые замечания относительно его манер. В одном из самых любимых заведений, где подавали блюда с острым стручковым перцем чили, владелец решил, что у Дорчестера начался сердечный приступ, когда тот плюхнулся лицом в тарелку, и был очень недоволен, поняв, в чем дело. В другой раз он обжег лицо, попытавшись отведать горячего супа. Теперь у Кенни был такой вид, словно он постоянно краснеет. Но последней каплей стал эпизод в ресторане морепродуктов, откуда его в буквальном смысле вышвырнули вон после того, как он опустил лицо в суп из лангустов и принялся его прихлебывать. Дорчестер стоял на улице и долго ругался, напоминая владельцу, сколько денег он потратил у него в ресторане за долгие годы. С тех пор он ел только дома.

Несмотря на ограниченные успехи, Кенни Дорчестер получал лишь десятую часть приготовленной им еды, остальное доставалось ненасытной твари, угнездившейся у него на плечах. Он все время размышлял о том, как избавиться от подлой

мартышки, однако все его попытки заканчивались неудачами.

Однажды, в субботу, Кенни отправился в зоопарк, рассчитывая, что его мартышка захочет поиграть со своими соплеменниками — быть может, найдет себе здесь супруга (супругу)? Но как только Дорчестер вошел в обезьянник, все его обитатели подбежали к решеткам своих клеток и принялись пронзительно верещать, плеваться и проситься на свободу. Мартышка на спине Кенни отвечала им, и очень скоро в него полетела ореховая скорлупа и другой мусор — ему ничего не оставалось, как зажать уши и спасаться бегством.

В другой раз он зашел в бар и заказал себе несколько порций виски с пивом, рассчитывая, что, напоив мартышку, сможет от нее избавиться — такое сочетание способно свалить кого угодно! Этот эксперимент принес ему очередные неприятности. Обезьяна с легкостью поглощала виски с пивом, но после третьей порции принялась колотить Кенни по голове в ритме диско — рядом громко играл музыкальный автомат. На следующее утро он проснулся с тяжелой головной болью; мартышка чувствовала себя прекрасно.

Через некоторое время Дорчестер перестал строить коварные планы. Неудачи окончательно его обескуражили, к тому же присутствие мартышки уже не так сильно раздражало. Более того, после того как прошла первая неделя, он перестал испытывать постоянное чувство голода. Поначалу на него накатывали приступы слабости, сопровождавшиеся головокружением, но потом охватила эйфория. Он чувствовал себя великолепно, более того, он терял вес!

Конечно, весы этого не показывали. Каждое утро загоралось одно и то же число — 367. Но он ведь взвешивал не только себя, но и мартышку. Кенни знал, что худеет; он ощущал, как исчезает фунт за фунтом. Даже коллеги стали обращать на это внимание, и когда они спрашивали, как ему это удается, он подмигивал и отвечал:

— Лечение мартышками! Таинственное лечение мартышками!

Однажды Дорчестер попытался пуститься в объяснения, но мартышка стала колотить его с таким энтузиазмом, что он едва не лишился головы, а друзья принялись что-то бормотать относительно странных судорог.

Наконец наступил день, когда Кенни пришлось ушить свои брюки на несколько дюймов. Это был один из самых счастливых моментов в ет жизни. Однако ощущение счастья исчезло, когда он случайно посмотрел на свос отражение в витрине. Дома он уже давно убрал все зеркала, поэтому был потрясен видом мартышки.

Животное выросло! Теперь на его плечах высился злой и уродливый шимпанзе, чья ухмыляющаяся рожа вздымалась над его головой, а не робко выглядывала из-за нее. Обезьяна стала ужасно толстой, превратившись в подобие бочонка, а хвост доставал до самой земли. Кенни с ужасом смотрел на нее, она же в ответ нагло ухмылялась. Вот почему у меня в последнее время стала болеть спина, подумал он.

Кенни медленно побрел домой, вся его радость испарилась. Он шел и размышлял о своей жизни, а бездомные собаки следовали за ним на некотором расстоянии и оглушительно лаяли. Дорчестер не обращал на них внимания, так как уже давно понял, что собаки видят обезьяну, как и животные в зоопарке. По-видимому, этой способностью также обладали пьяницы. В тот вечер, когда он посетил бар, один человек очень долго на него смотрел. Хотя… его могли заинтересовать стремительно исчезающие порции виски и пива.

Вернувшись домой, Кенни Дорчестер растянулся на своей постели. Как всегда, он лежал на животе, подложив подушку под подбородок. Телевизор был включен, но Кенни не смотрел на экран, пытаясь найти выход. Даже реклама пиццы не привлекла его внимание — тот момент, когда ломтик пиццы со свисающими с него нитями сыра снимали со сковороды.

Когда реклама закончилась, Кенни встал, выключил телевизор и сел за свой круглый обеденный стол. Он нашел листок бумаги и огрызок карандаша, тщательно написал формулу крупными печатными буквами и посмотрел на нее.

«Я + ОБЕЗЬЯНА = 367 ФУНТОВ».

В этой формуле скрывался какой-то тревожный смысл, и чем дольше он размышлял, тем меньше ему нравились выводы. Дорчестер явно терял вес, и к этому следовало относиться серьезно. Однако где удовлетворение от победы? Сколько бы он ни сбросил, его тело будет таскать прежний вес, все те же 367 фунтов. Что касается стройности и привлекательности для женщин… о каких женщинах может идти речь, пока у него на спине сидит обезьяна? Кенни представил себе свидание с какой-нибудь девушкой в кафе и содрогнулся.

— Чем все это для меня закончится? — спросил он вслух.

Обезьяна пошевелилась и издала отвратительный негромкий смешок.

Кенни неодобрительно поджал губы. Завтра он отправится туда, где получил проклятую мартышку.

На следующий день, после работы, Кенни Дорчестер приехал на такси в то самое место, где получил мартышку.

Витрина исчезла.

Кенни сидел в такси (на сей раз у него хватило ума не выходить из машины, более того, он заранее выдал водителю щедрые чаевые) и бессмысленно моргал. С его губ слетел тихий безнадежный стон. Он знал, что приехал по нужному адресу, у него до сих пор сохранился клочок бумаги, на котором Морони его записал. Но витрина магазинчика, где раньше висел выцветший плакат с рекламой кока-колы, исчезла. На его месте теперь был пустырь, заросший сорняками и усыпанный мусором.

— О нет! — простонал Кенни. — О нет!

— С вами все в порядке? — спросила женщина, сидевшая за рулем такси.

— Да, — пробормотал Кенни. — Только… только подождите, пожалуйста. Я должен подумать. — Он закрыл лицо руками.

Дорчестер вдруг ощутил слабость и головокружение. И еще — ужасно захотелось есть. Счетчик продолжал негром — ко тикать, женщина тихонько насвистывала, Кенни думал. Улица выглядела точно так же, как в прошлый раз, только не было магазинчика. Так же грязно, старые пьяницы по-прежнему сидят на крылечке…

Он опустил стекло и позвал одного из пьяниц.

— Сэр!

Тот молча посмотрел на него.

— Подойдите сюда, сэр!

Старик встал и шаркающей походкой направился к такси.

Кенни вытащил из бумажника доллар и вложил его в руку пьяницы.

— Вот, возьмите, друг мой. Купите себе выпить.

— И за что это вы мне решили подарить доллар, мистер? — подозрительно спросил пьяница.

— Я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос. Что стало со зданием, которое здесь стояло, — Кенни показал на пустырь, — несколько недель назад?

Мужчина быстро засунул доллар в карман.

— Здесь уже много лет ничего нет, — ответил он.

— Именно этого я и боялся, — признался Кенни. — Вы уверены? Я недавно был здесь и отчетливо помню…

— Не было здания, — твердо повторил пьяница, повернулся и зашагал прочь, но потом остановился и оглянулся. — Ты один из толстых парней, — с укором сказал он.

— А что вам известно о… ну… страдающих избыточным весом?

— Постоянно вижу, как они здесь болтаются. Совсем дурные. Кричат что-то. Ага, помню тебя! Ты — один из этих парней. —

Старик нахмурился и внимательно посмотрел на Кенни. — Похоже, ты потерял немного жира. Очень хорошо. Спасибо за доллар.

Кенни Дорчестер проследил взглядом за пьяницей, который вернулся на свое крылечко и вскоре уже что-то оживленно обсуждал со своими собратьями. С тяжелым вздохом он поднял стекло, еще раз посмотрел на пустырь и попросил отвезти его домой. Его самого и обезьяну.

Вновь потянулись недели, Кенни Дорчестер жил как в трансе. Он ходил на работу, перекладывал бумаги, бормотал вежливые слова сослуживцам, получат свою скромную толику пищи, избегал зеркал. Весы продолжали показывать 367 фунтов. У него образовался отвисший подбородок, на животе появились складки кожи, которые выглядели так же жалко, как использованный презерватив. Начались голодные обмороки. Во время ходьбы у него стали заплетаться ноги, которые с трудом выдерживали вес растущей обезьяны. Резко ухудшилось зрение. Ему даже показалось, что у него начали выпадать волосы, но то была ложная тревога; благодарение богу, волосы теряла обезьяна. Теперь они валялись повсюду, даже ежедневная работа с пылесосом не слишком помогала.

Вскоре Кенни перестал следить за порядком. У него просто не хватало сил. Теперь даже встать со стула было для него нелегким делом. Приготовление обеда стало невыносимой мукой — однако он этим занимался, поскольку обезьяна немилосердно колотила его, когда он не кормил ее вовремя. Дорчестер потерял всяческий интерес к жизни. Лишь каждое утро вставал на весы и смотрел на формулу, которую повесил на стену в ванной.

«Я 4- ОБЕЗЬЯНА = 367 ФУНТОВ».

Сколько приходится на «Я» и сколько — на «ОБЕЗЬЯНА»? Но на самом деле не хотел знать ответ. Однажды, повинуясь странной прихоти, Кенни попытался схватить обезьяну за лапы, рассчитывая, что теперь она стала недостаточно быстрой и он сумеет стащить ее. Его руки сомкнулись на пустоте. Лапы обезьяны исчезли, хотя он продолжал ощущать чудовищный вес на своих плечах. Ничего не понимая, Дорчестер принялся ощупывать шею и грудь, рассеянно отметив, что теперь видит собственные ступни. Интересно, как давно с ним произошла такая метаморфоза? Кстати, отличные ступни, вот только икры и бедра выглядели невероятно тощими.

Его разум с трудом вернулся к загадке — куда делись лапы обезьяны? Кенни нахмурился и попытался разобраться в том, что происходит, но в голову не приходило никаких разумных

объяснений. Наконец он засунул вновь обретенные ступни в домашние тапочки и побрел к чулану, где были сложены все зеркала. Зажмурившись, Дорчестер протянул руку и нащупал большое зеркало, которое когда-то висело на стене спальни, не открывая глаз, вытащил его и установил возле стены. Затем задержал дыхание и открыл глаза.

В зеркале отражался изможденный, скелетообразный тип, сгорбленный и болезненный. На спине у него, ухмыляясь, сидело существо размером с гориллу. Весьма тучную гориллу — длинный бледный хвост, похожий на змею, мощные руки… Она была белой, точно личинка, и совершенно безволосой. Тварь казалась прикрепленной к нему — будто росла прямо из его спины. А еще она омерзительно ухмылялась. Обезьяна напомнила Кенни огромного владельца заведения, где предлагали лечение мартышками. И почему он не замечал этого раньше?

Кенни Дорчестер отвернулся от зеркала и перед тем, как отправиться спать, приготовил обезьяне роскошный обед.

В ту ночь ему приснилось, как все началось в «Слэбе», где он встретил Костлявого Морони. В кошмаре огромное злобное белое существо сидело на плечах Морони, поедая одну порцию ребрышек за другой, но Кенни вежливо делал вид, что ничего не замечает, и поддерживал остроумную оживленную беседу. Потом, когда ребрышки закончились, существо схватило руку Морони и принялось ее пожирать. Кости сытно похрустывали, а его приятель продолжал разговор. Существо успело съесть руку до локтя, когда Кенни проснулся с криком и в холодном поту.

Он с трудом поднялся на ноги и побрел в туалет, где минут десять у него не прекращалась сухая рвота. Разозленная обезьяна, которой не дали поспать, вяло лупила его по голове.

— Костлявый, — прошептал он.

Кенни Дорчестер на четвереньках торопливо вернулся в спальню, встал и быстро накинул на себя одежду. Было три часа утра. Он проверил адрес в записной книжке и вызвал такси.

Костлявый Морони жил в современном высотном доме, расположенном на берегу реки. Лунный свет отражался в больших окнах. Когда Дорчестер, пошатываясь, вошел в подъезд, то обнаружил спящего швейцара, что его вполне устроило.

Он на цыпочках прошел мимо него к лифтам и поднялся на восьмой этаж. Обезьяна у него на плечах зашевелилась, она была явно чем-то недовольна.

Палец Кенни дрожал, когда он нажимал на маленькую черную кнопку звонка в квартиру Морони. Музыкальный звонок прозвучал довольно громко, нарушив утреннюю тишину. Кенни еще сильнее нажал на кнопку. Музыка продолжала играть.

Наконец он услышал тяжелые шаги. Кто-то выглянул в глазок. Затем дверь распахнулась.

В квартире было темно, хотя лунный свет, проникавший сквозь огромное окно напротив двери, слегка разгонял мрак. На фоне звезд и городских огней стоял человек, огромный, отвратительно толстый, с одутловатой и бледной кожей, маленькие темные глазки выглядывали из глубин жирного лица. На нем были надеты лишь длинные полосатые трусы. Когда он улыбнулся, зубы засверкали на пол-лица. Кенни задрожал.

— Где? — едва слышно прошептал он. — Где Костлявый? Что вы с ним сделали?

Существо расхохоталось, огромная грудь колыхалась, точно море. Обезьяна на спине Кенни принялась смеяться мерзким визгливым смехом. Потом она схватила Кенни за ухо и больно его дернула. Дорчестеру стало невыносимо страшно, а еще — он ужасно разозлился. Собрав все силы, оставшиеся в измученном теле, он бросился вперед, мимо тучного колосса, преграждавшего ему путь. И ему удалось проскочить в квартиру!

— Костлявый, — позвал он, — где ты, Костлявый? Это я, Кенни.

Ответа не было. Кенни переходил из одной комнаты в другую. Квартира превратилась в грязный омерзительный притон. И нигде никаких следов Костлявого Морони! Когда Дорчестер, слегка задыхаясь, вернулся в гостиную, обезьяна переместила свой вес, и он потерял равновесие, споткнулся и рухнул на пол. Боль пронзила колени, он сильно порезал руку о край кофейного столика.

Входная дверь закрылась, и существо, живущее в квартире Морони, медленно двинулось к нему. Сглотнув слезы, Кенни молча смотрел на приближающиеся жирные слоноподобные ноги, бледные в льющемся сквозь окно лунном свете. Он поднял взгляд — с тем же успехом можно было смотреть на гору. Где-то очень далеко блестели страшные белые зубы.

— Где он? — прошептал Кенни Дорчестер. — Что вы сделали с бедным Костлявым?

Ухмылка не изменилась. Существо опустило вниз мясистую руку, и пальцы, больше похожие на копченые колбаски, оттянули резинку мешковатых полосатых трусов. Потом трусы неловко сползли вниз и улеглись на полу, точно использованный парашют.

— О нет!

У существа не было гениталий. Между его ног, почти касаясь пола, болтался морщинистый мешочек кожи, длинный и худой. Кенни с ужасом смотрел на него, и вдруг мешочек зашевелился,

появились крошечные ручки и ножки.

А потом мешочек открыл глаза.

Дорчестер закричал и, спотыкаясь, бросился прочь от ухмыляющегося непотребства, стоящего посреди комнаты. То, что прежде было Костлявым Морони, с мольбой тянуло к нему свои жалкие ручки.

— О не-е-е-е-е-ет, — простонал Кенни и запрыгал на одном месте с тяжелой обезьяной на спине.

За огромным стеклом окна манили к себе огни далекого города. Он остановился и, задыхаясь, посмотрел на них. Каким-то образом обезьяна догадалась о его мыслях и принялась выкручивать ему уши, а затем обрушила серию тяжелых ударов на голову. Но Дорчестер не обращал на них внимания. С почти блаженной улыбкой он собрал остатки сил и сломя голову бросился к лунному свету.

Стекло разбилось на миллион сверкающих осколков, и пока Кенни летел вниз, с его лица не сходила улыбка.

Именно запах дезинфицирующих средств помог понять Кенни, что он еще жив, — запах и ощущение накрахмаленных простыней. Больница, подумал он, омываемый океаном боли. Он попал в больницу. Кенни хотелось плакать. Почему он не умер? О, почему, почему, почему? Он открыл глаза и попытался что-нибудь сказать.

Рядом моментально оказалась медицинская сестра, которая с беспокойством смотрела на него, ощупывая лоб. Дорчестер хотел попросить ее, чтобы она его прикончила, но ему не удавалось выдавить из себя ни одного слова. Сестра вышла из палаты и вскоре вернулась с компанией врачей.

Круглолицый молодой человек сказал:

— С вами все будет в порядке, мистер Дорчестер, но вам предстоит долгий путь к полному выздоровлению. Вы находитесь в больнице. Должен вам сказать, что вы невероятно везучий человек. Вы упали с восьмого этажа и должны были погибнуть.

«Я хочу умереть», — подумал Кенни, и попытался произнести эти слова. Но никто его не слышал. «Возможно, обезьяна окончательно взяла надо мной власть, и я больше не смогу говорить».

— Он хочет что-то сказать, — вмешалась сестра.

— Я вижу, — ответил круглолицый врач. — Мистер Дорчестер, вам не следует напрягаться. Если вас интересует судьба вашего друга, то он оказался не таким удачливым, как вы, — увы, разбился насмерть. Вы также должны были умереть, но, к счастью, упали на него.

Страх и недоумение Кенни были настолько очевидными, что сестра мягко погладила его по руке.

— Второй мужчина, — терпеливо сказала она. — Такой толстый. Вам следует поблагодарить Бога за то, что он был таким толстым. Вы упали на него, как на огромную подушку.

Тут только Кенни Дорчестер понял, о чем они говорят, и разрыдался. Однако то были слезы радости.

Три дня спустя ему удалось заговорить.

— Пицца. — Слово прозвучало едва слышно, но потом он повторил его громче и принялся нажимать на кнопку вызова сестры и кричать: — Пицца! Пицца! Пицца!

Кенни Дорчестер никогда не ел ничего вкуснее.

Человек-в-форме-груши
© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

Человек-в-форме-груши живет под звездами. У него узкие покатые плечи и огромные ягодицы — или все дело в одежде? Однако никто не видел его обнаженным, и он никогда не изъявлял желания раздеться. Он носит брюки из коричневого полиэстера с широкими отворотами, большие глубокие карманы набиты самыми разнообразными безделушками. Брюки располагаются высоко на талии, удерживаемые выше выпуклого животика при помощи узкого коричневого ремня. Штанины задраны так высоко, что на всеобщее обозрение выставлены спущенные носки, а часто еще и пара дюймов нездоровой белой кожи.

Он носит рубашки с коротким рукавом, чаще всего белые или светло-голубые, нагрудный карман которых оттопыривается из-за большого количества дешевых шариковых ручек. Колпачки все время теряются, поэтому рубашки испачканы синей пастой.

Его голова напоминает вторую грушу, приставленную к первой; у него двойной подбородок и широкие пухлые щеки, широкий плоский нос с крупными жирными порами, маленькие, бледные, близко посаженные глаза, толстые влажные губы. Волосы жидкие, темные, мягкие, усыпанные перхотью; они всегда кажутся грязными, и многие говорят, что он обрезает их тупым ножом, надев на голову миску.

А еще от человека-в-форме-груши пахнет, это сладковато-кислый резкий запах, смесь старого масла, протухшего мяса и овощей, сгнивших в мусорном баке. У него высокий писклявый голос; такой голос был бы забавным для столь крупного уродливого человека, но в нем есть нечто тревожащее, а скупая быстрая улыбка и вовсе вызывает страх. И он никогда не показывает зубов, когда улыбается.

Конечно, вы его знаете. Всем знаком человек-в-форме-груши.

Джесси встретила его в первый же день, когда они с Анжелой переезжали в освободившуюся квартиру на первом этаже. Анжела и ее дружок Дональд, студент-психиатр, внесли внутрь диван и случайно отодвинули в сторону кирпич, который мешал закрыться входной двери. Джесси в одиночестве тащила шезлонг — и оказалась перед закрытой дверью. Ей было жарко, она вспотела и была готова завопить от злости.

В этот момент и появился человек-в-форме-груши, чья квартира находилась на цокольном этаже, он поднялся по ступенькам крыльца и посмотрел на Джесси своими маленькими, бледными, водянистыми глазами. Он не попытался помочь ей с шезлонгом, лишь улыбнулся скупой влажной улыбкой, не показав ни единого зуба, и сказал визгливым голосом, напоминавшим скрип ногтей по школьной доске:

— А-а-а-ах, вот и она. — Потом повернулся и пошел прочь.

Во время ходьбы он слегка раскачивался из стороны в сторону.

Джесси выпустила шезлонг из рук, он соскользнул по ступенькам. Ей вдруг стало холодно, несмотря на знойную июльскую жару.

Когда она сообщила о нем Дональду и Анжеле, ее рассказ не произвел на них особого впечатления.

— В жизни каждой девушки должен появиться человек-в-форме-груши, — заявила Анжела с цинизмом опытного жителя большого города. — Могу спорить, я однажды встретилась со своим во время «свидания вслепую».

Дональд, который жил отдельно от них, но провел столько ночей с Анжелой, что иногда возникало прямо противоположное ощущение, был озабочен другими проблемами.

— Куда лучше поставить шезлонг? — осведомился он.

Позднее, после того как они выпили пива, к ним зашли помочь Рик, Молли и Хэзерсоны. Рик предложил Джесси позировать (он подмигнул ей сначала правым, а потом левым глазом), но так, чтобы его не слышала Молли. Дональд выпил так много, что отправился спать, Хэзерсоны поссорились, Джефф убежал, а Лорин расплакалась; короче говоря, они провели обычный вечер, и Джесси напрочь забыла о человеке-в-форме-груши. Впрочем, вскоре ей пришлось о нем вспомнить.

На следующее утро Анжела разбудила Дональда, и они ушли вместе; девушка направилась в крупную фирму, расположенную в центре города, где была секретарем у адвоката, а Дон — продолжать изучение психиатрии. Джесси работала внештатным иллюстратором, поэтому трудилась дома, что для Анжелы, Дональда, ее матери и остального западного мира означало, что она не работает совсем.

— Надеюсь, ты сходишь за покупками? — спросила Анжи перед уходом. За последние две недели они почти полностью опустошили свой холодильник, — Ведь ты целый день будешь дома? Нам же нужно что-то есть.

И вот Джесси толкала перед собой тележку, набитую продуктами, продвигаясь к кассе магазинчика Сантино, расположенного рядом с домом. Тут она и увидела человека-в-форме-груши во второй раз. Он стоял у кассы и отсчитывал деньги. Джесси ужасно захотелось развернуться и сделать вид, что она продолжает что-то искать на полках, пока он не уйдет. Но это было бы глупо, ведь она уже нашла все, что ей требовалось! В конце концов, она взрослая женщина, а человек-в-форме-груши расплачивался в единственной работающей кассе. Джесси

решительно встала у него за спиной.

Сантино быстро сложил его покупки в пакет: большую пластиковую бутылку кока-колы и коробку «Чиз Дуддлс». Человек-в-форме-груши взял пакет, увидел Джесси и одарил ее скупой влажной улыбкой.

— «Чиз Дуддлс» — самые лучшие. Хотите попробовать?

— Нет, благодарю, — вежливо ответила она.

Человек-в-форме-груши положил пакет в бесформенную кожаную сумку вроде тех, в которые школьники складывают учебники, и утиной походкой вышел из магазина. Сантино, крупный мужчина с редеющими седыми волосами, принялся подсчитывать стоимость покупок Джесси.

— Ну, как он тебе понравился? — спросил он у девушки.

— А кто он такой?

Владелец магазина пожал плечами.

— А черт его знает! Все называют его человек-в-форме-груши. Он всегда здесь был. Приходит каждое утро, покупает кока-колу и большой пакет «Чиз Дуддлс». Однажды они кончились, и я предложил ему попробовать «Читас» или картофельные чипсы, ну, ты понимаешь, для разнообразия? Однако он категорически отказался.

Джесси была поражена.

— Но он покупает и другие продукты?

— Хотите пари, леди?

— Значит, он ходит в другое место.

— Ближайший супермаркет в девяти кварталах отсюда. Чарли из кондитерского отдела рассказывал мне, что человек-в-форме-груши приходит туда каждый день в четыре тридцать и покупает шоколадное мороженое и больше, насколько мне известно, ничего не ест. — Он нажал на клавишу кассы и объявил сумму: — Семьдесят девять восемьдесят два, леди. Вы здесь недавно?

— Я живу как раз над ним, — призналась Джесси.

— Мои поздравления, — сказал Сантино.

Позднее, когда девушка разложила свои покупки и перешла в студию, которую устроила в свободной спальне, провела несколько штрихов на плакате, заказанном «Пируэтг паблишинг», приготовила себе ленч, съела его, вымыла посуду, включила музыкальный центр, немного послушала Карли Симон и переставила мебель в гостиной, ей пришлось признаться самой себе, что работа все равно не идет ей в голову. Почему бы не обойти соседей и не познакомиться с ними?

Она знала, что в городе так поступают немногие, но в глубине души оставалась девочкой, выросшей в маленьком

городке, где все всех знали. Джесси решила начать с человека-в-форме-груши и даже спустилась вниз на несколько ступенек. Потом она заметила, что возле звонка нет фамилии жильца, и вдруг ей расхотелось заходить в его квартиру. Девушка поднялась по лестнице, чтобы познакомиться с другими соседями.

Все обитатели дома знали человека-в-форме-груши; большинство разговаривали с ним по меньшей мере один или два раза, пытаясь завязать дружеские отношения. Старый Сади Уинбрайт с первого этажа сказал, что сосед ведет себя очень тихо. Билли Пибоди, который жил на втором этаже с матерью-инвалидом, считал, что человек-в-форме-груши вызывает дрожь, в особенности его скупая улыбка. Пит Пьюметти, работавший в ночную смену, рассказал Джесси, что свет на цокольном этаже горит всегда, в какое бы время ночи он ни возвращался домой, хотя таинственный обитатель цокольного этажа всегда держит ставни на своих окнах закрытыми. Джесс и Джинни Харрис не любили, когда их близнецы играли на лестнице, ведущей к его квартире, и запрещали детям о нем говорить. Парикмахер Джеффрис, чье крошечное заведение на два кресла находилось в двух кварталах от магазинчика Сантино, знал его, но не испытывал никакого желания с ним общаться.

— А как он зарабатывает на жизнь? — спросила Джесси.

— Мне кажется, он живет на пособие, — предположил старый Сади Уинбрайт.

— Будь я проклят, если знаю, — заявил Пит Пьюметти. — Он наверняка не работает. Могу спорить, он гомосексуалист.

— Иногда мне кажется, что он продает наркотики, — сказал парикмахер Джеффрис, чье знакомство с наркотиками ограничивалось гамамелисом.

— Могу спорить, что он пишет порнографические романы, — утверждал Билли Пибоди.

— Он нигде не работает, — сказала Джинни Харрис. — Мы с Джессом говорили об этом. Он попрошайничает, ничего другого нам в голову не пришло.

В тот вечер, во время обеда, Джесси рассказала подруге про человека-в-форме-груши и предположениях соседей.

— Наверное, он адвокат, — сказала Анжела. — А почему тебя это так интересует?

Джесси не знала, что сказать.

— Понятия не имею. У меня от него мурашки по коже. Мне не нравится, что под нами живет какой-то маньяк.

Анжи пожала плечами.

— Так всегда бывает в больших заманчивых городах. К нам приходил кто-нибудь из телефонной компании?

— Они обещали прислать техника на следующей неделе, — ответила Джесс п. — Так всегда бывает в больших заманчивых городах.

Вскоре Джесси поняла, что ей не удастся избежать встреч с человеком-в-форме-груши. Отправившись в прачечную, расположенную в ближайшем к дому квартале, она встретила там соседа, стиравшего большую стопку полосатых трусов и испачканных синими чернилами рубашек. Он с аппетитом ел «Чиз Дуддлс», запивая их кока-колой, купленной в стоящем тут же автомате. Девушка попыталась не обращать на него внимания, но ее повсюду встречали влажная улыбка и взгляд маленьких глазок. Впрочем, он мог рассматривать не только ее, но и нижнее белье, которое Джесси засовывала в сушилку.

Однажды днем она решила зайти в кондитерский магазин, чтобы купить газету, и столкнулась там с таинственным соседом. Человек-в-форме-груши, громко чавкая, поглощал мороженое, и его ягодицы свисали со стульчика, на котором он угнездился.

— Это домашнее мороженое, — пропищал он, обращаясь к Джесси.

Она нахмурилась, заплатила за газету и поспешно вышла.

Как-то вечером, когда Анжела отправилась на свидание, Джесси взяла старый роман в мягкой обложке и вышла посидеть на крыльце, чтобы насладиться прохладным ветерком и немного с кем-нибудь поболтать. Вскоре чтение ее захватило, но потом она ощутила неприятной запах и, оторвав глаза от книги, увидела человека-в-форме-груши, который стоял совсем рядом и пялился на нее.

— Чего вы хотите? — резко спросила Джесси, захлопнув книгу.

— Вы не желаете спуститься вниз и осмотреть мое жилище? — спросил высоким плаксивым голосом человек-в-форме-груши.

— Нет, — ответила она и поспешно вернулась в свою квартиру.

Но когда через полчаса Джесси выглянула наружу, он стоял на том же самом месте, сжимая в руках коричневую сумку, и смотрел на ее окно до тех пор, пока не спустились сумерки. Жаль, что Анжелы нет дома. Обычно ее свидания продолжались довольно долго, так что Джесси предстояло пробыть одной еще несколько часов. Подруга вообще могла остаться ночевать у Дона.

Несмотря на жару, Джесси закрыла окна, проверила замок на двери и вернулась в студию, чтобы поработать, надеясь, что рисование поможет ей забыть о человеке-в-форме-груши. Кроме

того, подходил к концу срок сдачи заказа.

Почти весь вечер Джесси работала над фоном и деталями платья своей героини. Потом пришла к выводу, что нужно слегка улучшить фигуру героя. Как обычно, это был темноволосый мужественный человек с волевым подбородком, но Джесси решила, что следует четче прорисовать черты лица. Работа отвлекала Джесси до тех пор, пока в замке не послышался щелчок ключа Анжелы.

Девушка убрала краски, привела студию в порядок и решила перед сном выпить чаю. Анжела стояла в гостиной, держа руки за спиной, она была слегка навеселе, на ее губах броди-ла улыбка.

— Что смешного? — спросила Джесси.

— А ты оказалась ужасно скрытной, — хихикая, сказала подруга. — У тебя появился новый поклонник, но ты мне ничего не рассказала.

— Ты о чем?

— Когда я шла домой, он стоял на крыльце и просил передать тебе маленький подарок, — И она вытащила руку из-за спины. Ладонь была полна толстых оранжевых червяков — кукурузных палочек с сыром.

Всю ночь Джесси мучил бесконечный ужасный кошмар, но, когда наступило утро, она сумела вспомнить лишь его малую часть. Она стояла под лестницей у двери в квартиру человека-в-форме-груши и чего-то ждала, страшного, самого худшего события, которое только можно себе представить. Медленно, медленно дверь начала открываться. На лицо Джесси упал свет, и она, дрожа, проснулась.

Он может быть опасен, решила Джесси на следующее утро, когда пила чай с рисовыми булочками. Возможно, у него были судимости. Или он страдает психическими отклонениями. Нужно побольше о нем узнать — имя, например. Не может же она позвонить в полицию и сказать: «У вас есть что-нибудь на человека-в-форме-груши?»

После того как Анжела ушла на работу, Джесси поставила стул к окну, уселась и принялась ждать. Почту обычно приносили около одиннадцати. Вот почтальон спустился по лестнице, было слышно, как он кладет в ящик письма. Однако у человека-в-форме-груши имелся собственный ящик, расположенный под звонком, и если она не ошиблась, ящик не закрывался. Как только почтальон ушел, девушка поспешно спустилась вниз. Человека-в-форме-груши нигде не было видно. Дверь в его квартиру находилась прямо под крыльцом, дальше виднелись

переполненные мусорные баки, до нее долетал их густой и неприятный сладковатый запах. В верхней части двери имелось окошко, заколоченное досками. Джесси ободрала пальцы о кирпич, пока пыталась открыть почтовый ящик. Наконец ее рука коснулась металлической крышки, она откинула ее и вытащила два тонких конверта. Прищурившись на солнце, она прочитала имя. Оба письма были адресованы «Арендатору».

Она запихивала письма обратно в ящик, когда дверь распахнулась. Человек-в-форме-груши стоял на фоне яркого света, льющегося из его квартиры, молча улыбаясь. Его лицо находилось так близко, что она могла бы сосчитать поры на его носу и увидеть, как блестит слюна на нижней губе.

— Я, — начала Джесси испуганно, — я… я случайно получила ваши письма. Наверное, у нас новый почтальон. Я принесла вашу почту.

Человек-в-форме-груши засунул руку в почтовый ящик. На мгновение его рука дотронулась до пальцев Джесси. Кожа была мягкой, влажной и слишком холодной, от его прикосновения вся ее рука тут же покрылась гусиной кожей. Он взял два письма, бросил на них короткий взгляд, после чего небрежно засунул в карман брюк.

— Это ерунда, — пропищал человек-в-форме-груши. — Им не следует разрешать посылать вам мусор. Вы хотите посмотреть мои вещи? У меня есть много интересного.

— Я, — пробормотала Джесси, — э… нет. Нет, я не могу. Прошу меня извинить.

Она быстро повернулась и торопливо поднялась по ступенькам. И все это время девушка ощущала на себе его взгляд.

Остаток этого дня — да и следующий — Джесси посвятила работе, она даже не подходила к окну, опасаясь, что он стоит внизу и смотрит в ее сторону. К четвергу она закончила эскиз. Джесси решила не вызывать курьера, а самой отвезти его в «Пируэтт», пообедать в центре города и немного пройтись по магазинам. Ей не помешает побыть подальше от своей квартиры и человека-в-форме-груши, это успокоит ее нервы. Пожалуй, она вообразила себе много лишнего. В конце концов, он ничего такого не сделал. Просто он очень *мерзкий*.

Адриан, главный художник «Пируэтт», как и всегда, страшно обрадовался, когда она пришла.

— А вот и моя Джесси! — сказал он, обнимая ее. — Как бы я хотел, чтобы все мои художники были такими, как ты. Всегда сдаешь заказы вовремя, твоя работа превосходна, ты настоящий профессионал. Зайдем в мой кабинет, посмотрим твой эскиз, поговорим о новом заказе и немножко посплетничаем.

Он предупредил секретаршу, чтобы его ни с кем не соединяли, и проводил Джесси по лабиринту крошечных кабинетиков, где обитали редакторы. Сам Адриан занимал огромное угловое помещение с двумя большими окнами, символ его высокого статуса в «Пируэтт паблишинг». Он жестом пригласил Джесси сесть в кресло, налил ей чашку травяного чая, после чего забрал папку с образцами работ, вытащил эскиз и принялся его рассматривать.

Молчание затягивалось.

Адриан принес стул, поставил на него эскиз и отошел на несколько футов, чтобы посмотреть на него издали. Он несколько раз пригладил бородку и склонил голову набок. Наблюдавшая за ним Джесси ощутила укол тревоги. Обычно Адриан сразу же начинал хвалить ее работы. Ей не нравилось, что он так долго молчит.

— Что-то не так? — спросила она, поставив чашку на стол. — Тебе не нравится?

— Ну, — Адриан развел руками, — все выполнено хорошо — тут не может быть ни малейших сомнений. У тебя превосходная техника. Отлично выписаны детали.

— Я тщательно изучала костюмы, — раздраженно сказала Джесси. — Все полностью соответствует периоду, ты же сам знаешь.

— Да, конечно. Да и героиня великолепна, как всегда. Я бы и сам с удовольствием взглянул, что прячется у нее под корсажем. Ты совершаешь настоящие чудеса с бюстом, Джесси.

Она поднялась с кресла.

— В чем дело, Адриан? Я уже три года делаю для вас обложки. И ни разу у нас не возникало проблем.

— Верно, — ответил он, покачал головой и улыбнулся. — Ты права. Возможно, ты слишком долго этим занимаешься. Я знаю, так бывает. Они слишком похожи друг на друга, тебе становится скучно рисовать бесконечные объятия; в результате наступает момент, когда хочется немного поэкспериментировать, попытаться сделать что-то новенькое. — Он погрозил ей пальцем. — Однако этого делать не следует. Наши читатели хотят получать прежнее дерьмо с прежними обложками. Я тебя понимаю, но это не годится.

— Но я не ставила никаких экспериментов! — воскликнула Джесси. — Я делала подобные рисунки сотни раз. *Что* тебя не устраивает?

— Ну, мужчина, естественно, — ответил он и показал на эскиз. — Герой выглядит непривлекательно. Ты сделала это нарочно?

— Что? — Джесси подошла ближе к своей работе. — Он все тот же мужественный подонок, которого я рисовала столько раз.

Адриан нахмурился.

— Неужели ты серьезно? — сказал он. — Посмотри. — И он принялся показывать на детали. — Вот здесь, возле воротника, легкий намек на двойной подбородок, видишь? А теперь взгляни на нижнюю губу! Прекрасная работа, но она выглядит… влажной. Герои наших книг насилуют, грабят, соблазняют, угрожают, но не исходят слюной, дорогая. Возможно, все дело в перспективе, но я могу поклясться, — он помолчал, наклонился поближе и покачал головой, — нет, перспектива здесь ни при чем, верхняя часть головы определенно уже, чем нижняя. Придурок! В наших книгах не может быть придурков, Джесси. И у него слишком пухлые щеки. Такое впечатление, что он хранит за ними запасы на зиму. — Художник покачал головой. — Так не пойдет, дорогая. Взгляни, тут нет особых проблем. Остальная часть эскиза в полном порядке. Возьми его домой и внеси необходимые поправки. Ты согласна?

Джесси с ужасом смотрела на картину; казалось, она видит ее в первый раз. Все, что говорил Адриан, полностью соответствовало действительности. Да, отличия были достаточно тонкими; поначалу казалось, что мужчина ничем не отличается от обычных героев издательства «Пируэтт», но что-то в нем было не так, и стоило приглядеться, это становилось очевидно. Каким-то непостижимым образом человек-в-форме-груши пробрался на ее эскиз.

— Я, — начала она, — я… да, ты прав, я все переделаю. Не знаю, как такое могло произойти. Я сменила квартиру, оказалось, что рядом живет совершенно отвратительный тип, которого все называют человеком-в-форме-груши. Он действует мне на нервы. Клянусь, все получилось случайно. Похоже, я слишком много о нем думала, и это оказало влияние на мою работу.

— Понимаю, — кивнул Адриан. — Ну, не вижу никаких проблем, тебе просто нужно исправить нашего героя. Однако у нас мало времени.

— Я сделаю исправления на выходных и вернусь в понедельник, — обещала Джесси.

— Прекрасно! А теперь поговорим о других заказах.

К тому времени, когда Джесси вышла из кабинета, она чувствовала себя значительно лучше.

Потом она зашла выпить в свой любимый бар, встретилась с друзьями и прекрасно пообедала в новом японском ресторане. Когда девушка вернулась домой, уже стемнело. Человека-в-форме-груши нигде не было видно. Держа папку в одной руке,

она вытащила ключи и открыла дверь.

Когда Джесси вошла внутрь, то услышала слабый хруст под каблуком. Она раздавила клубок оранжевых червяков на синем ковре.

Это был все тот же бесформенный ужасный сон. Джесси стояла в темноте возле его двери, рядом с мусорными баками, в которых ползали какие-то существа. Она была напугана, боялась постучать или открыть дверь и все же не могла уйти. Наконец дверь распахнулась сама. На пороге стоял он и улыбался, улыбался.

— Хочешь остаться? — спросил он, и последнее слово разнеслось эхом: *остаться, остаться, остаться,* и он протянул к ней руку, пальцы, когда он коснулся ее щеки, были мягкими и мясистыми, точно червяки.

На следующее утро Джесси явилась в офис учета городской недвижимости. Секретарша сказала, что Эдвард Селби показывает покупателям дома; она не знает, когда он пожалует в офис.

— Ничего страшного, — ответила Джесси. — Я подожду. — Она уселась в кресло и стала листать журналы с фотографиями домов, которых ей никогда не купить.

Селби явился в одиннадцать. Он слегка удивился, увидев девушку, но тут же включил профессиональную улыбку.

— Джесси, как мило! Чем могу помочь?

— Давай поговорим, — сказала она, откладывая журналы.

Они подошли к письменному столу Селби. Он по-прежнему был компаньоном фирмы, сдающей дома в аренду, поэтому делил кабинет с другим агентом, но сейчас она ушла по своим делам, и они остались вдвоем. Селби уселся в кресло и откинулся на спинку. Он был симпатичным мужчиной с курчавыми каштановыми волосами и белыми зубами. Глаза Эдварда внимательно смотрели на Джесси сквозь круглые очки.

— У тебя возникли проблемы? — спросил он.

Джесси подалась вперед.

— Человек-в-форме-груши, — сказала она.

Селби приподнял бровь.

— Понятно. Безобидный чудак.

— Ты уверен?

Он пожал плечами.

— Насколько мне известно, он сих пор никого не убил.

— А что тебе о нем известно? Для начала, как его зовут?

— Хороший вопрос. — Эдвард улыбнулся. — Здесь мы называем его человек-в-форме-груши. Я никогда не слышал, чтобы его звали иначе.

— Проклятье! — взорвалась Джесси, — Неужели ты будешь утверждать, что на его чеках написано: ЧЕЛОВЕК-В-ФОРМЕ-ГРУШИ?

Ее собеседник откашлялся.

— Ну, нет, конечно. На самом деле он не пользуется чеками. Я захожу к нему первого числа каждого месяца, чтобы получить арендную плату, стучусь в дверь, и он платит наличными. Больше того, он всегда рассчитывается купюрами по одному доллару. Я стою, а он отсчитывает деньги мне в руку, доллар за долларом. Должен признаться, Джесси, я никогда не вхожу внутрь квартиры, да и желания у меня не возникает. Там такой странный запах, ты, наверное, знаешь? Но для нас он хороший съемщик. Всегда вовремя платит. Никогда не возражает, когда плата увеличивается. И не пытается всучить нам чеки, по которым банк отказывается платить. — Эдвард снова улыбнулся, показав белые зубы, чтобы подчеркнуть: он шутит.

Однако Джесси не ответила на его улыбку.

— Но он должен был сообщить свое имя, когда снимал квартиру.

— Мне об этом ничего не известно. Я работаю здесь только шесть лет. А он живет в своем подвале значительно дольше.

— Но почему ты не можешь проверить контракт об аренде?

Селби нахмурился.

— Ну, наверное, я могу его отыскать. Но какое тебе дело до его имени? И почему ты так о нем беспокоишься? Что такого сотворил человек-в-форме-груши?

Джесси откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди.

— Он смотрит на меня.

— Ну, ты привлекательная женщина… — осторожно проговорил Селби. — Припоминаю, что я сам приглашал тебя на свидание.

— Но тут все иначе, — возразила она. — Ты нормальный. Все дело в том, как он на меня смотрит.

— Раздевает тебя глазами?

Она смущенно покачала головой.

— Нет, дело в другом. Секс не имеет к этому отношения, во всяком случае в общепринятом смысле слова. Я даже не знаю, как тебе объяснить. Он приглашает меня зайти в свою квартиру. И все время болтается неподалеку от меня.

— Ну, он ведь там живет.

— Он пугает меня. И пробрался в мои эскизы.

На сей раз обе брови Селби поползли вверх.

— В твои эскизы? — Его голос дрогнул.

Джесси все больше приходила в замешательство; разговор шел совсем не так, как она рассчитывала.

— Ладно, я понимаю, что мои доводы не производят впечатления, но он вызывает ощущение гадливости. У него всегда влажные губы. И то, как он улыбается. Его глаза. Визгливый голос. И этот запах. Господи, ты ведь берешь с него плату, ты должен знать!

Эдвард беспомощно развел руками.

— Человек не нарушает никаких законов, если от него пахнет. Он не нарушает условий аренды.

— Вчера вечером он проник в коридор и оставил на полу горсть «Чиз Дуддлс» — я на них наступила.

— «Чиз Дуддлс»? — сказал Селби. В его голосе появились скептические нотки. — Господи, только не «Чиз Дуддлс»! Какой чудовищный поступок! Надеюсь, ты обратилась в полицию?

— Это не смешно. Что он делал в коридоре?

— Он там живет.

— Он живет в подвале. У него отдельный вход, ему нет необходимости появляться рядом с нашими дверьми. Никто, кроме шести съемщиков, не должен иметь ключа от внешней двери.

— Насколько мне известно, ты совершенно права. — Селби вытащил из стола блокнот. — Вот это уже кое-что. Я велю сменить замок на двери. И человек-в-форме-груши не получит ключа. Тебе станет легче?

— Немного, — слегка успокоившись, ответила девушка.

— Но я не могу обещать, что он не сумеет войти, — предупредил Селби. — Ты же знаешь, как это бывает. Если бы я получал пять центов с каждого съемщика, когда они не закрывают за собой дверь…

— Не беспокойся, я сама об этом позабочусь. А как насчет его имени? Ты проверишь договор?

— Но это нарушение конфиденциальности. — Он вздохнул. — И все же я готов пойти тебе навстречу. С тебя причитается. — Он встал и подошел черному шкафчику, где помещалась картотека, вытащил ящик, немного порылся в нем и вернулся к столу с папкой, в которой быстро пролистал листочки.

— Ну? — нетерпеливо спросила Джесси.

— Хм-м-м… Вот твой договор. А вот и остальные. — Он вернулся к началу и стал проверять договоры один за другим. — Уинбрайт, Пибоди, Пьюметти, Харрис, Джеффрис. — Он закрыл папку и пожал плечами. — Договора нет. Ну, это убогое подвальное помещение, и он живет там с незапамятных времен. Либо мы потеряли договор, либо его никогда не было. Такие

случаи известны. Всякий раз съемщик продлевает аренду на месяц…

— Замечательно! — вздохнула Джесси. — И что ты намерен предпринять?

— Сменю замок. Я не собираюсь выселять человека за то, что он предложил тебе «Чиз Дуддлс».

Человек-в-форме-груши со своей потрепанной сумкой стоял на крыльце, когда Джесси вернулась домой. Он улыбнулся, когда увидел приближавшуюся девушку.

«Пусть он до меня дотронется, — подумала Джесси, — пусть он дотронется, когда я прохожу мимо, и я посажу его за решетку за нападение — он и глазом моргнуть не успеет».

Однако человек-в-форме-груши не предпринял никаких попыток ее схватить.

— Я хочу кое-что показать тебе внизу, — сказал он, когда Джесси поднималась по ступенькам. Ей пришлось пройти всего в футе от него; сегодня запах был особенно сильным: прогорклые дрожжи и гниющие овощи. — Хочешь взглянуть на мои вещи?

Джесси молча отперла дверь, вошла внутрь и захлопнула ее за собой.

«Я не стану о нем думать», — сказала она себе, когда устроилась на кухне, чтобы выпить чашку чая. Нужно работать. В конце концов, она обещала Адриану переделать эскиз к понедельнику.

Джесси вошла в студию, отодвинула занавески, твердо решив стереть с картины все следы человека-в-форме-груши. Она закрасила двойной подбородок, подправила челюсть. Переписала влажные губы, сделала волосы более темными и густыми. Представим, что их растрепал ветер, — тогда голова не будет казаться заостренной. Она сделала герою ярко выраженные скулы — теперь лицо стало худощавым. Художница даже изменила цвет глаз. Зачем герою такие слабые бледные глаза? И она сделала их яркими, зелеными и полными жизни.

Когда она закончила, наступила полночь, и Джесси поняла, что устала. Но когда она отступила от мольберта, то осталась удовлетворена своей работой. Мужчина превратился в настоящего героя «Пируэтт»: распутный мошенники скандалист с меланхоличной и поэтичной душой. И он не имел ничего общего с грушей. Адриан будет в восторге.

Ей нравилась такая усталость. Джесси отправилась спать, довольная собой. Быть может, Селби прав; она напридумывала себе всяких глупостей, позволила человеку-в-форме-груши напугать себя. Но любимая работа, упорный труд станут

прекрасным средством от невнятных страхов. Она не сомневалась, что будет спать крепко и ее не посетят кошмары.

Джесси ошиблась — сон не принес ей облегчения. Она вновь, дрожа, стояла на ступеньках крыльца. Здесь было темно и грязно. Сильный запах гниения от мусорных баков сводил с ума, ей казалось, что она слышит, как в них кто-то шевелится. Дверь начала открываться. Человек-в-форме-груши улыбнулся ей и коснулся холодными мягкими пальцами, похожими на сгусток червей. Он взял ее за руку и увлек за собой внутрь, внутрь, внутрь, внутрь…

В десять часов утра в дверь ее комнаты постучала Анжела.

— Поздний воскресный завтрак, — позвала она. — Дон сделал вафли. С шоколадной стружкой и свежей клубникой. Есть омлет с беконом. И кофе. Апельсиновый сок. Хочешь?

Джесси села на постели.

— Дон? Он здесь?

— Он остался ночевать.

Девушка встала и, прыгая на одной ноге, принялась натягивать заляпанные краской джинсы.

— Кто же откажется от завтраков Дона? Я даже не слышала, как вы вернулись.

— Я заглянула к тебе в студию, но ты с таким увлечением рисовала, что не обратила на меня внимания. У тебя был такой сосредоточенный вид, ну, ты знаешь — когда язык слегка торчит из уголка рта. И я решила, что нельзя отвлекать художника от работы. — Она захихикала. — Только не понимаю, как ты умудрилась не услышать скрип пружин.

Завтрак прошел с оглушительным успехом. Иногда Джесси не понимала, что Анжела находит в Дональде, но блюда, которые он готовил, компенсировали многие его недостатки.

Анжела и Дональд допивали кофе, а Джесси — чай, когда из коридора послышался шум. Анжела пошла проверить.

— Там какой-то тип меняет замок, — сообщила она, вернувшись. — Интересно, что это значит?

— Будь я проклята, — пробормотала Джесси. — В воскресенье! Вот уж не ожидала, что Селби отреагирует так быстро.

Анжела с любопытством посмотрела на нее.

— А что случилось?

И Джесси рассказала ей о встрече с Эдвардом Селби и своих столкновениях с человеком-в-форме-груши. Пару раз Анжела принималась хихикать, а Дональд сидел с мудрым лицом

опытного психиатра.

— Ответь мне, Джесси, — осведомился он, когда она закончила, — тебе не кажется, что твоя реакция не совсем адекватна?

— Нет.

— Ты отгораживаешься от всего мира, — продолжал Дональд. — Постарайся взглянуть на свои действия со стороны. Что этот человек тебе сделал?

— Ничего, и я намерена сохранить такое положение, — резко ответила Джесси. — Кроме того, я не интересовалась твоим мнением.

— А тебе и не следовало интересоваться, — заявил Дональд. — Мы ведь друзья, не так ли? И мне не нравится, что ты так переживаешь из-за ерунды. У меня создается впечатление, что у тебя появилась фобия на безобидного соседа.

Подруга захихикала:

— Он в тебя влюбился, вот и все. Ты настоящая серцеедка.

— Тебе бы не было смешно, если бы он оставил «Чиз Дуддлс» для тебя, — сердито сказала Джесси. — Тут что-то… не так. Я чувствую.

Дональд пожал плечами.

— Что-то не так? Совершенно верно. Этот человек не умеет нормально общаться. Он некрасив, плохо одевается, не имеет представления о нормах гигиены, у него странные пристрастия в еде, и он явно плохо понимает других людей. Почти наверняка он очень одинок и подвержен неврозам. Но из этого еще не следует, что он убийца или насильник, не так ли? Почему ты одержима им?

— Вовсе нет.

— Но это не вызывает ни малейшего сомнения, — настаивал на своем Дональд.

— Она влюбилась, — вмешалась Анжела.

Джесси встала.

— Я *вовсе* им не одержима! И нам пора заканчивать эту дискуссию…

Ночью, во сне, Джесси в первый раз попала в его квартиру. Он увлек ее за собой, и девушка не нашла в себе сил противиться. Внутри было слишком светло, тепло и влажно, ей вдруг показалось, что она находится в пасти огромного зверя, стены были оранжевыми и чешуйчатыми, со всех сторон струился диковинный сладкий запах, повсюду валялись пустые пластиковые бутылки из-под кока-колы и стояли миски, наполовину заполненные «Чиз Дуддлс», а человек-в-форме-груши

сказал:

— Ты можешь посмотреть на мои вещи, ты можешь взять мои вещи.

И он начал раздеваться, расстегнул пуговицы рубашки с коротким рукавом, стянул ее через голову, обнажив мертвенно-бледную безволосую дряблую грудь, испачканную синей пастой из текущих ручек. Человек-в-форме-груши улыбался, расстегивая тонкий ремень, а потом молнию своих коричневых брюк, и Джесси с криком проснулась.

В понедельник утром Джесси упаковала эскиз, позвонила в службу доставки и отправила его в «Пируэтт». Сегодня у нее не было настроения ехать в центр. Адриан обожает поболтать, а она никого не хотела видеть. Подруга продолжала подкалывать ее по поводу мерзкого соседа, и настроение у Джесси испортилось окончательно. Ей необходимо доказать, что он опасен. Она должна узнать его имя, выяснить, что он скрывает.

Конечно, можно нанять детектива, вот только стоить это будет очень дорого. Нет, она сумеет кое-что предпринять сама. Можно попытаться еще раз заглянуть в его почтовый ящик. Пожалуй, лучше подождать, когда принесут счета за газ и электричество. В его квартире постоянно горит свет, электрическая компания должна знать его имя. Проблема заключалась в том, что счета придут только через две недели.

Вдруг Джесси заметила, что окна в гостиной широко распахнуты, даже занавеска сдвинута в сторону. Наверное, перед уходом на работу это сделала Анжела. Поколебавшись, Джесси подошла к окну. Она закрыла его и заперла на задвижку, затем сделала то же самое со следующим. Она сразу почувствовала себя в безопасности. Я не буду выглядывать наружу, сказала себе Джесси. Так будет лучше. И не удержалась. Человек-в-форме-груши стоял на тротуаре и смотрел вверх.

— Ты можешь посмотреть на мои вещи, — произнес он своим высоким визгливым голосом, — Как только я тебя увидел, то сразу понял, что ты захочешь на них посмотреть. Тебе они понравятся. Мы сможем поесть. — Он засунул руку в разбухший карман брюк, вытащил оранжевого червяка и протянул его Джесси. Его рот продолжал беззвучно шевелиться.

— Уходи отсюда, или я позвоню в полицию! — крикнула Джесси.

— У меня для тебя кое-что есть. Зайди в мой дом, и ты сможешь это получить. Оно в моем кармане. Я тебе отдам.

— Нет, у тебя ничего не выйдет. Уходи прочь, я тебя предупреждаю. Оставь меня в покое! — Она отступила назад и

задернула шторы.

В комнате сразу же стало темно, но теперь человек-в-форме-груши не мог на нее смотреть. Джесси включила свет, взяла книгу и попыталась читать. Вскоре она обнаружила, что быстро переворачивает страницы, но не имеет ни малейшего представления о прочитанном. Захлопнув книгу, девушка решительно направилась на кухню, сделала себе огромный сэндвич с салатом из тунца. Ей захотелось еще чего-нибудь добавить, но она не могла решить, что именно. Тогда она взяла маринованный огурчик, разрезала его на четвертинки, аккуратно разложила на тарелке и нашла на полке картофельные чипсы. Налила себе большой стакан молока и принялась за еду.

Она попробовала сэндвич, состроила гримасу и отложила его в сторону. У него был какой-то странный вкус, неужели майонез испортился? Огурец показался ей кислым, чипсы сырыми и слишком солеными. Да и вообще, она хотела не чипсов, а чего-то другого. Немного маленьких оранжевых сырных завитков. Джесси вдруг с неожиданной четкостью представила их себе, ощутила вкус. Рот наполнился слюной.

Потом она поняла, о чем думает, и к горлу подкатила тошнота. Ей необходимо выбраться отсюда, сходить в кино, забыть о человеке-в-форме-груши хотя бы на несколько часов. Быть может, зайти в бар для одиночек, найти кого-нибудь и переспать с ним. У него дома. Подальше отсюда. Подальше от человека-в-форме-груши. В этом ее спасение. Ночь, проведенная вне ее квартиры, должна помочь.

Девушка подошла к окну, отодвинула штору и выглянула наружу.

Человек-в-форме-груши улыбнулся и переступил с ноги на ногу. Он все еще держал в руках свою бесформенную сумку. Его карманы выпячивались наружу. Нет, Джесси не позволит человеку-в-форме-груши превратить ее в затворницу.

Засунув на всякий случай маленький нож для бифштексов в сумочку, девушка решительно вышла из дома.

— Ты хочешь посмотреть, что лежит у меня в сумке? — спросил сосед, когда она спускалась по лестнице.

Если сделать вид, что она его не замечает, возможно, человек-в-форме-груши оставит ее в покое. Спустившись по лестнице, Джесси быстро зашагала по улице. Сосед последовал за ней.

— Они вокруг нас, — шептал он, слегка задыхаясь. — Да. Они рядом. Они смеются надо мной. Они не понимают, но хотят мои вещи. Я могу предъявить тебе доказательства. Они в моем доме. Я хочу, чтобы ты пришла и посмотрела.

Джесси продолжала идти вперед, не поворачивая головы. Он проводил ее до автобусной остановки.

Фильм оказался отвратительным. Поскольку Джесси пропустила ленч, ей ужасно хотелось есть. Она купила кока-колу и упаковку воздушной кукурузы. В напитке было слишком много льда, но Джесси он понравился. А вот воздушную кукурузу она есть не смогла. У масла был какой-то прогорклый вкус, напомнивший ей о человеке-в-форме-груши. Она отправила в рот пару зернышек, и ее тут же затошнило.

Но потом все стало исправляться. Его звали Джек — так он сказал. Он работал звукооператором на телевидении, и у него было интересное лицо: спокойная улыбка, уши Кларка Гейбла, симпатичные серые глаза с милыми морщинками в уголках. Он угостил Джесси бокалом вина и коснулся ее руки; движение показалось немного неловким, словно он смущался, но ей понравилось. Они выпили еще пару бокалов, а потом он предложил угостить ее обедом у себя дома. У него кое-что припасено в холодильнике; он обещал сделать гигантские сэндвичи и показать ей стереосистему, которую сделал сам. Джесси такой поворот событий вполне устроил.

Квартира Джека находилась в центральной части города, на двадцать третьем этаже, откуда открывался превосходный вид на белые паруса яхт, покачивавшихся на горизонте. Джек поставил новый альбом Линды Ронстадт и занялся сэндвичами. Джесси наблюдала за яхтами. Она начала успокаиваться.

— У меня есть пиво и чай со льдом! — крикнул Джек из кухни. — Что ты предпочитаешь?

— Кока-колу, — рассеянно ответила Джесси.

— Кока-колы нет! Пиво или чай со льдом!

— Ладно, — огорченно отозвалась Джесси, — пусть будет чай.

— Договорились. Ржаной хлеб или пшеничный?

— Мне все равно, — ответила она.

Яхты двигались с удивительной грациозностью. Она бы с удовольствием их нарисовала. Как и Джека. Наверное, у него чудесное тело.

— А вот и я, — сказал он, появляясь на пороге комнаты с подносом в руках. — Надеюсь, ты проголодалась.

— Ужасно, — ответила Джесси, отворачиваясь от окна.

Она подошла к сервированному столу и застыла.

— Что случилось? — спросил Джек.

Он держал в руках белую керамическую тарелку. В самом центре располагался роскошный сэндвич с ветчиной и салатом,

щедро политый горчицей. А рядом, занимая оставшуюся часть тарелки, лежала горка оранжевых сырных палочек. Казалось, они шевелятся, подползая к сэндвичу и к ней.

— Джесси?

Она выкрикнула что-то неразборчивое и резко оттолкнула тарелку в сторону. Джек не удержал ее в руках; ветчина, хлеб, салат и сырные палочки «Чиз Дуддлс» разлетелись по полу. Джесси развернулась и выбежала из квартиры.

Джесси провела одинокую ночь в отеле и даже здесь, в нескольких милях от своей квартиры, не смогла избавиться от кошмарного сна. Она стояла на крыльце и со страхом ждала. Дверь открылась, и сосед втащил ее внутрь, она оказалась в оранжевом теплом воздухе, подобном зловонному дыханию, а человек-в-форме-груши улыбался и бормотал:

— Ты можешь посмотреть мои вещи… ты можешь взять мои вещи.

После чего он начинал раздеваться, снимал рубашку, открывая белую рыхлую грудь с синей отметиной, а потом расстегивал ремень, и его брюки сползали на пол, образуя маленькую горку у его ног, а содержимое карманов разлеталось по полу. Джесси видела, что этот человек и в самом деле имеет форму груши, и дело вовсе не в одежде. Наконец последними падали полосатые трусы, и Джесси не могла отвести взгляд в сторону, там также не было волос, а он оказался маленьким, похожим на желтоватого червяка, вроде сырной палочки, и слегка двигался, а человек-в-форме-груши говорил:

— Я хочу твои вещи сейчас, дай их мне, дай мне посмотреть на твои вещи.

И почему-то она не могла бежать, ее ноги словно приросли к полу, а вот руки — нет, и Джесси начала раздеваться.

Ее разбудил детектив отеля, он громко стучал в дверь, чтобы узнать, почему она кричит.

Она постаралась вернуться домой в такое время, когда сосед отправлялся к Сантино. В квартире было пусто. Анжела ушла на работу, вновь оставив окна гостиной открытыми. Джесси закрыла их и задвинула шторы. Если повезет, человек-в-форме-груши не узнает, что она вернулась домой.

День выдался удушающе жарким. Похоже, дальше будет только хуже. Джесси вспотела и чувствовала себя грязной. Она разделась. Бросила одежду в плетеную корзину для белья и приняла холодный душ. Ледяная вода обжигала кожу, но это была приятная, очищающая боль, и девушка ощутила прилив энергии.

Она вытерла волосы, завернулась в пушистое голубое полотенце и босиком прошлепала в спальню, оставляя на деревянном полу влажные следы.

Джесси уже решила, как проведет день. Оденется, немного поработает в студии, а потом почитает или посмотрит по телевизору сериал. Она не станет выходить на улицу; даже в окошко выглядывать не будет. Если человек-в-форме-груши вновь встанет на стражу, ему предстоит долгий и скучный день.

Девушка разложила шорты и белый лифчик на постели, бросила влажное полотенце на спинку кровати и подошла к шкафу, чтобы взять чистые трусики. Из розового кружева выпала оранжевая сырная палочка.

Джесси отпрянула назад, дрожа от отвращения. Палочка находилась внутри, с ужасом подумала она, она была внутри трусиков. Девушка смяла их в кулаке и с отвращением отбросила в сторону. Затем схватила другие, встряхнула, и наружу вывалилась еще одна сырная палочка. А потом еще одна. И еще. Она истерически закричала, но продолжала вытаскивать трусики. Отвратительная шутка! Наверное, это сделала Анжела или ей помогал Дональд. Они вместе это придумали. Человек-в-форме-груши вызывал у них смех, поэтому они решили ее напугать.

Однако Джесси понимала, что подруга не могла так поступить.

Джесси разрыдалась. Побросав трусики на пол, она выбежала из спальни, давя «Чиз Дуддлс» на ковре.

Оказавшись в гостиной, девушка не знала, куда ей деваться. Она не могла вернуться в спальню, во всяком случае не сейчас, пока не пришла Анжела, и не хотела подходить к окну, хотя шторы и были задернуты. Он был там, Джесси это чувствовала. Девушка вдруг вспомнила, что стоит голая посреди гостиной, и прикрылась руками. Она отошла от окон и неуверенно направилась в свою студию.

К большому прямоугольному пакету была приколота записка от Анжелы:

«Джесс, пакет доставили вчера вечером».

Она, как и всегда подписалась большой буквой А. Джесси с недоумением посмотрела на посылку. Она была из «Пируэтт». Эскиз, который она так торопилась переделать. Адриан прислал его обратно. Почему?

Она не хотела знать. Она должна знать.

Джесси нетерпеливо сорвала коричневую оберточную бумагу и посмотрела на эскиз. Адриан написал на обороте несколько слов; она узнала его почерк.

«Не смешно, подруга. Забудем об этом».

— Нет, — простонала Джесси, отступая на несколько шагов.

Она смотрела на картину. Знакомый фон, тесные объятия, тщательно прописанные костюмы — но нет, она этого не делала, это не ее работа! Женщина нарисована ее рукой — стройная фигура, светлые длинные волосы и зеленые глаза, полные страсти, она влюблена в него, в него, влажные губы и белая кожа, на его кружевной рубашке чернильное пятно, а на бархатном камзоле следы перхоти. Заостренная голова, жирные волосы, пальцы, которые он запустил в ее локоны, пожелтели, он прижимает ее к себе и улыбается. Рот девушки приоткрыт, нет, это она, Джесси, и он…

— Нет, — повторила она.

Она сделала еще один шаг назад, зацепилась за мольберт и упала. Джесси так и осталась лежать на полу, сжавшись в комок. Здесь ее и нашла вернувшаяся через несколько часов Анжела.

Анжела устроила ее на диване и положила холодный компресс на лоб. Дональд стоял на пороге между гостиной и студией, хмуро переводя взгляд с Джесси на эскиз. Анжела говорила успокаивающие слова и держала ее за руку. Потом она принесла чашку чая.

Постепенно истерика прошла. Наконец, когда девушка вытерла слезы, Дон сказал:

— Твоя одержимость зашла слишком далеко.

— Не надо, Дон, — Анжела умоляюще посмотрела на него, — она ужасно напугана.

— Я и сам вижу, — не унимался Дональд. — Вот почему необходимо что-то предпринять. Она сама это делает с собой, дорогая.

Джесси застыла с чашкой горячего чая в руке.

— Я сама это с собой делаю? — не веря своим ушам, спросила она.

— Безусловно, — заявил Дональд.

Его самодовольный вид неожиданно вызвал у девушки ярость.

— Ты глупый невежественный сукин сын! — закричала она. — Я это делаю с собой, я это делаю, да как ты смеешь такое говорить! — И она швырнула чашку с горячим чаем, делясь в его наглую рожу.

Мужчина уклонился; чашка разбилась, и чай оставил темные разводы на белой стене.

— Продолжай, выплесни весь свой гнев, — сказал он. — Я знаю, ты расстроена. Когда успокоишься, мы обсудим происходящее. Быть может, сумеем добраться до причины твоих

проблем.

Подруга взяла ее за руку, но Джесси вырвалась и сжала руки в кулаки.

— Сходи в мою спальню, придурок, зайди туда, посмотри по сторонам, а потом вернись сюда и расскажи, что ты там видел.

— Если хочешь, — пожав плечами, ответил Дональд и скрылся за дверью. Вскоре он вернулся.

— Ну вот, я сделал, как ты хотела.

— Ну? — нетерпеливо спросила девушка.

Дональд вновь пожал плечами.

— Там беспорядок. На полу валяются трусики и полно раздавленных сырных палочек. И что, по-твоему, это значит?

— Он забрался ко мне!

— Человек-в-форме-груши? — вежливо осведомился Дональд.

— Конечно! Он прокрался сюда, пока нас не было дома, залез в мою комнату, трогал мои вещи, а потом засунул «Чиз Дуддлс» в мое нижнее белье. Он был здесь!

Дон посмотрел на нее с выражением сочувственного и мудрого терпения.

— Джесси, дорогая, подумай о том, что сейчас нам сказала.

— Тут не о чем думать!

— Конечно есть. Давай сделаем это вместе. Ты считаешь, что человек-в-форме-груши был здесь?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы сделать то, что он сделал. Это отвратительно. Он отвратителен.

— Но как он сюда попал? Ты помнишь, что у нас сменили замки? И у него никогда не было ключа от нашей квартиры. Мы не видим ни малейших следов взлома.

Что тут можно было возразить?

— Анжела оставила окна гостиной открытыми.

— Да, я не закрыла окна, — призналась подруга. — О Джесси, милая, извини. Было так жарко. Я хотела проветрить и не предполагала…

— Окна находятся слишком высоко, до них не достать с тротуара, — вмешался Дональд, — Ему потребовалась бы лестница. К тому же они выходят на улицу, где всегда есть люди. А потом ему нужно было выбраться из квартиры, тем же путем. И он не выглядит атлетом.

— Он это сделал, — не сдавалась Джесси. — Он здесь был.

— Ты когда-нибудь приглашала в гости человека-в-форме-груши?

— Конечно нет! К чему ты клонишь?

— Ни к чему, Джесс. Подумай сама. Он залез в окно с пакетом сырных палочек, чтобы засунуть их в шкаф с твоими вещами. Отлично. А как он узнал, какая из комнат твоя?

Девушка сдвинула брови.

— Он… я не знаю… наверное, осмотрел все.

— И что он мог найти? Здесь три спальни, одна студия, и в двух спальнях полно женской одежды. Как он выбрал твою?

— Возможно, он проделал это в обеих спальнях.

— Анжела, пожалуйста, осмотри свою комнату, — попросил Дональд.

Она недоуменно пожала плечами.

— Ладно.

Джесси и Дональд молча смотрели друг на друга, пока она не вернулась.

— Там порядок, — сообщила девушка.

— Понятия не имею, как он определил, что это моя комната, — Джесси устало вздохнула. — Но он ее нашел. Как еще можно объяснить то, что произошло? Или ты полагаешь, что я сделала это *сама?*

— Я не знаю, — спокойно ответил Дон и посмотрел поверх ее плеча в сторону студии. — Однако возникают и другие вопросы. Этот эскиз к обложке… Над ним работал хороший художник. Почти такой же хороший, как ты. И он должен был внести исправления после того, как ты его закончила, но до того, как отправила в «Пируэтт».

Джесси изо всех сил старалась не думать об эскизе. Она открыла рот, чтобы возразить Дону, но ничего не смогла придумать и закрыла рот, по ее щекам побежали слезы. Друзья внимательно смотрели на нее.

— Что же мне делать? Господи, что мне делать?

Бог ничего не ответил; за него это сделал будущий психиатр.

— Есть только один выход, — бодрым тоном сообщил он. — Посмотри в лицо своим страхам. Ты должна изгнать их. Спустись вниз и поговори с этим человеком, постарайся получше его узнать. Возможно, ты его пожалеешь, или начнешь презирать, или он тебе просто не понравится, но твой страх пройдет. И ты поймешь, что он всего лишь человеческое существо — и весьма жалкое.

— Ты уверен, Дон? — спросила Анжела.

— Абсолютно. Встреться с ним лицом к лицу, Джесси. Иначе ты не сможешь от него освободиться. Спустись в подвал, зайди в гости к человеку-в-форме-груши.

— Ты не должна бояться. — Анжела пристально смотрела на нее.

— Тебе легко говорить.

— Послушай, Джесс, как только ты войдешь к нему, мы с Доном выйдем из дома и сядем на крыльце. Мы будем рядом. Тебе будет достаточно негромко вскрикнуть, и мы моментально ворвемся к нему. Поэтому ты не останешься с ним наедине в полном смысле слова. У тебя ведь есть в сумочке нож?

Девушка кивнула.

— Ну, помнишь, как какой-то грабитель хотел отнять у тебя сумку? Ты классно ему врезала. И если человек-в-форме-груши попытается что-нибудь сделать, ты успеешь отреагировать. Ударь его ножом. И убегай. Позови нас на помощь.

— Наверное, ты права, — со вздохом согласилась Джесси.

Да, она не должна поддаваться страху, ей не о чем тревожиться, нечего бояться, человек-в-форме-груши ничего не сможет ей сделать. Ну что в нем такого ужасного? Ничего. Ничего!

Анжела похлопала ее по плечу, Джесси глубоко вздохнула, взялась за ручку двери и вышла из дома. Ее окутал влажный жаркий вечерний воздух. Все под контролем.

Так почему же ей так страшно?

Приближались сумерки, но под лестницей было уже темно. Джесси споткнулась, и ее нога задела о край металлического бака для мусора. Сколько мух, червей и других насекомых живут и размножаются здесь, в темноте, куда никогда не добираются лучи солнца… Нет, я не должна об этом думать, тут всего лишь мусор, гниющий в теплой влажной темноте.

Девушка остановилась перед дверью, подняла руку, чтобы постучать, но ею вновь овладел страх. Мне нечего бояться, сказала себе Джесси. Она стояла перед дверью с поднятой рукой, дыхание обжигало горло. Ей вдруг стало ужасно жарко — хотя бы глоток свежего воздуха!

Скорее выбирайся отсюда, если дорожишь своей жизнью!

Тонкая вертикальная полоска желтого света разрезала темноту. Нет, пожалуйста, нет.

Дверь открывалась.

Почему так медленно — как в ее снах? Почему она вообще открывается?

Дверь наконец распахнулась, и Джесси пришлось прищуриться. Изнутри лился ослепительно яркий свет.

На пороге стоял человек-в-форме-груши и улыбался ей.

— Я, — начала Джесси, — я… я…

— А вот и она, — произнес человек-в-форме-груши своим пронзительным голосом.

— Чего ты от меня хочешь? — выпалила девушка.

— Я знал, что она придет, — сказал он так, словно Джесси здесь не было. — Я знал, что она придет за моими вещами.

— Нет!

Ей так хотелось убежать, но ноги перестали повиноваться.

— Можешь зайти, — сказал человек-в-форме-груши.

Он поднял руку и протянул ее к лицу Джесси. Пять толстых белых червей, извиваясь, проползли по щеке. От пальцев-чсрвей пахло сырными палочками. Его мизинец коснулся уха девушки и попытался заползти внутрь. Она увидела, что вторая рука пришла в движение только после того, как он схватил ее за предплечье и потянул к себе. Джесси взвизгнула.

— Зайди и взгляни на мои вещи. Ты должна. Ты знаешь, что должна.

Каким-то непостижимым образом она оказалась внутри, и дверь захлопнулась у нее за спиной — теперь девушка находилась наедине с человеком-в-форме-груши.

Джесси попыталась взять себя в руки. Мне нечего бояться, повторила она свое заклинание.

«Нечего бояться… нечего бояться… что он может мне сделать… что он может сделать?»

Отвратительный сладковатый запах ударил Джесси в ноздри. Четыре голые электрические лампочки свисали прямо с низкого потолка. У противоположной стены стоял карточный столик на трех ножках, роль четвертой выполнял сломанный телевизор, из разбитого экрана торчали провода. На столике стояла большая миска с сырными палочками. Джссси отвернулась, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Она попыталась отступить на шаг, но задела ногой за пластиковую бутылку от кока-колы и едва не упала, но человек-в-форме-груши подхватил ее своей мягкой влажной рукой и помог удержаться на ногах.

Джесси поспешно высвободилась. Ее правая рука нырнула в сумочку и ухватилась за рукоять ножа. Девушка сразу же почувствовала себя лучше, сильнее. За заколоченным окном разговаривали Дональд и Анжела, звук их голосов успокоил ее. Джесси попыталась собрать все свое мужество.

— Как ты можешь жить в таких условиях? — спросила она. — Быть может, тебе нужна помощь, чтобы навести в комнате порядок? Ты болен? — Она с большим трудом заставляла себя произнести эти слова.

— Болен, — повторил человек-в-форме-груши. — Тебе сказали, что я болен? Тебя обманули. Обо мне все время лгут. Кто-то должен заставить их остановиться.

Если бы он только перестал улыбаться! У него такие мокрые

губы. И он все время улыбается.

— Я знал, что ты придешь. Вот. Это для тебя. — Он вытащил из кармана сырную палочку и протянул ее Джесси.

— Нет. — Девушка покачала головой. — Я не голодна. — И тут Джесси поняла, что говорит неправду. Ей безумно захотелось есть. Она обнаружила, что не может отвести глаз от толстой сырной палочки у него в руке. — Нет, — повторила она, но теперь ее голос прозвучал едва слышно.

Ее рот открылся, словно сам собой. Она ощутила вкус сырной палочки на языке, острый вкус сыра и сладость. Палочка захрустела у нее на зубах. Джесси проглотила угощение и слизнула оранжевые комочки с нижней губы. Ей хотелось еще.

— Я знал, что это ты, — продолжал человек-в-форме-груши. — Теперь твои вещи станут моими.

Джесси смотрела на него. Все происходило как в ее ночном кошмаре. Человек-в-форме-груши поднял руку и принялся расстегивать маленькие пластмассовые пуговицы своей рубашки, а затем сбросил ее. Под рубашкой оказалась желтая майка с огромными темными пятнами под мышками. Он снял майку, бросил на пол и приблизился к Джесси. Тяжелая белая грудь медленно колыхалась совсем рядом, справа виднелся синий след пасты. Темный маленький язык выскользнул из губ. Толстые белые пальцы расстегивали ремешок брюк, как отряд танцующих слизней.

— Это для тебя, — сказал он.

Костяшки пальцев Джесси, сжимавшие рукоять ножа, побелели.

— Прекрати, — хрипло выдохнула она.

Брюки упали на пол.

Это невозможно выдержать! Все, хватит. Хватит. Она вытащила нож из сумки и подняла его над головой.

— *Прекрати!*

— Ага! — сказал человек-в-форме-груши. — Вот оно!

Девушка ударила его ножом. Клинок вошел в его тело по рукоять, погрузившись в мягкую жирную белую плоть. Джесси повела его вниз, оставляя огромную рану. Человек-в-форме-груши продолжал улыбаться. Ни капли крови, бледное мертвое мясо.

Он подошел еще ближе, и Джесси вновь замахнулась. На сей раз он поднял руку и отвел клинок в сторону. Нож во-ткнулся ему в шею. Его мертвые белые руки тянулись к ней. Джесси толкнула его в грудь, и одна ее ладонь погрузилась в его тело, словно оно было сделано из мокрого гнилого хлеба.

— Ах, — сказал он, — ах-ах-ах.

Джесси открыла рот, чтобы закричать, и человек-в-форме-

груши прижал свои мокрые толстые губы к ее губам и проглотил ее крик. Его бледные глаза пили Джесси. Она ощутила, как его язык метнулся вперед, круглый и маслянистый, — и вот он уже погружается в нее.

Она тонула в море мягкой влажной плоти.

Джесси пришла в себя, услышав, как закрывается дверь. Негромкий щелчок, язычок замка скользнул на место, но этого оказалось достаточно. Девушка открыла глаза и с трудом села. Снаружи доносился смех. Они смеялись над ней. Смех был едва слышным, далеким, но она знала, что смеются над ней.

Ее рука коснулась бедра. Джесси пошевелила пальцами, и они задвигались, точно пять толстых червей. Под ногтями застряло что-то мягкое и желтое. Она закрыла глаза и провела рукой по своему телу, ощутив его изгибы и толщину. Стоило нажать посильнее, и мягкая плоть послушно поддавалась.

Девушка неловко поднялась на ноги. На полу валялась разбросанная одежда. Она подняла ее и медленно оделась. Ее сумка лежала у двери; она взяла ее, засунула под мышку, да, сумка ей пригодится. Джесси толкнула дверь и вышла на улицу. Уже стемнело. Она услышала голоса.

— …были совершенно правы, — говорила женщина, — я не могу поверить, что была такой глупой. В нем нет ничего зловещего, действительно, он просто жалок. Дональд, прямо не знаю, как тебя благодарить.

Джесси вышла из-за крыльца и остановилась. Как ужасно болят ступни!

Анжела, Дональд и стройная хорошенькая женщина в голубых джинсах и рубашке смотрели на нее.

— Вернись, — сказала она, и ее голос прозвучал визгливо. — Отдай их мне. Ты взяла их, ты взяла мои вещи. Ты должна вернуть их.

Женщина рассмеялась, и ее смех был подобен стуку кубиков льда в бокале с кока-колой.

— Ты уже более чем достаточно приставал к Джесси, — сказал Дональд.

— У нее мои вещи.

— Я видел, как она выходила из твоей квартиры, и у нее не было твоих вещей.

— Она взяла все мои вещи.

Дональд нахмурился. Женщина со светлыми волосами и зелеными глазами вновь рассмеялась и положила руку ему на плечо.

— Не бери в голову, Дон. Он не в себе.

Они все против нее, Джесси понимала это, глядя на их лица, и прижала сумку к груди. Она хотела есть. У него осталось полпачки «Чиз Дуддлс», вспомнила она. Внизу. Под крыльцом.

Человек-в-форме-груши открыл дверь и вошел, чтобы остаться. Здесь пахло, как дома. Он сел, положил сумку на колени и принялся за еду. Он засовывал сырные палочки в рот целыми пригоршнями, запивая большими глотками теплой кока-колы из бутылки, которую открыл сегодня утром. Или вчера. Очень вкусно. Никто не знает, как это вкусно. Они смеются над ним, но не знают о замечательных вещах, которые у него есть. Никто не знает. Наступит день, когда он станет кем-нибудь другим — и отдаст свои вещи тому, кто расстанется со своими собственными вещами. Да. Ему это понравится.

И ему известно, что нужно сказать.

notes

Примечания

1

Кабрини Грин — один из самых опасных районов Чикаго. *(Здесь и далее примечания переводчиков.)*

2

Персонаж комиксов, популярных среди детей (с 1941 года): рыжий мальчишка-школьник, организующий вместе со своими друзьями разные шалости и проделки.

3

Джозеф Медилл (1823–1899) — журналист канадского происхождения, редактор и издатель газеты «Чикаго трибюн». Сыграл важную роль при создании республиканской партии, выступал за освобождение рабов и раздачу им оружия, поддерживал А. Линкольна. В 1871 г. был избран мэром Чикаго.

4

Йохан Людвиг Рунеберг (1804–1877) — финский поэт, почетный член Петербургской АН (1876). Писал на шведском языке. Поэтический сборник «Сказания прапорщика Столя» посвящен русско-шведской войне 1808–1809 гг.

5

Героиня первого фильма «бондианы» «Доктор Но» (1962).

Перевод А. Етоева.

7

Аньяльский союз — антиабсолютисгская дворянская оппозиция в Финляндии (1788–1789).

8

Перевод А. Етоева.

9

Официальное обозначение категории призывников, не годных для прохождения военной службы из-за физических или умственных недостатков.

10

Автомобиль, задуманный фирмой «Форд» как массовый автомобиль среднего класса и названный именем сына Форда. Этот автомобиль с длинными задними крыльями в виде плавников, чудовищный «пожиратель бензина» спросом не пользовался и принес фирме убыток в полмиллиарда долларов.

11

Лонгфелло Г. «Корабли, уходящие в ночь».

12

Стихотворение английского поэта Мэтью Арнольда (1822–1888) «Дуврский берег».

13

От английского Judas.

14

Монета в десять центов.

15

Группа детей ходит от двери к двери и, угрожая какой-нибудь проделкой, требует их угостить.

16

Профессор Колумбийского университета, уволенный с работы в результате громкого скандала, разразившегося в 1958 году. Он был звездой телевидения 50-х, неизменным победителем викторины «21», и оказалось, что человеку-всезнайке заранее были известны ответы на вопросы.

17

Иммунолог, разработал противополиомиелитную вакцину, которая с 1954 года широко применялась в США.

18

Немецкий, затем американский ракетостроитель.

19

Телевизионное шоу (1956–1962), в котором люди рассказывали печальные истории из своей жизни.

20

Пищевая добавка, усилитель вкуса.

21

Подается в китайских ресторанах, в нем запекается бумажка с предсказанием судьбы.

22

Пирожное с начинкой из взбитого творога.

23

Автор знаменитой кулинарной книги, ему принадлежат слова: «Гурман, который думает о калориях, все равно что блудодей, посматривающий на часы».

24

Известный американский журналист и писатель, автор фразы: «Меня тошнит от здоровой пищи».

25

Шоу (1968–1971), которое вел Грэхем Керр — плейбой и гурман.

26

Персонаж американского радио и телевидения, известный с 1921 года. Она — первая кулинарная леди Америки, автор знаменитой, неоднократно издававшейся поваренной книги.

27

Келлогг Уилл Кит (1860–1951) — совместно с братом врачом-диетологом Джоном Харви разработал метод изготовления кукурузных хлопьев и основал компанию «Келлогге».